

Е.Ю. СПИЦЫН

**РОССИЯ – СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
1917–1945 гг.**

ПОЛНЫЙ КУРС ИСТОРИИ РОССИИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ТРЕТЬЯ
КНИГА

Е.Ю. СПИЦЫН

ИСТОРИЯ РОССИИ

Спицын Евгений Юрьевич

– историк, публицист, с отличием закончил исторический факультет МПГУ им. В.И. Ленина. Среди его учителей были многие крупные русские советские историки, в том числе доктора наук, профессора А.Г. Кузьмин, Н.И. Павленко, В.Б. Кобрин, В.Г. Тюкавкин, Л.М. Ляшенко, Г.А. Кошеленко и другие.

Е.Ю. Спицын двадцать лет работал учителем истории и директором одной из московских школ. Опубликовал десятки статей и несколько книг для учителей истории, абитуриентов и студентов исторических факультетов, в том числе «История России с древнейших времён до конца XIX века» (2000), «История русской культуры IV–VI вв.» (2004) и «История России 1894–1945 гг.» (2006).

Предлагаемый четырёхтомный труд по истории России создавался более 15 лет и предназначен, прежде всего, учителям истории и преподавателям исторических факультетов. Он также представляет несомненный интерес для преподавателей, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, старшеклассников и абитуриентов, а также для всех интересующихся прошлым нашего Отечества, дезориентированных существующей четверть века на книжном рынке и в сети Интернет литературой сомнительного содержания и качества, с крайне субъективными оценками и вульгарной трактовкой исторических событий, не имеющей ничего общего с научной интерпретацией фактов.

Е.Ю. Спицын

**РОССИЯ — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
1917–1945 ГГ.**

**Полный курс истории России для учителей,
преподавателей и студентов**

КНИГА 3

**Москва
2015**

УДК 94(47)075.8
ББК 63.3(2)я73
С72

Спицын, Е. Ю.
С72 **Россия — Советский Союз 1917–1945 гг.** Полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов. Книга 3 / Е. Ю. Спицын. — М.: Концептуал, 2015. — 400 с.
ISBN 978-5-906756-67-1

Предлагаемый четырехтомный труд по истории России создавался более 15 лет и предназначен прежде всего учителям истории и преподавателям исторических факультетов. Он также представляет несомненный интерес для преподавателей, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, старшеклассников и абитуриентов, а также для всех интересующихся прошлым нашего Отечества, дезориентированных существующей четверть века на книжном рынке и в сети Интернет литературой сомнительного содержания и качества, с крайне субъективными оценками и вульгарной трактовкой исторических событий, не имеющей ничего общего с научной интерпретацией фактов.

УДК 94(47)075.8
ББК 63.3(2)я73

СПИЦЫН Евгений Юрьевич

РОССИЯ — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ 1917–1945 ГГ.

Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов

Книга 3

Подписано в печать 30.09.2015 г.
Формат 70×100/16

Бумага офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № 4890

Отпечатано способом
ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru
E-mail: sales@chpd.ru
тел. 8(499)270-73-59

ISBN 978-5-906756-67-1

© Издательство «Концептуал», 2015
© Спицын Е. Ю., 2015

Репродуцирование (воспроизведение)
данного издания любым способом без
договора с автором запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Советская Россия и СССР в 1917–1941 гг.	7
Февральская революция в России (февраль – март 1917 г.)	7
Россия на перепутье: март – июль 1917 г.	16
Развитие революции в июле – октябре 1917 г.	25
Приход большевиков к власти (октябрь – ноябрь 1917 г.)	33
Рождение Советского государства (ноябрь 1917 – июнь 1918 гг.)	41
Брестский мир и его последствия (март – июль 1918 г.)	55
Советские республики в Новороссии (январь 1918 – февраль 1919 гг.)	65
Гражданская война в России 1918–1920 гг.	70
Политика военного коммунизма (1918–1921)	85
Переход к новой экономической политике. Ленинская концепция НЭПа (1921–1923)	102
Образование СССР и первый раунд борьбы за власть в 1922–1923 гг.	119
Борьба за лидерство в партии в 1923–1927 гг.	134
Внешняя политика СССР в 1920-х гг.	149
Культурное и научное строительство в СССР в 1917–1929 гг.	163
Строительство основ социализма в СССР. Индустриализация страны в конце 1920–1930-х гг.	203
Строительство основ социализма в СССР. Коллективизация сельского хозяйства страны в конце 1920–1930 гг.	223
Политический режим СССР в 1930-х гг. Проблема политических репрессий	235
Культурное строительство в СССР в 1930-х гг.	253
Внешняя политика СССР в 1930-х гг.	274
Литература	301
ГЛАВА ВТОРАЯ. СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	308
Начало Великой Отечественной войны	308
Первый период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.)	321
Второй период Великой Отечественной войны (19 ноября 1942 г. – 31 декабря 1943 г.)	349
Третий период Великой Отечественной войны (январь 1944 – 2 сентября 1945 гг.)	375
Литература	399

Эта книга родилась из моих лекций, которые на протяжении всех 1990-х и начала 2000-х гг. я писал к урокам истории для старшеклассников двух московских школ, в которых работал учителем истории, а потом директором одной из этих школ. Затем, в первой половине 2000-х гг., ряд лекций были опубликованы в виде трех отдельных книг. Но значительная часть материала осталась необработанной в силу разных причин. Весной прошлого года, когда был объявлен конкурс на создание нового учебника истории на базе нового историко-культурного стандарта, созданного по поручению президента В.В. Путина, я плотно сел за написание полного курса истории России, но так и не был допущен к участию в этом конкурсе...

Более писать ничего не буду и предоставлю слово своим коллегам, но замечу только, что: 1) пусть уважаемого читателя не пугает обилие фактов, событий, имен и т.д., поскольку я хотел дать максимальный объем сведений, чтобы вам не пришлось «лазить» в поисках нужной информации по другим источникам и ресурсам; 2) эта книга, как и предыдущие, вполне сознательно написана через призму историографии, поскольку в современном информационном мире изучать историю можно только историографически, что сразу снимет много проблем, в том числе и пресловутый вопрос о «едином учебнике истории», который в последний год приобрел характер настоящей истерии и разного рода спекуляций.

Е.Ю. Спицын

Данная работа **Евгения Юрьевича Спицына** — выпускника знаменитого истфака **МПГИ им. В.И. Ленина** весьма актуальна и очень нужна не только учителям истории, но и преподавателям высших учебных заведений, потому как дает, в условиях все более возрастающего объема информации по истории России, в которой много псевдонаучного и политически спекулятивного, по сути, в полном объеме и на высоком научном уровне историографию — дореволюционную, советскую, современную — по всем проблемам отечественной истории, начиная с этногенеза славян и кончая XVII веком. Тем самым представляя собой прекрасный историографический путеводитель, который позволит читателю — и прежде всего учителю, которому скоро придется преподавать по так называемому единому учебнику истории, — быть в курсе основных точек зрения на все аспекты нашей многовековой истории. Следовательно, в какой-то мере он позволит скорректировать и нейтрализовать многие ошибки и просчеты таких учебников.

Подобных, весьма обстоятельных, пособий для учителей у нас никогда не было, хотя учителями всегда обращалось особое внимание на острейший дефицит именно историографической информации. Автор, проработав много лет учителем истории и директором одной из московских школ, в курсе этих проблем, что, видимо, и стало одной из причин его обращения к решению этой, весьма непростой задачи, требующей основательных знаний и способности разобраться во всех аспектах мнений по самому широкому спектру проблем отечественной истории. И автор блестяще справился с поставленной задачей: книга написана

живо, хорошим языком, все им аккуратно и совершенно по делу разложено «по полочкам».

*Доктор исторических наук,
профессор В. В. Фомин*

Проделанная **Евгением Юрьевичем Спицыным** работа по написанию фундаментальной книги по истории России XVIII – XX веков заслуживает большого уважения и представляет несомненный интерес не только для специалистов-историков, но и для всех интересующихся прошлым нашего Отечества. Особую ценность данный труд, конечно, имеет для учителей общеобразовательных школ, дезориентируемых наличием на книжном рынке и в сети Интернет обилием самой разнообразной литературы, часто весьма сомнительного содержания, с крайне субъективными оценками и вульгарной трактовкой событий, не имеющей ничего общего с научной интерпретацией фактов. В этих условиях крайне важной видится попытка автора предоставить учителям добротный навигатор, дающий четкие ориентиры в море самых различных изданий, наводнивших за последние десятилетия не только книжные развалы, но и осевшие на стеллажах школьных библиотек. Именно эту роль и призвана выполнить прекрасная работа **Е.Ю. Спицына**.

К ее безусловным достоинствам следует отнести ясность формулировок, органическое включение историографических сюжетов в канву изложения всех исторических событий, подробную характеристику источников и внятную методологическую позицию автора. Эмоциональная окрашенность текста, не портит общего впечатления от изложения. Напротив, она призвана акцентировать внимание читателей на многие проблемы, которые до сих пор не имеют однозначного решения в науке, что требует особой концентрации и включения в процесс познания истории всего внутреннего мира читателя. Ведь, без попытки установить сопричастность и неразрывную связь с минувшим, с восстановлением всего культурно-исторического контекста, понять всю сложность и многомерность этих проблем, вряд ли удастся.

*Доктор исторических наук,
профессор А. В. Лубков*

*Посвящаю своей маме
Спицыной Надежде Николаевне*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И СССР В 1917–1941 ГГ.

Тема: ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ (ФЕВРАЛЬ – МАРТ 1917 Г.)

План:

1. Основные проблемы революции в историографии.
2. Февральская революция 1917 г.

1. Основные проблемы революции в историографии

При изучении истории **Великой русской революции** неизбежно возникает целый ряд острейших проблем, которые уже не одно десятилетие являются предметом ожесточенных споров среди историков и политиков самых разных убеждений и взглядов.

1) Проблема определения хронологических рамок русской революции.

а) В советской исторической науке (**И. Минц, Е. Черменский, В. Старцев**) традиционно утверждалось, что в **1917 г.** в Российской империи произошли две совершенно разных социальных революции: **Февральская буржуазно-демократическая революция (23 февраля – 3 марта 1917 г.)**, сокрушившая тысячелетнюю российскую монархию, и **Великая Октябрьская Социалистическая революция (25–26 октября 1917 г.)**, открывшая новую эру в истории всей человеческой цивилизации. При этом в советской историографии **Февральская буржуазная революция** традиционно рассматривалась исключительно в качестве начального и неизбежного этапа **Великой Октябрьской Социалистической революции.**

б) В западной историографии хронологические рамки **Великой русской революции** были существенно расширены, однако до сих пор существуют совершенно разные подходы к их определению. Одни авторы (**Г. Чемберлен**) определяли ее хронологические рамки **1917–1921 гг.**, а другие (**Э. Карр**) датировали ее **1917–1923 гг.** При этом практически все зарубежные историки под социальной революцией понимали не столько сам захват политической власти в стране, который носил скоротечный характер, сколько неизбежные и коренные перемены в многоликой палитре общественных отношений, которые собственно и составляют суть любой социальной революции.

в) В современной исторической науке существуют разные подходы, как в определении самих рамок **Великой русской революции**, так и ее внутренней периодизации, но самой распространенной точкой зрения стала версия тех авторов (**В. Дмитренко**), которые определяют ее хронологические рамки **1917–1920 гг.**

Хорошо известно, что глобальные общественные катаклизмы представляют собой целую цепь политических, социальных, экономических, правовых и иных процессов, которые, имея сравнительно узкие хронологические рамки, тем не менее, продолжаются не один год, а иногда и целые десятилетия. Достаточно вспомнить две «великих» европейских революции — **Английскую (1640–1660)** и **Французскую (1789–1804)**, чтобы зримо убедиться в этом. Однако в советской историографии при оценке событий той революционной эпохи преднамеренно акцентировали все внимание только на двух днях **Октябрьского вооруженного переворота**, который затем с легкой руки самих советских вождей стали называть **Великой Октябрьской Социалистической революцией**. Хотя, еще в августе 1921 г. сам В.И. Ленин в своей известной работе «**Новые времена, старые ошибки в новом виде**», анализируя прошедшие четыре года с момента прихода большевиков к власти, писал о том, что «наша революция» прошла в своем развитии несколько важных этапов: **1) октябрь 1917 г. — январь 1918 г.** — от вооруженного захвата власти до разгона Учредительного Собрания и начала триумфального шествия Советской власти; **2) февраль — май 1918 г.** — от заключения **Брестского мира**, давшего первую мирную передышку, до начала широкомасштабной **Гражданской войны** и иностранной интервенции; **3) июнь 1918 г. — ноябрь 1920 г.** — период **Гражданской войны** и иностранной интервенции, когда военный вопрос стал главным вопросом революции; **4) с конца 1920 г.** — период новой мирной передышки, который должен перерасти в новую атаку на мировой капитал и мировую пролетарскую революцию. Таким образом, совершенно очевидно, что сам вождь пролетарской революции определял ее хронологические рамки как, минимум, **1917–1920 гг.**

2) Проблема стихийности Февральской революции.

а) В советской исторической литературе (**И. Минц, Е. Черменский, В. Дякин, А. Аврех, Г. Иоффе, И. Пушкарева**) Февральскую революцию традиционно изучали через призму организующей и направляющей роли партии большевиков. При этом все попытки ряда известных советских историков (**Э. Бурджалов, П. Волобуев**) исследовать «проблему стихийности» Февральской революции были пресечены на корню, поскольку с позиций ортодоксальных стражей марксизма-ленинизма из ЦК КПСС (**М.А. Сулов, Б.Н. Пономарев, С.П. Трапезников**) само понятие «стихийности» было абсолютно не совместимо с понятием «революционного процесса», во главе которого стояла Коммунистическая партия большевиков.

б) В западной историографии, напротив, практически сразу восторжествовала теория абсолютной стихийности Февральской революции, которая до сих пор имеет немало горячих поклонников и активных сторонников и у нас в стране (**В. Дмитренко**), и за рубежом (**Р. Дэниэлс, Н. Верт**).

в) В последнее время целый ряд авторов (**В. Булдаков, В. Харитонов**) справедливо полагают, что **Вторая русская революция** отразила «**сложное взаимодействие стихийных и сознательных сил революционного процесса**», которые и обеспечили ее столь быстрый и относительно бескровный результат.

3) Проблема роли масонов в Великой русской революции.

Надо сказать, что в зарубежной и эмигрантской литературе уже давно существовало стойкое убеждение о решающей роли масонов в Февральской революции 1917 г. Еще в 1931 г. известный историк русского зарубежья **С.П. Мельгунов** в своей работе «**На путях к дворцовому перевороту**» убедительно показал, что подготовкой

и организацией февральского переворота руководили две группы русских масонов — «военный кружок» во главе с А.И. Гучковым и «гражданский кружок» во главе с А.Ф. Керенским. Позднее эта теория «масонского заговора» нашла свое развитие в работах многих зарубежных авторов, в частности Г. Аронсона, Д.Н. Каткова, Н.Н. Берберовой и других.

В советской историографии эта тема всегда находилась под запретом и первую брешь в ее изучении пробил известный советский историк, профессор Н.Н. Яковлев, который в своей знаменитой работе «1 августа 1914 года» (1974) впервые четко определил роль и место русских политических масонов в событиях февральского дворцового переворота, заявив, что именно они играли роль теневого штаба либеральной буржуазии в борьбе за власть и являлись руководящим центром Февральской революции. Однако в тот период с резкой критикой этих выводов выступили многие советские историки, в том числе И.И. Минц, Е.Д. Черменский, А.Я. Аврех и М.К. Касвинов, которые, не подозревая о том, что эта книга создавалась по прямому указанию шефа КГБ СССР Ю.В. Андропова, обвинили своего коллегу в «возрождении черносотенной легенды о всемирном масонском заговоре».

В современной историографии существует три основных подхода к данной проблеме:

а) Все историки либерального толка (Р. Ганелин, В. Поликарпов, А. Серков, С. Карпачев), как и прежде, категорически отрицают какую-либо роль масонов в событиях 1917 г. и снимают с них всякую ответственность за крах тысячелетней российской государственности.

б) Историки, стоящие на патриотических позициях (И. Фроянов, О. Платонов, В. Брачев), полностью разделяют теорию существования «масонского заговора» и приводят веские доказательства и аргументы его реального существования.

в) Третьи историки (В. Старцев), не разделяя теории «масонского заговора», тем не менее, признают огромную роль масонов в консолидации сил либеральной буржуазии на пути к захвату государственной власти в стране.

4) Проблема оценки Февральской революции 1917 г.

а) В советской историографии (И. Минц, Е. Черменский, В. Дякин, А. Аврех, В. Старцев, И. Пушкарёва) Февральскую революцию 1917 г. традиционно оценивали как первый и неизбежный этап на пути к Великой Октябрьской Социалистической революции и не придавали этой революции самостоятельного исторического значения. Более того, подавляющее большинство советских историков полностью исключали альтернативу мирного обновления страны, заявив, что бонапартистский режим «третьеиюньской монархии» окончательно исчерпал свой исторический потенциал. Однако были и сторонники иной точки зрения и исключением из этого правила стали работы двух историков — профессоров Э.Н. Бурджалова и Г.З. Иоффе, которые, в отличие от большинства своих коллег, признавали самостоятельное значение Второй русской революции.

Кроме того, в советской исторической науке Февральскую революцию традиционно называли буржуазно-демократической, поскольку по своим основным целям (свержение царизма и провозглашение демократических прав и свобод) она была буржуазной, а по своим движущим силам (пролетариат в союзе со всем крестьянством) — демократической.

б) В постсоветский период, напротив, наметилась явная тенденция идеализации **февральских событий 1917 г.** В частности, известный архитектор «горбачевской перестройки», академик А.Н. Яковлев в своем философскомopusе «Горькая чаша бытия» (1994) однозначно заявил, что **Февральская революция** была **подлинно народной, демократической революцией**, которая сокрушила русский царизм и открыла перед нашей страной заоблачные высоты цивилизованного либерального развития, сорванные кровавым большевистским переворотом в **октябре 1917 г.**

Подобную точку зрения разделяют и другие авторы либерального толка (**В. Харитонов**), который утверждает, что: **1) Февральская революция** была исторически прогрессивна, поскольку сокрушила один из оплотов европейской и азиатской реакции — русский царизм, и **2) именно эта революция открыла путь к подлинной демократии и не могла быть «прологом Октября»**, который дал старт установлению тоталитарного режима в нашей стране.

Не отрицая самостоятельного значения февральских событий в истории нашей страны, мы все же согласимся с теми авторами (**И. Ильин, Ф. Степун, С. Карамурза, Э. Шагин, А. Лубков**), которые видят корень многих страданий и бед, обрушившихся на Россию в XX веке, именно в **«февральском безумии 1917 года»**. В частности, профессор **А.В. Лубков** совершенно справедливо писал, что «невероятные амбиции и самоуверенность бывших лидеров либеральной оппозиции после захвата государственной власти сменилась полной их растерянностью и беспомощностью в практических делах. Растратив всю свою энергию и силы в борьбе с прогнившим самодержавным режимом, российские либералы в условиях распада традиционной монархической государственности оказались не способными к созидательной государственной работе. **Февральский переворот имел тяжелейшие последствия для России, вынужденной до конца испить горькую чашу торжествующей революции»**.

5) Проблема предпосылок Октябрьской социалистической революции.

а) В советской исторической науке (**Г. Иоффе, И. Минц, В. Иванов, В. Бовыкин, В. Лаверычев, В. Булдаков**) существовало стойкое убеждение, что в России, несмотря на всю неразвитость высших форм капитализма и существенные пережитки феодальных отношений, **существовали реальные экономические предпосылки для строительства социализма**. При этом на вооружение был взят знаменитый, но довольно сомнительный ленинский тезис о **«слабом звене» в мировой системе империализма**, каковым была Российская империя, где с наибольшей остротой проявились все главные противоречия социально-экономического и политического развития буржуазных государств в эпоху империализма.

Однако уже во времена «горбачевской перестройки», целый ряд советских историков (**В. Бовыкин, В. Лаверычев**) совершенно справедливо поставили вопрос о разграничении таких ключевых понятий, как **«предпосылки социалистической революции»** и **«предпосылки строительства социализма»**. Именно с этого момента одни авторы (**В. Лаверычев, В. Бовыкин, В. Булдаков**), признавая наличие объективных предпосылок для мощного социального взрыва в стране, стали отрицать существование непосредственных предпосылок для строительства социализма в России, которые еще предстояло создать. А другие авторы, прежде всего, сторонники пресловутого **«нового направления»** (**П. Волобуев, М. Гефтер, Е. Плимак**) и другие лакеи советской партноменклатуры, которые сделали блестящую научную карьеру

на пропаганде бессмертных ленинских идей и исторических завоеваний Октября, стали с благословения самих «прорабов перестройки» (А.Н. Яковлев, В.А. Медведев), сидящих в высоких кремлевских кабинетах, категорически отрицать и то, и другое.

б) В западной и современной либеральной историографии (К. Каутский, Р. Дэниэлс, Ш. Карбонель, Д. Боффа, М. Геллер, А. Некрич) подобные оценки экономических предпосылок большевистской революции всегда отвергались как антинаучные, не имеющие под собой никакой реальной исторической основы. По мнению большинства зарубежных авторов, большевистская революция стала результатом случайного стечения целого ряда объективных обстоятельств, в частности **фатальных неудач на фронтах Первой Мировой войны и грубейших ошибок Временного правительства**, которое не смогло в кратчайшие сроки решить самых острых проблем социально-экономического развития страны. Именно поэтому один из видных американских советологов, профессор Р. Дэниэлс в своей известной работе «**Большевистская революция в 1917 г.**» (1967) прямо писал, что закономерный характер Октябрьской революции является «**историческим миражом**», а сама революция — «**исторической аномалией**».

б) **Проблема оценки Октябрьской социалистической революции.**

а) В советской исторической науке, начиная с 1930-х гг., **Октябрьский вооруженный переворот** стали называть **Великой Октябрьской Социалистической революцией**, которая открыла новую эру в истории всего человечества и имела огромное прогрессивное значение для развития всей мировой цивилизации.

б) В западной (А. Авторханов, Р. Дэниэлс, Р. Пайпс) и современной российской историографии либерального толка (А. Яковлев, А. Солженицын, М. Гефтер, Е. Гайдар) утверждается, что **Октябрьский переворот стал настоящей национальной трагедией**, стоившей нашей стране миллионов невинных жертв и отбросивший ее от столбовой дороги развития человеческой цивилизации на многие десятилетия назад.

в) По мнению многих современных авторов патриотического лагеря (С. Кара-Мурза, В. Кожинов, И. Фроянов, А. Лубков), **Октябрьский переворот стал: 1) прямым следствием Февральского переворота и полного банкротства «русских» либералов и масонов**, которые из-за своей преступной и бездарной внутренней и внешней политики не могли не потерять государственную власть, которую большевики в прямом смысле слова подобрали на улицах Петрограда и Москвы; 2) **своеобразной формой модернизации патриархально-аграрной России**, которая в результате этого глобального социального переворота за два десятилетия смогла преодолеть стадиальный и технологический разрыв, отделявший ее на сотню лет от передовых европейских держав и США.

2. Февральская революция 1917 г.

Монархическая Россия, которая за свою тысячелетнюю историю не раз стояла на пороге своей гибели, в **марте 1917 г.** рухнула всего за несколько дней. Та поразительная быстрота, с которой произошло это трагическое событие, до сих пор поражает воображение всех тех, кто хоть раз соприкасался с историей тех «**окаянных дней**».

23–24 февраля 1917 г. на фоне резкого обострения продовольственной ситуации в Петрограде, которая во многом носила чисто искусственный характер, начались

стихийные забастовки, митинги и демонстрации, в которых, по оценкам большинства специалистов (Э. Бурджалов, В. Старцев), приняло участие более половины всего питерского пролетариата — **300 тысяч чел.** В создавшихся условиях ряд политических партий и движений, в первую очередь большевики и эсеры, предприняли неудачную попытку встать во главе стихийного протеста и, опираясь на этот массовый протест, реализовать свои политические цели. Уже утром **24 февраля 1917 г.** Русское бюро ЦК РСДРП в лице **А.Г. Шляпникова** и **В.М. Молотова (Скрябина)** обратилось с призывом к питерскому пролетариату начать всеобщую политическую стачку в столице.

Однако вечером **24 февраля** на совещании с участием командующего войсками **Петроградского военного округа** генерала **С.С. Хабалова**, министра внутренних дел **А.Д. Протопопова** и военного министра **М.А. Беляева** было принято решение оцепить полицией и войсками центральные районы города и не допустить проникновения в центр столицы демонстрантов из ее рабочих окраин. Одновременно **Департамент полиции МВД**, который тогда возглавлял полковник **А.Т. Васильев**, начал аресты руководителей и членов леворадикальных политических партий, которые открыто призывали к свержению законной власти в стране.

Вечером **25 февраля** генерал **С.С. Хабалов** получил из **Ставки** письменный приказ царя немедленно прекратить в столице всякие беспорядки, что де-факто означало санкцию на применение оружия против демонстрантов. **26 февраля** во время стихийного митинга на **Невском проспекте** произошло первое крупное столкновение демонстрантов с казаками и полицией, в результате которого пролилась первая кровь и, по разным оценкам, погибло от **160 до 400 человек.** Ситуация в городе накалилась до предела, и на экстренном заседании правительства под председательством князя **Н.Д. Голицына** была принята отставка министра внутренних дел **А.Д. Протопопова**, на которого была возложена ответственность за произошедшие кровопролитие в центре **Петрограда.**

Однако эта отставка не стабилизировала ситуацию в городе и уже утром **27 февраля** она приобрела **качественно новое состояние**, поскольку к бастовавшим рабочим столичных предприятий присоединились более **20 тысяч солдат Преображенского, Литовского, Павловского и Волынского гвардейских полков** и других воинских частей столичного гарнизона.

Тем временем, **27 февраля в 11 часов утра** на пленарном заседании **IV Государственной Думы** глава правительства князь **Н.Д. Голицын** зачитал депутатам монарший указ о перерыве в ее работе и сразу подал в отставку со своего поста. Однако по предложению **Совета старейшин** думские депутаты приняли решение не расходиться, а продолжить работу в рамках «**Частного заседания членов Государственной Думы**». Уже к середине дня **Таврический дворец** превратились в центр притяжения всех антимонархических сил, где одновременно **возникло два параллельных центра**, взявших на себя руководство революционной стихией:

1) Представители всех социалистических партий и депутаты социал-демократической (меньшевистской) и трудовой фракций **Государственной Думы** приняли решение об организации **Временного Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов**, который установил порядок выборов в столичный **Совет**, норму представительства от заводов и воинских частей и срок его созыва.

2) Лидеры **Прогрессивного блока** приняли решение о создании «**Временного комитета IV Государственной Думы для водворения порядка в Петрограде** и для

сношения с учреждениями и лицами» в составе 13 человек. Председателем этого Комитета стал М.В. Родзянко, а его членами — руководители всех парламентских фракций и групп, в том числе П.Н. Милюков, Н.В. Некрасов, А.И. Коновалов, С.И. Шидловский, В.В. Шульгин, В.А. Ржевский, И.И. Дмитриюков, М.А. Караулов, И.Д. Ефремов, В.Н. Львов, А.Ф. Керенский и Н.С. Чхеидзе. Причем, двое последних, которые возглавляли фракции трудовиков и меньшевиков, вскоре займут ключевые позиции и в Исполкоме Петроградского Совета.

Надо сказать, что такая пикантная ситуация возникла отнюдь не случайно. В советской историографии данную проблему традиционно освещали через призму знаменитой ленинской концепции «о двоевластии». Но с учетом последних данных о том, что Н.С. Чхеидзе и А.Ф. Керенский, как и многие члены Прогрессивного блока, были адептами «вольных каменщиков», такое положение вещей оказалось вполне закономерным.

Вечером 27 февраля по приказу генерала С.С. Хабалова полковник А.П. Кутепов, в распоряжении которого находилось более двух тысяч солдат и офицеров, предпринял попытку овладеть Таврическим дворцом и распустить Исполком Петросовета и Временный Комитет Государственной Думы. Однако эта операция не увенчалась успехом и еще больше обострила крайне напряженную обстановку в столице.

В ночь с 27 на 28 февраля в здании Таврического дворца начал свою работу I съезд Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором был избран его Исполнительный Комитет в составе 15 членов трех самых влиятельных политических партий социалистической ориентации — эсеров, меньшевиков и большевиков. Председателем Исполкома Петросовета был избран Н.С. Чхеидзе, его заместителями стали М.И. Скобелев и А.Ф. Керенский, а членами Исполкома — П.А. Александрович, К.А. Гвоздев, К.А. Гриневич, Ф.И. Дан, П.А. Залуцкий, Н.Ю. Капелинский, П.А. Красиков, Г.В. Панков, Н.Д. Соколов, Э.А. Соколовский, Н.Н. Суханов и А.Г. Шляпников.

Тем временем председатель Государственной Думы М.В. Родзянко под сильным давлением самых радикальных членов Прогрессивного блока заявил о намерении начать формирование правительства «народного доверия», поскольку идея с назначением военного диктатора, на роль которого рассматривался генерал А.А. Манниковский, руководителями блока была сразу отвергнута.

В ночь на 28 февраля Николай II, который не обладал объективной информацией о положении дел в столице, отправил из Ставки в Царское Село эшелон верных ему войск под командованием генерал-адъютанта Н.И. Иванова для усмирения восставшего гарнизона. В соответствии с царским указом генерал Н.И. Иванов не только назначался новым командующим Петроградским военным округом, но и наделялся неограниченными диктаторскими полномочиями, поскольку в его полное подчинение поступали все министры царского кабинета. Однако несостоявшийся диктатор так и не смог пробиться в Петроград, поскольку вечером того же дня получил от генерала М.В. Алексеева приказ отойти из Царского Села к Вырице.

Утром 28 февраля ситуация в столице целиком оказалась во власти революционной стихии. Были сломлены последние очаги сопротивления правительственных войск и подавляющая часть Петроградского гарнизона — более 125 тысяч солдат и офицеров оказалась в лагере восставших, которые к полудню взяли под контроль все здания вокзалов, министерств и ведомств, Зимний и Марининский дворцы, Пе-

тропавловскую крепость и Арсенал. Кроме того, были арестованы все члены царского правительства, в том числе С.С. Хабалов, М.А. Беляев и А.Д. Протопопов.

Днем 28 февраля руководство Исполкома Петросовета начало переговоры с Временным Комитетом Государственной Думы о формировании Временного правительства. Н.С. Чхеидзе, А.Ф. Керенский и Н.Н. Суханов согласились не вводить в его состав министров-социалистов, но настояли на принятии своей программы, которая затем стала основой правительственной Декларации, опубликованной 6 марта 1917 г.

1 марта 1917 г. Петроградский Совет издал печально знаменитый Приказ № 1, в соответствии с которым: 1) во всех ротах, эскадронах, батареях, батальонах и полках из представителей нижних чинов создавались солдатские комитеты, наделенные правом издания любых распоряжений и приказов; 2) все солдатские комитеты напрямую подчинялись Исполкому Петроградского Совета, что, по сути, означало ликвидацию главного принципа построения любой регулярной армии — принципа единоначалия.

По мнению большинства современных историков (А. Лубков), этот приказ имел самые роковые последствия для судеб русской армии и всей страны. По сути, русская императорская армия стала заложницей борьбы различных политических группировок за власть и из важнейшего государственного института превратилась в подручный инструмент политики и мощное средство разрушения тысячелетней русской государственности.

Тем временем из Могилева в столицу выехали свитский и царский поезда. Не доезжая до Петрограда около 150 км., на станции Малые Вишеры царю доложили о том, что путь в столицу закрыт восставшими войсками. В этой ситуации Николай II приказал повернуть эшелоны на Псков, где располагался штаб Северного фронта. Именно здесь под Псковом, на станции Дно вечером 1 марта 1917 г. Николай II под неожиданным давлением генералов М.В. Алексева и Н.В. Рузского согласился издать Манифест о создании «правительства народного доверия» и назначить главой этого правительства председателя Государственной Думы М.В. Родзянко.

Однако вечером 1 марта М.В. Родзянко связался по телеграфу с генералом Н.В. Рузским и в разговоре с ним дал понять, что этот Манифест явно запоздал и для нормализации обстановки в столице император должен отречься от престола. Это «пожелание» М.В. Родзянко сразу поддержал весь высший генералитет русской армии, в том числе начальник Главного штаба Ставки генерал-адъютант М.В. Алексеев и главнокомандующие Румынским, Юго-Западным, Западным и Северным фронтами генералы В.В. Сахаров, А.А. Брусилов, А.Е. Эверт и Н.В. Рузский, а также командующий Балтийским флотом адмирал А.И. Непенин. Таким образом, именно предательство высшего командного состава армии, многие из которых были масонами, предопределило отречение Николая II и окончательную победу антимонархической революции в Петрограде!

Утром 2 марта, не дождавшись ответа из штаба Северного фронта, два влиятельных члена Прогрессивного блока А.И. Гучков и В.В. Шульгин по поручению Временного Комитета выехали в Псков. Тем временем генерал Н.В. Рузский после долгих уговоров убедил царя подписать Манифест о своем отречении в пользу сына Алексея, и получив от Николая II заветный документ, немедленно связался с М.В. Родзянко. Однако, узнав от него, что из столицы в Псков выехали А.И. Гучков и В.В. Шульгин, Н.В. Рузский задержал отправку текста этого Манифеста в Петроград.

Между тем, днем **2 марта 1917 г.** завершились переговоры **Исполкома Петросовета** и **Временного Комитета Государственной Думы** о создании **Временного правительства**, в состав которого вошли кадеты, октябристы и один эсер. Самые важные министерские посты заняли председатель правительства и министр внутренних дел **Георгий Евгеньевич Львов**, министр иностранных дел **Павел Николаевич Милюков**, военный и морской министр **Александр Иванович Гучков**, министр финансов **Михаил Иванович Терещенко**, министр торговли и промышленности **Александр Иванович Коновалов**, министр земледелия **Андрей Иванович Шингарев**, министр путей сообщения **Николай Виссарионович Некрасов** и министр юстиции **Александр Федорович Керенский**.

В советской исторической науке всегда обращали внимание на тот хорошо известный факт, что первый состав **Временного правительства** состоял исключительно из представителей двух самых влиятельных буржуазных партий — кадетов и октябристов и одного «заложника демократии» **А.Ф. Керенского**, который в **марте 1917 г.** вышел из фракции «трудовиков» и вступил партию эсеров. Однако более существенным было то обстоятельство, что практически все министры этого правительства, кроме **П.Н. Милюкова**, были масонами, а **А.Ф. Керенский** не просто рядовым масоном, а **Генеральным секретарем Верховного совета Великого Востока народов России**. Кроме того, следует признать, что избрание **Г.Е. Львова** на пост главы правительства стало грубейшей политической ошибкой **П.Н. Милюкова и Ко**, которые, желая избавиться от авторитарного **М.В. Родзянко**, передали власть в руки политического импотента, неспособного ни в малейшей степени эффективно управлять страной.

Вечером **2 марта** на заседании **Петросовета** обсуждался вопрос об отношении к **Временному правительству**. Руководители **Русского бюро ЦК РСДРП(б)** **А.Г. Шляпников**, **В.М. Молотов** и **П.А. Залуцкий** предложили отказать в доверии буржуазному правительству и образовать **Временное революционное правительство**, что отвечало программным и идейным установкам большевиков. Однако это предложение было отклонено, и подавляющая часть депутатов проголосовала за поддержку **Временного правительства**.

Тем временем в **Пскове**, куда вечером **2 марта** прибыли **А.И. Гучков** и **В.В. Шульгин**, состоялась их встреча с **Николаем II**. Во время аудиенции у императора визитеры стали горячо уговаривать монарха для «блага Отечества и прекращения смуты» отречься от престола в пользу сына **Алексея**. Однако генерал **Н.В. Рузский**, принимавший участие в этом разговоре, сообщил визитерам, что этот вопрос уже решен и предъявил им соответствующий **Манифест**. Однако совершенно неожиданно **Николай II** заявил, что после бессонной ночи и долгих раздумий он изменил свое прежнее решение и подписал **новый Манифест об отречении и за себя, и за сына Алексея в пользу младшего брата великого князя Михаила Александровича**. И хотя подобное поведение императора было явным нарушением павловского «**Акта о престолонаследии**» (1797), думские парламентарии согласились с данной комбинацией. Правда, перед подписанием нового **Манифеста А.И. Гучков** убедил царя подписать еще два важнейших документа, которые узаконили новую власть — о назначении князя **Г.Е. Львова** главой **Временного правительства** и возвращении великого князя **Николая Николаевича** на пост **Главноверха Русской Императорской армии**. Более того, как явствует из архивных документов, **Николай II** не просто утвердил нового главу правительства, но из предложенных ему кандидатур сам пометил галочкой весь персональный состав нового **Совета Министров империи**.

Причем, надо заметить, что ряд современных авторов (**В. Старцев, А. Zubov, И. Исаев**) полагают, что подобный шаг был предпринят **Николаем II** не в приступе отчаяния, а вполне осознанно, с тем, чтобы после нормализации обстановки в **Петрограде**, объявить о незаконности данного **Манифеста** и вернуть себе верховную власть в стране. Но в историю, как всегда, вмешался «Его величество случай».

Такой поворот событий оказался неожиданным и для многих членов **Временного правительства**, и самого великого князя **Михаила Александровича**. Утром 3 марта возникшая ситуация обсуждалась в узком кругу на квартире князя **М.С. Путятина**, где проживал новоиспеченный монарх. Все участники этого совещания, за исключением **А.И. Гучкова** и **П.Н. Милокова**, высказались за отречение великого князя **Михаила** от престола и убедили его подписать соответствующий **Манифест**, подготовленный **Н.В. Некрасовым, В.Д. Набоковым** и **Б.Э. Нольде**.

Таким образом, **Февральская революция** подошла к своему логическому концу и завершилась «пирровой победой» всех антимонархических, а по сути, антирусских сил. Неслучайно современный исследователь русского масонства, профессор **В.С. Брачев** в своей книге «**Масоны и власть в России**» (2003) писал, что «сценарий русской революции был написан все-таки на Западе и никакой другой роли, кроме пятой колонны демократической Европы, русским масонам уготовано не было».

Тема: РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ: МАРТ – ИЮЛЬ 1917 Г.

План:

1. Расстановка политических сил в марте – апреле 1917 г.
2. Апрельский политический кризис.
3. Июньский политический кризис.
4. Июльский политический кризис.

1. Расстановка политических сил в марте – апреле 1917 г.

Февральская революция знаменовала собой начальный, разрушительный этап неизбежных преобразований в стране. В самом ближайшем будущем предстояло выбрать и законодательно закрепить новую форму правления, сформировать работоспособные органы государственной власти и управления, начать необходимые реформы в экономике и, прежде всего, приступить к кардинальному решению острейшего аграрного вопроса, а также определить свое отношение к продолжавшейся мировой войне.

В этот период реальными политическими силами, которые в большей степени отражали интересы и взгляды различных социальных групп и слоев населения были **либералы (кадеты и октябристы)** и **социалисты (эсеры, меньшевики и большевики)**, что красноречиво говорило о значительном полевении общественного сознания в стране.

Самой влиятельной буржуазной партией, владевшей «контрольным пакетом акций» **Временного правительства**, были **кадеты**, которые под влиянием революционных настроений в стране значительно полевели. Уже в конце марта 1917 г.

на VII партийном съезде они были вынуждены отказаться от традиционного программного положения о конституционной монархии, что было неприемлемо для социалистов, и взять на вооружение тактику левого блока, т.е. курс на более тесное сотрудничество с партиями социалистического толка. Вместе с тем, кадеты продолжали отстаивать свою концепцию продолжения войны до победного конца и настаивали на отсрочке выборов в Учредительное Собрание и решения аграрного вопроса, которое они напрямую связывали с его созывом.

Традиционной чертой партийной системы Российской империи являлось наличие **мощного левого фланга**, где особым влиянием пользовались две политические партии социалистического толка — эсеры и меньшевики. **Партия меньшевиков** представляла собой самостоятельную организационную структуру, которая окончательно откололась от **партии большевиков** еще в **январе 1912 г.** Однако это обстоятельство так и не стало преградой на пути нового раскола в стане умеренных социалистов и накануне революции рамках этого политического течения существовали и боролись несколько влиятельных группировок: **меньшевики-интернационалисты** (Ю. Мартов, Ю. Ларин, А. Мартынов, О. Ерманский), **«правые оборонцы»** (А. Потресов, В. Левицкий), **«революционные оборонцы»** (И. Церетели, Н. Чхеидзе, Ф. Дан) и группа **«Единство»** (Г. Плеханов, Л. Дейч, В. Засулич).

Партия эсеров была более монолитна, но и в ее рядах так же обозначился новый раскол. В пику старому партийному руководству (В. Чернов, Н. Авксентьев, А. Гоц), которое негласно признавало идейную гегемонию меньшевиков, новая когорта эсеров в лице **Б.Д. Камкова (Каца), М.А. Спиридоновой, А.Л. Колгаева и П.П. Прошьяна** фактически предложила собственную программу действий. Суть этих разногласий состояла в следующем:

1) Лидеры «старых» эсеров и меньшевиков были уверены в том, что в России нет объективных предпосылок для строительства социализма, поэтому следует самым тесным образом сотрудничать с буржуазным **Временным правительством** и оказывать ему всемерную поддержку по всем ключевым вопросам.

2) Лидеры «новых» эсеров были, напротив, убеждены, что политический союз с либералами не возможен по принципиальным обстоятельствам, поэтому партии социалистического толка, представленные в **Петроградском Совете**, должны разработать собственную программу действий и оказывать постоянное давление на буржуазное **Временное правительство** с целью реализации этой программы.

Кроме того, в недрах эсеровской партии так же произошел раскол между **«оборонцами»**, которых возглавляли **Н.Д. Авксентьев, М.Р. Гоц, А.А. Аргунов и И.Б. Фадминский**, и **«интернационалистами»**, лидерами которых являлись **В.М. Чернов и М.А. Натансон**.

Более радикальных позиций придерживалась немногочисленная, но очень влиятельная в Петрограде группа **«межрайонцев»**, которую возглавлял **Лев Давыдович Бронштейн (Троцкий)**. В марте 1917 г., вернувшись из эмиграции, где он давно носился со знаменитой теорией **«перманентной революции»**, **Л.Д. Троцкий** впервые высказал мысль о неизбежном переходе от буржуазной революции к социалистической через **Советы**, в которых увидел реальную силу, способную решить эту историческую задачу. Между тем, надо сказать, что вопреки широко распространенному мнению, сама эта теория впервые была предложена отнюдь не **Л.Д. Троцким**, а давним спонсором большевиков **А.Л. Гельфандом (Парвусом)**.

А.Л.Д. Троцкий в своей работе «Итоги и перспективы» (1906) лишь наполнил этот теоретический сосуд конкретным политическим содержанием и стал автором этого «концептуального шедевра», с которым не расставался всю оставшуюся жизнь.

Тем временем в недрах большевистской партии произошла фактическая смена руководства: вернувшиеся из ссылки Лев Борисович Розенфельд (Каменев) и Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин), сменив В.М. Молотова и А.Г. Шляпникова, встали во главе Русского бюро ЦК РСДРП(б) и редакции газеты «Правда». По мнению большинства историков (В. Старцев, А. Рабинович, Р. Такер), это обстоятельство серьезно отразилось на изменении позиции большевиков по многим ключевым вопросам. По сути дела, отказавшись от прежней формулы создания революционного правительства социалистов, большевики не только выступили в поддержку основных программных положений меньшевиков и эсеров, в том числе и в отношении к Временному правительству, но и начали переговоры об объединении с меньшевиками в рамках одной партии. При этом все попытки В.И. Ленина, крайне встревоженного этим обстоятельством, скорректировать позицию руководства партии в своих знаменитых «Письмах из далека», посланных из Швейцарии в конце марта 1917 г., не увенчались успехом.

Однако приезд В.И. Ленина в мятежную столицу 3 апреля 1917 г. не только положил конец этим переговорам, но и знаменовал собой крутой поворот в стратегии и тактике большевиков. Для понимания сути этого поворота нам необходимо обратиться к двум знаменитым ленинским работам, написанных в апреле 1917 г. — «О двоевластии» и «О задачах пролетариата в данной революции».

Первая работа была посвящена анализу политической ситуации в стране и расстановке классовых сил, сложившейся после свержения царизма. Суть этого анализа сводилась к следующим оценкам:

1) Своеобразие текущего момента состояло в том, что наряду с Временным правительством — органом диктатуры буржуазии, существует орган революционной диктатуры — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. То есть, коренной вопрос всякой революции — вопрос о власти, решился в форме двоевластия.

2) Проблему двоевластия можно и нужно решить путем свержения Временного правительства, которое является правительством антинародным и олигархическим. Но в настоящий момент этого делать нельзя, ибо это правительство держится прямым и косвенным соглашением с Исполкомом Петросовета, который полностью контролируют эсеры и меньшевики.

3) Проблема двоевластия будет решена мирным путем в том случае, если колеблющийся мелкобуржуазный лагерь перейдет от буржуазии на сторону сознательного пролетариата. Поэтому борьба за этот мелкобуржуазный лагерь должна стать главной задачей партии на ближайшую историческую перспективу.

Надо сказать, что в настоящее время ленинский тезис «о двоевластии», который был непререкаемым постулатом во всей советской исторической науке, отвергается целым рядом авторов. Одни историки (Н. Верг, В. Булдаков, А. Головатенко) утверждают, что применительно к этому периоду следует говорить не о двоевластии, а о многовластии, реально существовавшем на всей территории России. Другие историки (В. Дмитренко), ударившись в другую крайность, вовсе отрицают наличие двоевластия в стране и утверждают, что Советы «не являлись второй самостоятельной властью, а выполняли лишь вспомогательную роль в общей системе демокра-

тических органов власти в стране». Третьи авторы (А. Дворниченко), так же отрицающий ленинский тезис «о двоевластии», вообще говорят о полном безвластии в стране, и.д.

Вторая работа, более известная под названием «Апрельские тезисы», с которыми лидер большевиков выступил в Таврическом дворце 4 апреля 1917 г., содержала десять тезисов, ставших затем партийной программой большевиков на ближайшую перспективу, определяла следующие задачи партии:

1) В политике (тезисы 1–5): а) Мировая война, несмотря на крах монархической России, по-прежнему остается войной империалистической и захватнической с обеих сторон. Однако в принципиально иной политической ситуации партии большевиков необходимо временно снять лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую, ибо пока существует возможность выхода России из этой войны мирным путем, если вся полнота государственной власти перейдет в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; б) главным политическим лозунгом партии должен стать лозунг «Вся власть Советам!».

2) В экономике (тезисы 6–8): а) «не введение социализма, как наша непосредственная задача», а создание для этого необходимых предпосылок путем полной национализации всей земли и финансово-банковской системы страны; б) установление жесткого контроля и учета со стороны Советов за производством и распределением общественного продукта.

3) В партии (тезисы 9–10): а) немедленный созыв партийного съезда для изменения программы и названия партии; б) создание нового союза рабочих и социалистических партий, которому предстоит взять на себя руководство мировой пролетарской революцией — Коммунистического Интернационала (Коминтерна).

Первая реакция на ленинские тезисы была крайне неоднозначной. В частности, такой признанный теоретик марксизма как Георгий Валентинович Плеханов в своей знаменитой статье «О тезисах Ленина или о том, почему бред подчас бывает интересен» прямо заявил, что «история еще не смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма». Примерно таких же оценок придерживались и многие видные члены РСДРП(б), в том числе Л.Б. Каменев, М.И. Калинин, А.И. Рыков, В.П. Ногин и другие.

19–24 апреля 1917 г. в Петрограде состоялась работа VII Всероссийской конференции РСДРП(б), на которой В.И. Ленин, выступив с политическим докладом «О текущем моменте», в очередной раз повторил основные положения «Апрельских тезисов». В состоявшейся дискуссии лидер «правых» большевиков Л.Б. Каменев призвал делегатов партийной конференции не переоценивать готовность России к социализму и предложил ограничиться установлением контроля за работой Временного правительства со стороны Петросовета. Однако ленинский довод о том, что «контроль без власти — есть пустейшая фраза», а также выступления И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева и Я.М. Свердлова, убедили большинство делегатов конференции проголосовать за ленинскую программу действий.

2. Апрельский политический кризис

В советской исторической науке события апреля — июля 1917 г. традиционно называли периодом «трех политических кризисов», поскольку данная оценка этому периоду в развитии революции содержалась в многочисленных ленинских рабо-

тах, письмах и статьях. А причинами этих кризисов стали три самых злободневных и насущных вопроса — о власти, о земле и о войне.

1) Проблема власти напрямую была связана с проблемой созыва **Учредительного Собрания**, но в решении этого вопроса существовало два принципиальных подхода. Одни члены **Временного правительства** (**Н.В. Некрасов, А.Ф. Керенский**) считали, вопрос о власти является исключительной компетенции **Учредительного Собрания**, выборы в которое необходимо провести в ближайшее время. Другие члены правительства (**П.Н. Милюков, А.И. Гучков**) полагали, что вопрос о форме государственного правления должен быть рассмотрен специальной юридической комиссией, которая с учетом исторического опыта окончательно определит способ формирования и объемы полномочий высших органов государственной власти в стране. При этом большинство членов **Временного правительства** склонялись к мысли, что Россия должна стать **президентско-парламентской республикой**, в основу которой будут положены основные элементы политической системы **III Французской республики**.

2) Руководители **Временного правительства**, взявшие на вооружение лозунг «**Земля — из рук Учредительного Собрания**», полностью уклонились от решения аграрного вопроса. Единственное на что решились либералы, так это на издание двух нормативных актов — «**Декларации**» от **19 марта 1917 г.**, которая запрещала самовольный захват помещичьих земель, и **Закона от 25 марта 1917 г.** о введении хлебной монополии в стране. Однако следует сказать, что оба этих нормативных акта исполнялись из рук вон плохо, поскольку реальных рычагов власти на местах правительство так и не смогло создать. В частности, институт **комиссаров Временного правительства**, созданный распоряжением князя **Г.Е. Львова 5 марта 1917 г.**, который должен был заменить собой прежний институт царских губернаторов, фактически существовал лишь на бумаге и т.д.

3) С начала марта 1917 г. проблема войны стала в центре политических дебатов. По мнению **П.Н. Милюкова** и **А.И. Гучкова**, которые играли ключевую роль в первом составе **Временного правительства**, только победоносное завершение войны сможет упрочить позиции России на международной арене, консолидировать русское общество, укрепить новый политический режим и положить конец анархии и хаосу в стране.

4 марта 1917 г. министр иностранных дел **П.Н. Милюков** направил всем российским послам в странах **Антанты секретную ноту**, в которой заявил о твердой решимости **Временного правительства** соблюдать в полном объеме все прежние обязательства России перед союзными державами до полного разгрома врага. Однако эта позиция правительства первоначально встретила резкое неприятие со стороны **Исполкома Петросовета**. В частности, в демагогическом «**Воззвании к народам всего мира**» (**14 марта 1917 г.**), принятого по предложению **А.Ф. Керенского**, доминировала **пацифистская риторика** о необходимости немедленного прекращения войны и заключения демократического мира без аннексий и контрибуций. Однако затем, в новой «**Декларации**» **Петросовета**, принятой по инициативе **И.Г. Церетели** и опубликованной **26 марта 1917 г.**, акцент уже делался на идеях «**революционного оборончества**», то есть продолжения войны для защиты «**революционного Отечества**».

Истолковав этот документ как поддержку со стороны **Петросовета**, **18 апреля 1917 г.** **П.Н. Милюков** направил в **Лондон** и **Париж** очередную ноту, в которой

подтвердил горячее желание **Временного правительства** выполнить все свои обязательства перед союзниками и продолжить войну до победного конца. Именно эта телеграмма, опубликованная **20 апреля 1917 г.** во многих столичных газетах, и стала детонатором **апрельского политического кризиса**, который обернулся отставкой первого состава **Временного правительства**.

20 апреля 1917 г. к **Мариинскому дворцу**, ставшему резиденцией **Временного правительства**, с антивоенными лозунгами и требованием отставки **П.Н. Милюкова** стянулись более **70 тысяч** рабочих столичных предприятий и солдат **Московского и Финляндского полков**. Накалом страстей, охватившим столицу, решили воспользоваться руководители «**Военной организации**» **РСДРП(б)** **Н.И. Подвойский, В.И. Невский** и **И.Т. Смилга**, которые утром **21 апреля** организовали мощную антиправительственную демонстрацию под лозунгами «**Вся власть Советам!**», однако эта уличная акция не была поддержана **Исполкомом Петросовета**. Тем не менее, министр иностранных дел **П.Н. Милюков**, военный министр **А.И. Гучков** и командующий **Петроградским военным округом** генерал-лейтенант **Л.Г. Корнилов**, активно выступавшие за продолжение войны, были принесены на алтарь революционного жертвоприношения и отправлены в отставку.

Апрельский политический кризис впервые поставил под вопрос само существование двоевластия. Кадеты и октябристы потребовали от правительства порвать всякие контакты с **Петроградским Советом** и взять всю полноту государственной власти в стране. Однако глава кабинета князь **Г.Е. Львов** не решился прибегнуть к столь радикальному способу выхода из политического тупика и предложил социалистам войти в состав коалиционного правительства.

Первоначально **Исполком Петросовета** отклонил это предложение, но затем принял его. Переговоры о создании коалиционного правительства, которые вели князь **Г.Е. Львов, И.Г. Церетели** и **Ф.И. Дан**, были проведены по традиционному сценарию: сначала прошла дискуссия о программе нового правительства, а затем состоялся дележ министерских портфелей. По завершению переговоров, **5 мая 1917 г.** был обнародован новый состав **Первого Коалиционного Временного правительства**: семь министерских портфелей достались кадетам и октябристам, в том числе — министров иностранных дел (**М.И. Терещенко**), внутренних дел (**Г.Е. Львов**) и финансов (**А.И. Шингарев**), а шесть портфелей — достались эсерам и меньшевикам, в том числе военного министра (**А.Ф. Керенский**), министров земледелия (**В.М. Чернов**), почт и телеграфов (**И.Г. Церетели**) и юстиции (**П.Н. Переверзев**). Председателем нового правительства вновь стал князь **Г.Е. Львов**.

6 мая 1917 г. новое правительство **Г.Е. Львова** выступило с новой «**Декларацией**», в которой определило свои первоочередные задачи: **1)** скорейшее прекращение войны и подписание мира без аннексий и контрибуций; **2)** восстановление государственного контроля над экономикой; **3)** подготовку и проведение аграрной реформы.

Однако, по справедливому мнению советских историков (**П. Волобуев, В. Старцев**), реализация этих неотложных мер была с треском провалена, поскольку: **1)** турне новоиспеченного военного министра **А.Ф. Керенского** на фронт и его усилия по восстановлению дисциплины и боевого духа в армии потерпели полное фиаско; **2)** желание правительства через «**Комитет по госзаказу**» установить жесткий учет и контроль за производством и распределением промышленных товаров, вызвало

резко отрицательную реакцию со стороны подавляющей части предпринимателей, что первоначально привело к локаутам многих предприятий, а затем и к отставке министра промышленности и торговли **А.И. Коновалова**; 3) робкая попытка начать разработку аграрной программы в **Главном земельном комитете** вызвала раскол в правительстве между кадетами и социалистами, которые так и не смогли прийти к консенсусу по вопросу о компенсациях за конфискацию помещичьих земель.

Ситуацию не спасли и другие полумеры, предпринятые **Временным правительством**, авторитет которого среди крестьянства стал стремительно падать. В частности, созданные им губернские, уездные и волостные **Комитеты по снабжению**, распределявшие зерно, и **Земельные комитеты**, главной функцией которых стала перепись земель, не получили массовой поддержки у крестьянства. На многочисленных крестьянских сходах стали создаваться различного рода «**общинные комитеты**», которые явочным порядком, начав вождеденный «**черный передел**», приступили к конфискации помещичьих и монастырских земель, скота, инвентаря и т.д.

Тем временем, в **середине мая 1917 г.** состоялся **I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов**. Несмотря на то, что президиум съезда полностью состоял из представителей руководства партии эсеров (**В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев, Е.К. Брешко-Брешковская, С.А. Маслов**), его решения носили компромиссный характер. С одной стороны, делегаты съезда постановили передать весь земельный фонд в ведение **Земельных комитетов**, что фактически означало ликвидацию помещичьего землевладения. Но с другой стороны, руководство съезда постоянно подчеркивало, что **окончательное решение земельного вопроса является исключительной прерогативой Учредительного собрания**, до созыва которого необходимо воздержаться от любых радикальных мер.

На этом же съезде был составлен так называемый «**Сводный крестьянский наказ**», основанный на базе **242 местных наказов**, в котором закреплялся **уравнительно-трудовой принцип** наделения землей крестьянских хозяйств. Кстати, именно этот «**Сводный крестьянский наказ**» будет позднее взят на вооружение большевиками и положен ими в основу знаменитого декрета «**О земле**», принятого на **II Всероссийском съезде Советов 26 октября 1917 г.**

Тем временем, **25 мая** решением правительства было создано **Особое совещание** для подготовки закона о выборах в **Учредительное Собрание**, которые сначала были назначены на **17 сентября**, а затем перенесены на **12 ноября 1917 г.**

3. Июньский политический кризис

3 июня 1917 г. в Петрограде начал работу **I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов**, на котором были созданы три самых влиятельных фракции: эсеров (**285 делегатов**), меньшевиков (**290 делегатов**) и большевиков (**105 делегатов**). В центре внимания делегатов были два основных вопроса: **отношение к правительству** и **проблема войны и мира**. По первому вопросу большинство делегатов съезда, отвергнув ленинское предложение о немедленном преобразовании **Всероссийского съезда Советов** в **Революционный Конвент** и о полном взятии им государственной власти в стране, приняли резолюцию о поддержке **Временного правительства**. По второму вопросу большинство делегатов съезда поддержали лозунг «**революционного оборончества**», то есть продолжения войны и защиты ре-

волюции от германского империализма. В конце работы съезда, 24 июня 1917 г., был избран **Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК)**, где из 256 мандатов большевики получили лишь 35 мандатов, а председателем ВЦИК стал один из лидеров меньшевиков **Иракий Георгиевич Церетели**.

Фактическое поражение большевиков в первые дни работы съезда вынудило их прибегнуть к «непарламентским методам» борьбы. 7 июня 1917 г. на совещании членов **ЦК РСДРП(б)**, руководства **Военной организации** и **Петроградского комитета РСДРП(б)** было принято решение о проведении в столице 10 июня 1917 г. антиправительственной демонстрации под лозунгом «**Вся власть Советам!**». Однако 9 июня по требованию большинства делегатов съезда эта политическая акция была отменена. Более того, для демонстрации единства всех революционных сил руководство съезда в лице **Н.С. Чхеидзе** и **И.Г. Церетели** призвало своих сторонников провести в **Петрограде** мирное шествие в поддержку **Временного коалиционного правительства**.

18 июня 1917 г., в день начала наступления войск **Юго-Западного фронта**, который всего месяц назад возглавил генерал **Л.Г. Корнилов**, в столице состоялись два мощных альтернативных шествия. При этом большевикам удалось провести на улицах и площадях столицы значительно более мощную демонстрацию под антивоенными и антиправительственными лозунгами, чем их политическим оппонентам. Успех этой акции во многом объяснялся не только подстрекательской политикой большевиков, но и небывалым ростом недовольства в отношении политики **Временного правительства** и всплеском сильных антивоенных настроений в стране, особенно в частях столичного военного гарнизона. Хотя **июньский политический кризис** и не смог положить конец пресловутому двоевластию, но именно ошеломляющий успех антивоенной демонстрации, дал козыри в руки тех политических сил, которые давно вынашивали планы вооруженного захвата власти.

4. Июльский политический кризис

2 июля 1917 г. в **Петрограде** стало известно о провале грандиозного наступления войск 11-й армии генерала **И.Г. Эрдели**, начатое 18 июня 1917 г. Это событие стало причиной начала массовых антиправительственных акций во многих частях **Петроградского военного гарнизона**. По трагическому стечению обстоятельств вечером того же дня произошел новый правительственный кризис. Из состава правительства вышли четыре представителя кадетской партии — **А.И. Шингарев**, **А.А. Мануйлов**, **Д.И. Шаховской** и **В.А. Степанов**, которые категорически отказались поддержать соглашение руководства **Временного правительства** с «вождями» **Центральной Радой Украинской Народной Республики (УНР)** — ее «президентом» **М.С. Грушевским**, главой ее генерального секретариата («правительства») **В.К. Винниченко** и «военным министром» **С.А. Петлюрой** о предоставлении Малороссии статуса государственной автономии.

Утром 3 июля на заседании **Центрального и Петроградского Комитетов РСДРП(б)** и руководства **Военной организации** обсуждался вопрос о тактике действий в создавшейся кризисной ситуации. Большинство членов **ЦК**, в первую очередь **Л.Б. Каменев**, настаивали на сдерживании революционного порыва масс и выступили против любых попыток вооруженного свержения **Временного правительства**. Однако позицию членов **ЦК** не поддержало руководство «**Военки**» в лице **Н.И. Подвойского**,

В.А. Антонова-Овсеев, В.И. Невского, П.Е. Дыбенко, Н.В. Крыленко и И.Т. Смилги, которое настаивало на вооруженном захвате власти. В конечном итоге было принято компромиссное решение о проведении новой мирной демонстрации под антивоенными и антиправительственными лозунгами.

Вечером 3 июля у Таврического дворца прошла первая массовая антиправительственная и антивоенная манифестация, которую возглавили Л.Д. Троцкий и Г.Е. Зиновьев. А утром 4 июля «Солдатская правда», издаваемая «Военной организацией» РСДРП(б), призвала солдат столичного гарнизона к новому натиску на власть и к полудню огромная демонстрация численностью 500 тысяч человек под лозунгами «**Вся власть Советам!**» заполонила весь центр города. Ситуация стала быстро выходить из под контроля организаторов манифестации и вскоре у Таврического дворца полупьяная толпа солдат гарнизона и балтийских моряков открыла беспорядочную стрельбу, в результате которой погибло несколько сот человек.

В этой ситуации командующий столичным военным округом генерал-лейтенант П.А. Половцев силами Конно-артиллерийского полка полковника Н.А. Ребиндера и 1-го Донского Казачьего полка полковника А.К. Грекова навел порядок в столице и разоружил вышедшие из повиновения воинские части. А утром 5 июля в Петрограде было введено осадное положение и ситуация в городе быстро стабилизировалась. Затем, 7 июля по распоряжению правительства для изучения всех обстоятельств июльских событий была создана «Специальная следственная комиссия» во главе с министром юстиции П.Н. Перверзевым.

В исторической науке традиционно существуют совершенно полярные оценки июльских событий. В советской исторической науке (И. Минц, О. Знаменский, В. Старцев) вся политическая ответственность за произошедшее кровопролитие, в результате которого погибло более 400 человек, всегда возлагалась на контрреволюционное Временное правительство, которое, цинично расстреляв мирную демонстрацию, насильственным путем решило проблему двоевластия в свою пользу и установило собственную диктатуру в стране. В эмигрантской литературе (С. Мельгунов) и в трудах многих зарубежных и современных российских историков (Р. Пайпс, М. Геллер, С. Кульчицкий, О. Будницкий) утверждалось, что результатом этих беспорядков стала подстрекательская деятельность большевиков, которые не просто возглавили стихийный протест, а инициировали вооруженный мятеж с целью захвата власти и свержения Временного правительства. Наконец, ряд современных авторов (А. Рабинович, В. Логинов) полагают, что инициатором этого мятежа стали лидеры «Военки», в то время как руководство самой партии и, прежде всего, В.И. Ленин были категорически против поспешного захвата власти ввиду отсутствия объективных предпосылок для ее удержания.

Кроме того, в советской исторической науке, опираясь на известные ленинские оценки и выводы, данные им в его работе «Три кризиса» (1917), июльский политический кризис всегда оценивали как событие положившее конец двоевластию и мирному этапу в развитии революции. Однако в настоящее время данная оценка, которая носила скорее политический, а не исторический характер, отвергается большинством исследователей, которые полагают, что и после этих трагических событий Всероссийский съезд Советов и его ВЦИК по-прежнему обладали значительными властными полномочиями и огромным влиянием на широкие народные массы и поэтому проблема «двоевластия» так и не была разрешена.

Тема: РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ИЮЛЕ – ОКТЯБРЕ 1917 Г.

План:

1. Нарастание политического кризиса.
2. Корниловский «мятеж».
3. Развитие революции в сентябрь 1917 г.

1. Нарастание политического кризиса

После июльских событий на повестку дня встал вопрос о формировании нового состава **Временного правительства**. 7 июля князь Г.Е. Львов заявил о своей отставке с поста главы правительства и министра внутренних дел и поручил военному министру **А.Ф. Керенскому**, занявшему пост и.о. премьера, начать переговоры по данному вопросу с кадетами и социалистами. Уже 8 июля за подписью **А.Ф. Керенского** была опубликована новая правительственная программа, в основу которой была положена «**Декларация принципов**», принятая **I Всероссийским съездом Советов**. Эта «**Декларация**» предусматривала: 1) созыв **Всероссийской конференции** для выработки условий выхода России из состояния войны и подписания мирного договора; 2) немедленный роспуск **Государственного Совета** и **Государственной Думы**; 3) проведение выборов в **Учредительное Собрание**.

Однако данная программа, которая вполне устраивала меньшевиков и эсеров и была одобрена ими на заседании **ВЦИК**, пришлась не по вкусу кадетам и близким к ним партийным группировкам. Они потребовали распустить **Всероссийский Совет**, передать всю полноту власти **Временному правительству** и продолжить войну до победного конца. В этой ситуации **А.Ф. Керенскому** пришлось пойти на компромисс с кадетами и 18 июля назначить новым главнокомандующим русской армии генерала **Л.Г. Корнилова**, который пользовался огромной популярностью в войсках и вполне устраивал октябристско-кадетские круги.

Тем временем в столице состоялось заседание «**Временного комитета Государственной Думы**» с участием **М.В. Родзянко**, **А.И. Гучкова**, **В.В. Шульгина**, **В.М. Пуришкевича** и других руководителей думских фракций, на котором было выдвинуто требование о создании военного правительства, наделенного диктаторскими полномочиями. **А.Ф. Керенский**, реально испугавшись подобного развития событий, 21 июля призвал **ВЦИК Советов** передать всю полноту власти **Временному правительству** и объявить о своем самороспуске, но этот призыв был им проигнорирован. Тогда сам **А.Ф. Керенский**, **М.И. Терещенко** и **Н.В. Некрасов** вынуждены были пойти на переговоры с эсерами, меньшевиками и кадетами о создании нового коалиционного правительства. 24 июля был объявлен состав **Второго Коалиционного Временного правительства**, в который вошли 7 эсеров и меньшевиков и 8 кадетов. Пост премьер-министра занял глава военного ведомства **А.Ф. Керенский**, министром внутренних дел стал **Н.Д. Авксентьев**, министром иностранных дел остался **М.И. Терещенко**, министром финансов был назначен **Н.В. Некрасов** и т.д.

Параллельно с работой по формированию нового кабинета и наведению порядка в тылу и на фронте, руководство **Временного правительства** вплотную

занялось расследованием июльских событий. Еще 7 июля был отдан приказ о задержании лидеров большевиков, обвиненных в попытке государственного переворота. Одни из них (Л.Б. Каменев, Л.Д. Троцкий, А.В. Луначарский, Ф.Ф. Раскольников) были арестованы и отправлены в «Кресты», другие (И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский) перешли на нелегальное положение и остались в Петрограде, а третьи (В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев) скрылись в Финляндии на станции Разлив.

Одновременно Временное правительство опубликовало документы, свидетельствующие о сотрудничестве большевиков с германским Генеральным штабом. Надо сказать, что вопрос «о немецком золоте большевиков» давно дискутируется в историографии. В советской исторической науке (В. Аникиев, В. Логинов) утверждение о сотрудничестве В.И. Ленина и других лидеров большевиков с германским Генеральным штабом всегда расценивались как гнусная фальсификация и ложь. В постсоветской историографии, напротив, нашлось немало сторонников версии о том, что В.И. Ленин был немецким шпионом. В частности, в целом ряде последних работ А.А. Арутюнова, Д.А. Волкогонова, Ю.Г. Фельштинского и других либеральных авторов были опубликованы сведения (в ряде случаев явно недостоверного характера) о связях лидера большевиков с известными германскими социалистами А.Л. Парвусом (Гельфандом) и Я.С. Ганецким (Фюрстенбергом), которые активно сотрудничали с германскими спецслужбами и щедро финансировали большевиков. В то же время целый ряд авторов (Э. Щагин, Г. Соболев) утверждают, что даже если немцы действительно финансировали В.И. Ленина и Ко, то их «золото» практически никак не повлияло на приход большевиков к власти.

Вместе с тем, как справедливо писал известный российский историк профессор И.Я. Фроянов, немецкие деньги служили лишь дымовой завесой, которая прикрывала другой поток денег, идущий из США с Уолл-стрит от Джейкоба Шиффа — главного спонсора Февральской революции, который был самым тесным образом связан с банкирским кланом Ротшильдов. Кстати, как свидетельствует известный биограф Дж. Шиффа американский историк Н. Коэн, его отношение к царской России было сродни «личной войне, продолжавшейся с 1890-х до 1917 года, которая с годами только усиливалась и превращалась во всепоглощающую страсть. Именно крестовому походу против России он обязан своему возвышению на невиданную прежде для еврейского лидера высоту». Кроме того, свойственники Дж. Шиффа — Феликс и Пауль Варбурги были инициаторами тайной сходки ведущих американских банкиров на острове Джекил, на котором была выработана вся концепция будущей Федеральной Резервной Системы (ФРС) США, основанной в декабре 1913 г., когда Конгресс США принял Закон Л. Оуэна-К. Гласса, а президент В. Вильсон тут же подписал его.

13 июля 1917 г. ЦК РСРП(б) приняло решение о проведении в Петрограде нелегального совещания руководителей столичных партийных комитетов по вопросам стратегии и тактики партии в новых условиях. Накануне этого совещания В.И. Ленин через Я.М. Свердлову передал его участникам свои тезисы о «Политическом положении», которые оказались в центре ожесточенных споров. Суть ленинских тезисов состояла в утверждении, что ВЦИК Советов, контролируемый меньшевиками и эсерами, превратился в «фиговый листок контрреволюции» и период мирного развития революции полностью исчерпан. Поэтому партия должна

отказаться от программных установок «Апрельских тезисов», снять лозунг «**Вся власть Советам!**» и начать подготовку вооруженного восстания.

Против ленинских предложений в категорической форме выступили все руководство **Московского комитета РСДРП(б)** и ряд членов **ЦК**, в том числе **Г.Е. Зиновьев**, **А.И. Рыков** и **В.П. Ногин**. В поддержку ленинского курса выступили только два члена **ЦК** — **В.М. Молотов** и **Я.М. Свердлов**, а **И.В. Сталин** занял неопределенную позицию. Таким образом, при голосовании ленинские тезисы были отвергнуты и принята компромиссная резолюция по этому вопросу.

Узнав об итогах питерского совещания, **В.И. Ленин**, крайне встревоженный возникшим внутри партии расколом, пишет очередную статью «**К лозунгам**», в которой вновь настаивает на снятии лозунга «**Вся власть Советам!**», как не отвечающего создавшейся политической ситуации в стране. Но на **II Конференции Петроградского комитета РСДРП(б)**, состоявшейся в **середине июля 1917 г.**, вновь была принята старая, компромиссная резолюция по этому вопросу.

Именно в такой, крайне непростой внутрипартийной ситуации **26 июля 1917 г.** начал свою работу **VI съезд РСДРП(б)**, в центре которого был вопрос о задачах и тактике большевиков в условиях перехода партии на **нелегальное положение**. На обсуждение делегатов съезда были предложены четыре основных доклада: «**Организационный отчет ЦК**» (**Я.М. Свердлов**), «**О политическом положении**» (**И.В. Сталин**), «**О войне и международном положении**» (**Н.И. Бухарин**) и «**Об экономической ситуации в стране**» (**В.П. Милютин**).

Основная дискуссия, как и ожидалось, развернулась вокруг ленинского положения о подготовке вооруженного восстания. На сей раз, главными оппонентами выступили **И.В. Сталин** и **Н.И. Бухарин**. Суть разногласий заключалась в следующем: **И.В. Сталин** неожиданно поддержал ленинскую позицию и призвал делегатов съезда голосовать за резолюцию «**О политическом положении**», в которой курс на вооруженное восстание провозглашался главным лозунгом партии. **Н.И. Бухарин**, напротив, заявил о том, что успех революции в России всецело будет зависеть от развития революционного процесса в Западной Европе, поэтому курс на вооруженное восстание является преждевременным.

В советской исторической науке (**И. Минц**, **Н. Иванов**, **Г. Иоффе**) традиционно говорилось о том, что решения **VI съезда РСДРП(б)** знаменовали собой победу **ленинского курса на вооруженное восстание**, однако ряд их оппонентов (**А. Рабинович**) полагают, что в результате этой дискуссии, был принят компромиссный вариант резолюции, в которой говорилось о **временном снятии лозунга «Вся власть Советам!»** и очень невнятно и размыто о курсе на вооруженное восстание.

Компромиссный характер решений съезда проявился и при выборах нового состава **ЦК**, куда, наряду с **В.И. Лениным**, **И.В. Сталиным**, **Я.М. Свердловым** и **Л.Д. Троцким**, вошли многие представители умеренного крыла, в частности **Л.Б. Каменев**, **Г.Е. Зиновьев**, **Н.И. Бухарин**, **А.И. Рыков**, **В.П. Милютин**, **В.П. Ногин** и другие.

Пожалуй, единственным документом, принятым делегатами съезда единогласно, стал новый партийный **Устав**, что имело исключительно важное значение для дальнейших судеб всей партии и страны. В частности, в первом параграфе партийного устава был впервые закреплён принцип «**демократического централизма**», согласно которому каждый член партии был обязан подчиняться всем постановлениям и решениям любых партийных органов, конференций и съездов.

2. Корниловский «мятеж»

После трагических июльских событий ситуация в стране и самой столице продолжала стремительно ухудшаться. Попытки нового премьер-министра **А.Ф. Керенского** сохранить широкую правительственную коалицию и его истеричные призывы к единению всех политических сил абсолютно не соответствовали реальному положению вещей. Многим становилось очевидно, что «революционный пасхальный перезвон слишком затянулся и пора бить в набат», что стране нужна «твердая рука» для наведения элементарного порядка в тылу и на фронте. Эта здравая мысль, впервые публично прозвучавшая еще в середине июля, вновь была озвучена олигархом **П.П. Рябушинским** на II Всероссийском съезде промышленников и предпринимателей, проходившем 3–5 августа 1917 г. в столице. Выступление одного из столпов российской буржуазии с подобным предложением было отнюдь неслучайным. Дело в том, что еще в апреле 1917 г., сразу после первого правительственного кризиса, «Общество экономического возрождения России» во главе с **А.И. Путиловым** и **А.И. Гучковым** стало вынашивать планы установления военной диктатуры в стране. В качестве возможных кандидатов на пост военного диктатора рассматривались генералы **М.В. Алексеев**, **А.А. Брусилов** и адмирал **А.В. Колчак**. Но, начиная с июля, явным фаворитом стал генерал от инфантерии **Лавр Георгиевич Корнилов**.

Вскоре после победы Февральской революции по настоятельной просьбе тогдашнего военного министра **А.И. Гучкова**, новым командующим Петроградским военным округом был назначен генерал-лейтенант **Л.Г. Корнилов**. Однако его столичная карьера оказалась непродолжительной и в апреле 1917 г. он вернулся на фронт на должность командующего 8-й общеармейской армии. В ходе печально знаменитого Тернопольского прорыва, предпринятого немцами в начале июля 1917 г., **Л.Г. Корнилов** показал себя не только неплохим военачальником, но и толковым администратором. Поэтому уже 8 июля, с подачи заместителя военного министра **Б.В. Савинкова**, **А.Ф. Керенский** сместил с поста командующего Юго-Западным фронтом генерала **А.Е. Гутора** и назначил на его место генерала **Л.Г. Корнилова**.

16 июля премьер-министр **А.Ф. Керенский**, министр иностранных **М.И. Терещенко** и **Б.В. Савинков** встретились в Могилеве в Ставке с Главкомом **А.А. Брусиловым**, начальником Главного штаба **А.С. Лукомским**, его заместителем **Н.В. Рузским** и командующими Западным и Северным фронтами **А.И. Деникиным** и **В.Н. Клембовским**. В ходе этой встречи весь высший генералитет русской армии заявил о необходимости немедленного наведения железного порядка и восстановления единоначалия в армии. Генерал **Л.Г. Корнилов**, отсутствующий на этой встрече, выразил самую решительную поддержку этих требований и уже 18 июля с подачи **Б.В. Савинкова** был назначен на пост Главкомом.

25 июля на совещании в Ставке с рядом членов правительства **Л.Г. Корнилов** потребовал ввести чрезвычайное военное положение в стране и незамедлительно самыми жесткими мерами навести порядок в тылу и на фронте. Чуть позже ключевые положения этого выступления легли в основу «Доклада Временному правительству», в котором **Л.Г. Корнилов** и **Б.В. Савинков** потребовали предоставить Главкомом чрезвычайные полномочия.

3 августа генерал **Л.Г. Корнилов** прибыл в Петроград на встречу с **А.Ф. Керенским** для обсуждения основных положений своего «Доклада» и в тот же день дал

интервью газете «Известия», в котором откровенно изложил свои основные предложения по наведению порядка в стране. Опубликованное интервью вызвало переполох в лагере левых, которые тут же принялись поносить генерала и требовать его незамедлительной отставки. **А.Ф. Керенский**, всегда отличавшийся изощренным цинизмом и опасаясь подмочить свой имидж защитника демократии, стал вынашивать планы замены **Л.Г. Корнилова** командующим **Юго-Западным фронтом** генералом **В.А. Черемисовым**, который вполне устраивал эсеров и меньшевиков. Но **9 августа** участники **Московского совещания общественных деятелей** — **П.П. Рябушинский**, **А.И. Гучков**, **А.И. Коновалов**, **А.И. Вышнеградский**, **П.Н. Милоков**, генералы **М.В. Алексеев**, **А.А. Брусилов**, **Н.Н. Юденич** и **А.М. Каледин**, демонстративно направили в адрес **Л.Г. Корнилова** телеграмму с выражением полного доверия и поддержки. Одновременно о своей полной поддержке **Главковерха** заявили такие влиятельные структуры, как «Союз офицеров армии и флота», «Союз георгиевских кавалеров», «Совет союза казачьих войск», «Союз земельных собственников», «Военная лига» и «Республиканский центр».

12–15 августа 1917 г. в **Москве** проходило заседание **Государственного совещания**, делегаты которого более чем прохладно встретили выступление **А.Ф. Керенского** и, напротив, восторженно поддержали выступление **Л.Г. Корнилова**, в котором он заявил о необходимости наведения железного порядка в тылу и на фронте. Небывалый рост популярности **Главковерха**, особенно среди буржуазии и военных кругов, вынудил **А.Ф. Керенского** возобновить переговоры с ним. Уже **23 августа** по личному указанию премьер-министра **Б.В. Савинков** провел переговоры с **Л.Г. Корниловым**, в ходе которых были полностью согласованы, а затем утверждены самим премьер-министром, следующие решения: **1) 28–29 августа** в **Петрограде** вводиться военное положение; **2) Петроградский военный гарнизон** полностью переходит в прямое подчинение **Ставки Верховного Главнокомандующего**; **3) в Петроград с фронта** перебрасываются части **3-го Кавалерийского корпуса** генерала **А.М. Крымова**; **4) для управления страной** в условиях чрезвычайного положения создается **Совет Народной Обороны** в составе **Л.Г. Корнилова**, **А.Ф. Керенского**, **М.В. Алексеева**, **А.В. Колчака**, **Б.В. Савинкова** и **М.М. Филоненко**.

25 августа во исполнение принятого решения **1-я Донская казачья** (генерал **Б.Р. Хрещатицкий**), **Уссурийская конная** (генерал **А.А. Губин**) и **Кавказская туземная конная** (генерал **Д.П. Багратион**) дивизии начали движение к **Петрограду**. Тогда же **Л.Г. Корнилов** телеграфировал **Б.В. Савинкову**, что корпус генерала **А.М. Крымова** сосредоточится в окрестностях столицы к исходу **28 августа** и просил его утром **29 августа** объявить **Петроград** на военном положении.

Но **26 августа** ситуация коренным образом изменилась. Хроника событий того рокового дня до сих пор не вполне ясна и реконструировать ее можно с очень большой осторожностью, поскольку за исключением двух противоположных версий, изложенных **А.Ф. Керенским** и **В.Н. Львовым** в их мемуарах, других источников просто нет. Достоверно известно только то, что вечером **22 августа** бывший обер-прокурор **Святейшего Синода Владимир Николаевич Львов** встречался с премьер-министром и предложил ему роль посредника в урегулировании конфликта с **Л.Г. Корниловым**. **А.Ф. Керенский** якобы (сам он это отрицал) дал добро на это предложение, и утром следующего дня **В.Н. Львов** выехал из **Петрограда** в **Ставку**. Вечером **24 августа** он встретился с **Л.Г. Корниловым** и сообщил ему, что **А.Ф. Керенский** готов рассмотреть

вопрос о реорганизации правительства и даже покинуть пост премьер-министра, если того потребует обстановка.

После этого разговора **В.Н. Львов** покинул **Могилев** и вечером **26 августа** прибыл в **Петроград** на доклад к премьер-министру, в котором сообщил ему, что генерал **Л.Г. Корнилов** требует: 1) немедленного приезда **А.Ф. Керенского** в Ставку для передачи ему полномочий главы правительства, 2) отставки всех членов **Временного правительства** и 3) объявления **Петрограда** на военном положении.

В **10 часов** вечера по инициативе **А.Ф. Керенского** состоялся его разговор с **Л.Г. Корниловым**, в котором тот подтвердил свою просьбу о приезде **А.Ф. Керенского** и **Б.В. Савинкова** в **Могилев** для переговоров о новом составе правительства и получил утвердительный ответ от премьер-министра. Однако около полуночи на экстренном заседании правительства **А.Ф. Керенский** сделал сообщение об измене генерала **Л.Г. Корнилова**, потребовал для себя чрезвычайных полномочий и создания нового органа власти — **Директории**. После обсуждения этой информации все министры подали в отставку, а утром **27 августа А.Ф. Керенский** отправил **Л.Г. Корнилову** приказ с требованием передать свои полномочия начальнику штаба Ставки генералу **А.С. Лукомскому**, а самому прибыть в **Петроград**. Однако **А.С. Лукомский** отказался выполнить этот приказ, а **Л.Г. Корнилов**, осознав, что стал жертвой гнусной провокации, в ответной телеграмме обвинил правительство в национальной измене и заявил, что ради спасения гибнущей России, берет всю полноту власти в свои руки.

Тем временем, в условиях нового политического кризиса, **А.Ф. Керенский** стал лихорадочно искать поддержки у левых политических сил. Вечером **27 августа** состоялось экстренное заседание **ВЦИК Советов**, члены которого решили поддержать **А.Ф. Керенского** в борьбе с **Л.Г. Корниловым**. На этом совещании было принято решение о создании чрезвычайного органа **ВЦИК** — «**Комитета народной борьбы с контрреволюцией**» куда вошли по три представителя от партий эсеров, меньшевиков и большевиков. Одновременно **Всероссийский Исполком профсоюза железнодорожников (Викжель)**, полностью контролируемый эсерами и меньшевиками, направил на все узловые станции **Варшавской** и **Балтийской железных дорог** указание любыми средствами задержать продвижение воинских эшелонов к **Петрограду**. Тогда же на эти железнодорожные станции были посланы многочисленные агитаторы, а части столичного гарнизона, верные **Временному правительству** и **ВЦИК**, заняли оборону на южной и западной окраинах столицы. Однако до вооруженного столкновения дело не дошло, поскольку части **3-го Кавалерийского корпуса** так и не смогли пробиться к столице. Вечером **30 августа** для переговоров с **А.Ф. Керенским** в **Петроград** прибыл генерал **А.М. Крымов**. Их встреча, содержание которой так и осталась «тайной за семью печатями», состоялась днем **31 августа**. А сразу после разговора с премьером генерал **А.М. Крымов** застрелился, унеся с собой в могилу многие тайны развернувшейся драмы.

В этот же день **А.Ф. Керенский** произвел смену всего начальствующего состава армии и военного министерства. На себя он возложил полномочия **Главковерха**, новым начальником **Главного штаба Ставки** вновь стал генерал **М.В. Алексеев**, а на пост военного министра был назначен командующий **Московским военным округом** генерал **А.И. Верховский**. А уже **2 сентября 1917 г.** в **Могилеве** были арестованы генералы **Л.Г. Корнилов**, **А.С. Лукомский**, **А.И. Деникин** и другие «мятежники».

Надо сказать, что в советской исторической науке (Н. Иванов, Г. Иоффе, В. Булдаков) события 25–30 августа 1917 г. всегда презрительно называли «корниловщиной». Уже в самом этом названии четко проявлялась однозначная и резко негативная оценка тех событий, как попытка мятежного генерала Л.Г. Корнилова и буржуазно-монархических сил задушить революцию и установить в стране реакционный военный режим. Такая же оценка этих событий свойственна и современной либеральной историографии (Н. Верт, В. Дмитренко). Однако она очень далека от истины, поскольку: 1) совершенно очевидно, что генерал Л.Г. Корнилов стал жертвой подлой провокации устроенной В.Н. Львовым и Ко. 2) именно А.Ф. Керенский, потребовавшийся для себя чрезвычайных полномочий, стал настоящим узурпатором власти и мятежником. 3) так называемый «корниловский мятеж», был не «заговором против революции», а попыткой генералов-патриотов спасти страну от неминуемой катастрофы и гибели, которая не увенчалась успехом. Между тем, как сказал один известный поэт, «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе»...

3. Развитие революции в сентябрь 1917 г.

После победы над «мятежным» генералом Л.Г. Корниловым на повестку дня был поставлен ключевой вопрос об организации новой власти. Надо сказать, что еще 27 августа, на известном заседании правительства, кадеты предложили А.Ф. Керенскому уйти в отставку и уступить свое место генералу М.В. Алексееву, способному найти компромисс с Л.Г. Корниловым. Однако это предложение кадетов было отвергнуто премьером, который заявил о создании чрезвычайного органа власти — Директории. 28 августа ВЦИК Советов и ЦК партий эсеров и меньшевиков, обсудив инициативу А.Ф. Керенского, дали добро на создание Директории, но с условием, что в ее состав не войдут кадеты.

1 сентября 1917 г. был оглашен состав Директории, в которую вошли сам А.Ф. Керенский, сохранивший пост главы правительства и министра внутренних дел, министр иностранных дел М.И. Терещенко, военный министр генерал А.И. Верховский, морской министр адмирал Д.Н. Вердеревский и министр почт и телеграфов А.М. Никитин. В тот же день Россия была провозглашена республикой, однако надо заметить, что этот акт был совершенно не легитимен, поскольку будущую форму правления в России было вправе определить только Учредительное Собрание, выборы в которое должны были состояться буквально в середине сентября. Тем не менее, уже на следующий день, явно по договоренности с премьером, ВЦИК принял неожиданное решение перенести открытие II Всероссийского съезда Советов с 25 сентября на 20 октября и созвать в ближайшее время «Демократическое совещание», а пока оказать условную поддержку Директории.

В связи с данной ситуацией В.И. Ленин, находившийся тогда на территории Финляндии, пишет свою знаменитую статью «О компромиссах», в которой предложил эсерам и меньшевикам следующие условия компромисса: 1) большевики снимают свое требование о формировании Временного революционного правительства и возвращаются к лозунгу «Вся власть Советам!»; 2) меньшевики и эсеры целиком берут власть в свои руки и формируют однородное социалистическое правительство, ответственное перед Советом; 3) большевики в состав нового правительства не входят, но получают гарантии полной легальной деятельности.

Таким образом, вождь большевиков фактически вернулся к прежней ориентации на мирное развитие революции. Однако позиция, занятая руководством эсеров и меньшевиков в вопросе о власти, которую они продемонстрировали на заседании ВЦИК, вынудила его дописать к этой статье следующий постскрипtum: «...пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было еще возможно, тоже прошли...».

По мнению большинства историков (А. Рабинович, В. Старцев), В.И. Ленин окончательно отверг политику компромисса 12–14 сентября, когда написал две новых статьи «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». В этих письмах, адресованных в Центральный, Питерский и Московский комитеты партии, лидер большевиков поставил перед своими соратниками конкретные политические задачи: 1) получить большинство в обоих столичных Советах; 2) прекратить любое сотрудничество с эсерами и меньшевиками в рамках «Демократического совещания»; 3) начать организационно-техническую подготовку вооруженного восстания в Петрограде и Москве. Однако руководство партии, получив эти письма 15 сентября, оценило их крайне негативно и приняло решения сжечь все копии этих писем, оставив по одному экземпляру каждого письма.

Тем временем в столице начало работу «Демократическое совещание», где практически сразу определились позиции трех основных политических сил: а) правое крыло меньшевистско-эсеровского блока (И.Г. Церетели, Н.Д. Авксентьев) взяло курс на заключение коалиции с кадетами и другими буржуазными партиями; б) центристы — правые эсеры, часть большевиков и меньшевики-интернационалисты (В.М. Чернов, Л.Б. Каменев, Ю.О. Мартов) отвергли эту коалицию и выступили за передачу всей полноты власти однородному социалистическому правительству; в) левое крыло — другая часть большевиков и левые эсеры (Л.Д. Троцкий, М.А. Спиридонова) настаивали на передаче всей полноты власти Всероссийскому съезду Советов.

Но в конечном итоге, 20 сентября большинство делегатов «Демократического совещания» поддержали предложение И.Г. Церетели передать окончательное решение вопроса о власти «Временному Совету республики» или Предпарламенту, избранному из числа делегатов этого совещания.

22–24 сентября делегация Предпарламента во главе с его председателем Н.Д. Авксентьевым приняла участие в переговорах с А.Ф. Керенским по вопросу формирования нового состава правительства и его программе, которые завершились подписанием соглашения о создании третьего состава Временного Коалиционного правительства под председательством А.Ф. Керенского.

В состав этого правительства, сформированного 25 сентября, опять вошли кадеты, эсеры и меньшевики, а также два беспартийных военных специалиста. Ключевые посты в новом правительстве А.Ф. Керенского заняли первый вице-премьер Н.В. Некрасов, второй вице-премьер А.И. Коновалов, министр иностранных дел М.И. Терещенко, военный министр А.И. Верховский, морской министр Д.Н. Вердеревский, министр финансов М.В. Бернацкий, министр юстиции П.Н. Малянтович и министр почт и телеграфов С.М. Третьяков.

В тот же день произошел большевистский переворот в Петроградском Совете и новым председателем его Исполкома был избран Лев Давыдович Троцкий. А 27 сентября ВЦИК подтвердил свое решение о созыве 20 октября II Всероссийского

съезда Советов и в связи с этими обстоятельствами у значительной части руководства большевистской партии (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин) возникло твердое убеждение, что именно этот съезд должен окончательно решить проблему двоевластия в пользу Советов.

Тем временем, 29 сентября 1917 г. В.И. Ленин, перебравшийся без санкции ЦК из Гельсингфорса в Выборг, закончил работу над своей знаменитой статьей «Кризис назрел». Находясь на нелегальном положении и, не имея реальной возможности влиять на развитие политической ситуации в столице, а главное в самой партии, он фактически предъявил своим товарищам по партии открытый ультиматум, назвав их «жалкими изменниками пролетарскому делу». Чтобы уважаемый читатель смог по достоинству оценить весь пафос этого ленинского фолианта, мы приведем несколько цитат из этой статьи, которые не нуждаются в наших комментариях: «Надо признать правду, что у нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение за ожидание съезда Советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания. Надо побороть это течение или мнение. Иначе, большевики опозорили себя навеки, и сошли на нет как политическая партия... «Ждать» съезда Советов есть идиотизм, ибо съезд ничего не даст, ничего не может дать! ... если мы будем «ждать» съезда Советов и упустим момент теперь, мы губим революцию».

Резкая критика В.И. Лениным тактической линии руководства партии, наконец, возымела свое действие, и в начале октября по решению ЦК В.И. Ленин конспиративно прибыл из Выборга в Петроград, что, по мнению подавляющего большинства историков (В. Старцев, Е. Черменский, А. Рабинович), сыграло решающую роль во всех последующих событиях в истории нашей страны.

Тема: ПРИХОД БОЛЬШЕВИКОВ К ВЛАСТИ (ОКТАБРЬ – НОЯБРЬ 1917 Г.)

План:

1. Октябрьский переворот 1917 г: хроника основных событий.
2. Первые испытания на прочность.

1. Октябрьский переворот 1917 г: хроника основных событий

6 октября — на первом заседании Предпарламента, исполняя решение ЦК РСДРП(б), депутаты большевистской фракции в полном составе вышли из его состава, который Л.Д. Троцкий презрительно назвал «вторым изданием Булыгинской думы». В настоящее время целый ряд историков (Н. Верт) именно это событие считают первым актом Октябрьской революции. Хотя, большинство их коллег (Г. Иоффе, В. Логинов, В. Булдаков) считают, что эта оценка не вполне правомерна, поскольку Предпарламент никогда не являлся реальным органом власти, а возможность сотрудничества с эсерами и меньшевиками в иных формах все еще не отрицалась руководством большевистской партии.

7 октября — печатный орган ЦК газета «Рабочий путь» опубликовала ленинскую статью «Кризис назрел», а III Петроградская конференция РСДРП(б) приняла ленинскую резолюция «О политическом положении», в которой провозглашался курс на вооруженное восстание.

10 октября — состоялось первое экстренное заседание ЦК РСДРП(б), на котором В.И. Ленин и Я.М. Свердлов выступили с докладами, где обосновали необходимость скорейшей подготовки и проведения вооруженного восстания в столице. Эта позиция была поддержана десятью членами ЦК за исключением Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева. Однако, несмотря на это обстоятельство, они, наряду с В.И. Лениным, И.В. Сталиным, Л.Д. Троцким, Г.Я. Сокольниковым и А.С. Бубновым, вошли в состав Политбюро ЦК, созданного для политического руководства вооруженным восстанием.

11 октября — Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев обратились с письмом в Центральный, Петроградский и Московский комитеты РСДРП(б), в котором пытались доказать гибельность курса на вооруженное восстание и неизбежность его поражения в данных исторических условиях.

12 октября — по инициативе Л.Д. Троцкого при Исполкоме Петросовета был создан Военно-революционный комитет (ВРК), который фактически стал легальным штабом подготовки вооруженного восстания. Формальным руководителем этого органа стал левый эсер Павел Лазимир, но реальное руководство им осуществляли Лев Троцкий, Николай Подвойский, Павел Дыбенко, Владимир Антонов-Овсеенко и другие руководители Военной организации РСДРП(б).

16 октября — состоялось второе расширенное заседание ЦК РСДРП(б) по вопросу о вооруженном восстании. Мнения по данному вопросу опять разделились: шесть участников этого совещания проголосовали за зиновьевскую резолюцию об отсрочке вооруженного восстания до открытия II Всероссийского съезда Советов, а девятнадцать — поддержали ленинскую резолюцию о немедленном захвате власти. С учетом этого обстоятельства, на вечернем заседании, где присутствовали только члены ЦК, для непосредственной организационно-технической подготовки и проведения вооруженного восстания был создан Военно-революционный центр (ВРЦ) в составе И.В. Сталина, Ф.Э. Дзержинского, Я.М. Свердлова, А.С. Бубнова и М.С. Урицкого.

Надо сказать, что в советской историографии господствовало утверждение о том, что именно ВРЦ, а не ВРК сыграл решающую роль в Октябрьском перевороте 1917 г. Такая трактовка роли этих структур в тех исторических событиях была связана с двумя важными обстоятельствами: 1) И.В. Сталин был членом ВРЦ, а не ВРК; 2) Именно Л.Д. Троцкий был реальным руководителем ВРК, сыгравшем решающую роль в Октябрьском перевороте.

17 октября — Бюро ВЦИК, которое продолжали контролировать эсеры и меньшевики, по просьбе Временного правительства перенесло открытие II Всероссийского съезда Советов на 25 октября 1917 г.

18 октября — в газете «Новая Жизнь», которую редактировал Максим Горький, была опубликована статья Льва Каменева, в которой он от себя лично и от имени Г.Е. Зиновьева заявил об их несогласии с решением партийного ЦК о курсе на вооруженное восстание, указав на то обстоятельство, что вопрос о власти может быть решен только на II Всероссийском съезде Советов.

Узнав об этой выходке **Л.Б. Каменева**, **В.И. Ленин** потребовал немедленного исключения его и **Г.Е. Зиновьева** из партии. Однако из-за примиренческой позиции, занятой **И.В. Сталиным** и **Я.Б. Свердловым**, не желавших усугублять дальнейший раскол в партии, это предложение вождя было отклонено.

Надо сказать, что ряд современных авторов (**Э. Щагин**), отмечая серьезность расхождений по вопросу о восстании в руководстве большевистской партии, считают, что было бы неверно преувеличивать как глубину этих расхождений, так и степень их негативного воздействия на подготовку вооруженного восстания, чем явно грешила советская историография. В жарких спорах на заседаниях **ЦК** и в частных разговорах членов **ЦК**, происходило не столько размежевание, сколько постепенное сближение позиций **Л.Б. Каменева** и **Г.Е. Зиновьева** с **Л.Д. Троцким** и **И.В. Сталиным** по вопросу взаимосвязи восстания и съезда Советов, а **В.И. Ленина** с **Л.Д. Троцким** об упреждающем ударе по политическим противникам до начала работы съезда Советов.

19 октября — на организационном заседании **ВРК** было избрано бюро во главе с **Л.Д. Троцким** и принято решение о направлении в части столичного военного гарнизона и на корабли Балтийского флота комиссаров **ВРК**, которые получили неограниченное право накладывать вето на все приказы и распоряжения командиров воинских частей и соединений.

20–21 октября — на заседании Предпарламента между военным министром **А.И. Верховским** и министром иностранных дел **М.И. Терещенко** возник острый спор по проблеме войны и мира. Глава военного ведомства, обладавший реальной информацией о ситуации на фронте, предложил немедленно начать переговоры с союзниками о временном выходе России из состояния войны. Однако **М.И. Терещенко** заявил, что данный вопрос не обсуждался в правительстве и высказался против принятия данного предложения. **А.Ф. Керенский**, оказавшись в сложной ситуации, все же поддержал своего давнишнего товарища по масонской ложе и отправил генерала **А.И. Верховского** в бессрочный отпуск.

21–22 октября — состоялись переговоры делегации **ВРК** с командующим **Петроградским военным округом** полковником **Г.П. Полковниковым**, на которых тот отказался подчинить штаб округа **Петросовету** и признать полномочия комиссаров **ВРК**. В этой ситуации **ВРК** издал приказ, в котором объявил, что любые приказы и распоряжения штаба округа, не согласованные с **ВРК**, являются недействительными.

22–23 октября — по призыву **Исполкома Петросовета** в столице состоялись массовые митинги и манифестации в поддержку Советов. При этом **Временное правительство**, назначившее на те же дни смотр казачьих войск, было вынужденно под давлением **ВРК** отменить эту военно-политическую акцию.

Тем временем **В.И. Ленин**, расценив эти события как свидетельство окончательного банкротства **Временного правительства**, в своем очередном письме адресованному **Я.М. Свердлову**, потребовал немедленных и решительных действий. Однако **Л.Д. Троцкий**, находившейся в состоянии полной эйфории, посчитал, что можно подождать открытия съезда Советов и в рамках советской легальности взять власть. Но события последующих трех дней развеяли эти радужные иллюзии оракула революции.

24 октября — по приказу **А.Ф. Керенского** в **Петроград** были введены дополнительные воинские части, которые взяли под контроль ряд важнейших объектов

города. Одновременно по распоряжению правительства была закрыта типография, в которой печатались органы ЦК и ВО РСДРП(б) газеты «Рабочий путь» и «Солдат».

В 9 часов утра в Смольном институте, где размещался штаб вооруженного восстания, состоялось экстренное заседание ЦК РСДРП(б), на котором были приняты следующие решения: 1) усилить охрану штаба революции, 2) организовать в Петропавловской крепости запасной штаб восстания, 3) возобновить издание партийных газет и 4) привести части Красной гвардии и Балтийского флота в повышенную боевую готовность.

Днем премьер-министр А.Ф. Керенский выступил в Предпарламенте и потребовал от депутатов предоставить правительству чрезвычайные полномочия для подавления большевистского мятежа. Однако вместо поддержки он получил вотум недоверия правительству, что фактически означало полный разрыв между А.Ф. Керенским и руководством эсеров и меньшевиков, еще недавно являвшихся главной опорой Временного правительства.

Во второй половине дня по приказу ВРК отряды Красной гвардии, части столичного гарнизона и отряды балтийских моряков взяли под контроль Центральный телеграф, Балтийский вокзал, Николаевский, Дворцовый и Литейный мосты и ряд других важнейших объектов города.

В.И. Ленин, находившийся на конспиративной квартире и получавший вполне достоверную информацию о событиях в столице, был крайне недоволен медлительностью ЦК и ВРК по захвату власти. Понимая, что любое промедление в этом вопросе смерти подобно, поздним вечером в сопровождении своего охранника Эйно Рахья он направился в Смольный институт. По мнению большинства историков (В. Старцев, А. Рабинович), именно его приход в штаб вооруженного восстания в ночь на 25 октября стал поворотным пунктом большевистского переворота и во многом предопределил его успешный исход.

В ночь на 25 октября — после провала переговоров А.Ф. Керенского и А.И. Коновалова с руководителем «Совета союза казачьих войск» генералом А.И. Дутовым, глава правительства через генерала Н.А. Левицкого отправил в Ставку приказ о переброске в Петроград двух казачьих дивизий из расположения Северного фронта. Тем временем по приказу ВРК были взяты под полный контроль Николаевский, Варшавский, Царскосельский и Финляндский вокзалы, здания Центрального почтамта, Телефонной станции, Электростанции и Государственного банка.

Утром того же дня ряд партийных газет опубликовали ленинское воззвание «К гражданам России», в котором вождь большевиков заявил о том, что Временное правительство низложено и вся власть перешла в руки ВРК. По мнению ряда зарубежных историков (Н. Верт, Р. Пайпс), публикация этого воззвания представляла собой настоящий государственный переворот, поскольку вся полнота власти передавалась не легальному Съезду Советов, где, по мнению В.И. Ленина, было слишком много соглашателей, а неподконтрольному ему революционному органу, созданному в период подготовки вооруженного захвата власти в столице.

Тогда же, утром 25 октября, глава правительства А.Ф. Керенский срочно выехал из Петрограда в штаб Северного фронта к генералу В.А. Черемисову, где надеялся заручиться поддержкой боеспособных армейских частей, способных защитить правительство и подавить вооруженный мятеж. Однако генерал В.А. Черемисов в категорической форме отказался поддержать правительство. Более того, узнав

о том, что **Временное правительство** назначило уполномоченным по наведению порядка в городе министра государственного призрения **Н.М. Кишкина**, новый начальник штаба **Ставки** генерал **Н.Н. Духонин** отменил приказ о переброске фронтowych частей в **Петроград**.

В **15 часов** дня по приказу **ВРК** был распущен **Предпарламент**, а здание **Мариинского дворца**, в котором заседал этот «законодательный орган власти» был взят под контроль моряками **Балтийского флота**. Та же участь постигла и большинство зданий **министерств и ведомств**, руководители которых давно находились в **Зимнем дворце**.

Днем **25 октября** стало совершенно очевидно, что единственным очагом сопротивления восставшим остается **Зимний дворец**, охрану которого осуществляли два отряда казаков и юнкеров (**900 сабель и штыков**) под руководством капитана **П.А. Пальчинского**. Около **19 часов** солдаты **Кексгольмского** и **Павловского полков** и отряды **балтийских моряков** и **красногвардейцев**, численность которых, по разным оценкам, составляла от **11 до 20 тысяч штыков**, завершили окружение **Дворцовой площади** и **Зимнего дворца**. После окончания этой операции членам **Временного правительства** был предъявлен ультиматум о сдаче, который был ими отклонен. В этой ситуации для устрашения казаков и юнкеров, продолжавших защищать **Зимний дворец** и его обреченных обитателей, по зданию бывшей царской резиденции был открыт орудийный, а затем ружейный и пулеметный огонь.

Тем временем, в **22 часа 30 минут** в **Таврическом дворце** начал свою работу **II Всероссийский съезд Советов**. Попытка **Ф.И. Дана**, **Ю.О. Мартова** и ряда других лидеров эсеров и меньшевиков создать «**Комиссию по примирению враждующих сторон**» была отклонена большинством делегатов съезда. В этой ситуации эсеры и меньшевики пошли на совершенно необдуманный шаг: они покинули заседание съезда, полностью отдав контроль над ним большевикам и левым эсерам.

26 октября — около часа ночи по приказу комиссаров **ВРК В.А. Антонова-Овсенко** и **Г.И. Чудновского** начался «штурм» **Зимнего дворца**, который завершился уже в **2 часа** ночи арестом большинства членов **Временного правительства**, находившихся в «**Малой гостиной**» дворца: **М.В. Бернацкого**, **К.А. Гвоздева**, **Н.М. Кишкина**, **М.И. Терещенко**, **А.И. Коновалова**, **С.Н. Третьякова**, **П.Н. Малянтовича**, **С.Л. Маслова**, **С.Н. Прокоповича**, **С.С. Салазкина** и **И.Г. Церетели** и заточением их в **Петропавловскую крепость**.

В **4 часа** ночи возобновил свою работу **II Всероссийский съезд Советов**, делегаты которого по докладу **А.В. Луначарского** проголосовали за декрет «**О власти**», в котором заявлялось о свержении **Временного правительства** и взятии **Всероссийским съездом Советов солдатских и рабочих депутатов** всей полноты государственной власти в стране.

Затем в работе съезда был объявлен перерыв, во время которого состоялось совместное заседание **ЦК РСДРП(б)** и партийной фракции съезда, где обсуждались написанные **В.И. Лениным** проекты декретов «**О мире**» и «**О земле**». Вечером **26 октября** состоялось второе заседание **II Всероссийского съезда Советов**, на котором были приняты три важнейших решения:

1) По докладу **Л.Д. Троцкого** было принято решение о создании до созыва **Учредительного Собрания Временного Советского правительства** — **Совета Народных Комиссаров** в следующем составе: председатель **Совнаркома** — **Владимир Ильич Ульянов (Ленин)**, нарком иностранных дел — **Лев Давыдович Бронштейн (Троцкий)**,

нарком внутренних дел — Алексей Иванович Рыков, нарком финансов — Иван Иванович Скворцов (Степанов), нарком по делам национальностей — Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин), нарком земледелия — Владимир Павлович Милютин, нарком по делам промышленности и торговли — Виктор Павлович Ногин, нарком труда — Александр Гаврилович Шляпников, нарком юстиции — Георгий Ипполитович Оппоков (Ломов), нарком продовольствия — Иван Адольфович Теодорович, нарком почт и телеграфов — Николай Навлович Авилон (Глебов), нарком просвещения — Анатолий Васильевич Луначарский и наркомат по военным и морским делам в составе Владимира Александровича Овсенко (Антонов), Николая Васильевича Крыленко и Павла Ефимовича Дыбенко.

Надо сказать, что в советской исторической науке традиционно утверждали, что первое советское правительство сплошь и рядом состояло из блестяще образованных людей, члены которого знали несколько иностранных языков и закончили ведущие университеты страны. Однако, как верно отметили многие западные советологи (С. Коэн, Н. Верт) и ряд российских историков (Ю. Емельянов), подавляющая часть большевиков в годы своей тревожной юности, которая отличалась бессистемным обучением и чтением положительно всего и вся, отменно усвоили лишь политическую риторику и идеологическую софистику и в силу этого печально-го обстоятельства были не способны расширить свой политический горизонт за пределы марксистской социалистической доктрины.

2) По докладу В.И. Ленина делегаты съезда приняли два первых нормативных акта советской власти — декреты «О мире» и «О земле». В первом декрете Советское правительство обращалось ко всем правительствам воюющих стран немедленно прекратить войну и начать переговоры о заключении справедливого и демократического мира без аннексий и контрибуций. Во втором декрете, который был составлен на основе «Сводного крестьянского наказа», принятого I Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов еще в мае 1917 г., заявлялось, что помещичья собственность на землю отменяется немедленно и без всякого выкупа, а все помещичьи, равно как и монастырские, удельные и церковные земли со всем их движимым и недвижимым имуществом подлежат переходу в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов.

При этом вся земля, которая была конфискована у помещиков, церкви и монастырей подлежала распределению среди крестьян в бесплатное и бессрочное пользование на уравнильно-трудовых началах. Этим же декретом отменялась частная собственность на землю и вся земля обращалась во всенародное достояние, что фактически означало ее национализацию.

Надо сказать, что в современной историографии целый ряд авторов (М. Рен, Р. Макнил, Э. Карр, Д. Волкогонов, В. Дмитренко) обвиняют большевиков в присвоении эсеровской программы социализации земли. Однако их оппоненты (Э. Шагин, В. Иванов) полагают, что данное утверждение не вполне корректно, поскольку основные положения большевистской аграрной программы не противоречили эсеровской аграрной программе, за исключением принципа уравнильного землепользования. Не ввязываясь в этот спор, отметим только то обстоятельство, что в данном случае большевики мастерски воспользовались программой своих политических противников и, заручившись поддержкой многомиллионного русского крестьянства, смогли удержать государственную власть в своих руках.

3) Делегаты съезда избрали новый состав **Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК)** в составе **101 члена**, подавляющее большинство в котором получили большевики (**62 мандата**) и левые эсеры (**29 мандатов**). Именно **ВЦИК**, новым председателем которого был избран **Л.Б. Каменев**, в перерыве между съездами стал высшим органом государственной власти в стране.

Таким образом, **Октябрьский переворот** стал свершившимся фактом, но это вовсе не означало полной и безоговорочной победы большевиков, поскольку было ясно, что впереди их ждут нелегкие времена.

2. Первые испытания на прочность

Утром **26 октября 1917 г.** премьер-министр низложенного **Временного правительства** добрался до **Пскова**, где располагался штаб **Северного фронта**. Встретившись с его командующим генералом **В.А. Черемисовым**, **А.Ф. Керенский** попытался убедить его направить в **Петроград** верные правительству войска для подавления большевистского мятежа. Но не получив его согласия на свое предложение, он сместил **В.А. Черемисова** с занимаемой должности и отдал приказ командиру **3-го Кавалерийского корпуса** генерал-лейтенанту **П.Н. Краснову** начать наступление на столицу. **27–28 октября** войска **Керенского-Краснова** заняли **Гатчину** и **Царское Село** и подошли к окраинам столицы, взятие которой планировалось утром следующего дня.

Тем временем, утром **29 октября** «**Комитет спасения Родины и революции**» (**М.Р. Гоц**, **Г.П. Полковников**), созданный меньшевиками и эсерами прямо накануне **Октябрьского переворота**, предпринял попытку силами **Михайловского**, **Владимирского**, **Николаевского**, **Павловского** и **Александровского юнкерских училищ** свергнуть власть большевиков, но она закончилась безрезультатно.

30 октября П.Н. Краснов, потерпев поражение под **Пулковым** и **Гатчиной**, был арестован, а **А.Ф. Керенский**, подписав заявление о сложении с себя полномочий главы **Временного правительства** и **Главковерха**, передав этот пост генералу **Н.Н. Духонину**, скрылся в неизвестном направлении. Надо сказать, что в советской историографии события **26–30 октября 1917 г.** традиционно называли «**мятежом Краснова-Керенского**», хотя сам генерал **П.Н. Краснов** очень точно назвал этот мятеж «**игрой в солдатики**».

Еще не ясен был исход противостояния под **Пулковым** и **Гатчиной**, а большевики уже столкнулись с куда более опасной проблемой. **29 октября 1917 г.** руководство крупнейшего профсоюза **Викжеля** под угрозой начала всеобщей забастовки на железнодорожном транспорте предъявило им ультиматум и потребовало от руководства **РСДРП (б)** немедленного заключения перемирия с **А.Ф. Керенским** и создания однородного социалистического правительства. В данной ситуации, когда угроза захвата **Петрограда** была еще достаточно высока, а в **Москве** шли ожесточенные уличные бои между правительственными войсками и отрядами красногвардейцев, **ЦК РСДРП(б)** принял решение направить на переговоры с профсоюзными лидерами делегацию **ВЦИК** во главе с **Л.Б. Каменевым**. В ходе переговоров делегация большевиков довольно быстро приняла условия, выдвинутые **Викжелем**, суть которых состояла в следующем: **1)** создать вместо однопартийного **ВЦИК** так называемый **Народный совет** из представителей всех социалистических партий; **2)** сформировать на паритетных началах однородное социалистическое правитель-

ство во главе с **В.М. Черновым** или **Н.Д. Авксентьевым** и не включить в его состав **В.И. Ленина** и **Л.Д. Троцкого**.

Это соглашение, подписанное **1 ноября 1917 г.**, было практически сразу поддержано многими членами **ЦК**, в том числе **Г.Е. Зиновьевым**, **А.И. Рыковым**, **В.П. Милютиным** и **В.П. Ногиным**, которые по-прежнему выступали за поиск компромисса с эсерами и меньшевиками. Однако **В.И. Ленин** и **Л.Д. Троцкий**, узнав об этой предательской выходке товарищей по партии, пришли в неопишемую ярость и потребовали немедленного прекращения любых переговоров с **Викжелем**. Дискуссия по этому вопросу на заседании **ЦК РКП(б)** носила исключительно острый характер и все же вождям революции удалось одержать вверх. Утром **3 ноября 1917 г.** было опубликовано ультимативное заявление **ЦК РСДРП(б)** о непризнании данного соглашения и об отказе от дальнейших переговоров с **Викжелем**. В знак протеста против принятого решения, из состава **ЦК** вышли **Г.Е. Зиновьев**, **Л.Б. Каменев**, **А.И. Рыков**, **В.П. Ногин** и **В.П. Милютин**, при этом трое последних покинули и свои посты в **Совнаркоме**, а **Л.Б. Каменев** — пост председателя **ВЦИК**. Для сохранения власти руководству большевистской партии предстояло в кратчайшие сроки преодолеть правительственный кризис. Достаточно быстро был решен вопрос с новым председателем **ВЦИК** — **8 ноября** им стал **Яков Михайлович Свердлов**. Но процедура занятия вакансий в правительстве оказалась довольно трудной. **В.И. Ленин**, сознавая всю сложность создавшегося положения, **4 ноября** предложил руководству партии левых эсеров войти в состав **Советского правительства**. Первоначально они отказались от этого предложения, но в конце ноября все же приняли его, поскольку: **1)** левые эсеры не только приняли активное участие в **Октябрьском перевороте**, но и поддержали переход всей полноты государственной власти в стране в руки Советов; **2)** на **IV съезде** партии эсеров, который состоялся в **середине ноября 1917 г.**, сторонники **М.А. Спиридоновой** и **Б.Д. Камкова** окончательно размежевались с **В.М. Черновым** и **Н.Д. Авксентьевым**, и начали процесс создания полноценной партии левых эсеров; **3)** на **II Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов**, который состоялся **10–25 ноября 1917 г.**, где левые эсеры получили большинство мандатов, был практически единогласно одобрен декрет «О земле» и принято решение об объединении с **Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов** и образовании единого **ВЦИК**.

В состав нового **Советского коалиционного правительства** вошли семь левых эсеров: нарком внутренних дел **Владимир Александрович Агласов (Бурдаков)**, нарком земледелия **Андрей Лукич Колегаев**, нарком юстиции **Исаак Захарович Штернберг**, нарком финансов **Михаил Абрамович Бриллиантов**, нарком почт и телеграфов **Прош Перцович Прошьян**, нарком государственных имуществ **Владимир Александрович Карелин** и нарком местного самоуправления **Владимир Евгеньевич Трутовский**.

Между тем, **29 ноября 1917 г.** произошло совершенно незаметное, но крайне важное событие, которое со всей очевидностью показало реальных вождей большевистской партии: в рамках **ЦК РКП(б)** было создано «узкое бюро», которому в виду особых обстоятельств, было предоставлено исключительное право решать все экстренные дела, требующие особой оперативности. В состав этого «узкого бюро» вошли всего лишь четыре члена **ЦК** — **В.И. Ленин**, **И.В. Сталин**, **Л.Д. Троцкий** и **Я.М. Свердлов**.

Тема: РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (НОЯБРЬ 1917 – ИЮНЬ 1918 ГГ.)

План:

1. Проблема Учредительного Собрания.
2. Марксистско-ленинское учение о государстве.
3. Создание центрального советского государственного аппарата.
4. Создание органов советской власти на местах.
5. Первые экономические преобразования большевиков.

1. Проблема Учредительного Собрания

Одной из самых острых проблем, с которой большевики столкнулись сразу после захвата власти, стала проблема **Учредительного Собрания**, поскольку, как верно отметили многие историки (**В. Журавлев, Н. Симонов, Л. Протасов**), для разных политических сил и классов идея его созыва все еще оставалась «**альфой и омегой демократической революции**». Именно поэтому, захватив государственную власть, большевики, надеясь на положительный для них исход выборов, подтвердили свою готовность провести их в установленный **Временным правительством** срок.

12 ноября 1917 г. в **68 избирательных округах** состоялись выборы во **Всероссийское Учредительное Собрание**, в которых приняли участие более **44 млн избирателей**. Согласно статистическим данным итоги этих выборов оказались неутешительными для большевиков: они получили только **24 % голосов**, в то время как эсеры и меньшевики получили **59 % голосов**, а кадеты и близкие к ним политические группировки — **17 % голосов**. Таким образом, из **703 депутатов**, избранных во **Всероссийское Учредительное Собрание**, **105 депутатских мандатов** достались кадетам, **168 мандатов** получили большевики и **278 мандатов** — эсеры и меньшевики, из которых **39 мандатов** достались **левым эсерам**, заключившим политический союз с большевиками.

В подобной ситуации созыв **Учредительного Собрания** грозил большевикам реальной потерей власти, поэтому уже **23 ноября 1917 г.** по указанию **В.И. Ленина** и **Л.Д. Троцкого** были арестованы все члены **Центральной избирательной комиссии**, занимавшиеся подготовкой этих выборов и окончательным подсчетом голосов: **М.М. Виновер, М.В. Вишняк, В.М. Гессен, В.Н. Крахмаль, Г.И. Лоркипанидзе, В.А. Маклаков, В.Д. Набоков, Б.Э. Нольде** и другие. Одновременно с этой акцией решением **Советского правительства** был учрежден пост **комиссара по делам Учредительного Собрания**, на который был назначен член **ЦК РСДРП(б)** **Моисей Соломонович Урицкий**.

25 ноября ЦК Партии левых эсеров, согласившись войти в состав **Временного Советского правительства**, предложило руководству партии большевиков создать совместную межпартийную фракцию **Учредительного Собрания** и **ВЦИК**, и образовать на базе этой фракции **Революционный Конвент**, однако это предложение вскоре пришлось похоронить, даже несмотря на то, что эту идею первоначально поддержали **Л.Д. Троцкий** и **Н.И. Бухарин**. Именно тогда **В.И. Ленин** окончательно сформулировал свой вывод о **несовместимости Учредительного Собрания** и иных форм буржуазно-демократического парламентаризма, основанных на всеобщих

и равных выборах, с задачами социалистического строительства. В частности, он прямо писал, что «не общенациональные, а только классовые учреждения, каковыми являются Советы, в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества в стране».

Тем временем все руководство партии эсеров и меньшевиков (В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев, М.Р. Гоц, Ю.О. Мартов), отказавшись от идеи создания «левого социалистического блока», приняло решение пойти на политический союз с кадетами и любыми средствами заставить большевиков созвать Учредительное Собрание, открытие которого было назначено на 28 ноября 1917 г.

Однако уже 26 ноября 1917 г. В.И. Ленин подписал декрет СНК РСФСР «К открытию Учредительного Собрания», в котором было заявлено, что оно может быть создано только при условии прибытия в Петроград не менее 400-х его депутатов. В середине декабря 1917 г. М.С. Урицкий дал понять высшему партийному руководству, что блок большевиков и левых эсеров вряд ли сможет набрать и треть всех депутатских мандатов. В этой ситуации 15 декабря «Правда» опубликовала ленинские «Тезисы об Учредительном Собрании», в которых содержалась прямая угроза политическим оппонентам большевиков: «если Учредительное Собрание не признает Советскую власть, то возникший конституционный кризис будет решен революционным путем».

Между тем, по утверждению ряда российских историков (С. Леонов), этот курс высшего партийного руководства в отношении Учредительного Собрания привел к открытому конфликту между ЦК РСДРП(б) (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Я.М. Свердлов) и Временным бюро большевистской фракции Учредительного Собрания (Л.Б. Каменев, А.П. Ногин, В.П. Милютин), которое рассматривало его созыв как завершающий этап революции. По итогам этой дискуссии, 20 декабря 1917 г. СНК принял решение о созыве Всероссийского Учредительного Собрания 5 января 1918 г. Однако одновременно ВЦИК РСФСР назначил на 8 января созыв III Всероссийского съезда Советов, который должен был подстраховать советскую власть, в случае возникновения любых непредвиденных обстоятельств. Одновременно 23 декабря СНК РСФСР ввел в Петрограде военное положение и привел в повышенную боевую готовность свой главный вооруженный оплот — два Латышских стрелковых полка и части и соединения Балтийского флота.

Более того, 3 января 1918 г. СНК и ВЦИК РСФСР приняли декрет «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти», который совершенно четко дал понять, что Советское правительство самым решительным образом сокрушит все попытки свержения своей власти, в том числе и со стороны Учредительного Собрания.

5 января 1918 г. в Таврическом дворце началась работа Всероссийского Учредительного Собрания, председателем которого был избран лидер партии эсеров Виктор Михайлович Чернов. В самом начале работы этого форума председатель ВЦИК Яков Свердлов от имени объединенной фракции большевиков и левых эсеров предложил его делегатам признать легитимность советской власти, утвердить «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и все декреты, изданные ей. Однако рассмотрение данного вопроса было провалено и в знак протеста против этого решения большевики и левые эсеры покинули Таврический дворец. В результате Учредительное Собрание потеряло свою легитимность, поскольку при

необходимом кворуме в **400 голосов** в здании дворца осталось всего **272 депутата**. Поздним вечером того же дня руководитель охраны всероссийского парламента матрос-анархист **А.Г. Желязников** настойчиво «попросил» **В.М. Чернова** покинуть здание дворца, а уже утром **6 января 1918 г.** был опубликован декрет СНК РСФСР «**О роспуске Учредительного Собрани**я». Как позднее вспоминал **Н.И. Бухарин**: «В ночь разгона Учредительного собрания **Владимир Ильич** позвал меня к себе... и попросил рассказать о разгоне Учредилки, а потом вдруг рассмеялся, смеялся долго, весело, заразительно, до слез, просто хохотал».

Кстати, в тот же день, **5 января**, на **Марсовом поле** меньшевики, эсеры и кадеты предприняли попытку провести манифестацию в защиту «законного органа верховной власти страны», которая обернулась для их сторонников жуткой трагедией: она была хладнокровно расстреляна латышскими стрелками и балтийскими моряками. В результате это расстрела по официальным данным, опубликованным «**Известиями ВЦИК**», погибло более **50 человек**, в том числе видные эсеры **Е.С. Горбачевская** и **Г.И. Логвинов**, и более **200 человек** получили различные ранения.

10–18 января 1918 г. в Петрограде состоялся **III (Объединенный) Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов**, который принял Декларацию «**Прав трудящегося и эксплуатируемого народа**», ставшей прообразом первой Советской Конституции. Помимо этой декларации, **III Всероссийский съезд Советов** принял резолюцию «**О федеральных учреждениях Российской республики**», в соответствии с которой высшим органом государственной власти провозглашался **Всероссийский съезд Советов**, который делегировал ряд своих управленческих и законодательных функций, в том числе по изданию декретов, **ВЦИК** и **СНК РСФСР**. Кроме того, именно на этом съезде из названия **Советского правительства** было исключено определение «**временное**», что однозначно говорило о том, что политический блок большевиков и левых эсеров окончательно узаконил высшую законодательную и исполнительную власть в стране.

2. Марксистско-ленинское учение о государстве

В марксистском наследии учение о государстве всегда занимало исключительно важное место. Исходный тезис данного учения состоял в утверждении, что изначально государство является закономерным продуктом процесса **классообразования**, поскольку оно «**возникает там и тогда, где и когда возникают классы**». В силу этого обстоятельства всякое государство представляло собой «**организованное насилие одного класса для подавления другого**» (**К. Маркс**) или «**машину для поддержания господства одного класса над другим**» (**В.И. Ленин**).

Причем, по мнению «классиков марксизма», в недрах буржуазной формации не могут быть созданы условия для построения коммунистического общества, поэтому исторически неизбежным становится определенный переходный период от капитализма к коммунизму — **социализм**, основным элементом которого будет «**государство диктатуры пролетариата**», которому предстоит выполнить две основных задачи: **1)** вооруженной силой подавить все контрреволюционные выступления свергнутых эксплуататорских классов и полностью ликвидировать угрозу реставрации капитализма извне и **2)** создать необходимые материальные предпосылки для строительства бесклассового коммунистического общества.

Данная теоретическая схема, впервые высказанная в 1848 г. в знаменитом «**Манифесте Коммунистической партии**», долгое время не была наполнена конкретным содержанием. Первая попытка определить возможную форму пролетарского государства нового типа была предпринята **К. Марксом** в его работе «**Гражданская война во Франции**» (1871), которую он посвятил истории знаменитой **Парижской Коммуны**. Анализ ее деятельности окончательно убедил отца-основателя «научного коммунизма», что именно данный тип **государства-коммуны**, основанный на широком самоуправлении трудящихся, и есть самый оптимальный вариант реализации идеи «**государства диктатуры пролетариата**» на практике.

В 1916 г. на страницах партийной печати прошла дискуссия между **В.И. Лениным** и **Н.И. Бухариным** по основным проблемам социалистической государственности, которая, по мнению ряда современных авторов (**С. Коэн, С. Леонов**), вскрыла полное отсутствие у большевиков четких представлений по данному вопросу. Однако в январе 1917 г. **В.И. Ленин** вынужден был признать справедливость основных марксистских положений о необходимости полного разрушения буржуазной государственной машины и уничтожения «**многого государства**», которые в полемике с ним отстаивал **Н.И. Бухарин**.

Именно эта доктринальная установка ортодоксального марксизма была взята за основу **В.И. Лениным** при написании им знаменитых «**Апрельских тезисов**», в которых он выдвинул два принципиально новых положения: 1) о **Республике Советов** как форме будущей диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства и 2) о **Парижской Коммуне** как прообразе нового типа государства «**диктатуры пролетариата**».

Первый шаг к признанию ленинских идеи государства-коммуны был сделан на **VII Всероссийской конференции РСДРП(б)**. Однако, вопреки устоявшемуся мнению всех советских историков, она не приняла целиком ленинский тезис о республике Советов «**снизу доверху**». Ряд делегатов этой конференции, в частности **С.А. Багдатов, Л.Б. Каменев, В.Н. Ногин, А.И. Рыков, П.Г. Смилович и П.И. Эйланд**, активно выступая за традиционную парламентарную республику, рассматривали **Советы как временные, переходные органы народного самоуправления**, предназначенные только для овладения государственной властью в стране.

Все эти обстоятельства подвигли **В.И. Ленина**, который в тот период находился в подполье, завершить свою работу «**Государство и революция**», которую он начал писать еще в январе 1917 г. Именно в этой работе лидер русских якобинцев развил и конкретизировал марксистскую идею «**полугосударства**» или «**отмирающего государства**», в котором традиционный чиновничий аппарат будет заменен широчайшим самоуправлением трудящихся. Реализации этих исторических задач должны были способствовать: 1) полное уничтожение регулярной армии и чиновничьего аппарата; 2) предельно простая, нерасчлененная структура власти, которая соединит в себе законодательные, исполнительные и контрольные функции, то есть станет настоящей работающей корпорацией; 3) выборность и постоянная сменяемость государственного аппарата, наделенного минимальным количеством функций, и т.д.

Кроме того, именно в этой работе **В.И. Ленин** прямо заявил, что не парламентарная республика, а именно **Республика Советов** может и должна стать полноценным «**государством диктатуры пролетариата**», т.е. **государством-коммуной**. По твердому убеждению вождя мирового пролетариата, именно этот тип советского государства представляет собой существенный шаг вперед по сравнению с парламентарной

республикой, которая является **скрытой формой «буржуазной диктатуры»**, истинным хозяином которой является **финансово-олигархический капитал**.

По мнению ряда историков (**С. Леонов**), накануне октябрьских событий **концепция государства-коммуны**, предложенная **В.И. Лениным**, была единственной оригинальной концепцией пролетарской государственности в России. Хотя, уже тогда целый ряд видных российских социал-демократов, в частности **А.А. Богданов** и **Ю.О. Мартов** в своих работах **«Государство-коммуна» (1918)** и **«Мировой большевизм» (1919)** высказались против данной ленинской концепции, указав на ее ключевые противоречия и слабые места.

Новый этап теоретического осмысления концепции пролетарского государства был связан с выходом знаменитой ленинской работы **«Пролетарская демократия и ренегат Каутский» (1918)**, где в ходе заочной полемики с **К. Каутским В.И. Ленин** особо подчеркнул тот аспект, что **«государство диктатуры пролетариата»** будет самой оптимальной формой реализации **классовой демократии рабочего класса и беднейших слоев крестьянства**, поскольку **«чистой» демократии в природе не бывает**. При этом всякие ссылки своего давнишнего оппонента на парламентскую демократию как форму **«чистой демократии» В.И. Ленин** с присущим ему сарказмом и полемическим задором вполне справедливо высмеял и разоблачил: **«Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные классы, а можно говорить только о классовой демократии. «Чистая демократия» есть не только невежественная фраза, обнаруживающая непонимание, как борьбы классов, так и сущности государства, но и трижды пустая фраза... «чистая демократия» есть лживая фраза всякого либерала... и при капитализме она не может не оставаться узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной формой диктатуры крупной буржуазии»**.

Тогда же в **марте 1918 г. на VII съезде РКП(б)** при обсуждении новой программы партии произошла очередная полемика между **Н.И. Бухариным** и **В.И. Лениным** по проблеме социалистического государства. В частности, **Н.И. Бухарин** потребовал включить в программный документ положение о полной ликвидации государства при социализме, заявив, что социалистическое государство является абсолютной чепухой и полностью отвергалось **К. Марксом** и **Ф. Энгельсом**. Однако **В.И. Ленин** разнес это предложение своего оппонента в пух и прах, и заявил, что раз до **«коммунизма...все еще далеко, то мы сейчас, безусловно, стоим за создание сильного пролетарского государства»**.

Дальнейшее развитие событий неизбежно обнаружило невозможность практического воплощения исходной модели пролетарской государственности, которая мыслилась как **«непосредственная власть вооруженных и организованных рабочих»**. Как верно отметили многие историки (**Д. Боффа, С. Леонов**), полное отсутствие **формационных предпосылок социализма в России**, а так же новые тенденции в государственном строительстве после **Октября** заставили большевиков вначале скорректировать, а затем **принципиально изменить свои прежние взгляды на пролетарскую государственность и демократию**. Уже на **VIII партийном съезде**, который состоялся в **марте 1919 г.**, **В.И. Ленин** вынужден был признать, что **построение государства-коммуны фактически зашло в тупик**.

Более того, в **начале 1920 г.** ходе так называемой **«дискуссии о профсоюзах»**, которая вновь обнажила кризис теоретических представлений большевиков о со-

циалистической государственности, у **В.И. Ленина** начинают складываться контуры **новой концепции всей политической системы страны**. В частности, он пришел к твердому убеждению, что **осуществление диктатуры пролетариата в России возможно только через коммунистическую партию большевиков**. А Советы, профсоюзы и другие органы самоуправления трудящихся могут и должны стать **«системой зубчатых колес» от партии к широким народным массам**. Таким образом, новая концепция пролетарской государственности предусматривала **не «отмирание» государства, а создание сильного централизованного государства**, в основе которого будет лежать не непосредственная, а представительная демократия.

Таким образом, **Карл Каутский («Терроризм и коммунизм» 1919)** и **Роза Люксембург («Рукописи о русской революции» 1919)** были недалеко от истины, когда утверждали о том, что **«пролетарская диктатура в России» при полном отсутствии мировой пролетарской революции, является нелепой «квадратурой круга» и может привести к созданию «азиатского социализма»**.

3. Создание центрального советского государственного аппарата

С началом работы **II Всероссийского съезда Советов**, который узаконил вооруженный захват власти большевиками, началось создание **принципиально новой государственной системы**, основой которой стали органы советской власти в центре и на местах. Однако, как верно отметили ряд историков (**Е. Гимпельсон**), власть оказалась в руках большевиков довольно неожиданно и застала руководство партии практически врасплох. В силу это обстоятельства реальных схем организации государственной власти и конкретных решений, связанных с созданием работоспособных аппаратных структур у руководства партии в принципе не существовало. В данном случае голый теоретический тезис о том, что именно **Советы** представляют собой готовый институт государственной власти, был малопригоден для решения практических государственных задач. Поэтому поиски конкретных форм организации органов государственной власти и управления в центре и на местах пришлось вести в круговерти событий пролетарской революции. По сути, весь процесс формирования советского государственного аппарата красноречиво говорил о том, что он проходил чисто прагматически, или, говоря словами **Л.Д. Троцкого**, был **«величайшей импровизацией»**.

Другой теоретический вывод большевиков о том, что **старая государственная машина** и, прежде всего, органы управления старой армией, полицией и судами должны быть уничтожены, тоже не нашел своего подтверждения на практике. Более того, как верно заметили многие историки (**Е. Гимпельсон, М. Ирошников, Е. Кореневская, С. Леонов**), целый ряд **важнейших элементов старого государственного аппарата был воспринят большевиками не только при создании центральных финансово-экономических ведомств страны, в частности наркоматов промышленности и торговли, продовольствия, связи и финансов, но и при создании всех центральных силовых структур, то есть наркоматов внутренних и иностранных дел и наркомата по военным и морским делам**. Более того, сам **Совет Народных Комиссаров РСФСР**, по сути, стал точной копией старого **Совета Министров**, состоящего из тех же министерств, которые стали теперь называться **Народными Комиссариатами (Наркоматами)**.

К весне 1918 г. в структуре Совета Народных Комиссаров РСФСР, председателем которого являлся **В.И. Ленин**, уже существовало восемнадцать наркоматов: по военным и морским делам (**Л.Д. Троцкий**), иностранных дел (**Г.В. Чичерин**), внутренних дел (**Г.И. Петровский**), юстиции (**П.Я. Стучка**), по делам национальностей (**И.В. Сталин**), финансов (**Н.Н. Крестинский**), промышленности и торговли (**В.М. Смирнов**), путей сообщения (**А.Г. Рогов**), почт и телеграфа (**В.Н. Подбельский**), государственных имуществ (**В.А. Карелин**), земледелия (**С.П. Серeda**), продовольствия (**А.Д. Цюрупа**), труда (**В.В. Шмидт**), государственного призрения (**А.Н. Винокуров**), государственного контроля (**К.И. Ландер**), народного просвещения (**А.В. Луначарский**), местного самоуправления (**В.Е. Трутовский**) и здравоохранения (**Н.А. Семашко**).

Особое место в структуре власти и управления страной заняла **Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК)**, которую возглавил **Феликс Эдмундович Дзержинский**. Первоначально органы ВЧК были наделены традиционными для всех спецслужб функциями оперативного розыска и следствия. Однако уже в **феврале 1918 г.** решением СНК РСФСР органы ВЧК получили право **внесудебного решения всех дел**, связанных с покушением на основы советской государственности, в том числе вынесения и исполнения всех смертных приговоров.

Затем, в **середине декабря 1917 г.**, **Военная организация ЦК РСДРП(б)** пришла к выводу о необходимости создания регулярной **Красной Армии (РККА)**, декрет о создании которой был принят СНК и **ВЦИК РСФСР 15 января 1918 г.** Тогда же, в **январе 1918 г.**, было принято решение о создании полноценного **Наркомата по военным и морским делам**, который вначале возглавил **Николай Ильич Подвойский**.

Кроме того, в **январе 1918 г.** была создана постоянно действующая **Комиссия СНК РСФСР**, приобретающая статус **Малого Совнаркома**, в состав которого входили по одному заместителю всех наркомов. При этом все решения, одобренные им, принимались правительством уже без повторного рассмотрения вопросов на его заседаниях. В этот же период было принято решение ликвидировать возникший параллелизм в работе **ВЦИК** и **СНК** и слить ряд отделов **ВЦИК** с наркоматами. В частности, экономический отдел вошел в структуру **ВСНХ**, юридический отдел — в **Наркомюст**, отдел по местному самоуправлению — в **НКВД**, отдел по делам национальностей — в **Наркомнац** и т.д.

По мнению ученых (**Е. Гимпельсон**, **С. Леонов**), довольно быстро созданный большевиками государственный механизм обнаружил целый ряд серьезных управленческих дефектов, которые вначале казались вполне разрешимыми, но в реальности ставшие родовыми пороками всей советской государственной системы. Одним из основных ее пороков стал **махровый советский бюрократизм**, который был характерной чертой всех государственных ведомств страны и в центре, и на местах. Реальная опасность бюрократизма в советском властном аппарате стала очевидной для политического руководства страны уже **весной 1918 г.** Хотя, еще в **августе 1917 г.** в своей знаменитой работе «**Государство и революция**» **В.И. Ленин** всячески подчеркивал, что с приходом пролетариата к государственной власти в стране будет окончательно покончено с бюрократизмом — основной болезнью царского государственного аппарата. Это была очередная иллюзия вождя мирового пролетариата, который не учитывал того важнейшего обстоятельства, что **любое государство**, независимо от общественно-экономического строя, просто не может

существовать без армии чиновников, которые априори являлись носителями бацилл бюрократизма.

Надо сказать, что в советской исторической науке (Б. Морозов, Е. Гимпельсон, И. Ирошников, Е. Городецкий, М. Андреев) проблему бюрократизма в советском государственном аппарате вполне сознательно упрощали и сводили к проблеме использования старого чиновничьего аппарата царской России, который был главным виновником тех бюрократических извращений, которые поразили всю советскую государственную систему снизу доверху. Конечно, свойственный царскому государственному аппарату бюрократизм неизбежно передавался советскому аппарату через старых чиновничьих зубров, которых большевики были вынуждены привлечь к управлению сложнейшим государственным механизмом. Но, по справедливому мнению большинства историков (С. Леонов, Е. Гимпельсон), главная причина стремительного роста бюрократизма в советском властном аппарате состояла совершенно в другом, в частности в создании **сверхцентрализованной системы власти и управления страной**. Одним из первых эту характерную тенденцию увидел И.В. Сталин, который еще в январе 1918 г., выступая на III Всероссийском съезде Советов, прямо заявил, что страной управляют не те, кто выбирает и кого выбирают, а те кто **«овладел исполнительным аппаратом государства... и руководят им»**.

Надо сказать, что в обуздании бюрократических тенденций, поразивших советский государственный аппарат, высшее партийное руководство наивно возлагало большие надежды на собственный партийный аппарат. Но, как верно отметили многие российские историки, он был просто не способен решить эту важнейшую задачу, поскольку сам являлся **несущей конструкцией всего государственного аппарата страны**.

Проблема бюрократизма напрямую была связана с проблемой управленческих кадров, которым предстояло управлять страной в новых исторических условиях. По верному замечанию ряда историков (Е. Гимпельсон), **Октябрьская революция прервала прежнюю «кадровую преемственность во властной вертикали и вытолкнула на вершины власти представителей люмпенских слоев»**. К власти и управлению страной пришли большевистские кадры, которые тут же заняли командные посты в создаваемой ими государственной системе. Однако за счет старой партийной гвардии, составлявшей накануне революции всего **7% численности партии**, оказалось невозможным решить кадровый вопрос даже в центральных государственных ведомствах страны. Да и сами представители старой партийной гвардии, за редчайшим исключением, не обладали элементарными управленческими навыками, что затруднило даже формирование центрального правительства, поскольку многие большевики, в частности Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев и Н.И. Бухарин, буквально шарахались от предложенных им наркомовских постов.

Подавив в **весне 1918 г.** саботаж чиновников, высшее партийное руководство (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин) вынуждено было взять курс на **массовое привлечение к управлению старых, буржуазных специалистов**. Они отчетливо осознали, что при формировании новой управленческой элиты необходимо учитывать не только политический фактор и социальное происхождение потенциальных управленцев, но и их профессионально-деловые качества. Именно поэтому подавляющее большинство представителей непролетарских слоев оказались в верхних структурах управленческой иерархии — в **наркоматах и ВСНХ**, где существовала

острая нужда в специалистах с реальным опытом административно-управленческой работы. По данным советских историков (**Е. Гимпельсон, М. Ирошников**), уже к **осени 1918 г.** удельный вес бывших царских управленцев среди руководящего состава наркоматов составлял абсолютное большинство: в **Наркомате финансов — 97%**, в **Наркомате путей сообщения — 88%**, в **Наркомате госконтроля — 80%** и т.д.

В связи с данным обстоятельством следует сказать, что традиционный для советской историографии тезис о том, что **первым в мире государством рабочих и крестьян управлял пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством**, являлся настоящим мифом. Реальная власть в стране находилась в руках профессиональных революционеров и старых буржуазных спецов.

Кроме того, по мнению ряда современных историков (**С. Леонов, А. Киселев**), уже к лету 1918 г. **Советское государство** стало обладать лишь чисто внешними признаками «государства-коммуны», поскольку по всем направлениям шел процесс свертывания принципов самоуправления трудящихся, а реальная власть оказалась в руках мощного бюрократического аппарата в центре и на местах.

4. Создание органов советской власти на местах

Следует сказать, что в советской историографии (**И. Лепешкин, А. Разгон, Е. Городецкий**) начальный процесс становления органов советской власти на местах традиционно называли **триумфальным шествием Советской власти**. Однако данная оценка этого процесса, которая впервые прозвучала из ленинских уст в **марте 1918 г.**, не вполне отвечала реальному положению вещей, поскольку сам процесс перехода властных полномочий к органам советской власти на местах **во многих регионах страны приобрел характер предельно кровавой и жестокой классовой борьбы**. Зримым доказательством этого факта явились события, которые развернулись в тот период во многих ключевых регионах страны:

1) В **Москве** кровавое противостояние между местным **ВРК**, который возглавляли **Г.А. Усиевич** и **Н.И. Бухарин**, и командующим **Московским Военным округом** полковником **К.И. Рябцевым** продолжалось более десяти дней (**7–16 ноября**) и стоило жизни тысячам москвичей.

2) В **середине ноября 1917 г.** на территории **Области Войска Донского** начинается формирование **Белого движения**, главными идеологами которого стали бывшие февраллисты **В.В. Шульгин, П.Б. Струве** и **Н.Н. Львов**. Первоначально это движение возглавил «триумvirат» в составе генералов **М.В. Алексеева, А.М. Каледина** и **Л.Г. Корнилова**, создавших прообраз будущего общерусского правительства — **Донской Гражданский Совет**. В **начале декабря 1917 г.** войска **Добровольческой армии** генерала **Л.Г. Корнилова** начали активные боевые действия на **Дону**, где большевикам пришлось срочно создать **Южный фронт**, который возглавил **В.А. Антонов-Овсеенко**. Первоначально лидерам белого движения сопутствовал успех, однако уже в **конце февраля 1918 г.** большевики смогли переломить ситуацию и взять под свой контроль **Ростов, Таганрог** и **Новочеркасск**. В результате произошедших событий генерал **А.М. Каледин** застрелился, а остатки войск **Добровольческой армии** отошли на **Кубань** и в **Сальские степи**. Затем, в **марте 1918 г.** во время **Первого Кубанского («Ледяного») похода** от разрыва шального снаряда при штурме **Екатеринодара** трагически погиб генерал **Л.Г. Корнилов**, и серьезно поредевшие части и соединения

Добровольческой армии возглавил генерал М.В. Алексеев, который в октябре 1918 г. скончался от скоротечного воспаления легких.

3) В середине ноября 1917 г. войсковой атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор А.И. Дутов, подняв мятеж против Советов, захватил Оренбург, Челябинск, Верхнеуральск и полностью взял под контроль железнодорожное сообщение между Сибирью и Центральной Россией. В этой ситуации по распоряжению правительства на Южный Урал были направлены части и соединения только что созданной РККА во главе с В.К. Блюхером, А.Л. Борчаниновым и П.З. Ермаковым, которые в ходе ожесточенных боев в марте 1918 г. выбили А.И. Дутова из Оренбурга и восстановили на Южном Урале советскую власть.

4) Не менее сложная ситуация сложилась в Малороссии и Новороссии, где войска Центральной Рады Украины (В.К. Винниченко, С.А. Петлюра) до февраля 1918 г. вели активные боевые действия против войск РККА, которые возглавил левый эсер М.А. Муравьев.

Вместе с тем, вряд ли можно согласиться с мнением ряда зарубежных советологов (Р. Пайпс), что власть большевиков распространялась по стране вопреки воле Советов и завоевывалась исключительно силой оружия. По данным советских и российских историков (И. Минц, П. Абрамов, В. Гришаев, Э. Щагин), к моменту большевистского переворота на территории России было уже создано 67 губернских, 437 уездных и 593 городских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вместе с тем, отсутствие прочной центральной власти порождало разного рода парадоксальные явления. В частности, в конце 1917 г. на всей территории страны возникла огромная масса различных квазигосударственных образований: «**трудовые коммуны**», уездные и волостные «**совнаркомы**» и иные госструктуры местного розлива, которые явно не вписывались в общую систему организации советской власти на местах.

Более того, во многих регионах страны продолжали существовать старые городские думы, губернские и уездные земства, существование которых также противоречило принципу единовластия Советов на местах. Однако в условиях шаткости собственной власти большевики вынуждены были пойти на компромисс, и до конца 1917 г. терпеть разного рода коалиции, в том числе советско-земские, советско-думские, советско-профсоюзные и иные органы провинциальной власти.

Однако разгон Учредительного Собрания и решения, принятые на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г., вынудили политическое руководство страны начать борьбу за единовластие Советов на местах, в которой главная роль была отведена Наркомату внутренних дел РСФСР во главе с новым наркомом Г.И. Петровским. К весне 1918 г. эта борьба увенчалась временным успехом и на всей территории страны была установлена советская власть. Однако реальными органами власти на местах стали не сами Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а их исполнительные комитеты (исполкомы), которые частично вобрали в себя технические аппараты ликвидированных земств и дум. В строгом соответствии с большевистским принципом объединения властей в деятельности всех губернских, уездных, городских и волостных Советов, а так же их исполкомов совмещались функции законодательства и исполнения. Однако в самой структуре исполкомов долгое время существовал полный разноряд и только к концу 1918 г. количество, названия и функции отделов и комиссий этих исполкомов стали в основном едиными.

Вместе с тем, по мнению ряда историков (А. Рабинович, С. Леонов), к весне 1918 г. наметилась общая тенденция снижения влияния органов советской власти в политической системе государства за счет опережающего расширения функций центрального государственного аппарата и появления различных военных и чрезвычайных органов, которые абсолютно не контролировались органами власти на местах. Более того, в марте 1918 г. на VII съезде РКП(б) была четко сформулирована официальная установка на частичное перераспределение властных функций от Советов всех уровней к партийным большевистским комитетам, которые по выражению Я.М. Свердлова, могли более резко и открыто проводить свои решения в жизнь.

По мнению большинства историков (В. Семьянинов, Г. Бордюгов, В. Козлов), новый удар по местным органам советской власти был нанесен летом 1918 г., когда решением СНК и ВЦИК РСФСР были созданы знаменитые комбеды, которые по выражению наркома продовольствия А.Д. Цюрупы «стали новой точкой опоры на местах и укрепили советскую власть по новому базису». Именно эти комитеты деревенской бедноты стали действовать как параллельные структуры власти, которые в значительной мере вытеснили кулацко-средняцкие Советы из политической жизни страны и свели их функции практически к нулю. Кроме того, по мнению ряда историков (В. Данилов, В. Кабанов), из-за слабости деревенских Советов определенные регулирующие функции в деревне продолжала выполнять крестьянская община, которая сохраняла не только хозяйственные и управленческие, но и фискальные функции.

Таким образом, фактический отказ от советской системы государственного управления страной произошел уже летом 1918 г., когда начался процесс создания альтернативного аппарата государственной власти по партийным и иным каналам. Этот процесс, прежде всего, выразился в повсеместном создании большевистских партийных комитетов во всех волостях, уездах и губерниях страны, которые вкуче с комбедами и органами ВЧК, полностью дезорганизовали деятельность Советов всех уровней, превратив их в придатки партийно-административных органов власти.

5. Первые экономические преобразования большевиков

По мнению большинства историков, после прихода к власти руководство большевиков первоначально стремились реализовать тот экономический курс, который был предложен В.И. Лениным в его «Апрельских тезисах», где он писал, что в условиях катастрофической хозяйственной разрухи и отсутствия формационных предпосылок для строительства социализма, непосредственной задачей партии являлось «не введение социализма тотчас», а лишь создание необходимых экономических условий для строительства основ социализма в стране. Основными элементами новой экономической доктрины должны были стать: а) полная национализация земли; б) полная национализация всей финансово-банковской системы страны и в) установление со стороны советской власти жесткого учета и контроля за производством и распределением общественного продукта. Однако по объективным причинам руководство партии вынуждено было отказаться от своих грандиозных планов и остановить свой выбор на организации всеобщего рабочего контроля.

По мнению ряда историков (Д. Боффа, С. Кара-Мурза, Д. Чураков), при подготовке декрета о введении рабочего контроля на производстве возникла острая

дискуссия между представителями **всероссийских профсоюзов**, верхушка которых по-прежнему состояла из меньшевиков, и руководством **фабрично-заводских комитетов**, которые находились под влиянием большевиков. Первые склонялись к идее ограничить рабочий контроль процедурой наблюдения и получения общей информации о работе всех крупных промышленных предприятий страны. Вторые выступали за наделение органов рабочего контроля реальными полномочиями, которые позволили бы им активно влиять на принятие важных управленческих решений, в том числе в хозяйственно-административной и финансовой сферах. Именно этот **«фабзавкомовский»** подход нашел свое зримое воплощение в **Положение «О рабочем контроле»**, который был принят **ВЦИК 1 ноября 1917 г.**

Сам **В.И. Ленин** расценивал **рабочий контроль** как подготовительную стадию **национализации** и **«школу управления»**, которая позволит получить необходимый управленческий опыт у старых буржуазных спецов. Однако эти благие пожелания так и остались на бумаге, так как реализация этого декрета практически сразу вызвала мощный бойкот со стороны значительной части владельцев предприятий, которые стали объявлять о **временном закрытии («локаутах»)** своих предприятий. Организацией этой массовой антисоветской акции во всероссийском масштабе, особенно в крупных промышленных центрах и городах, занялись ассоциации промышленников и предпринимателей, которые сохранили свои прежние структуры во многих регионах страны.

Вместе с тем, как верно отметили многие историки (**В. Дробижев, Е. Городецкий, Д. Боффа**), данный декрет породил на многих предприятиях **«двоевластие»**, которое затем неизбежно вело к очередному **«локауту»** и передаче управленческих функций предприятиями **фабрично-заводским комитетам**. Причем, стихийный переход к прямому рабочему управлению становился весьма распространенным явлением, что крайне негативно сказывалось на общей экономической ситуации в стране. Но иного пути руководство партии просто не видело, поскольку полное закрытие промышленных предприятий было чревато еще более мощным и непредсказуемым социальным взрывом. Наряду с объективными трудностями, в частности отсутствием материальных и финансовых средств, а так же массовым саботажем владельцев предприятий, еще большую неразбериху на производстве создавал **неосознанный анархо-синдикализм** самих промышленных рабочих, которые стали истолковывать рабочий контроль как исключительное право собственности на те фабрики и заводы, владельцы которых отказались признать советскую власть.

В этих экономических условиях политическое руководство страны вынуждено было прибегнуть к самым решительным мерам **карательной национализации**, которую **В.И. Ленин** образно назвал **«красногвардейской атакой на капитал»**. Уже в **декабре 1917 г.** Совнарком принимает три принципиально важных решения, которые четко обозначили стратегический курс партии большевиков в экономической политике в данный период:

1) 2 декабря 1917 г. был создан **Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ)**, который возглавил **Валериан Валерианович Оболенский (Осинский)**, получивший портфель народного комиссара по организации и регулированию производства. Затем, **23 декабря 1917 г.**, вышло **Положение ВЦИК «Об областных, губернских и уездных Советах Народного Хозяйства»**, которое закрепило общие принципы организации и компетенции этих государственных экономических структур на местах.

Надо сказать, что в исторической науке до сих пор существуют абсолютно разные оценки деятельности **ВСНХ** в первые месяцы существования советской власти. Советские историки (**В. Дробижев, Ю. Авдаков, Д. Коваленко**) традиционно заявляли, что именно **ВСНХ**, взявший на себя функции координации работы всех хозяйственных наркоматов и организации планового хозяйства в масштабах всей страны, сыграл исключительно важную и положительную роль в создании **социалистического государственного сектора** в экономике страны. Зарубежные и современные российские историки (**Р. Пайпс, В. Никонов**), напротив, уверены в том, что именно **Президиум ВСНХ**, который оказался под контролем «левых коммунистов» (**Н.И. Бухарин, В.В. Осинский, Ю.З. Ларин, Г.И. Ломов, Г.Я. Сокольников**), отличавшихся крайним радикализмом в хозяйственных вопросах, за считанные месяцы «пустил экономику великой державы под откос».

2) 7 декабря 1917 г. была создана **Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК)**, которая наряду с **РКП(б)**, стала становым хребтом всей советской государственной системы и сыграла важнейшую роль в борьбе за создание «пролетарской экономики, основанной на подавлении и принуждении, а не управлении».

3) 14 декабря 1917 г. **СНК и ВЦИК** принимают декрет «**О национализации коммерческих и акционерных банков**», в соответствие с которым банковское дело было объявлено исключительной государственной монополией, а единым эмиссионным и кредитным центром страны стал **Народный банк РСФСР**. Именно этот декрет положил начало знаменитой «**красногвардейской атаки на капитал**», которая была проведена в два этапа: а) на первом этапе (декабрь 1917 г. — март 1918 г.) в собственность государства перешло **836** промышленных предприятий страны, владельцы которых либо продолжали упорно саботировать все решения советских властей, либо эмигрировали за границу; б) на втором этапе (апрель — июнь 1918 г.) началась национализация целых промышленных отраслей (**горной, металлургической, текстильной, нефтяной, табачной, сахарной, торгового флота**) и государству перешло еще **1222** промышленных предприятия.

Кроме того, **22 апреля 1918 г.** был принят декрет **СНК и ВЦИК РСФСР «О национализации внешней торговли»**, которая стала исключительной монополией Советского государства. Таким образом, всего за полгода советское правительство и органы советской власти на местах национализировали более **2000** промышленных предприятий и **десять** важнейших отраслей, однако, к началу войны реальный контроль **ВСНХ** распространялся только на **500** промышленных предприятий, сферу внешней торговли и ряд ключевых отраслей.

Между тем, по мнению ряда историков (**А. Киселев**), в период «**красногвардейской атаки на капитал**» большевики, еще не отказавшись от самой идеи построения «**государства-коммуны**», попытались сосредоточить управление промышленным производством в руках профсоюзов и фабрично-заводских комитетов, что нашло свое отражение в решениях **I Всероссийского съезда профсоюзов**, состоявшегося в **январе 1918 г.** Однако уже в **апреле 1918 г.** у **В.И. Ленина** родилась идея поворота от «**красногвардейской атаки на капитал**» к его «**осаде через систему «государственного капитализма»**. Такой резкий поворот в экономической политике большевиков был вызван целым рядом обстоятельств, а именно осознанием того, что: **1)** продолжала сохраняться неопределенность со сроками начала мировой пролетарской рево-

люции; 2) на лицо было явное несоответствие между классической марксистской моделью социализма и реальными условиями отдельно взятой страны, а так же 3) невозможностью преодолеть экономический хаос в стране без использования традиционных «рыночных» механизмов и рычагов управления.

Именно тогда **В.И. Ленин** пишет знаменитую работу «**Очередные задачи Советской власти**», которую ряд современных авторов (**В. Роговин, Г. Бордюгов, В. Козлов**) назвали **первым наброском ленинской концепции НЭПа**, реализация которой тогда не удалась из-за начавшейся **Гражданской войны**. Суть основных ленинских положений, изложенных в этой работе, состояла в следующем:

а) По линии формального обобществления производства «мы зашли слишком далеко и перешли к несоизмеримо большей ломке старых отношений, чем предполагали... Сегодня только слепые не видят, что мы больше национализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать»;

б) Теперь центр тяжести работы должен переместиться на вопросы «всестороннего, государственного учета и контроля за производством и распределением общественного продукта» и повышения производительности труда;

в) В нынешних условиях «**государственный капитализм был бы спасением для нас, поскольку это есть нечто централизованное, подсчитанное, контролируемое и обобщественное**».

Иными словами в «**государственном капитализме**» **В.И. Ленин** увидел **реальный механизм компромисса** между Советским государством и буржуазией, который мог бы не только спасти экономику страны от полного развала и краха, но и создать необходимые условия для строительства основ социализма в стране.

Одновременно большевики продолжили искать оптимальные пути решения аграрного вопроса на всей территории страны. **27 января 1918 г. Декрет «О земле»**, принятый **II Всероссийским съездом Советов**, был заменен новым законом «**О социализации земли**», который, по мнению ряда историков (**Д. Боффа, А. Киселев**), стал результатом нового компромисса между большевиками и левыми эсерами, поскольку в данном законе: **1) идея национализации земли**, которая составляла суть аграрной программы большевиков, провозглашалась лишь косвенно, только в той мере, в какой провозглашалась отмена любой частной собственности на землю, воды, недра и леса; **2) был сохранен основной эсеровский принцип** наделения землей по потребительской трудовой норме, которая должна была рассчитываться из возможности безбедного существования семьи землевладельца и не превышать трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства, хотя реальный передел земли был проведен практически по едокам.

Надо сказать, что в советской историографии (**Г. Шаранов, П. Першин**) традиционно утверждалось, что в ходе первых социалистических преобразований, проведенных в **1917–1918 гг.**, был успешно решен аграрный вопрос. Однако, по мнению большинства современных историков (**В. Кабанов, В. Данилов, Д. Боффа**), аграрная революция в российской деревне, которая внешне отличалась крайним радикализмом, так и не смогла решить основных проблем российского крестьянства. Отчасти был лишь проведен тот самый «**черный передел**», идея которого лежала в основе народнической и эсеровской аграрных программ еще с середины прошлого столетия. Однако этот «**черный передел**», окончательно **разрушивший феодально-крепостнические пережитки** в российской деревне, так и не смог решить глубинных проблем общинного землевладения в стране.

Надо сказать, что в исторической науке до сих пор существует проблема, как определения самой сути аграрной революции в России, так и ее хронологических рамок:

1) Одни историки (Э. Шагин) понимают под «аграрной революцией» те земельные преобразования, которые были проведены в первый год существования советской власти, когда произошла ликвидация помещичьего землевладения и всех остальных пороков феодализма, которые сохранились в российской деревне вплоть до конца 1917 г.

2) Другие историки (В. Кабанов) считают, что «аграрная революция» в России носила многоплановый характер и не ограничилась ликвидацией тех пережитков, которые сохранились в российской деревне со времен феодализма. Сама же эта революция завершилась в 1921 г., когда в российской деревне был создан уникальный строй мелких и мельчайших производителей.

3) Третьи историки (В. Данилов) полагают, что «аграрная революция» в России продолжалась вплоть до завершения социалистической реконструкции деревни в конце 1930-х гг., когда на смену индивидуальному крестьянскому хозяйству пришло крупное аграрное производство в виде колхозов и совхозов.

Следует так же сказать, что, по мнению большинства историков, в результате первых аграрных преобразований большевиков произошло повсеместное осередничивание российской деревни при резком сокращении полярных групп — бедняков и кулаков.

Тема: БРЕСТСКИЙ МИР И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ (МАРТ – ИЮЛЬ 1918 Г.)

План:

1. Брестский мирный договор: ход переговоров и его итоги.
2. «Левозсеровский мятеж» и его политические последствия.
3. Первая Советская Конституция 1918 г.

1. Брестский мирный договор: ход переговоров и его итоги

26 октября 1917 г. II Всероссийский съезд Советов по предложению В.И. Ленина принял знаменитый «Декрет о мире», в котором была изложена программа выхода России из Первой Мировой войны. В частности, в этом документе содержалось предложение всем правительствам воюющих стран немедленно прекратить боевые действия на всех фронтах и начать переговоры о заключении всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций и на условиях полного самоопределения народов относительно своей дальнейшей судьбы.

Надо сказать, что в советской историографии (А. Чубарьян, К. Гусев, Г. Никольников, Н. Якупов, А. Бовин) «Декрет о мире» традиционно рассматривали как первый и важный этап становления и развития «ленинской миролюбивой внешней

политики Советского государства», основанной на краеугольном принципе мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Однако в реальности ленинский «Декрет о мире» никак не мог заложить основы новой внешнеполитической доктрины Советской России, поскольку: а) он преследовал сугубо прагматическую цель — вывод полуразрушенной и истощенной России из состояния войны; б) большевики рассматривали революцию в России не как самоцель, а как первый и неизбежный этап начала мировой пролетарской (социалистической) революции.

8 ноября нарком иностранных дел Л.Д. Троцкий разослал текст «Декрета о мире» послам всех союзных держав, предложив руководителям этих государств немедленно прекратить боевые действия на фронте и сесть за стол переговоров, однако это призыв был полностью проигнорирован странами Антанты. Затем, 9 ноября 1917 г., главкомверху Н.Н. Духонину было дано указание немедленно обратиться к командованию стран Четвертного блока с предложением о прекращении военных действий и начале мирных переговоров с ними. Однако генерал Н.Н. Духонин отказался выполнить этот приказ, за что тот час был объявлен «врагом народа» и смещен со своего поста, который занял прапорщик Н.В. Крыленко. Чуть позднее, по прибытии Н.В. Крыленко в Могилев, генерал Н.Н. Духонин был сначала арестован, а затем убит у штабного вагона пьяными матросами, а новый главкомверх сразу выполнил указание ЦК по данному вопросу.

14 ноября 1917 г. представители германского и австро-венгерского военного руководства уведомили советскую сторону о своем согласии прекратить военные действия на Восточном фронте и начать процесс мирных переговоров. А уже 20 ноября 1917 г. в Брест-Литовске начался первый раунд переговоров между Россией и странами Четвертного блока, на которых руководство советской делегации в лице А.А. Иоффе (председатель миссии), Л.Б. Каменева, Г.Я. Сокольников и Л.М. Карахана сразу огласило декларацию принципов, в которой вновь предложили заключить демократический мирный договор без аннексий и контрибуций. Но, не получив никакого ответа на свое предложение, советская сторона отказалась от заключения формального перемирия и взяла недельный тайм-аут.

27 ноября 1917 г. Совнарком РСФСР утвердил «Конспект программы переговоров о мире», составленный В.И. Лениным, И.В. Сталиным и Л.Б. Каменевым, который вновь исходил из идеи заключения всеобщего демократического мира, и через три дня в Брест-Литовске возобновился переговорный процесс. Результатом новых переговоров стало подписание 2 декабря 1917 г. договора о перемирии сроком на один месяц, до 1 января 1918 г.

9 декабря 1917 г. начался новый раунд переговоров, на которых глава советской делегации А.А. Иоффе огласил декларацию «О принципах всеобщего демократического мира», состоящую из шести основных пунктов. В этой декларации, основанной на главных положениях «Декрета о мире» и «Конспекта программы переговоров о мире», еще раз были конкретизированы главные составные части демократического мира: «отказ от аннексий и контрибуций» и «полное самоопределение народов».

12 декабря 1917 г. австрийский министр иностранных дел О. Чернин огласил ответную ноту советской стороне, в которой говорилось, что страны Четвертного блока согласны немедленно заключить мирный договор со всеми странами Антанты без аннексий и контрибуций. Но для советской делегации такой поворот событий

оказался настолько неожиданным, что ее глава **А.А. Иоффе** предложил объявить десятидневный перерыв. Однако противная сторона отвергла это предложение и через трое суток глава германской делегации **Рихард фон Кюльман**, который, кстати, занимая должность статс-секретаря (министра) иностранных дел лично занимался финансовой поддержкой большевистской «**Правда**», прямо предъявил претензии на обладание всей Польшей, Литвой, Курляндией, частью Эстляндии и Лифляндии, народы которых «сами изъявили желание перейти под покровительство Германии». Естественно, что советская делегация в категорической форме отказалась обсуждать это предложение, и в работе мирной конференции был объявлен перерыв.

Тем временем нарком иностранных дел **Л.Д. Троцкий** в очередной раз попытался придать мирным переговорам всеобщий характер и обратился с повторной нотой к правительствам стран **Антанты** сесть за стол переговоров, но ответа на свое послание так и не получил. В этой ситуации, опасаясь, что переговоры в **Бресте** примут откровенно сепаратный характер, по предложению **В.И. Ленина** Совет Народных Комиссаров РСФСР принял решение перенести мирные переговоры в столицу нейтральной Швеции город **Стокгольм**. Однако австро-германская сторона отвергла эту уловку советского правительства, и местом продолжения переговоров остался **Брест-Литовск**. Одновременно представители стран **Четвертного союза**, ссылаясь на то, что страны **Антанты** остались глухи к предложению о заключении «всеобщего демократического мира», отказались от собственной декларации **12 декабря**, что серьезно обострило сам переговорный процесс.

27 декабря 1917 г. начался **второй раунд** мирной конференции в **Брест-Литовске**, на котором советскую делегацию уже возглавлял нарком иностранных дел **Л.Д. Троцкий**. Новый раунд переговоров, с подачи оракула революции, начался с пустопорожнего теоретического спора о государстве и праве наций на самоопределение. Однако эта политическая трескотня, порядком надоевшая противной стороне, вскоре была прекращена и **5 января 1918 г.** делегация стран **Четвертного союза** в ультимативной форме предъявила советской стороне новые условия сепаратного мира — отторжение от России не только всей **Прибалтики** и **Польши**, но и значительной части **Белоруссии**.

В тот же день по предложению главы советской делегации в переговорах был объявлен перерыв и **Л.Д. Троцкий**, получив письмо от **В.И. Ленина** и **И.В. Сталина**, вынужден был в срочном порядке выехать в **Петроград**, где ему предстояло дать свои объяснения по поводу его новой позиции относительно дальнейшего ведения переговоров, которая была изложена им в письме на имя **В.И. Ленина** еще **2 января 1918 г.** Суть новой позиции наркома иностранных дел была предельно проста: «**войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем**». В советской исторической науке позиция **Л.Д. Троцкого** всегда трактовалась в уничижительных тонах и выражениях, как позиция «политической проститутки» и предателя интересов рабочего класса и трудового крестьянства. Однако в реальности эта позиция, которую изначально поддерживал сам **В.И. Ленин**, была абсолютно логична и предельно прагматична:

1) Поскольку русская армия не может, а главное не хочет воевать, необходимо старую императорскую армию полностью распустить, а боевые действия на фронте прекратить;

2) Поскольку противная сторона в категорической форме выступает за сепаратный мирный договор, что грозит большевикам потерей репутации в глазах мирового пролетариата, сепаратный договор с противником ни в коем случае не заключать.

3) Необходимо как можно дольше затягивать процесс ведения переговоров, в надежде на то, что в Германии и в других европейских державах в ближайшее время разгорится пожар мировой пролетарской революции, который и расставит все по своим местам.

4) Отказ от подписания сепаратного договора со странами **Четвертного союза** не даст формально повода странам **Антанты** начать военную интервенцию против Советской России, нарушившей свой союзнический долг.

5) Наконец, отказ от подписания мирного договора существенно сгладит те противоречия, которые уже возникли и внутри правящей большевистской партии, и в отношениях между большевиками и левыми эсерами.

Последнее обстоятельство к **середине января 1918 г.** стало приобретать перво-степенное значение. Именно в это время в руководстве партии все более прочные позиции стали занимать «**левые коммунисты**» во главе с **Н.И. Бухариным, Ф.Э. Дзержинским, М.С. Урицким, К.Б. Радеком** и **А.М. Коллонтай**. Эта довольно крикливая и влиятельная фракция большевиков, которую поддержали и ряд руководителей **Партии левых эсеров (Б.Д. Камков, П.П. Прошьян)**, в категорической форме выступила против любых соглашений с противником и заявляла, что только «**революционная война**» с германским империализмом спасет большевиков от все-ленского позора пособников мирового капитала и создаст необходимые условия для разжигания пожара мировой пролетарской революции. Более того, именно в это время **Б.Д. Камков** и **П.П. Прошьян** обратились к **К.Б. Радеку, Н.И. Бухарину** и **Г.Л. Пятакову** с предложением арестовать весь **Совнарком** во главе с **В.И. Лениным** и сформировать новое правительство, состоящее из левых эсеров и левых коммунистов, которое может возглавить **Георгий Леонидович Пятаков**, однако это предложение было ими отвергнуто.

Тем временем в руководстве партии обозначилась еще один принципиальный подход к решению данной проблемы, выразителем которого стал **В.И. Ленин**. Суть его новой позиции, к которой он пришел еще в **конце декабря 1917 г.**, была также предельно проста: **любой ценой заключить сепаратный мир с Германией и ее союзниками.**

Надо сказать, что в исторической науке уже давно обсуждается вопрос о побудительных мотивах, которые подвигли вождя революции к такому политическому выводу, который шел в разрез со всеми постулатами ортодоксального марксизма. Советские историки (**А. Чубарьян, К. Гусев, А. Бовин**) утверждали, что **В.И. Ленин** пришел к такому убеждению под давлением суровых объективных обстоятельств, а именно полного разложения старой русской армии и неопределенностью со сроками пролетарской революции в Европе, прежде всего, в самой Германии. Однако их оппоненты, в основном из либерального лагеря (**Д. Волкогонов, Ю. Фельштинский, О. Будницкий**), уверены в том, что, предельно жестко ратуя за заключение сепаратного мира с Германией, **В.И. Ленин** лишь исполнял свои обязательства перед его германскими спонсорами, которые щедро раскошелились на **Октябрьский переворот.**

8 января 1918 г. после обсуждения новых ленинских тезисов на расширенном заседании ЦК состоялось открытое голосование, которое совершенно четко показало расклад сил в высшем партийном руководстве: позицию **Н.И. Бухарина** поддержали 32 участника это совещания, за предложение **Л.Д. Троцкого** проголосовали 16 участников, а позицию **В.И. Ленина** поддержали только 15 членов ЦК. Затем, 11 января 1918 г. обсуждение этого вопроса было внесено на рассмотрение Пленума ЦК, где незначительным большинством голосов была поддержана позиция **Л.Д. Троцкого**. Эта ситуация заставила **В.И. Ленина** внести частичные коррективы в свою прежнюю позицию: не настаивая больше на немедленном заключении мира, он предложил всячески затягивать процесс переговоров с немцами. На следующий день троцкистский лозунг «ни войны, ни мира» был одобрен большинством голосов на совместном заседании ЦК РСДРП(б) и ПЛСР, что было немедленно оформлено как постановление СНК РСФСР. Таким образом, все сторонники заключения мира в обеих правящих партиях, в частности члены ЦК РСДРП(б) **В.И. Ленин**, **Г.Е. Зиновьев**, **И.В. Сталин**, **Я.М. Свердлов**, **Г.Я. Сокольников**, **И.Т. Смилга**, **А.Ф. Сергеев**, **М.К. Муранов** и **Е.Д. Стасова**, и члены ЦК ПЛСР **М.А. Спиридонова**, **А.Л. Колегаев**, **В.Е. Трутовский**, **Б.Ф. Малкин** и **А.А. Биценко** опять остались в меньшинстве. 14 января 1918 г. III Всероссийский съезд Советов одобрил резолюцию, в которой была отражена позиция **Л.Д. Троцкого**, и в тот же день нарком иностранных дел выехал в Брест-Литовск, где 17 января начался третий раунд переговоров о мире.

Тем временем в самом Бресте полным ходом шли переговоры австро-германских представителей с руководством Украинской Народной Рады (**Н.А. Люблинский**), правительство которой большевики признали еще в декабре 1917 г. 27 января 1918 г. сразу после подписания сепаратного договора с правительством Украинской Народной Рады, делегация Четвертного союза в ультимативной форме потребовала от советской стороны немедленно дать ответ на свои условия мирного договора.

На следующий день **Л.Д. Троцкий** от имени СНК РСФСР огласил Декларацию, в которой: 1) было заявлено о прекращении состояния войны между Россией и странами Четвертного блока — Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, а также о полной демобилизации старой русской армии; и 2) содержался категорический отказ от подписания аннексионного мирного договора со странами Четвертного блока. В советской историографии (**А. Чубарьян**, **К. Гусев**) этот ультиматум главы советской делегации всегда расценивался как еще один акт гнусного предательства со стороны «иудушки Троцкого», который нарушил устную договоренность с **В.И. Лениным** о том, что после нового «германского ультиматума мы подписываем мирный договор». Однако современные российские историки, в том числе откровенные апологеты **Л.Д. Троцкого** (**А. Паников**), говорят, что нарком иностранных дел действовал в строгом соответствии с решением ЦК обеих правящих партий и резолюцией III Всероссийского съезда Советов, а их устная договоренность с **В.И. Лениным** явно противоречила им.

14 февраля 1918 г. Декларация **Л.Д. Троцкого** получила официальную поддержку на заседании ВЦИК и его председателя **Я.М. Свердлова**, а уже через день германское командование в лице **Леопольда Баварского** и **Макса Гофмана** заявило о прекращении перемирия и возобновлении боевых действий по всему фронту с полудня 18 февраля. В этой ситуации вечером 17 февраля 1918 г. было созвано экстренное заседание ЦК, на котором из одиннадцати членов высшего партий-

ного ареопага, шестеро, а именно **Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, М.С. Урицкий, Г.И. Ломов, Н.Н. Крестинский, А.А. Иоффе**, высказались против возобновления переговорного процесса в Бресте.

Тем временем немцы начали наступление на фронте и к исходу **19 февраля** заняли **Полоцк** и **Двинск**. В этой критической ситуации на новом заседании ЦК семью голосами «за» было принято решение немедленно возобновить мирный процесс. В этой ситуации **Л.Д. Троцкий** заявил о своем уходе с поста наркома иностранных дел, а лидер левых коммунистов **Н.И. Бухарин** — о своем выходе из состава ЦК и редколлегии «Правды».

23 февраля 1918 г. Советскому правительству были предъявлены новые условия сепаратного мирного договора и очень жесткие рамки его подписания и ратификации. В частности, германская сторона потребовала отторжения от России всей **Польши, Литвы, Курляндии, Эстляндии** и части **Белоруссии**, а так же немедленного вывода советских войск с территории **Финляндии** и **Украины**, и подписания с правительством **Центральной Рады** аналогичного мирного договора.

В тот же день было созвано новое заседание **ЦК РСДРП(б)**, на котором голоса по поводу германского ультиматума распределились следующим образом: «за» его принятие проголосовали семь членов ЦК — **В.И. Ленин, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, Я.М. Свердлов, Г.Я. Сокольников, И.Т. Смилга** и **Е.Д. Стасова**, «против» — четверо членов высшего партийного ареопага — **Н.И. Бухарин, А.С. Бубнов, Г.И. Ломов** и **М.С. Урицкий**, и «воздержались» — тоже четыре члена ЦК — **Л.Д. Троцкий, Ф.Э. Дзержинский, А.А. Иоффе** и **Н.Н. Крестинский**. Таким образом, в самый критический момент, когда решался вопрос об удержании собственной власти, большинство членов ЦК «дрогнули» и проголосовали за заключение «похабного» мира с немцами.

24 февраля на заседании **ВЦИК**, после крайне напряженной дискуссии, незначительным большинством голосов была одобрена большевистская резолюция о принятии новых условий мирного договора. И поздним вечером того же дня в **Брест-Литовск** для подписания мирного договора со странами **Четвертного блока** выехала новая советская делегация в составе **Г.Я. Сокольникова, Л.М. Карахана, Г.В. Чичерина** и **Г.И. Петровского**.

3 марта 1918 г. руководители обеих делегаций подписали **Брестский мирный договор**, по условиям которого: **1) От Советской России отторгалась огромная территория площадью более 1 млн кв. километров, на которой проживало более 56 млн. человек — вся территория Польши, Прибалтики, Украины, часть Белоруссии и турецкой Армении; 2) Советская Россия должна была выплатить странам Четвертного союза огромную военную контрибуцию в размере шести миллиардов золотых марок и согласиться на полную передачу всех промышленных предприятий и шахт, где до войны добывалось 90 % всего каменного угля и выплавлялось более 70 % чугуна и стали.**

По мнению **В.И. Ленина**, в таких унижительных и «похабных» условиях **Брестского мирного договора**, которые вынуждено было подписать Советское правительство, были виноваты, прежде всего, «наши горе-левые **Бухарин, Ломов, Урицкий и Ко**». Более того, целый ряд советских и российских историков (**Ю. Емельянов**) утверждают, что ни одна теоретическая или политическая ошибка **Н.И. Бухарина** не имела таких катастрофических последствий для нашей страны и десятков миллионов ее граждан.

8 марта 1918 г. на экстренном VII съезде РКП(б) условия Брестского мирного договора после острой полемики между В.И. Лениным и Н.И. Бухариным были приняты значительным перевесом голосов, поскольку большинство его делегатов согласилось с ленинским доводом о том, что международная мировая революция пока что является всего лишь красивой сказкой и не более того. Затем, 15 марта 1918 г., после не менее острой и жаркой дискуссии на IV Чрезвычайном съезде Советов, поименным голосованием Брестский мирный договор был ратифицирован и вступил в законную силу.

Надо сказать, что в исторической науке до сих пор существуют диаметрально противоположные оценки Брестского мирного договора, которые во многом зависят от политических и идейных взглядов их авторов. В частности, сам В.И. Ленин, не питавший никаких симпатий к патриархальной тысячелетней России, прямо назвал Брестский договор «тильзитским» и «похабным» миром, но жизненно необходимым для спасения власти большевиков. Тех же оценок придерживались и советские историки (А. Чубарьян, А. Бовин, Ю. Емельянов), которые были вынуждены говорить о гениальной прозорливости и политической мудрости вождя, который предвидел скорое военное поражение Германии и аннуляцию этого договора. Кроме того, Брестский мирный договор традиционно оценивали и как первую победу молодой советской дипломатии, заложившую основы миролюбивого внешнеполитического курса СССР.

В современной науке оценки Брестского договора существенно изменились. Историки либерального толка (А. Панцов, Ю. Фельштинский) считают, что этот договор был не победой, а первым крупным поражением большевистского курса на подготовку мировой пролетарской революции. Одновременно этот мир стал своеобразным маневром в области тактики и кратковременным отступлением большевиков на извилистом и трудном пути борьбы за победу мировой социалистической революции. Историки патриотического толка (Н. Нарочницкая) убеждены, что для В. Ленина и других вождей большевизма российская пролетарская революция была своеобразной «вязанкой хвороста», способной зажечь пожар мировой пролетарской революции. Поэтому Брестский договор стал прямым предательством национальных интересов России, положивший начало ее распаду и тяжелейшей Гражданской войне.

2. «Левозсеровский мятеж» и его политические последствия

После ратификации Брестского мирного договора «левые коммунисты» не оставляли надежды на его денонсацию. В частности, в мае 1918 г. на Московской конференции РКП(б) Н.И. Бухарин, Н.В. Осинский и Д.Б. Рязанов (Голденбах) вновь выступили с призывом денонсировать Брестский договор, однако большинство делегатов этого партийного форума не поддержали их предложение.

Очередной попыткой денонсировать Брестский договор стал «левозсеровский мятеж», который состоялся в Москве 6–7 июля 1918 г. События, связанные с этим мятежом выглядели следующим образом: 6 июля 1918 г. два видных левых эсера Яков Блюмкин и Николай Андреев, являвшиеся сотрудниками ВЧК, под благовидным предлогом проникли в германское посольство и, убив германского посла графа В. Мирбаха, скрылись в штабе войск ВЧК, который возглавлял их однопартиец Дмитрий Попов.

После свершения этой террористической акции **В.И. Ленин** и **Я.М. Свердлов** направились в германское посольство, а председатель **ВЧК Ф.Э. Дзержинский** выехал в штаб войск **ВЧК** для ареста **Я.Г. Блюмкина** и **Н.А. Андреева**. Однако по прибытии на место, **Ф.Э. Дзержинский** был взят под арест, а штаб войск **ВЧК** по приказу **Д.И. Попова** был превращен в неприступную крепость, где окопались более **600** хорошо вооруженных чекистов.

Узнав об аресте **Ф.Э. Дзержинского**, **В.И. Ленин** дал указание арестовать всю фракцию левых эсеров, принимавшую участие в работе **V Всероссийского съезда Советов**, а их лидера **Мария Спиридонову** взять в качестве заложницы в обмен на сохранение жизни **Ф.Э. Дзержинского**. Одновременно командиру дивизии латышских стрелков **И.И. Вацетису** был отдан приказ штурмом взять особняк войск **ВЧК** и подавить «левоэсеровский мятеж». В ночь на **7 июля 1918 г.** дивизия латышских стрелков при поддержке полевой артиллерии начала штурм штаба войск **ВЧК**, который завершился полным разгромом мятежников и освобождением **Ф.Э. Дзержинского**.

Суд над мятежниками был скорым и правым: несколько сот человек, в том числе **Я.Г. Блюмкин** и **Н.А. Андреев**, были приговорены к различным срокам заключения, а непосредственный вдохновитель и руководитель этого мятежа, заместитель председателя **ВЧК В.А. Александрович** был расстрелян. Тем же результатом закончился и новый «левоэсеровский мятеж», поднятый в **Симбирске** командующим **Восточным фронтом** левым эсером **М.А. Муравьевым**, который был застрелен **10 июля 1918 г.** по прибытии на переговоры в здание губернского исполкома.

Надо сказать, что в советской и российской исторической науке (**К. Гусев**, **А. Велидов**, **А. Киселев**) традиционно утверждалось, что **июльские события в Москве** и **Симбирске** были сознательно организованы руководством партии левых эсеров (**М.А. Спиридонова**, **П.П. Прошьян**), которые не только желали денонсировать **Брестский мирный договор**, но и, спровоцировав правительственный кризис, отстранить от власти партию большевиков, которая, насаждая «комбеды», стала проводить в деревне гибельный экономический курс. Однако в зарубежной историографии (**Ю. Фельштинский**) существует довольно экзотическая версия, которая гласит, что так называемый «левоэсеровский мятеж» был организован «левыми коммунистами», в частности главой **ВЧК Ф.Э. Дзержинским**, которые так же стремились денонсировать «похабный» **Брестский мир** и разжечь пожар мировой пролетарской революции.

На наш взгляд, в истории этого мятежа значительно больше белых пятен и нераскрытых тайн, чем кажется на первый взгляд, поскольку исследователи так и не смогли толком ответить даже на два совершенно очевидных вопроса: **1)** почему именно председатель **ВЧК Ф.Э. Дзержинский** лично направился в штаб войск **ВЧК** для ареста убийц германского посла; **2)** если решение об убийстве германского посла было санкционировано **ЦК** партии левых эсеров, то почему вся ее фракция, включая **М.А. Спиридонову**, спокойно дождалась своей изоляции и ареста в кулуарах **V Всероссийского съезда Советов**.

Если говорить по существу, то следует признать, что **июльские события в Москве** и **Симбирске** подвели черту под периодом развития советской государственности на двухпартийной основе и стали точкой отсчета формирования однопартийной большевистской системы в стране. Именно в этот период была запрещена деятель-

ность всех эсеровских, меньшевистских и анархистских группировок и партий, существование которых все еще создавало иллюзию пролетарско-крестьянской демократии в стране.

Сам же **Брестский договор** был денонсирован Советским правительством **13 ноября 1918 г.**, то есть ровно через сутки после капитуляции Германии и ее военных союзников перед странами **Антанты**, которая положила долгожданный конец **Первой Мировой войне**.

3. Первая Советская Конституция 1918 г.

Непосредственным итогом **Брестского мира** и подавления «левозсеровского мятежа» стало принятие первой **Конституции РСФСР**. По мнению большинства авторов (**О. Чистяков, С. Леонов, И. Исаев**), впервые вопрос о создании первой **Советской Конституции** был обсужден на заседании **ЦК РКП(б) 30 марта 1918 г.** А уже **1 апреля 1918 г.** **ВЦИК** образовал **Конституционную комиссию**, в состав которой вошли представители трех его партийных фракций (**большевики, левые эсеры, эсеры-максималисты**) и представители шести ведущих наркоматов — по военным и морским делам, по делам национальностей, внутренних дел, юстиции, финансов и **ВСНХ**. Председателем **Конституционной комиссии** стал председатель **ВЦИК Я.М. Свердлов**.

В период работы над проектом **Конституции**, которая продолжался более трех месяцев, возникло ряд принципиальных разногласий по проблемам: **1) федеративного устройства государства, 2) системы органов советской власти на местах, 3) социальных и экономических основ советской власти и т.д.** В частности, представители левых эсеров (**В.А. Алгасов, А.А. Шрейдер**) и эсеров-максималистов (**А.И. Бердников**) очень настойчиво предлагали: **1) положить в основу советской федерации административно-территориальный принцип государственного устройства с предоставлением максимально широких прав всем субъектам федерации по управлению собственными территориями; 2) ликвидировать низовые звенья советской государственной системы и заменить их традиционными сельскими сходами, которые, лишившись политических функций, превращались в муниципальные органы власти; 3) провести тотальную социализацию собственности и ужесточить принципы всеобщей трудовой повинности и т.д.** Однако в ходе жарких и продолжительных дебатов, в которых приняли участие многие видные большевики, в том числе **В.И. Ленин, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, Л.М. Рейснер, М.Ф. Лацис и М.Н. Покровский**, эти предложения были отвергнуты. Окончательный проект **Советской Конституции** был утвержден специальной комиссией **ЦК РКП(б)**, которую возглавил **В.И. Ленин**.

4 июля 1918 г. этот проект был внесен на рассмотрение **V Всероссийского съезда Советов**, а уже **10 июля** делегаты съезда утвердили **первую Конституцию РСФСР** и избрали новый состав **ВЦИК**, полностью состоящий из большевиков.

Основные положения **Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики** были закреплены в шести отдельных разделах: **1) Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа; 2) Общие положения Конституции РСФСР; 3) Конструкция Советской власти; 4) Активное и пассивное избирательное право; 5) Бюджетное право; 6) О гербе и флаге РСФСР.**

В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая была целиком включена в Конституцию РСФСР, определялась политическая и социальная основа новой советской государственности — **власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов** и «установление диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма в стране».

Государственное устройство РСФСР базировалось на принципах **национальной федерации**, субъектами которой объявлялись национальные республики, а так же различные областные союзы, состоящие из нескольких национальных областей. **Высшим органом государственной власти в стране становился Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов**, в исключительную компетенцию которого входили все вопросы государственного строительства: утверждение и изменение Конституции РСФСР; объявление войны и заключение мира; ратификация мирных договоров, общее руководство внешней и внутренней политикой государства; установление общегосударственных налогов, повинностей и сборов; основы организации вооруженных сил, органов правопорядка, судоустройства и судопроизводства; федеральное законодательство, и т.д.

Для повседневной и оперативной работы съезд избирал из своего состава **Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК РСФСР)**, который формировал **Совет Народных Комиссаров (СНК РСФСР)**, состоявший из **народных комиссаров**, возглавлявших отраслевые **Народные Комиссариаты (Наркоматы)**. При этом и **Всероссийский съезд Советов**, и **ВЦИК**, и **СНК** в равной степени обладали **правом издания законодательных актов**, что являлось прямым следствием полного отрицания большевиками известного буржуазного принципа разделения властей. **Органами государственной власти на местах становились областные, губернские, уездные и волостные съезды Советов**, а так же **городские и сельские Советы**, формировавшие собственные **исполнительные комитеты (исполкомы)**.

При этом следует особо подчеркнуть, что в основу организации советской власти всех уровней был положен известный принцип «**демократического централизма**», в соответствии с которым устанавливалась **жесткая соподчиненность нижестоящих органов советской власти вышестоящим**, которым вменялось в обязанность исполнение всех решений вышестоящих Советов, не нарушавших их компетенцию.

Конституция РСФСР законодательно закрепила не только новый тип советской государственности, но и **новый тип советской демократии**, поскольку она **открыто провозгласила классовый принцип демократических прав и свобод**. В частности, избирательного права были лишены все «социально-чуждые классовые элементы», а представительство от социальных групп **трудящихся**, наделенных избирательным правом, было далеко не равным. Так, например, при выборах на **Всероссийский съезд Советов** городские Советы обладали пятикратным преимуществом по отношению к губернским съездам Советов и т.д.

Кроме того, советская избирательная система сохранила принцип **опосредованных выборов**, существовавший в царской России. **Прямыми были только выборы в низовые городские и сельские Советы**, а депутаты всех последующих уровней избирались на волостных, уездных, губернских и областных съездах Советов.

Тема: СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ В НОВОРОССИИ (ЯНВАРЬ 1918 – ФЕВРАЛЬ 1919 ГГ.)

План:

1. Политическая ситуация в Новороссии и Малороссии в марте – декабре 1917 г.
2. Донецко-Криворожская Советская Республика в январе 1918 – феврале 1919 гг.
3. Одесская Советская республика.

1. Политическая ситуация в Новороссии и Малороссии в марте – декабре 1917 г.

Сразу после **Февральского переворота** и свержения законной российской монархии, в **марте 1917 г.** лидеры подпольной партии украинских самостийников и либералов из «Товарищества украинских прогрессистов» — **М.С. Грушевский, Е.Х. Чикаленко, С.А. Ефремов** и **Д.С. Дорошенко** совместно с украинским эсдеками, которых тогда возглавлял **В.К. Винниченко**, провозгласили создание **Украинской Народной Республики** и создали в **Киеве Центральную Раду УНР**, которая взяла на себя функции «государственного парламента». Тогда же председателем **Центральной Рады** был избран хорошо известный идеолог малороссийского сепаратизма и украинского национализма, профессор **М.С. Грушевский**, которого в современной украинской историографии высокопарно именуют первым «президентом» самостийной Украины.

Между тем, среди членов **УНР** не было, да и не могло быть единства взглядов относительно будущего статуса, провозглашенной ими **Украины**. В частности, члены «**Братства самостийников**» во главе с ярим украинским националистом **Н.И. Михновским** выступали за немедленное провозглашение независимости **Украины**, а так называемые «**автономисты**» во главе с **В.К. Винниченко** и **Д.С. Дорошенко**, считали, что **Украина** должна стать полноправным субъектом **Российской Федерации** с широкой автономией.

В **июне 1917 г.**, сразу после издания **Центральной Радой** первого «**Универсала**», был создан новый орган исполнительной власти **УНР** — **Генеральный секретариат**, который возглавил **В.К. Винниченко**. **Временное правительство** в **Петрограде**, где первую скрипку стали играть масоны во главе с **А.Ф. Керенским**, сразу признало правительство **УНР** и согласилось на то, что «государственная» граница **Украинской Народной Республики** ограничится территорией четырех малороссийских губерний — **Киевской, Черниговской, Подольской и Волынской**. Однако затем аппетиты самостийников стали расти как на дрожжах и уже в третьем «**Универсале**», изданном в **ноябре 1917 г.**, они заявили о том, что власть их украинского правительства распространяется на территорию пяти малороссийских и четырех российских (новороссийских) губерний, в частности **Киевскую, Подольскую, Волынскую, Черниговскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Харьковскую, Херсонскую и Таврическую губернии без Крыма**.

Кстати, когда в **Киеве** воцарилась **Центральная Рада**, в **Малороссии** и **Новороссии** сразу начался первый этап принудительной украинизации всего русского населе-

ния этих территорий. Однако неожиданно упавшая на голову здешних малороссов возможность возродиться в новом облике «свидомого украинца» ни у кого, кроме кучки вчерашних сельских интеллигентов, восторга и эйфории не вызвала. Местные селяне, в лучшем случае, были совершенно равнодушны к националистическим лозунгам «украинских свидомитов», а у настоящей малорусской интеллигенции они вызвали откровенное раздражение и возмущение, особенно когда вдруг выяснилось, что все население УНР должно было разом перейти на «украинскую мову», которую никто отродясь здесь не знал и знать не хотел. Неслучайно в своих воспоминаниях «Жизнь тому назад» (1996) юная супруга второго украинского премьера В.А. Голубовича, дочь русского генерала, мадам Т.М. Кардиналовская, которую ее муж быстро перевоспитал в духе «украинских ценностей», с горечью писала: «По поводу политики украинизации времен Центральной Рады хочу добавить, что тогда в Киеве она вызывала много протестов: одни протестовали из-за нетерпимости ко всему украинскому, другие из-за ее насильственного насаждения. В газете «Русская мысль» ежедневно печатались длиннейшие списки людей, подписавшихся под крупным заголовком «Я протестую против насильственной украинизации Юго-Западного края». Более того, как установил современный историк В.А. Марчуков, один из блестящих знатоков «украинского вопроса», знаменитое Крестьянское движение Н.И. Махно, сыгравшее существенную роль в последующей Гражданской войне, изначально было вызвано именно этой насильственной украинизацией и ожесточенной борьбой махновцев не с белыми и красными, а именно с вооруженными отрядами свидомых петлюровцев, ставших опорой Центральной Рады Украины, и с германцами, которые оккупировали эту часть России сразу после заключения между УНР и странами Четвертного блока «малого» Брестского мира в январе 1918 г.

Между тем, параллельно с правительством УНР на территории малороссийских и новороссийских губерний стали формироваться органы Советской власти, где после Октябрьского переворота ключевые позиции заняли большевики. В конце декабря 1917 г. под их руководством в Харькове был проведен I Всеукраинский съезд Советов, провозгласивший создание Украинской Народной Республики Советов (УНРС), находящейся в федеративных отношениях с РСФСР. В конце января 1918 г., когда Южной группой войск РККА под командованием подполковника М.А. Муравьева был взят Киев, именно сюда переехало и первое Советское правительство — Народный Секретариат УНРС, временным главой которого стал председатель Киевского ВРК большевик Г.Л. Пятаков.

2. Донецко-Криворожская Советская Республика в январе 1918 – феврале 1919 гг.

Надо сказать, что сама идея административно-хозяйственного объединения Донецкого угольного бассейна и Криворожского рудного района возникла еще в императорской России. Реальным воплощением этой давней идеи стало создание в марте 1917 г. особого Донецкого комитета, который тогда возглавил горный инженер М.Н. Чернышов. Причем, в рамках общего Совета депутатов чуть позже возникли два областных объединения: Донецко-Криворожское, которое было реально оформлено в мае 1917 г. на I Областном Съезде Советов Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний, и Харьковское, которое было декретировано в сентябре

1917 г. на аналогичном Съезде местных советов Харьковской губернии. Председателем первого Совета и главой его исполкома был избран эсер Л.Г. Голубовский, а лидером второго Совета стал большевик А.Ф. Сергеев (Артем).

В середине ноября 1917 г., когда правительство УНР издало третий «Универсал», в котором нагло заявило о том, что власть украинского правительства распространяется на территорию пяти малороссийских и четырех российских (новороссийских) губерний — Киевскую, Подольскую, Вольнскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую, объединенный исполком Донецкого комитета отверг этот наглый «Универсал» и потребовал немедленного проведения всенародного референдума по вопросу самоопределения края. Затем, в декабре 1917 г. на III Областном Съезде Советов произошла его большевизация и вместо Л.Г. Голубовского председателем Совета был избран большевик Б.И. Магидов, а главой Президиума исполкома стал большевик С.Ф. Васильченко.

В конце января 1918 г. на IV Областном Съезде Советов рабочих депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов, который состоялся в Харькове, было провозглашено создание Донецко-Криворожской Советской республики (ДКСР) и в тот же день был образован Исполнительный Комитет ДКСР. Между прочим, именно на этом съезде член Украинского ЦИК, старый большевик и скрытый украинский националист Н.А. Скрыпник предложил его делегатам объявить свои территории «автономной областью южнорусской Украинской Республики», однако большинство делегатов съезда (50 из 74) отвергли этот «хитроумный» вариант и приняли решение войти в состав РСФСР. Спустя три дня был создан Совет Народных Комиссаров ДКСР, который возглавил старый большевик А.Ф. Сергеев (Артем). В состав этого правительства вошли нарком по военным делам М.Л. Рухимович, нарком по делам внутреннего управления С.Ф. Васильченко, нарком по делам финансов В.И. Межлаук, нарком труда Б.И. Магидов, нарком народного просвещения М.П. Жаков, нарком по судебным делам В.Г. Филов и нарком госконтроля А.З. Каменский.

Вскоре на территории республики был создан Южный Областной Совет Народного Хозяйства (ЮОСНХ), который приступил к неотложным экономическим и социальным реформам. В частности, всего за два месяца на территории ДКСР были произведена территориальная реформа по экономическому признаку, создана новая система налоговых отчислений, национализирована крупная промышленность, в частности все металлургические заводы, шахты и рудники, ликвидированы все акционерные общества и т.д.

Между тем, руководство большевистской партии, идя на поводу у «украинских» сепаратистов внутри РКП(б) (Х.Г. Раковский, Г.И. Петровский, Н.А. Скрыпник), крайне негативно отнеслось к созданию ДКСР. В частности, всесильный председатель ЦИК РСФСР Я.М. Свердлов посчитал это «выделение крайне вредным делом для единства всех пролетарских сил Советской Украины», а сам В.И. Ленин прямо потребовал «сурового соблюдения суверенитета Советской Украины и тактичности в национальном вопросе и заботы об укреплении сотрудничества Украинской и Российской Советских республик».

В марте 1918 г., сразу после подписания Брестского мира, большевистское правительство вновь переехало в Харьков, где состоялся II Всеукраинский съезд Советов УНСР, на котором была провозглашена Украинская Советская Республика и создано Временное Советское правительство, которое возглавил секретарь ЦК КП(б)У

Г.Л. Пятаков. Вскоре между Г.Л. Пятаковым и А.Ф. Сергеевым начались переговоры об объединении двух советских республик, что вызвало внутренний кризис в руководстве ДКСР, и в конце марта 1918 г. в знак протеста против «предательской» политики А.Ф. Сергеева из состава правительства вышли М.П. Жаков, В.Г. Филов и С.Ф. Васильченко. Более того, самый яркий сторонник независимости ДКСР В.Г. Филов в начале апреля 1918 г. в «Известиях Юга» опубликовал свою разгромную статью «Кого судить?» с резкой критикой А.Ф. Сергеева, за что в тот же день был исключен из рядов РКП(б).

Между тем, переговоры Г.Л. Пятакова и А.Ф. Сергеева неожиданно зашли в тупик и в начале апреля 1918 г. СНК ДКСР опубликовал официальный Декрет, в котором четко очертил границы собственной республики. В соответствие с этим Декретом в состав ДКСР вошли территории Харьковской и Екатеринославской губерний, часть уездов Херсонской губернии и Таврической губернии (до Крымского перешейка) и прилегающие к ним промышленные (угольные) уезды Области Войска Донского по линии железной дороги Ростов-Лихая. Таким образом, в состав ДКСР фактически вошло все левобережье современной Украины — Донецкая, Луганская, Днепропетровская и Запорожская, а также частично Харьковская, Сумская, Херсонская и Николаевская области Украины и Ростовская область РФ. Столицей республики стал город Харьков.

Тогда под председательством А.Ф. Сергеева был сформирован новый состав СНК ДКСР, в который вошли его зампред и нарком без портфеля Ю.Х. Лутовинов, нарком продовольствия И.И. Алексеев, нарком внутреннего управления И. Якимович, нарком юстиции А. Червяков, нарком просвещения Я. Истомирин, нарком почт и телеграфов И. Кожевников и нарком общественных имуществ А. Пузырев.

Однако вскоре ситуация резко обострилась, поскольку после того, как руководство Киевской УНР и Центральные державы подписали Брестский сепаратный договор, по просьбе Правительства УНР германо-австрийские войска вступили на территорию Малороссии и начали оккупацию всей Новороссии. Для отражения нашествия германских оккупантов из местных добровольцев стала срочно создаваться Красная Армия Донбасса, которую возглавил штаб-ротмистр русской императорской армии А.И. Геккер. Однако из-за явного неравенства сил войскам ДКСР пришлось отступить. В начале апреля 1918 г., после взятия Харькова, правительство ДКСР переехало в Луганск, а затем, в конце апреля 1918 г. было эвакуировано за Дон.

К маю 1918 г. австро-германские войска полностью оккупировали территорию ДКСР, которая де-факто была ликвидирована. В этой ситуации в августе 1918 г. Советская Россия и Германия подписали дополнительный договор, одним из пунктов которого Донбасс был объявлен временно оккупированной немецкой территорией. Однако уже в ноябре 1918 г. Центральные державы, признав свое поражение в Первой Мировой войне, начали вывод своих войск с оккупированных территорий. В начале декабря в Харьков переехали центральные органы власти ДКСР, а уже в январе 1919 г. на III Всеукраинском съезде Советов, состоявшемся в Харькове, было провозглашено создание Украинской Советской Социалистической Республики и принята первая Конституция УССР, по которой высшим органом государственной власти УССР был объявлен Всеукраинский съезд Советов и его исполнительный орган ВУЦИК. Формальным главой УССР стал председатель ВУЦИК Г.И. Петровский, а реальная власть была сосредоточена в руках СНК УССР, который возглавил

Х.Г. Раковский. Поэтому уже в **феврале 1919 г. Совета Оборона РСФСР** принял решение о ликвидации ДКСР и включения ее в состав УССР.

3. Одесская Советская республика

В конце декабря 1917 г. Президиум Совета солдатских депутатов от Румынского фронта, Черноморского Флота и Одессы (Румчерода), которому принадлежала реальная власть в Одессе, объявил ее вольным городом. Однако на тот момент на территории Одессы было расположено довольно много воинских частей, перешедших под контроль УНР, которые возглавил комиссар Одесского военного округа подполковник **В.В. Поплавко**. В этой ситуации военное противостояние между Румчеродом с УНР было лишь вопросом времени.

В середине января 1918 г. в Одессе началось восстание Румчерода, которое возглавил созданный им ВРК или «Комитет 15-ти». Тяжелые бои в городе продолжались трое суток, пока на сторону восставших не перешли корабли Черноморского флота «Синоп», «Ростислав» и «Алмаз», которые огнем своей бортовой артиллерии выбили украинских гайдамаков и юнкеров из города. Кстати, примечателен тот факт, что в столкновениях с петлюровцами и юнкерами участвовали и отряды одесских уголовников, в частности боевая дружина **Мишки Япончика**, которая вместе с большевиками, анархистами и левыми эсерами участвовала в уличных боях.

18 января ЦИК Румчерода избрал Совет Народных Комиссаров Одесской Советской республики (ОСР), который признал высшую власть в лице СНК РСФСР во главе с **В.И. Лениным**. Председателем Совнаркома ОСР был избран большевик **В.Г. Юдовский**, а командующим вооруженными силами республики был назначен левый эсер, подполковник **М.А. Муравьев**, вооруженные силы которого на тот момент вели тяжелые бои под **Киевом** с гайдамаками УНР. Формально в состав Одесской Советской республики была включена не только часть Херсонской, но и Бессарабская губерния, в столице которой, городе **Кишиневе** отряды большевиков взяли под контроль все важнейшие объекты города, в том числе местный арсенал. Однако уже на следующий день в Бессарабию вторглись войска УНР, а затем и соседней Румынии. В результате реальная власть ОСР распространялась только на Одесский, Ананьевский и Тираспольский уезды Херсонской губернии и Аккерманский уезд Бессарабской губернии.

Между тем, на Румынском фронте началось противостояние между частями подконтрольными Румчероду и его командующему, генералу **Д.Г. Щербачеву**, чем тут же воспользовались румыны, которые начали оккупацию Южной Бессарабии и в конце января 1918 г. захватили **Болград** и **Измаил**, где находилась Дунайская база российского Черноморского флота. В этой ситуации Румчерод объявил войну Румынии, но это не остановило румынских интервентов и вскоре они захватили город **Килия**. Немногочисленные войска ОСР, которые возглавили легендарный матрос-анархист **А.Г. Железняков** и **И.Э. Якир**, попытались сдержать натиск румынских войск у **Вилкова**, но в середине февраля с тяжелыми боями они отошли к **Одессе**.

Тем временем подполковник **М.А. Муравьев**, назначенный командующим Южной группой войск РККА, по приказу **В.И. Ленина** срочно перебросил из-под **Киева** свои части к **Одессе** и, объединившись с **Особой Одесской армией** левого эсера **П.С. Лазарева**, двинулся к **Бендерам** навстречу румынским войскам. В ходе двух-

недельных ожесточенных боев войска РККА разгромили противника у Рыбницы и Слободзеи и сорвали все попытки румын закрепиться в Приднестровье. В этой ситуации румынский премьер А. Авереску пошел на переговоры с руководством ОСР и 12 марта 1918 г. подписал в Яссах «Протокол ликвидации русско-румынского конфликта». Однако через несколько дней под давлением Берлина и Вены румынская сторона аннулировала этот договор и вместе с австрийскими войсками начала наступления по всем фронтам. В результате уже 13 марта 1918 г. объединенная австро-румынская армия под командованием немецкого генерала Р. Коша без боя заняла Одессу и поставила крест на Одесской Советской республике.

Тема: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ 1918–1920 ГГ.

План:

1. Основные проблемы истории Гражданской войны.
2. Боевые действия на полях Гражданской войны.
 - а) Первый этап Гражданской войны (май – ноябрь 1918 г.).
 - б) Второй этап Гражданской войны (ноябрь 1918 г. – март 1919 г.).
 - в) Третий этап Гражданской войны (март 1919 г. – март 1920 г.).
 - г) Четвертый этап Гражданской войны (апрель – ноябрь 1920 г.).
3. Итоги и значение Гражданской войны.

1. Основные проблемы истории Гражданской войны

В отечественной и зарубежной историографии традиционно существует ряд острых дискуссионных проблем, связанных с историей Гражданской войны и иностранной интервенции в годы Великой русской революции.

1) Проблема хронологических рамок и внутренней периодизации войны. В отечественной исторической науке традиционно существует две ключевых проблемы, связанные с историей Гражданской войны: а) проблема определения хронологических рамок Гражданской войны и б) проблема ее внутренней периодизации. По первой проблеме существуют три основных точки зрения: — Одни авторы (Ю. Поляков, В. Поликарпов, И. Ратьковский) датируют Гражданскую войну в России ноябрем 1917 г. — декабрем 1922 г. — начиная от Октябрьских событий в Петрограде и кончая разгромом войск японских и американских интервентов на Дальнем Востоке и образованием СССР. — Другие авторы (В. Бровкин, С. Кара-Мурза) датируют Гражданскую войну весной 1918 — летом 1921 гг., то есть от возникновения первых очевидных и масштабных очагов фронтального противостояния «белых» и «красных», до перехода к НЭПу и подавления самых мощных крестьянских движений — «антоновского мятежа» и «махновщины». При этом профессор С.Г. Кара-Мурза абсолютно прав, когда говорит о том, что сам маховик кровавой, братоубийственной Гражданской войны был запущен не большевиками, а «российскими» масонами и либералами в дни Февральского переворота, когда была свергнута тысячелетняя российская монархия. — Третья группа историков (В. Наумов, Н. Азовцев,

Ю. Кораблев) утверждает, что хронологические рамки Гражданской войны следует ограничить маем 1918 г. — ноябрем 1920 г. — от Чехословацкого мятежа до разгрома войск генерала П.Н. Врангеля в Крыму.

На наш взгляд, все эти подходы вполне правомерны, поскольку сторонники двух первых точек зрения рассматривают Гражданскую войну как открытую форму классово-борьбы, начало которой положила Великая русская революция. А сторонники третьей точки зрения определяют Гражданскую войну как особый этап в истории пролетарской революции, когда военный вопрос играл ключевую роль в развитии этой революции и от исхода которого зависела вся ее дальнейшая судьба.

Что касается внутренней периодизации, то и здесь существует несколько точек зрения: а) Одни авторы (Н. Какурин) выделяют шесть основных этапов войны: 1) декабрь 1917 г. — май 1918 г., 2) май — ноябрь 1918 г., 3) ноябрь 1918 г. — март 1919 г., 4) март 1919 г. — март 1920 г., 5) апрель — ноябрь 1920 г., 6) декабрь 1920 г. — декабрь 1921 г. б) Другие авторы (И. Ратьковский) выделяют два основных этапа войны: 1) «эшелонный» (ноябрь 1917 г. — май 1918 г.) и 2) «фронтальный» (лето 1918 г. — декабрь 1922 г.). в) Третьи историки (В. Бровкин) утверждают, что в рамках этой войны следует выделять три крупных периода: 1) 1918 г. — период распада Российской империи и полевой Гражданской войны эфемерных правительств, созданных на ее руинах; 2) 1919 г. — период решающего военного противостояния «красных» и «белых» и 3) 1920—1921 гг. — период всеобщей крестьянской войны против власти большевиков. г) Четвертая группа авторов (Н. Азовцев, В. Наумов, Ю. Кораблев) разделяет традиционный ленинский взгляд на эту проблему, принятый еще в советской исторической науке:

1 этап Гражданской войны пришелся май — ноябрь 1918 г., когда произошел Чехословацкий мятеж и были образованы Южный и Восточный фронты РККА против трех белых армий генералов М.В. Алексева, П.Н. Краснова и адмирала А.В. Колчака.

2 этап Гражданской войны, который пришелся на ноябрь 1918 г. — март 1919 г., был связан с денонсацией Брестского мирного договора и началом полномасштабной иностранной интервенции стран Антанты и Германии против Советской России.

3 этап Гражданской войны, продолжавшийся с марта 1919 г. по март 1920 г., был связан с самым острым периодом противостояния между войсками РККА и белыми армиями адмирала А.В. Колчака и генералов А.И. Деникина, Н.Н. Юденича и Е.А. Миллера.

4 этап Гражданской войны, который пришелся на апрель — ноябрь 1920 г., был связан с советско-польской войной и боевыми действиями войск РККА против белогвардейской армии генерала П.Н. Врангеля в Северной Таврии и Крыму.

2) Проблема определения причин возникновения Гражданской войны. По данной проблеме существуют две диаметрально противоположных точки зрения:

а) В советской исторической науке (Н. Азовцев, Л. Спирин, В. Наумов, Ю. Кораблев) вся вина и ответственность за начало Гражданской войны в стране целиком и полностью возлагалась на свергнутые эксплуататорские классы. При этом большая часть этой вины возлагалась на эсеров и меньшевиков, которые, предав интересы рабочего класса и трудового крестьянства, отказались пойти на широкий политический союз с партией большевиков и сознательно перешли в лагерь монархической и буржуазно-помещичьей контрреволюции.

б) В настоящее время многие историки, главным образом либерального толка (Б. Клейн, В. Бровкин, И. Долуцкий), ударились в другую крайность и стали утверждать, что главная ответственность за начало братоубийственной Гражданской войны целиком и полностью лежит на партии большевиков, которая вполне сознательно через создание комбедов и политику продразверстки (продотряды), развязала новую социальную войну в деревне, которая и стала питательной базой для эскалации широкомасштабной войны в стране.

3) Проблема определения основных военно-политических лагерей в период войны. Надо сказать, что в широком общественном сознании до сих пор существует целый ряд стереотипов, созданных в советский период, например:

а) Все представители «белого движения» были отпетыми монархистами, которые даже во сне бредили идеями восстановления самодержавной монархии и власти помещиков и капиталистов, а все лидеры этого движения — генералы П.Н. Врангель, А.И. Деникин, А.М. Каледин, Л.Г. Корнилов, П.Н. Краснов, Н.Н. Юденич и адмирал А.В. Колчак являлись прямыми ставленниками Антанты.

б) Костяк всех белогвардейских армий составлял кадровый офицерский корпус Русской Императорской армии, состоящий целиком и полностью из представителей свергнутых эксплуататорских классов — помещиков и буржуазии.

в) Массовые выступления русских и украинских крестьян и казачества против политики большевиков в деревне были обычным бандитизмом, которые инспирировались платными агентами белогвардейщины и иностранных спецслужб и т.д.

Однако даже при беглом взгляде на данную проблему не трудно заметить, что все эти представления зачастую противоречили реальному положению вещей.

а) По мнению большинства современных ученых (А. Медведев, В. Цветков, С. Кара-Мурза), «белое движение» по своему составу было крайне разнородным и состояло не столько из отпетых монархистов, помещиков и консерваторов, сколько из числа так называемых «февралистов» — представителей либеральных буржуазных (кадеты) и мелкобуржуазных (эсеры, меньшевики) партий. Более того, именно последние несут персональную ответственность за свержение тысячелетней русской монархии и развал огромной Российской империи, территория которой по крупицам, потом и кровью собиралась нашими предками на протяжении многих столетий. Кроме того, далеко не все лидеры белого движения являлись ставленниками Антанты, поскольку генералы П.Н. Краснов и Н.Н. Юденич всегда выступали за военный и политический союз с Германией.

б) По оценкам ряда современных историков (В. Кавтарадзе, И. Лившиц), более половины офицерского корпуса Русской Императорской армии (почти 75 тысяч офицеров), в том числе А.А. Брусилов, М.Д. Бонч-Бруевич, П.П. Лебедев, А.И. Верховский, Д.П. Парский, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, Б.М. Шапошников, А.И. Егоров, С.С. Каменев и многие другие составляли костяк офицерского корпуса РККА. Более того, в рядах РККА состояли два военных министра царского правительства — генералы А.А. Поливанов и Д.С. Шуваев. Однако надо сказать, что ряд современных историков (А. Шувалов) не согласны с данной оценкой своих коллег и утверждают, что в составе белых армий воевало 170 тысяч (66 %) офицеров Русской Императорской армии, а в составе РККА — 55 тысяч (22 %) бывших царских офицеров, причем, более 30 тысяч (12 %) офицеров вообще не принимали участие в Гражданской войне. Тем не менее, само участие значительной части старых военспецов в этой войне

на стороне большевиков говорило о серьезном расколе внутри русского общества не только по сугубо классовым, но иным, более глубинным причинам.

Главным сторонником привлечения «военспецов» в ряды РККА был наркомвоенмор Л.Д. Троцкий, который только в 1918 г. опубликовал десятки статей и выступлений на эту животрепещущую тему: «Офицерский вопрос», «Об офицерах, обманутых Красновым», «Унтер-офицеры, на командные посты!», «Военные специалисты и Красная Армия» и т.д.

в) Широкое крестьянское движение в центральных и южных районах России, Западной Сибири, Левобережной Малороссии и Новороссии («махновщина», «антоновщина») носило столь мощный и организованный характер, что объяснять его причины только через призму банального бандитизма, по меньшей мере, не вполне правомерно. Более того, по мнению многих историков (О. Радков, О. Фигес, А. Медведев, В. Бровкин), движение «зеленых» в годы Гражданской войны было столь же существенным фактором революционного процесса, как и кровавое противостояние «белых» и «красных», которые на разных этапах этой войны не гнушались использовать вооруженную силу и мощь крестьянских армий в борьбе друг с другом.

2. Боевые действия на полях Гражданской войны

а) Первый этап Гражданской войны (май – ноябрь 1918 г.)

25 мая 1918 г. начался мятеж Отдельного Чехословацкого армейского корпуса генерала В.Н. Шокорова, в результате которого на огромной территории страны от Пензы до Владивостока практически в одночасье была свергнута советская власть и созданы различные антибольшевистские правительства, в частности «Комитет Учредительного собрания» в Самаре (В.К. Вольский), Уральское войсковое правительство в Перми (Г.М. Фомичев), Временное Сибирское правительство в Томске (П.В. Вологодский) и т.д.

В этой ситуации высшему партийно-государственному руководству страны пришлось в срочном порядке пересмотреть свои прежние взгляды на принципы формирования РККА и уже 29 мая 1918 г. ВЦИК РСФСР принимает постановление «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию».

В середине июня 1918 г. решением СНК РСФСР создается Восточный фронт РККА, войска которого возглавил подполковник царской армии левый эсер М.А. Муравьев. А в конце июня 1918 г. по указанию ЦК РКП(б) Высший Военный Совет Республики и Всероссийский Главный штаб сформировали и направили на Восточный фронт пять общевойсковых армий, которым предстояло принять участие в предстоящем генеральном наступлении против войск Народной, Уральской казачьей и Сибирской отдельных армий, созданных кадетами, эсерами и меньшевиками для борьбы с советским режимом в восточных регионах страны.

В начале июля 1918 г. войска Восточного фронта РККА, который возглавил бывший царский полковник И.И. Вацетис, перешли в наступление против войск Народной и Уральской казачьей армий генералов С.Н. Войцеховского и М.Ф. Мартынова. Однако это наступление окончилось крупным поражением и потерей Казани, где находилась добрая половина всего золотого запаса Российской империи в размере 650 млн золотых рублей. Затем, 10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов принял постановление «О строительстве Красной Армии», в котором были

закреплены основные принципы строительства РККА: всеобщая воинская обязанность, классовый принцип построения, регулярность, жёсткая дисциплина, отмена выборности командиров всех воинских частей и соединений и введение института военных комиссаров.

Одновременно с работой съезда, в ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге, в доме купца Н.Н. Ипатьева, сотрудники местной ВЧК во главе с Яковом Юровским по прямому указанию Председателя ВЦИК РСФСР Я.М. Свердлова расстреляли всю царскую семью и членов царской свиты, в том числе бывшего императора Николая II, бывшую императрицу Александру Федоровну, цесаревича Алексея и четырех великих княжон — Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию.

В конце августа 1918 г. войска Донской армии генералов П.Н. Краснова и С.В. Денисова взяли под полный контроль Область Войска Донского и начали мощное наступление на воронежском и царицынском направлениях. В это же время войска Добровольческой армии генерала М.В. Алексеева в ходе Второго Кубанского похода, разгромили Таманскую армию Е.И. Ковтюха и заняли всю территорию Кубани, Терека и Ставрополя.

В сложившейся ситуации, 2 сентября 1918 г. постановлением ВЦИК Советская Республика была объявлена военным лагерем и для руководства всеми боевыми действиями на фронтах войны был создан Революционный Военный Совет Республики (РВСР), главой которого стал наркомвоенмор Л.Д. Троцкий. Одновременно по решению СНК РСФСР РВСР передавались все права Коллегии наркомата по военным и морским делам и упраздненного Высшего Военного совета, членами которого были бывшие царские генералы во главе с М.Д. Бонч-Бруевичем. Кроме того, в его подчинение переходили Полевой штаб РККА (П.П. Лебедев), Всероссийское бюро военных комиссаров (К.К. Юренев), Высшая военная инспекция (Н.И. Подвойский) и Центральное управление снабжения войск (Л.П. Красин). Тогда же решением РВСР был создано Главное Командование войск РККА во главе с И.И. Вацетисом, и созданы две группировки войск — Северный и Южный фронты, которые возглавили бывшие царские генералы Д.П. Парский и П.П. Сытин.

5 сентября 1918 г. в ответ на убийство председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого и тяжелое ранение В.И. Ленина вышло Постановление СНК РСФСР «О красном терроре», в соответствии с которым органам ВЧК было предоставлено беспрецедентное право расстрела без суда и следствия всех лиц, состоящих в белогвардейских организациях и причастных к разного рода заговорам и мятежам. Кроме того, этим же Постановлением для изоляции всех классовых врагов были созданы первые концентрационные лагеря. Приступив к исполнению данного постановления, органы ВЧК только за сентябрь — ноябрь 1918 г. раскрыли несколько десятков подпольных антибольшевистских центров, которые ставили своей целью свержение советской власти в стране, в том числе «Союз спасения Родины», «Союз Учредительного собрания», «Союз возрождения России», «Союз защиты Родины и свободы», «Военную лигу», «Черную точку», «Белый крест», «Все для Родины» и многие другие.

Тем временем в разных регионах страны стал стремительно набирать обороты процесс укрупнения прежних антибольшевистских правительств. В частности, в конце сентября 1918 г. на заседании полномочных представителей Самарского Комитета Учредительного Собрания, Уральского временного правительства, Туркестанского автономного правительства, Енисейского, Сибирского, Оренбургского,

Уральского, Семиреченского и Иркутского войсковых казачьих правительств было создано **Временное Всероссийское правительство** — «Уфимская Директория», которую возглавил лидер народных социалистов **Николай Дмитриевич Авксентьев**.

Вместе с тем, уже в **сентябре — октябре 1918 г.** в ходе ряда наступательных операций на **Восточном фронте РККА**, который возглавил царский полковник **С.С. Каменев**, войска **1-й, 3-й и 5-й армий**, разгромив войска **Поволжской и Уральской армий** противника, заняли **Казань, Самару, Симбирск, Ижевск** и другие города.

б) Второй этап Гражданской войны (ноябрь 1918 г. — март 1919 г.)

11 ноября 1918 г., после подписания акта о капитуляции державами **Четвертного блока** завершилась **Первая Мировая война**, которая унесла более **10 млн** человеческих жизней. В этой ситуации **Верховный Совет Антанты** принял решение о начале **широкомасштабной интервенции** против Советской России, хотя первый этап этой интервенции начался значительно раньше, еще в **июле 1918 г.**

В **июле — августе 1918 г.** войска французских, английских, американских, канадских и японских интервентов высадились в разных регионах России и, свергнув большевистские Советы, захватили власть в **Баку, Архангельск, Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске** и других российских городах. Всего, по оценкам историков (**Н. Азовцев, Ю. Кораблев**), на первом этапе интервенции в ней приняли участие войска девяти стран Антанты общей численностью более **42 тысяч** солдат и офицеров.

В **ноябре 1918 — январе 1919 гг.** в ходе второго этапа интервенции англо-французские войска высадились в **Новороссийске, Одессе, Херсоне, Николаеве** и **Севастополе**, а старые воинские контингенты интервентов в **Мурманске, Архангельске** и **Владивостоке** пополнились новыми частями и соединениями армий союзных держав. Таким образом, уже к **концу 1918 г.** на всей территории России находилась **200-тысячная** группировка оккупационных войск.

13 ноября 1918 г. **ВЦИК РСФСР** денонсировал **Брестский мирный договор** и по решению **РВСР** для борьбы с германскими оккупантами на территории **Прибалтики, Белоруссии, Малороссии** и **Новороссии** были созданы **Западный и Украинский фронты РККА**, которые возглавили бывший царский генерал **А.Е. Снесарев** и член большевистского **ЦК В.А. Антонов-Овсеенко**.

В **ноябре — декабре 1918 г.** по договоренности с германским военным командованием войска **Западного фронта РККА** почти бескровно заняли всю территорию **Прибалтики** и **Белоруссии**. Однако на **Украине**, где сложилось классическое многовластие, ситуация развивалась более драматично. В частности, войскам **Украинского фронта РККА** пришлось одновременно воевать против войск прогерманского режима гетмана **П.П. Скоропадского** и войск **Украинской Народной Директории**, которую возглавляли **С.А. Петлюра** и **В.К. Винниченко**.

Тем временем, **18 ноября 1918 г.** при активной поддержке **Всероссийского Совета Министров**, который возглавлял **Петр Васильевич Вологодский**, и объединенного командования оккупационных войск в **Сибири** в составе генералов **У. Гревса, О. Найта, М. Жанена, А. Нокса** и **Д. Уорда** в **Омске** произошел государственный переворот. В результате этого переворота к власти пришел бывший военный министр «Уфимской Директории» адмирал **А.В. Колчак**, который провозгласил себя **Верховным правителем России** и главнокомандующим всеми вооруженными силами страны. Прежнее правительство «Уфимской Директории», состоящее из эсеров, энесов и меньшевиков,

было арестовано, и вся полнота власти перешла к новому правительству, которое сначала возглавил П.В. Вологодский, а затем генерал В.Н. Пепеляев.

В конце ноября 1918 г. ЦК РКП(б) и Совнарком РСФСР на основе предложений председателя РВСР Л.Д. Троцкого и главкома РККА И.И. Вацетиса приняли целый ряд кардинальных мер, направленных на укрепление Красной Армии. В частности, в войсках был установлен жёсткий режим революционной диктатуры и значительная часть властных полномочий, которыми раньше обладали строевые командиры маршевых частей и соединений, была передана военным комиссарам и членам РВС всех армий и фронтов.

30 ноября 1918 г. по решению ВЦИК был создан высший военно-политический и хозяйственный орган РСФСР — Совет Рабоче-Крестьянской Обороны, в состав которого первоначально вошли председатель Совнаркома В.И. Ленин, нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий, нарком по делам национальностей И.В. Сталин и нарком внешней торговли Л.Б. Красин.

В декабре 1918 г. войска Восточного фронта РККА под командованием С.С. Каменева перешли в наступление против войск Уральской, Оренбургской и Сибирской армий А.И. Дутова, М.Ф. Мартынова и А.В. Колчака.

В январе — феврале 1919 г. на южном участке Восточного фронта войска 1-й, 4-й и 5-й советских армий, разгромив передовые части генералов А.И. Дутова и М.Ф. Мартынова, заняли Уфу, Оренбург, Уральск и Орск, и соединились с частями Туркестанской армии РККА, которой командовал Михаил Васильевич Фрунзе. Однако на северном участке Восточного фронта наступление войск 2-й и 3-й советских армий против Сибирской армии адмирала А.В. Колчака закончилось полным поражением: они вынуждены были отступить за Каму и оставить Пермь.

Тем временем, в середине января 1919 г. генералы А.И. Деникин и П.Н. Краснов подписали совместное соглашение о создании Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), в состав которых вошли все войска Добровольческой, Донской, Кавказской, Крымско-Азовской, Терско-Дагестанской и Отдельной Туркестанской армий, а также части и соединения Черноморского военно-морского флота и Каспийской военной флотилии. Во главе этой внушительной военной силы, которая контролировала значительную часть территории юга страны, встал генерал-лейтенант царской армии Антон Иванович Деникин.

В январе — марте 1919 г. советские войска провели ряд удачных наступательных операций на южном и юго-западном стратегических направлениях:

1) Войска Южного фронта РККА под командованием бывшего полковника царской армии П.А. Славена нанесли ряд крупных поражений войскам Донской армии генерала П.Н. Краснова и вступили на территорию Области Войска Донского, где под руководством членов РВС Южного фронта Г.Я. Сокольников и С.И. Сырцова начался поголовный красный террор против донского казачества, который был санкционирован секретной директивой «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах» от 24 января 1919 г. Результаты этой варварской политики аукнулись большевикам уже в начале марта 1919 г., когда: а) на Верхнем Дону в станице Вешенской началось массовое антибольшевистское восстание донских казаков; б) объединенные войска Донской и Добровольческой армий под общим командованием генерала А.И. Деникина остановили продвижение войск 9-й и 10-й армий Южного фронта и организованно отошли за реки Дон и Маныч.

В середине марта 1919 г. войска Каспийско-Кавказского фронта РККА, который возглавил бывший царский полковник М.С. Свечников, перешли в наступление против войск Добровольческой армии. Однако вскоре части и соединения 11-й и 12-й советских армий были остановлены, а затем отброшены на исходные рубежи, где им пришлось перейти к вынужденной обороне по всей линии фронта.

2) Войска Украинского фронта РККА под командованием В.А. Антонова-Овсеенко, наступая на киевском и харьковском направлениях, разгромили части Украинской Народной армии и заняли Киев, Харьков, Чернигов, Конотоп, Бахмач, Полтаву, Екатеринослав, Николаев, Херсон и другие города. А правительство Украинской Директории во главе с С.В. Петлюрой поспешно бежало в Винницу.

В конце марта 1919 г. на Парижской мирной конференции главы союзных держав-победительниц приняли решение об эвакуации англо-французского экспедиционного корпуса с территории Южной Новороссии и Крыма, а уже в апреле 1919 г. войска Украинского фронта РККА, разгромив части Крымско-Азовской Добровольческой армии генерала П.Н. Врангеля, заняли Одессу и Севастополь.

18–23 марта 1919 г. в Москве прошел VIII съезд РКП(б), делегаты которого обсуждали три основных вопроса: 1) новую партийную программу, 2) изменение политики партии в отношении среднего крестьянства и 3) проблемы военного строительства.

1) По первому вопросу делегаты партийного съезда обсудили и приняли «Вторую программу партии», которую в советской историографии традиционно называли «программой строительства социализма». В этой партийной программе, которая была заменена «Третьей программой партии» только в 1961 г., были закреплены те важнейшие принципы строительства социализма и его основные черты, которые реально воплотились в политике, а затем и в целостной системе «военного коммунизма», рухнувшей в 1921 г.

2) По второму вопросу постфактум было принято решение ликвидировать «комбеды» и перейти от «политики нейтрализации среднего крестьянства к тесному союзу с ним».

3) По третьему вопросу после жесткой дискуссии по проблемам военного строительства большинство делегатов партийного форума отвергли «партизанские» принципы построения РККА, которые отстаивала «военная оппозиция» в лице И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, А.С. Бубнова, Г.Л. Пятакова, В.В. Куйбышева, К.А. Мехоношина, Ф.И. Голощекина, Н.И. Подвойского и других партийных и военных деятелей. В.И. Ленин и другие вожди партии поддержали принципиальную позицию Л.Д. Троцкого, который в своих тезисах «Наша политика в деле создания армии» активно выступил за создание регулярной Красной Армии, основанной на железной дисциплине, воинских уставах и широкого использования опыта и знаний старых военспецов.

Кроме того, делегаты съезда приняли решение об упразднении Всероссийского бюро военных комиссаров и создании Политического Управления РВСР, которое возглавил И.Т. Смилга.

в) Третий этап Гражданской войны (март 1919 г. – март 1920 г.)

В марте 1919 г. главком РККА И.И. Вацетис представил на рассмотрение РВСР план предстоящей весенне-летней военной кампании. Согласно этому плану предполагалось нанести два главных удара на южном и западном стратегических направлениях

и один вспомогательный удар — на восточном стратегическом направлении. Однако вскоре ситуация на фронте резко изменилась и не позволила большевикам реализовать свой план. В середине марта 1919 г. части и соединения Сибирской и Западной армий генералов Р. Гайды и М.В. Ханжина неожиданно перешли в наступление против войск Восточного фронта РККА. В результате целого ряда успешных операций на северном участке фронта Сибирская армия генерала Р. Гайды, прорвав оборону 2-й и 3-й советских армий, захватила Воткинск, Сарапул, Ижевск и продвинулись вперед на 130 км. На южном участке Восточного фронта войска Западной армии генерала М.В. Ханжина, разгромив передовые части 5-й советской армии, в середине апреля взяли Бугульму, Белебей, Бугуруслан, Стерлитамак и Актюбинск.

Успех войск адмирала А.В. Колчака оказался настолько неожиданным, что первоначально он никак не мог определиться, где наносить основной удар по войскам противника. Сам А.В. Колчак, следуя рекомендациям английского генерала А. Нокса, больше склонялся к северному варианту нанесения главного удара и соединения с войсками генерала Е.К. Миллера в районе Вятки. А начальник его штаба генерал Д.А. Лебедев настаивал на южном варианте нанесения главного удара и соединения с войсками генерала А.И. Деникина в районе Царицына. В конце концов, успех Западной армии генерала М.В. Ханжина на южном участке Восточного фронта предопределил весь дальнейший ход событий. 12 апреля 1919 г. адмирал А.В. Колчак отдал войскам так называемую «Волжскую директиву», в которой поставил перед ними задачу захвата стратегически важных мостов в районе Казани, Сызрани и Симбирска.

Тем временем по решению РВСР и Главкомата РККА была проведена реорганизация войск Восточного фронта, в составе которого было создано две оперативных группы: Северная группа войск в составе 2-й и 3-й армий под командованием В.И. Шорина, и Южная группа войск в составе 1-й, 4-й, 5-й и Туркестанской армий под командованием М.В. Фрунзе.

В конце апреля 1919 г. Южная группа войск РККА перешла в контрнаступление против Западной армии генерала М.В. Ханжина и Волжского корпуса генерала В.О. Каппеля и к началу мая 1919 г. в ходе Уфимской наступательной операции овладела Бугурусланом, Белебеем и Уфой. Одновременно войска М.В. Фрунзе отразили все попытки Оренбургской и Уральской армий генералов А.И. Дутова и В.С. Толстова захватить Оренбург и Уральск. Тогда же Северная группа войск РККА, проведя успешную Сарапульско-Воткинскую наступательную операцию, нанесла крупное поражение Сибирской армии генерала Р. Гайды и, освободив Сарапул и Ижевск, начала ожесточенные бои за Пермь.

На южном стратегическом направлении события развивались следующим образом:

1) В марте 1919 г. войска Южного фронта РККА под командованием бывшего царского генерала В.Н. Егорьева перешли в наступление против войск Донской армии генерала В.И. Сидорина. В ходе тяжелых и кровопролитных боев на ростовском направлении 9-я и 10-я советские армии подошли к Ростову, форсировали Маныч и стали продвигаться к Батайску и Тихорецкой. Однако вскоре наступление советских войск пришлось остановить и направить основные силы для борьбы с восставшими донскими казаками и отрядами Украинской Повстанческой армии батьки Н.И. Махно. В мае 1919 г. части Южного фронта РККА под мощными ударами Добровольческой армии, которые перешли в наступление на царицынском

и донбасском направлениях, вынуждены были оставить все Приднестровье, Донбасс и Южную Новороссию.

2) В середине марта 1919 г. войска Украинского фронта РККА под командованием В.А. Антонова-Овсеенко перешли в наступление и, быстро разгромив разрозненные части Украинской Народной армии С.В. Петлюры, в апреле 1919 г. овладели Одессой, Севастополем и другими городами Крыма и Южной Новороссии. Однако вскоре в тылу войск Украинского фронта начался мятеж бывшего петлюровского атамана Н.А. Григорьева, который с большим трудом удалось подавить.

3) В мае 1919 г. резко осложнилась ситуация на Западном фронте РККА, где при поддержке финских и эстонских войск, Северо-Западная армия генерала Н.Н. Юденича начала наступление на Петроград. В ходе тяжелых боев части белофиннов захватили Видлицу и Олонец, а корпус генерала А.П. Родзянко, прорвав оборону 7-й советской армии на нарвском направлении, овладел Гдовом, Ямбургом и Псковом. Однако успех армии Н.Н. Юденича оказался кратковременным и в середине июня 1919 г., подавив антисоветские мятежи в фортах «Красная Горка» и «Серая Лошадь», войска Западного фронта РККА во главе с бывшим царским генералом Д.Н. Надёжным перешли в наступление на нарвском и псковском направлениях.

4) В июне 1919 г. войска Восточного фронта РККА нанесли ряд крупных поражений армиям адмирала А.В. Колчака и заняли всю территорию Урала, в том числе Пермь, Златоуст, Челябинск и Екатеринбург. Однако из-за резкого обострения ситуации на Южном фронте по приказу главкома И.И. Вацетиса дальнейшее продвижение войск Восточного фронта РККА было приостановлено.

Собравшийся в срочном порядке Пленум ЦК осудил пораженческий план И.И. Вацетиса, который был смещен со своего поста. Новым главкомом войск РККА был назначен полковник С.С. Каменев, а войска Восточного фронта РККА возглавил М.В. Фрунзе. Л.Д. Троцкий, который разделял позицию И.И. Вацетиса, то же подал в отставку со всех военных постов, но этот демарш оракула революции был решительно отклонен.

Тем временем войска Добровольческой, Кавказской и Донской армий генералов В.З. Май-Маевского, П.Н. Врангеля и В.И. Сидорина продолжили свое успешное наступление на царицынском и донбасском направлении и вскоре, разгромив передовые части войск Южного фронта РККА, заняли Царицын, Харьков и Екатеринослав. 3 июля 1919 г. генерал А.И. Деникин издал знаменитую «Московскую директиву», согласно которой войскам Кавказской, Донской и Добровольческой армий Вооружённых сил Юга России (ВСЮР) был отдан приказ начать генеральное наступление на Москву с трех стратегических направлений: пензенского, воронежского и курско-орловского.

В эти критические дни, 9 июля 1919 г. ЦК РКП(б) опубликовало знаменитое ленинское письмо «Все на борьбу с Деникиным!», в котором предельно четко были обозначены главные задачи настоящего момента: полный разгром войск генерала А.И. Деникина на южном направлении и продолжение победоносного наступления советских войск на восточном направлении против армий адмирала А.В. Колчака.

В августе – декабре 1919 г. ситуация на фронтах войны выглядела следующим образом:

1) Войска Западного фронта РККА (Д.Н. Надёжный), продолжая свое наступление на двух оперативных направлениях, нанесли поражение армии противника и в

августе 1919 г. заняли Ямбург, Нарву и Псков. В начале октября войска Северо-Западной армии, которую возглавил генерал Н.Н. Юденич, начали второй поход на Петроград и захватили Ямбург, Лугу, Гатчину, Павловск и Красное Село. Однако в конце октября 1919 г. войска Северо-Западного фронта РККА, которые возглавил сам Л.Д. Троцкий, остановили противника в предместьях северной столицы, а затем, перейдя в контрнаступление, отбросили их на территорию Эстонии. В ноябре 1919 г. остатки армии Н.Н. Юденича были разоружены, а затем по решению эстонского правительства интернированы на территорию России на растерзание большевикам.

2) Войска Туркестанского фронта РККА под командованием М.В. Фрунзе в ходе Уральско-Гурьевской наступательной операции разгромили войска Южной и Уральской армий генералов Г.А. Белова и В.С. Толстова и, форсировав Амударью, подошли к границам Хивинского ханства.

3) Войска Восточного фронта РККА под командованием В.И. Шорина после тяжелых и кровопролитных боев с Западной армией генерала М.В. Ханжина форсировали Тобол и, освободив Петропавловск, Ишим и Омск, отеснили остатки армии А.В. Колчака в район Красноярска.

4) Войска Южного фронта РККА под командованием В.Н. Егорьева в ходе тяжелых оборонительных боев против двух кавалерийских корпусов генералов К.К. Мамонтова и А.Г. Шкуро и армейского корпуса генерала А.П. Кутепова к началу октября 1919 г. оставили Одессу, Киев, Харьков, Курск, Орел, Воронеж и отошли к Туле.

Однако вскоре успешные действия армий генералов П.Н. Врангеля, В.З. Маймаевского и В.И. Сидорина сменились чередой крупных военных неудач, причины которых, по мнению историков (В. Федюк, А. Бутаков), носили многоплановый характер. В частности, из-за бездарной внутренней политики главы южнорусского правительства Н.М. Мельникова в тылу белогвардейских войск началось мощное восстание кубанских казаков и отрядов батьки Н.И. Махно. Кроме того, возникли серьезные разногласия между генералами А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем по вопросам идеологии белого движения и дальнейшего ведения войны.

Тем временем по решению РВСР против белогвардейских армий ВСЮР были созданы две новых группировки войск: Южный фронт РККА, который возглавил бывший царский полковник А.И. Егоров, и Юго-Восточный фронт РККА, который возглавил В.И. Шорин.

В октябре 1919 – январе 1920 гг. в ходе Воронежско-Касторненской наступательной операции войска 1-й Конной армии С.М. Буденного и К.Е. Ворошилова разбили кавалерийские корпуса генералов К.К. Мамонтова и А.Г. Шкуро и освободили всю территорию Центральной России (Курск, Орел, Воронеж, Касторная), Левобережной Малороссии и Новороссии (Киев, Харьков, Полтава) и Области войска Донского (Царицын, Новочеркасск, Таганрог, Ростов-на-Дону). С выходом советских войск к Северному Кавказу, в январе 1920 г. решением РВСР Юго-Восточный фронт был переименован в Кавказский фронт РККА, а Южный фронт — в Юго-Западный фронт РККА. Тогда же решением РВСР Восточный фронт РККА был расформирован и окончательный разгром А.В. Колчака был возложен на части 5-й советской армии, которую возглавил М.Н. Тухачевский. В ходе стремительного наступления частей 5-й армии остатки белогвардейских войск были полностью разбиты под Красноярском, Ново-Николаевском и Иркутском, а адмирал А.В. Колчак и глава его правительства В.Н. Пепеляев были взяты в плен и по решению Иркутского ВРК расстреляны в феврале 1920 г.

В феврале – апреле 1920 г. события на фронтах войны развивались следующим образом:

1) Войска 6-й советской армии под командованием бывшего царского генерала А.А. Самойло разгромили белогвардейские войска **Северной области** генералов Е.К. Миллера и В.В. Марушевского и овладели **Мурманском** и **Архангельском**.

2) Войска **Амурского, Приморского и Охотского фронтов РККА** под общим командованием С.Г. Лазо начали боевые действия против японских интервентов и белогвардейских войск атамана Г.М. Семенова и генерала В.О. Каппеля в **Забайкалье** и на **Дальнем Востоке**.

3) Войска **Кавказского фронта РККА** под командованием М.Н. Тухачевского провели **Северо-Кавказскую наступательную операцию** и, освободив всю территорию **Кубани, Ставрополя, Терской области и Дагестана**, вышли к границам **Азербайджана и Грузии**. В результате этих событий генерал А.И. Деникин добровольно сложил с себя полномочия главнокомандующего **Вооруженными Силами Юга России** и передал их генерал-лейтенанту П.Н. Врангелю, который эвакуировал остатки своих войск (**50 тысяч штыков и сабель**) на территорию **Крыма**, который удерживала **Русская армия генерала Я.А. Слащёва**.

4) Войска **Юго-Западного фронта РККА** под командованием А.И. Егорова в ходе **Одесской наступательной операции** освободили всю территорию **Правобережной Малороссии и Южной Новороссии** и вышли к границам **Румынии и Галиции**.

5) Войска **Туркестанского фронта РККА** под командованием М.В. Фрунзе, разгромив остатки белой армии в среднеазиатском регионе, захватили всю территорию **Бухарского эмирата и Хивинского ханства**, где вскоре были созданы **Бухарская и Хивинская Народные Советские Республики**.

г) Четвертый этап Гражданской войны (апрель – ноябрь 1920 г.)

В январе 1920 г. советское правительство предложило правительству Польши начать мирные переговоры по демаркации своей государственной границы. При этом Наркомат иностранных дел, который в марте 1918 г. возглавил **Георгий Васильевич Чичерин**, предложил провести эту демаркацию в пользу своего соседа, то есть на **200–250 километров** восточней той линии границы, которая была определена для восстановленной Польши **Версальским мирным договором** в июле 1919 г.

Однако ее военно-политическое руководство во главе с **Юзефом Пилсудским** отказалось от этого «лестного» предложения, поскольку в их грандиозные планы входило воссоздание **Речи Посполитой «от можа до можа»**, т.е. в границах **1772 года**. Приступив к реализации этой бредовой идеи, правительство маршала **Ю. Пилсудского** подписало с эмигрантским правительством **Украинской Директории**, которое продолжал возглавлять беглый самостийник **С.В. Петлюра**, договор о фактической оккупации всей **Правобережной Малороссии**.

25 апреля 1920 г. польские войска и части украинской народной армии начали наступление против **12-й и 14-й армий Юго-Западного фронта РККА**, которые держали оборону от **Припяти до Днестра**. Уже **27 апреля** противник овладел **Проскуровым, Житомиром и Жмеринкой**, а **6 мая** вошел в **Киев**. В этой ситуации, не закончив переброску войск **1-й Конной армии С.М. Буденного с Кавказского фронта**, главком **С.С. Каменев** отдал приказ о переходе в наступление против польско-украинской армии войск **Западного фронта РККА**, которые возглавил **М.Н. Тухачевский**.

23 мая 1920 г. ЦК РКП(б) опубликовал свои тезисы «Польский фронт и наши задачи», в которых назвал борьбу с белополяками главной задачей на ближайшую перспективу. А уже 26 мая 1920 г., воспользовавшись переброской части польской армии в центральные районы Белоруссии, в наступление против войск маршала Ю. Пилсудского перешли войска Юго-Западного фронта РККА, которые 12 июня овладели Киевом.

Тем временем в Южной Новороссии началось наступление войск генерала П.Н. Врангеля на Донбасс и Одессу. Все попытки 13-й советской армии под командованием Р.П. Эйдемана остановить продвижение противника на этих направлениях не увенчались успехом, и к концу июня он захватил Херсон, Николаев, Одессу и устремился в Донбасс. А между тем, в начале июля 1920 г., началось совместное наступление войск Юго-Западного и Западного фронтов РККА против армии Ю. Пилсудского, в результате которого войска 1-й Конной армии С.М. Буденного заняли Ровно, а 16-я советская армия под командованием В.К. Путны освободила Минск.

Резкое обострение ситуации на советско-польском фронте крайне встревожило лидеров ведущих европейских держав и уже 12 июля 1920 г. британский министр иностранных дел лорд Дж. Керзон направил правительству РСФСР ультимативное требование немедленно остановить наступление советских войск против суверенного Польского государства и начать переговорный процесс о демаркации государственной границы двух держав. Однако ЦК РКП(б) в категорической форме отверг «ноту Керзона» и принял решение начать революционную войну в Европе.

В середине июля 1920 г. советские войска, выполняя директиву главкома РККА С.С. Каменева, продолжили свое наступление на варшавском и львовском направлениях и вскоре, освободив Пинск, Барановичи, Гродно и Вильнюс, вышли к этническим границам Польши. 30 июля 1920 г. по решению ЦК РКП(б) в Белостоке было создано просоветское польское правительство — Временный революционный комитет, который возглавил член польского бюро ЦК РКП(б) Ю.Б. Мархлевский.

В тот же день войска Западного фронта РККА начали Варшавскую наступательную операцию, которая закончилась катастрофой для советских войск и пленением 130 тысяч красноармейцев. В середине августа 1920 г. польские войска, которые возглавил французский генерал М. Вейген, нанесли мощный удар по левому флангу армий М.Н. Тухачевского и окружили советские войска на подступах к Варшаве. В ходе недельных ожесточенных боев, части и соединения Западного фронта РККА понесли огромные потери и, откатившись на исходные позиции, перешли к вынужденной обороне по всей линии фронта от Белостока до Бреста.

Таким образом, «чудо на Висле» не только спасло воссозданную панскую Польшу от нового уничтожения, но и положило конец утопическим планам высшего советского руководства разжечь пожар пролетарской революции в Европе и разрушить Версальский мир.

Надо сказать, что в годы «горбачевской перестройки» и разнузданного антисталинизма главная вина за катастрофу Западного фронта РККА была возложена на И.В. Сталина, который, будучи членом РВС Юго-Западного фронта, всячески саботировал решение Пленума ЦК и приказ главкома С.С. Каменева о переброске 1-й Конной армии С.М. Буденного в распоряжение М.Н. Тухачевского. Конечно, это обстоятельство сыграло определенную негативную роль в катастрофе Западного фронта, но было отнюдь не решающим. По мнению ряда историков (И. Михутина,

С. Полторака), главные причины поражения советских войск в **Варшавской наступательной операции** состояли в грубейших просчетах оперативно-тактической обстановки на фронте, которые допустили сам **М.Н. Тухачевский** и его полевой штаб: а) во-первых, были неверно определены масштабы сосредоточения, численность и боевой потенциал войск противника, находящихся в районе **Варшавы**; б) во-вторых, было неверно определено направление главного удара по войскам противника; в) в-третьих, в ходе **Варшавской операции** войска первого эшелона советских войск значительно оторвались не только от своих тыловых частей, но и штаба фронта; г) наконец, в-четвертых, телеграмма из **Москвы** о переброске **1-й Конной армии** на **Западный фронт** пришла с огромным опозданием, когда войска **С.М. Буденного** уже ввязались в кровопролитные бои за **Львов** и находились в крайне истощенном состоянии.

Кроме того, по мнению тех же авторов, советское политическое руководство абсолютно неверно оценило уровень классовой солидарности польских рабочих и крестьян, которые, совершенно забыв о своей классовой принадлежности, единым национальным фронтом встали на защиту своего Отечества от русских оккупантов и большевиков.

Разгром советских войск под **Варшавой** предопределил исход всей войны с панской Польшей. **12 октября 1920 г.** было подписано предварительное перемирие и воюющие стороны начали переговоры, которые завершились **18 марта 1921 г.** подписанием **Рижского мирного договора**. По условиям этого договора: **1) К панской Польше отходила вся территория Западной Украины и Белоруссии; 2) Советская Россия в течение ближайшего года должна была выплатить военную контрибуцию в размере 30 млн золотых рублей.**

Окончание военных действий в Польше позволило высшему руководству страны сосредоточить основные силы против **Русской армии** генерала **П.Н. Врангеля**, войска которой окапались в Крыму. **21 сентября 1920 г.** по решению **РВСР** для борьбы с армией **П.Н. Врангеля** был создан **Южный фронт РККА**, который возглавил **М.В. Фрунзе**. В состав нового фронта, помимо **4-й, 6-й и 13-й советских армий**, вошли войска **1-й и 2-й Конных армий С.М. Буденного и Ф.К. Миронова**.

В конце сентября войска генерала **П.Н. Врангеля** возобновили свое наступление в **Северной Таврии** и вскоре овладели **Александровкой и Мариуполем**. Однако все попытки захватить **Каховку и Юзовку** не увенчались успехом. А уже **15 октября 1920 г.** советские войска перешли в контрнаступление по всей линии фронта, в ходе которого освободили всю территорию **Северной Таврии** и отбросили разбитые части противника в **Крым**.

7–20 ноября 1920 г. в ходе **Чонгарско-Перекопской наступательной операции** войска **Южного фронта РККА** и **Украинской Повстанческой армии** бати **Н.И. Махно** прорвали оборону белых войск на сильно укрепленном **Перекопском перешейке** и полностью освободили **Крым**. Значительная часть белогвардейских войск во главе со своим командармом генералом **П.Н. Врангелем** в самый последний момент сумела покинуть полуостров. Однако около **12 тысяч** солдат и офицеров **Русской армии**, не пожелавших расставаться с Родиной, были расстреляны в ходе невиданного по своей жестокости террора, которым руководили **Иосиф Драбкин, Розалия Землячка и Бела Кун**.

Разгром **Русской армии** генерала **П.Н. Врангеля** в **Крыму** знаменовал собой прекращение широкомасштабной **Гражданской войны**, хотя еще в течение двух лет (**1921–1922**) советским войскам пришлось подавлять отдельные очаги вооружен-

ного гражданского противостояния в самых разных уголках страны, в частности в Закавказье (1920—1921), Туркестане (1920—1921), Забайкалье (1921) и на Дальнем Востоке (1921—1922).

Особенно пристально высшее политическое руководство страны следило за развитием ситуации в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Дело в том, что еще в апреле 1920 г. по решению ЦК РКП(б) на дальневосточных рубежах, оккупированных японцами и американцами, по чисто прагматическим соображениям было создано буферное государство — Дальневосточная Республика (ДВР), в состав которой вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Сахалинская и Камчатская области РСФСР. На протяжении всего 1920 г. части и соединения Народно-Революционной армии ДВР во главе с Г.Х. Эйхе вели ожесточенные бои с белогвардейскими войсками генерала В.О. Каппеля и войскового атамана Г.М. Семенова, которые контролировали большую часть Забайкальского края. И только в самом конце октября части НРА при поддержке сибирских партизан заняли Читу.

В мае 1921 г. во Владивостоке произошел государственный переворот, в результате которого к власти в Приморье пришло правительство С.Д. Меркулова, а с территории Внешней Монголии в Забайкалье вторглись войска генерала Р.Ф. Унгерна. В июне 1921 г. — феврале 1922 г. части и соединения НРА, которую уже возглавил В.К. Блюхер, в результате ряда успешных операций, в том числе в районе Волочаевки, разгромили все белогвардейские войска и установили свой контроль над территорией Амурского края (Хабаровск). Затем, в октябре 1922 г., части НРА, которую теперь возглавил И.П. Уборевич, при поддержке приморских партизан разгромили японские войска и заняли Владивосток. А 14 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР объявило о восстановлении на своей территории советской власти и о вхождении Дальневосточной Республики в состав РСФСР.

3. Итоги и значение Гражданской войны

Трехлетняя Гражданская война и иностранная интервенция обернулись для России величайшей трагедией, имевшей самые тяжелые последствия. По мнению большинства советских и российских историков (Ю. Поляков, Ю. Кораблев, С. Кара-Мурза):

1) Общая сумма экономического ущерба от Гражданской войны составила более 50 млрд золотых рублей;

2) Промышленное производство в стране сократилось в разы и составило в разных отраслях промышленного производства всего 4—20% от довоенного уровня, а значительная часть научно-технического потенциала страны просто реально перестала существовать;

3) Сельскохозяйственное производство сократилось почти на 40% от довоенного уровня, и результат такого плачевного состояния аграрного сектора национальной экономики не замедлил сказаться массовым голодом в Поволжье и других регионах страны, который по самым скромным оценкам унес более 3 млн человеческих жизней.

4) Практически полностью были разрушены все товарно-денежные отношения в стране, во всех ее регионах исчез свободный товарооборот и повсеместно царила примитивная натурализация хозяйства;

5) Безвозвратные людские потери в Гражданской войне, по разным оценкам, составили от 8 (Ю. Поляков) до 13 (И. Ратьковский, М. Ходяков) миллионов человек,

при этом на долю обеих регулярных армий пришлось только 1 млн 200 тысяч человек. Общие демографические потери, по оценкам ученых (В. Кожин), составили астрономическую цифру в 25 млн человек.

Вместе с тем, по мнению ряда российских историков (И. Ратьковский, М. Ходяков), итоги Гражданской войны имели и позитивный характер, поскольку: 1) был остановлен кровавый и хаотический распад Российской империи, начавшийся после Февральского переворота 1917 г.; 2) возникший в годы Гражданской войны союз советских государств вне зависимости от воли его новых правителей восстановил тысячелетнее историческое пространство России; 3) победа большевиков в Гражданской войне нанесла существенный удар по всей колониальной системе империализма и заставила правительства всех мировых буржуазных держав начать широкомасштабные социальные реформы в своих странах.

Говоря об итогах и значении Гражданской войны, следует признать и правоту тех современных авторов (В. Булдаков, В. Кабанов, В. Бровкин, В. Кондрашин), которые утверждают, что: 1) в конечном итоге кровопролитная Гражданская война закончилась победой многомиллионного российского крестьянства, которое, поднявшись на вооруженную борьбу, все же заставило большевиков отступить от жесткой политики военного коммунизма и перейти к НЭПу; и 2) именно в годы Гражданской войны были смоделированы и заложены основы той однопартийной, командно-административной системы в нашей стране, которая просуществовала вплоть до крушения КПСС и Советского государства.

Тема: ПОЛИТИКА ВОЕННОГО КОММУНИЗМА (1918–1921)

План:

1. Основные проблемы «военного коммунизма» в историографии.
2. Основные черты политики «военного коммунизма».
 - а) Политика «продовольственной диктатуры» и продразверстки.
 - б) Политика тотальной национализации.
 - в) Ликвидация товарно-денежных отношений.
 - г) Милитаризация народного хозяйства страны и создание трудовых армий.
 - д) Тотальная централизация управления народным хозяйством страны.
 - е) Создание однопартийной политической системы.
3. Антибольшевистские восстания 1920–1921 гг.

1. Основные проблемы «военного коммунизма» в историографии

В представлении классиков ортодоксального марксизма социализм как общественный строй предполагает полное уничтожение всех товарно-денежных отношений, поскольку именно эти отношения являются питательной средой для возрождения капитализма. Однако исчезнуть эти отношения могут не раньше полного исчез-

новения института частной собственности на все средства производства и орудия труда, но для реализации этой важнейшей задачи необходима целая историческая эпоха.

Именно это основополагающее положение марксизма нашло свое зримое воплощение в той экономической политике большевиков, которую они начали проводить еще в **декабре 1917 г.**, практически сразу после захвата государственной власти в стране. Но, быстро потерпев неудачу на хозяйственном фронте, в **марте — апреле 1918 г.** руководство большевистской партии попыталось вернуться к идеологии ленинских **«Апрельских тезисов»** и наладить в разоренной войной и революцией стране **госкапитализм**. Однако широкомасштабная **Гражданская война** и иностранная интервенция положили конец этим утопическим иллюзиям большевиков, **вынудив высшее руководство партии вернуться к прежней экономической политике**, которая затем получила очень емкое и точное название политики **«военного коммунизма»**.

Надо сказать, что достаточно долгое время многие советские историки были уверены в том, что сама концепция военного коммунизма впервые была разработана именно **В.И. Лениным** в **1918 г.** Однако это утверждение не вполне соответствует истине, поскольку само понятие **«военный коммунизм»** он впервые употребил лишь в **апреле 1921 г.** в своей знаменитой статье **«О продовольственном налоге»**. Более того, как установили «поздние» советские историки (**В. Булдаков, В. Кабанов, В. Бордюгов, В. Козлов**), впервые этот термин был введен в научный оборот известным марксистским теоретиком **Александром Богдановым (Малиновским)** еще в **1917 г.**

В **январе 1918 г.**, вернувшись к изучению данной проблемы в своей известной работе **«Вопросы социализма»**, **А.А. Богданов**, исследовав исторический опыт ряда буржуазных государств эпохи **Первой Мировой войны**, поставил знак равенства между понятиями **«военный коммунизм»** и **«государственный капитализм военного образца»**. Таким образом, по его убеждению между социализмом и военным коммунизмом лежала целая историческая пропасть, поскольку **«военный коммунизм»** был следствием регресса производительных сил и гносеологически был порождением капитализма и полным отрицанием социализма, а не его начальной фазой, как это представлялось самим большевикам, прежде всего, **«левым коммунистам»** в период **Гражданской войны**.

Тоже мнение ныне разделяют и целый ряд других ученых, в частности профессор **С.Г. Кара-Мурза**, которые аргументировано утверждают, что **«военный коммунизм»** как особый хозяйственный уклад не имеет ничего общего ни с коммунистическим учением, ни тем более с марксизмом. Само понятие **«военный коммунизм»** просто означает, что в период тотальной разрухи общество (социум) вынужденно преобразуется в общину или коммуну, и не более того. В современной исторической науке до сих пор существует несколько ключевых проблем, связанных с изучением истории военного коммунизма:

1) С какого времени следует вести отсчет политики военного коммунизма.

а) Ряд российских и зарубежных историков (Н. Суханов) считают, что политика военного коммунизма была провозглашена практически сразу после победы Февральской революции, когда буржуазное Временное правительство с подачи первого министра земледелия, кадета А.И. Шингарева, издав закон «О передаче хлеба в распоряжение государства» (25 марта 1917 г.), ввело на всей территории страны государственную монополию на хлеб и установило твердые цены на зерно.

б) Другие историки (Р. Дэселс, В. Булдаков, В. Кабанов) связывают утверждение «военного коммунизма» со знаменитым декретом СНК и ВЦИК РСФСР «О национализации крупной промышленности и предприятий железнодорожного транспорта», который был издан 28 июня 1918 г. Причем, по мнению В.В. Кабанова и В.П. Булдакова, сама политика военного коммунизма прошла в своем развитии три основных фазы: «национализаторскую» (июнь 1918 г.), «комбедовскую» (июль — декабрь 1918 г.) и «милитаристскую» (январь 1920 г. — февраль 1921 г.).

в) Третьи историки (Е. Гимпельсон) полагают, что началом политики военного коммунизма следует считать май — июнь 1918 г., когда СНК и ВЦИК РСФСР приняли два важнейших декрета, положивших начало продовольственной диктатуре в стране: «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию» (13 мая 1918 г.) и «О комитетах деревенской бедноты» (11 июня 1918 г.).

г) Четвертая группа историков (Г. Бордюгов, В. Козлов) уверена в том, что после «годового периода проб и ошибок», большевики, издав декрет «О продовольственной разверстке зерновых хлебов и фуража» (11 января 1919 г.), сделали свой окончательный выбор в пользу продразверстки, которая и стала **становым хребтом всей политики военного коммунизма в стране.**

д) Наконец, пятая группа историков (С. Павлюченков), предпочитает не называть конкретную дату начала политики военного коммунизма и, ссылаясь на известное диалектическое положение Ф. Энгельса, говорит, что «абсолютно резкие разграничительные линии не совместимы с теорией развития как таковой». Хотя, сам С.А. Павлюченков склонен начинать отсчет политики военного коммунизма с началом «красногвардейской атаки на капитал», то есть с декабря 1917 г.

2) Причины политики «военного коммунизма».

а) В советской и отчасти российской историографии (И. Берхин, Е. Гимпельсон, Г. Бордюгов, В. Козлов, И. Ратьковский) политика военного коммунизма традиционно сводилась к ряду исключительно вынужденных, сугубо экономических мероприятий, обусловленных иностранной интервенцией и Гражданской войной. При этом большинство советских историков всячески подчеркивали плавный и постепенный характер введения этой экономической политики в жизнь.

б) В европейской историографии (Л. Самюэли) традиционно утверждалось, что «военный коммунизм» был не столько обусловлен тяготами и лишениями Гражданской войны и иностранной интервенции, сколько имел под собой мощную идеологическую базу, восходящую к идеям и трудам К. Маркса, Ф. Энгельса и К. Каутского.

в) По мнению ряда современных историков (В. Булдаков, В. Кабанов), субъективно «военный коммунизм» был вызван стремлением большевиков **продержаться до начала мировой пролетарской революции**, а объективно эта политика должна была решить **важнейшую модернизационную задачу** — ликвидировать гигантский разрыв между хозяйственными укладами индустриального города и патриархальной деревни. Более того, политика военного коммунизма была **прямым продолжением «красногвардейской атаки на капитал»**, поскольку оба этих политических курса роднил бешеный темп основных экономических мероприятий: полная национализация банков, промышленных и торговых предприятий, вытеснение государственной кооперации и организация новой системы государственного распределения через производительно-потребительские коммуны, очевидная тенденция к натурализации всех хозяйственных отношений внутри страны и т.д.

При этом многие авторы убеждены, что все лидеры и крупнейшие теоретики большевистской партии, в том числе **В.И. Ленин**, **Л.Д. Троцкий** и **Н.И. Бухарин**, рассматривали политику военного коммунизма как столбовую дорогу, ведущую прямо в социализм. Особенно отчетливо эта концепция «большевистского утопизма» была представлена в известных теоретических работах «левых коммунистов», которые и навязали партии ту модель «военного коммунизма», которая была реализована ею в 1919–1920 гг. В данном случае речь идет о двух известных работах **Н.И. Бухарина** «Программа коммунистов-большевиков» (1918) и «Экономика переходного периода» (1920), а также о популярном опусе **Н.И. Бухарина** и **Е.А. Преображенского** «Азбука коммунизма» (1920), которые ныне справедливо называют «литературными памятниками коллективного безрассудства большевиков».

Причем, по мнению ряда современных ученых (**Ю. Емельянов**), именно **Н.И. Бухарин** в своей знаменитой работе «Экономика переходного периода» (1920) вывел из практики «военного коммунизма» целую теорию революционных преобразований, основанную на универсальном законе полного развала буржуазной экономики, производственной анархии и концентрированного насилия, которые позволят полностью изменить экономический строй буржуазного общества и построить на его руинах социализм. Более того, по твердому убеждению этого «любимца всей партии» и «крупнейшего партийного теоретика», как писал о нем **В.И. Ленин**, «пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как это не покажется странным, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

г) Наконец, по мнению других современных ученых (**С. Кара-Мурза**), «военный коммунизм» стал неизбежным следствием катастрофического положения в народном хозяйстве страны и в этой ситуации именно он сыграл исключительно важную роль в спасении жизни миллионов людей от неминуемой голодной смерти. Более того, все попытки доказать, что политика военного коммунизма имела доктринальные корни в марксизме, абсолютно беспочвенны, поскольку с идеей быстрого скачка в социализм носились только кучка большевиков-максималистов в лице **Н.И. Бухарина** и **Ко**.

3) Проблема итогов и последствий политики «военного коммунизма».

а) Практически все советские историки (**И. Минц**, **В. Дробижев**, **И. Брехин**, **Е. Гимпельсон**) не только всячески идеализировали «военный коммунизм», но фактически уходили от любых объективных оценок основных итогов и последствий этой разрушительной экономической политики большевиков в годы Гражданской войны. По мнению большинства современных авторов (**В. Булдаков**, **В. Кабанов**), эта идеализация «военного коммунизма» во многом была связана с тем, что именно этот политический курс оказал огромное влияние на развитие всего советского общества, а так же смоделировал и заложил основы той командно-административной системы в стране, которая окончательно оформилась во второй половине 1930-х гг.

б) В западной историографии до сих пор существуют две основных оценки итогов и последствий политики военного коммунизма. Одна часть советологов (**Г. Яней**, **С. Малле**) традиционно говорит о безусловном крахе экономической политики военного коммунизма, которая привела к полной анархии и тотальному развалу

промышленного и аграрного хозяйства страны. Другие советологи (М. Левин), напротив, утверждают, что **главными итогами политики военного коммунизма стали этатизация (гигантское усиление роли государства) и архаизация общественно-экономических отношений.**

Что касается первого вывода профессора М. Левина и его коллег, то действительно вряд ли можно сомневаться в том, что в годы «военного коммунизма» произошло гигантское усиление всего партийно-государственного аппарата власти в центре и на местах. Но что касается **экономических итогов «военного коммунизма»**, то здесь положение дел обстояло значительно сложнее, поскольку: **1)** с одной стороны, «военный коммунизм» смел все прежние остатки средневекового строя в аграрном хозяйстве русской деревни, однако, **2)** с другой стороны, совершенно очевидным является и то, что именно в период «военного коммунизма» произошло существенное укрепление патриархальной крестьянской общины, что позволяет говорить о реальной архаизации народного хозяйства страны.

в) По мнению ряда современных авторов (В. Булдаков, В. Кабанов, С. Павлюченков), было бы ошибкой пытаться статистически определить негативные последствия «военного коммунизма» для народного хозяйства страны. И дело не только в том, что эти последствия невозможно отделить от последствий самой Гражданской войны, а в том, что **итоги «военного коммунизма» имеют не количественное, а качественное выражение**, суть которых состоит в самом изменении социокультурного стереотипа страны и ее граждан.

г) По мнению других современных авторов (С. Кара-Мурза), «военный коммунизм» стал **образом жизни и образом мысли подавляющего большинства советских людей**. А поскольку он пришелся на начальный этап становления Советского государства, на его «младенческий возраст», то он не мог не оказать огромного влияния на всю его историю и стал **основной частью той самой матрицы, на базе которой воспроизводился советский общественный строй.**

4) Проблема определения основных признаков «военного коммунизма».

На взгляд большинства авторов (В. Булдаков, В. Кабанов, С. Павлюченков), в процессе формирования основ политики военного коммунизма сложился абсолютный идеал социализма, главные постулаты которого были предельно просты: **а)** тотальное уничтожение частной собственности на средства и орудия производства и господство единой государственной формы собственности на всей территории страны; **б)** тотальная ликвидация товарно-денежных отношений, системы денежного обращения и создание предельно жесткой плановой системы хозяйства в стране.

Причем, по твердому мнению этих ученых, основные элементы политики военного коммунизма **большевики заимствовали из практического опыта кайзеровской Германии**, где начиная с января 1915 г. реально существовали: **1)** государственная монополия на важнейшие продукты питания и товары ширпотреба; **2)** их нормированное распределение; **3)** всеобщая трудовая повинность; **4)** твердые цены на основные виды товаров, продуктов и услуг и **5)** разверсточный метод изъятия зерна и другой сельхозпродукции из аграрного сектора экономики страны. Таким образом, вожди «русского якобинства» в полной мере использовали формы и методы управления страной, которые были заимствованы ими у капитализма, находящегося в экстремальной ситуации периода войны.

Самым зримым доказательством этого вывода является знаменитый «**Проект программы партии**», написанный **В.И. Лениным** в **марте 1918 г.**, который содержал основные черты будущей политики военного коммунизма: **1)** уничтожение парламентаризма и соединение законодательной и исполнительной ветвей власти в Советах всех уровней; **2)** социалистическая организация производства в общегосударственном масштабе; **3)** управление процессом производства через профсоюзы и фабрично-заводские комитеты, находящиеся под контролем органов советской власти; **4)** государственная монополия торговли, а затем ее полная замена планомерно-организованным распределением, которое будут осуществлять союзы торгово-промышленных служащих; **5)** принудительное объединение всего населения страны в потребительско-производственные коммуны и **6)** организация соревнования между этими коммунами за неуклонное повышение производительности труда, организованности, дисциплины и т.д.

О том, что руководство большевистской партии превратило организационные формы германского буржуазного хозяйства в главное орудие утверждения пролетарской диктатуры прямо писали и сами большевики, частности **Юрий Залманович Ларин (Лурье)**, который еще в **1928 г.** опубликовал свою работу «**Государственный капитализм военного времени в Германии (1914–1918)**». Более того, что ряд современных историков (**С. Павлюченков**) утверждают, что «**военный коммунизм**» представлял собой **российскую модель немецкого военного социализма или госкапитализма**. Поэтому в определенном смысле «**военный коммунизм**» был чистым аналогом традиционного в российской политической среде «**западничества**», лишь с той существенной разницей, что большевикам удалось плотно окутать этот политический курс пеленой коммунистической идеологии и фразеологии.

а) В советской историографии (**В. Виноградов, И. Брехин, Е. Гимпельсон, В. Дмитренко**) все существо политики военного коммунизма традиционно сводили только к основным экономическим мероприятиям, проведенных партией большевиков в **1918–1920 гг.**

б) Ряд современных авторов (**В. Булдаков, В. Кабанов, В. Бордюгов, В. Козлов, С. Павлюченков, Е. Гимпельсон**) обращают особое внимание на то, что коренная ломка экономических и социальных отношений сопровождалась кардинальной политической реформой и установлением однопартийной диктатуры в стране.

в) Другие современные ученые (**С. Кара-Мурзы**) считают, что главным признаком «**военного коммунизма**» был **перенос центра тяжести экономической политики с производства товаров и услуг на их уравнительное распределение**. Неслучайно **Л.Д. Троцкий**, говоря о политике военного коммунизма, откровенно писал о том, что «мы национализировали дезорганизованное хозяйство буржуазии и установили в самый острый период борьбы с классовым врагом режим «**потребительского коммунизма**». Все остальные признаки «**военного коммунизма**», как-то знаменитая продразверстка, монополия государства в сфере промышленного производства и банковских услуг, ликвидация товарно-денежных отношений, всеобщая трудовая повинность и милитаризация народного хозяйства страны, **являлись структурными признаками военно-коммунистической системы**, которая в конкретных исторических условиях была характерна и для **Великой Французской революции (1789–1799)**, и для **кайзеровской Германии (1915–1918)**, и для **России в эпоху Гражданской войны (1918–1920)**.

2. Основные черты политики «военного коммунизма»

По мнению подавляющего большинства историков, основными чертами политики военного коммунизма, которые в окончательном виде были сформулированы в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б), являлись:

а) Политика «продовольственной диктатуры» и продразверстки

По мнению ряда современных авторов (В. Бордюгов, В. Козлов), большевики отнюдь не сразу пришли к идее продразверстки и первоначально собирались создать государственную систему хлебозаготовок, основанную на традиционных рыночных механизмах, в частности путем значительного повышения цен на зерно и другую сельхозпродукцию. Еще в апреле 1918 г., в своем докладе «Об очередных задачах Советской власти» сам В.И. Ленин прямо заявил, что советская власть будет проводить прежнюю продовольственную политику в соответствие с тем экономическим курсом, контуры которого определились в марте 1918 г. Иными словами, речь шла о сохранении хлебной монополии, твердых цен на зерно и традиционной системе товарообмена, давно существовавшей между городом и деревней. Однако уже в мае 1918 г. из-за резкого обострения военно-политической обстановки в основных хлебопроизводящих регионах страны (Кубань, Дон, Малороссия) позиция высшего политического руководства страны коренным образом изменилась.

В начале мая 1918 г. по докладу наркома продовольствия А.Д. Цюрупы члены советского правительства впервые обсуждали проект декрета о введении продовольственной диктатуры в стране. И хотя целый ряд членов ЦК и руководство ВСНХ, в частности Л.Б. Каменев, А.И. Рыков и Ю.З. Ларин, выступили против этого декрета, 13 мая он был одобрен ВЦИК РСФСР и был оформлен в виде специального декрета «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией». В середине мая 1918 г. принимается новый декрет СНК и ВЦИК «Об организации продовольственных отрядов», которые вместе с комбедами должны были стать основным инструментом выбивания скудных продовольственных ресурсов из десятков миллионов крестьянских хозяйств страны.

Одновременно в развитие данного декрета, СНК и ВЦИК РСФСР принимают декрет «О реорганизации Наркомата продовольствия РСФСР и местных продовольственных органов», в соответствии с которым была проведена полная структурная перестройка этого ведомства страны в центре и на местах. В частности, этот декрет, который вполне правомерно окрестили «банкротством идеи Советов на местах»: а) установил прямое подчинение всех губернских и уездных продовольственных структур не органам советской власти на местах, а Наркомату продовольствия РСФСР; б) определил, что в рамках этого наркомата будет создано специальное Управление Продовольственной армии, которое будет отвечать за выполнение государственного плана хлебозаготовок в масштабах всей страны.

Надо сказать, что вопреки традиционному мнению сама идея продовольственных отрядов не была изобретением большевиков и пальму первенства здесь все же следует отдать столь «милых сердцу» наших либералов (А. Яковлев, Е. Гайдар) февралистам. Еще 25 марта 1917 г. Временное правительство, издав закон «О передаче хлеба в распоряжение государства», ввело на всей территории страны государственную монополию на хлеб. Но поскольку план государственных хлебозаготовок

выполнялся из рук вон плохо, то в **августе 1917 г.** для проведения принудительных реквизиций продовольствия и фуража из состава маршевых частей действующей армии и тыловых гарнизонов начали формироваться специальные воинские отряды, которые и стали прообразом тех самых большевистских продотрядов, которые возникли в годы **Гражданской войны**.

Деятельность продовольственных отрядов до сих пор вызывает абсолютно полярные оценки. Одни историки (**В. Кабанов, В. Бровкин**) полагают, что выполняя планы хлебозаготовок, большинство продотрядов занималось поголовным грабежом всех крестьянских хозяйств, независимо от их социальной принадлежности. Другие историки (**Г. Бордюгов, В. Козлов, С. Кара-Мурза**) утверждают, что вопреки расхожим домыслам и легендам, **продотряды**, объявив крестовый поход в деревню за хлебом, **не занимались грабежом крестьянских хозяйств**, а добывались ощутимых результатов именно там, где добывали хлеб путем традиционного товарообмена.

После начала фронтальной **Гражданской войны** и иностранной интервенции **СНК и ВЦИК РСФСР 11 июня 1918 г.** принимают знаменитый декрет «**Об организации и снабжении комитетов деревенской бедноты**» или **комбедах**, который ряд современных авторов (**Н. Дементьев, И. Долуцкий**) называли **спусковым механизмом Гражданской войны**.

Впервые сама идея организации **комбедов** прозвучала на заседании **ВЦИК** в **мае 1918 г.** из уст его председателя **Я.М. Свердлова**, который мотивировал необходимость их создания для **разжигания «второй социальной войны»** в деревне и беспощадной борьбы с классовым врагом в лице сельского буржуа — деревенского «**кровапийцы и мироеда**» — **кулака**. Поэтому процесс организации **комбедов**, который **В.И. Ленин** расценил как величайший шаг социалистической революции в деревне, пошел стремительными темпами и уже к **сентябрю 1918 г.** на всей территории страны было создано более **30 тысяч комбедов**, костях которых составили деревенская голытьба.

Основной задачей **комбедов** стала не только борьба за хлеб, но и **сокрушение волостных и уездных органов советской власти**, которые состояли из зажиточных слоев российского крестьянства и не могли быть органами пролетарской диктатуры на местах. Таким образом, их создание не только стало спусковым механизмом **Гражданской войны**, но и привело к фактическому уничтожению советской власти в деревне. Кроме того, как отметили ряд авторов (**В. Кабанов**), **комбеды**, не выполнив предназначенной им исторической миссии, дали мощный импульс хаосу, разрухе и оскудению российской деревни.

В **августе 1918 г.** **СНК и ВЦИК РСФСР** принимают пакет новых нормативных актов, которые знаменовали собой создание целой **системы чрезвычайных мер** по изъятию зерна в пользу государства, в том числе декреты «**О привлечении к заготовки хлеба рабочих организаций**», «**Об организации уборочных и уборочно-реквизиционных отрядов**», «**Положение о заградительных реквизиционных продотрядах**» и т.д.

В **октябре 1918 г.** **ВЦИК и СНК РСФСР** принимают новый декрет «**Об обложении сельских хозяйств натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов**». Надо сказать, что часть ученых (**В. Данилов**), без достаточных на то оснований высказали, мысль о генетической связи этого декрета с продналогом **1921 г.**, положившему начало **НЭПу**. Однако большинство историков (**Г. Бордюгов, В. Козлов**) справедливо утверждают, что этот декрет знаменовал собой отказ от «нормальной»

системы налогообложения и переход к системе «чрезвычайного» налогообложения, построенной по классовому принципу. Кроме того, по мнению тех же историков, именно с **конца 1918 г.** обозначился явный поворот всей советской государственной машины от неупорядоченной «чрезвычайщины» к организованным и централизованным формам «экономической и продовольственной диктатуры» в стране.

Крестовый поход на кулака и деревенского мироеда, объявленный этим декретом с восторгом был встречен не только деревенской беднотой, но и подавляющей массой среднего российского крестьянства, численность которого составляла более **65%** всего сельского населения страны. Таким образом, взаимное притяжение большевиков и среднего крестьянства, возникшее на **рубеже 1918–1919 гг.**, предредило участь **комбедов**. Уже в **ноябре 1918 г.** на **VI Всероссийском съезде Советов** под давлением самой коммунистической фракции, которую тогда возглавлял **Л.Б. Каменев**, принимается решение о **восстановлении единообразной системы органов советской власти** на всех уровнях, что, по сути, означало ликвидацию **комбедов**.

В **декабре 1918 г.** **I Всероссийский съезд земельных отделов, коммун и комбедов** принял резолюцию «**О коллективизации земледелия**», которая четко обозначила **новый курс на обобществление единоличных крестьянских хозяйств** и перевод их на рельсы крупного аграрного производства, построенного на социалистических началах. Однако эта резолюция, как предполагали **В.И. Ленин** и нарком земледелия **С.П. Середя**, была встречена в штыки подавляющей массой многомиллионного российского крестьянства. Эта ситуация заставила большевиков вновь изменить принципы продовольственной политики и **11 января 1919 г.** издать знаменитый декрет «**О продовольственной разверстке зерновых хлебов и фуража**».

Надо сказать, что вопреки традиционному общественному мнению, продразверстка в России была введена вовсе не большевиками, а царским правительством **А.Ф. Трепова**, которое в **ноябре 1916 г.** по предложению тогдашнего министра земледелия **А.А. Риттиха** издало специальное постановление по данному вопросу. Хотя, конечно, **продразверстка образца 1919 г.** существенным образом отличалась от **продразверстки образца 1916 г.**

По мнению ряда современных авторов (**С. Павлюченков, В. Бордюгов, В. Козлов**), вопреки сложившемуся стереотипу, **продразверстка** стала не ужесточением продовольственной диктатуры в стране, а ее формальным ослаблением, поскольку содержала очень важный элемент: **изначально заданный размер государственных потребностей в хлебе и фураже**. Кроме того, как показал профессор **С.Г. Кара-Мурза**, масштаб большевистской разверстки составлял примерно **260 млн пудов**, в то время как царская разверстка составляла более **300 млн пудов** зерна в год.

Вместе с тем, сама **продразверстка** исходила не из реальных возможностей крестьянских хозяйств, а из **государственных потребностей**, поскольку в соответствии с данным декретом: **а)** все количество зерна, фуража и другой сельхозпродукции, которое необходимо было государству для снабжения Красной армии и городов, разверстывалось между всеми хлебопроизводящими губерниями страны; **б)** во всех крестьянских хозяйствах, попавших под молох продразверстки, оставалось минимальное количество съестного, фуражного и семенного зерна и другой сельхозпродукции, а все остальные излишки подлежали полной реквизиции в пользу государства.

14 февраля 1919 г. было опубликовано положение **ВЦИК РСФСР «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию»**,

однако этот декрет уже не имел принципиального значения, поскольку основная масса российского крестьянства, **отвергнув коллективную «коммунию», пошла на компромисс с большевиками**, согласившись с временной продовольственной разверсткой, которую считали меньшим злом. Таким образом, к весне 1919 г. из перечня всех большевистских декретов по аграрному вопросу, сохранился лишь декрет «О продразверстке», ставший несущим каркасом всей политики военного коммунизма в стране.

Вместе с тем, продолжая поиск механизмов, способных заставить значительную часть российского крестьянства добровольно сдавать государству продукты сельского хозяйства и промыслов, СНК и ВЦИК РСФСР издают новые декреты «О льготах по взысканию натурального налога» (апрель 1919 г.) и «Об обязательном товарообмене» (август 1919 г.). Однако они не имели особого успеха у крестьян и уже в ноябре 1919 г. по решению правительства на территории страны вводятся новые разверстки — картофельная, дровяная, топливная и гужевая.

Наконец, надо сказать, что, по мнению ряда авторитетных ученых (Л. Ли, С. Кара-Мурза), лишь большевики смогли создать работоспособный реквизиционно-снабженческий продовольственный аппарат, который спас от голодной смерти десятки миллионов людей в стране.

б) Политика тотальной национализации

Для реализации этой исторической задачи, которая была прямым продолжением «красногвардейской атаки на капитал», СНК и ВЦИК РСФСР издали целый ряд важнейших декретов, в том числе «О национализации внешней торговли» (апрель 1918 г.), «О национализации крупной промышленности и предприятий железнодорожного транспорта» (июнь 1918 г.) и «Об установлении монополии государства на внутреннюю торговлю» (ноябрь 1918 г.). При этом в августе 1918 г. был принят декрет, который создавал беспрецедентные льготы для всех государственных промышленных предприятий, поскольку они освобождались от так называемой «контрибуции» — чрезвычайных государственных налогов и всех муниципальных сборов.

В январе 1919 г. ЦК РКП(б) в своем «Циркулярном письме», адресованном всем партийным комитетам, прямо заявил, что в настоящий момент основным источником доходов советского государства должны стать «национализированная промышленность и государственное сельское хозяйство». А уже в феврале 1919 г. ВЦИК призвал ВСНХ РСФСР ускорить дальнейшее переустройство экономической жизни страны на социалистических началах, что фактически дало старт **новому этапу наступления пролетарского государства** на сохранившие свою самостоятельность предприятия «среднего частного бизнеса», уставной капитал которых не превышал 500 тысяч рублей. Вместе с тем, в апреле 1919 г. вышел новый декрет СНК и ВЦИК РСФСР «О кустарной и ремесленной промышленности», согласно которому эти предприятия не подлежали тотальной конфискации, национализации и муниципализации, за исключением особых случаев по специальному постановлению Президиума ВСНХ РСФСР.

Однако уже осенью 1920 г. начинается новая волна национализации, которая безжалостно ударила по мелкому промышленному производству, то есть всем ремесленным и кустарным промыслам, в орбиту которых были втянуты миллионы советских граждан. В частности, в ноябре 1920 г. Президиум ВСНХ во главе с А.И. Рыковым

принял постановление «О национализации мелкой промышленности», под молот которой попали 20 тысяч кустарных и ремесленных предприятий страны. Таким образом, по данным историков (Г. Бордюгов, В. Козлов, И. Ратьковский, М. Ходяков), к концу 1920 г. государство сосредоточило в своих руках 38 тысяч промышленных предприятий, из которых более 65% были кустарными и ремесленными мастерскими!

в) Ликвидация товарно-денежных отношений

Надо сказать, что первоначально высшее политическое руководство страны попытались наладить нормальный товарообмен в стране, издав в марте 1918 г. специальный декрет СНК и ВЦИК РСФСР «Об организации товарообмена между городом и деревней». Однако уже в мае 1918 г. аналогичная специальная инструкция Наркомата продовольствия РСФСР (А.Д. Цюрупа) к данному декрету де-факто упразднила его.

В августе 1918 г., в разгар новой заготовительной кампании, издав целый пакет декретов и утроив твердые цены на зерно, советское правительство вновь попыталось организовать нормальный товарообмен. Однако волостные комбеды и совдепы, монополизировав в своих руках распределение промышленных товаров на селе, практически сразу похоронили эту благую идею, вызвав всеобщее озлобление многомиллионного российского крестьянства против большевиков.

В этих условиях высшее политическое руководство страны санкционировало переход к меновой торговле или прямому продуктообмену. Более того, 21 ноября 1918 г. СНК и ВЦИК РСФСР принимают знаменитый декрет «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства», соответствии с которым все население страны было приписано к «Единым потребительским обществам», через которые стало получать все продуктовые и промышленные пайки. По утверждению ряда историков (С. Павлюченков), именно этот декрет, по сути, и завершил законодательное оформление всей военно-коммунистической системы, здание которой будет доводиться до казарменного совершенства вплоть до начала 1921 г. Таким образом, политика «военного коммунизма» с принятием этого декрета превратилась в систему «военного коммунизма».

В декабре 1918 г. II Всероссийский съезд совнархозов призвал наркома финансов Н.Н. Крестинского принять незамедлительные меры к свертыванию денежного обращения на всей территории страны, однако руководство финансовым ведомством страны и Народного банка РСФСР (Г.Л. Пятаков, Я.С. Ганецкий) уклонилось от принятия данного решения.

Надо сказать, что до конца 1918 — начала 1919 гг. советское политическое руководство все еще пыталось удержаться от полного поворота к тотальному обобществлению всей экономической жизни страны и замены товарно-денежных отношений натурализацией обмена. В частности, коммунистическая фракция ВЦИК, которую возглавлял лидер умеренных большевиков Л.Б. Каменев, исполняя роль неформальной оппозиции правительству, создала специальную комиссию, которая в начале 1919 г. подготовила проект декрета «О восстановлении свободной торговли». Однако этот проект встретил жесткое сопротивление со стороны всех членов СНК, включая В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого.

Между тем, уже в марте 1919 г. вышел новый декрет СНК и ВЦИК РСФСР «О потребительских коммунах», в соответствии с которым вся система потреби-

тельской кооперации одним росчерком пера превратилась в сугубо государственный институт, и на идеях свободного товарооборота был окончательно поставлен жирный крест. А в начале мая 1919 г. вышло «Циркулярное письмо» СНК РСФСР, в котором всем государственным ведомствам страны предлагалось перейти на новую систему расчетов между собой, то есть традиционные денежные платежи фиксировать только в «бухгалтерских книгах», избегая, по возможности, наличных денежных операций между собой.

Причем, надо подчеркнуть, что до поры до времени В.И. Ленин все же оставался реалистом в вопросе об отмене денег и денежного обращения внутри страны, поэтому именно он в декабре 1919 г. приостановил внесение проекта резолюции об уничтожении денежных знаков на всей территории страны, который предполагали принять делегаты VII Всероссийского съезда Советов. Однако уже в январе 1920 г. решением СНК РСФСР был упразднен единственный кредитно-эmissionsный центр страны — Народный Банк РСФСР. По мнению большинства российских историков (Г. Бордюгов, В. Булдаков, М. Горинев, В. Кабанов, В. Козлов С. Павлюченков), новым крупным и последним этапом в развитии военно-коммунистической системы стал IX съезд РКП(б), проходивший в марте — апреле 1920 г. Именно на этом съезде партии все высшее политическое руководство страны вполне осознано приняло решение продолжить политику военного коммунизма и в кратчайшие сроки построить в стране социализм.

Именно в духе этих решений в мае — июне 1920 г. происходит практически полная натурализация заработной платы подавляющей части рабочих и служащих страны, которую Н.И. Бухарин («Программа коммунистов-большевиков») и Е.А. Шефлер («Натурализация заработной платы») еще в 1918 г. считали важнейшим условием «построения коммунистического безденежного хозяйства в стране». В результате уже к концу 1920 г. натуральная часть среднемесячной заработной платы по стране составляла почти 93%, а денежная плата за жилье, все коммунальные услуги, общественный транспорт, лекарства и товары ширпотреба была полностью отменена. В декабре 1920 г. СНК и ВЦИК РСФСР принимают на сей счет целый ряд важнейших декретов — «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов», «О бесплатном отпуске населению предметов широкого потребления», «Об отмене денежных расчетов за пользование почтой, телеграфом, телефоном и радиотелеграфом», «Об отмене платы за лекарства, отпускаемых из аптек» и т.д.

Тогда же В.И. Ленин составил для СНК РСФСР проект постановления «Об отмене денежных налогов и превращении продрозверстки в натуральный налог», в котором прямо писал о том, что «переход от денег к безденежному продуктообмену беспорен и является лишь вопросом времени».

г) Милитаризация народного хозяйства страны и создание трудовых армий

До сих пор многие авторы (М. Горинев, С. Цакунов, В. Бордюгов, В. Козлов) продолжают утверждать, что идейное обоснование милитаризации народного хозяйства страны дал председатель РВСР Л.Д. Троцкий. Однако их оппоненты (В. Булдаков, В. Кабанов) отрицают данный факт и считают, что сторонниками милитаризации народного хозяйства страны выступало все высшее политическое руководство, в том числе сам В.И. Ленин, о чем со всей очевидностью говорят тезисы ЦК РКП(б)

«О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применения воинских частей для хозяйственных нужд», которые были опубликованы в **«Правде» 22 января 1920 г.**

Именно эти идеи, заложенные в тезисах ЦК, **Л.Д. Троцкий** не только поддержал, но и творчески развил в своем знаменитом выступлении на **IX съезде РКП(б)**, проходившем в **марте — апреле 1920 г.** Причем, подавляющее большинство делегатов этого партийного форума, несмотря на резкую критику троцкистской экономической платформы со стороны **А.И. Рыкова, Д.Б. Рязанова, В.П. Милутина и В.П. Ногина**, поддержали именно ее. При этом, как верно отметили многие историки, речь шла вовсе не о временных мерах, вызванных **Гражданской войной** и иностранной интервенцией, а о долгосрочном политическом курсе, который приведет в социализм. Об этом со всей очевидностью говорили все решения, принятые на съезде, в том числе его резолюция **«О переходе к милиционной системе в стране».**

Сам процесс милитаризации народного хозяйства страны, начавшийся в **конце 1918 г.**, шел довольно быстро, но постепенно и достиг своего апогея только в **1920 г.**, когда военный коммунизм вступил в свою заключительную, **«милитаристскую» фазу:**

1) В декабре 1918 г. ВЦИК РСФСР утверждает **«Кодекс законов о труде»**, в соответствии с которым на всей территории страны вводилась всеобщая трудовая повинность для граждан, достигших **16 лет.**

2) В апреле 1919 г. выходят два **Постановления Президиума ВЦИК РСФСР**, в соответствии с которыми: **а)** была введена всеобщая трудовая повинность для всех трудоспособных граждан в **возрасте от 16 до 58 лет;** **б)** были созданы **спецлагеря принудительных работ**, для тех рабочих и государственных служащих, которые самовольно перешли на другую работу.

Строжайший контроль за соблюдением трудовой повинности первоначально был возложен на органы **ВЧК (Ф.Э. Дзержинский)**, а затем на **Главный Комитет по всеобщей трудовой повинности (Л.Д. Троцкий)**. Затем, в **июне 1919 г.**, существовавший ранее отдел рынка труда **Наркомата труда**, был преобразован в **отдел учета и распределения рабочей силы**, что красноречиво говорило само за себя: **теперь в стране была создана целая система принудительных работ**, которая стала прообразом печально знаменитых трудовых армий.

В **ноябре 1919 г. СНК и СТО РСФСР** принимают **Положения «О рабочих дисциплинарных судах»** и **«О милитаризации государственных учреждений и предприятий»**, в соответствии с которыми администрации и профсоюзным комитетам заводов, фабрик и учреждений было предоставлено полное право не только увольнять рабочих с предприятий, но и направлять их в **концентрационные трудовые лагеря**. Затем, в **январе 1920 г. СНК и ВЦИК РСФСР** принимают декрет **«О порядке всеобщей трудовой повинности»**, который предусматривал привлечение всех трудоспособных граждан к выполнению различных общественных работ, необходимых для поддержания в надлежащем порядке коммунального и дорожного хозяйства страны.

Наконец, в **феврале — марте 1920 г.** по решению **Политбюро ЦК РКП(б)** и **СНК РСФСР** началось создание печально знаменитых **трудовых армий**, главным идеологом которых был **Л.Д. Троцкий**. Именно он в своей записке **«Очередные задачи хозяйственного строительства» (февраль 1920 г.)** выступил с идеей создания губернских, уездных и волостных **трудовых армий**, построенных по типу аракчеевских военных поселений. Более того, именно в **феврале 1920 г.** решением

СНК РСФСР Л.Д. Троцкий был назначен председателем межведомственной **Комиссии по вопросам трудовой повинности**, в состав которой вошли практически все руководители центральных наркоматов и ведомств страны: **А.И. Рыков, М.П. Томский, Ф.Э. Дзержинский, В.В. Шмидт, А.Д. Цюрупа, С.П. Серeda и Л.Б. Красин**. Особое место в работе этой комиссии как раз и заняли вопросы комплектования **трудовых армий**, которые должны были стать главным инструментом построения социализма в стране.

д) **Тотальная централизация управления народным хозяйством страны**

В апреле 1918 г. во главе **Высшего Совета Народного Хозяйства** встал **Алексей Иванович Рыков**, под руководством которого была окончательно создана его структура, просуществовавшая весь период военного коммунизма. Первоначально структура **ВСНХ** включала в себя: **Высший совет рабочего контроля, отраслевые отделы, комиссию хозяйственных наркоматов и группу экономических экспертов**, состоящую в основном из буржуазных спецов. Руководящим звеном этого органа было **Бюро ВСНХ**, в состав которого входили все руководители отделов и экспертной группы, а так же представители четырех хозяйственных наркоматов — **финансов, промышленности и торговли, земледелия и труда**.

Именно с этого времени **ВСНХ РСФСР**, как главное экономическое ведомство страны, координировал и направлял работу: **1) всех хозяйственных наркоматов — промышленности и торговли (Л.Б. Красин), финансов (Н.Н. Крестинский), земледелия (С.П. Серeda) и продовольствия (А.Д. Цюрупа); 2) особых совещаний по топливу и металлургии; и 3) органов рабочего контроля и профсоюзов**. В известной мере, по мнению ряда авторов (**И. Исаев**), деятельность **ВСНХ** фактически ничем не отличалась от работы **военно-промышленных комитетов**, созданных в Российской империи в 1915 г.

В компетенцию **ВСНХ** и его местных органов, то есть **областных, губернских и уездных совнархозов**, входили: **1) конфискации (безвозмездное изъятие), реквизиции (изъятие по твердым ценам) и секвестры (лишение права распоряжения) промышленных предприятий, учреждений и физических лиц; и 2) проведение принудительного синдицирования отраслей промышленного производства и торговли, которые сохранили свою экономическую независимость**.

К концу 1918 г., когда был завершен **третий этап национализации**, в стране сложилась предельно жёсткая система хозяйственно-экономического управления, которая получила очень емкое и точное название — **«главкизм»**. По мнению ряда историков (**В. Булдаков, В. Кабанов**), именно этот **«главкизм»**, в основе которого лежала идея преобразования госкапитализма в реальный механизм планового руководства народным хозяйством страны в условиях государственной диктатуры пролетариата, и стал апофеозом **«военного коммунизма»**.

К началу 1919 г. все отраслевые отделы, преобразованные в **Главные управления ВСНХ**, наделенные хозяйственно-распорядительными функциями, полностью замкнули на себя весь круг вопросов, связанных с организацией планирования, снабжения, распределения заказов и реализации готовой продукции большинства промышленных, торговых и кооперативных предприятий страны. Уже к лету 1920 г. в рамках **ВСНХ** было создано **49 отраслевых главков — Главторф, Главтоп,**

Главкожа, Главзерно, Главкрахмал, Главтруд, Главкустпром, Центрохладобойня и другие, в недрах которых существовали сотни производственных и функциональных отделов. Именно эти главки и их отраслевые отделы осуществляли прямое управление всеми государственными предприятиями страны, регулировали отношения с мелкой, кустарной и кооперативной промышленностью, координировали деятельность смежных отраслей промышленного производства и снабжения, занимались распределением заказов и готовой продукции. Таким образом, стало совершенно очевидно, что возник целый ряд, изолированных друг от друга, **вертикальных хозяйственных объединений (монополий)**, взаимосвязь между которыми зависела исключительно от воли **Президиума ВСНХ** и его руководителя. Кроме того, в рамках самого **ВСНХ** существовало множество функциональных органов, в частности **финансово-экономический, финансово-счетный и научно-технический отделы, Центрально-производственная комиссия и Бюро по учету технических сил**, которые завершали весь каркас системы тотального бюрократизма, поразивший страну к концу **Гражданской войны**.

Между тем, в условиях **Гражданской войны** ряд важнейших функций, ранее принадлежащих **ВСНХ**, были переданы различным чрезвычайным комиссиям, в частности **Чрезвычайной комиссии по снабжению РККА, (Чрезкомснабу), Чрезвычайному Уполномоченному Совету Обороны по снабжению РККА (Чусоснабарму), Центральному Совету по военным заготовкам (Центровоензагу), Совету по военной промышленности (Промвоенсовету)** и т.д.

е) Создание однопартийной политической системы

По мнению многих современных историков (**У. Розенберг, А. Рабинович, В. Булдаков, В. Кабанов, С. Павлюченков**), пришедший в историческую науку их области партийной пропаганды термин «**советская власть**», ни в коем случае не может претендовать на адекватное отражение той структуры политической власти, которая установилась в стране в эпоху **Гражданской войны**.

По мнению тех же историков, фактический отказ от советской системы государственного управления страной произошел уже **весной 1918 г.** и именно с этого времени начался процесс создания **альтернативного аппарата государственной власти по партийным каналам**. Этот процесс, прежде всего, выразился в повсеместном создании большевистских партийных комитетов во всех волостях, уездах и губерниях страны, которые вкупе с **комбедами** и органами **ВЧК**, полностью дезорганизовали деятельность **Советов всех уровней, превратив их в придатки партийно-административных органов власти**.

В **ноябре 1918 г.** была предпринята робкая попытка восстановить роль органов советской власти в центре и на местах. В частности, на **VI Всероссийском съезде Советов** были приняты решения о восстановлении единой системы органов советской власти на всех уровнях, о точном соблюдении и строгом исполнении всех декретов, издаваемых **ВЦИК РСФСР**, который в **марте 1919 г.**, после смерти **Я.М. Свердлова**, возглавил **Михаил Иванович Калинин**, но эти благие пожелания так и остались на бумаге.

В связи с принятием на себя функций высшего государственного управления страной преобразуется и сам **Центральный Комитет РКП(б)**. В **марте 1919 г.** по решению **VIII съезда РКП(б)** и во исполнение его резолюции «**По организационному во-**

просу» внутри ЦК были созданы несколько постоянно работающих органов, которые сам В.И. Ленин в своей знаменитой работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» назвал настоящей партийной олигархией — Политическое бюро, Организационное бюро и Секретариат ЦК. На организационном Пленуме ЦК, который состоялся 25 марта 1919 г., впервые был утвержден персональный состав этих высших партийных органов. В состав Политбюро ЦК, которому вменялось право «принимать решения по всем вопросам, не терпящим отлагательства», вошли пять членов — В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, Л.Б. Каменев и Н.Н. Крестинский и три кандидата в члены — Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин и М.И. Калинин. В состав Оргбюро ЦК, который должен был «направлять всю организационную работу партии», тоже вошли пять членов — И.В. Сталин, Н.Н. Крестинский, Л.П. Серебряков, А.Г. Белобородов и Е.Д. Стасова и один кандидат в члены — М.К. Муранов. В состав Секретариата ЦК, на который в тот период возлагалась вся техническая подготовка заседаний Политбюро и Оргбюро ЦК, вошли один ответственный секретарь ЦК Е.Д. Стасова и пять технических секретарей из числа опытных партийных работников.

Затем, после назначения И.В. Сталина Генеральным секретарем ЦК РКП(б), именно эти партийные органы, особенно Политбюро и Секретариат ЦК, станут реальными органами высшей государственной власти в стране, которые сохраняют свои огромные властные полномочия вплоть до XIX партийной конференции (1988) и XXVIII съезда КПСС (1990).

В конце 1919 г. внутри самой партии тоже возникла довольно широкая оппозиция административному централизму, которую возглавили «децисты» во главе с Т.В. Сапроновым. Именно он на VIII конференции РКП(б), состоявшейся в декабре 1919 г., выступил с так называемой платформой «демократического централизма» против официальной партийной платформы, которую представляли М.Ф. Владимирский и Н.Н. Крестинский. Платформа «децистов», которую активно поддержали большинство делегатов партийной конференции, предусматривала частичное возвращение советским государственным органам реальной власти на местах и ограничение произвола со стороны партийных комитетов всех уровней и центральных государственных учреждений и ведомств страны. Эта платформа была поддержана и на VII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1919 г.), где развернулась основная борьба против сторонников «бюрократического централизма». В соответствии с решениями съезда Президиум ВЦИК попытался стать реальным органом государственной власти в стране и в конце декабря 1919 г. создал ряд рабочих комиссий для разработки основ новой хозяйственной политики, одну из которых возглавил Н.И. Бухарин. Однако уже в середине января 1920 г. по его предложению Политбюро ЦК РКП(б) предложило Президиуму ВЦИК упразднить эту комиссию и впредь не проявлять не нужную самостоятельность в этих вопросах, а согласовывать их с ЦК. Таким образом, курс VII Всероссийского съезда Советов на оживление органов советской власти в центре и на местах потерпел полное фиаско.

По мнению большинства современных историков (Г. Бордюгов, В. Козлов, А. Соколов, Н. Симонов), к концу Гражданской войны органы советской власти были не просто поражены болезнями бюрократизма, а фактически перестали существовать как система государственной власти в стране. В документах VIII Всероссийского съезда Советов (декабрь 1920 г.) прямо говорилось, что советская система деградирует в сугубо бюрократическую, аппаратную структуру, когда реальными органами

власти на местах становятся не Советы, а их Исполнительные комитеты и Президиумы Исполкомов, главную роль в которых играют партийные секретари, полностью принявшие на себя функции органов советской власти на местах. Неслучайно уже летом 1921 г. в своей знаменитой работе «О политической стратегии и тактике русских коммунистов» И.В. Сталин предельно откровенно написал, что партия большевиков является тем самым «Орденом меченосцев», который «одухотворяет и направляет деятельность всех органов Советского государства в центре и на местах».

3. Антибольшевистские восстания 1920–1921 гг.

Политика военного коммунизма стала причиной огромного количества крестьянских восстаний и мятежей, среди которых особым размахом отличались:

1) Восстание крестьян Тамбовской и Воронежской губерний, которое возглавил бывший начальник кирсановской уездной милиции Александр Сергеевич Антонов. В ноябре 1920 г. под его руководством создается Тамбовская партизанская армия, численность которой составила более 50 тысяч человек. В ноябре 1920 г. — апреле 1921 г. части регулярной армии, милиции и ВЧК так и не смогли уничтожить этот мощный очаг народного сопротивления. Тогда в конце апреля 1921 г. решением Политбюро ЦК была создана «Полномочная комиссия ВЦИК для борьбы с бандитизмом в Тамбовской губернии», которую возглавили В.А. Антонов-Овсеенко и новый командующий войсками Тамбовского военного округа М.Н. Тухачевский, особо отличившийся при подавлении Кронштадтского мятежа. В мае — июле 1921 г. части и соединения РККА, используя все средства, в том числе массовый террор, институт заложничества и ядовитые газы, буквально утопили в крови тамбовское народное восстание, уничтожив несколько десятков тысяч воронежских и тамбовских крестьян.

2) Восстание крестьян Южной и Левобережной Новороссии, которое возглавил идейный анархист Нестор Иванович Махно. В феврале 1921 г. по решению ЦК КП(б)У было создано «Постоянное совещание по борьбе с бандитизмом» во главе с председателем СНК УССР Х.Г. Раковским, которое возложило разгром войск Украинской Повстанческой армии Н.И. Махно на главкома украинскими советскими войсками М.В. Фрунзе. В мае — августе 1921 г. части и соединения советской армии в тяжелейших и кровопролитных боях разгромили крестьянское восстание на Украине и уничтожили один из опаснейших очагов новой Гражданской войны в стране.

3) Но, безусловно, самым опасным и знаковым сигналом для большевиков стал знаменитый Кронштадтский мятеж. Предыстория этих драматических событий была такова: в начале февраля 1921 г. в северной столице, где состоялись массовые выступления рабочих крупнейших питерских предприятий (Путиловского, Невского и Сестрорецкого заводов), закрытых по решению советского правительства, было введено военное положение и создан городской Комитет обороны, который возглавил лидер питерских коммунистов Г.Е. Зиновьев. В ответ на данное решение правительства, 28 февраля 1921 г. моряки двух линейных кораблей Балтийского флота «Петропавловск» и «Севастополь» приняли крайне жесткую петицию, в которой выступили против большевистского всевластия в Советах и за возрождение поруганных большевиками светлых идеалов Октября.

1 марта 1921 г. в ходе многотысячного митинга солдат и моряков Кронштадтского военно-морского гарнизона было принято решение создать **Временный революционный комитет**, который возглавили **Сергей Михайлович Петриченко** и бывший царский генерал **Арсений Романович Козловский**. При этом все попытки главы **ВЦИК** урезонить восставших моряков не увенчались успехом и всероссийский староста **М.И. Калинин**, «несолоно хлебавши» уехал восвояси.

В этой ситуации под **Петроград** были срочно переброшены части 7-й армии **РККА**, которую возглавил любимец **Л.Д. Троцкого** и будущий советский маршал **М.Н. Тухачевский**. 8 и 17 марта 1921 г. в ходе двух кровопролитных штурмов **Кронштадтская крепость** была взята: часть участников этого мятежа успела отойти на территорию Финляндии, но значительная часть мятежников была арестована. Большинство из них ждала трагическая участь: **6500** моряков приговорили к различным срокам заключения, а более **2000** мятежников по приговорам ревтрибуналов были казнены.

В советской историографии (**О. Леонидов, С. Семанов, Ю. Щетинов**) **Кронштадтский мятеж** традиционно расценивали как «**антисоветский заговор**», который был инспирирован «**недобитой белогвардейщиной и агентами иностранных спецслужб**». Однако в настоящий момент подобные оценки **Кронштадтских событий** отошли в прошлое и большинство современных авторов (**А. Новиков, П. Эврич**) говорят о том, что восстание боевых частей **РККА** было вызвано чисто объективными причинами экономического состояния страны, в котором она оказалась после завершения **Гражданской войны** и иностранной интервенции.

Тема: ПЕРЕХОД К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ. ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НЭПА (1921–1923)

План:

1. Преддверие новой экономической политики.
2. Дискуссия о профсоюзах и X съезд РКП(б).
3. Ленинская концепция НЭПа и ее теоретическое развитие в 1921–1923 гг.
4. Составные части новой экономической политики в 1921–1924 гг.
 - а) Основные элементы новой экономической политики в 1921–1924 гг.
 - б) Основные механизмы реализации новой экономической политики.

1. Преддверие новой экономической политики

К началу 1921 г. экономика страны оказалась в катастрофическом состоянии, а разруха в отдельных отраслях аграрного и промышленного производства достигла своего апогея. Сам **В.И. Ленин** сравнил экономическое положение страны после **Гражданской войны** с «**человеком избитым до полусмерти**». Поэтому перед правящей партией в очередной раз маячила угроза возникновения новой гражданской войны, поскольку многие регионы страны были охвачены вооруженными кре-

стьянскими мятежами. Таким образом, **политика военного коммунизма**, на которую большевики возлагали колоссальные надежды, явно потерпела крах и потому руководству партии надо было в срочном порядке принимать любые кардинальные меры, которые смогли бы предотвратить новый кровавый хаос в стране.

Еще в разгар **Гражданской войны**, в **январе 1920 г.** на **III съезде ВСНХ** один из видных теоретиков большевизма **Ю.З. Ларин (Лурье)** выступил с предложением **упразднить продразверстку** и установить для всех типов крестьянских хозяйств единый натуральный налог, размер которого был бы существенно ниже нормативов продразверстки, установленных в **1918 г.** Кроме того, он предложил немедленно **восстановить полную свободу товарооборота на всей территории страны**, что явилось откровенным вызовом тем вполне ортодоксальным представлениям о социализме, которые повсеместно сложились в высшем партийно-государственном руководстве страны еще задолго до революции. Естественно, что эти предложения **Ю.З. Ларина**, которые были озвучены с молчаливого согласия председателя **ВСНХ А.И. Рыкова**, были сразу подвергнуты резкой обструкции, а сам несостоявшийся реформатор поплатился за свои несвоевременные мысли местом в **Президиуме ВСНХ**. Однако уже в **феврале 1920 г.** с подобным предложением выступил сам **Л.Д. Троцкий**, который являлся вторым человеком в партийно-государственном руководстве страны, что являлось самым ярким свидетельством того неутешительного факта, что **политика военного коммунизма** полностью потерпела крах. **20 февраля 1920 г.** оракул революции представил на имя **В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Л.Б. Каменева и Н.Н. Крестинского «Черновой набросок соображений по продовольственной политике»**, который, затем, во время его рассмотрения на **Пленуме ЦК**, был озаглавлен **«Основные вопросы продовольственной и земельной политики»**. В этом фолианте, проанализировав состояние аграрного производства в стране и продовольственную политику партии в деревне, **Л.Д. Троцкий** пришел к неутешительным выводам, что:

1) **Политика продразверстки**, построенная на тотальном изъятии всех товарных излишков сельхозпродукции, ведет к становлению самодовлеющих крестьянских хозяйств и **истощению продовольственных ресурсов страны**.

2) Любые попытки усовершенствовать **реквизиционный аппарат** не дадут желаемых результатов и бороться против хозяйственной разрухи и полной деградации села можно только двумя реальными способами: **а) установлением такого подоходно-прогрессивного натурального налога**, который мог бы стимулировать увеличение запашки и повышение общей культуры земледелия, и **б) установлением прямой зависимости между количеством сданного зерна в государственный продовольственный фонд и обеспечением крестьянского хозяйства товарами промышленного производства**.

Однако данная инициатива **Л.Д. Троцкого** так же не нашла поддержки в верхних эшелонах партии, в том числе со стороны подавляющей части членов **ЦК**, среди которых был и сам **В.И. Ленин**. Именно с этого момента, что абсолютно логично, **Л.Д. Троцкий** и стал самым яростным поборником политики **милитаризации труда**, поскольку не видел иной альтернативы решения тех острейших социально-экономических проблем, которые свалились на страну. Поэтому уже тогда, в **феврале 1920 г.**, в одной из своих новых записок **«Очередные задачи хозяйственного строительства»** он выступил с идеей создания печально знаменитых **трудовых армий**, построенных по военно-милиционной системе, то есть с созданием в каждой губернии, уезде и волости **«аракчеевских» военных поселений**.

Надо сказать, что, по мнению ряда современных авторов (М. Горинев, С. Цуканов), в тот период всё высшее партийно-государственное руководство страны вполне осознано приняло решение **продолжить политику «военного коммунизма»** на так называемых «гражданско-коммунистических началах». Эти взгляды нашли свое отражение и в решениях IX съезда РКП(б) (март — апрель 1920 г.), и в заключительной резолюции VIII Всероссийского съезда Советов «О мерах укрепления и развития крестьянских хозяйств» (декабрь 1920 г.), и в работах многих партийных теоретиков, в частности Л.Д. Троцкого («Терроризм и коммунизм» 1920), Н.И. Бухарина («Экономика переходного периода» 1920), Н.В. Осинского («Государственное регулирование крестьянского хозяйства» 1920), С.И. Гусева (Драбкина) («Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат» 1920) и многих других.

Более того, сам В.И. Ленин абсолютно не видел какой-либо необходимости изменения основ старой «военно-коммунистической» политики и продолжал делать ставку на государственное принуждение как основу выхода страны из острейшего экономического кризиса и ее хозяйственного возрождения. Именно поэтому он очень высоко оценил известный теоретический опус Николая Бухарина «Экономика переходного периода», и особенно его седьмую главу «Внеэкономическое принуждение в переходный период», назвав ее превосходной.

Хотя, справедливости ради следует сказать, что не все члены ЦК РКП(б) и крупные партийные функционеры разделяли позицию В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина и других вождей партии и государства. В частности, Д.Б. Рязанов (Гольдбах), А.И. Рыков, В.П. Ногин и В.П. Милютин накануне созыва и входе работы IX съезда партии (март — апрель 1920 г.) в крайне резкой форме критиковали военный, милитаристский характер троцкистской экономической платформы и реальную практику создания военно-милиционной системы на местах.

Более того, по мнению ряда ученых (С. Кара-Мурза), именно в этот период двум самым авторитетным экономистам страны — Л.Н. Литошенко и А.В. Чаянову было поручено подготовить два альтернативных доклада по проблемам развития аграрного производства в стране. В июне 1920 г. оба этих доклада были представлены на рассмотрение в Наркомат земледелия (С.П. Серeda) и ГОЭЛРО (Г.М. Крижановский). Первый вариант программы (Л.Н. Литошенко), который предусматривал новую редакцию **стольпинской аграрной политики**, был отвергнут большинством участников дискуссии. А второй вариант программы (А.В. Чаянов), который предусматривал развитие крестьянских единоличных хозяйств на базе широкого развития кооперации, позднее был взят за основу государственной политики в области сельского хозяйства.

Тем временем во многих регионах страны (Среднее Поволжье, Урал, Дон, Западная Сибирь) разгорелись мощные крестьянские восстания, среди которых особым размахом отличались движение Н.И. Махно в Левобережной Украине (Новороссии) и антибольшевистское восстание крестьян Тамбовской и Воронежской губерний, который возглавил бывший левый эсер С.А. Антонов.

2. Дискуссия о профсоюзах и X съезд РКП(б)

Именно в этот критический момент все внимание высшего партийного руководства страны было сосредоточено на так называемой «**профсоюзной дискуссии**», пик кото-

рой пришелся на рубеж 1920—1921 гг. По мнению историков (А. Киселев), это была довольно странная дискуссия, в центре внимания которой были совершенно разные аспекты, в том числе острейшие проблемы экономического положения страны, роли профсоюзов в хозяйственном строительстве, внутрипартийной борьбы и т.д.

Дискуссия о профсоюзах началась довольно спонтанно в начале ноября 1920 г., в период работы V Всероссийской конференции профсоюзов, на которой ряд ее делегатов, в частности председатель ВЦСПС Михаил Павлович Томский (Ефремов), заявили о необходимости пересмотра устоявшихся в годы «военного коммунизма» принципов взаимоотношения профсоюзного движения, партии и государства. В частности, большинство ораторов в категорической форме заявили о необходимости положить конец укоренившейся практике подавления профсоюзов и восстановить традиционные демократические принципы выборности и отчетности всех руководящих профсоюзных органов перед «профсоюзной массой». Однако Л.Д. Троцкий, в недопустимо резкой форме осудив выступления М.П. Томского и других «штатных профсоюзников», заявил о необходимости дальнейшего завинчивания гаек политики военного коммунизма и призвал к полному перетряхиванию бюрократившихся профсоюзов на всех уровнях.

В начале ноября 1920 г. состоялся Пленум ЦК РКП(б), на котором был рассмотрен представленный Л.Д. Троцким проект тезисов «Профессиональные союзы и их дальнейшая роль». Предложенную им платформу «огосударствления профсоюзов» очень активно поддержали А.А. Андреев, Н.Н. Крестинский, Е.А. Преображенский, Х.Г. Раковский и Л.П. Серебряков. Однако незначительное большинство, состоявшее из десяти членов ЦК — В.И. Ленин, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, М.П. Томский, А.И. Рыков, Н.И. Бухарин, Я.Э. Рудзутак, Ф.Э. Дзержинский и М.И. Калинин, высказались против троцкистских тезисов и поддержали ленинскую платформу, получившую название «платформы десяти».

Сторонники данной платформы, автором которой был тогдашний генеральный секретарь ВЦСПС Я.Э. Рудзутак, полагали, что профсоюзы должны стать связующим звеном между широкими трудящимися массами и государственно-партийным аппаратом или, выражаясь знаменитыми ленинскими словами, стать «школой хозяйствования» и «школой коммунизма» для них. Однако победа ленинской группировки оказалась пирровой, поскольку уже в начале декабря 1920 г., на очередном Пленуме ЦК большинство его участников неожиданно поддержали так называемую «буферную платформу» Н.И. Бухарина, которая, за малым исключением, была точной копией троцкистской профсоюзной платформы.

Поддержанный значительной частью членов ЦК, Л.Д. Троцкий перешел в наступление и 25 декабря 1920 г. опубликовал свою очередную брошюру «Роль и задачи профессиональных союзов», которая оказалась в центре новой партийной дискуссии, развернувшейся на VIII съезде Советов. Активное участие в этой дискуссии приняли обе «партийные группировки», в том числе В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, А.Г. Шляпников, В.П. Ногин, В.Б. Рязанов и другие. В частности, сам В.И. Ленин, выступивший с речью «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках тов. Троцкого», прямо заявил, что профсоюзная дискуссия стала следствием более серьезных и коренных противоречий, связанных с проблемой «методов подхода к массе, овладения массой и связи с массой». Именно в этом, по мнению В.И. Ленина, и состояла «вся суть наших разногласий» с товарищем Л.Д. Троцким.

В начале января 1921 г. на очередном Пленуме ЦК незначительным большинством голосов (В.И. Ленин, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, М.П. Томский, В.М. Молотов и Я.Э. Рудзутак) было принято решение о полной свободе дискуссий и проведения выборов на предстоящий партийный съезд по профсоюзным платформам. Практически сразу после принятого решения, на страницах партийной печати одна за другой появляются, как старые («ленинская», «троцкистская», «буферная»), так и новые платформы — «рабочей оппозиции» (А.Г. Шляпников, С.П. Медведев, А.М. Коллонтай) и «демократического централизма» (А.С. Бубнов, Т.В. Сапронов, Н.В. Осинский).

В частности, идеологи «рабочей оппозиции» резко выступили против любых форм государственного и партийного контроля над профсоюзным движением и заявили, что именно профсоюзы, а не государственно-партийный аппарат, должны взять на себя роль управления всем народнохозяйственным комплексом страны. Для реализации этой задачи лидеры «рабочей оппозиции» предлагали созвать «Всероссийский съезд производителей» и передать ему все права и полномочия по управлению народным хозяйством страны.

Фактически все высшее партийное руководство страны, втянувшись в профсоюзную дискуссию, погрязло в бесконечных политических разборках и спорах. Поэтому уже в середине января 1921 г. В.И. Ленин в своих статьях «Кризис назрел» и «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тов. Троцкого и Бухарина» призвал широкие партийные массы прекратить эту бесплодную дискуссию, которая стала реально угрожать расколу всей партии и сплотиться на базе единой профсоюзной платформы — ленинской «платформы десяти».

Точка в этой дискуссии была поставлена на X съезде РКП(б), который состоялся в начале марта 1921 г. По итогам работы этого съезда были приняты два принципиально важных решения: 1) большая часть делегатов партийного форума поддержали ленинскую «платформу десяти»; 2) в виду реальной угрозы раскола в партии, была принята знаменитая резолюция «О единстве партии», которая под угрозой исключения из партийных рядов наложила категорический запрет на образование любых внутривнутрипартийных оппозиционных фракций и групп.

Поражение Л.Д. Троцкого и его сторонников в профсоюзной дискуссии было четко зафиксировано и при выборах нового состава ЦК, в который не вошли такие видные троцкисты, как Л.П. Серебряков, Н.Н. Крестинский и Е.А. Преображенский. Одновременно новыми членами ЦК стали давние антагонисты и критики оракула революции — К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, М.В. Фрунзе и Г.К. Орджоникидзе.

Между прочим, именно это обстоятельство красноречиво говорит о том, что не при И.В. Сталине, а именно при В.И. Ленине начался процесс «вымывания» троцкистов с руководящих партийных и государственных органов. При этом, как верно заметили ряд авторов (Н. Васецкий), этот процесс, судя по его масштабам, был не стихийным явлением, а сознательно направлялся В.И. Лениным, который укреплял партийное руководство в центре и на местах.

Вместе с тем, на этом форуме самой беспощадной критике была подвергнута платформа «рабочей оппозиции», поскольку взгляды ее лидеров были совершенно не совместимы с партийной программой, принятой два года назад. Поэтому вполне закономерно, что разгрому именно этой профсоюзной платформы была

посвящена отдельная съездовская резолюция **«О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии»**.

Размах профсоюзной дискуссии и многообразие подходов к проблемам хозяйственного строительства в стране настолько обеспокоили **В.И. Ленина** и других партийных вождей, что именно с этого партийного форума начнется отсчет так называемых **«партийных чисток»**, которые с постоянной регулярностью будут проходить в партии до **конца 1930-х гг.**

Однако, как бы не важны были вопросы внутрипартийной борьбы, в историю партии и государства **X съезд РКП(б)** все же вошел, как съезд, положивший начало **новой экономической политике (НЭП)**.

3. Ленинская концепция НЭПа и ее теоретическое развитие в 1921–1923 гг.

Безусловно, **НЭП** явился крупнейшим поворотом в политике большевиков, который, однако, как и **политика военного коммунизма**, первоначально являлся **настоящим экспромтом**, нежели продуманной партийной программой на длительную историческую перспективу.

Впервые вопрос о замене продрозверстки натуральным налогом был рассмотрен в **Политбюро ЦК 8 февраля 1921 г.**, где обсуждался ленинский **«Предварительный черновой набросок тезисов насчет крестьян»**. Затем, **24 февраля** комиссия **Политбюро** представила **Пленуму ЦК «Проект постановления ЦК о замене разверстки натуральным налогом»**, который после бурного обсуждения и доработки был передан на рассмотрение **X съезда РКП(б)**.

15 марта 1921 г., в предпоследний день работы съезда, с основным докладом **«О замене разверстки натуральным налогом»** выступил **В.И. Ленин**. Сам доклад и его основные положения, а так же содоклад наркома продовольствия **А.Д. Цюрупы**, вызвали настоящий шок у многих делегатов съезда, которые **расценили переход к новой экономической политике как предательство идеалов Октября**. Ярчайшим доказательством этого шокового состояния большинства делегатов партийного съезда явилось то обстоятельство, что после выступления всего четырех ораторов, прения по данному вопросу из-за отсутствия желающих выступить были прекращены. Именно поэтому, объясняя всем своим соратникам по партии необходимость такого крутого поворота, **В.И. Ленин** особо подчеркнул тот факт, что **НЭП** является **«временным отступлением, вызванный неудачами политики военного коммунизма»**, ставших детонатором массовых крестьянских восстаний и **Кронштадтского мятежа**. Неслучайно, в **апреле 1921 г.** в своей знаменитой статье **«О продовольственном налоге»** он прямо писал, что **«экономика весны 1921 года превратилась в политику: «Кронштадт»**.

В советской историографии (**Э. Генкина, В. Дмитренко**) традиционно утверждалось, что в своем докладе на **X съезде РКП(б)** **В.И. Ленин** выдвинул **«глубоко аргументированную комплексную программу перестройки экономических отношений»**, основанную на детальном анализе изменившейся расстановки классовых сил в стране. Однако в современной историографии (**М. Горинов, В. Кабанов**) сложилось устойчивое мнение, что в этом докладе **концепция НЭПа** представляла собой **«не строго научную теорию»**, а набор определенных вынужденных мер, к кото-

рым пришли эмпирическим путем под влиянием мощных крестьянских восстаний, охвативших всю территорию страны.

Первоначально в ленинском докладе речь шла лишь о ликвидации важнейшего элемента политики военного коммунизма — государственной монополии и прямого государственного регулирования всего аграрного производства и нормативного распределения продуктов, т.е. продразверстки. Естественно, что переход к новой системе налогообложения всех крестьянских хозяйств ставил на повестку дня и вопрос о неизбежном возрождении свободного товарооборота. А именно это обстоятельство и вызвало у значительной части делегатов съезда полное непонимание и отторжение, поскольку именно в свободной торговле подавляющая часть партийцев видели основную угрозу возрождения капитализма.

В связи с этим обстоятельством, **В.И. Ленин**, находясь еще в плену старых военно-коммунистических иллюзий, первоначально предполагал ограничить товарооборот местным масштабом и пришел к убеждению о создании прямого, а не рыночного механизма товарообмена через потребкооперацию и разветвленный аппарат Наркомата продовольствия в центре и на местах. Однако эта убежденность вождя вскоре разбилась о реалии жизни, и он был вынужден сам признать необходимость воссоздания полноценной системы свободного товарооборота на всей территории страны.

В марте — апреле 1921 г. по решению X съезда для формирования основ хозяйственного механизма НЭПа были созданы специальные комиссии ЦК РКП(б) и СНК по продналогу и финансам. Первую комиссию, в состав которой вошли А.А. Андреев, В.П. Милютин, А.И. Рыков, А.Д. Цюрупа и другие, возглавил член Политбюро ЦК РКП(б) и заместитель председателя СНК РСФСР Л.Б. Каменев. А вторую комиссию, членами которой стали Н.Н. Крестинский, Ю.З. Ларин, Г.Я. Сокольников и другие партийные экономисты, возглавил член ЦК и председатель Финансового комитета СНК РСФСР Е.А. Преображенский. Основной задачей «комиссии Л.Б. Каменева» стала подготовка необходимых нормативно-правовых и управленческих решений для перехода к новой системе налогообложения и реформы различных форм кооперации. А главная задача «комиссии Е.А. Преображенского» заключалась в коренной реорганизации всего денежного обращения, кредитной системы, бюджетных отношений и т.д.

В апреле 1921 г. в своей знаменитой статье «О продовольственном налоге» **В.И. Ленин** уже подробно говорил о НЭПе, как о возврате к элементам системы госкапитализма, посредством которых можно совершить плавный и значительно менее болезненный переход к социализму. При этом всем своим многочисленным оппонентам и критикам, в том числе в высшем партийном руководстве, он прямо указал на то обстоятельство, что «в НЭПе больше старого, чем нового», напоминая им основы той партийной экономической платформой, которые содержались и в его «Апрельских тезисах», и его статьях «О задачах нашей революции» (1918) и «Очередные задачи Советской власти» (1918).

Однако было бы грубейшей ошибкой представлять дело таким образом, что в ленинской интерпретации госкапитализм образца 1921 г. являлся точной копией госкапитализма образца 1918 г. Подобный подход, характерный для советской историографии (А. Левин, Ю. Поляков, В. Дмитренко, Н. Щербань), вполне правомерно критикуется целым рядом современных авторов (М. Горинев, С. Цакунов, С. Кара-Мурза), которые обращают внимание на ряд существенных обстоятельств:

а) В 1918 г. **В.И. Ленин** не призывал к восстановлению **прежней системы госкапитализма**, а лишь указывал на то обстоятельство, что переход к социализму был бы значительно проще, если госкапитализм на нынешнем этапе стал ведущей хозяйственной системой в стране.

б) В 1921 г. речь шла о **создании госкапитализма не как целостной хозяйственной системы, а как отдельных элементов**, допущенных в ряд экономических областей, в частности в систему товарообмена.

в) После того, как **В.И. Ленин** убедился в том, что система товарообмена на базе госкапитализма провалилась, он ставит на повестку дня абсолютно новую задачу, которая именно теперь должна составлять **«основу и сущность нашей новой экономической политики»** — создание системы государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения.

Поэтому уже в мае 1921 г. на **XI (чрезвычайной) партийной конференции В.И. Ленин** заявил, что в такой мелкобуржуазной стране как Россия, основной задачей партии является поиск особых промежуточных звеньев и дополнительных форм перехода от буржуазных отношений к социалистическим.

Летом 1921 г. в условиях жесточайшей засухи и жуткого голода, поразившего основные зернопроизводящие регионы страны — **Среднее Поволжье и Северный Кавказ**, правительство вынуждено было пойти на отмену государственной системы товарообмена и включить традиционные рыночные механизмы. Поэтому уже в **ноябре 1921 г.** в своей знаменитой работе **«О значении золота теперь и после полной победы социализма» В.И. Ленин** совершенно неожиданно полностью реабилитировал идеи **«реформизма»** в марксистском учении, которую большевики традиционно отвергали, как идею ревизионистскую, навязанную всем «неустойчивым марксистам» ренегатом **Э. Бернштейном** еще в **начале 1900-х гг.** Именно в этой работе лидер большевистской партии впервые заявил, что в настоящий исторический момент **«нам жизненно необходимо прибегнуть к реформистскому, постепенковскому, осторожно-обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства»**. При этом чуть позже, поясняя свой крамольный вывод всем большевикам, **В.И. Ленин** прямо написал, что суть реформизма заключается в том, чтобы **«не ломать старого уклада», а всемерно «оживлять капитализм»,** и по мере его развития и возрождения, **подвергнуть государственному регулированию** все основные элементы традиционного капитализма, то есть торговлю, денежное обращение, мелкое и среднее предпринимательство и т.д.

Таким образом, ленинский вывод о необходимости в условиях крестьянской России широкого использования рыночных отношений в переходный период — это и есть то принципиально новое, что существенно **отличало ленинский «план строительства социализма»** **осени 1921 г.** от его же ранее озвученных планов, в том числе и в **начальный период НЭПа.**

С учетом этих теоретических открытий, в **декабре 1921 г.** на **XI Всероссийской партийной конференции** была четко поставлена главная задачи партии и советской власти на ближайшую историческую перспективу: при помощи **«систематических и строго обдуманых экономических мероприятий»** овладеть законами рынка, и **«научиться государственному регулированию коммерческих отношений».**

Однако уже в **марте 1922 г.** на **XI съезде РКП(б)** в **«Политическом отчете ЦК» В.И. Ленин** совершенно неожиданно заявил о том, что **«отступление», начатое**

год назад, следует **остановить**, поскольку цель, которая преследовалась этим отступлением уже достигнута, а значит на повестку дня выдвигается новая главная задача — **перегруппировка сил**. Надо сказать, что в исторической литературе существуют различные трактовки этих положений ленинского доклада. В частности, ряд авторов (**М. Горин**, **С. Цакунов**) справедливо отметили, что:

1) Ленинский тезис об «**окончании отступления**» носил **тактико-пропагандистский характер** и был адресован широким партийным массам, которые так и не поняли самой сути ленинской нэповской доктрины и по-прежнему жаждали отмщения и реванша;

2) Этот тезис являлся констатацией того факта, что те острейшие **проблемы, изначально породившие НЭП**, то есть выход и жесточайшего политико-экономического кризиса **весны 1921 г.**, были, наконец, разрешены;

3) Этот тезис зримо подчеркнул, что **предельной точкой отступления** являются позиции «государственного регулирования капитализма и торговли» и **дальнейшего отступления с этих позиций не будет**;

4) Ленинский тезис о необходимости «**перегруппировки сил**» носил **стратегически-теоретический характер**, поскольку сам **В.И. Ленин** особо подчеркнул тот факт, что с переходом к **НЭПу** российские большевики вступили на путь опосредованного движения к социализму, который изначально не был предусмотрен в марксистской доктрине. Поэтому все большевики должны теперь научиться хозяйствовать и торговать и использовать преимущественно экономические методы регулирования общественных процессов в переходный период.

Вместе с тем, было бы наивным думать, что **В.И. Ленин** призывал руководителей всех уровней полностью отказаться от методов чисто административного управления, поскольку тогда же, в **марте 1922 г.**, в одной из личных записок **Л.Б. Каменеву** он прямо написал, что «**было бы величайшей ошибкой думать, что НЭП положил конец террору. Мы еще вернемся к террору, и к террору экономическому**».

Таким образом, в самом общем виде **ленинскую концепцию НЭПа образца 1922 г.** можно сформулировать как **путь к социализму через госкапитализм и «допущение в известных пределах»**, которые возможны в условиях пролетарского государства, **товарно-денежных отношений** во все сферы экономической жизни страны.

В **январе 1923 г.** в своих заметках «**О нашей революции**» **В.И. Ленин** высказал ряд принципиально новых теоретических соображений по проблеме интеграции российской концепции переходного периода в рамки марксистской доктрины, получившей впоследствии название **концепции «инверсионного развития»**. Тогда же, в **январе 1923 г.**, когда отдельные элементы **НЭПа** уже приобрели зримые очертания иной экономической модели, которая существенным образом отличалась от военно-коммунистической модели, **В.И. Ленин** в своей знаменитой статье «**О кооперации**» прямо говорит о «**перемене всей нашей точки зрения на социализм**».

Надо сказать, что в отечественной исторической науке трактовка данного ленинского положения до сих пор остается достаточно проблематичной.

1) Одна часть авторов (**В. Дмитренко, В. Мау, Г. Бордюгов, В. Козлов**) заявляет, что, говоря о перемене всей нашей точки зрения на социализм, **В.И. Ленин** имел в виду **изменение традиционного взгляда на социализм как общественный строй**. Иными словами, отвергнув прежнюю, бестоварную парадигму социализма, он пришел к идее рыночной (кооперативной) модели социализма.

2) Другие историки (С. Виноградов, А. Киселев) уверены, что, говоря о перемене всей нашей точки зрения на социализм, **В.И. Ленин** говорил об изменении традиционных взглядов на сроки и методы строительства основ социализма. Таким образом, он прямо указывал руководству партии и государства на те существенные обстоятельства, что: **а) переходный период необходимый для создания основ социализма будет достаточно продолжительным, но не бесконечным: «НЭП вводится в серьез и надолго, но не навсегда», и б) в новых исторических условиях большевикам необходимо отойти от чисто политических, командных методов управления хозяйственным комплексом страны и перейти на экономические методы управления им, которые и позволят создать необходимые условия для перехода к социализму.**

3) Третья группа авторов (М. Горинов, С. Цакунов) утверждает, что после взятия и удержания политической власти в стране изменился ленинский «угол зрения» на социализм. Иными словами, в условиях подполья и политических репрессий, то есть когда партия находилась «снизу», этот угол зрения на социализм был одним, а в условиях правящей партии, находящейся «сверху», он стал принципиально другим. Теперь основной задачей партии является не завоевание политической власти и разрушение старого, а удержание этой власти и созидание нового.

Надо сказать, что в традиционном марксизме доктрина кооперативного социализма или «прудонизма» всегда отвергалась как идея, не имеющая ничего общего с идеями научного коммунизма. Не случайно **В.И. Ленин** столь критически отзывался о работах **С.Н. Прокоповича** («Кооперативное движение в России, его теория и практика» 1913), **М.И. Туган-Барановского** («Социальные основы кооперации» 1916), **А.В. Чаянова** («Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» 1919) и других видных идеологов легального марксизма и экономизма. Но было бы абсолютно ошибочным думать, что в данной работе **В.И. Ленин** каким-то образом реабилитирует эти идеи в марксизме. Напротив, он лишь говорит о том, что в условиях крестьянской России необходимо всемерно развивать различные формы кредитной, снабженческой, сбытовой, потребительской, производственной и иных форм кооперации, поскольку именно кооперация является тем общественным институтом, который позволит: **1) соединить двуликую сущность (собственник и труженик) российского крестьянства в единое целое и вовлечь его в сознательное строительство основ социалистической экономики и 2) в максимально возможной степени обобществить средства производства в сельском хозяйстве, а значит, существенно повлиять на создание условий для строительства основ социализма в стране.**

Необходимо отметить и тот факт, что целый ряд советских и российских историков по-разному интерпретируют такие известные ленинские положения этой статьи, как «простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма» и «строй цивилизованных кооператоров... это и есть строй социализма».

1) Одни ученые, сторонники «новой ленинской парадигмы» или «рыночники» (**О. Лацис, Г. Бордюгов, В. Козлов**), как правило, сознательно обрывают эти фразы, или вернее вырывают их из общего контекста, и делают далеко идущие выводы о том, что **В.И. Ленин: а) отказался от своих прежних идей о социализме как государственной монополии, обращенной на пользу всему народу, и выступает теперь за социализм как строй цивилизованных кооператоров; б) признавая крестьянскую кооперацию важнейшим элементом НЭПа, он признал необходимость и неизбежность существования рыночных отношений при социализме.** Более того, есть все основания предполагать,

что у В.И. Ленина выростала концепция нескольких, как минимум, трех, **основных фаз развития новой экономической политики: госкапитализм — кооперация — социализм.**

2) Другие ученые (В. Кабанов, М. Горинов, С. Цакунов) упрекают своих оппонентов в том, что они неверно цитируют, а значит, и трактуют ленинские оценки и выводы, поскольку он особо подчеркивал то обстоятельство, что: **а) не каждый строй кооператоров тождественен социализму, а только тот, где существуют пролетарское государство и общественная собственность на средства производства; б) развитие кооперативного движения в условиях нэповской экономической модели, то есть в условиях рынка, госкапитализма и пролетарской диктатуры, это не строительство самих социалистических отношений, а лишь необходимое и достаточное условие для построения этих отношений.** Кроме того, как верно заметили эти же авторы, никем еще не доказано, что **В.И. Ленин от отрицания товарно-денежных отношений пришел к их признанию в своих последних работах.** Он лишь допускал эти отношения в переходный период, не говоря о конкретных сроках их существования.

Таким образом, последние ленинские работы не внесли ничего принципиально нового в его концепцию НЭПа, созданную в 1921—1922 гг. Он по-прежнему рассматривал госкапитализм в условиях пролетарского государства единственно возможным маршрутом на пути движения к социализму.

Подводя итог нашим размышлениям о ленинской концепции НЭПа, мы особо отметим то обстоятельство, что вождь мирового пролетариата успел проанализировать лишь первый двухлетний период НЭПа, когда страна только начала восстанавливать свое разрушенное в годы войны хозяйство. **Его концепция НЭПа осталась незавершенной, сохранив ряд существенных противоречий с классическими представлениями марксизма, как о переходе к социализму, так и о самом социализме как общественном строе.** Эти противоречия состояли в следующем:

1) Представление о НЭПе как опосредованном пути к социалистическому строю начинало все больше отрицать известное теоретическое положение марксизма о возможности непосредственного перехода к социализму, которое тогда никто из видных теоретиков большевизма, в том числе и сам В.И. Ленин, не исключал.

2) Процесс построения социалистического общества в условиях крестьянской России вступал в противоречие с классическим марксистским положением о мировом характере социализма как общественного строя.

3) Существовало неразрешимое противоречие между ленинской «доктриной конвергенции» капитализма и социализма и традиционной ортодоксальной доктриной марксизма, которая всегда утверждала о наличие неразрешимых антагонистических противоречий между этими общественно-экономическими формациями.

4) Основное противоречие сохранялось и между рыночным характером НЭПа, и планомерным, бестоварным социализмом, условия для строительства которого и призван был создать именно НЭП.

4. Составные части новой экономической политики в 1921—1924 гг.

а) Основные элементы новой экономической политики в 1921—1924 гг.
В современной исторической науке до сих пор нет единства взглядов на проблему составных элементов НЭПа:

Одна часть историков (М. Горинов, В. Кабанов, Ю. Щетинов), утверждают, что ленинская концепция НЭПа содержала следующие основные компоненты: 1) в политико-идеологической области — жесткий однопартийный режим и всякое подавление инакомыслия; 2) в экономической сфере — административно-рыночная система хозяйства, в основе которой лежали следующие постулаты: а) минимальная связь с мировой экономической системой и сохранение государственной монополии внешней торговли; б) весьма ограниченный трестовский хозрасчет в промышленности с централизованным перераспределением прибыли через органы ВСНХ; в) неэквивалентный обмен с деревней на основе продналога и сознательное торможение роста крупного индивидуального хозяйства на селе.

Другие историки (В. Дмитренко, В. Наумов, А. Киселев, С. Виноградов) утверждают, что НЭП представлял собой целый комплекс мер переходного периода, основными элементами которого были:

1) Укрепление на экономической основе политического союза рабочего класса и крестьянства через возрождение товарно-денежных отношений и введение свободного товарооборота на всей территории страны.

Для реализации этой задачи, которая имела первостепенное значение, уже 21 марта 1921 г. СНК и ВЦИК РСФСР в срочном порядке принимают декрет «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом». Затем, по мере развития нэповских начал в экономике страны, руководство партии и государства постоянно вносило существенные коррективы в этот важнейший элемент новой экономической политики. В частности, в 1922–1924 гг. СНК, СТО и ВЦИК РСФСР принимают принципиально важные декреты «О промысловом налоге» (февраль 1922 г.), «О трудовом землепользовании» (май 1922 г.), «О подоходном налоге» (ноябрь 1922 г.), «О едином сельскохозяйственном налоге» (май 1923 г.), «О внутренней торговле и потребкооперации» (апрель 1924 г.) и т.д.

Кроме того, в новом Гражданском кодексе РСФСР (ноябрь 1921 г. — апрель 1923 г.) были достаточно четко определены и разграничены правоотношения и методы правового регулирования государственно-планового, государственно-товарного, частного товарно-потребительского и частного капиталистического оборотов.

2) Допущение в экономику страны ряда элементов буржуазных (рыночных) отношений при безусловном сохранении командных высот в экономике страны в руках пролетарского государства и партии большевиков.

Для реализации этой задачи СНК, СТО и ВЦИК РСФСР принимают целый пакет законодательных актов и постановлений, в том числе: «О концессиях» (ноябрь 1920 г.), «О мелких частных предприятиях» (май 1921 г.), «О денационализации мелких учреждений и предприятий» (июль 1921 г.), «Об арендных отношениях» (июль 1921 г.), «О товарных и фондовых биржах» (август 1922 г.) и т.д. Вместе с тем, было бы неверно интерпретировать издание этих декретов как возрождение полноценных буржуазно-рыночных отношений в стране, поскольку эти нормативно-правовые акты регулировали очень незначительный сегмент советской экономики. По оценкам большинства специалистов (Л. Лютов, М. Ходяков, И. Ратьковский), предприятия так называемой «цензовой промышленности», в которых трудились несколько десятков тысяч рабочих и служащих, производили всего около 4,5% валовой внутренней продукции, ежегодно создаваемой в стране.

Кроме того, надежды на привлечение значительных иностранных инвестиций через создание **акционерных «концессионных предприятий»**, созданных на базе смешанного государственно-коммерческого иностранного капитала, **абсолютно не оправдались**, о чем со всей очевидностью писал сам **В.И. Ленин** еще в **ноябре 1921 г.** в своей знаменитой статье **«О значении золота теперь и после полной победы социализма»**. По оценкам тех же историков, в годы новой экономической политики было создано всего порядка **восемьдесят** концессионных предприятий, удельный вес которых в производстве валового национального продукта составлял всего **0,5 %**.

3) Развитие государственно-капиталистического сектора экономики и перевод крупных промышленных предприятий на хозрасчет.

Для реализации этой важнейшей задачи, которая впервые была поставлена на повестку дня в **августе 1921 г.** в **Наказе СНК РСФСР «О новой экономической политике»**, **Комиссия Л.Б. Каменева** подготовила целый пакет законодательных актов. Одним из самых важных нормативных документов, разработанных этой комиссией, стал проект нового декрета **«О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)»**, который был утвержден **СНК и ВЦИК СССР в апреле 1923 г.**

В соответствии с этим декретом на всей территории страны были созданы **отраслевые монополии** в виде **хозрасчетных трестов**, объединивших самые крупные промышленные предприятия страны. Имущество всех трестов состояло из основного и оборотного капитала. **Основной капитал трестов был полностью изъят из гражданского товарооборота и не подлежал традиционной купле-продаже**, которая являлась главным элементом классической рыночной экономики. Кроме того, об экономической **«ущербности»** этих хозрасчетных трестов выразительно говорил и тот факт, что только для этих предприятий была сохранена прежняя система государственного снабжения, государственного заказа и льготного кредитования. Кроме того, в **июле 1923 г.** новым декретом **СНК и ВЦИК СССР** были созданы **торговые синдикаты**, которые были призваны оказать существенную помощь трестам в изучении емкости и конъюнктуры рынка, проведении крупных торговых операций, заготовки сырья и т.д.

4) Совершенствование системы государственного планирования и управления народным хозяйством страны.

С этой целью по решению **Политбюро и ЦК РКП(б)** было принято несколько важных и принципиальных решений, которые позволили отчасти развернуть громоздкий партийно-государственный аппарат в сторону **НЭПа**:

а) В январе 1922 г. были разграничены права и компетенция **Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона**, которые возглавлял **Владимир Ильич Ленин**. В частности, в ведении **СНК РСФСР** остались все вопросы, связанные с реализацией общегосударственных задач в области внутренней, внешней и оборонной политики, составление бюджета страны и контроль за его исполнением. А в ведении **СТО РСФСР** остались чисто экономические функции, в частности руководство отдельными промышленными отраслями, утверждение их хозяйственных планов и контроль за работой финансово-экономических ведомств и наркоматов. Затем, в **апреле 1923 г.** **СТО РСФСР** было временно преобразовано в **Особое Экономическое совещание**, однако уже в **январе 1924 г.** ему было возвращено прежнее название.

б) В июле 1922 — июле 1923 гг. была проведена структурная реформа Высшего Совета Народного Хозяйства, который возглавлял Алексей Иванович Рыков. Первоначально, в 1922 г., существовавшие в рамках ВСНХ отраслевые центры и главки лишились своих прежних хозяйственно-распорядительных функций и были преобразованы в функциональные органы текущего планирования и контроля — Главные управления ВСНХ. Основная масса промышленных предприятий, которые раньше непосредственно подчинялись ВСНХ, теперь сменили место традиционной приписки и были переданы на региональный уровень, где перешли в прямое подчинение республиканских и губернских совнархозов.

Затем, на втором этапе управленческой реформы, в июле 1923 г. вместо ликвидированных Главных управлений ВСНХ были созданы Центральное управление государственной промышленности и Главное экономическое управление. Первый орган, внутри которого были созданы отраслевые отделы, осуществлял общее руководство отраслевыми трестами, а второй орган осуществлял общее регулирование работы промышленности, транспорта, торговли и сельского хозяйства страны.

в) В апреле 1923 г. была проведена реформа Государственной плановой комиссии при СТО, которую возглавлял Глеб Максимилианович Крижановский. Первоначально Госплан, который был создан на базе знаменитой комиссии ГОЭЛРО в феврале 1921 г., разрабатывал отдельные отраслевые планы, что, по мнению целого ряда высших руководителей партии и правительства, совершенно не отвечало коренным задачам социалистического строительства. В частности, Л.Д. Троцкий, являясь главным лоббистом интересов Госплана, неоднократно ставил вопрос о существенном расширении его функций и полномочий, считая, что именно этот орган должен «согласовывать, сочетать и направлять» хозяйственную деятельность так называемой «шестибоярщины», то есть тех шести общегосударственных ведомств страны — Госплана, Наркомфина, Госбанка, ВСНХ, СТО и Комитета по внутренней торговле, которые занимались учётом рыночной конъюнктуры и хозяйственного регулирования всех промышленно-аграрных отраслей.

В конце концов, этой идеей оракула революции проникся и сам В.И. Ленин, продиктовавший в конце декабря 1922 г. свою знаменитую статью «О придании законодательных функций Госплану», в которой призывал партийный ареопаг «пойти навстречу тов. Троцкому» в вопросе расширения и увеличения компетенции Госплана. В апреле 1923 г. в заключительной резолюции XII съезда РКП(б) именно за Госпланом СССР было закреплено монопольное право разработки, составления и контроля за исполнением годовых планов развития промышленности, земледелия, финансов, транспорта, внутренней и внешней торговли, и т.д.

Хотя, справедливости ради следует сказать, что перестройка советского партийно-государственного аппарата, который, по словам В.И. Ленина «был целиком заимствован нами от царизма и чуть-чуть помазан советским миром», шла с огромным трудом. Именно это печальное обстоятельство и заставило его посвятить две свои последние статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» (январь 1923 г.) и «Лучше меньше да лучше» (март 1923 г.) этой острейшей и архиважной проблеме.

Впрочем, следует признать правоту ряда современных авторов (М. Горинов, Г. Бордюгов, В. Козлов), которые, ссылаясь на известный доклад А.И. Рыкова, произнесенный им на XV партийной конференции (октябрь 1926 г.), утверждают, что

в период НЭПа, созданная в годы «военного коммунизма» предельно централизованная система управления народным хозяйством страны, не была полностью демонтирована, сохранив в девственной чистоте все присущие ей черты.

5) Развитие различных форм кооперации крестьянских хозяйств.

В ортодоксальном классическом марксизме доктрина «кооперативного социализма» или «прудонизма» всегда отвергалась как идея утопическая и антинаучная. Неслучайно В.И. Ленин столь критически и гневно отзывался о работах С.Н. Прокоповича («Кооперативное движение в России, его теория и практика» 1913), М.И. Туган-Барановского («Социальные основы кооперации» 1916), А.В. Чаянова («Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» 1919) и других идеологов легального марксизма, прудонизма и экономизма.

Однако впоследствии, размышляя над проблемами соединения частного и общественного интереса, В.И. Ленин пришел к твердому убеждению, что в такой крестьянской стране как России необходимо всемерно развивать различные формы кредитной, снабженческой, закупочной, сбытовой, потребительской и производственной кооперации, поскольку именно она позволит относительно быстро решить несколько важнейших задач: а) соединить частный и общественный интерес российского крестьянства и вовлечь его в сознательное строительство основ социализма; б) обобществить средства производства в сельском хозяйстве и существенно повлиять на создание условий для строительства основ социализма в стране; в) создать реальный механизм перехода мелкого крестьянского товарного хозяйства на рельсы крупного аграрного производства; г) получить необходимые финансовые средства и ресурсы для создания крупного промышленного производства в стране.

Надо сказать, что в первые годы НЭПа основное внимание руководителей партии и государства было приковано к решению двух основных задач: 1) созданию надежной смычки между городом и деревней и 2) развитию нэповских начал в промышленном и коммерческо-торговом секторах экономики страны. Что касается крестьянского хозяйства и всего аграрного производства страны, то основные элементы новой экономической политики стали укореняться здесь только с апреля 1925 г.

б) Основные механизмы реализации новой экономической политики

Надо сказать, что в современной исторической науке довольно часто происходит подмена понятий «основных элементов» новой экономической политики и «механизма» ее реализации. К большому сожалению, этим пороком грешат не только разного рода проходимцы от истории, но и ряд серьезных ученых, в частности Ю.Я. Терещенко, насчитавший двенадцать составных частей НЭПа. Между тем, следует все же отличать сами элементы новой экономической политики от механизма ее реализации. Такими основными механизмами НЭПа, на наш взгляд, были:

1) Реформа системы заработной платы и перестройка всей тарифной системы. Для реализации этой задачи в сентябре 1921 г. СНК и ВЦИК РСФСР принимают декрет «Об основных положениях по тарифному вопросу», в соответствии с которым: а) была восстановлена система денежного поощрения за труд, которая была

практически полностью уничтожена в годы военного коммунизма и заменена натуральной оплатой труда; б) в основу новой системы оплаты труда был положен принцип прямой зависимости уровня зарплаты работника от производительности и качества его труда. Однако следует сказать, что реализация этого декрета шла с большим трудом, и по оценкам современных историков (И. Ратьковский, М. Ходяков), в конце 1921 г. денежная часть зарплаты работника составляла только 20% от общей суммы его заработка. Однако уже к началу 1924 г. прежняя система натуральной оплаты труда была полностью уничтожена и на всех предприятиях и в учреждениях страны был восстановлен денежный эквивалент заработной платы.

2) **Реформа законодательства и создание новой системы кодифицированного права.** По мнению большинства историков советского права (И. Исаев), при переходе к новой экономической политике советские юристы столкнулись с глубинным противоречием, которое было заложено в самой правовой системе переходного периода — между «пролетарским судом» и традиционным «буржуазным правом». Выход из этого сложного противоречия пытались найти различными способами, в том числе путем кодификации основных правоотношений и норм и создания на этой юридической базе новой системы советского законодательства.

В годы новой экономической политики под руководством целого ряда видных юристов и правоведов, в том числе председателя Верховного суда РСФСР Петерса Яновича Стучки, были разработаны и приняты системные нормативно-правовые акты, которые регулировали значительный круг общественных отношений, в том числе вещные, обязательственные, наследственные, договорные, уголовные, земельные, трудовые и процессуальные правоотношения. К числу таких важнейших законодательных актов, принятых ВЦИК РСФСР следует, прежде всего, отнести Гражданский кодекс (ноябрь 1921 г. — апрель 1923 г.), Уголовный кодекс (июнь 1922 г.), Земельный кодекс (сентябрь 1922 г.), Кодекс законов о труде (ноябрь 1922 г.), Уголовно-процессуальный кодекс (февраль 1923 г.) и Гражданско-процессуальный кодекс (июль 1923 г.).

Кроме того, в тот же период, руководствуясь велением времени и новыми реалиями, Наркомат юстиции РСФСР, который тогда возглавлял Дмитрий Иванович Курский, подготовил проекты Хозяйственного, Промышленного, Торгового, Кооперативного и Административного кодексов РСФСР, многие из которых так и не были приняты.

3) **Проведение финансовой реформы.**

Переход к новой экономической политике и восстановление рыночных отношений неизбежно ставили на повестку дня вопрос о проведении крупномасштабной финансовой реформы. Именно поэтому еще летом 1921 г. В.И. Ленин откровенно и справедливо писал, что «нам нужна твердая валюта, хороший рубль, а не хлам в виде совзнака. Без твердой валюты НЭП летит к черту!».

К подготовке и проведению этой реформы новый нарком финансов Григорий Яковлевич Сокольников (Бриллиант) привлек целую плеяду выдающихся русских экономистов, банкиров и государственных деятелей бывшей Российской империи — В.В. Тарновского, Н.Н. Кутлера, Н.Д. Кондратьева и Л.Н. Юровского.

Переход на принципиально новые основы финансовой политики был закреплен Постановлением ВЦИК РСФСР «О мерах по упорядочению финансового хозяйства страны», которое было принято в октябре 1921 г. Этим же Постановлением

был воссоздан Государственный банк РСФСР, который стал главным кредитным и эмиссионным центром страны.

После завершения всех подготовительных мероприятий, началась реализация реформы всей финансово-хозяйственной системы страны (1922–1924 гг.), которая прошла в два этапа.

На первом этапе финансовой реформы, во исполнение декрета СНК РСФСР «О предоставлении Госбанку права выпуска банковских билетов», в ноябре 1922 г. главное финансовое ведомство страны выпустило в обращение банковские билеты (знаменитые «червонцы»), которые были полностью обеспечены золотом, государственной гарантией и ликвидными векселями. При этом общее золотое содержание одного «червонца» было установлено в размере 7,7 граммов чистого золота.

В наличном обращении на потребительском рынке по-прежнему находились только советские денежные знаки («совзнаки»), в отношении которых была проведена первая деноминация, а золотые «червонцы» Госбанка РСФСР предназначались не для покрытия бюджетного дефицита, а для нужд хозяйственного оборота и проведения виртуальных финансовых операций, связанных с кредитованием крупных промышленных предприятий, международных коммерческих сделок, объектов капитального строительства и т.д.

Второй этап финансовой реформы был проведен в апреле 1924 г., когда постановлением Наркомата финансов СССР из наличного обращения на всей территории страны были изъяты все советские денежные знаки и через установленный механизм обмена введены новые казначейские билеты — советские рубли. Этим же постановлением Наркомата финансов СССР между банковским и казначейским билетами был установлен жёстко фиксированный курс — 1 «червонец» = 10 советским рублям. А поскольку золотое содержание одного червонца равнялось 7,7 граммов чистого золота, то, соответственно, золотое содержание нового советского рубля составило 0,77 граммов золота, что точно совпадало с золотым содержанием царского рубля, введенного в наличный оборот в период денежной реформы 1897 г.

В результате успешного проведения этой крупной хозяйственной реформы, в Советской России впервые возникла стабильная финансовая система, которая сыграла положительную роль в выводе страны из жесточайшего экономического кризиса и в превращении советского рубля в полноценную мировую валюту, которая заняла достойно место на финансовых биржах мира, сравнявшись по обменному курсу с британским фунтом стерлингов.

Существенную роль в стабилизации финансовой системы страны сыграли и другие важные факторы, в частности разумный и взвешенный подход к проблемам составления годовых бюджетных планов развития народного хозяйства страны, активная борьба с инфляцией и товарным дефицитом, положительное сальдо внешнеторгового баланса и т.д. Однако не всем членам высшего партийно-государственного руководства, прежде всего, Л.Д. Троцкому и Г.Л. Пятакову, уже всюду носившихся со своей идеей установления жёсткой «диктатуры промышленности» в народном хозяйстве страны, пришлась по вкусу твердая политика наркома финансов в этих ключевых вопросах, которые постоянно обвиняли Г.Я. Сокольникова в установлении жуткой «диктатуры финансов» в стране.

Тема: ОБРАЗОВАНИЕ СССР И ПЕРВЫЙ РАУНД БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ В 1922–1923 ГГ.

План:

1. Национальный вопрос в Первой программе РСДРП(б) в 1903–1917 гг.
2. Практика решения национального вопроса в 1918–1922 г.
3. Дискуссия о федеративном договоре и образовании СССР в 1922 г.
4. Первая Конституция СССР 1924 г. и проблема «украинизации» в УССР.
5. «Политическое завещание» В.И. Ленина и его оценка в историографии.

1. Национальный вопрос в Первой программе РСДРП(б) в 1903–1917 гг.

Хорошо известно, что для всех видных теоретиков большевизма, в том числе для **В.И. Ленина** и **И.В. Сталина**, национальный вопрос всегда имел второстепенное значение. Намечая контуры решения этой проблемы в своей **Первой партийной программе**, принятой на **II съезде РСДРП**, большевистские вожди опирались на три главных марксистских постулата: **1)** принципиальной невозможности решить национальный вопрос в условиях капитализма; **2)** абсолютной убежденности в том, что ликвидация национальных антагонизмов и слияние всех наций возможно только при социализме; **3)** подчиненности национального вопроса основной классовой и политической доминанте — завоеванию всей полноты государственной власти в стране, а затем и в мировом масштабе.

Ретроспективно взгляды теоретиков большевизма на проблему будущего национально-государственного устройства Российской империи выглядели следующим образом:

1) До **1913 г.** большевики выступали за сохранение прежней унитарной формы государственного устройства, которая достанется в наследство от свергнутой монархии, поскольку именно она создавала оптимальные условия для построения новых общественных отношений в стране.

2) После **1913 г.**, не отрицая самой идеи унитарного государства, признанные лидеры и теоретики большевизма впервые заявили о возможности создания на территории бывшей Российской империи «широкой областной автономии» для всех угнетаемых русским царизмом наций и народностей, пожелавших определиться со своим государственным статусом. Наиболее четко эта идея государственной «автономизации» прозвучала в известной сталинской работе «**Марксизм и национальный вопрос**», а так же в двух ленинских статьях «**Критические заметки по национальному вопросу**» и «**О праве наций на самоопределение**», написанных в **1913–1914 гг.**

Во всех этих работах, не отвергая прежней марксистской парадигмы о подчиненности национального вопроса интересам классовой борьбы пролетариата за политическую власть, **В.И. Ленин** и **И.В. Сталин** впервые заявили, что в нынешних исторических условиях перед российским пролетариатом стоит важнейшая двуединая задача: **а)** борьба за равноправие всех наций и народностей в вопросах самоопределения, отделения и государственного строительства и **б)** борьба за единство пролетарской классовой борьбы и пролетарских политических организаций в единую интернациональную общность.

3) Летом 1917 г., преследуя сугубо политические цели, В.И. Ленин впервые выдвинул идею федеративного устройства будущей Республики Советов и предоставления всем «инородцам» широких автономных прав. Причем, значительная часть партийцев, в частности Н.И. Бухарин и Г.Л. Пятаков, целиком полагаясь на принцип «пролетарского интернационализма», отвергали саму идею национального самоопределения народов и выступали под лозунгами «ликвидации границ» и «самоопределения трудящихся».

2. Практика решения национального вопроса в 1918–1922 г.

По мнению многих историков, после захвата государственной власти в решении национального вопроса большевики пошли по пути «наименьшего сопротивления, но наибольшего зла». Провозгласив в ноябре 1917 г. «Декларацию прав народов России», они не только признали независимость Польши, Финляндии, Литвы, Курляндии, Лифляндии, Эстляндии, Малороссии и других «ублюдочных» государственных образований, возникших на обломках исторической России, но и предоставили широчайшие права «государственно-национальной автономии» многим народам бывшей Российской империи. В результате такой национальной политики, которая была узаконена на III Всероссийском съезде Советов, в 1918–1921 гг., составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) возникло шестнадцать государственных образований, в частности Донецко-Криворожская республика, Республика немцев Поволжья, Башкирская, Дагестанская и Горская, Карельская, Киргизская (Казахская), Крымская, Татарская и Туркестанская автономные советские республики, а также Бурят-Монгольская, Вотская (Удмуртская), Кабардинская, Калмыцкая, Коми-Пермяцкая, Марийская и Чувашская автономные области.

Одновременно на руинах бывшей Российской империи, в горниле братоубийственной Гражданской войны, возникли еще семь независимых государственных образований — Украинская ССР (январь 1918 г.), Белорусская ССР (январь 1919 г.), Азербайджанская ССР (апрель 1920 г.), Армянская ССР (ноябрь 1920 г.), Грузинская ССР (февраль 1921 г.), Хорезмская Народная Советская Республика (февраль 1920 г.) и Бухарская Народная Советская Республика (сентябрь 1920 г.). Кроме того, в апреле 1920 г. на территории Приморья и Хабаровского края возникла Дальневосточная Советская республика (ДВР), с которой РСФСР подписала особый договор.

В июне 1919 г. для юридического оформления будущей советской федерации на базе РСФСР, УССР и БССР была создана комиссия, в состав которой вошли Л.Б. Каменев, Н.Н. Крестинский, А.И. Рыков, Х.Г. Раковский, Д.И. Курский, Л.М. Карахан и Э.М. Склянский. Итогом работы этой «согласительной комиссии» стало заключение промежуточного договора о политическом, военном и экономическом союзе трех республик, который был подписан в июне 1920 г.

Однако уже в марте 1921 г. на X съезде РКП(б) по докладу И.В. Сталина состоялась новая дискуссия о создании Федерации Советских республик, которая завершилась принятием отдельной резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», в которой особо подчеркнули возможность создания различных форм межгосударственных союзов, в том числе «договорной» и «автономной» федерации.

В феврале 1922 г., в период подготовки советской делегации к участию в работе Генуэзской конференции, был окончательно оформлен политический, военный, хозяйственный и дипломатический союз РСФСР, УССР, БССР, АзССР, АрССР и ГССР, первые контуры которого возникли еще в июне 1919 г. Затем, в апреле 1922 г., после жесткой и упорной борьбы Кавказского бюро РКП(б) во главе с Г.К. Орджоникидзе с «филиппистами», «будистами», «ахундовцами» и другими националистическими кланами, была образована Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР), в состав которой вошли три советских республики — Азербайджанская ССР, Армянская ССР и Грузинская ССР.

3. Дискуссия о федеративном договоре и образовании СССР в 1922 г.

В мае 1922 г. у В.И. Ленина произошел первый ишемический инсульт, который привел к частичной парализации верхних и нижних конечностей и временной потере речи. Первый приступ неизлечимой болезни вождя совпал по времени с началом новой дискуссией по национальному вопросу.

Сразу отметим, что ниже будет представлен традиционный взгляд на эту проблему, который утвердился в исторической науке (В. Журавлев, В. Булдаков, В. Наумов, Ю. Терещенко, Е. Плимак, Р. Такер) еще со времен «горбачевской перестройки». Однако при этом отметим и то, что ряд современных авторов (В. Сахаров, Ю. Жуков), ставят под сомнение не только сам факт принципиальных разногласий В.И. Ленина и И.В. Сталина по национальному вопросу, но и то обстоятельство, что автором известной ленинской статьи «К вопросу о национальностях и об автономизации», в которой содержалась крайне резкие выпады и личные оскорбления в адрес И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского, а так же различного рода русофобские пассажи о «русских держимордах» и «великодержавном шовинизме», был умирающий вождь мирового пролетариата.

В декабре 1920 г. руководство Украинской ССР (Г.И. Петровский, Х.Г. Раковский) подписало договор с руководством РСФСР (В.И. Ленин, М.И. Калинин) об установлении военного и хозяйственного союза, в соответствии с которым произошло объединение Народных Комиссариатов по военным и морским делам, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почт и телеграфа и Советов Народного Хозяйства РСФСР и УССР. Тогда же управление Южного фронта во главе с М.В. Фрунзе было преобразовано в Управление командующего Вооруженными Силами Украины и Крыма, а войска Южного и Юго-Западного фронтов автоматически вошли в состав войск Киевского и Харьковского военных округов Вооруженных Сил Украины и Крыма.

В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) по докладу И.В. Сталина состоялась дискуссия по проблемам создания обновленной Федерации Советских республик и решения важнейших межнациональных проблем. Завершив острейшую дискуссию по данному вопросу, делегаты партийного форума приняли отдельную резолюцию «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», в которой особо подчеркнули реальную возможность возникновения различных форм межгосударственных союзов, в том числе «договорной» и «автономной» федерации. В феврале 1922 г., в период подготовки советской делегации к участию в работе Генуэзской конфе-

ренции, был окончательно оформлен политический, военный, хозяйственный и дипломатический союз между РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР.

А уж в августе 1922 г. Политбюро ЦК приняло решение о создании комиссии по разработке проекта нового федеративного договора между РСФСР и другими советскими республиками. Тогда же Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило состав этой комиссии, в которую вошли В.В. Куйбышев (председатель), И.В. Сталин, В.М. Молотов, Х.Г. Раковский, Г.Я. Сокольников, Г.К. Орджоникидзе, Г.И. Петровский, А.Г. Червяков, А.Ф. Мясников, Н.Н. Нариманов, П.Г. Мдивани, Я.Д. Ясон и А. Ходжаев.

По мнению историков (В. Журавлев, В. Наумов, В. Гросул), еще до создания этой комиссии И.В. Сталин, который несколько лет возглавлял Наркомат по делам национальностей, подготовил собственный проект союзного договора — так называемый «план автономизации», который предусматривал вхождение всех советских республик, т.е. Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении, Грузии, ДВР, Бухары и Хорезма, в состав РСФСР на правах государственно-национальных автономий.

Надо сказать, что в советской исторической науке, особенно в эпоху «горбачевской перестройки» (В. Журавлев, В. Наумов, Ю. Терешенко), сталинский «план автономизации» почти всегда оценивали крайне негативно. И не только потому, что он якобы противоречил «ленинскому плану» создания равноправной федерации советских социалистических республик, но и потому, что в ходе этой дискуссии И.В. Сталин позволил усомниться в гениальной прозорливости вождя, и открыто выступил против его взглядов, опустившись до уровня личных оскорблений и обвинений В.И. Ленина в потакании «национальному либерализму» малых наций и народов. Однако сама идея сталинского «плана автономизации», первые эскизы которого он набросал еще до революции в своей знаменитой работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913), тогда не вызвали каких-либо вопросов, в том числе и у самого В.И. Ленина, который именно тогда в одном из писем А.М. Горькому назвал старого товарища по партии «замечательным грузином».

Между тем, сталинский «план автономизации» абсолютно логически вытекал из реалий тогдашнего времени и самой партийно-политической программы партии большевиков, поскольку: 1) в значительно большей степени соответствовал основному постулату ортодоксального марксизма о подчиненном характере национального вопроса главной классовой задаче пролетариата — завоевания безраздельной политической власти и построения коммунистического общества и 2) реально отвечал интересам большинства российских автономий, уже созданных в рамках РСФСР, которые в случае создания «договорной союзной федерации» могли предъявить вполне законные претензии на вхождение в ее состав на «равноправной» и «суверенной» основе.

В середине сентября 1922 г. В.И. Ленин, который в тот период находился в подмосковных Горках на лечении, попросил И.В. Сталина прислать ему его проект федеративного договора и не принимать поспешных решений по данному вопросу. Однако уже 23–24 сентября под руководством В.М. Молотова состоялись два рабочих заседания комиссии, на которых сталинский план был полностью поддержан представителями трех советских республик — Азербайджана (Н.Н. Нариманов), Армении (А.Ф. Мясников) и Белоруссии (А.Г. Червяков). Однако представители Украины и Грузии Г.И. Петровский, Х.Г. Раковский и П.Г. Мдивани в категорической форме отвергли сталинский проект, который, по их мнению, открыто ущем-

лял законное право этих республик заключить равноправный союзный договор с РСФСР. Тем не менее, **24 сентября 1922 г. Комиссия В.В. Куйбышева** приняла заключительную резолюцию, в которой говорилось: **1) о целесообразности заключения нового союзного договора между «советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении и РСФСР о формальном вступлении первых в состав РСФСР»; 2) о том, что вопрос подписании договора Бухарой, Хорезмом и ДВР остается открытым.**

25 сентября В.И. Ленин, ознакомившись со сталинским планом, направил в Политбюро ЦК записку с резкой критикой его подхода к решению межнациональных проблем и устройства будущей «Союзной Федерации Советских государств Европы и Азии». Затем, **26 сентября**, после состоявшейся беседы между **В.И. Лениным и И.В. Сталиным**, была достигнута договоренность, что обсуждение национального вопроса на Политбюро ЦК будет отложено до **2 октября**, то есть даты возвращения **В.И. Ленина** из Горок в Москву.

Однако уже **27 сентября** состоялось заседание высшего партийного ареопага, на котором почти все члены Политбюро, в том числе **Л.Б. Каменев, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин и И.В. Сталин**, поддержали ленинский проект федеративного договора о создании «Союза Советских Социалистических Республик Европы и Азии». При этом в постановлении Политбюро ЦК по данному вопросу было прямо указано, что в этом договоре необходимо четко закрепить две основных позиции: **1) право каждого субъекта Советской Федерации на свободный выход из ее состава и 2) реальное разграничение предметов ведения и полномочий союзного центра и союзных республик.**

О том, что данное решение, согласованное с **В.И. Лениным**, носило чисто формальный характер, красноречиво говорит тот показательный факт, что в тот же день, **27 сентября**, но еще до заседания Политбюро ЦК, **Л.Б. Каменев** направил **В.И. Ленину** записку следующего содержания: «**Владимир Ильич!** По-моему, или не трогать совсем вопроса о «независимости» (что, видимо, уже невозможно) или провести Союз так, чтобы максимально сохранить **формальную независимость**, т.е. приблизительно по прилагаемой схеме. Договор о Союзе должен включать обязательно: **а) пункт о праве одностороннего выхода из Союза и б) точное распределение областей ведения.**»

Затем, в начале октября 1922 г. состоялся Пленум ЦК, который поддержал решение Политбюро о создании равноправной федерации Союза Советских Социалистических Республик в составе РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР. Однако совершенно неожиданно в уже решенную проблему вмешались непредвиденные обстоятельства: **19 октября 1922 г.** на Пленуме Тифлисского горкома партии ряд видных членов ЦК КПГ, в частности **Б. Мдивани, М. Окуджава, Ф. Махарадзе, К. Цинцадзе и С. Кавтарадзе**, в резкой форме выступили против идеи вхождения Грузии в состав СССР в рамках Закавказской Федерации.

В результате острой полемики, возникшей на пленуме Тифлисского горкома партии, первый секретарь Закавказского краевого бюро РКП(б) **Г.К. Орджоникидзе** в довольно грубой форме отреагировал на доводы своих политических оппонентов и заявил, что персональные дела возмутителей спокойствия, не пожелавших признавать решение Пленума ЦК РКП(б), будут незамедлительно переданы для рассмотрения в Центральную Контрольную Комиссию РКП(б). **20 октября** реше-

нием Закавказского крайкома РКП(б) М. Окуджава был снят с поста **Первого секретаря ЦК КПГ**, а утром следующего дня в знак протеста против этого решения о коллективной отставке заявил весь состав **ЦК КПГ**. После своего демарша отставники попытались заручиться поддержкой ряда влиятельных членов **Политбюро ЦК РКП(б)**, в том числе **Л.Б. Каменева** и **Н.И. Бухарина**, которым была направлена срочная телеграмма, с изложением собственной версии произошедших событий.

Однако **И.В. Сталин** сумел переиграть своих соратников по **Политбюро** и взять под личный контроль расследование «**грузинского инцидента**». В конце ноября 1922 г. в **Грузию** была направлена специальная комиссия под руководством председателя **ВЧК Ф.Э. Дзержинского** для выяснения всех обстоятельств этого инцидента. 10 декабря, после возвращения в **Москву**, **Ф.Э. Дзержинский** представил в **Политбюро ЦК** отчет о работе возглавляемой им комиссии, в котором позиция **Закавказского крайкома партии** и его руководителя **Г.К. Орджоникидзе** была признана правильной, а поведение большинства членов бывшего грузинского **ЦК** подвергнуто резкой и обоснованной критике.

12 декабря в кремлевском кабинете вождя состоялась встреча **В.И. Ленина** с **Ф.Э. Дзержинским**, на которой обсуждались итоги работы возглавляемой им комиссии по «**грузинскому инциденту**». Итог этой беседы остался неизвестным, однако многие советские и современные историки (**В. Булдаков**, **В. Наумов**, **Ю. Терещенко**, **Р. Такер**) в категорической форме утверждают, что, судя по всему, **В.И. Ленин** остался крайне недовольным выводами этой комиссии, о чем зримо говорит его знаменитая статья «**К вопросу о национальностях или об «автономизации»**», надиктованная им 30 декабря 1922 г., то есть в день ратификации **I Всесоюзным съездом Советов «Декларации»** и «**Договора об образовании СССР**».

В этой ленинской статье, авторство которой в настоящее время стало предметом острой научной дискуссии, умирающий вождь возложил полную ответственность «за весь этот поистине великорусский шовинизм» на **Ф.Э. Дзержинского** и **И.В. Сталина**, презрительно заметив, что «**обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русских настроений**». Более того, он полагал, что выводы **Комиссии Ф.Э. Дзержинского** были подготовлены еще в **Москве** в личной канцелярии **И.В. Сталина** задолго до ее отъезда на **Кавказ**. Именно поэтому весь свой гнев «праведного интернационалиста» он адресовал новоиспеченному генсеку, прямо заявив, что «**роковую роль тут сыграли его торопливость... и озлобление против праведного «социал-национализма»**».

Тем временем, в конце ноября 1922 г. на рассмотрение **ЦИК** союзных республик был разослан проект «**Основных пунктов Конституции СССР**», которые были разработаны специальной комиссией под руководством **И.В. Сталина**. В середине декабря 1922 г. на **I Закавказском**, **IV Белорусском** и **VII Украинском съездах Советов** были приняты постановления «**Об основах Конституции Союза Советских Социалистических Республик**», которые создали правовую базу для окончательного оформления **СССР**.

18 декабря состоялся **Пленум ЦК РКП(б)**, на котором по докладу **И.В. Сталина** были приняты решения о подготовке текстов «**Декларации»** и «**Договора об образовании СССР**», которые должны быть рассмотрены и утверждены на **I Всесоюзном съезде Советов**, созыв которого был назначен на 30 декабря 1922 г.

29 декабря 1922 г. на Конференции полномочных представителей РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР были подписаны и утверждены проекты «Декларации» и «Договора» об образовании Союза ССР, а уже 30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов провозгласил образование нового государства — Союза Советских Социалистических Республик.

На том же съезде был сразу образован Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) съезда Советов, который возглавил всероссийский староста Михаил Иванович Калинин, а его заместителями стали председатели ЦИК Украины, Белоруссии и Закавказья Г.И. Петровский, А.Г. Червяков и Н.Н. Нариманов.

По справедливому мнению ряда современных историков (Н. Нарочницкая, Ю. Жуков), все члены высшего партийно-государственного руководства страны рассматривали создание Союза ССР как переходный этап к предстоящему слиянию всех государств Востока и Запада в единую Всемирную Советскую республику, поэтому из названия нового государства были сознательно изъяты все упоминания о его национальном характере, а оставлены чисто политические наднациональные ярлыки — «советский» и «социалистический».

4. Первая Конституция СССР 1924 г. и проблема «украинизации» в УССР

После завершения работы I Всесоюзного съезда Советов Президиум ВЦИК создал шесть комиссий для разработки положений о СНК и СТО СССР, союзных наркоматах и т.д. Затем, в феврале 1923 г. на Пленуме ЦК по предложению М.В. Фрунзе была создана «Конституционная комиссия ЦК» для разработки проекта первой Конституции СССР, которую возглавил И.В. Сталин.

В апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) состоялась дискуссия по докладу И.В. Сталина «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве», в ходе которой были подняты две ключевых проблемы — 1) соотношения прав и полномочий союзного центра и субъектов федерации и 2) основных принципов построения органов государственной власти СССР. Тогда же Президиум ВЦИК создал вторую «Конституционную комиссию», которую возглавил его председатель М.И. Калинин.

В начале июня 1923 г. на заседание «Конституционной комиссии ЦК РКП(б)» были обсуждены два проекта Конституции СССР — проект «комиссии М.И. Калинина» и проект «Конституционной комиссией УССР», которую возглавлял председатель ВУЦИК Г.И. Петровский. Как установили многие историки (Ю. Кукушкин, О. Чистяков, Ю. Жуков), в указанных проектах речь шла о разных подходах к решению основных проблем союзной федерации. Первый проект предусматривал создание Конституции СССР полноценного федеративного союзного государства, а во втором проекте речь шла о внесении ряда поправок в уже существующий «Договор об образовании СССР», который, по сути, превращал СССР в аморфную конфедерацию советских республик. На последнем варианте особенно настаивали известные «украинские самостийники» — председатель СНК УССР Х.Р. Раковский, нарком юстиции и генеральный прокурор УССР Н.А. Скрышник и, как ни странно, заместитель председателя СНК УССР и командующим Вооруженными силами Украины и Крыма М.В. Фрунзе, которых И.В. Сталин на июльском совещании в ЦК РКП(б)

совершенно справедливо обвинил в национал-уклонизме и сепаратизме. Причем, сразу после этих обвинений **Х.Г. Раковский** был снят с поста председателя **СНК УССР** и отправлен советским полпредом в Лондон.

Естественно «**Конституционная комиссия ЦК**» и Пленум ЦК отвергли все попытки украинских самостийников превратить **Союз ССР** в подобие «ублюдочной конфедерации» и утвердили проект, представленный «**Конституционной комиссией ВЦИК**». В начале июля 1923 г. ЦИК РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР ратифицировали «**Договор**» и «**Декларацию**» о создании **Союза Советских Социалистических Республик** и одобрили представленный на их рассмотрение проект Конституции СССР. А 6 июля 1923 г. ЦИК Союза ССР утвердил проект первой Конституции СССР, которая сразу вступила в законную силу и 31 января 1924 г. была ратифицирована **II Всероссийским съездом Советов**.

Конституция СССР состояла из двух разделов: Декларации «**Об образовании СССР**» и Договора «**Об образовании СССР**». В тексте Декларации говорилось об особом характере национальной политики СССР, причинах его возникновения и основных принципах объединения суверенных советских республик, в частности их равноправии и добровольности вхождения в состав СССР. Договор состоял из одиннадцати глав: 1) О предметах ведения верховных органов власти СССР; 2) О суверенных правах союзных республик и о союзном гражданстве; 3) О Съезде советов СССР; 4) О Центральном Исполнительном Комитете СССР; 5) О Президиуме ЦИК СССР; 6) О Совете Народных Комиссаров СССР; 7) О Верховном суде СССР; 8) О народных комиссариатах СССР; 9) Об Объединенном Государственном политическом управлении СССР; 10) О союзных республиках и 11) О гербе, флаге и столице СССР.

В соответствии с Конституцией СССР высшим органом государственной власти становился Съезд Советов СССР, делегатами которого являлись избранные представители городских советов и губернских Съездов Советов. В период между Всесоюзными съездами, которые должны проходить не реже одного раза в год, высшим органом государственной власти становился Центральный Исполнительный Комитет СССР (ЦИК СССР), состоящий из двух палат: Союзного Совета и Совета Национальностей, который два раза в год должны был собираться на свои сессии.

В промежутках между сессиями ЦИК, высшим законодательным и исполнительным органом государственной власти страны становился Президиум ЦИК СССР, избиравшийся на совместном заседании палат. Именно это государственный орган, работавший в постоянном режиме, был наделен правом оперативного утверждения или отмены всех постановлений СНК СССР, наркоматов СССР, ЦИК и СНК союзных республик.

ЦИК СССР формировал высший исполнительный и распорядительный орган Советского государства — Совет Народных Комиссаров СССР (СНК СССР), в состав которого входили председатель СНК, его заместители и десять наркомов. Пять наркоматов — иностранных дел, военно-морских дел, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов обладали общесоюзным статусом, а пять наркоматов — продовольствия, труда, финансов, ВСНХ и РКИ имели объединенный или союзно-республиканский статус. Кроме того, шесть наркоматов — юстиции, внутренних дел, земледелия, здравоохранения, просвещения и социального обеспечения имели республиканский статус. В 1925 г. на основе и принципах Конституции

СССР были приняты и Конституции всех союзных республик, в том числе РСФСР и УССР. Казалось бы, создание Союза ССР и принятие первой союзной и новых республиканских Конституций, ставших известным реверансом в адрес всех «национал-уклонистов», должны были разрешить пресловутый национальный вопрос. Однако это только подогрело аппетиты всей «свидомой публики». Достаточно сказать, что уже в начале мая 1925 г. в тогдашней столице Украинской ССР городе Харькове состоялся Пленум ЦК КП(б)У, который принял печально известное Постановление «Об украинизации», содержащее целый набор откровенно националистических требований, обязательных к неукоснительному исполнению всеми партийными, государственными и хозяйственными органами республики: 1) принудительно внедрять украинский язык, особенно в среде партийного и советского аппарата; 2) подбирать и выдвигать партийные кадры из рабочих и трудового крестьянства украинской национальности; 3) перевести все партийное просвещение на украинский язык; 4) перевести на украинский язык преподавание во всех средних и части высших учебных заведений; 5) украинизацию партийного аппарата провести немедленно, а советского — не позднее января 1926 г.

Проводниками этой принудительной украинизации стали активные сторонники бывшего главы СНК УССР, известного троцкиста Х.Г. Раковского, который носился с идеей тотальной украинизацией еще со времен Гражданской войны, когда в состав Украинской ССР были включены исконные русские земли Области Войска Донского и пяти новороссийских губерний — Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Херсонской и Бессарабской. Теперь же, накануне своей отставки и отъезда советским полпредом в Лондон, он разразился очередным русофобским фолиантом «Основные задачи момента» (1923), которым вооружил всех «украинских самостийников» реальной программой действий. Таковых упертых «самостийников» было всего около 400 человек на всю многотысячную КП(б)У. Однако именно они — бывшие «боротьбисты» — сиречь малороссийские эсеры-рагули, составляли ядро всего партийно-государственного аппарата власти УССР, в том числе заведующий Отделом печати ЦК КП(б)У А.А. Хвилья, заместитель председателя СНК и председатель Госплана УССР Г.Ф. Гринько, нарком юстиции и прокурор УССР Н.А. Скрыпник, нарком финансов УССР М.Н. Полоз, нарком просвещения УССР А.Я. Шумский, председатель Киевского губисполкома П.П. Любченко и другие.

Когда вакханалия украинизации перешла все разумные пределы, особенно на Донбассе и в Кривом Роге, где в течение полугода более 60% промышленных рабочих и шахтеров под угрозой увольнения были махом записаны в украинцы, И.В. Сталин направил письмо «Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У», где в частности говорилось: «Нельзя украинизировать сверху пролетариат. Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это противоречит принципу свободного развития национальностей. Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнета... При слабости коренных коммунистических кадров на Украине, это движение, возглавляемое сплошь и рядом не коммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и украинской общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против «Москвы» вообще, против русских вообще, против русской культуры». Тем не менее, политика «украинизации»

была продолжена, хотя и в меньших масштабах, но окончательно конец этой насильственной политике был положен только в начале 1930-х гг.

5. «Политическое завещание» В.И. Ленина и его оценка в историографии

13 декабря 1922 г. у В.И. Ленина произошел новый инсульт, который вновь заставил его отойти от активной политической работы. Тем не менее, 16 декабря он продиктовал Н.К. Крупской первую часть своего письма для Л.Д. Троцкого, в которой попросил его «взять под свою защиту вопрос о сохранении монополии внешней торговли», специально поставленный в повестку дня предстоящего Пленума ЦК РКП(б).

18 декабря 1922 г. на Пленуме ЦК состоялась острая дискуссия между сторонниками (Л.Д. Троцкий, Л.Б. Красин) и противниками (Н.И. Бухарин, Г.Я. Сокольников, Л.Б. Каменев, Г.Л. Пятаков) сохранения монополии внешней торговли в руках государства, в ходе которой победу одержал тандем двух влиятельных наркомов — по военным и морским делам и внешней торговли. После завершения этой дискуссии участники Пленума обсудили информацию врачей о состоянии здоровья В.И. Ленина и приняли решение об установлении особого режима работы для больного вождя, исполнение которого было возложено на И.В. Сталина. Кстати, данное решение Пленума ЦК, которое было принято единогласно, полностью противоречит утверждению наших записных антисталинистов (В. Наумов, Д. Волкогонов) о том, что всемогущий генсек единолично принимал все решения о «политическом карантине» для умирающего вождя.

Тем временем В.И. Ленин продиктовал Н.И. Крупской вторую часть своего письма Л.Д. Троцкому по проблеме сохранения монополии внешней торговли. А уже на следующий день И.В. Сталин, узнав о произошедшем, позвонил его супруге и предупредил ее, что если она еще раз нарушит решение Пленума ЦК об особом режиме работы вождя, то ее персональное дело будет направлено в Центральную Контрольную комиссию РКП(б). Реакция Н.К. Крупской на это законное поведение И.В. Сталина оказалась абсолютно неадекватной: не сообщив об этом инциденте мужу, она направила на имя Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева «слезливое» письмо, в котором обратилась к ним с просьбой оградить ее от «грубого вмешательства в ее личную жизнь» и «недостойной брани и угроз» со стороны генсека.

Вечером того же дня В.И. Ленин, не подозревавший о конфликте И.В. Сталина с его супругой, диктует первую часть своего знаменитого «Письма к съезду», в которой ставит вопрос «о существенных переменах в нашем политическом строе». Суть его выводов и предложений состояла в следующем:

1) В настоящее время «политика партии определяется громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое и авторитет его будет... ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него».

2) В связи с этим обстоятельством необходимо значительно увеличить «число членов ЦК до нескольких десятков или даже сотни членов», с тем, чтобы «конфликты небольших частей старого ЦК не могли получить слишком непомерного значения для судеб всей партии».

В оценке этой, первой части ленинского «Письма» целый ряд постсоветских авторов (В. Наумов, Е. Плимак, Д. Волкогонов, В. Роговин) усматривали «горячее желание» вождя начать широкий процесс демократизации в партии и обществе на началах политического и идейного плюрализма. Однако, как верно заметили их оппоненты (М. Горинов), демократизация партии и общества противоречила самой сути ленинской концепции переходного периода. Суть предложенных им перемен состояла в желании вождя обеспечить абсолютную монолитность партийных рядов и эффективность работы всего государственно-партийного аппарата в условиях жёсткого однопартийного режима в многоукладном советском обществе, где еще сохранялся острый конфликт разнообразных интересов различных социальных групп и слоев населения.

22 декабря 1922 г. у В.И. Ленина произошел очередной приступ болезни, который закончился правосторонней парализацией всего организма. В этой ситуации на узком совещании с участием И.В. Сталина, Л.Б. Каменева и Н.И. Бухарина было принято решение об ужесточении режима для больного вождя. В частности, ему запретили все свидания и наложили строжайший запрет на получение любой информации о политической ситуации в стране. Вместе с тем, ему было предоставлено право ежедневно, в течение 5–10 минут, диктовать свои мысли трем личным секретарям — М.И. Гляссер, Л.А. Фотиевой и М.А. Володичевой.

23–26 декабря 1922 г. В.И. Ленин диктует Л.А. Фотиевой вторую часть «Письма к съезду», которое он целиком посвятил характеристике пяти наиболее видных членов высшего партийного руководства — Л.Д. Троцкому, И.В. Сталину, Л.Б. Каменеву, Г.Е. Зиновьеву и Н.И. Бухарину, и кандидату в члены ЦК Г.Л. Пятакову. Причем, что интересно, абсолютно все историки почему-то искали и, как ни странно, находили во всех характеристиках чисто политический аспект и делали из этого сугубо политические выводы и построения. А между тем, сам В.И. Ленин прямо говорил, что «намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства».

Во второй части своего «Письма», продиктованной 24 декабря, В.И. Ленин дает характеристику двум самым влиятельным членам Политбюро ЦК — Л.Д. Троцкому и И.В. Сталину, поскольку на его взгляд именно отношения между этими членами высшего партийного руководства составляли «большую половину опасности раскола партии» и «непосредственно влияли на устойчивость всего ЦК».

1) Давая личную характеристику Льву Давидовичу Троцкому (Бронштейну) (1879–1940), умирающий вождь, особо отметив, что он является «самым способным человеком в настоящем ЦК», в то же время однозначно подчеркнул, что он именно тот человек, который «чрезмерно хватаящийся самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной». Иными словами, В.И. Ленин прямо указал на такую личную черту его характера как самоуверенность — сиречь непогрешимость и представление о полном отсутствии каких-либо отрицательных черт своего характера, что, конечно, было далеко от истины.

Надо сказать, что в период «горбачевской перестройки» появилось немало авторов (В. Старцев, А. Зевелев, В. Сироткин, Р. Такер, В. Роговин, Д. Волкогонов), которые всячески пытались доказать, что в последние годы жизни В.И. Ленина начинается новый период его сближения с Л.Д. Троцким, о чем красноречиво говорили такие бесспорные факты, как близость их взглядов по проблемам НЭПа, деятельности Коминтерна, сохранения монополии внешней торговли, придания за-

конодательных функций Госплану и пресловутому «грузинскому инциденту». Его же отношения со **И.В. Сталиным**, напротив, серьезно испортились, поскольку именно в этот период генсек стал активно интриговать против вождя и лично «отключать» его от активной политической работы. Однако оппоненты наших доморощенных либералов и неотроцкистов (**В. Сахаров**, **Ю. Емельянов**, **Ю. Жуков**) утверждают, что именно в 1921–1922 гг. резко обострился процесс политического противостояния **В.И. Ленина** с **Л.Д. Троцким**, в то время как личные и политические отношения **В.И. Ленина** со **И.В. Сталиным**, напротив, заметно сблизились и укрепились.

2) Значительное место в своем «Письме к съезду» **В.И. Ленин** уделил личной характеристике **Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили) (1879–1953)**, которая была надиктована им в два захода — 24 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г. Вначале своей характеристики **В.И. Ленин** очень точно зафиксировал тот небывалый рост властных полномочий, которыми стал обладать **И.В. Сталин** с апреля 1922 г., когда был назначен на должность Генерального секретаря ЦК РКП(б): «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». В исторической литературе (**Д. Волкогонов**, **В. Роговин**) была высказана точка зрения, что назначение **И.В. Сталина** генсеком стало личной инициативой **Л.Б. Каменева** и **Г.Е. Зиновьева**, которые таким образом хотели «подложить свинью» **Л.Д. Троцкому**. Однако, многие авторитетные историки (**А. Зевелев**, **Ю. Емельянов**, **В. Сахаров**) убедительно доказали, что **В.И. Ленин** был не только в курсе этого назначения, которое произошло на организационном Пленуме ЦК, но и собственноручно подчеркнул важность исполнения **И.В. Сталиным** его новых обязанностей по отношению к другим руководящим должностям, которые он занимал в советских учреждениях, то есть в Наркомате по делам национальностей и Наркомате РКИ. Далее в своем «Письме к съезду» **В.И. Ленин** писал, что «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Надо сказать, что именно эта часть сталинской характеристики, данная **В.И. Лениным** в январе 1923 г., во время третьей и последней диктовки своего «Письма», довольно часто (**Р. Такер**, **Д. Волкогонов**) подается как желание вождя политически уничтожить **И.В. Сталина**, сняв его со всех ключевых партийных и государственных постов. Однако, безусловно, ближе к истине те авторы (**А. Зевелев**, **Ю. Емельянов**), которые утверждают, что **В.И. Ленин** говорил не об отстранении **И.В. Сталина** от высшего партийного руководства, а предлагал обдумать способ перемещения его с поста генсека, который он быстро превратил из чисто технической должности в ключевую политическую должность в стране.

После личных характеристик «двух выдающихся вождей современного ЦК» **В.И. Ленин** особо подчеркнул, что дальше не будет «характеризовать других чле-

нов ЦК по их личным качествам». Однако все же «сказал несколько слов» о четырех других членах высшего партийного руководства страны.

3) Ленинская характеристика «политических сиамских близнецов» Льва Борисовича Каменева (Розенфельда) (1883–1936) и Григория Евсеевича Зиновьева (Радомысльского) (1883–1936) была довольно емкой, но очень выразительной: «Октябрьский эпизод Каменева и Зиновьева, конечно, не является случайностью, но он также мало может быть ставим им в вину лично, как меньшевизм Троцкому». Как считают многие историки, в данном случае В.И. Ленин, напомнив всем членам партии о позиции занятой Л.Б. Каменевым и Г.Е. Зиновьевым в переломный момент Октябрьского переворота, дал четко понять, что: 1) на крутых виражах истории, когда от решимости и воли любого политика зависит многое, если не все, эти партийные вожди могут проявить нерешительность и даже трусость; 2) однако позиция, занятая Л.Б. Каменевым и Г.Е. Зиновьевым в дни Октябрьского переворота, мало может быть поставлена им в вину лично, поскольку они объективно отражали настроения довольно значительной части партийцев, которые тоже сомневались в успехе вооруженного восстания 1917 г.

Кроме того, говоря в этом абзаце своего «Письма» о «меньшевизме Троцкого», которой так же «мало может быть ставим» в вину ему лично, В.И. Ленин, вероятнее всего, хотел этим подчеркнуть, что до прихода к власти многие нынешние члены партии, в том числе руководящего звена, грешили подобным «меньшевизмом» и проявляли разного рода колебания от «генеральной линии партии». Более того, ряд современных неотроцкистов (В. Роговин), пытаясь выдать желаемое за действительное, стали утверждать, что якобы В.И. Ленин серьезно опасался, что именно этот «меньшевизм» Л.Д. Троцкого станет его «ахиллесовой пятой» в предстоящей схватке за власть, что, конечно, является явной натяжкой.

«Из молодых членов ЦК» В.И. Ленин пожелал «сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове», которых назвал «самыми выдающимися силами (из самых молодых сил)» в руководстве партии. При этом он подчеркнул, что «конечно, и то и другое замечание делается мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности». На момент написания этих ленинских характеристик Николай Иванович Бухарин (1888–1938) был кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б) и главным редактором центральной партийной газеты «Правда», а Георгий Леонидович Пятаков (1890–1937) являлся кандидатом в члены ЦК РКП(б) и заместителем председателя Госплана СССР, которому сам В.И. Ленин еще в сентябре 1922 г. лично поставил задачу: а) организовать и «по-военному подтянуть аппарат Госплана», б) сократить и удешевить сам аппарат «по типу американского треста» и в) лично контролировать работу аппарата по реализации всего общегосударственного, прежде всего, хозяйственного плана.

4) «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)». Иными словами, В.И. Ленин изблещил Н.И. Бухарина как кабинетного доктринера, для которого слепое следование догматам марксизма, было куда важнее законов диалектики, которые и составляли саму суть марксизма, как

метода познания и действий. Более того, ряд авторов (Ю. Емельянов) справедливо подметили тот факт, что постоянные попытки Н.И. Бухарина соединить марксизм с анархизмом М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, социологией М. Вебера, махизмом Р. Авенариуса и Э. Маха и «спартаковскими» взглядами Р. Люксембург, заставляли В.И. Ленина постоянно говорить о его «левоглулизме» и «схематизме».

5) «Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе». Вероятнее всего, подобная характеристика Г.Л. Пятакова была вызвана тем обстоятельством, что сам В.И. Ленин остался крайне недоволен тем, что этот «молодой член ЦК», будучи заместителем председателя Госплана СССР по кадровым вопросам, так и не смог «по-военному подтянуть» этот аппарат и сократить и удешевить его «по типу американского треста».

Надо сказать, что при анализе этого «Письма» современные историки спорят по целому кругу проблем:

а) Кто был настоящим автором последних ленинских работ. В советской исторической науке постановка такого вопроса была бы просто невозможна, поскольку никто из советских историков не ставил под сомнение, что такие известные статьи, как «Письмо к съезду», «Лучше меньше, да лучше», «Странички из дневника», «К вопросу о национальностях и об «автономизации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «О придании законодательных функций Госплану» и «О кооперации», созданные в декабре 1922 г. — марте 1923 г., были надиктованы именно В.И. Лениным. Однако в настоящее время целый ряд авторов (В. Сахаров, Ю. Жуков, В. Иванов, В. Ермаков) вполне обосновано говорят о том, что ряд ленинских работ, в частности «Письмо к съезду» и «К вопросу о национальностях или об «автономизации», принадлежат совершенно другому лицу: либо Л.Д. Троцкому, либо работникам ленинского секретариата, в частности Л.А. Фотиевой, либо членам его семьи, в частности Н.К. Крупской и М.А. Ульяновой.

б) Кого В.И. Ленин видел в качестве своего реального преемника. Одни авторы (В. Старцев) весьма категорично говорят, что именно в Л.Д. Троцком умирающий вождь видел реального претендента на лидерство в партии и государстве. Их оппоненты (Н. Васецкий, А. Зевелев) утверждают, что из ленинского «Письма к съезду» со всей очевидностью явствует, что никого из членов тогдашнего ЦК В.И. Ленин не рассматривал в качестве своего преемника на посту руководителя партии и государства. Более того, он был убежден, что роль его преемника может исполнить только весь состав Политбюро и Секретариата ЦК, поставленный под жесткий контроль со стороны расширенных и обновленных ЦК и ЦКК. Еще одни авторы (Д. Волгогонов, В. Сахаров) полагают, что только И.В. Сталин по своим личным и политическим качествам мог стать преемником В.И. Ленина, и реальной альтернативы ему в тот период просто не было. Наконец, еще ряд авторов (Н. Валентинов, А. Шубин) утверждают, что В.И. Ленин, диктуя свои последние заметки, вовсе не собирался умирать. Напротив, в своих последних диктовках он стремился особо подчеркнуть свое неоспоримое лидерство в партии и свое исключительное право определять стратегию большевизма на ближайшую историческую перспективу, а критика им других партийных вождей была призвана подчеркнуть особое положение В.И. Ленина в высшей партийной иерархии.

в) Когда об этом «Письме» стало известно другим лидерам партии и государства. Традиционная точка зрения (Е. Плимак, В. Наумов) состоит в том, что о существовании «Письма к съезду» при жизни В.И. Ленина знал только И.В. Сталин, который через главу секретариата Совнаркома СССР Лидию Александровну Фотиеву постоянно получал всю секретную информацию из Горок. Именно это обстоятельство и позволило генсеку подготовиться к отражению возможного удара на предстоящем партийном съезде и обратить эту «политическую бомбу» в свою пользу. Другие авторы (В. Сахаров, Ю. Жуков) уверены, что о содержании ленинских диктовок до смерти вождя знал только Л.Д. Троцкий, который получал всю достоверную информацию от той же Л.А. Фотиевой, записавшей большую часть ленинского «Письма» и других его заметок. Третья группа авторов (В. Роговин) полагает, что уже в июле 1923 г. о содержании этого «Письма» знали Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин и Г.Е. Зиновьев. Наконец, четвертая группа историков (В. Старцев) утверждает, что уже в январе 1923 г. все соратники В.И. Ленина были знакомы с секретной частью этого «Письма».

В январе – марте 1923 г. В.И. Ленин диктует свои последние статьи «О придании законодательных функций Госплану», «Странички из дневника», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» и другие, которые в хрущевско-горбачевской историографии (Е. Плимак, В. Наумов, Д. Волкогонов) традиционно называли «Политическим завещанием В.И. Ленина». Хотя, как верно отметили ряд современных авторов (В. Сахаров), никакого «ленинского завещания» в природе не существовало.

Основным содержанием этих ленинских работ стала проблема реформирования советского государственного аппарата, который, по мнению В.И. Ленина, был «целиком заимствован нами от царизма и лишь чуть-чуть подмазан советским миром», он «из рук вон плох, насквозь чужд нам и представляет собой буржуазную и царскую мешанину», «всё у нас потонуло в паршивом бюрократическом болоте ведомств», а наши ведомства и их декреты «полное говно».

Кроме того, по мнению доморощенных антисталинистов (Д. Волкогонов, В. Наумов, В. Роговин, Р. Такер), две последние ленинские диктовки, в которых содержалась резкая критика Наркомата Рабоче-Крестьянской Инспекции, были прямо направлены против И.В. Сталина, возглавлявшего это ведомство до июля 1922 г. Однако, как верно отметил выдающийся русский историк профессор А.Г. Кузьмин, суть данных ленинских работ, в которых он вернулся к своей прежней идее «третьего источника марксизма», состояла в осознании того, что в основу советской власти должны быть положены принципы «общинного социализма», а не «принцип вождизма», укоренившийся в партии во времена Гражданской войны.

Именно поэтому по решению Политбюро ЦК пять из восьми ленинских работ, предназначенных вождем для печати, перед их публикацией в «Правде» были подвергнуты точечной цензуре и редактированию, а в адрес местных партийных комитетов за подписью И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, А.И. Рыкова, М.П. Томского, Ф.Э. Дзержинского и В.В. Куйбышева было направлено письмо, в котором прямо говорилось, что следует снисходительно отнестись к этим ленинским работам, поскольку они были написаны им в крайне болезненном состоянии.

6 марта 1923 г. у В.И. Ленина произошел очередной инсульт, в результате которого он окончательно потерял всякую работоспособность и речь и полностью

отошел от дел. В горбачевский период целая когорта «прорабов перестройки» (В. Наумов, А. Зевелев, Е. Плимак), по прямой указке А.Н. Яковлева, вполне сознательно связали новый приступ ленинской болезни с именем И.В. Сталина. Якобы 5 марта 1923 г. В.И. Ленин совершенно случайно узнал от Н.К. Крупской о старом конфликте, произошедшем между ней и И.В. Сталиным в конце декабря 1922 г., и, находясь под сильным впечатлением от этой информации, написал генсеку очень резкое письмо следующего содержания: «Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное... я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением В. Ленин».

Однако, как установили современные историки (В. Сахаров, Ю. Жуков, В. Ермаков), этот «ленинский» документ был сфабрикован кем-то из ближайшего окружения вождя (Н.К. Крупской или М.А. Ульяновой) или даже самим Л.Д. Троцким, и в природе этого конфликта просто не существовало.

Тема: БОРЬБА ЗА ЛИДЕРСТВО В ПАРТИИ В 1923–1927 ГГ.

План:

1. Новый раунд борьбы за власть и возникновение троцкистской оппозиции (1923–1924 гг.).
2. Разгром троцкистской оппозиции (1924–1925 гг.).
3. Образование «новой оппозиции» и ее разгром (1925 г.).
4. Образование «объединенной оппозиции» и ее разгром (1926–1927 гг.).

1. Новый раунд борьбы за власть и возникновение троцкистской оппозиции (1923–1924 гг.)

Поскольку в начале 1920-х гг. партия большевиков окончательно превратилась в особый властный институт, органически встроенный во весь государственный организм, борьба за власть в высших эшелонах партийного руководства страны стала носить принципиально новый характер. Однако, как это ни печально, но значительная часть постсоветских авторов (Д. Волкогонов, Р. Медведев, В. Роговин, О. Хлевнюк) до сих пор рассматривают эту проблему только через призму персональной борьбы за власть. Хотя это абсолютно не правомерный и даже антиисторический подход, поскольку эта борьба определялась суммой многих обстоятельств, а не только личным соперничеством Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева и других партийных вождей.

По мнению ряда современных авторов (А. Соколов, Н. Симонов), сущность большинства партийных дискуссий, проще понять в связи с процессом возникновения

так называемой «номенклатуры», которая именно тогда превратилась в стеновой хребет всей партийно-государственной системы страны. Изначально термином «номенклатура» обозначался список наиболее важных административных и выборных должностей в партийном, советском и хозяйственном аппаратах власти, кандидаты на которые всегда утверждались руководством партийных комитетов разного уровня, начиная от Политбюро и Секретариата ЦК, и кончая уездными и волостными партийными комитетами.

Как установили многие историки (М. Восленский, Т. Коржихина, Ю. Свириденко, Е. Гимпельсон), сам процесс создания номенклатуры был начат еще в годы Гражданской войны, когда весной 1919 г. решением Политбюро ЦК были созданы Учетно-распределительный и Организационно-инструкторский отделы ЦК РКП(б). Однако настоящим теоретиком и создателем партийно-государственной номенклатуры по праву считается именно И.В. Сталин, который уже к началу 1923 г. установил полный контроль над всем партийным аппаратом и его ведущими отделами, в том числе ключевым Организационно-распределительным отделом ЦК, который к тому времени возглавил его новый соратник Лазарь Моисеевич Каганович. Именно в рамках центрального аппарата РКП(б) тогда были созданы три главных списка партийно-государственной номенклатуры, которые полностью контролировались Секретариатом и Орграспредотделом ЦК, то есть лично И.В. Сталиным, занимавшим должность генсека, В.М. Молотовым, который стал вторым секретарем ЦК, и Л.М. Кагановичем, возглавившим этот Орграспредотдел ЦК.

6 марта 1923 г. у В.И. Ленина произошел очередной инсульт, от катастрофических последствий которого, в частности полной потери речи, он так и не оправился до конца своих дней. Возникшая ситуация со здоровьем вождя резко обострила борьбу за лидерство в партии и, по мнению историков (Д. Волкогонов, В. Надточеев, В. Роговин), еще до проведения XII съезда партии, в апреле 1923 г. внутри Политбюро ЦК, в состав которого входили семь полноправных членов — В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, А.И. Рыков и М.П. Томский и три кандидата в члены — Н.И. Бухарин, В.М. Молотов и М.И. Калинин, был создан так называемый «триумvirат» в составе И.В. Сталина, Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева, который взял на себя руководство всей текущей работой партийного и государственного аппаратов власти. Основной целью создания этого «триумvirата» стало противодействие любым инициативам Л.Д. Троцкого и его постепенная изоляция внутри Политбюро ЦК, тем более что именно тогда он резко активизировал свою работу на «теоретическом фронте», явно претендуя на роль преемника умиравшего вождя и главного партийного теоретика.

Во второй половине апреля 1923 г. прошел XII съезд РКП(б), на котором Л.Д. Троцкий выступил со своей новой экономической платформой, которая содержала его старые идеи усиления плановых начал и ускоренных темпов индустриализации страны. И хотя в заключительной резолюции этого съезда предложения Л.Д. Троцкого получили свое формальное закрепление, их реализация была заморожена, поскольку внутри Политбюро началась острейшая борьба за власть.

В июле 1923 г. по предложению Г.Е. Зиновьева в одном из гротов близ Кисловодска состоялось «пещерное совещание» ряда членов ЦК, на котором присутствовали сам Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, К.Е. Ворошилов, М.В. Фрунзе, Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микоян и М.М. Лашевич. В центре жарких споров, разгоревшихся

на этом совещании, оказалась проблемы коллективного руководства и корректировки распределения обязанностей внутри Политбюро ЦК. В частности, Н.И. Бухарин предложил для ограничения непомерно возросшей власти генсека ввести в состав Секретариата ЦК двух-трех членов Политбюро ЦК. Однако благодаря интригам генсека, хорошо осведомленного о ходе совещания через К.Е. Ворошилова и Г.К. Орджоникидзе, эта идея была сразу похоронена и «жертвой» реорганизации стало гораздо менее влиятельное Оргбюро ЦК, в состав которого ввели Г.Е. Зиновьева, Л.Д. Троцкого и Н.И. Бухарина. В таком развитии событий был повинен не только хитроумный И.В. Сталин, но сам тов. Г.Е. Зиновьев, который через Л.П. Серебрякова опрометчиво предложил Л.Д. Троцкому превратить «триумвират» в «пятёрку» и ввести в ее состав Л.Д. Троцкого и Н.И. Бухарина. Но тот сразу отверг эту интрижку вождя питерских коммунистов.

Тем временем, осенью 1923 г. из-за так называемой «ножницы цен» в стране возник «кризис сбыта» промышленной продукции, который во многом носил искусственный характер и был связан с сознательным повышением цен на нее при одновременном снижении закупочных цен на основную сельхозпродукцию. В сентябре 1923 г. по решению Политбюро ЦК для анализа возникшей ситуации и принятия необходимых мер была создана специальная комиссия в составе Ф.Э. Дзержинского (председатель), И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева, В.М. Молотова, А.И. Рыкова и М.П. Томского, которая вскоре представила свои предложения Пленуму ЦК. Этот высший партийный орган также принял решение о создании трех новых комиссий — «О внутрипартийном положении», «О ножницах» и «О заработной плате», которые и должны были «разрулить» кризисную ситуацию в стране.

Но главная интрига сентября 1923 г. состояла в том, что именно на этом Пленуме ЦК правящий триумвират предпринял попытку поставить под жёсткий контроль главную троцкистскую вотчину — Наркомат по военным и морским делам и РВС СССР, введя в его состав И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, Г.К. Орджоникидзе и М.М. Лашевича. Однако Л.Д. Троцкий, пригрозив своей отставкой с этих ключевых постов, сумел отчасти отвести этот удар, хотя командующие Северо-Кавказским и Сибирским военными округами К.Е. Ворошилов и М.М. Лашевич все же были введены в состав Реввоенсовета СССР. На фоне этих событий, в начале октября 1923 г. Л.Д. Троцкий направил в ЦК и ЦКК «Записку», в которой обвинил правящий триумвират: 1) в зажиме внутрипартийной демократии и сильно возросшей бюрократизации партийно-государственного аппарата и 2) в бессистемной политике в вопросах хозяйственного строительства и перспективного планирования развития основных отраслей промышленного производства.

А спустя всего неделю, 15 октября 1923 г., основные положения «Записки» Л.Д. Троцкого были поддержаны в знаменитом «Заявлении 46-ти», которое подписали Г.Л. Пятаков, Х.Г. Раковский, К.Б. Радек, А.С. Бубнов, В.А. Антонов-Овсеенко, Е.А. Преображенский, Н.И. Муралов, Л.П. Серебряков, В.В. Косиор, Н.В. Осинский и другие видные троцкисты. В этом документе, который затем будет назван «троцкистским манифестом», все подписанты в еще более резкой форме выступили против «секретарской иерархии» и потребовали отменить резолюцию X съезда РКП(б) «О единстве партии». По мнению ряда авторов (А. Зевелев), именно этот «троцкистский манифест» был одной из немногих, но самых опасных попыток

троцкистской оппозиции сместить **И.В. Сталина** с поста генсека, хотя, на взгляд большинства историков это утверждение более чем спорно.

23–25 октября 1923 г. состоялся Пленум ЦК РКП(б), на котором **Л.Д. Троцкого** и его активных сторонников не только обвинили в необоснованных нападках на Политбюро, но и усмотрели в их демарше прямую угрозу единству партии. В частности, в «**Ответе членов Политбюро на письмо тов. Троцкого**» было прямо заявлено, что глава РВС «**приступил к созданию фракции, направленной против ЦК**». Однако резкая критика на Пленуме ЦК никак не повлияла на изменение позиции **Л.Д. Троцкого** по ключевым проблемам политического и экономического развития страны. Уже **8 декабря 1923 г.** в своей очередной работе «**Новый курс**» («**Письмо к партийным совещаниям**») он в еще более резких выражениях заявил о необходимости: **1)** подчинить партийный аппарат всех уровней выборным партийным органам и восстановить принцип «демократического централизма» в партии и **2)** отменить резолюцию **X съезда РКП(б)** «**О единстве партии**» и возобновить традицию политических дискуссий, которыми всегда славились настоящие большевики.

11 декабря 1923 г. в «**Правде**» была опубликована статья **Н.И. Бухарина** «**Наша партия и оппортунизм**», в которой он открыто назвал эту троцкистскую работу антипартийной платформой и обвинил оракула революции в сознательном срыве компромиссной резолюции «**О партстроительстве**», принятой на совместном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК в начале декабря 1923 г. Однако публикация этой статьи опять никак не повлияла на позицию **Л.Д. Троцкого** и уже в конце декабря 1923 г. он публикует целую серию новых статей — «**Группировки и фракционные образования**», «**Вопрос о партийных поколениях**», «**Общественный состав партии**» и «**Традиция и революционная политика**», которые дали новый импульс острейшей внутрипартийной дискуссии. Пик этой дискуссии пришелся на **16–18 января 1924 г.**, когда проходила работа **XIII конференции РКП(б)**, где **Л.Д. Троцкий** и его ближайшие соратники были прямо обвинены в «**меньшевистской ревизии большевизма**».

Надо сказать, что в современной историографии (**И. Дойчер, Д. Волкогонов, И. Ратьковский, М. Ходяков**) это идейное поражение **Л.Д. Троцкого** объясняли тяжёлым состоянием его здоровья, из-за которого он якобы не смог принять участие в работе этой конференции. Однако ряд современных авторов (**В. Роговин**) полагают, что главная причина поражения троцкистов в «первой внутрипартийной дискуссии» заключалась все же в том, что сам **Л.Д. Троцкий** и все его соратники слишком поздно начали борьбу против правящего «триумvirата» и подконтрольного ему партийного аппарата.

Тем временем, вечером **21 января 1924 г.** в своей подмосковной резиденции в Горках от очередного обширного инсульта скончался **В.И. Ленин**. Надо сказать, что в последнее время на российском книжном рынке появилась целая куча разных работ (**А. Авторханов, С. Пассони, В. Роговин**), в которых утверждалось, что **В.И. Ленин** стал жертвой не своей неизлечимой болезни, а был отравлен **И.В. Сталиным** или уничтожен им же методом «психологического убийства». Однако этот околонуточный бред, который столь активно стал распространяться в годы «горбачевской перестройки» и «ельцинского лихолетья», абсолютно не находит никакого подтверждения в источниках и противоречит всем известным фактам о неизлечимой болезни вождя.

22 января состоялся экстренный Пленум ЦК РКП(б), на котором была создана похоронная комиссия во главе с Ф.Э. Дзержинским. А 26 января на экстренном заседании ВЦИК съезда Советов были приняты следующие решения: 1) возвести на Красной площади усыпальницу вождя — Мавзолеем В.И. Ленина; 2) провести похоронную процессию 27 января 1924 г.; 3) государственные посты, занимаемые В.И. Лениным, разделить и назначить новым председателем Совета Народных Комиссаров СССР — Алексея Ивановича Рыкова, а главой Совета Труда и Оборона СССР — Льва Борисовича Каменева.

2. Разгром троцкистской оппозиции (1924–1925 гг.)

По мнению ряда современных авторов, в том числе откровенных апологетов троцкизма (Е. Плимак, А. Панцов, В. Надточеев, В. Роговин, Д. Волкогон), вскоре после смерти В.И. Ленина правящий «триумvirат» пошел по пути расширения своей фракционной борьбы в руководящем партийном звене. Первой политической акцией, осуществленной им в январе 1924 г., стало установление полного контроля над всеми ленинскими документами. С этой целью решением Политбюро ЦК был создан Институт В.И. Ленина, формальным руководителем которого стал Л.Б. Каменев, а реальным — личный помощник И.В. Сталина И.Ф. Товстуха, непосредственно возглавивший его архивный отдел.

Затем «триумvirат» приступил к чистке военного ведомства и уже в феврале 1924 г. произвел важнейшие кадровые назначения, которые существенно подорвали позиции Л.Д. Троцкого во всей властной вертикали: 1) вместо его давнего соратника Э.М. Склянского первым заместителем наркома и председателя РВСР был назначен М.В. Фрунзе; 2) новым командующим ключевым Московским военным округом вместо видного троцкиста Н.И. Муралова стал верный сталинец К.Е. Ворошилов; 3) руководство Главным Политическим Управлением РККА, которое возглавлял еще один видный троцкист В.А. Антонов-Овсеенко, было возложено на главу Отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б) А.С. Бубнова.

Сконцентрировав к весне 1924 г. огромное влияние на весь партийно-государственный аппарат, «триумvirат» приступил к подготовке XIII съезда РКП(б). Результаты этой «ювелирной» работы превзошли все ожидания: ни один член троцкистской оппозиции не был избран делегатом съезда, а все ее признанные лидеры — Л.Д. Троцкий, Х.Г. Раковский, К.Б. Радек и Г.Л. Пятаков приняли участие в работе съезда только с совещательным голосом, будучи членами ЦК. На открывшемся в мае 1924 г. XIII съезде РКП(б) оппозиция предполагала использовать ленинское «Письмо к съезду» и тем самым нанести сокрушительный удар по «триумvirату» и, наконец, снять И.В. Сталина с поста Генерального секретаря ЦК. Однако из этой затеи ничего путного не получилось, поскольку предвидя подобное развитие событий, Политбюро и Пленум ЦК приняли решение не оглашать это «Письмо» на пленарном заседании съезда, а зачитать его по партийным делегациям, что сразу свело на нет все надежды оппозиции на свою победу. Более того, на организационном Пленуме ЦК: 1) в его состав вошли только три троцкиста — сам Л.Д. Троцкий, Х.Г. Раковский и Г.Л. Пятаков, 2) а весь Секретариат ЦК был впервые сформирован из числа прямых сталинских выдвиженцев — В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и А.А. Андреева.

По утверждению ряда современных авторов либерального толка (Д. Волгогонов, В. Роговин, В. Надточеев), вскоре после съезда внутри ЦК была создана хорошо законспирированная фракция, которая получила свое окончательное оформление в августе 1924 г. на очередном Пленуме ЦК. В состав этой фракции вошли двадцать самых влиятельных членов высшего партийного ареопага — Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский, М.И. Калинин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, Я.Э. Рудзутак, Г.К. Орджоникидзе, Г.И. Петровский, Ф.Э. Дзержинский, М.В. Фрунзе, В.В. Куйбышев, С.М. Киров, А.А. Андреев, Л.М. Каганович и Н.А. Угланов, которые объявили себя руководящим партийным ядром и выбрали «семерку» в составе шести членов Политбюро — И.В. Сталина, Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева, А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина и М.П. Томского и председателя ЦКК В.В. Куйбышева.

Деятельность этого руководящего ядра регламентировалась собственным уставом, в соответствии с которым все его заседания проходили накануне созыва официального Пленума ЦК, где выработывалась единая стратегия и тактика действий, направленная против Л.Д. Троцкого и его сторонников в руководящих партийных органах. Тот же принцип был положен и в организацию работы «семерки», заседания которой всегда проходили еженедельно накануне официального заседания Политбюро. При этом особым постановлением «семерка» приняла решение не полемизировать между собой на официальных заседаниях Политбюро и выносить на его обсуждение только заранее согласованные проекты решений и постановлений.

В октябре 1924 г. в свет вышла новая работа Л.Д. Троцкого «Уроки Октября», которая положила начало очередной внутривнутрипартийной дискуссии. Новый фолиант оракула революции был посвящен осмыслению уроков неудавшейся пролетарской революции в Германии в октябре 1923 г. Однако действительное содержание этой работы далеко выходило за рамки объявленной темы, поскольку автор проводил прямую параллель с Октябрьским переворотом 1917 г. и поведением Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева в те решающие дни прихода большевиков к власти.

С выходом этой работы началась так называемая «литературная дискуссия с троцкизмом», участие в которой приняли все руководители партии и государства, в том числе Н.И. Бухарин, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев и И.В. Сталин. Чуть позже, в январе 1925 г., их статьи «Как не нужно писать историю Октября», «Ленинизм или троцкизм», «Большевизм или троцкизм» и «Троцкизм или ленинизм», а также работы В.М. Молотова, Г.Я. Сокольников и Ф.Э. Дзержинского были собраны и опубликованы в сборнике с характерным названием «За ленинизм».

По мнению ряда современных авторов, прежде всего, откровенных апологетов троцкизма (В. Роговин, Д. Волгогонов), именно с выходом этого сборника статей началась разнузданная клевета на Л.Д. Троцкого, в ходе которой был сделан особый акцент на дореволюционных разногласиях В.И. Ленина с Л.Д. Троцким, и создан миф о «троцкизме», как одной из разновидностей меньшевизма. Хотя, большинство авторов (Н. Васецкий, В. Сахаров, Ю. Жуков, Ю. Емельянов) совершенно справедливо указывают на существенные отличия ленинской и троцкистской концепций строительства социализма в СССР, поэтому считают, что сам термин «троцкизм» вполне оправдан и правомерен.

В ноябре 1924 г. Л.Д. Троцкий написал новую статью «Наши разногласия», в которой неуклюже попытался опровергнуть все «подлоги и фальсификации», подло

пущенные в ход его политическими оппонентами. Однако впервые эта статья не была опубликована в центральной партийной печати, что все партийцы справедливо расценили как закат политической карьеры неугомонного оракула революции. В январе 1925 г. на очередном Пленуме ЦК он лишился ключевых постов в советской номенклатурной иерархии — народного комиссара по военным и морским делам и председателя РВС СССР. Л.Б. Каменев предложил назначить на эти ключевые посты И.В. Сталина, однако генсек, верно оценив хитроумные маневры своих «заклятых союзников», умело уклонился от этого «лестного» предложения. Новым главой военного ведомства и председателем РВСР стал М.В. Фрунзе, а его первым заместителем был назначен ближайший соратник генсека К.Е. Ворошилов, который сохранил за собой и ключевую должность командующего Московским Военным округом.

3. Образование «новой оппозиции» и ее разгром (1925 г.)

Между тем, по мнению ряда современных авторов (В. Роговин, Ю. Жуков), из-за острейшей борьбы за власть было упущено драгоценное время для решения самых острых проблем НЭПа, в частности корректировки отраслевого дисбаланса цен, усиления плановых начал и проблемы темпов индустриального развития страны. В результате уже в апреле 1925 г. в руководстве партии началась новая дискуссия, которая привела к распаду правящей «семерки» и резкому обострению борьбы за власть. В центре новой партийной дискуссии оказались две принципиально важных проблемы:

1) **Вопрос о возможности построения социализма «в одной, отдельной взятой стране».** Вплоть до конца 1924 г. такой проблемы в повестке дня партийных баталий в принципе не существовало, поскольку никто из членов высшего партийно-государственного руководства страны не ставил под сомнение известный марксистский постулат о том, что только победа пролетарской революции «в мировом масштабе», то есть в самых передовых буржуазных государствах, является необходимым условием победы социализма в СССР. Однако уже в декабре 1924 г. И.В. Сталин в своей работ «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» впервые поставил под сомнение саму правоту данного марксистского постулата и заявил, что в условиях резкого спада революционного движения в Европе, существуют реальные предпосылки и объективные возможности построения социализма в СССР без победы пролетарской революции в Европе. Данный вывод генсека, ставший, по мнению ряда советологов (Э. Карр, И. Дойчер, Р. Пайпс), причудливым синтезом марксизма и национальной идеи, не только был поддержан признанным партийным теоретиком Н.И. Бухариным в его знаменитой статье «О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР», но и закреплен в решениях XIV партийной конференции РКП(б), которая состоялась в апреле 1925 г.

При этом тезис о строительстве социализма в СССР теоретически была расчленена на две составляющих: а) полную победу социализма в СССР, когда будет ликвидирована любая угроза реставрации капитализма внутри страны, и б) окончательную победу социализма в СССР, когда будет ликвидирована любая возможность реставрации капитализма извне.

2) **Вопрос о развитии аграрного сектора страны на нэповских началах.** В апреле 1925 г. состоялся **Пленум ЦК**, в центре внимания которого оказалась проблема дальнейшего углубления нэповских начал в сельском хозяйстве, где, по мнению **Н.И. Бухарина**, этих отношений фактически не существовало. С основным докладом «О кооперации» на этом **Пленуме ЦК** выступил председатель **СНК СССР А.И. Рыков**, который предложил целый ряд кардинальных мер, позволивших существенно поднять производительность труда в сельском хозяйстве и дать необходимые ресурсы для общего подъема экономики страны. В частности, он заявил о необходимости: **1)** на **40 %** снизить общую сумму сельхозналога для всех крестьянских хозяйств; **2)** создать систему льготного кредитования крестьянских хозяйств со стороны государства и **3)** распространить на аграрный сектор экономики право аренды земли и найма рабочей силы.

Основные положения этого доклада были решительно поддержаны **Н.И. Бухариным**, который в своем содокладе «О новой экономической политике и наших задачах» прямо заявил о необходимости всестороннего развития различных форм производственной, закупочной, сбытовой, снабженческой, кредитной и иных форм кооперации в сельском хозяйстве. При этом главный теоретик партии, в ответ на заявление **Ю.З. Ларина** о необходимости скорейшего создания крупных коллективных хозяйств социалистического типа, бросил многозначительную реплику, что колхозы с максимальной степенью обобществления средств и орудий производства «не являются столбовой дорогой к социализму».

Таким образом, к **середине 1925 г.** в высших эшелонах власти четко обозначилась влиятельная группа членов **Политбюро ЦК** — **И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский, В.М. Молотов и Ф.Э. Дзержинский**, которая взяла курс на дальнейшее развитие **ленинской концепции НЭПа** и создание строя **цивилизованных кооператоров** в стране. Более того, по мнению ряда историков (**В. Кабанов**), этой группировкой была поддержана и другая важнейшая тенденции аграрной эволюции страны, получившей свое развитие в царской России, — **создание крепких хуторских хозяйств.**

Однако следует признать, что всю погоду в советской деревне определяли отнюдь не эти хуторские хозяйства, которых, по оценкам историков (**В. Данилов, Н. Ивницкий**), было всего **4 %** от общего числа крестьянских единоличных хозяйств. Реальную опору советской власти в деревне составляли **мелкотоварные единоличные хозяйства** середняцкого и полупролетарского типа. Причем, в тогдашней советской деревне мелкие единоличные крестьянские хозяйства либо существовали в прежнем автономном режиме, либо предпочитали объединяться в различные **типы кооперативных хозяйств** снабженческо-сбытового и закупочного типа. Высшая форма кооперации в виде производственных или коллективных хозяйств (**колхозов**) была практически не развита и объединяла менее **1 %** всех крестьянских, в основном, беднейших безлошадных хозяйств полупролетарского типа.

По мнению большинства историков (**В. Данилов, В. Гришаев, Д. Боффа**), в советской нэповской деревне реально существовали **три основных типа крестьянских коллективных хозяйств**, которые отличались разной степенью обобществления средств и орудий производства:

1) Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы). По уставу этих коллективных хозяйств все средства производства и орудия труда оставались в личной

собственности крестьян, а **обобществлению подлежали только полевые наделы земли**, которые совместно обрабатывались всеми членами товарищества.

2) Артели. В данном типе коллективного хозяйства **обобществлялась не только пахотная земля, но и орудия производства.** В личной собственности колхозников оставались только усадьба, приусадебный участок, крупный и мелкий рогатый скот и домашняя птица.

3) Коммуны. Этот тип коллективного хозяйства **отличался тотальным обобществлением всех средств и орудий производства, усадеб коммунаров, их приусадебных участков, крупного и мелкого рогатого скота и даже домашней птицы.**

Подобного рода коллективные хозяйства в советской деревни не играли существенной роли в общественном разделении труда. Но именно эти хозяйства коммунаров и колхозников были теми островками социалистического производства в безбрежном море мелкобуржуазных крестьянских хозяйств, которые со временем должны были стать основой крупного аграрного производства в стране. Однако ни **Н.И. Бухарин**, ни другие представители высшего партийно-государственного руководства страны тогда **не поддержали саму идею создания таких коллективных хозяйств, выступив за всемерное развитие иных форм сельской кооперации.**

Между тем следует иметь в виду, что и сам **Н.И. Бухарин**, написавший к Пленуму ЦК очередной «теоретический шедевр» **«Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз»**, и его тогдашние коллеги по Политбюро черпали свои аграрные идеи не только из последних ленинских работ, но и других научных трудов. Причем, особой популярностью у их пользовались работы многих представителей «производственного направления» русской экономической мысли, в частности **А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Н.П. Макарова, Н.П. Огановского и А.Н. Челинцева.** Однако, как абсолютно верно подметили специалисты (**В. Кабанов, Э. Шагин**), принципиальная разница между взглядами экономистов и вождей большевиков состояла в том, что если для первых рыночная экономика была естественным условием развитием народного хозяйства страны, то для вторых она представляла лишь «временный допуск» буржуазных элементов в экономику страны, необходимый для строительства основ социализма в СССР. Неслучайно в одной из последних своих теоретических работ **«Проблемы теории и практики социализма» (1927)** «крупнейший теоретик партии», опираясь на известный постулат «гегелевской диалектики», писал, что конечной целью НЭПа является его полное отрицание, то есть «преодоление рыночных отношений на почве самих рыночных отношений». Поэтому утверждения многочисленных бухаринских апологетов эпохи «горбачевской перестройки» (**С. Коэн, Е. Горелов, В. Данилов**), что его модель экономического развития страны кардинально отличалась от сталинской модели, не выдерживает никакой серьезной критики.

В **октябре 1925 г.** в стране разразился новый экономический кризис, связанный с отказом значительной части советского крестьянства сдавать хлебные излишки государству по твердым закупочным ценам. В результате этого под угрозу выполнения был поставлен весь **государственный план хлебозаготовок**, который грозил обернуться полным срывом экспортно-импортных поставок, а значит привести к значительному сокращению планов капитального строительства и промышленного производства в стране.

На фоне этих событий произошел новый раскол внутри Политбюро, в результате которого Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев, а так же поддерживавшие их Г.Я. Сокольников (Бриллиант) и Н.К. Крупская, выступили с так называемой «Платформой четырех», основным содержанием которой стали: 1) полное неприятие сталинско-бухаринского тезиса о возможности строительства социализма «в одной, отдельно взятой стране»; 2) резкая критика решений апрельского Пленума ЦК и курса на повсеместное развитие различных форм кооперации и поддержку зажиточной части крестьянства и 3) традиционные претензии к руководящему дуумвирату И.В. Сталина-Н.И. Бухарина и всему аппарату ЦК РКП(б) по поводу полного отсутствия внутрипартийной демократии и свободы дискуссий.

Надо сказать, что первые признаки нового раскола обозначились еще весной 1925 г., когда возникла острая полемика между Н.К. Крупской и Н.И. Бухариным. В частности, в своем докладе «О новой экономической политике и наших задачах» Н.И. Бухарин абсолютно неожиданно заявил, что у В.И. Ленина якобы было целых два стратегических плана новой экономической политики. Первый план, разработанный им в 1921 г., предполагал преодолеть крайне опасную мелкобуржуазную стихию при помощи двух важнейших звеньев госкапитализма: иностранного капитала и развития различных форм кооперации. А второй стратегический план, разработанный им в 1923 г., провозглашал эпоху мирного вrastания капиталистических (кулацких) элементов в социализм. Однако это заявление Н.И. Бухарина было в резкой форме отвергнуто Н.К. Крупской, которая в своей статье «Было ли у Ильича два стратегических плана?» подчеркнула, что его статья «О кооперации» была направлена только на решение одной основной задачи: создания реального механизма перехода мелкого крестьянского товарного хозяйства на рельсы крупного аграрного производства. Естественно Н.И. Бухарин написал ответную статью, однако «ради интересов сохранения единства партии» Политбюро ЦК запретило публикацию этих дискуссионных статей. Теперь же разногласия внутри ЦК и Политбюро вылезли наружу.

Между тем, в ноябре 1925 г. во время проведения полостной операции по поводу многолетней язвы желудка неожиданно скончался кандидат в члены Политбюро ЦК, нарком по военным и морским делам и председатель РВСР М.В. Фрунзе. Практически сразу после этой трагедии была вполне сознательно запущена версия, что к его гибели был причастен И.В. Сталин, который таким образом освободил ключевой пост главы военного ведомства для личного друга и верного соратника К.Е. Ворошилова. Однако до сих пор эта версия, поддержанная «боевым отрядом» новых доморощенных троцкистов (В. Роговин, В. Тополянский, В. Сироткин), является откровенной «уткой», не подтвержденной никакими серьезными аргументами и фактами. Хотя, безусловно, выдвижение К.Е. Ворошилова на этот ключевой пост в советской государственной иерархии стало значительной аппаратной победой генсека в разгоравшейся борьбе за власть. Вместе с тем, следует заметить, что первым заместителем наркома и председателя РВСР был назначен командующий Сибирским Военным округом М.М. Лашевич, который являлся прямой креатурой Г.Е. Зиновьева.

В декабре 1925 г. состоялся XIV съезд РКП(б), на котором впервые с «Отчетным докладом ЦК» выступил не глава Коминтерна Г.Е. Зиновьев, а И.В. Сталин, что, безусловно, стало зримым свидетельством его возросшего авторитета и в цен-

тральном партийном аппарате, и во всей партии в целом. Основное место в своем докладе он посвятил детальному обоснованию той политической линии в отношении крестьянства, которая была одобрена в **апреле 1925 г.** на **XIV партийной конференции** и на **Пленуме ЦК**. Генсек не только повторил основные положения нового политического курса, но и прямо призвал партию **«сосредоточить весь огонь критики на уклоне»**, который огульно обвиняет правящий «дуумвират» в возрождении кулачества, ибо **«этот уклон ведет к разжиганию классово-борьбы в деревне»**, а значит, к возврату «комбедовской» политики и к угрозе возникновения новой **Гражданской войны** в стране. Аналогичные обвинения в адрес **«новой оппозиции»** прозвучали и в содокладе **Н.И. Бухарина**, который заявил, что ее лидеры полны решимости **покончить с НЭПом и вернуться к политике «военного коммунизма»**.

В прениях по докладу **И.В. Сталина** приняли участие все члены **оппозиционной «четверки»**, которые в своих эмоциональных выступлениях особое место уделили двум аспектам:

1) Резкой критике нового курса в экономической политике, направленного на возрождение в деревне буржуазных отношений, выгодных исключительно мироеду-кулаку, способному в ближайшей перспективе сделать пролетарское государство заложником своих узкоклассовых интересов. (Теоретической основой данных обвинений стал очередной зиновьевский опус **«Ленинизм»**, вышедший в **июле 1925 г.**, в котором лидер «новой оппозиции», ссылаясь на **В.И. Ленина**, назвал деревенского мироеда-кулака самым зверским и диким эксплуататором и яростным врагом советской власти).

2) Традиционной проблеме восстановления внутрипартийной демократии, которая, по мнению лидеров «новой оппозиции», может быть решена только путем: **а) реформирования Секретариата ЦК**, который подмял под себя все остальные центральные органы партии, в том числе **Политбюро и Оргбюро ЦК**; **б) и выполнения ленинского указания о смещении И.В. Сталина с поста генсека**, который, по мнению **Л.Б. Каменева** и **Г.Я. Сокольников**, «не способен дальше выполнять роль объединителя большевистского штаба партии».

Надо сказать, что в советской историографии (**Е. Козочкина**) **XIV съезд РКП(б)** традиционно называли **«съездом индустриализации»**, что не вполне отвечало историческим реалиям. Действительно в одном из пунктов заключительной съездовской резолюции была поставлена задача **«превратить СССР из страны ввозящей машины и оборудование в страну, производящую их»**. Однако никаких конкретных планов индустриального развития страны на этом съезде еще не обсуждалось. Более того, вовлеченные в жесткую полемику между правящим «дуумвиратом» и лидерами «новой оппозиции», делегаты партийного съезда так и не смогли серьезно обсудить коренные проблемы социально-экономического развития страны на ближайшую и среднесрочную историческую перспективу.

Кстати, именно на этом съезде, после «вхождения» в состав СССР трех новых субъектов союзной федерации — **Киргизской, Туркменской и Узбекской ССР**, возникших в результате т.н. «национально-территориального размежевания» в **Среднеазиатском регионе**, проведенного в **1924–1925 гг.**, и формирования на базе прежних обкомов новых республиканских компартий, **Российская Коммунистическая партия большевиков — РКП(б)** была преобразована во **Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков — ВКП(б)**. Причем, что примечательно,

во всех союзных республиках местные компартии были сохранены, и только в РСФСР роль республиканской компартии продолжала исполнять «нерасчлененная» ВКП(б).

В январе 1926 г. состоялся организационный Пленум вновь избранного ЦК, на котором в состав Политбюро, помимо его старожиллов — И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского, вошли новые полноправные члены — В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов и М.И. Калинин, которые являлись прямыми креатурами генсека. При этом Л.Б. Каменев, являвшийся старейшим членом Политбюро, был понижен до ранга кандидата в члены этого высшего партийного органа.

Получив устойчивое большинство в Политбюро, И.В. Сталин инициировал отставку идейных вдохновителей «новой оппозиции» с занимаемых ими ключевых постов в партийном и государственном аппарате. В январе — феврале 1926 г. Г.Е. Зиновьев был освобожден с поста председателя Исполкома Коминтерна, Л.Б. Каменев вынужден был оставить свои посты председателя Моссовета, заместителя председателя СНК и председателя СТО, Г.Я. Сокольников был отставлен от должности наркома финансов, а Г.Е. Евдокимова сняли с поста первого секретаря Ленинградского горкома и губкома партии и перевели в Москву на должность рядового секретаря ЦК ВКП(б), а буквально через три месяца отправили в отставку.

Новым главой Исполкома Коминтерна был утвержден Н.И. Бухарин, Ленинградскую партийную организацию возглавил С.М. Киров (Костриков), заместителем председателя СНК СССР стал В.В. Куйбышев, а СТО СССР возглавил председатель СНК СССР А.И. Рыков.

4. Образование «объединенной оппозиции» и ее разгром (1926–1927 гг.)

Та быстрота, с которой И.В. Сталин расправился со своими политическими оппонентами, заставила лидеров «новой оппозиции» пойти на политический союз с Л.Д. Троцким. По мнению ряда авторов, главным образом апологетов троцкизма (И. Дойчер, А. Панцов, В. Роговин), к политическому блоку с «новой оппозицией» оракул революции пришел путем долгих и напряженных раздумий, что со всей очевидностью следует из анализа его работ «Блок с Зиновьевым», «Анализ лозунгов и разногласий», «О ленинградской оппозиции» и других. По мнению этих ученых, Л.Д. Троцкий прекрасно отдавал себе отчет, что и Л.Б. Каменев, и Г.Е. Зиновьев были такими же аппаратчиками, как и И.В. Сталин, и их борьба с генсеком представляла собой своеобразную аппаратную фронду ленинградской парторганизации столичному ЦК. Вместе с тем, в коренных вопросах экономической политики позиции лидеров «новой оппозиции» и Л.Д. Троцкого практически полностью совпадали, и именно это обстоятельство явилось решающим фактором их объединения на общей платформе против сталинского ЦК. Первые признаки возникновения такого союза обозначились в апреле 1926 г. на очередном Пленуме ЦК, где вполне отчетливо проявились резкие противоречия между правящим «дуумвиратом» и так называемой «объединенной оппозицией» в лице Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева. Суть основных разногласий, проявившихся на этом Пленуме ЦК, состояла в следующем:

1) **И.В. Сталин, А.И. Рыков и Н.И. Бухарин** были твердо убеждены, что в настоящее время **основной задачей** партии является повсеместное развитие сельского хозяйства, что не только позволит привлечь многомиллионное советское крестьянство к строительству основ социализма в СССР, но и даст реальную возможность за счет резкого увеличения экспорта зерна существенно повысить импорт зарубежных станков и технологий для индустриального развития страны. Причем, все члены этой группировки особо подчеркивали и тот факт, что в современных условиях индустриальное развитие страны будет проходить **на собственной технической базе и «предельно низкими темпами»**, что является необходимым условием победы социализма в СССР.

2) **Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев и Г.Л. Пятаков**, напротив, были уверены в том, что только **ускоренные темпы индустриального развития** позволят решить самые насущные проблемы социально-экономического развития страны, в том числе острейшие проблемы советского села. Кроме того, **Л.Д. Троцкий** вновь заявил о необходимости существенно повысить роль **Госплана СССР** в экономической жизни страны и перейти от традиционного **текущего (годового)** к **долгосрочному (перспективному)** планированию основных показателей промышленного производства, капитального строительства, внутренней и внешней торговли и т.д.

В связи с последним обстоятельством, возникает вполне законный вопрос: каковы же были истинные планы «троцкистско-зиновьевской оппозиции» в отношении новой экономической политики:

1) Одни авторы (**А. Панцов, В. Роговин, М. Горинов, В. Данилов, Г. Бордюгов, В. Козлов**) ничтоже сумняшеся утверждают, что все лидеры «объединенной оппозиции» якобы по-прежнему являлись самыми убежденными сторонниками **НЭПа** и даже в страшном сне не допускали ревизии его ленинской модели, созданной вождем в последние годы его жизни. Вместе с тем, и **Л.Д. Троцкий, и Л.Б. Каменев, и Г.Е. Зиновьев** категорически отвергали «**бухаринскую модель**» новой экономической политики, которая стала проводиться партией с **апреля 1925 г.**, и выступали за значительное усиление плановых начал в хозяйственном строительстве, умеренные темпы индустриального развития и проведение более жесткой налоговой политики в отношении всех эксплуататорских классов, прежде всего, **нэпманов и кулаков.**

2) Вторая группа историков (**А. Соколов, Н. Симонов**) убежденно говорит о том, что все лидеры «объединенной оппозиции» никогда не проявляли себя ни особо яркими приверженцами **НЭПа**, ни верными оруженосцами политики «**военного коммунизма**», придерживаясь в основных экономических вопросах **более прагматичных, нежели чисто доктринерских воззрений.**

3) Третья группа авторов (**Н. Васецкий, Ю. Голанд, Ю. Емельянов, В. Сироткин, Ю. Жуков**) абсолютно уверена в том, что предложения и взгляды лидеров «объединенной оппозиции» однозначно говорили об их **искреннем стремлении поскорее уничтожить НЭП**, идеология и практика которого полностью противоречили их экономической доктрине и общим взглядам на проблемы развития мировой пролетарской революции и строительства основ социализма в СССР. По мнению этих ученых, одним из ярких доказательств этого тезиса является речь **Л.Д. Троцкого** на **XII съезде РКП(б)**, в которой он открыто призывал его делегатов «**как можно быстрее заменить новую экономическую политику на новейшую**», разумея под этим призывом «**известное сокращение НЭПа**» и «**большой нажим на него**». Более того,

сторонник этой версии профессор Д.А. Волкогонов, автор нашумевшей, но открытой слабой монографии «Троцкий: политический портрет» (1992), был убежден, что «оракул и кочевник революции» искренне желал вернуться к «ленинской модели военного коммунизма», пропитанной революционной героикой, большевистским энтузиазмом и идеалами внутрипартийной демократии.

Окончательным признаком создания «объединенной оппозиции» стало «Заявление 13-ти», прозвучавшее на июльском Пленуме ЦК и ЦКК, которое подписали Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Н.К. Крупская, Г.Я. Сокольников, Г.Л. Пятаков, И.И. Смилга, Г.Е. Евдокимов, М.М. Лашевич, Н.И. Муралов и другие члены ЦК. В этом «Заявлении» члены оппозиции «запустили старую пластинку» и вновь потребовали: 1) опубликовать ленинское «Письмо к съезду» и выполнить его последнюю волю о смещении И.В. Сталина с поста Генерального секретаря ЦК ВКП(б); и 2) исполнить ту часть ленинского завещания, где речь шла о коренной реформе ЦКК и придании этому партийному органу независимого от Политбюро и ЦК ВКП(б) реального политического статуса.

Однако в ходе ожесточенной дискуссии, прямой жертвой которой стал председатель ВСНХ и ОГПУ СССР Ф.Э. Дзержинский, скоропостижно скончавшийся после одного из самых бурных заседаний Пленума ЦК, все требования «объединенной оппозиции» были решительно отвергнуты большинством членов ЦК. Более того, Г.Е. Зиновьев, которого обвинили в создании внутрипартийной фракции, был выведен из состава Политбюро, а М.М. Лашевич лишился членства в ЦК. Одновременно полноправным членом Политбюро стал Я.Э. Рудзутак, а кандидатами в члены Политбюро — пять активных сторонников генсека — А.А. Андреев, Л.М. Каганович, С.М. Киров, А.И. Микоян и Г.К. Орджоникидзе. Вскоре правящий «дуумвират» продолжил свое наступление на оппозицию, которое успешно завершилось в октябре 1926 г. на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК, где Л.Д. Троцкий и Л.Б. Каменев были выведены из состава Политбюро ЦК.

По мнению ряда современных авторов (В. Лельчук, Р. Дэвис, Л. Рогачевская, В. Катасонов), к моменту создания «объединенной оппозиции» было практически полностью завершено восстановление народного хозяйства страны, и по показателям промышленного производства она вышла на довоенный уровень. Более того, профессор В.Ю. Катасонов в своей последней работе «Экономика Сталина» (2014) высказал предположение, что именно в 1926 г., а не с началом Первой пятилетки (1928–1932), началась фактическая индустриализация страны. Однако их оппоненты (М. Левин, Г. Ханин, В. Роговин, М. Горинов, Ю. Жуков) утверждают, что в сопоставлении с мировыми тенденциями и по уровню национального дохода, и по объемам промышленного производства СССР так и не смог выйти на довоенный уровень даже в конце 1928 г. Более того, в условиях низких темпов промышленного производства и опережающего роста платежеспособного спроса населения страны «кризис сбыта» промышленных товаров, характерный для 1923–1924 гг., неожиданно сменился «товарным голодом» на продукцию машиностроения и металлургии.

Вместе с тем, через систему льготного кредитования и снижение налогообложения крестьянских хозяйств, правительство добилось существенного роста валового производства зерна и другой сельхозпродукции в большинстве регионов страны. Однако даже при этих показателях уровень товарности крестьянских хозяйств оставался крайне низким и составлял всего 35% от довоенного уровня. Иными

словами, основная масса зерна шла все же не на рынок, а на внутреннее потребление. Кроме того, оказавшись заложником корпоративных интересов кулацких хозяйств, на долю которых приходилось почти **60 % товарного зерна**, правительство с треском провалило заготовительную компанию, недополучив в государственный резервный фонд более **150 млн пудов зерна**.

Зимой 1927 г. лидеры «объединенной оппозиции», оказавшиеся перед угрозой полного разгрома, решили идти ва-банк. После продолжительных переговоров между Л.Д. Троцким, Л.Б. Каменевым и Г.Е. Зиновьевым, в мае 1927 г. на свет появляется новое их детище — «Заявление 83-х», в котором содержался традиционный набор обвинений и требований в адрес Политбюро ЦК и лично И.В. Сталина, в том числе о проведении широкой внутрипартийной дискуссии по всем ключевым проблемам развития страны.

В сентябре 1927 г. в период подготовки к очередному партийному форуму, из недр «объединенной оппозиции» выходит знаменитый «Проект платформы большевиков-ленинцев к XV съезду ВКП(б)», в котором была предложена альтернативная программа развития страны на ближайшую историческую перспективу. В частности, речь шла: 1) о кардинальной реформе всего партийного аппарата и его подчинении выборным партийным органам на всех уровнях власти; 2) о необходимости резкого ускорения темпов индустриального развития страны и изменении пагубной прокулацкой политики высшего партийного руководства в аграрно-крестьянском вопросе.

При этом надо подчеркнуть, что в данном программном документе значительное место уделялось не только **проблеме темпов** индустриального развития страны, но и проблеме поиска **источников накопления** для ускоренных темпов индустриализации.

Причем, заметим, что в основу своих предложений по проблеме внутренних инвестиций (источников накопления) для развития промышленного производства оппозиция положила теоретические воззрения одного из видных своих теоретиков-экономистов Е.А. Преображенского. Еще в 1923–1925 гг. в своих теоретических работах «Основной закон социалистического накопления» и «Новая экономика», детально исследуя проблемы первоначального накопления капитала, он обратил особое внимание на известное марксистское положение о том, что становление и развитие буржуазных отношений в передовых европейских государствах шло, как за счет эксплуатации их колониальных владений, так и путем эксплуатации докапиталистических форм производства внутри страны. Опираясь на данное теоретическое положение, Е.А. Преображенский вывел собственный закон социалистического накопления, суть которого состояла в том, что единственно возможным способом мощного индустриального развития СССР является эксплуатация **досоциалистических форм производства, прежде всего, патриархального сельского хозяйства**.

В свете подобного рода теоретических открытий, которые полностью разделяли многие зиновьевцы и троцкисты, оппозиция предложила: 1) значительно увеличить налогообложение всех середняцких и особенно кулацких крестьянских хозяйств; 2) оказать самую активную государственную поддержку коллективным крестьянским хозяйствам, членами которых в основном были сельские безлошадные бедняки.

Появление на свет очередного программного «шедевра» оппозиции совпало по времени с резким обострением международной обстановки и с новым кризисом заготовительной компании. В этой ситуации лидеры «объединенной оппозиции»

решили перейти в наступление и в конце октября 1927 г. на очередном Пленуме ЦК и ЦКК вынудили правящее большинство поставить в повестку дня обсуждение ленинского «Письма к съезду». И.В. Сталин дал согласие на обсуждение его персонального вопроса и даже подал прошение об отставке с поста генсека. Однако, как и следовало ожидать, эта отставка не была принята большинством членов ЦК, что предопределило полное поражение объединенной оппозиции в борьбе за власть.

В ноябре 1927 г. во время проведения торжественных мероприятий, посвященных первому юбилею Октября, лидеры «объединенной оппозиции» попытались втянуть во внутривнутрипартийную борьбу широкие партийные массы. Однако эта политическая провокация не увенчалась успехом и обернулась для Г.Е. Зиновьева и Л.Д. Троцкого исключением из партии и бесславным закатом их политической карьеры. Окончательный разгром «троцкистско-зиновьевской» оппозиции произошел в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б), где по итогам работы «Комиссии Г.К. Орджоникидзе» из рядов партии были исключены девяносто восемь наиболее активных ее членов, в том числе Л.Б. Каменев, Г.Л. Пятаков, В.А. Антонов-Овсеенко, К.Б. Радек и Х.Г. Раковский.

Надо сказать, что в советской историографии (Ф. Ваганов) XV съезд ВКП(б) традиционно называли «съездом коллективизации», что абсолютно противоречило реальному положению вещей, поскольку проблема создания крупных коллективных хозяйств на селе обсуждалась только в самом общем виде и в заключительной резолюции съезда эта задача была упомянута в ряду остальных экономических задач. Вместе с тем, по мнению ряда ученых (Г. Бордюгов, В. Козлов), на этом партийном форуме была достаточно четко обозначена программа постепенной трансформации НЭПа для целей социалистической реконструкции промышленного и аграрного производства в стране.

И все же основным содержанием съездовской дискуссии по-прежнему было противостояние двух группировок в руководстве партии и разное видение ими приоритетов экономического развития страны. Организационный Пленум ЦК, прошедший по окончании работы съезда, избрал новый состав Политбюро ЦК в составе девяти членов: И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, В.В. Куйбышев и Я.Э. Рудзутак, и восьми кандидатов в члены — А.А. Андреев, С.М. Киров, Л.М. Каганович, С.В. Косиор, А.И. Микоян, Г.И. Петровский, Н.А. Угланов и В.Я. Чубарь.

Тема: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В 1920-Х ГГ.

План:

1. Предварительные замечания.
2. Версальско-Вашингтонская система международных отношений.
3. Дипломатическое признание Советского государства и международная ситуация в 1921–1929 гг.
4. Рождение и деятельность Коминтерна в 1919–1929 гг.

1. Предварительные замечания

В советской историографии (А. Чубарьян, К. Гусев, С. Блинов, М. Труш, В. Попов) традиционно утверждалось, что Советское государство с самого момента своего возникновения всегда проводило миролюбивую внешнюю политику, основанную на принципах мирного существования государств с различным общественным строем. Однако уже в годы «горбачевской перестройки» этот хорошо известный постулат был подвергнут острой критике в работах многих «прорабов перестройки» (П. Волобуев, А. Бовин, В. Сироткин, В. Журавлев), которых плотно опекал ее главный «архитектор», секретарь ЦК господин А.Н. Яковлев.

Действительно этот постулат советской историографии был далек от истины, поскольку вплоть до середины 1920—х гг. все высшее политическое руководство страны, в том числе В.И. Ленин и И.В. Сталин, продолжало истово верить в идеалы мировой пролетарской революции. Вместе с тем, как верно указали современные историки (Ю. Жуков, Л. Нежинский, В. Шишкин), в целом внешняя политика Советского государства, сохранив преемственность с имперской политикой царской России в реализации главных геополитических задач, отличалась от нее новым характером и методами проведения. Ей была присуща предельная идеологизация внешнеполитического курса, основанная на двух основных принципах, сформулированных В.И. Лениным в трех его докладах «Война и революция», «Доклад о мире» и «О задачах власти Советов», произнесенных им еще в июле — октябре 1917 г.: 1) принципе пролетарского интернационализма и 2) принципе мирного сосуществования Советского государства с мировой капиталистической системой.

Ввиду данных обстоятельств внешняя политика Советского государства практически всегда носила дуалистический и крайне противоречивый характер, поскольку: 1) с одной стороны, советский дипломатический корпус вынужден был принять общие «правила игры», существовавшие во всем «цивилизованном» мире; а 2) с другой стороны, политическое руководство страны вынуждено было постоянно уделять особое внимание проблемам Коминтерна, что вступало в прямое противоречие с ленинско-сталинской доктриной мирного сосуществования держав с различным общественным строем.

Между тем, по мнению ряда историков (Ю. Жуков, В. Шишкин), этот дуализм советской внешнеполитической доктрины, столь характерный для всех 1920-х гг., уже частично трансформировался в начале 1930-х гг., когда оказавшись перед реальной угрозой возникновения новой мировой войны, высшее политическое руководство СССР отдало явное предпочтение традиционной дипломатии в ущерб коминтерновскому курсу на разжигание пожара мировой пролетарской революции и отошло от традиционного революционного «западничества» в сторону так называемого «национал-большевизма».

2. Версальско-Вашингтонская система международных отношений

11 ноября 1918 г. подписанием акта о капитуляции вооруженных сил Четвертного союза завершилась Первая Мировая война, положившая начало новому политическому переделу мира, который де-юре был закреплен на Парижской мирной конференции, проходившей в январе — июне 1919 г.

На этой конференции, в работе которой приняли участие представители **27 государств мира**, тон задавала так называемая «**большая тройка**», которая была представлена премьер-министром **Франции Ж. Клемансо**, ставшим председателем этой конференции, премьер-министр **Великобритании Д. Ллойд Джорджем** и президент **США В. Вильсоном**. При этом ни представители стран **Четвертного союза** (Германия, Австрия, Венгрия, Болгария, Турция), ни **Советской России** на конференцию приглашены не были.

После подписания **Версальского мирного договора** с Германией (июнь 1919 г.), аналогичные договоры страны **Антанты** подписали с остальными членами этого военно-политического блока: **Сен-Жерменский мирный договор с Австрией** (сентябрь 1919 г.), **Трианонский мирный договор с Венгрией** (ноябрь 1919 г.), **Нейский мирный договор с Болгарией** (ноябрь 1919 г.) и **Севрский мирный договор с Турцией** (июнь 1923 г.). В результате подписания этих межправительственных актов в послевоенной Европе сложилась **Версальская система международных отношений**, просуществовавшая вплоть до официального начала **Второй Мировой войны** в сентябре 1939 г. В соответствии с подписанными договорами:

1) Бывшая **Германская империя** возвращала Дании и Франции те их территории, которые были отторгнуты от них в ходе **Датской (1864) и Франко-Прусской (1870–1871) войн**, то есть **Шлезвиг, Голштейн, Эльзас и Лотарингию**;

2) Бывшая **Рейнская область** и **Рурский металлургический бассейн**, являвшийся индустриальным сердцем Германии, переходили под совместное управление англо-французской военной администрации, а **Саарский угольный бассейн**, отходивший к Франции, на пятнадцать лет переходил под управление **Лиги Наций**;

3) Германия брала на себя обязательства распустить свой **Генеральный штаб**, отменить всеобщую воинскую повинность и ограничить численность своих вооруженных сил до **100 тысяч штыков**.

4) Германия лишалась всех своих колониальных владений в Африке и Азии, которые переходили в управление стран **Антанты**.

5) Из этнических польских земель, входивших в состав Российской, Германской и Австро-Венгерской империй, было воссоздано суверенное **Польское государство**, которому Германия так же передавала часть немецких этнических земель — **Верхнюю Силезию и Восточную Померанию**.

6) На территории **Моравии, Богемии, Словакии и Судетской области**, входивших в состав Германской и Австро-Венгерской империй, было создано суверенное **Чехословацкое государство**;

7) На территории бывшей **Австро-Венгерской империи** было создано несколько суверенных государственных образований — **Австрия, Венгрия и Югославия**.

8) Бывшие провинции Османской империи — **Сирия, Ливан, Палестина, Египет, Аравийский полуостров и Месопотамия** формально получили независимость, и перешли под контроль **Франции и Англии**.

Одним из важнейших результатов работы **Парижской мирной конференции** стало создание **Лиги Наций**, согласно уставу которой она должна была гарантировать мир и спокойствие всем народам мира и способствовать развитию их процветания и сотрудничества.

По мнению ряда современных авторов либерального толка (**К. Гаджиев**), создание **Лиги Наций** стало первым шагом по формированию международного правового

пространства и возникновения принципиально новой философии международных отношений. Именно она стала первой, постоянно действующей международной организацией, которая была призвана заниматься разрешением мировых экономических проблем, вопросов, связанных с разоружением и обеспечением коллективной безопасности в Европе и других регионах мира и т.д. Однако, по мнению их оппонентов (С. Кара-Мурза, Ю. Жуков, Н. Нарочницкая), подобная оценка Лиги Наций, безусловно, грешит явным преувеличением и о формировании новой философии международных отношений вряд ли можно серьезно говорить в принципе.

Первоначально статут Лиги Наций подписали **44 государства мира**, среди которых доминировали европейские державы и английские доминионы. США, отказавшись ратифицировать **Версальский мирный договор**, первоначально не вошли в состав этой организации. Кроме того, вне рамок Лиги Наций оказались Германия и Советская Россия. Таким образом, по мнению историков (Р. Ляхова, Н. Клейменова, А. Сидоров), под эгидой Лиги Наций был оформлен тот новый миропорядок, который отвечал интересам, прежде всего, двух великих мировых держав — Англии и Франции. Именно в силу этого обстоятельства, Лига Наций оказалась бессильной в разрешении большинства международных конфликтов, которые, в конечном итоге, и привели к новой мировой войне.

Важнейшим доказательством несовершенства **Версальской системы международных отношений** стала фактически искусственная самоизоляция США, поскольку президенту **Вудро Вильсону**, который был одним из архитекторов этой системы, не удалось сломить сопротивление сторонников «**Доктрины Монро**» в Сенате США (март 1920 г.). В этих условиях правительства Англии, Франции и США попытались примирить свои позиции на **Вашингтонской конференции**, которая состоялась в **ноябре 1921 г. — феврале 1922 г.** В период работы этой конференции администрации **В. Вильсона** удалось добиться ряда уступок со стороны своих бывших союзников по Антанте. В частности: 1) был аннулирован **англо-японский договор 1902 г.** и заключен новый договор между Англией, Францией, Японией и США о **совместной защите островных владений в Тихом океане**; 2) было подписано соглашение «**Об ограничении морских вооружений военных флотов Англии, Франции, Японии и США**»; 3) был заключен многосторонний договор по китайскому вопросу, в соответствии с которым на территории Китая вводился принцип «**открытых дверей**».

Таким образом, созданная в **1919–1922 гг.** **Версальско-Вашингтонская система международных отношений**, зафиксировала соотношение сил между великими мировыми державами, сложившиеся в результате **Первой Мировой войны**. Как справедливо отмечают многие ученые (Н. Клейменова, А. Сидоров, В. Катасонов, Р. Ляхова), весь последующий ход мировых событий сразу продемонстрировал всю шаткость и непрочность, а главное, недолговечность новой системы международных отношений, закрепивший фактический **раскол мира на побежденных и победителей**. Кроме того, важнейшими элементами нестабильности нового миропорядка, особенно на территории Европейского континента, стали: 1) исключение из числа потенциальных партнеров двух ослабленных, но очень влиятельных европейских держав — Советской России и Веймарской Германии; 2) новая государственно-политическая карта Европы далеко не везде совпадала с этнической картой самого континента, в частности в так называемом «**германском вопросе**», поскольку де-юре произошел **раздел единой германской нации** между самой Германией, Францией,

Польшей и Чехословакией. Неслучайно еще на **Парижской мирной конференции** при подписании **Версальского договора** с Германией маршал **Ф. Фош** предельно откровенно заявил, что «сегодня мы подписали договор о перемирии на 20 лет». То есть, иными словами новая система международных отношений изначально запрограммировала новую кровавую бойню в мировом масштабе.

Между тем, уже в **январе 1922 г.** на **Каннской конференции** стран-участниц **Антанты** был принят план проведения крупного международного форума в итальянском городе **Генуя**, к участию в котором впервые приглашались Советская Россия и все державы бывшего **Четвертного союза** — Германия, Австрия, Венгрия, Болгария и Турция.

3. Дипломатическое признание Советского государства и международная ситуация в 1921–1929 гг.

Еще в годы **Гражданской войны** Советская Россия подписала несколько международных соглашений об установлении дипломатических отношений с рядом молодых европейских и азиатских государств, которые имели принципиально важное значение для большевиков. В числе «первых ласточек», признавших де-юре Советскую Россию, оказались бывшая британская колония **Афганистан** (**май 1919 г.**) и бывшие российские провинции, получившие от большевиков статус суверенных государств: **Эстония** (**февраль 1920 г.**), **Латвия** (**июнь 1920 г.**), **Литва** (**август 1920 г.**) и **Финляндия** (**октябрь 1920 г.**). Чуть позже советская дипломатия добилась новых ощутимых успехов на мировой арене, подписав договоры о добрососедстве и сотрудничестве с **Персией** (**февраль 1921 г.**), **Турцией** (**март 1921 г.**) и **Монголией** (**ноябрь 1921 г.**). Причем, ряд современных авторов (**О. Джагаева, Н. Шабельникова**) резонно полагают, что советско-монгольский договор де-факто означал установление советского протектората над Монголией и первый опыт «экспорта пролетарской революции» за пределы РСФСР, поскольку войска **5-й армии РККА** под командованием **И.П. Уборевича**, введенные на территорию Монголии, открыто поддержали «монгольскую революцию» и серьезно укрепили режим ее вождя **Сухэ-Батора**.

Между тем, как верно отметили многие историки (**Т. Коннор, Л. Нежинский, И. Хормач, Ю. Прокопов**), все же основной задачей советского дипломатического корпуса, который в **марте 1918 г.** возглавил новый нарком иностранных дел **Георгий Валентинович Чичерин**, стало разрушение «санитарного кордона», созданного в **1918 г.** по инициативе премьер-министра Франции **Жоржа Клемансо** и французского и английского военных министров маршала **Фердинанда Фоша** и **Уинстона Черчилля**, и восстановление дипломатических и торговых отношений с ведущими странами Западной Европы и США. Советское политическое руководство было абсолютно уверено в том, что задача быстрого восстановления единства мировой экономической системы, разрушенной в годы **Первой Мировой войны** и российской пролетарской революции, рано или поздно, заставит правительства ведущих капиталистических держав установить дипломатические отношения с Советской Россией и восстановить прежний уровень внешнеторгового сотрудничества с ней. Неслучайно уже в **январе 1920 г.** **Верховный Совет Антанты** принял резолюцию, которая разрешила осуществление внешнеторговых операций между РСФСР,

союзными и нейтральными державами, что де-факто означало снятие экономической блокады. А уже в **ноябре 1920 г.**, после принятия декрета СНК РСФСР «**Об общих экономических и юридических условиях концессий**», ряд американских бизнесменов (**А. Хаммер, В. Вандерлин**), выйдя на прямой контакт с руководством большевистской партии, в том числе с **В.И. Лениным** и **Л.Д. Троцким**, начали переговоры о создании совместных концессионных предприятий.

Первая брешь, положившая начало широкому дипломатическому признанию Советской России со стороны ведущих мировых держав, была пробита в **марте 1921 г.** подписанием в Лондоне **советско-английского торгового договора**, который означал фактическое признание Советской России со стороны самой мощной и влиятельной державы тогдашнего мира — **Британской империи**. Причем, надо заметить, что самим фактом подписания данного договора советская дипломатия была обязана премьер-министру **Дэвиду Ллойд Джорджу**, который в ходе острой борьбы с министром иностранных дел **Дж. Керзоном**, военным министром **У. Черчиллем** и министром финансов **Н. Чемберленом** сумел одержать вверх. Затем, в **мае 1921 г.** аналогичный **торговый договор** был заключен с **Веймарской Германией**, который так же означал фактическое дипломатическое признание Советской России со стороны этой поверженной, но все же очень влиятельной европейской державы. А вскоре подобного рода соглашения были подписаны с Австрией, Италией, Чехословакией, Норвегией и Данией.

После подписания этих договоров, в **октябре 1921 г.** нарком иностранных дел **Г.В. Чичерин** от имени советского правительства предложил правительствам всех мировых держав созвать международную конференцию для восстановления единства мировой экономической системы, решения всех взаимных претензий и подписания мирного договора между Советской Россией и странами Запада. Обсудив эту инициативу советской стороны, конференция **Верховного Совета Антанты** приняла это предложение и назначила дату проведения новой конференции в **Генуе**.

В **апреле — мае 1922 г.** состоялась знаменитая **Генуэзская международная конференция**, в работе которой приняли участие полномочные представители **29 мировых держав**, в том числе Великобритании (**Д. Ллойд Джордж, Дж. Керзон**), Франции (**Л. Барту, К. Баррер**), Италии (**Л. Факта**) и Германии (**В. Ратенау**). Советскую делегацию на этой конференции, в состав которой вошли **Л.Б. Красин, Х.Г. Раковский, В.В. Воровский, Л.М. Карахан, А.Г. Шляпников** и **М.М. Литвинов (Валах)**, должен был возглавить **В.И. Ленин**, однако по соображениям личной безопасности главы советского правительства, ее возглавил нарком иностранных дел **Г.В. Чичерин**.

В самом начале работы конференции **Г.В. Чичерин** выступил с докладом, в котором заявил, что в нынешних исторических условиях жизненно необходимо восстановить единство мировой экономической системы, основанной на принципах полного равноправия и признания Советской России всеми ведущими державами мира. Однако руководители всех европейских государств от имени главы британской делегации **Д. Ллойд Джорджа** предъявили советской стороне так называемый «**Лондонский меморандум экспертов**», который содержал целый перечень неприемлемых для нее условий. В частности, от советской стороны требовали: **1) признать внешний долг стран-кредиторов царского и Временного правительств** в сумме **18 млрд золотых рублей** и **2) выплатить огромную компенсационную неустойку** за все национализированные советским правительством промышленные предприятия

и банки с иностранным уставным капиталом. Кроме того, лидеры западных держав потребовали от руководства Советской России отменить монополию внешней торговли и предоставить западным банкам и корпорациям право свободного доступа на российский финансовый, сырьевой, аграрный и промышленный рынки.

Советская сторона согласилась признать и возместить европейским державам весь финансовый и материальный ущерб, понесенный ими в 1914—1920 гг., но при условии аналогичного признания и возмещения ущерба европейскими державами и США, который был нанесен ими Советской России в годы Гражданской войны и иностранной интервенции в сумме 39 млрд золотых рублей. Кроме того, глава советской делегации Г.В. Чичерин предложил лидерам западных держав принять советскую программу всеобщего сокращения вооружений и запрещения самых варварских методов ведения войны, а так же обеспечить равноправное и широкое экономическое сотрудничество Советской России с западными странами на основе долгосрочных и крупных финансовых кредитов.

Однако лидеры западных держав в резкой форме отклонили подобный подход к решению данной проблемы, и работа Генуэзской конференции фактически зашла в тупик. Хотя, еще накануне ее созыва внутри блока буржуазных государств четко обозначились две основные группировки: 1) англо-итальянская, которую представляли премьер-министры Д. Ллойд Джордж и Л. Факта, и 2) франко-бельгийско-японская, где первую скрипку играли два французских дипломата Л. Барту и К. Баррер, которых тайно, но очень активно поддерживал американский посол в Риме Р. Чайлд. Первая группировка при определенных уступках с советской стороны была готова пойти на компромисс с РСФСР путем частичного отказа от получения «царских долгов» и замены реституции созданием совместных концессий на советской территории, однако вторая группировка заняла непримиримую позицию и отказывалась обсуждать любые инициативы советской стороны без ее согласия на полную уплату «царских долгов» и компенсацию за национализированное имущество и банковские активы. В итоге работа Генуэзской конференции закончилась полным провалом, хотя сам факт участия советской делегации в работе конференции стал знаковым событием международных отношений той поры. Между тем, как совершенно справедливо заметили ряд современных авторов (В. Катасонов), сама Генуэзская конференция де-факто стала рубежным событием в процессе подготовки новой мировой войны, за которой стояли воротилы финансового бизнеса Европы и Америки, в том числе Б. Барух, Д. Морган, Э. Мелон, Д. Рокфеллер и другие.

Аналогичным итогом завершилась и работа Гаагской международной конференции, которую созвали в июне 1922 г. для решения того же комплекса международных и межгосударственных проблем. В работе новой конференции приняли участие представители тех же государств-участников, кроме Веймарской Германии. На сей раз советскую делегацию возглавил заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов, однако делегации многих буржуазных держав возглавили не дипломаты, а представители крупного бизнеса и деловых кругов. В частности, английский кабинет представляли министр по делам внешней торговли Ф. Ллойд-Грим и бывший директор правления Русско-Азиатского банка Л. Уркварт, французскую сторону — директор Бюро защиты частной собственности французских граждан в России Ш. Альфан и т.д. Представители западных держав вновь отказались обсуждать

любые вопросы о кредитах и восстановлении торговых отношений с РСФСР до решения проблемы «царских долгов» и возвращения всем владельцам национализированных предприятий и компаний их имущества и активов.

Вместе с тем, европейский вояж советской дипломатии был не бесполезен и, в конце концов, завершился крупной дипломатической победой, которая имела далеко идущие последствия. В апреле 1922 г. в небольшом местечке Рапалло, расположенном в предместье Генуи, германский министр иностранных дел Вальтер Ратенау и нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин подписали советско-германский договор, по условиям которого: 1) были установлены дипломатические и консульские отношения между двумя державами; 2) Германия признавала национализацию германской государственной и частной собственности в РСФСР и отказывалась от любых претензий при условии, что Совнарком РСФСР откажется удовлетворить аналогичных претензий других европейских государств; 3) было подписано новое взаимовыгодное торгово-экономическое соглашение, основанное на принципах полного равноправия и партнерства обеих сторон.

По мнению большинства историков (К. Гусев, В. Попов, К. Гаджиев, Л. Нежинский), подписание Рапалльского договора не только стало крупной победой молодой советской дипломатии, но и открыло широкую дорогу дипломатического признания СССР ведущими мировыми державами. Однако данная оценка грешит явным преувеличением, что зримо показала работа Лозаннской конференции (ноябрь 1922 — июль 1923 гг.), где обсуждались острые вопросы черноморских проливов и свободы торгового мореплавания. Проект советской делегации, основные положения которого были сформулированы В.И. Лениным, предусматривал восстановление «прав турецкого народа на принадлежащие ему территорию и водное пространство», закрытие черноморских проливов «для всех военных и вооруженных судов и военной авиации» и полную свободу торгового мореплавания.

Однако общая позиция государств Антанты предусматривала свободный проход через черноморские проливы всех военных судов и в мирное, и в военное время. Более того, глава английской делегации министр иностранных дел Дж. Керзон потребовал срочно провести демилитаризацию проливов и установить над ними международный контроль. В результате работа конференции полностью зашла в тупик, и в ее работе был объявлен перерыв. В апреле 1923 г. главы всех дипломатических миссий покинули Лозанну и вернулись за стол переговоров только через три недели. Однако на втором этапе конференции, главы дипломатических миссий западных держав встали на путь прямой дискриминации советской делегации: они не известили ее главу, постпреда В.В. Воровского, о возобновлении работы конференции, а когда он все-таки прибыл в Лозанну, его даже не пустили за стол переговоров.

Более того, в начале мая 1923 г. английский министр иностранных дел Дж. Керзон направил в адрес советского правительства наглый ультиматум, в котором потребовал: 1) уплатить британской короне компенсацию за арест и расстрел ряда членов антисоветской диверсионной группы П. Дюкса; 2) прекратить подрывную деятельность и антибританскую пропаганду в Индии, Персии и Афганистане и немедленно отозвать советских постпредов из Кабула и Тегерана; 3) освободить английские рыболовецкие траулеры, арестованные Москвой за незаконный лов рыбы в советских территориальных водах и т.д. В случае отказа советского пра-

вительства принять этот ультиматум, британский министр пригрозил разрывом всех отношений с СССР. Естественно «Ультиматум Дж. Керзона», немедленно опубликованный во всей международной прессе, резко обострил противостояние **Москвы** и **Лондона**, а в самой **Лозанне** на волне антисоветской истерии был убит постпред **В.В. Воровский**. Однако, через две недели, под влиянием внешних обстоятельств, в том числе мощного антивоенного движения в самой Британии, обе стороны пошли «на мировую» и исчерпали возникший инцидент, грозивший резким обострением всей международной обстановки.

Сама работа **Лозаннской конференции** завершилась заключением мирного договора стран **Антанты** с Турцией и подписанием **17 международных конвенций**, в том числе «**О режиме черноморских проливов**», которая не была ратифицирована советской стороной в связи с отсутствием в этом документе «надлежащих условий безопасности СССР», т.е. демилитаризации зоны черноморских проливов и свободного прохода через **Босфор** и **Дарданеллы** не только всех торговых, но и любых военных судов всех государств мира.

Между тем, уже в **первой половине 1924 г.**, умело воспользовавшись сменой правительств в ряде крупных европейских держав, прежде всего, в Великобритании и Франции, где к власти пришли «левые правительства» **Р. Макдональда** и **Э. Эррио**, советские дипломаты **Х.Г. Раковский**, **Л.Б. Красин**, **М.М. Литвинов** и **А.А. Иоффе** подписали целый ряд важнейших соглашений о дипломатическом признании СССР со стороны ведущих европейских государств, в том числе **Англии**, **Италии**, **Франции**, **Швеции**, **Норвегии**, **Дании**, **Австрии** и **Греции**. Кроме того, в **1924–1925 гг.** СССР установил дипломатические отношения с рядом крупных азиатских и латиноамериканских государств, в том числе **Японией**, **Китаем**, **Мексикой** и **Объединенным королевством Хиджас (Саудовской Аравией)**.

Таким образом, к **началу 1925 г.** Советский Союз установил дипломатические отношения практически со всеми ведущими державами мира, что, безусловно, стало ярчайшим доказательством его возросшего авторитета на международной арене. Единственной крупной державой, отказавшейся де-юре признать Советский Союз и установить с ним дипломатические отношения, оставались **Соединенные Штаты Америки**, правительство которых продолжало проводить бесперспективную политику экономической блокады нашей страны.

В **декабре 1925 г.** между **Германией** и бывшими странами **Антанты** в **Лондоне** были подписаны знаменитые **Локарнские соглашения**, которые стали важным шагом по формированию новой **системы коллективной безопасности в Европе** для ведущих западных держав, поскольку закрыли проблему западных границ Германии с Бельгией и Францией. Хотя, при этом **Локарнские соглашения** оставили открытым вопрос о восточных границах Германии с Польшей и Чехословакией, на территории которых были целые анклавы этнических немцев: **Верхняя Силезия**, **Восточная Померания** и **Судетская область**.

Главным документом этих соглашений стал так называемый **Рейнский пакт** — общий гарантийный договор между Веймарской Германией, Бельгией, Францией, Италией и Великобританией, под прикрытием которого **Лондон** и **Париж** пытались сколотить антисоветский блок с участием Германии. Именно поэтому восточные германские границы не подпадали под систему «локарнских гарантий». Этот пакт предусматривал сохранение территориального статус-кво (включая демилитаризо-

ванную **Рейнскую зону**) и неприкосновенность германо-французской и германо-бельгийской границ, как они были определены **Версальским мирным договором**, а также обязательство Германии, Франции и Бельгии не нападать друг на друга и разрешать все возникающие споры путем арбитража или судебных решений. **Рейнский пакт** вступил в силу после того, как в **сентябре 1926 г.** Германия стала полноправным членом **Лиги Наций** и получила в ее **Совете** постоянное место как великая держава.

По мнению ряда ученых (**В. Турок, А. Чельшев, М. Пономарев**), **Локарнские (Лондонские) соглашения** имели далеко идущие последствия, поскольку они: **1)** реально ослабили международные позиции Франции, из-за того, что ее основной и традиционный конкурент на европейском континенте стал равноправным партнером на международной арене; **2)** усилили позиции Великобритании, которая продолжила проводить традиционную политику «равновесия сил» в Европе; **3)** положили начало «политики умиротворения» бывших стран-участниц **Четвертного союза** и стали очередной попыткой «западных демократий» создать «санитарный кордон» вокруг СССР. Однако благодаря усилиям советских дипломатов, в частности наркома иностранных дел **Г.В. Чичерина** и берлинского постпреда **Н.Н. Крестинского**, прошедших целый раунд доверительных переговоров с главой германской дипломатии **Г. Штресеманом**, в **апреле 1926 г.** в Берлине сроком на пять лет был подписан **советско-германский договор «О нейтралитете и ненападении»**. По условиям **Берлинского трактата**: **1)** была подтверждена незыблемость главных положений **Рапалльского договора**, **2)** было положено начало более активному сотрудничеству двух держав в научно-технической и военной сфере и **3)** были усилены позиции германской стороны как своеобразного посредника в отношениях между СССР с Западом.

Между тем, уже в **начале 1927 г.** произошло резкое обострение международной обстановки, начало которому положила **«Нота Чемберлена»**, направленная в адрес советского правительства, которая отличалась неслыханно грубым и беспрецедентным в дипломатической практике тоном. По сути, она стала завершающим аккордом в целой серии враждебных действий британского правительства **С. Болдуина** с момента его нового пришествия во власть в **1924 г.**, в которых приняли активное участие министр иностранных дел **О. Чемберлен**, канцлер казначейства **У. Черчилль**, министр по делам Индии **Ф. Смит**, министр колоний **Л. Эмери** и министр авиации **С. Хор**.

Как показали все последующие события, **«Нота Чемберлена»** была «домашней заготовкой» к осуществлению давно задуманного консерваторами разрыва отношений с СССР, начало которой положила известная фальшивка под названием **«Письмо Зиновьева английским рабочим»** или **«Письмо Коминтерна» (1924)**, за которой как раз и стоял лидер британских консерваторов **Стэнли Болдуин**. Уже в **мае 1927 г.** английское правительство организовало полицейский налет на штаб-квартиры **Всероссийского акционерного общества «Аркас»** и **Советской торговой делегации**, которые сопровождалась незаконным обыском и хищением ряда важных документов. В посланной ноте протеста советское правительство квалифицировало эти провокационные действия британской стороны как вопиющее нарушение **англо-советского торгового договора 1921 г.**, согласно которому лондонская штаб-квартира **Советской торговой делегации** пользовалась дипломатическим иммунитетом. Однако

в ответной ноте **О. Чемберлен** заявил об одностороннем расторжении его страной **торгового соглашения 1921 г.** и о разрыве дипломатических отношений с СССР.

В результате всех этих событий ситуация на европейском континенте накалилась настолько, что уже в **декабре 1927 г.**, выступая на **XV съезде ВКП(б)**, **И.В. Сталин** прямо заявил о том, что **«период мирного сожительства европейских государств уходит в прошлое»** и ситуация на мировой арене в точности напоминает ту, которая сложилась на европейском континенте после рокового выстрела в **Сараево** в **июне 1914 г.**

Советское политическое руководство, прекрасно сознавая всю сложность возникшей ситуации, дало четкие инструкции **НКВД СССР**, который теперь ввиду тяжелой болезни наркома **Г.В. Чичерина** де-факто возглавил его первый заместитель **Максим Максимович Литвинов**, что в ближайшее время необходимо: **1)** резко активизировать работу по расколу единого антисоветского фронта; **2)** исключить возникновение любых малейших поводов для начала агрессии западных держав против СССР; **3)** подготовить к подписанию пакты о ненападении между СССР и всеми сопредельными державами, прежде всего, Польшей, Чехословакией, Румынией и Финляндией.

Тем временем, в **августе 1928 г.** в **Париже** по инициативе министра иностранных дел Франции **Аристиды Бриана** и госсекретаря США **Фрэнка Келлога** **15** мировых держав подписали знаменитый **«Пакт Келлога-Бриана»**, который содержал важные международно-правовые нормы, в том числе два главных постулата «нового мироустройства»: **1)** принципиальный отказ от войны как средства национальной политики и **2)** решения всех конфликтных ситуаций только мирными дипломатическими средствами.

Тогда же приглашение присоединиться к этому пакту было направлено в столицы **48 держав**, в том числе в **Москву**, где к самой этой идеи отнеслись неоднозначно. В частности, нарком иностранных дел **Г.В. Чичерин** в категорической форме возражал против присоединения к **«Парижскому пакту»**, о чем он дважды уведомил **Политбюро ЦК**, тогда как его первый заместитель **М.М. Литвинов** и особенно **Н.И. Бухарин**, напротив, активно поддержали эту инициативу. В результате в **конце августа 1928 г.** по поручению **Политбюро ЦК**, **Коллегия НКВД СССР** приняла решение о необходимости «теперь же заявить совершенно ясно и недвусмысленно, что мы готовы присоединиться к пакту», поскольку «заинтересованные в передышке, мы не должны пренебречь и самой ничтожной гарантией против войны».

Чуть позже Советский Союз существенно расширил сферу действия **«Парижского пакта»**, подписав в **феврале — апреле 1929 г.** с рядом приграничных государств — **Польшей, Румынией, Литвой, Латвией, Эстонией, Турцией и Персией** так называемый **«Протокол М.М. Литвинова»**, который предусматривал отказ от применения силы в урегулировании всех территориальных споров, могущих возникнуть между СССР и его соседями.

Между тем, **летом 1929 г.** возник крупный советско-китайский вооруженный конфликт в районе **КВЖД**, который привел к фактическому разрыву дипломатических отношений между СССР и гоминдановским Китаем. Однако вскоре, потерпев ряд ощутимых военных поражений в боях с **Особой Дальневосточной армией** (командарм **В.К. Блюхер**) и **Амурской военной флотилией** (комфлота **Я.И. Озолин**), а также оказавшись перед реальной угрозой агрессии со стороны Японии, нанкинское правительство **Чан Кайши** вынуждено было подписать так называемый

«Хабаровский протокол» (декабрь 1929 г.) и фактически восстановить дипломатические отношения с Москвой.

Еще до начала конфликта на КВЖД, весной 1929 г. британское правительство С. Болдуина, столкнувшись с крупными экономическими трудностями, вызванными, как началом первого системного кризиса капитализма («Великой депрессией»), так и разрывом торговых отношений с Москвой, предприняло попытку восстановить экономические связи с СССР, но без восстановления дипломатических отношений с ним. Однако эта попытка не увенчалась успехом, поскольку советское правительство твердо заявило, что оно готово пойти на широкое развитие англо-советских торговых отношений и урегулирование всех взаимных претензий, но только после восстановления полноценных дипломатических отношений. Непреклонная позиция советской стороны, а также мощное давление общественного мнения в самой Великобритании побудили новое лейбористское правительство Р. Макдональда в октябре 1929 г. пойти на восстановление дипломатических отношений с СССР без всяких предварительных условий.

4. Рождение и деятельность Коминтерна в 1919–1929 гг.

Как известно, еще в апреле 1917 г. в знаменитых «Апрельских тезисах» В.И. Ленин впервые поставил задачу создания нового III (Коммунистического) Интернационала, который, объединив в своих рядах самый боевой отряд рабочих и коммунистических партий, должен был прийти на смену продажному II Интернационалу, ставшему скопищем реформистских и мелкобуржуазных партий и де-факто прекративший свое существование с началом Первой Мировой войны. По замыслу вождя большевиков именно этот Коминтерн должен был стать руководящим штабом по подготовке и проведению мировой пролетарской революции, ради которой большевики, собственно, и рвались к власти в самой России.

Уже в марте 1919 г. в Москве состоялся Учредительный Конгресс III Интернационала (Коминтерна), в работе которого приняли участие 52 делегата, представлявшие, в основном, коммунистические партии тех квазигосударственных образований, которые возникли на руинах Российской империи. В центре внимания делегатов Конгресса оказался знаменитый ленинский фолиант «Пролетарская революция и ренегат Каутский», в которой вождь мирового пролетариата совершенно справедливо доказывал классовую сущность любой «чистой» демократии и убежденно отстаивал идею «государства диктатуры пролетариата», как единственно возможную форму пролетарской демократии в условиях переходного периода от капитализма к коммунизму. По итогам обсуждения этой работы были приняты Программные тезисы Коминтерна, которые провозглашали основные цели и задачи мирового коммунистического движения: свержение капитализма, установление диктатуры пролетариата и создание всемирной Республики Советов. Кроме того, для руководства повседневной работой Коминтерна был образован его Исполком (ИККИ) в составе Бюро и Секретариата ИККИ, хотя персональный состав этих структур не был утвержден.

В июле 1920 г. в Москве состоялась работа II Конгресса Коминтерна, делегатами которого уже стали 217 полномочных представителей левых политических партий из 37 стран мира. На сей раз в центре внимания делегатов Конгресса оказался новый ленинский фолиант «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», которая была по-

священа анализу международных и национальных черт и аспектов российской пролетарской революции 1917 г. Дело в том, что именно в этот период в ряде крупных европейских компартий, созданных на волне революционной эйфории, достаточно широкое распространение получили **радикальные и откровенно левацкие трактовки российского революционного опыта** и поспешные попытки перенести этот опыт на национальную почву своих государств. Сам **В.И. Ленин**, крайне обеспокоенный этим обстоятельством, предостерег компартии всех европейских государств от **«детской болезни левизны в коммунизме»** и подчеркнул, что **лишь некоторые аспекты Октябрьского переворота имеют международное значение.**

Другой серьезной проблемой, обсуждавшейся на этом форуме, стала проблема чистоты рядов **Коминтерна**, поскольку стать членами нового международного союза левых политических партий пожелали многие рабочие и социал-демократические партии старого **Социтерна (1889)**, о политическом банкротстве которого **В.И. Ленин** писал еще в 1914 г. в своей знаменитой статье **«Крах II Интернационала»**. По мнению многих современных авторов (**А. Ватлин, Ф. Фирсов, К. Маккензи**), все вожди большевиков (**В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин**) серьезно опасались **«размывания» Коминтерна** и превращения его из «боевого штаба мировой пролетарской революции» в очередную аморфную структуру, не способную возглавить этот всемирно-исторический процесс. Именно поэтому делегаты **Конгресса**, обсудив ленинский доклад **«О положении в мире и задачах Коминтерна»**, 1) постановили, что ближайшей исторической задачей **Коминтерна** является создание в каждой стране единой национальной компартии и 2) приняли так называемое **«21 условие»** вступления этих компартий в **Коминтерн**, где оговаривались основные программные и иные установки для них: построение всех партии на основе принципа демократического централизма, отказ от социал-демократической программы, чистка партийных рядов от всех «реформистов» и «центристов» и т.д. Кроме того, на этом **Конгрессе** были приняты его программа, устав и избраны **ИККИ** в составе 33 человек и **Бюро ИККИ** в составе 5 человек: **Г.Е. Зиновьев** (председатель), **Н.И. Бухарин, М.В. Кобецкий, А. Раднянский и В. Кёнен.**

В июле 1921 г., в условиях существенного спада европейского революционного процесса и перехода к новой экономической политике внутри страны, в **Москве** состоялся **III Конгресс Коминтерна**, который внес ряд **принципиальных корректив** в работу боевого штаба мировой пролетарской революции. В частности, делегаты этого форума, вняв ленинскому тезису «о сумасшествии» тех политических радикалов, которые рассчитывали получить в кратчайшее время «помощь в виде прочной пролетарской революции в Европе», раскритиковали новые «левацкие загибы» целого ряда европейских компартий и доморощенных большевиков. В частности, **В.И. Ленин** и **Л.Д. Троцкий**, полемизируя с одним из вождей «рабочей оппозицией» **А.М. Коллонтай**, призвали всех делегатов **Конгресса** в новых исторических условиях пойти на **«более тесный союз с социал-демократическими партиями и реформистскими профсоюзами»** своих стран.

Более того, на очередном **IV Конгрессе Коминтерна**, который состоялся в ноябре 1922 г., **В.И. Ленин** в своем докладе **«Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»** практически обосновал теоретическое положение о необходимости для всех компартий не только уметь наступать в период подъема, но научиться отступать в условиях отлива революционной волны и на примере советского

НЭПа показал, как следует использовать временное отступление для подготовки нового натиска на капитализм. Причем, по мнению многих современных авторов (**Ф. Фирсов, И. Кривогуз**), именно решения **III и IV Конгрессов Коминтерна** заложили основы того мощного международного рабочего движения, который затем, в **1930-х гг.**, воплотится в движении «единого фронта» всех левых и рабочих партий и профсоюзов во многих странах Южной и Западной Европы.

Тем временем, в начале **1923 г.** французская армия в нарушение ряда статей **Версальского мирного договора** оккупировала **Рурскую область**, которая находилась под совместным управлением англо-французской гражданской администрации. Это внешнеполитическая акция французского правительства **Раймона Пуанкаре** вызвала резкое обострение политической обстановки в самой Германии, где возникла очередная революционная ситуация, в ходе которой радикальное крыло **КПП** во главе с **Эрнстом Тельманом** попыталась захватить государственную власть. Однако эта попытка «красного реванша» за поражение в **Ноябрьской революции 1918 г.** не увенчалась успехом и закончилась новым поражением германского пролетариата и его вождей.

В июне **1924 г.** в **Москве** состоялась работа **V Конгресса Коминтерна**, на котором вновь была подтверждена тактика «единого фронта». Однако в новых исторических условиях прежний курс на создание единого фронта всех рабочих, коммунистических и социалистических партий стал уже рассматриваться как вынужденный тактический маневр, а не как долгосрочный политический курс **Коминтерна**. Более того, именно на этом **Конгрессе** глава **Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев** впервые заявил о европейской социал-демократии как о «левом крыле европейского фашизма», что неизбежно привело к расколу европейского рабочего движения. Наконец, именно этот **Конгресс** положил начало пресловутой «большевизации» всех компартий, которые стали слепо копировать основные принципы организационного устройства и программных установок самой **РКП(б)**.

После окончания этого **Конгресса** в течение трех с лишним лет внутри **Политбюро ЦК ВКП(б)** шла крайне острая внутрипартийная борьба, итогом которой стал полный разгром «объединенной оппозиции» в лице **Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева** и **Г.Е. Зиновьева**, которые олицетворяли собой самый радикальный левый фланг внутри **ВКП(б)**, который до сих пор бредил идеями мировой пролетарской революции. Причем, еще до разгрома этой оппозиции, в июле **1926 г.** **Г.Е. Зиновьев** был снят с поста главы **Исполкома Коминтерна** и заменен **Н.И. Бухариным**, который в тот период был членом правящего «дуумвирата» и твердо верил в возможность «построения социализма в одной отдельно взятой стране».

Внутрипартийная борьба внутри **ЦК ВКП(б)** происходила на фоне резкого обострения всей международной обстановки, вызванной тем обстоятельством, что британское правительство **С. Болдуина** под предлогом оказания советской стороной помощи **Компартии Китая (Мао Цзэдун)** в борьбе с режимом **Чан Кайши** разорвало дипломатические отношения с СССР. Неслучайно уже в **декабре 1927 г.** **И.В. Сталин** в своем «Отчетном докладе ЦК» на **XV съезде ВКП(б)** заявил, что «Европа вступила в новый период революционного подъема», что послужило причиной очередного коренного пересмотра прежнего тактического курса **Коминтерна**.

Летом **1928 г.** в **Москве** прошел **VI Конгресс Коминтерна**, на котором было заявлено о наступлении общего кризиса капитализма и нового этапа революционных

битв за социализм. В связи с этим обстоятельством главной опасностью в рабочем и коммунистическом движении был объявлен **капитулянтский «правый уклон»**, который исповедует оппортунистические установки, несовместимые с генеральной линией **ВКП(б)**. Поэтому новое руководство **ИККИ: 1)** санкционировало жесткую централизацию руководства всеми компартиями буржуазных государств, которые теперь стали просто секциями **Коминтерна** и **2)** нацелил все компартии на непримиримую борьбу с главными враждебными политическими силами: реакционным фашизмом и социал-демократией, ставшей «**фиговым листком**» самых правых буржуазных сил.

Окончательно новый курс **Коминтерна** был закреплен в **июле 1929 г.** на **X Пленуме ИККИ**, который фактически поставил «**жирный крест**» на прежней тактике «**единого фронта**» всех левых, рабочих и коммунистических партий. Отныне главным врагом всего рабочего класса стала европейская социал-демократия, которой был приклеен презрительный ярлык «**социал-фашистов**».

Тема: КУЛЬТУРНОЕ И НАУЧНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР В 1917–1929 ГГ.

План:

1. Идеологические основы политики большевиков в области культуры.
2. Борьба РКП(б) с Русской Православной Церковью.
3. Политика большевиков в области просвещения и образования.
4. Развитие советской фундаментальной науки.
5. Советская художественная культура
 - а) Предварительные замечания.
 - б) Развитие советской литературы.
 - в) Развитие советского изобразительного искусства и архитектуры.
 - г) Организация музейного дела.
 - д) Развитие кинематографа, театрального и музыкального искусства.
6. Культура русского зарубежья.

1. Идеологические основы политики большевиков в области культуры

Составной частью всей большевистской программы построения коммунистического общества была «**культурная революция**», под которой в советской историографии (**М. Ким, М. Иовчук, П. Кабанов, Г. Карпов А. Арнольдов**) традиционно понимали коренной переворот в духовной жизни советского общества, преобразование всего общественного сознания на основе марксистско-ленинской идеологии, формирование у советских людей совершенно нового культурно-исторического кода, принципиально отличного от монархических и религиозных убеждений, и т.д. Причем, в работах всех советских ученых особый акцент традиционно делался исключительно на положительных аспектах и грандиозных успехах «культурной

революции» и сознательно умалчивался весь тот негатив, который был связан, как с практикой культурного строительства, так и с разрушением огромного количества выдающихся культурных ценностей прошлых веков.

Придя к власти, вожди большевиков, конечно, прекрасно сознавали, что им предстоит грандиозная и крайне трудная работа по воспитанию целых поколений советских людей в духе коммунистической идейности и нравственности, интернационализма и советского патриотизма, иной коллективистской психологии и т.д. Причем, эта революция в умах не мыслилась без подавления «бацилл» антисоветского и антибольшевистского сознания и была сознательно направлена на создание культуры принципиально нового типа — социалистической по содержанию и интернациональной по сути, состоящей из лучших пролетарских элементов всех национальных культур. Неслучайно, придавая огромное значение предстоящему перевороту всей культурной сферы страны, в своей последней работе «**О кооперации**» (1923) **В.И. Ленин** прямо говорил, что «для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной».

И хотя ряд современных авторов (**С. Кислицын, В. Толстых**) стали отрицать сам факт «культурной революции», следует признать, что большевистские преобразования в области культуры, особенно в **1920-х гг.**, действительно носили революционный характер и качественно отличались от многовековой культурно-исторической традиции православной монархической России. Поэтому под понятием «культурной революции» следует все же понимать реальный политический курс партии большевиков, который во многом предопределил условия и содержание духовного развития советского общества в **1920–1930-х гг.**

На культурную политику большевиков оказали сильное влияние их теоретические представления о главной роли и задачах всего культурного процесса, обстановка острейшего противостояния в годы **Гражданской войны** и состояние социокультурного раскола, в котором прибывало российское общество с начала **XX века**. Почти все вожди большевиков, в том числе **В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий** и **Н.И. Бухарин**, в своих взглядах на культуру традиционно исповедовали идеи революционной классовой эстетики и полагали, что само искусство призвано лишь отражать реальную общественную жизнь с позиции определенных «прогрессивных классов» и поэтому рассматривали все виды культурного творчества как составную часть «общепролетарского дела борьбы против буржуазии и помещиков». А поскольку интересы угнетенных классов в принципе несовместимы с интересами их угнетателей, то, с их точки зрения, из прошлой «буржуазно-помещичьей культуры» необходимо взять лишь лучшие «освободительные элементы», связанные с творчеством и деятельностью самых прогрессивных деятелей мировой культуры и «пламенных революционеров» прошлых веков.

Опираясь на такой «теоретический» фундамент, **В.И. Ленин** сформулировал теорию «двух культур» и сделал далеко идущий вывод о лживости понятия «единая национальная культура», поскольку «реакционная культура черносотенцев» не может мирно сосуществовать с «прогрессивной культурой пролетариата», в основе которой лежит интернационализм. Поэтому всей русской «черносотенной» культуре объявлялась «беспощадная и непримиримая борьба». Однако такой ушербный методологический подход поставил перед партией большевиков практически неразрешимую задачу, поскольку из всей многовековой русской культуры им

предстояло «вырезать» только пролетарскую часть, жестко подавив, при этом, всю ее непролетарскую доминанту. А учитывая очень незначительный удельный вес пролетариата и «социалистической интеллигенции» в многовековом культурном процессе, можно объяснить и понять, почему советская власть столь широко и крайне жестко применяла методы насилия и принуждения при создании «социалистической культуры».

Не меньшую роль на культурную политику большевиков оказал и навязчивый лозунг мировой пролетарской революции, владевший умами практически всей русофобской верхушки **РКП(б)**, который реально вылился в безудержное шельмование исторического прошлого России, ее традиционной многовековой культуры и глумления над истинно патриотическими чувствами народа. Как справедливо писал знаменитый русский романист **А.Н. Толстой**, «десятки партийных ораторов и сотни услужливых перьев на все лады изошрялись в насмешливых проклятиях “русопятам”, “русотяпам” и “русопетам”, гордились тем, что именно они “растреляли толстозадую бабу Россию” и в подобных неисчислимых мерзостях». Уродливые формы, рожденные «пафосом космополитизма и псевдоинтернационализма», принимало отрицание всего прошлого культурного наследия страны, стремление противопоставлять пролетарскую культуру всей культуре человечества, вандализм в отношении исторических памятников «проклятому прошлому». Атмосфера в стране была такова, что даже употребление привычных слов «**Родина**», «**Отечество**» или «**Россия**» считалось контрреволюционными, а партийным космополитам повсюду мерещился великодержавный шовинизм великороссов, который искоренялся с беспрецедентной жестокостью. По сути, над всеми подданным бывшей Российской империи, особенно русским народом, осуществлялся варварский эксперимент по превращению его в «**homo cominternicus**» — граждан Всемирного Союза ССР, который неизбежно будет рожден в горниле мировой пролетарской революции.

Важнейшее место в государственной системе управления культурой сразу занял **Наркомат просвещения РСФСР**, который был окончательно сформирован в **июне 1918 г.** на базе **Государственной комиссии по просвещению**, созданной декретом **ВЦИК** и **СНК РСФСР** в **ноябре 1917 г.** По личной инициативе **В.И. Ленина** новый наркомат возглавили «только два товарища с заданиями исключительного свойства: нарком, тов. **А.В. Луначарский**, осуществляющий общее руководство наркоматом, и его заместитель, тов. **М.Н. Покровский**, осуществляющий руководство, во-первых, как заместитель наркома, и, во-вторых, как обязательный советник (и руководитель) по вопросам научным, по вопросам марксизма вообще». В связи с этим важным обстоятельством **Наркомат просвещения РСФСР** непосредственно руководил не только самим просвещением, но и всем внешкольным образованием, литературой, театрами, изобразительным искусством, музыкальным творчеством и другими сферами культуры и образования.

Руководство партии постоянно держало на контроле все вопросы «культурной революции» и уже в **конце 1920 г.** по решению **Пленума ЦК** была создана специальная комиссия во главе с **В.И. Лениным** по реформе **Наркомпроса РСФСР**, по заключению которой в **феврале 1921 г.** **СНК РСФСР** утвердил его новую структуру. Согласно «**Положению о Наркомпросе РСФСР**» теперь он стал подразделяться на **Организационный центр**, **Академический центр** в составе **Научной и Художествен-**

ной секций, Главархива и Главмузея, Главное управление социального воспитания и политехнического образования (Главпрофобр), Главное внешкольное управление (Главполитпросвет), Главное управление государственного издательства (Госиздат) и Совет по делам просвещения национальных меньшинств. Тогда же по указанию **ВЦИК РСФСР** во всех исполкомах местных Советов были созданы отделы народного образования, которым отныне подчинялись все государственные, общественные и частные учреждения культуры.

Кроме того, партийное руководство всей образовательно-культурной сферы осуществлял и созданный в **апреле 1920 г.** **Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б)**, который возглавил **Е.А. Преображенский**. Помимо Агитпропа в ЦК работали и постоянные комиссии по всем отраслям культуры, в том числе анти-религиозная, библиотечная, клубная, школьная и художественная комиссии, комиссии по вопросам самообразования, радио и кино и т.д.

В **1922 г.** по решению **Политбюро ЦК** в составе **Наркомата просвещения РСФСР** были созданы **Главное управление по делам литературы и издательств**, на которое возлагались функции цензуры, и **Главный репертуарный комитет**, ведавший цензурой театрально-концертной деятельности. Тогда же для координации культурной работой во «всесоюзном масштабе» было создано **Особое Сопровождающее совещание наркомов просвещения** всех союзных республик, председателем которого был назначен **А.В. Луначарский**, исполнявший функции «союзного наркома».

В годы **Гражданской войны** особое место в «культурной революции» занял печально знаменитый **Пролеткульт** — негосударственный союз пролетарских культурно-просветительских организаций, который объединил в своих рядах почти **150** губернских, районных и фабрично-заводских организаций. В **сентябре 1918 г.** в **Москве** состоялась работа **I Всероссийской конференции Пролеткульта**, на которой был принят его устав и избран **Центральный Комитет**, создавший **Всероссийский совет и девять отделов**: организационный, литературный, издательский, театральный, школьный, библиотечный, книжный, музыкально-вокальный и хозяйственный.

Казалось бы, что этот **Пролеткульт** мог стать самой массовой опорой партии большевиков в реализации главных направлений «культурной революции». Однако это было далеко не так, поскольку многие его вожди и теоретики, в частности **А.А. Богданов, В.Ф. Плетнев и Ф.И. Калинин**, по целому ряду принципиальных вопросов занимали существенно отличные позиции от руководства партии и государства: **1)** во-первых, они утверждали, что рабочий класс должен вначале выработать собственную «пролетарскую культуру» и лишь затем очень критически освоить прошлое культурное наследие и **2)** во-вторых, считали, что **Пролеткульт** должен оставаться независимой организацией, поскольку любое вмешательство государственных и партийных структур является «большим унижением культурного достоинства рабочего класса и отрицанием его права культурно самоопределиваться».

Естественно вождей большевиков совершенно не устраивала полная неподконтрольность массовых пролетарских организаций. Поэтому в **октябре 1920 г.** со стороны партийно-государственного аппарата резко усилилось давление на «пролеткультовцев» и было принято принципиально важное решение о слиянии **Пролеткульта с Наркомпросом РСФСР**, в составе которого был создан специальный отдел пролетарской культуры. А уже в **начале декабря 1920 г.** в «**Правде**» было опубликовано письмо **ЦК РКП(б) «О пролеткультах»**, где было прямо заявлено о том,

что в своей практической работе все пролеткульты должны руководствоваться «направлением, диктуемым Наркомпросу руководством РКП (б)».

Еще более напряженно складывались отношения большевиков с так называемой интеллигенцией, значительная часть которой с большим энтузиазмом встретила свержение царизма и начало новой «демократической эры». Однако вскоре наступило «горькое похмелье», поскольку многие «интеллигенты», особенно настроенные либерально, были просто ошеломлены масштабами насилия и радикализмом большевистских преобразований. Массовый политический террор, политика «военного коммунизма» и курс на мировую революцию — все это оттолкнуло от большевиков даже тех, кто ранее симпатизировал им, в частности **А.М. Горького, В.Г. Короленко, А.А. Блока, Ф.И. Шаляпина** и других интеллигентов. Фундаментальное противоречие в политике большевиков в отношении интеллигенции состояло в том, что, признавая саму необходимость овладеть достижениями «старой культуры», они крайне неприязненно относились к самой интеллигенции, которая сама себя считала хранителем, носителем и создателем духовных ценностей народа. Неслучайно в одном из писем **А.М. Горькому**, написанном в **сентябре 1919 г.**, **В.И. Ленин** предельно цинично, но во многом справедливо, писал, что «интеллигентики и лакеи капитала, мнящие себя мозгом нации» на самом деле не мозг нации, а ее «говно».

Естественно многие представители интеллигенции из чисто бытовых и патриотических соображений пошли на сотрудничество с новой властью, однако в целом этот социальный слой оставался под особым контролем со стороны большевиков и очень часто становился объектом политических репрессий. Неслучайно в **сентябре 1919 г.** **ЦК РКП(б)** даже рассматривал вопрос «**О массовых арестах среди профессоров и ученых**».

Сложным и противоречивым было отношение большевиков и к культурному наследию прошлых веков. Не только руководство **Пролеткульта**, но и многие партийные вожди, особенно **Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев** и **Н.И. Бухарин**, разделяли их разнузданный русофобский нигилизм, а в руководстве многих отделов **Наркомпроса** и во главе большинства творческих организаций и учебных заведений оказались крайне левые радикалы, которые при всех своих различиях отрицали саму возможность интеграции великого культурного наследия предков в социалистическую пролетарскую культуру. Неслучайно именно тогда влиятельный пролетарский поэт **Д. Бедный** так выразил эти настроения: «пролетарские писатели у нас имеются, пусть не первого ранга... пусть три сопливеньких, но свои».

Переход к мирному строительству после **Гражданской войны** выявил огромный недостаток в образованных кадрах, столь необходимых для создания государственного аппарата, управления народным хозяйством, армией и собственно самой культурой и образованием. Поэтому руководством партии большевиков была провозглашена новая политика привлечения старой русской интеллигенции к активному сотрудничеству с советской властью с ее последующим перевоспитанием и постепенной заменой новой, уже сугубо советской когортой специалистов. Значительная часть старой интеллигенции, руководствуясь высокими идеями служения народу и Отечеству, сразу пошла на сотрудничество с новой властью, но определенная ее часть заняла выжидательную позицию. Однако скорый переход к **НЭПу** был воспринят этой частью «мыслящей элиты» как начало эволюции

советской власти в направлении демократизации и породил такое общественное явление, как «сменовеховство». Само это название произошло от философско-публицистического сборника «Смена вех», изданного в Праге в 1921 г. группой известных русских публицистов и ученых. В условиях НЭПа, стремясь расширить социальную базу за счет непролетарских масс, советская власть «скрепя сердце» разрешила издание ряда художественно-публицистических журналов различной идейной направленности, в том числе и сменовеховских. Наиболее яркими выразителями сменовеховских идей в зарубежье были профессора Ю.В. Ключников и Н.В. Устрялов, а внутри самой страны литератор И.Г. Лежнев, который в 1922–1926 гг. редактировал сменовеховский журнал «Новая Россия».

Суть этого идейного движения сводилась к признанию советской власти, как единственной власти, сумевшей спасти многовековую российскую государственность и введением НЭПа найти выход из революционной смуты и экономической разрухи в стране. Призывы «сменовеховцев» к активному сотрудничеству с ней базировались на той их убежденности, что сама жизнь заставит большевиков пойти по пути возрождения и разумного устройства страны, вопреки их революционной риторике и идейным убеждениям. Переход к НЭПу и «сменовеховство» способствовали возвращению многих эмигрантов на родину и только за один 1921 г. в Россию вернулось более 120 тыс. граждан бывшей Российской империи. Более того, советская власть впервые допустила относительно свободную конкуренцию различных группировок в литературе и искусстве, ставших основой для образования целой группы «советских» литераторов, получивших с легкой руки оракула революции Л.Д. Троцкого название «попутчиков». К числу этих литераторов, в основном, относились писатели так называемого непролетарского происхождения, которые принимали советскую власть и сотрудничали с ней, однако в идейно-политическом отношении оставались на нейтральных позициях.

Однако, несомненно, классовый подход оставался главным принципом всей политики большевиков в отношении русской интеллигенции и при малейшем подозрении в противодействии своей власти они немедленно прибегали к политическим репрессиям. В частности, уже в 1921 г. более 200 человек были арестованы по делу так называемой «Петроградской боевой организации» во главе с профессором-географом В.Н. Таганцевым. Среди арестантов оказалось много представителей научной и творческой интеллигенции северной столицы, часть которых, в том числе выдающийся русский поэт Н.С. Гумилев, были расстреляны.

В июне 1921 г. председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский направил в Политбюро ЦК РКП(б) подготовленную руководителем Особого отдела ВЧК Я.С. Аграновым (Соренсоном) докладную записку об антисоветских организациях среди интеллигенции, из которой следовало, что новая экономическая политика создает опасность консолидации разных буржуазных и мелкобуржуазных групп. Особое внимание в этой записке обращалось на деятельность антисоветской профессуры в ведущих вузах страны, прежде всего, в Московском высшем техническом училище и Московском университете, а также в различных научных обществах Москвы и Петрограда. Кроме того, непримиримых противников советской власти чекисты обнаружили и вокруг целого ряда научных журналов, в частности «Экономист», «Экономическое возрождение» и «Летопись Дома литераторов». Отмечалось также, что вокруг издательства «Задруга» группировались члены партии правых эсеров, в издательстве

«Берег» окапались члены ЦК партии кадетов, а издательство «Книга» вообще полностью находилось в руках членов ЦК партии меньшевиков.

На основании этой записки в начале июня 1922 г. Политбюро ЦК создало специальную комиссию в составе Л.Б. Каменева, И.С. Уншлихта и Д.И. Курского, которая должна была подготовить предложения по арестам и высылке из страны самых непримиримых представителей творческой и научной интеллигенции, закрытию контрреволюционных печатных изданий и т.д. Причем, сама инициатива в постановке этого вопроса целиком и полностью принадлежала В.И. Ленину, который прямо заявил, что «надобно несколько сот подобных господ безжалостно выслать за границу», а контроль за исполнением всей этой операции был возложен на И.В. Сталина, который только что занял пост Генерального секретаря ЦК РКП(б). Политбюро ЦК несколько раз очень детально рассматривало работу «Комиссии Л.Б. Каменева», находя ее неудовлетворительной «как в смысле недостаточной величины списка, так и в смысле его недостаточного обоснования».

Но, тем не менее, в июле 1922 — апреле 1923 г. из России было выслано более 160 видных русских ученых, среди которых были известные профессора Московского университета, Московского высшего технического училища, Института инженеров путей сообщения, Археологического института и других крупнейших вузов и научных центров страны. В результате этой акции, хорошо известной под названием «философский пароход», вынужденными эмигрантами стали многие русские философы, историки, юристы, литераторы и представители других научных дисциплин, в частности профессора М.М. Новиков, В.В. Стратонов, С.Н. Прокопович, А.А. Кизеветтер, М.А. Осоргин, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, П.А. Сорокин, Ф.А. Степун, С.Л. Франк и многие другие.

В ноябре 1923 г. Объединенное Главное Политическое Управление (ОГПУ), ставшее преемником ВЧК, попыталось сфабриковать дело по обвинению в антисемитизме великого русского поэта С.А. Есенина. Причем, эта гнусная акция целиком и полностью направлялась рядом членов высшего партийно-политического руководства страны. В частности, «любимец всей партии», ее главный теоретик тов. Н.И. Бухарин, из которого в годы «горбачевской перестройки» усиленно лепили невинную жертву сталинских репрессии, в своих «Злых заметках» (1927) так писал о поэзии С.А. Есенина: «это отвратительная, напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами, и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из кобелей, икон, сисястых баб, жарких свечей, березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и трагической пьяной икоты: религии и хулиганства, любви к животным и варварского отношения к человеку... бессильных потуг на широкий размах (в очень узких стенах ординарного кабака), распущенности, поднятой до принципиальной высоты... и все это под колпаком юродствующего квазинародного национализма. Есенинская поэзия по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в «ухаря-купца»: в лаковых сапожках, с шелковым шнурком на вышитой рубашке, «ухарь» припадает сегодня к ножке «государыни», завтра лижет икону, послезавтра мажет нос горчицей половому в трактире, а потом «душевно» сокрушается, плачет, готов обнять кобеля и внести вклад в Троице-Сергиевскую лавру «на помин души». Он даже может повеситься на чердаке от внутренней пустоты. «Милая», «знакомая», «истинно русская» картина!». В результате, затравленный русофобами из высоких

кабинетов в ЦК РКП(б) и ОГПУ, в декабре 1925 г. великий русский поэт либо покончил жизнь самоубийством, либо был убит сотрудниками ОГПУ, во главе которого стоял, в основном, русофобский «инородный элемент».

Затем, в ноябре 1924 г. заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода (Иегуда) подписал ордер на арест группы русских писателей и публицистов во главе с давним другом С.А. Есенина, талантливым русским писателем и поэтом А.А. Ганиным, которые были объединены общей идеей непримиримой и решительной борьбы с «интернационально-коммунистическим режимом во имя спасения национальной России». Такое мировоззрение членов этой группы было признано официальными властями «фашистским», а сама группа названа «Орденом русских фашистов». В результате в конце марта 1925 г. А.А. Ганина и нескольких его товарищей расстреляли, а остальных отправили на Соловки, где они позднее погибли.

2. Борьба РКП(б) с Русской Православной Церковью

Одним из главных элементов «культурной революции» стала непримиримая борьба большевиков с Русской Православной Церковью (РПЦ), поскольку сама РКП(б) в большинстве своем была партией воинствующих атеистов, для которых религия была «вздохом угнетенной твари», «сердцем бессердечного мира» и «опиумом народа». Впервые программные установки большевиков в отношении религии и церкви были обоснованы В.И. Лениным в его знаменитой статье «Социализм и религия» (1905), где вождь большевиков, признав свободу совести, писал, что «государству не должно быть дела до религии» и поэтому «полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви». Однако большая часть партийных вождей, особенно Л.Д. Троцкий (Бронштейн), Г.Е. Зиновьев (Радомысльский) и Е.М. Ярославский (Губельман), всегда стояла на позиции воинствующего атеизма и была настроена на активное и даже силовое подавление всей религиозности и беспощадную борьбу с РПЦ. Да и сам В.И. Ленин, говоря о русском православном духовенстве, традиционно приклеивал ему оскорбительные ярлыки «черносотенцев» и «реакционеров».

К моменту прихода большевиков к власти сама Русская Православная Церковь тоже находилась в состоянии тяжелого системного кризиса, поскольку после крушения российской монархии исчез ее легитимный глава, а сама система церковного руководства в виде Святейшего Синода РПЦ, являвшегося составной частью имперского государственного аппарата, пришла в полный упадок. В связи с этим обстоятельством еще в августе 1917 г. был созван первый за два столетия Всероссийский Поместный Собор Русской Православной Церкви, в ходе которого был восстановлен институт патриаршества и избран новый патриарх, которым стал московский митрополит Тихон (В.И. Беллавин).

Избрание Тихона на патриарший престол хронологически совпало с первым массированным наступлением большевиков на Русскую Православную Церковь. Уже в начале декабря 1917 г. был издан декрет ВЦИК РСФСР о национализации всех церковных и монастырских земель, а буквально через неделю постановлением Наркомпроса РСФСР в его ведение перешли все церковно-приходские школы, семинарии и духовные академии. Наконец, в конце декабря 1917 г. был опубли-

кован проект Декрета «О свободе совести», который вызвал резко отрицательный общественный резонанс. Помимо чисто «демократических» установок, отделявших церковь от государства, в нем сообщалось, что отныне все «церковные общества не имеют права владеть собственностью и не имеют прав юридического лица, все имущество церковных и религиозных обществ поступает в собственность государства», а «имуществом приходов будут ведавать волостные, земские и городские самоуправления». Таким образом, по проекту декрета РПЦ становилась не только нищей, но и полностью бесправной.

Естественно этот декрет вызвал крайне негативную реакцию не только среди церковных иерархов и всего православного духовенства, но и миллионов прихожан. Поэтому уже в **январе 1918 г.** патриарх **Тихон** направил большевистскому правительству патриаршее «Воззвание», в котором, в частности, писал: «опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей земной. Властью, данную нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас» и закликаем всех «верных чад Православной Церкви Христовой не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение». Кроме того, в этом же «Воззвании» патриарх **Тихон** назвал все правовые акты, изданные в отношении РПЦ, проявлением «самого разнузданного своеволия и сплошного насилия над святой Церковью» и призвал всю христову паству «устраивать духовные союзы» и организовывать «ряды духовных борцов» на защиту «попираемых прав Церкви». Сам проект декрета «О свободе совести» был осужден Поместным Собором РПЦ, а в **Москве и Петрограде** прошли массовые крестные ходы в защиту православной церкви, в которых приняли участие сотни тысяч прихожан.

Естественно советская власть очень быстро и жестко ответила на этот демарш «реакционного духовенства» и уже **20 января 1918 г.** восемь членов СНК РСФСР — **В.И. Ленин, Н.И. Подвойский, В.А. Алгасов, В.Е. Трутовский, А.Г. Шлихтер, П.П. Прошьян, А.Г. Шляпников, В.Р. Менжинский и Г.И. Петровский** подписали более жесткий декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», который через три дня был опубликован в «Известиях ВЦИК и СНК РСФСР» под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Публикация этого декрета привела к многочисленным эксцессам и уже **весной 1918 г.** по всей стране произошло более **1400** кровавых столкновений сотен тысяч прихожан с представителями новой власти, в ходе которых было убито почти **140** большевиков и левых эсеров, которые с особым остервенением приступили к его практической реализации. Однако это не остановило воинствующих «атеистов» и в **мае 1918 г.** при Наркомюсте РСФСР, который еще возглавлял старый большевик **П.И. Стучка**, был создан специальный ликвидационный отдел, который с утроенной энергией взялся за его проведение в жизнь. А уже в **феврале 1919 г.** при новом наркome **Д.И. Курском** вышло чудовищное постановление Наркомюста РСФСР, которое предписало «с целью атеистической пропаганды» осуществлять «публичное вскрытие всех святых мощей». Все это привело к тому, что этот конфликт между православными общинами и большевиками стал одним из важных факторов эскалации широкомасштабной **Гражданской войны**. Православное духовенство приняло самое активное участие в организации вооруженной борьбы с «безбожной властью»

большевиков» и несколько тысяч священнослужителей встали в ряды военного духовенства белогвардейских армий А.В. Колчака, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля и других. Более того, как установили современные историки (В. Цветков, Н. Егоров, О. Золотарев), в Сибирской армии генерала М.К. Дитерикса, объявившего «крестовый поход против большевизма», под руководством омского епископа Сильвестра (И.Л. Ольшевского) и генерал-лейтенанта В.В. Голицына в составе нескольких полков были созданы «Дружины Святого Креста» и «Святая бригада», а часть воинских соединений, в частности «Полк Пресвятой Богородицы», «Аксунский Полк Иисуса», «Стерлитамкский полк Николая Чудотворца» и «Полк Илии Пророка», приняли самое активное участие в боевых действиях на фронтах Гражданской войны.

Естественно это вызвало ответную реакцию большевиков, среди которых как на дрожжах стала расти ненависть к церковникам, что зримо проявилось в закрытие сотен храмов и монастырей, реквизиции церковного имущества и массовом убийстве священников. В то же время, органы ВЧК стали создавать свою агентурную сеть в среде православного духовенства, а прикрытием для нее стал так называемый «Исполкомдух» — «Исполнительный комитет духовенства на началах коммунистического строя», созданный в августе 1919 г. под руководством некоего А.Ф. Филиппова, который до революции ошивался в окружении К.П. Победоносцева и Г.Е. Распутина, а сразу после большевистского переворота установил личные контакты с «денежным мешком» большевиков А.Л. Парвусом (Гельфандом), главой ВЧК Ф.Э. Дзержинским и наркомом просвещения А.В. Луначарским.

Однако ровно через год «Исполкомдух» «самораспустился» и в сентябре 1920 г. в Москве был учрежден «Комитет по делам духовенства всея России», костяк которого составили противники патриарха Тихона и сторонники так называемого «реформационного» течения, одной из целей которого провозглашалось «умственное и моральное развитие православного духовенства в соответствии с запросами времени и для приспособления его к новому строю». Кроме того, протест части церковников против непримиримой политики патриарха Тихона в отношении большевиков проявился и в так называемом «обновленческом» движении во главе протоиереем Л.И. Введенским, участники которого выступали с лозунгом прекращения «Гражданской войны Церкви против государства».

Тем не менее, борьба большевиков по искоренению религиозного сознания («поповского мракобесия») и репрессии против духовенства, которые все скопом были зачислены в стан агрессивной «контры», продолжилась с новой силой. И уже к 1922 г. на всей территории страны было закрыто более 800 православных монастырей, а в самой Москве — все домовые церкви и часовни, составлявшие четверть всех столичных храмов и соборов. Более того, началось планомерное разрушение самих церковных построек, например, в Москве первым снесли выдающийся памятник церковной архитектуры — часовню Александра Невского на Манежной площади, построенную в 1882—1883 гг. в память воинов павших в годы последней русско-турецкой войны. Кроме того, кампания по тотальному изъятию всех церковных ценностей, предпринятая в 1922 г., обернулась дальнейшим разгромом культурно-исторического наследия страны, начатого еще в годы Гражданской войны. Однако сломить пассивное сопротивление Русской Православной Церкви властям так и не удалось.

Тогда в мае 1922 г. по предложению В.И. Ленина Политбюро ЦК дало прямую директиву Московскому трибуналу немедленно привлечь патриарха Тихона

к уголовному суду. Главу РПЦ сразу взяли под арест и намеревались судить по обвинениям в антисоветских преступлениях, однако до суда дело не дошло. И не столько потому, что патриарх покаялся в своих «грехах» перед безбожной властью, а во всех православных церквях была прекращена анафема большевиков и их режима, сколько из-за опасения бурной и крайне негативной реакции за рубежом. Неслучайно именно тогда британское правительство Д. Ллойд-Джорджа заявило о возможном отзыве своей дипломатической миссии из Москвы, если начнется намеченный на апрель 1923 г. процесс по делу патриарха Тихона.

Лишь только после того как В.И. Ленин отошел от активной политической работы, специальным постановлением ВЦИК расследование «дела патриарха Тихона» было остановлено. Однако гонения на РПЦ не прекратились, а сам патриарх умер находясь под арестом в апреле 1925 г. После его гибели практически сразу был арестован и местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр (П.Ф. Полянский), которого позднее расстреляли в Верхнеуральской тюрьме. Всего же в 1920-х гг. только по приговорам революционных трибуналов и судов было расстреляно более 10 тыс. священнослужителей.

Параллельно с репрессиями против православного духовенства с декабря 1922 г. большим тиражом стала издаваться русофобская газета «Безбожник», редактором которой был Е.М. Ярославский (Губельман), а уже в 1925 г. по решению Политбюро был создан Всесоюзный Союз воинствующих безбожников, которые придали всей атеистической пропаганде небывалую напористость, жесткость и обыденную повседневность. Однако этот атеизм, насаждаемый насилием, не имел особых шансов на успех у огромных масс православных верующих. Не дала особого результата и ставка на раскол внутри РПЦ, где с переходом к НЭПу усилилось «обновленческое движение», которое возглавляли архиепископы Евдоким (В.И. Мещерский), Вениамин (В.А. Муратовский) и Виталий (В.Ф. Введенский). Это религиозное движение, восходящее своими корнями к либеральным и христианско-социалистическим идеям начала XX века, противостояло официальной церкви и довольно активно поддерживалось большевиками. Причем, советская власть, охотно восприняв настоятельные требования части православных верующих в демократизации приходо-дов за атеистическую тенденцию, стала поддерживать «Живую церковь», надеясь именно ее использовать в борьбе с «церковной контрреволюцией». Одним из первых крупных иерархов РПЦ, уклонившихся в обновленческий раскол, стал митрополит владимирский и шуйский Сергей (И.Н. Страгородский), однако после годового пребывания в расколе он покаялся перед патриархом Тихоном и был обратно принят в лоно Русской Православной Церкви в сущем сане и стал главой нижегородской митрополии. А после смерти патриарха митрополит Сергей был назначен заместителем местоблюстителя патриаршего престола крутицкого митрополита Петра и стал фактическим главой РПЦ, которым оставался вплоть до официального избрания на патриарший престол в 1943 г.

3. Политика большевиков в области просвещения и образования

Другой важнейшей задачей культурной революции стала ликвидация неграмотности, почти соизмеримая по своим масштабам с религиозностью основной массы трудящихся страны. Прекрасно сознавая, что неграмотные массы стоят вне

политики и необходимого идеологического воздействия, большевистские вожди стремились как можно быстрее добиться грамотности всего населения страны, особенно старших и средних поколений. Неслучайно **В.И. Ленин** писал, «что пока у нас в стране есть такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить... безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо обучить азбуке».

Уже в **ноябре 1917 г.** была создана **Государственная комиссия по просвещению**, которая сразу заявила о намерении правительства «добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения». Однако реально приступить к решению этой задачи удалось значительно позже. Только в **конце декабря 1919 г.** **СНК РСФСР** издал **Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР»**, согласно которому все граждане страны от **8 до 50 лет**, не умеющие читать и писать, должны были в обязательном порядке обучаться грамоте, а для концентрации усилий и обобщения опыта по реализации этого декрета в **июле 1920 г.** при **Наркомпросе РСФСР** была организована **Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности**, которая занималась подготовкой преподавателей, выпуском учебников, открытием школ грамоты и т.д. Кроме того, это декрет предусматривал создание отдельной системы **спецшкол** для переростков, при детских домах, колониях и прочих госучреждениях, входивших в систему **Главного управления социального воспитания и политехнического образования Наркомпроса РСФСР**.

В годы **Гражданской войны** серьезную реорганизацию претерпела и вся система школьного образования, базой для которой стали два декрета **ВЦИК** и **СНК РСФСР** — «**Положение об организации дела народного образования в Российской республике**» (**июнь 1918 г.**) и «**Положение о единой трудовой школе**» (**сентябрь 1918 г.**). В соответствии с этими декретами была полностью упразднена прежняя система школьного образования в виде церковно-приходских начальных школ, классических гимназий и реальных училищ, и на их месте создана двухступенчатая школа: **5-ти летняя школа первой ступени** и **4-х летняя школа второй ступени**. Отныне во всей школе: **1)** вводилось совместное обучение мальчиков и девочек, **2)** из учебных планов изымались ряд предметов, в том числе все древние языки и богословие, **3)** отменялись все домашние задания, оценки и экзамены и **4)** под предлогом того, что теперь все советские школьники должны «изучать жизнь, а не учебные предметы», был поставлен жирный крест на разработке всех учебных планов и программ. Наконец, были четко определены и новые принципы всего образовательного процесса в РСФСР: светский характер обучения и его организационная связь с производственным трудом.

Несмотря на тяжелейшие условия **Гражданской войны**, к **началу 1920 г.** на всей территории страны было открыто свыше **13 тыс.** новых школ, а число учащихся достигло **9 млн человек**, что на **1 млн** было больше довоенного уровня. Кроме того, в годы **Гражданской войны** были предприняты важные шаги в подготовке учительских кадров: число педагогических вузов выросло в два раза и достигло **55 институтов**, а количество их выпускников возросло на **5 тыс. человек**. Причем, что примечательно, роль учителя в учебном процессе была кардинально пересмотрена с учетом решений **VIII съезда РКП(б)**, постановившего, что отныне «все учителя

обязаны рассматривать себя не просто как агенты общего образования, но и коммунистического просвещения, и в этом отношении должны быть подчинены не только контролю своих непосредственных центров, но и местных партийных организаций».

Однако огромная работа по преодолению массовой неграмотности, проводившаяся в неразрывной связи с культурно-политическим просвещением трудящихся, в первый год **НЭПа** несколько затормозилась. Из-за катастрофической нехватки денег финансирование просвещения было передано на места, где необходимых средств на нужды обучения неграмотных людей зачастую просто не существовало. К тому же в **сентябре 1921 г. СНК РСФСР** принял специальное постановление об исключении из государственного финансирования всех школ, библиотек, народных домов и изб-читален, в результате чего общее число пунктов ликбеза сократилось с **88 тыс. до 15 тыс. единиц**. Однако с оживлением экономического роста этот спад был остановлен, а уже в **декабре 1922 г. X Всероссийский съезд Советов** обязал все губернские исполкомы принять срочные меры по предотвращению сокращения сети пунктов ликбеза на вверенных им территориях. Одновременно по решению **Всероссийского съезда по ликвидации неграмотности** основная работа ликбезов была сосредоточена на обучении грамоте «организованных групп населения» — красноармейцев, рабочих и комсомольцев в возрасте **18–30 лет**.

В **августе 1923 г.** вышел новый декрет **ВЦИК и СНК РСФСР «О ликвидации безграмотности»**, дополнивший прежний аналогичный декрет и установивший общее количество так называемых **инструктивных школ** в виде **574 ликвидационных пунктов** и **498 школ для малограмотных**. Одновременно, в законодательном порядке был утвержден конкретный план полной ликвидации неграмотности к десятилетию советской власти, который предусматривал стабильное финансирование этой работы из госбюджета, средств местных органов советской власти и профсоюзов. Кроме того, для привлечения общественности к этой важной работе **осенью 1923 г.** было создано массовое **Всесоюзное общество «Долой неграмотность!»**, которое возглавил председатель **ВЦИК М.И. Калинин**.

Однако, несмотря на все усилия победить неграмотность к **концу 1927 г.** так и не удалось, поскольку по данным **Всесоюзной переписи населения**, проведенной **декабре 1926 г.**, грамотность в **РСФСР** составляла чуть более **60 %**, а в стране в целом — чуть более **55 %**. Причем, число неграмотных людей постоянно пополнялось за счет малолетних детей и подростков, поэтому положить конец этому замкнутому кругу можно было только через введение всеобщего обучения в стране. Но такие возможности у советского правительства появились лишь к середине первой пятилетки, поэтому только с **сентября 1930 г.** совместным **Постановлением ВЦИК и СНК СССР** на всей территории страны было введено **обязательное всеобщее начальное обучение**.

По мере достижения экономической стабильности негативные тенденции в развитии школьной системы стали существенно замедляться и уже с **осени 1924 г.** возобновилось полноценное государственное финансирование всей системы школьного образования. Причем, к этому моменту в рамках единой школьной системы, созданной на всей территории страны, было уже три ступени школьного образования: **базовая четырехклассная школа, семилетняя школа и десятилетняя школа**. Кроме того, на основе базовой начальной школы теперь можно было получить специальную подготовку в **технических и аграрных школах** и на **профес-**

сиональных курсах. Особенно быстрыми темпами в эти годы стали расти школы фабрично-заводского ученичества, рабочей и крестьянской молодежи. Причем, все выпускники семилетки могли получить профессиональное образование в техникумах, которые, однако, не давали необходимой подготовки для продолжения образования в вузах.

Вместе с тем, в том же 1924 г. под влиянием социал-дарвинистских и антропологических идей новомодной педологии, которую активно поддерживал нарком А.В. Луначарский, был кардинально изменен сам характер школьного обучения и новые комплексные программы стали строиться на полном отрицании традиционного для отечественной школы предметного принципа изложения учебного материала. Отныне все естественнонаучные предметы — математика, физика, химия, география и биология предлагалось изучать не на традиционных предметных уроках, а по обобщенным темам, типа «Трудовая деятельность людей», «Природа как объект трудовой деятельности людей», «Общество как результат труда людей» и других. Теоретики новой реформы школьного образования (Л.С. Выготский, П.П. Блонский, А.Б. Залкинд, Н.К. Крупская) полагали, что именно при такой перестройке всей системы обучения будет значительно легче внедрить в сознание учащихся масс марксистскую диалектическую методологию и сконцентрировать внимание детей на реалиях окружающей жизни. Причем, переподготовка старого учительства для такой работы во многом сводилась к убеждению, что ратовать за новую учебную программу означало выступать и «за советскую власть». Одновременно с этим стали активно внедряться деление детей по «генетической предрасположенности», создание целой сети спецшкол для «трудных и необучаемых детей и подростков», разделение учебного процесса и вопросов воспитания, которое было отдано на откуп педологам, диктат педологов над педагогами, исключительный упор на лабораторные методы работы и коллективные формы учебных занятий, при которой учитель играл лишь роль консультанта, и т.д.

В 1927 г. была проведена Всесоюзная конференция педологов, а уже в начале января 1928 г. состоялся Первый Всесоюзный съезд педологов, в работе которого приняли участие член Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарин, нарком здравоохранения Н.А. Семашко, нарком просвещения А.В. Луначарский и его первый заместитель Н.К. Крупская. По замыслам его организаторов, именно этот всесоюзный форум был призван завершить преобразование всей педологии в марксистскую «научную» дисциплину и дать показательный бой всему инакомыслию, объединив разрозненные ряды педологов на единой теоретической платформе. Эту важную роль был призван сыграть и новый ежемесячный журнал «Педология» (1928–1932), редактором которого стал глава Межведомственной плановой педологической комиссии при Наркомпросе РСФСР А.Б. Залкинд. Именно тогда идеологи «педологической науки» стали открыто и даже агрессивно претендовать на монопольную роль единственной «марксистской науки о детях», грубо оттесняя педагогику и активно поглощая психологию, анатомию и возрастную физиологию, которые с их точки зрения были буржуазными лженауками.

Между тем, надо четко представлять, что сама педология, в основе которой лежали рекапитулятивная теория американского психолога С. Холла, биогенетический закон немецкого философа Э. Геккеля и печально знаменитая «евгеника» английского психолога и антрополога Ф. Гальтона, по своей сути была расистской дисципли-

ной, базирующийся на антропометрических измерениях всех «субъектов обучения» и отождествления «биологических законов и явлений социального ряда», о чем, кстати, в своем выступлении на **Педологическом съезде** говорил и сам **Н.И. Бухарин**.

Новые программы **Наркомата просвещения РСФСР**, как и наркоматов всех других союзных республик, носили во многом рекомендательно-обязательный характер, однако многие советские учителя абсолютно справедливо полагали, что они не обеспечивают систематических знаний и продолжали придерживаться старых методов, приемов и методик обучения. В годы **НЭПа** в стране насчитывалось около **120 тыс.** общеобразовательных школ, где обучалось свыше **11,6 млн учащихся** и работали более **550 тыс. учителей**, однако только **10 %** из них имели высшее образование. Все внешкольное образование, в том числе клубная и кружковая работа, которую активно развивали и пропагандировали **С.Т. Шацкий** и **А.С. Макаренко**, на протяжении всех **1920-х гг.** находилось в ведении **Главного политико-просветительского комитета Наркомпроса РСФСР**, который все эти годы возглавляла **Н.К. Крупская**. В городах и крупных селах центрами подобного образования были заводские и фабричные клубы, при которых открывались различные избы-читальни, школы и курсы ликбеза и т.д. Активную просветительскую работу среди масс вели также библиотеки, музеи, центры пропаганды новой техники и политехнического обучения, дома и дворцы культуры и т.д. Кроме того, в **1924 г.** было создано **Всероссийское общество культурной смычки**, занимавшееся организацией шефской помощи деревне через сбор денежных средств, книг, направление лекторов и т.д.

В **1920-х гг.** существенное обновление пережили и все средства массовой печатной информации, которые играли не последнюю роль в воспитании трудящихся масс. В результате в стране сложилась принципиально новая сеть периодических изданий, среди которых самыми массовыми тиражами выпускались большевистские газеты «Правда» (1912), «Известия» (1917), «Труд» (1921), «Рабочая газета» (1922), «Крестьянская газета» (1923), «Красная Звезда» (1924), «Учительская газета» (1924) и «Комсомольская правда» (1925), а так же ряд центральных партийных журналов — «Пролетарская революция» (1921), «Под знаменем марксизма» (1922) и «Большевик» (1924).

Кроме того, с **октября 1924 г.** начались ежедневные передачи радиопрограмм и серьезно расширилась сеть общесоюзного радиовещания, которое стало одним из ведущих средств массовой коммуникации на всей территории страны. Десятки миллионов советских людей не только в крупных городах, но и в сельской местности получили возможность следить за новостями политической и культурной жизни страны в условиях реального времени, знакомиться с классической и новейшей литературой, музыкой, театральными постановками и т.д.

Между тем, вскоре после прихода к власти большевикам пришлось приложить немало усилий по перестройке всей системы высшего образования страны. Причем, в этой сфере одновременно решалась двуединая задача: **1)** «демократизации» студенчества за счет привлечения в вузы выходцев из социальных низов и **2)** идеологическая перестройка всего высшего образования за счет коренного изменения учебных программ, чему очень активно противился старый профессорско-преподавательский состав, в основной своей массе негативно относившейся к советской власти и ее стремлению установить тотальный контроль над сферой высшего образования.

С тем, чтобы кардинальным образом переломить ситуацию в высшей школе в свою пользу, СНК РСФСР уже в 1918 г. предпринял ряд важных шагов. Так, в августе 1918 г. был утвержден Декрет «О правилах приема в вузы», согласно которому каждый гражданин, достигший совершеннолетия мог быть принят в вуз без экзаменов и предъявления каких-либо документов о получении полного среднего образования. Кроме того, этот декрет предписывал принимать во все вузы в основном «лиц из среды пролетариата и беднейшего крестьянства», которых советское государство брало на свой «кошт». Естественно, что этот декрет привел к резкому увеличению числа первокурсников, однако уже после первой сессии большая их часть, была отсеяна ввиду элементарной неподготовленности к учебе в вузах.

В этой ситуации был быстро найден довольно простой и эффективный выход в виде организации знаменитых **рабочих факультетов (рабфаков)**, которые в сжатые сроки должны были ликвидировать пробелы в школьном образовании и подготовить своих выпускников для дальнейшей учебы в вузах. Первый такой **рабфак** был создан в феврале 1919 г. при **Московском коммерческом институте**, а затем их организовали в большинстве столичных и провинциальных вузов. И хотя, классовый принцип при наборе новых студентов проводился довольно жестко и последовательно, задачу «пролетаризации» высшей школы решить тогда так и не удалось, поскольку большую часть студенчества составляли выходцы из непролетарских социальных групп.

Одновременно большевики предприняли попытку подорвать в самих вузах позиции старой русской профессуры и с этой целью в октябре 1918 г. **Наркомпроса РСФСР** отменил все научные степени и звания и вывел за штат всех высших учебных заведений старый профессорско-преподавательский состав, члены которого теперь могли вернуться на работу в вуз только по итогам всероссийского публичного конкурса. Однако эта мера естественно не привела к ожидаемому властью результату, поскольку заменить старых вузовских «спецов» было просто не кем и большая их часть вновь вернулась на свои места. Тогда, в апреле 1919 г. решением **Наркомпроса РСФСР** были ликвидированы все гуманитарные факультеты в университетах, которые заменили факультетами общественных наук, костяк которых теперь стали составлять более лояльные и проверенные кадры из числа партийных философов, юристов и историков.

Новое наступление на высшую школу началось в декабре 1920 г., когда был опубликован знаменитый Декрет СНК РСФСР «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях», в соответствии с которым: 1) всем преподавателям указанных наук было предписано в сжатые сроки переписать с марксистских позиций свои лекционные курсы и учебные программы; 2) право замещения профессорских должностей перешло к Государственному ученому совету (ГУС) Наркомпроса РСФСР; 3) во главе МГУ был поставлен **Временный президиум** во главе с юристом Д.П. **Благолеповым**, которому лично **В.И. Ленин** поставил первостепенную задачу «уничтожить свободу преподавания» и вести ее строго «по нашим указаниям».

Отныне вся учебная программа в вузах стала строиться в соответствии с «Уставом высшей школы», который был утвержден в сентябре 1921 г. специальным **Постановлением СНК РСФСР**, а так же целым рядом ведомственных положений и инструкций, в том числе «О научном минимуме» и «О факультетах общественных

наук», которые вводили в разряд обязательных научных дисциплин во всех вузах страны «исторический материализм», «историю пролетарской революции», «экономическую политику диктатуры пролетариата» и т.д. А чуть позже, в сентябре 1924 г. эти научные дисциплины были дополнены «историей коммунистической партии» и «основами ленинизма».

В декабре 1922 г. ЦК РКП(б) направил во все партийные организации письмо «О работе в вузах», в котором ставилась первостепенная задача повышения роли коммунистов во всей деятельности высших учебных заведений и «идейного завоевания высшей школы». Для координации работы всех студенческих партийных ячеек были созданы городские союзы коммунистического студенчества, объединенные во **Всесоюзный коммунистический студенческий союз**, а для подготовки кадров высшей школы, сотрудников партийно-государственного аппарата и общественных организаций были созданы **Институт Красной профессуры (1921)**, **Коммунистическая академия им. Я.М. Свердлова (1924)** и профильные **Институты философии, истории, литературы, искусства, советского строительства и права, мирового хозяйства и мировой политики, экономики, естествознания** и т.д. В 1925 г. была восстановлена аспирантура, которая стала готовить научных работников и преподавателей высшей школы, а для подготовки кадров хозяйственных руководителей под кураторством **ВСНХ СССР** была создана **Всесоюзная Промышленная академия**.

Основные трудности советской высшей школы в начале 1920-х гг. были связаны с курсом жесткой экономии и направлением основных материальных и финансовых ресурсов на нужды восстановления народного хозяйства страны, разрушенного в годы **Гражданской войны**. Именно поэтому в мае 1923 г. **X Всероссийский Съезд Советов** принял специальное постановление, в соответствии с которым во всех вузах страны вводилась плата за обучение, за исключением студентов-коммунистов и студентов-комсомольцев. А в 1924 г. был серьезно сокращен прием в советские вузы выходцев из всех непролетарских слоев и проведена крупная чистка советского студенчества по классовому принципу, в результате которой около **20 %** всех студентов были отчислены из многих университетов и институтов страны.

Тем не менее, к **середине 1920-х гг.** были достигнуты заметные успехи в сфере высшего и средне-специального образования. На всей территории страны в достаточно сжатые сроки было создано почти **1000** индустриально-технических, педагогических, сельскохозяйственных, медицинских и экономических техникумов, где было подготовлено около **100 тыс. специалистов**. Еще большее количество специалистов вышло из стен **148** высших учебных заведений, многие выпускники которых пришли в вузы через знаменитые **рабфаки**, где в годы **НЭПа** было подготовлено более **150 тыс. человек**.

Особую роль в руководстве всей системой высшего образования играл очень влиятельный заместитель наркома просвещения, главный «партийный» академик **М.Н. Покровский**, занимавший в то время все ключевые посты в системе всей «революционной общественной науки» и бывший одновременно главой **Коммунистической академии**, **Института Красной профессуры**, **Общества историков-марксистов**, **Института истории СССР** и **Центрального архива СССР**, редактором исторических журналов «**Красный архив**», «**Борьба классов**» и «**Историк-марксист**». Именно он, обладая колоссальным властным ресурсом и поддержкой со стороны ряда членов Политбюро, прежде всего, **Н.И. Бухарина**, **Г.Е. Зиновьева** и **Л.Д. Троцкого**,

резко противопоставил свою «научную школу» советских историков-марксистов «немарксистскому фронту» историков старой русской школы, видными представителями которой были академики и профессора **В.В. Бартольд, С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, В.И. Пичета, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, П.Г. Любомиров, Е.В. Тарле, С.Ф. Платонов** и многие другие крупные ученые. В конце концов, это противостояние закончилось судебной расправой над выдающимися русскими историками дореволюционной формации по сфабрикованному в **октябре 1929 г. «Академическому делу»**, которых огульно обвинили в создании контрреволюционной организации «**Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России**». Помимо академика **М.Н. Покровского** активными борцами за торжество марксизма-ленинизма в исторической науке были и известные партийные историки, особенно старый русофоб, председатель «**Союза воинствующих безбожников**» **Е.М. Ярославский** и директор **Института истории партии при ЦК ВКП(б) М.А. Савельев**.

Кстати, именно тогда по их инициативе прекратили свою деятельность сотни научных обществ, занимавшихся изучением и распространением культурного наследия страны и объединявших многие тысячи энтузиастов, специалистов и краеведов, в частности **Общество истории и древностей российских (1804–1929)**, которое возглавлял академик **М.К. Любавский**, и **Общество любителей российской словесности (1811–1930)** во главе с академиком **П.Н. Сакулиным**.

4. Развитие советской фундаментальной науки

В начале **1918 г.** по поручению **В.И. Ленина** центральные органы советской власти начинают устанавливать первые рабочие контакты с **Российской Академией наук (РАН)**, которую в мае **1917 г.** возглавил первый выборный президент, известный русский геолог академик **А.П. Карпинский**. А уже в **середине марта 1918 г.** **Совнарком** и **Наркомпрос РСФСР** запросили президента Академии наук, какую роль в решении научных задач социалистического строительства могли бы сыграть сама **РАН** и особенно ее **Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС)**, созданная царским правительством еще в **октябре 1915 г.** по предложению ряда видных академиков, в том числе **В.И. Вернадского, Н.И. Андрусова, Б.Б. Голыцина, А.Н. Крылова, Н.С. Курнакова, А.Е. Ферсмана** и других.

В **конце марта 1918 г.** совет **Комиссии** под председательством **В.И. Вернадского** сообщил **А.П. Карпинскому** о своей полной готовности начать работу по заданию советского правительства и вскоре **Наркомпрос РСФСР** утвердил ее смету на сумму **780 тыс. рублей**, которой предусматривалось создание **5 больших научных коллегий** и **2 новых научных институтов** — **Института физико-химического анализа** и **Института по изучению платины и других благородных металлов**. Однако уже через месяц в составе **КЕПС** было создано не **5 коллегий**, а **20 отделов**: по изучению почвы; по промысловым животным; по минеральным водам; по белому углю; по платине; по редким металлам; по стройматериалам и т.д. Таким образом, при большевиках функции **КЭПС** были существенно расширены и завершена уникальная работа по изданию шеститомного фундаментального научного сборника «**Естественные производительные силы России**», в который вошли «**Артезианские воды**» (1917–1919), «**Полезные ископаемые**» (1917–1919), «**Растительный мир**» (1917–1923), «**Животный мир**» (1919), «**Ветер как двигательная сила**» (1919) и «**Белый уголь**» (1921–1923). Более того, несмотря на тяже-

лейшие условия Гражданской войны, в 1918–1920 гг. КЕПС продолжила организацию научных экспедиций, в том числе по комплексному изучению Курской магнитной аномалии, Хибинского месторождения апатитов и всего Кольского полуострова.

В декабре 1918 г. В.И. Вернадский представил на общем собрании КЕПС обо- бщенный программный доклад о создании сети научно-исследовательских ин- ституты как государственных учреждений. А уже в 1919–1920-х гг. по решению СНК РСФСР были созданы 50 научно-исследовательских институтов, в том числе Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), Государственный гидрологи- ческий институт, Государственный физико-технический институт, Институт изучения мозга и психической деятельности, Рентгенологический и радиологический институт, Институт по изучению Севера и другие.

Однако главным императивом всей деятельности КЕПС стало ее активное уча- стие в работе Государственной комиссии по электрификации России, которая с фев- раля 1920 г. занималась разработкой грандиозного Плана электрификации России (ГОЭЛРО), в основу которого были положены фундаментальные исследования, проводившиеся Отделом энергетики КЕПС еще с октября 1916 г. Более 200 круп- нейших ученых и инженеров страны под руководством будущего главы Госплана СССР Глеба Максимилиановича Кржижановского в кратчайшие сроки разработали перспективный план строительства в течение ближайших десяти-пятнадцати лет 30 электростанций, в том числе Штеровской, Каширской, Нижегородской, Шатурской и Челябинской ТЭС и Нижегородской, Свирской, Волховской и Днепровской ГЭС, а так же комплексного развития всей транспортной системы страны за счет маги- стрализации старых и строительства новых железнодорожных линий, сооружения Волго-Донского канала и т.д.

В декабре 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов одобрил, а в декабре 1921 г. IX Всероссийский съезд Советов утвердил План ГОЭРЛО, который, будучи гранди- озным планом комплексного развития всей советской экономики, сыграл исклю- чительно важную роль в так называемой «второй индустриализации страны» и стро- ительства не только трех десятков электростанций, но и сотен металлургических и машиностроительных предприятий, угольных шах, рудных разрезов и других промышленных объектов. Неслучайно именно тогда В.И. Ленин прямо заявил, что «коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

В тяжелейших условиях Гражданской войны вопросы управления наукой были прерогативой не только РАН и ГОЭРЛО, но и двух важнейших государственных структур — ВСНХ и Наркомпроса РСФСР. Уже в августе 1918 г. при ВСНХ РСФСР был создан Научно-технический отдел (НТО), главной задачей которого стало при- влечение к социалистическому строительству сотрудников лабораторий, научных и технических обществ, опытных станций и т.д. Тогда же в составе НТО создано Бюро иностранной техники, главной функцией которого стало изучение новейших научно-технических открытий зарубежных ученых и их скорейшего внедрения в разные отрасли советской экономики. Причем, если ВСНХ РСФСР гораздо чаще ориентировался на чисто прикладные аспекты научный открытий, то Наркомпрос РСФСР курировал значительно более широкий круг вопросов организации науки. Поэтому уже в феврале 1921 г. в его структуре был создан специальный Академиче- ский центр, куда вошел и Государственный Ученый совет (ГУС) с тремя подсекциями: научно-политической, научно-технической и научно-педагогической.

После окончания **Гражданской войны** и перехода к мирному строительству резко поднялась значимость подлинной науки, особенно прикладных исследований, без которых грандиозные планы большевиков по социалистической модернизации страны остались бы просто на бумаге. Поэтому в первую очередь высшее политическое руководство страны предприняло целый ряд неотлагательных мер, обеспечивающих элементарную выживаемость и спасение ученых от голодной смерти. С **конца 1920 г.** в стране стала действовать особая форма их обеспечения — **натуральный академический паек**, который выдавался до **конца 1923 г.** А уже в **1921 г.** были приняты декреты «**Об улучшении быта ученых**» и «**О мерах к улучшению жилищных условий научных работников**», а при Совнаркомом РСФСР создана **Центральная комиссия по улучшению быта ученых**. Тогда же в **1921 г.** был издан специальный декрет «**О создании благоприятных условий для работы академику И.П. Павлову**», единственному на то время российскому лауреату **Нобелевской премии**, присужденной ему в **1904 г.**

Ведущими научными центрами страны была не только **Российская Академия наук**, но и многие университеты и специальные высшие учебные заведения страны, удачно сочетавшие в себе преподавание фундаментальных наук с активной научно-исследовательской деятельностью. Кроме того, научные подразделения действовали также при различных наркоматах и других государственных ведомствах страны. К началу **1921 г.** только в РСФСР насчитывалось свыше **80 Научно-исследовательских институтов (НИИ)**, не считая уже давно существующих научных лабораторий при вузах. Порядка **20 НИИ** в области физики, химии, биологии и общественных наук работали при **Наркомате просвещения**, около **30 НИИ** различного профиля существовали при **ВСНХ**, **40 НИИ** обслуживали **Наркомат здравоохранения** и **4 НИИ** и десятки опытных станций были при **Наркомате земледелия**.

В **июле 1925 г.** специальным **Постановлением ВЦИК и СНК СССР РАН** была признана «**высшим всесоюзным ученым учреждением**» и получила статус **Академии Наук СССР**. А уже в **1926 г.** для усиления руководства наукой со стороны государства были созданы **Межведомственная комиссия при СНК СССР для содействия Академии Наук СССР**, **Отдел научных учреждений СНК СССР** и **Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР**. С этого же года лучшие работы в области фундаментальных и прикладных наук стали отмечаться премиями имени **В.И. Ленина**.

Советским ученым в **1920-х гг.** удалось внести существенный вклад в развитии не только отечественной, но и всей мировой науки. Успешно продолжал работать выдающийся специалист в области теории чисел академик **И.М. Виноградов**. Ценные научные труды по математической физике, минералогии и геохимии Земли завершили академики **П.А. Стеклов**, **В.И. Вернадский** и **А.Е. Ферсман**. Академик **А.Ф. Иоффе** внес очень весомый вклад в разработку физики кристаллов, академик **Д.С. Рождественский** сделал важные научные открытия в области атомной спектроскопии, профессор **Н.Н. Семенов** успешно работал над теорией цепных реакций, а теоретические работы академика **А.И. Берга** по радиофизике позволили решить многие проблемы радиофикации страны.

Во **второй половине 1920-х гг.** выдающиеся достижения были достигнуты в развитии отечественной авиации и теории космонавтики. В частности, именно в эти годы под руководством **А.Н. Туполева** были созданы первые цельнометаллические

самолеты **АНТ-2** и **ЛНТ-3**, **К.Э. Циолковский** приобрел мировую известность как глава нового научного направления — ракетодинамики, **Ф.А. Цандер** разработал и построил первый в мире реактивный двигатель, работавший на бензине и сжатом воздухе, а **А.Л. Чижевский** вел пионерские работы в области ионификации.

В те же годы увидели свет и новые крупные научные труды академика **И.П. Павлова** в области физиологии, фундаментальные работы академиков **Д.Н. Прянишникова** и **В.Р. Вильямса** в области агробиологии, агрохимии и физиологии растений. Известный агробиолог и генетик академик **Н.И. Вавилов**, автор закона гомологических рядов в наследственной изменчивости организмов, продолжал развивать свое учение о биологических основах селекции и центрах происхождения культурных растений. Очень широкую известность получила деятельность **И.В. Мичурина** по селекции новых сортов плодовых деревьев и в **1925 г.** его знаменитый **Козловский питомник в Тамбовской губернии** стал научным учреждением государственного уровня. Важное значение также имели научные труды профессоров **А.В. Чайнова** и **Н.Д. Кондратьева** по проблемам выживаемости крестьянских хозяйств и планированию сельского хозяйства и новаторские исследования академика **С.Г. Струмилина** по методологии статистики. Кроме того, видные советские ученые и специалисты, в том числе **Г.М. Кжижановский**, **Г.О. Графтио** и **П.А. Флоренский**, разработали проекты крупных тепловых и гидравлических электростанций, которые позволили к началу **1930-х гг.** выполнить знаменитый план **ГОЭЛРО**.

В начале **1920-х гг.** возобновилось участие российских ученых в международных конференциях и заграничных научных экспедициях, а уже в **1925 г.** состоялся первый в СССР международный научный форум специалистов в области изучения пресных вод — **III Лимнологический конгресс**. В том же году на празднование двухсотлетнего юбилея Академии Наук СССР прибыли свыше **130** крупнейших ученых из **25** стран мира.

5. Советская художественная культура

а) Предварительные замечания

Хорошо известно, что после прихода большевиков к власти на первый план в развитии национальной культуры вышли левацкие и авангардные течения, которые сразу стали претендовать на роль единственных носителей нового пролетарского искусства. Причем, особым влиянием в творческой среде революционной России стали пользоваться **футуристы**, которым очень симпатизировал нарком просвещения **А.В. Луначарский**, написавший в своем знаменитомopusе «**Искусство и революция**» (**1922**), что «в футуризме есть одна прекрасная черта — это молодое и смелое направление, и поскольку лучшие его представители идут навстречу коммунистической революции, постольку они легче могут стать виртуозными барабанщиками нашей красной культуры».

Именно футуристы привлекали вождей и теоретиков большевизма тем, что всегда призывали представителей искусства активно служить своим творчеством делу пролетарской революции и искали новые и яркие формы художественной выразительности. К числу своих ярких достижений в период **Гражданской войны** они сами относили плакатную живопись **Д.С. Моора** и **А.П. Апсита**, агитационную пьесу **В.В. Маяковского** «**Мистерия-буфф**», театральные постановки **В.Э. Мейерхольда**,

проект «Башни III Интернационала» В.Е. Татлина и десятки других произведений в разных областях искусства. Однако уже весной 1921 г. в личной беседе с А.В. Луначарским В.И. Ленин выразил свое явное недовольство чрезмерным развитием «формалистического искусства» и широким распространением футуризма и предложил главе Наркомпроса РСФСР более активно поддержать и реалистическое направление в искусстве.

Кстати, тогда же сложилось и общее представление о главных задачах политики Наркомпроса РСФСР как главного проводника политики большевиков в области художественного творчества. Наиболее полно они были сформулированы А.В. Луначарским в мае 1921 г. на встрече с делегацией **Всероссийского союза работников искусств**: 1) сохранение истинных ценностей национального искусства прошлых веков, 2) критическое освоение их пролетарскими массами, 3) всемерное содействие созданию опытных форм революционного искусства, 4) использование всех видов искусства для пропаганды идей коммунизма и их проникновения в массу работников искусства, 5) объективное отношение ко всем течениям в искусстве, 6) демократизация всех художественных учреждений и широкая их доступность трудящимся массам.

По мнению многих современных авторов (А. Вдовин, В. Казак, С. Кислицын, В. Толстых), фактическим итогом кровавых событий Великой русской революции и Гражданской войны стало реальное разделение русской национальной культуры и формирование в ее недрах трех основных «потоков»: 1) первый — «официальный» или «государственно-социалистический», напрямую руководимый всем партийно-государственным идеологическим аппаратом власти, 2) второй — «несоциалистическая» художественная культура, «мирно» сосуществовавшая в рамках советской легальности, и 3) третий — культура русского зарубежья.

Непременной нормой всех произведений «первого потока» стало сочетание социалистической направленности и реалистической художественной формы, с абсолютно четкой мировоззренческой и идейной составляющей. Писатели, художники, скульпторы и композиторы «второго потока» развивали зачастую откровенно досоветские формы и традиции искусства, которые не несли в себе мощного заряда «социалистического пафоса», однако, впрочем, не противоречили основным партийным установкам и решениям в области культуры. Поэтому советская власть их отчасти терпела, но одновременно и создавала ряд непреодолимых препятствий к широкому распространению их сочинений и работ, а зачастую подвергала различным идеологическим «разносам» и даже политическим репрессиям. «Третий поток» русской культуры развивался вне рамок «коммунистического диктата», но совершенно изолированно от России и потому не оказал заметного влияния на духовную жизнь страны в годы советской власти.

б) Развитие советской литературы

Переломная эпоха в многовековой истории нашей страны оказалась очень бурной и для всей ее литературно-художественной жизни. Высшее политическое руководство на первых порах еще как-то сдерживало постоянно растущее стремление к полному диктату в тонкой сфере художественного творчества, ограничиваясь лишь политической цензурой и полагая, что в ближайшее время все писатели, художники, композиторы и театральные работники будут в состоянии выработать

оптимальные формы социалистического искусства. Однако уже в конце 1920 г. ЦК РКП(б) направил на места письмо «О пролеткультах», в котором выразил большую озабоченность особыми претензиями Союза пролетарских культурно-просветительных и литературно-художественных организаций на выработку и утверждение в советском обществе особой пролетарской культуры, отрицавшей всю культурную традицию страны прошлых столетий. В этом письме ЦК РКП(б) специально разъяснялись ленинские оценки Пролеткульта как движения «теоретически неверного и практически вредного». Причем, основной вред этого Союза усматривался в том, что под видом «пролетарской культуры» всему советскому обществу активно прививались самые нелепые и откровенно извращенные вкусы, буржуазные философские системы и антинаучные выдумки.

Однако пролеткультовские идеи оказались очень живучи в интеллигентской среде и содержались в программах многих творческих объединений и союзов, возникших в 1920-х гг., в частности:

1) Литературной группы «Кузница» (1920–1932), созданной известными московскими поэтами В.В. Казиным, М.П. Герасимовым, В.Д. Александровским, С.А. Обрадовичем, С.А. Родовым и другими, вышедшими из состава Пролеткульта. Эта довольно влиятельная литературная группа с самого начала противопоставила себя дореволюционным литературным направлениям и школам — символизму, футуризму и имажинизму. Кроме того, участники «Кузницы» в своих манифестах объявляли примат классовой, пролетарской литературы, отход в поэзии от «буржуазного» содержания, сжатого формальными рамками стиха, и призывали к точному выражению пролетарского духа. При этом они категорически не признавали руководство развитием культуры со стороны партии большевиков и отвергали НЭП, объявляя новый политический курс РКП(б) изменой принципам мировой пролетарской революции.

2) Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП) (1920–1931), в состав правления которой были избраны ряд видных членов «Кузницы» — В.Д. Александровский, П.А. Арский, М.П. Герасимов, А.М. Волков и другие, а центральным органом этой организации стал журнал «Кузница», который начал издаваться в 1921 г.

Вместе с тем на «литературном фронте» молодой советской республики существовали и другие влиятельные писательские группировки, в частности:

3) Литературная группа «Серрапионовы братья» (1921–1929), основанная в Петрограде влиятельной группой известных писателей северной столицы И.А. Груздевым, М.М. Зошенко, В.В. Ивановым, В.П. Кавериним, К.А. Фединим, М.Л. Слонимским, Л.Н. Лунцем, Е.Г. Полонской, Н.А. Тихоновым и Н.Н. Никитиним, и названная так по одноименному сборнику новелл известного немецкого писателя-романтика Э. Гофмана.

4) Литературная группа пролетарских писателей «Октябрь» (1922–1925), ядро которой тоже составили писатели, вышедшие из «Кузницы» — А.Г. Малышкин, А.Я. Дорогойченко, С.А. Родов, Ю.Н. Либединский, А.И. Тарасов-Родионов, Ф.А. Березовский и Д.А. Фурманов. В 1923 г. вместе с литературными группами «Молодая гвардия» и «Рабочая весна» она влилась в Московскую Ассоциацию пролетарских писателей (МАПП), центральным печатным органом которой стал журнал «Октябрь».

5) Литературная группа «Молодая гвардия» (1922–1925), участниками которой стали молодые поэты и писатели А.И. Безыменский, А.А. Жаров, М.А. Светлов, М.С. Голодный, И.И. Молчанов, А.А. Исбах, И.И. Доронин, В.А. Герасимова и другие. В этой же литературной группе начинал свою творческую деятельность и молодой донской писатель М.А. Шолохов.

6) «Левый фронт искусств» (1922–1929), созданный в Москве известным советским поэтом В.В. Маяковским. В состав этой организации входили видные поэты Н.Н. Асеев, В.В. Каменский, С.И. Кирсанов и Б.Л. Пастернак, известные художники А.М. Родченко и В.Е. Татлин, а также теоретики искусства Б.И. Арватов, О.М. Брик, С.В. Третьяков, Н.Ф. Чужак, В.Б. Шкловский и другие. Эта влиятельная организация издавала свои журналы «ЛЕФ» (1923–1925), «Новый ЛЕФ» (1927–1928) и «РЕФ» (1928–1929).

7) Московская ассоциация пролетарских писателей (МАПП) (1923–1932) была основана группой «Октябрь», в которую позднее вошли группы «Молодая гвардия», «Рабочая весна» и «Варганка». Члены МАПП, в руководство которой входили А.И. Безыменский, А.Я. Дорогойченко, В.Ф. Плетнев, А.С. Серафимович, С.А. Родов и А.В. Соколов, придерживались наиболее радикальных классовых позиций в области литературы. Причем, одной из главных целей этой ассоциации была борьба против группы «Кузница» и находившегося под ее влиянием объединения ВАПП. В апреле 1924 г. МАПП удалось захватить контроль над ВАПП и перестроить ее в своем духе. С этого времени МАПП стал московской секцией ВАПП (РАПП), и вместе с этим объединением исчез после известного партийного Постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» в 1932 г. Основными печатными органами МАПП были журналы «На посту» и «Октябрь».

8) Литературный центр конструктивистов (ЛЦК) (1923–1930) — особое поэтическое течение, основанное К.Л. Зелинским, И.Л. Сельвинским и А.Н. Чичериным, в состав которого чуть позже вошли Б.Н. Агапов, Н.А. Адуев, Э.Г. Багрицкий, Е.И. Габрилович, В.М. Инбер, В.А. Луговской, Н.Н. Ушаков и другие молодые советские поэты.

9) Литературная группа «Перевал» (1923–1932), которая возникла при журнале «Красная Новь», главным редактором которого был А.К. Воронский. Активными участниками этой группы были видные поэты и писатели разных поколений — А.И. Веселый, М.А. Светлов, М.С. Голодный, И.И. Катаев, Э.Г. Багрицкий, Н.Г. Огнев, М.М. Пришвин, А.Г. Малышкин, А.А. Караваева, Я.М. Алтаузен и другие, которые активно выступали против сектантства, левачества и жесткого администрирования рапповцев, рационализма и формализма левовцев и конструктивистов, за сохранение преемственной связи советской литературы с лучшими традициями русской и мировой литературы.

10) Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей (ВАПП) (1925–1932), которая была создана в Москве на I Всесоюзной конференции пролетарских писателей. Первоначально в правление этой ассоциации входили Д. Бедный, И.В. Вардин, Г.Г. Лелевич, С.А. Родов и другие. Однако уже в июне 1925 г. после выхода резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», поддержавшей идею о свободном соревновании различных художественных направлений и школ, в руководстве ВАПП произошел раскол. Одна группа во главе с И.В. Вардиным, Г.Г. Лелевичем и С.А. Родовым осталась на прежних, крайне

русофобских и левосектантских позициях, однако большинство членов ВАПП во главе с Л.Л. Авербахом, Б.М. Волиным, В.М. Киришоновым, Ю.Н. Либединским и Д.А. Фурмановым приняли установки резолюции ЦК РКП(б). Вскоре к ним присоединились А.А. Фадеев, А.П. Селивановский, В.В. Ермилов, В.А. Сутырин и ряд других писателей, а новый критический журнал ВАПП «На литературном посту» отмежевался от нигилистического отношения к культурному наследию прошлого, призвав советских писателей опираться в своем творчестве на лучшие традиции русской литературы эпохи критического реализма.

Особое место в развитии советской литературы того периода занимала литературная группа «Имажинистов» (1919–1924), представители которой всегда декларировали фатальную неизбежность антагонизма искусства и государства. Причем, особую позицию в самой этой группе, куда входили А.Б. Мариенгоф, В.Г. Шершеневич, И.В. Грузинов, А.Б. Кусиков и другие, занимал великий русский поэт Сергей Александрович Есенин (1895–1925), утверждавший необходимость самой тесной связи советской поэзии с естественной образностью русского языка.

По мнению многих современных авторов (В. Казак, Е. Громов), в советской литературе этого периода выделяются два основных течения. Одно, так называемый «левый фланг искусства», искавший новые формы в эстетике искусства, и условно «правый фланг», который вел свои поиски в русле традиционного реалистического искусства. Активными борцами за «новую литературу», создаваемую силами пролетарских писателей, были ассоциации ВАПП, МАПП и РАПП и их журналы «На посту» (1923–1925) и «На литературном посту» (1926–1932). Причем, что примечательно литературно-художественные силы тех лет делились в самих журналах на три лагеря — пролетарских и крестьянских писателей и их «попутчиков». «Напостовцы» считали свое объединение орудием диктатуры партии в области литературы и, выступая от лица рабочего класса, подвергали разгромной критике разного рода «попутчиков», к которым относили и В.В. Маяковского, и А.М. Горького, и С.А. Есенина, и А.Н. Толстого, и Л.М. Леонова и других выдающихся русских писателей и поэтов. Причем, как справедливо отметили ряд современных авторов (О. Платонов, А. Вдовин), перманентно враждовавшие между собой РАПП, ВАПП и «ЛЕФ» всегда единым фронтом выступали с откровенно русофобских позиций, а многие руководители этих группировок, прежде всего, А.А. Безыменский, Л.Л. Авербах, И.М. Беспалов, А.И. Зонин, М.С. Гельфанд, Вс.В. Вишневский, Г.Е. Горбачев, А.Д. Камегулов и Н.Г. Свириин, «прославились» классическими русофобскими произведениями.

Более того, уже в начале 1920-х гг. сформировалась целая когорта «пролетарских» критиков и литераторов — Н.И. Бухарин, А.А. Безыменский, Б.А. Розенфельд, Л.Л. Авербах, Б.Я. Бухштаб, А.Г. Горнфельд, П.С. Коган, С.Д. Дрейден, И.С. Гроссман-Рошин, В.В. Ермилов, К.Л. Зелинский, А.З. Лежнев, Г.Г. Лелевич, И.М. Машбиц-Веров, М.А. Ольшевец, А.П. Селивановский, Д.Л. Тальников Н.Ф. Насимович-Чужак и Ю.И. Юзовский, готовых беспощадно травить и поливать помоями любое проявление самобытного русского таланта. Причем, свою откровенную русофобию и нигилизм они прикрывали разного рода ярлыками и лозунгами типа борьбы против «кулацкой литературы», «кумачовой халтуры», «буржуазного индивидуализма» и т.д. Практически любое значительное произведение М.М. Пришвина, А.Н. Толстого, В.Я. Шишкова, М.А. Шолохова, Н.С. Сергеева-Ценского, П.С. Романова,

Н.А. Заболоцкого, А.П. Платонова, М.А. Булгакова и других талантливых русских писателей и поэтов подвергалось постоянной травле не только в рапповских журналах «На литературном посту», «Октябрь» или «Молодая гвардия», но и в таких журналах, как «ЛЕФ», «Красная Новь», «Новый мир» и «Звезда». Очень характерным в этом отношении стали откровенно русофобские книжонки «любимца всей партии» тов. Н.И. Бухарина «Злые заметки» (1927), партийного публициста И.Д. Беляева «Подлинный Есенин: социально-психологический этюд» (1927) и литератора Г.А. Медынского (Покровского) «Есенин — есенинщина — религия» (1929).

Несколько отличную позицию занимал «переваловский» журнал «Красная Новь», в котором публиковались самые яркие, вне зависимости от политических убеждений и социального статуса их авторов, литературные произведения. Причем, что довольно интересно, эту линию журнала всячески поддерживал сам Л.Д. Троцкий, опубликовавший в 1923 г. свою знаменитую работу «Литература и революция». Главный редактор этого журнала А.К. Воронский, будучи видным троцкистом, все же выступал за приоритет эстетических критериев над политическими и разумно полагал, что «пролетарское течение в литературе» не должно пользоваться привилегиями. Однако эта линия журнала вскоре была прервана, в том числе и по причине поражения «объединенной оппозиции» в борьбе за власть.

Конечно, резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» осуждала крайности «напостовской» линии в советской литературе и призывала эту публику более бережно относиться к так называемым «попутчикам», однако в целом эта резолюция все же содержала активную поддержку именно пролетарским литературно-художественным силам. Видимо, поэтому коренных изменений в позиции «неистовых ревнителей» пролетарской чистоты в литературе так и не произошло. Более того, в 1927 г. сторонники РАПП добились отстранения А.К. Воронского от руководства «Красной Новью» за его непримиримое отстаивание реализма и классических традиций, а позднее, в 1928–1930 гг., обрушились на «марксистскую школу» профессора В.Ф. Переверзева, в результате термин «переверзевщина», рожденный в ходе этой «дискуссии», превратился в идеологический ярлык.

Весной 1928 г. состоялся Первый Съезд советских писателей СССР, на котором было создано Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей — ВОАПП во главе с Л.Л. Авербахом, П.М. Керженцевым и А.А. Фадеевым, в результате чего рапповцы существенно расширили свое влияние не только в литературном, но и в общественно-политическом процессе. Но, тем не менее, в результате относительно свободного соревнования различных течений и группировок в 1920-х гг. были созданы выдающиеся произведения советской литературы, вошедшие в золотой фонд всей отечественной культуры. Именно в эти годы были посмертно опубликованы мемуары В.Г. Короленко «История моего современника» (1922), А.Н. Толстой написал свои знаменитые романы «Сестры» (1922) и «Восемнадцатый год» (1928), М.В. Вересаев создал роман «В тупике» (1922) и биографическую хронику «Пушкин в жизни» (1927), С.А. Есенин написал лучшие свои стихотворения («Отговорила роща золотая, «Письмо к матери», «Не жалею, не зову, не плачу») и такие поэтические шедевры, как поэмы «Анна Снегина» (1925) и «Черный человек» (1925), а А.М. Горький, проведший большую часть 1920-х гг. за границей, написал «Мои университеты» (1923) и «Дело Артамоновых» (1925).

В этот же период было создано немало сочинений, отразивших переломную эпоху в истории страны. Например, эпоха Гражданской войны очень ярко была отражена в романах Д.А. Фурманова «Чапаев» (1923) и «Мятеж» (1925), А.С. Серафимовича «Железный поток» (1924), И.Э. Бабеля «Конармия» (1926), А.А. Фадеева «Разгром» (1926), М.А. Булгакова «Белая гвардия» (1927) и М.А. Шолохова «Тихий Дон» (1928). А тема восстановления народного хозяйства страны нашла свой отклик в таких произведениях, как знаменитые романы Ф.В. Гладкова «Цемент» (1925) и Л.Н. Сейфулиной «Виринея» (1924). В те же годы широкое признание у публики получили романы К.А. Федина «Города и годы» (1924), Ю.Н. Тынянова «Кюхля» (1925) и «Смерть Вазир-Мухтара» (1928), В.А. Каверина «Девять десятых судьбы» (1925) и О.Д. Форш «Одеты камнем» (1925).

Вместе с тем, достаточно критическое отношение ряда видных писателей к советской действительности было ярко выражено в антиутопии Е.А. Замятина «Мы» (1924), в произведениях М.А. Булгакова «Роковые яйца» (1925) и «Дьяволиада» (1925), в знаменитом романе И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев» (1927), в повести Б.А. Пильняка «Повесть непогашенной луны» (1927) и других.

Бесценным даром современникам и потомкам стало поэтическое творчество С.А. Есенина и В.В. Маяковского, расцвет которого пришелся именно на 1920-е гг. Тогда же в полный голос заявили о себе такие видные советские поэты, как Н.Н. Асеев, Э.Г. Багрицкий, О.Э. Мандельштам, Б.Л. Пастернак, Н.А. Тихонов, М.А. Светлов и А.А. Сурков и родоначальники советской детской литературы Б.С. Житков, С.Я. Маршак и К.И. Чуковский.

Русская деревня в 1920-е гг. также приобрела новых оригинальных художников. Наряду с такими признанными талантами, как С.А. Есенин, Н.А. Клюев, С.А. Клычков, П.А. Карлов и А.В. Ширяевец, еще в 1914–1915 гг. составивших группу «Новокрестьянских поэтов», певцами крестьянской России и выразителями ее чаяний и надежд стали такие литераторы, как П.Н. Васильев, А.А. Ганин, И.В. Грузинов, Г.Д. Деев-Хомяковский, И.А. Дорошин, П.Д. Дружинин, А.А. Жаров, М.В. Исаковский, И.И. Молчанов, В.Ф. Наседкин, П.В. Орешин, А.А. Прокофьев и П.А. Родинов. Причем, по мнению многих современных литературоведов, отличительной особенностью советской крестьянской поэзии той эпохи была ее сдержанность по отношению к пафосу их современности и грандиозным планам переустройства советского общества на социалистических началах.

Между тем, именно в 1920-х гг. началась настоящая травля многих русских поэтов, которая носила вполне организованный характер и координировалась видными членами правящей партийной верхушки, в частности Н.И. Бухариным, К.Б. Радеком, Л.С. Сосновским и Я.С. Аграновым. Именно тогда начинается разнузданная кампания клеветы на С.А. Есенина и ряд близких ему поэтов — А.А. Ганина, П.В. Орешина, С.А. Клычкова и других, а органы ОГПУ фабрикуют дело об их антисемитизме. В результате затравленный большевистскими вождями, поставленный в невыносимые условия существования, великий русский поэт погиб при невыясненных обстоятельствах. Причем, официальная версия его «самоубийства» сейчас отрицается многими исследователями, в том числе писателем И.В. Лысцовым, автором известной книги «Убийство Есенина» (1992).

В 1924 г. органы ОГПУ под руководством Г.Г. Ягоды и Я.С. Агранова фабрикуется очередное грязное дело «Ордена русских фашистов», по которому во внесу-

дебном порядке были расстреляны несколько молодых русских поэтов — А.А. Ганин, П.Н. Чекрыгин, Н.Н. Чекрыгин, В.И. Дворяшин и В.М. Галанов, которых абсолютно бездоказательно обвинили в несуществующем преступлении против большевистского режима — «замышлении произвести террор над членами советского правительства».

в) Развитие советского изобразительного искусства и архитектуры

Изобразительное искусство, как и другие виды советского искусства, развивалось в условиях противостояния и взаимодействия различных творческих объединений и группировок. Основной тон здесь задавала Ассоциация художников революционной России (АХРР) (1922—1932), у истоков создания которой стояли И.И. Бродский, А.М. Герасимов, М.Б. Греков, Б.В. Иогансон, Е.А. Кайман и Г.Г. Рязский. В своем творчестве эти художники развивали лучшие традиции русских передвижников в новых исторических условиях и выступали за дальнейшее развитие реалистических начал в художественном творчестве советских живописцев.

Активно проявляли себя в художественном творчестве и члены «Общества станковистов» (ОСТ) (1925—1932), основанного Д.П. Штеренбергом и объединявшего около трех десятков художников, в основном выпускников ВХУТЕМАСа — Ю.П. Анненкова, П.В. Вильямса, А.Д. Гончарова, А.А. Дейнека, И.В. Клуна, Н.И. Куприянова, А.А. Лабаса, С.А. Дучишкина, Ю.И. Пименова, А.Г. Тышлера и других, которые стремились к отражению типических явлений современной действительности, к лаконизму и динамике художественных форм.

Большим влиянием в советском изобразительном искусстве пользовались члены общества живописцев, графиков, скульпторов и архитекторов «Четыре искусства» (1924—1931), в состав которого входили главным образом бывшие члены «Мира искусства» и «Голубой розы» — И.В. Жолтовский, А.И. Кравченко, П.В. Кузнецов, А.Т. Матвеев, В.И. Мухина, М.С. Сарьян и А.В. Шусев, решительно выступавшие против авангардизма и других новомодных течений в живописном искусстве того времени.

Традиции «Мира искусства» — одного из самых значимых художественных течений «Серебряного века», продолжали художники общества «Жар-цвет» (1923—1930) М.В. Добужинский, А.П. Остроумова-Лебедева, К.Ф. Богаевский, М.А. Волошин и другие.

Традиций «Бубнового валета», полностью отрицавшего приемы русской иконописи, академизма и реализма, продолжили в своем творчестве художники объединений «Маковец», в частности С.В. Герасимов, Л.Ф. Жегин, В.Н. Чекрыгин и Н.М. Чернышев, и «НОЖ» (Новое общество живописцев), активными членами которого были С.Я. Адливанкин, А.М. Глушкин, А.М. Нюрнберг, Н.Н. Попов и Г.Г. Рязский.

Кроме того, «бубновалетовцы» создали объединение «Московские живописцы» (1924—1926), в состав которого входили И.Э. Грабарь, А.В. Куприн, П.П. Кончаловский, Р.Р. Фальк, Г.В. Федоров, И.И. Машков, Б.Д. Королев, А.В. Лентулов, А.А. Осмеркин и другие крупные художники, которые ставили своей главной целью создать «действительный синтез современного содержания и современной реальной формы». В 1926 г. это объединение в полном составе вошло в АХРР, однако, вскоре большая его часть вышла из этой ассоциации и в 1928 г. учредила

Общество московских художников (ОМХ), которое объединило в своих рядах 70 бывших «бубновалетовцев», «московских живописцев» и «маковцев» — С.В. Герасимова, И.Э. Грабаря, Н.А. Григорьева, А.А. Древина, А.А. Лентулова, П.П. Кончаловского, Р.Р. Фалька, Б.Д. Королева, Н.С. Крылова, А.В. Куприна, И.И. Машкова, В.Ф. Рындина, А.А. Осмеркина, Н.А. Удальцова, А.В. Фонвизина, Н.М. Чернышева, А.В. Шевченко и других живописцев.

В 1924 г. К.С. Малевич, родоначальник одного из видов абстрактного искусства — «супрематизма», основанного на комбинировании простейших геометрических фигур, окрашенных в контрастные цвета, и основатель витебской группы «Утвердители нового искусства» (УНОВИС) (1919–1922), куда входили местные еврейские художники В.М. Ермолаева, Л.М. Добужинский, А.А. Лепорская, Л.М. Лисицкий, Е.М. Магарил, Н.М. Суетин, Л.М. Хидекель, Л.А. Юдин, Н.И. Коган, Р.Р. Фальк, М.З. Шагал, Л.А. Юдин и другие, стал директором Государственного института художественной культуры в Ленинграде. А его визави, художник и график В.В. Кандинский, ставший основоположником «русского абстракционизма», тогда же возглавил Московский институт художественной культуры.

В 1926 г. в Москве образовалось Общество русских скульпторов, в которое вошли мастера различных художественных школ и направлений — А.С. Голубкина, Н.И. Альтман, Н.А. Андреев, И.А. Шадр, В.И. Мухина, С.Д. Лебедева, С.Т. Коненков, В.В. Ватагин, В.Н. Домогацкий, И.С. Ефимов и другие. Именно члены этого общества стали активными участниками нового этапа грандиозной программы «монументальной пропаганды», реализация которой была начата еще в апреле 1918 г., когда вышел декрет СНК РСФСР «О памятниках Республики». В соответствии с этим декретом Отдел изобразительных искусств Наркомпроса РСФСР постановил: 1) снести памятники, воздвигнутые «в честь царей и их слуг», которые не представляют никакой исторической и художественной ценности, и 2) возвести монументы 66 выдающимся революционерам, общественным деятелям, ученым и писателям, которые сыграли выдающуюся роль в мировом освободительном движении. Среди этих исторических персон были названы Спартак, Тиберий Грах, Марк Брут, Грах Бабеф, Максимилиан Робеспьер, Жорж Дантон, Джузеппе Гарибальди, Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Пьер Лассаль, Степан Разин, Павел Пестель, Константин Рылеев, Александр Герцен, Степан Халтурин, Софья Перовская и многие другие. Уже в первый год «пролетарской диктатуры» только в Москве и Петрограде было воздвигнуто более 70 монументов, посвященных персонам из этого списка, но практически все они вскоре элементарно развалились, поскольку были созданы из гипса. Поэтому еще до окончания Гражданской войны начался новый этап в реализации программы «монументальной пропаганды», который напрямую курировали Д.П. Штеренберг и В.Е. Татлин.

Среди самых выдающихся произведений монументальной скульптуры, созданных в первые годы советской власти, следует назвать барельеф «Павшим в борьбе за мир и братство народов» у Кремлевской стены (С.Т. Коненков, 1918–1919), монумент Советской Конституции на Советской (Тверской) площади в Москве (Н.А. Андреев, 1919), памятник А.И. Герцену и Н.П. Огареву у старого здания Московского университета (Н.А. Андреев, 1922), памятник К.А. Тимирязеву у Никитских ворот (С.В. Меркуров, 1923), скульптуру «Рабочий» на Пролетарской площади в Москве (Н.А. Андреев, 1925), скульптурный бронзовый портрет А.С. Пушкина (В.Н. Домогацкий, 1926),

скульптурную композиция «Бульжник — орудие пролетариата» (И.А. Шадр, 1927) и памятник А.Н. Островскому у Малого театра в Москве (Н.А. Андреев, 1929).

В 1920-х гг. в советской архитектуре наибольшее признание получил конструктивизм, развиваемый Обществом современных архитекторов (1924—1931), членами которого были братья А.А., В.А. и Л.А. Веснины, А.К. Буров, М.Я. Гинзбург, И.А. Голосов, И.Л. Леонидов, А.С. Никольский, Г.М. Орлов, А.С. Фуфакев и другие «зодчие», активно выступавшие под лозунгом функционализма и усиленно пропагандировавшие использование новейших конструкций и материалов, и типизацию и индустриализацию всего строительства.

Еще больший рационализм проявился в творчестве членов Ассоциации новых архитекторов (АСНОВА) (1923—1930), которая была создана видными преподавателями ВХУТЕМАСа Н.А. Ладовским, К.С. Мельниковым, А.М. Рухлядевым и А.М. Родченко, выступивших с идеей создания архитектуры на базе синтеза пластических искусств, в частности включения в архитектуру революционной эмблематики и лозунгов, выполненных средствами скульптуры, живописи и декоративного искусства. Кроме того, идеи конструктивизма проповедовали в своем творчестве В.Е. Татлин, Л.М. Лисицкий, И.И. Леонидов, Н.В. Докучаев, В.Ф. Кринский и другие.

Среди самых известных произведений советских конструктивистов следует назвать редакционное здание газеты «Ленинградская правда» (1924) и Дом акционерного общества «Аркос» (1924) в Ленинграде, возведенные по проектам братьев А.А. и Л.А. Весниных, Павильон и Торговый сектор СССР на Международной выставке декоративного искусства и промышленности в Париже (1925), Клуб завода «Каучук» (1927), Клуб имени И.В. Русакова и Дом архитектора в Кривоарбатском переулке Москвы (1927—1929), возведенные по проектам архитектора К.С. Мельникова.

В 1928—1930 гг. по проекту конструктивиста М.Я. Гинзбурга в Москве на Новинском бульваре был построен экспериментальный «коммунальный» дом для сотрудников Наркомата финансов СССР, завершавший эпоху длительных поисков кардинальной перестройки в сфере социально-бытового уклада советских граждан, в котором индивидуальные квартиры сочетались с помещениями коллективного пользования, в том числе общей столовой, прачечной и т.д. Однако в целом проекты новых жилых комплексов, предлагавших утопические идеи и, как правило, осуществлявшиеся со значительными отклонениями от первоначальных замыслов, успеха не имели и вскоре ушли в прошлое.

В 1920-х гг. разрабатывались также грандиозные планы реконструкции Москвы под руководством известных русских архитекторов академиков А.В. Щусева и И.В. Жолтовского, и Ленинграда под руководством не менее известного архитектора академика И.А. Фомина. Хотя, приумножение культурного наследия многих городов новейшими архитектурными постройками тут же сочеталось с варварским уничтожением ценнейших историко-архитектурных памятников Древней Руси и Императорской России, особенно культовых построек — монастырей, храмов и церквей.

Одновременно начался массовый снос памятников, воздвигнутых «в честь царей и их слуг» и уже в 1918—1919 гг. были уничтожены кремлевские памятники Александру II (1898) и великому князю Сергею Александровичу (1908), созданные А.М. Опекушиным и В.М. Васнецовым, памятник Александру III (1912) возле Храма Христа Спасителя работы А.М. Опекушина, памятник генералу М.Д. Скобелеву

(1912) на Тверской работы П.А. Самонова, памятник «Питомцам Академии Генерального штаба» (1909) работы К.В. Изенберга и многие другие работы.

г) Организация музейного дела

Особое место в развитии советской культуры, безусловно, занимало музейное дело. Первоначально деятельность всех органов по руководству музейным делом и охраной памятников культуры базировалась на трех основных принципах, существовавших в императорской России: 1) отношение к музейным ценностям как национальному достоянию страны; 2) демократизации музейного дела, как необходимого условия его дальнейшего развития, и 3) неприкосновенность музейных коллекций. Поэтому на первых порах основными задачами Наркомпроса РСФСР и его структур на местах были выдача охранных грамот на музеи и коллекции, прием коллекций на хранение, изучение дворянских усадеб, царских дворцов и зданий государственных учреждений с целью выявления особо ценных предметов, артефактов и коллекций.

Более того, по поручению СНК РСФСР был довольно быстро подготовлен список наиболее ценных объектов культурного наследия, которые необходимо было сразу взять под государственную охрану, и уже в ноябре — декабре 1917 г. статус государственных музеев получили Зимний дворец, дворцовые императорские комплексы в Петергофе, Гатчине и Царском Селе, дворцовые ансамбли русской знати в Архангельском, Кусково, Останкино и Марьино, пушкинские места Михайловское, Тригорское, Петровское, Ярополец и Полотняный завод, толстовская усадьба в Ясной Поляне и другие.

Тогда же была издана и первая «Инструкция об охране, учете и регистрации памятников старины и искусства», которая стала базой для создания всех столичных и провинциальных музеев на всей территории страны. В соответствие с этой инструкцией основной формой охраны ценностей теперь стали: 1) объявление их государственной собственностью и превращение их в музеи, а так же 2) учет и контроль частных коллекций. Однако сам процесс национализации культурных ценностей был не одномоментным и проходил постепенно, в результате издания целого ряда декретов и постановлений СНК и Наркомпроса РСФСР. Первоначально государственная собственность на объекты культуры и искусства, в том числе на историко-архитектурные памятники, проходил на нормативной базе «Декрета о земле», провозгласившего конфискацию всех помещичьих, удельных, монастырских и церковных земель со всем их инвентарем и усадебными постройками. Именно поэтому первый список музейных комплексов касался исключительно самих усадеб и имений, но не их культурных ценностей, которым угрожала реальная опасность быть утраченными. Поэтому уже в первой половине 1918 г. СНК РСФСР принял ряд декретов, на базе которых была создана законодательная база для конфискации Наркомпросом РСФСР всех дворцов, усадеб и особняков, представлявших хоть малейшую научную и культурно-историческую ценность. Именно тогда, в 1918—1920 гг. в безраздельную государственную собственность перешли все коллекции Третьяковской галереи, Троице-Сергиевской Лавры, частные коллекции С.И. Щукина, И.А. Морозова, Л.Н. Толстого и других собирателей и коллекционеров. А уже в начале 1921 г. в системе Наркомпроса РСФСР был создан специальный орган по музейному делу — Государственный музейный фонд РСФСР, что стало

воплощением давней мечты старых музейных работников о создании отдельной государственной структуры по управлению всем музейным комплексом страны.

Однако создание государственных музейных органов было лишь одним из условий сохранения культурного наследия страны. Необходимо было срочно создать законодательную базу, которая бы юридически закрепила отношение ко всем памятникам истории и культуры как национальным ценностям и обеспечило их юридическую охрану. И такие законы вскоре были приняты: «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» (сентябрь 1918 г.) и «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (октябрь 1918 г.). Все это позволило собрать в музеях и хранилищах Государственного музейного фонда РСФСР огромные культурные ценности и впервые определить программу музейного строительства, утвержденную **Первой Всероссийской музейной конференцией**, прошедшей в 1919 г. По сути, это была первая музейная модернизация, задуманная и четко обоснованная старейшими музейными работниками страны во главе с **И.Э. Грабарем**.

Первоначально в рамках реализации этой программы предполагалось объединить все музеи страны в единую государственную сеть, вершиной которой должны были стать **Эрмитаж** и **Русский музей** в Петрограде и музеи русского искусства, народного искусства и быта, восточного искусства и западноевропейского искусства, созданные на базе **Третьяковской галереи** и **Музея изящных искусств** в Москве. Однако в ходе реализации этой программы были упразднены **Румянцевский музей**, **Музей Академии художеств**, слиты **Первый** и **Второй Музеи нового западного искусства**, а так же значительно перегруппированы коллекции и фонды всех музеев, включая **Эрмитаж** и национализированные частные коллекции. В результате в Петербурге возник **Музей искусств народов Востока**, в Москве — **Государственный музей изобразительных искусств**, а богатейшие коллекциями **Третьяковской галереи** и **Исторического музея** существенно расширились за счет упраздненных музейных коллекций. В то же время этот беспрецедентный «культурный прецедент», по сути, подорвал прежний принцип неприкосновенности всех музейных фондов, что привело к тому, что изъятие коллекций, изменение профиля музеев, их реорганизация или упразднение **Наркомпросом РСФСР** стали буднями музейной работы и принесли немалый вред российскому музейному делу и сохранению культурного наследия страны.

К началу 1923 г. была завершена работа по созданию единой музейной сети **Наркомпроса РСФСР**, включавшая в себя **220 объектов** — **148** провинциальных и **72** столичных музея, расположенных в **Москве** и **Петрограде**. Остальные **178 музеев** были признаны музеями местного значения и переданы на баланс местных органов советской власти. Аналогичная работа была проведена и в остальных союзных республиках СССР. Однако буквально через год **ВЦИК РСФСР** создал специальную комиссию «**По концентрации музейного имущества**» и к началу 1925 г. сеть государственных музеев, финансируемых из госбюджета, сократилась до **100 музеев** и **42 филиалов**, а на балансе местных советов осталось только **143 музея**.

Однако даже после «концентрации музейного имущества», многие музеи страны продолжали испытывать острый недостаток средств, в том числе на работы по предупреждению краж и пожаров, что зримо показала нашумевшая кража картин

из Музея изобразительных искусств в апреле 1927 г. По факту этого хищения правительством страны специально был рассмотрен вопрос о состоянии охраны всех музеев и принято решение о введении вневедомственной милицейской охраны в крупнейших музеях **Москвы и Ленинграда**, в том числе в **Музее изящных искусств, Третьяковской галерее, Историческом музее, Политехническом музее, Русском музее, Эрмитаже** и дворцовых комплексах **Останкино, Кусково, Гатчины, Царского Села, Павловска, Петергофа** и других.

С 1923 г. началась перерегистрация принятых на государственный учет частных коллекций, которая закончилась в 1926 г. В результате этой работы из нескольких сот собраний на государственном учете было оставлено порядка 15 частных коллекций высшей категории, а из 10 000 предметов культуры и старины под госохрану взято только около 1000 экспонатов. Одновременно многим музеям было разрешено продавать дублетные фонды, ветхое имущество и госфонды не музейного значения, что привело к бурной антикварной и аукционной торговле и сделало возможным распродажу музейных фондов не только внутри страны, но и за рубежом. Таким образом, сосредоточив в своих руках огромные культурные богатства, советское государство не сумело обеспечить их полную сохранность, что привело к невосполнимым утратам культурного наследия страны.

Уже в начале 1918 г. в Петрограде и Москве началась стихийная распродажа за бесценок целых картинных галерей, богатых библиотек, предметов искусства и старины, многие из которых были вывезены за границу. А вскоре к этой «грязной работе» подключилось и само государство, которое еще в феврале 1920 г. особым декретом СНК РСФСР для «централизации, хранения и учета всех принадлежащих РСФСР ценностей» учредило знаменитый Гохран РСФСР, ставший особо секретной структурой в недрах Наркомата финансов РСФСР, доступ к которому имели всего несколько человек из высшего руководства страны. В первые революционные годы именно здесь были собраны все самые ценные драгоценности свергнутого Дома Романовых, Оружейной палаты и Патриаршей ризницы Московского Кремля, а также ценности из личных коллекций, изъятые у частных лиц на основании двух декретов СНК РСФСР — «О конфискации всего движимого имущества эмигрантов и лиц, приравненных к ним» (апрель 1920 г.) и «Об изъятии благородных металлов, денег и разных ценностей» (июль 1920 г.).

В феврале 1921 г. В.И. Ленин подписал постановление СНК РСФСР «О составлении государственного фонда ценностей для внешней торговли», которое предписывало создание «запаса художественных ценностей и предметов роскоши и старины», которые Наркомат внешней торговли РСФСР (Л.Б. Красин) мог использовать для различных коммерческих операций. Вся эта работа, которая носила сугубо секретный характер, приобрела настолько широкий размах, что уже в первой половине 1920-х гг. многие ценнейшие произведения искусства оказались в европейских музеях и частных коллекциях за рубежом. Решение об изъятии музейных ценностей для продажи за границу принималось на самом высшем уровне на основании заключения Экспортного Управления Наркомата внешней торговли, где всеми делами заправляли Н.Е. Буренин и М.Ф. Андреева, и Специальной комиссии СНК РСФСР, где главную роль играли Л.Д. Троцкий, его заместитель по РВСР Е.Д. Базилевич, глава Гохрана Ф.А. Вейс, руководитель Главмузея И.Э. Грабарь, директор Эрмитажа С.Н. Тройницкий и другие.

Сначала в массовом порядке на мировые аукционы выставлялись ценности Государственного музейного фонда СССР и ряда упраздненных дворцов-музеев, а затем, в 1928–1931 гг., жертвами «аукционных молотков» стали шедевры Эрмитажа, Третьяковки и других музейных коллекций страны. По оценкам ряда современных историков (О. Платонов, Ю. Жуков, Е. Осокина), именно тогда сотрудники Наркомата внешней торговли СССР, в частности особоуполномоченный наркомата и директор-распорядитель Всесоюзной Государственной торговой конторы «Антиквариат» А.М. Гинзбург, по указанию нового наркома А.И. Микояна только в одном Эрмитаже отобрали для «нужд индустриального развития страны» около 2800 картин, среди которых 350 картин представляли произведения «особой художественной ценности», а 59 полотен были шедеврами мирового значения. Причем, что примечательно, почти все картины, принадлежавшие кисти Х. Рембрандта, В. Тициана, С. Боттичелли, С. Рафаэля, П. Веронезе, Ф. Хальса, Д. Веласкеса, А. Ван Дейка и Ж.Б. Шардена, осели только в двух частных коллекциях — американского банкира и миллиардера Э. Меллона, который при трех американских президентах У. Гардинге, Дж. Кулидже и Г. Гувере занимал пост министра финансов США (1921–1932), и крупнейшего нефтяного магната армянского происхождения, основателя фирмы «Iraq Petroleum Company» Г.С. Гюльбенкяна, который был лично знаком с А.И. Микояном и одним из идеологов троцкизма, председателем Госбанка СССР Г.Л. Пятаковым, с которым вел личную переписку на счет продажи картин.

Хотя, как отмечают ряд специалистов, в частности доктор исторических наук Ю.Н. Жуков, автор известной работы «Сталин: операция “Эрмитаж”» (2005): 1) руководство страны вынужденно было пойти на продажу картин и художественных ценностей, поскольку из-за разрыва дипотношений с Англией и срыва заготовительной кампании оказалась на грани полного провала вся программа экспортно-импортных поставок, в том числе машин и оборудования; 2) продажа художественных ценностей этим двум персонам была обусловлена, в основном, тем, что именно они смогли обеспечить экспорт за рубеж советского сырья, в том числе сырой нефти, под видом продукции подконтрольных им фирм, и, наконец, 3) в условиях начавшейся «Великой депрессии» общий объем валютных поступлений от продажи картин и других ценностей в общесоюзный бюджет составил порядка 8,2 млн долларов, поэтому уже в апреле 1931 г. Политбюро ЦК приняло решение о прекращении операции «Эрмитаж».

Таким образом, за десять лет музейное дело страны прошло тернистый путь от спасения гибнущих ценностей в годы Гражданской войны до торговли ими для решения сугубо экономических и социальных задач накануне краха НЭПа. Этот путь, конечно, не был predetermined, но на выбор такого поведения «власти предержащих» повлияли и политическая борьба в верхних эшелонах власти, и низкий культурный уровень многих вождей большевиков, и постепенное вытеснение из музейного дела старых спецов и замена их новыми «марксистскими» кадрами, не имевшими достаточной профессиональной подготовки.

К концу 1920-х гг. основными критериями оценки культурного наследия страны стали чисто утилитарные представления об идеологически «нужном» или «вредном» искусстве, возможности применения объектов культурного наследия в идейной обработке масс и в воспитательном процессе, в нуждах социалистического строительства и т.д. Именно тогда группа советских искусствоведов во главе с профессо-

ром **Н.Г. Машковцевым** выдвинула принципиальную новую систему определения ценности музейных объектов в зависимости от их ведомственной принадлежности, качества и органичности коллекций, широты диапазона, количества единиц хранения, возможности научно-просветительного потенциала для воспитания трудящихся масс, посещаемости музеев, культурного, административного и экономического значения городов, где располагались музеи, степени развития местных культурных и художественных промыслов и традиций и т.д.

д) Развитие кинематографа, театрального и музыкального искусства

В 1920-х гг. одну из главных ролей в просвещении и воспитании широких народных масс стал играть советский кинематограф, поскольку в одной из бесед с **А.В. Луначарским**, состоявшейся в феврале 1922 г., **В.И. Ленин** прямо заявил наркому: «вы у нас слывете покровителем искусства, так вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино». Еще в разгар Гражданской войны, в 1919 г. декретом СНК РСФСР вся фотографическая и кинематографическая торговля и промышленность были национализированы и переданы в ведение Наркомпроса РСФСР, где был создан **Всероссийский фотокиноотдел (ВФКО)**, который возглавил старый большевик, бывший секретарь Государственной комиссии по просвещению **Д.И. Лещенко**. Именно тогда начался выпуск первых игровых агитфильмов, сыгравших важную роль в становлении советского революционного кино — «Уплотнение» (**А.П. Пантелеев**), «Восстание» (**М.А. Разумный**), «О попе Панкрате, тетке Домне и явленной иконе в Коломне» (**Н.Ф. Преображенский**), «За красное знамя» (**В.П. Касьянов**), «На красном фронте» (**Л.В. Кулешов**) и другие. Всего же за годы Гражданской войны советские кинематографисты выпустили более 50 таких «агиток». Одновременно по прямому указанию ВФКО был осуществлен и ряд экранизаций произведений известных русских классиков, в частности «Герасим и Муму» (**Ч.Г. Сабинский**), «Три портрета», (**А.В. Ивановский**), «Сорока-воровка» (**А.А. Санин**), «Мать» (**М.А. Разумный**) и другие. А в 1921 г. из наиболее удачных фронтовых съемок режиссер **Д.А. Вертов (Кауфман)** смонтировал полнометражный документальный фильм «История Гражданской войны».

Для подготовки творческих кадров советской киноиндустрии уже в сентябре 1919 г. была основана Первая Государственная киношкола, позднее преобразованная в знаменитый **ВГИК**, которую возглавил один из пионеров русского кинематографа **В.Р. Гардин (Благонравов)**, поставивший со своими учениками такие фильмы, как «Серп и молот» (1921) и «Призрак бродит по Европе» (1922), знаменовавших собой переход от простых «агиток» к полнометражным художественным фильмам революционной тематики.

В 1922 г. постановлением СНК РСФСР было создано «Госкино» («Совкино»), которому от ВФКО перешла вся монополия на производство и прокат всех кинокартин. Под руководством нового главы этой государственной структуры, родоначальника русского кинематографа **А.А. Ханжонкова**, были созданы две первых советских кинофабрики «Госкино» («Мосфильм») (1923) и «Межрабпом-Русь» (1924), где работали многие выдающиеся мастера первых поколений советских режиссеров — **В.И. Пудовкин**, **Г.М. Козинцев**, **Л.З. Трауберг**, **Ф.М. Эрмлер**, **С.М. Эйзенштейн** и актеров великого «немого кино» — **Н.К. Симонов**, **Н.П. Баталов**, **М.И. Жа-**

ров, Ф.М. Никитин, И.В. Ильинский, О.П. Жаков, В.П. Фогель, В.П. Марецкая, О.Н. Жизнева и другие.

Одновременно под руководством Дзиги Аркадьевича Вертова группа так называемых «киноков» в составе М.А. Кауфмана, И.П. Копалина, И.И. Белякова, А.Г. Лемберга, Е.И. Свиловой и других, разработавшая под влиянием «ЛЕФа» теорию «киноглаза» и «жизни врасплох», стала выпускать тематические киножурналы «Кинонеделя» (1922–1925) и «Киноправда» (1922–1928), в которых были представлены многие документальные картины, в частности «Ленинская киноправда» (1924), «В сердце крестьянина Ленин жив» (1925), «Шагай, Совет!» (1926), «Шестая часть мира» (1926), «Падение династии Романовых» (1927), «Россия Николая II и Лев Толстой» (1928), «Турксиб» (1929) и другие.

Значительный вклад в развитие советского кино внес режиссер Лев Владимирович Кулешов и руководимая им мастерская при Первой киношколе, который выдвинув теорию «натурщика» — всесторонне тренированного актера, создал целый ряд новаторских работ, в частности кинофильмы «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков» (1924), «Луч смерти» (1925) и «По закону» (1926). В его актерской мастерской начинали свой путь и два крупнейших советских режиссера — Всеволод Илларионович Пудовкин и Борис Васильевич Барнет. Первый в те годы создал такие картины наполненные революционным пафосом, как «Мать» (1926), «Конец Санкт-Петербурга» (1927) и «Потомок Чингисхана» (1929), а второй — «Мисс Менд» (1926), «Девушка с коробкой» (1927), «Москва в Октябре» (1927) и «Дом на Трубной» (1928).

Крупнейшим советским режиссером первых лет советской власти был и Сергей Михайлович Эйзенштейн, который в те переломные годы создал первые свои фильмы, вошедшие в золотой фонд мирового кинематографа, — «Стачка» (1924), «Броненосец Потемкин» (1925) и «Октябрь» (1927), где предпринял первую попытку создать на экране художественный образ В.И. Ленина.

Очень популярным режиссером тех далеких лет был и Яков Александрович Протазанов, который после своего фантастического фильма «Аэлита» (1924) поставил ряд знаменитых комедийных кинокартин — «Закройщик из Торжка» (1925), «Дон Диего и Пелагея» (1928), «Процесс о трёх миллионах» (1926) и «Праздник Святого Иоргена» (1930). Кроме того, по произведениям русских и советских классиков, в частности рассказам А.П. Чехова, Л.Н. Андреева и Б.А. Лавренёва, он поставил кинофильмы «Человек из ресторана» (1927), «Сорок первый» (1927), «Белый орел» (1928) и «Чины и люди» (1929).

К творческой манере Я.А. Протазанова примыкали и другие режиссеры, успешно работавшие в жанрах историко-революционного и комедийного кинематографа: И.Н. Перестиани («Красные дьяволята», 1923), Ю.А. Желябужский («Папиросница от Моссельпрома», 1924; «Коллежский регистратор», 1925), К.В. Эггерт («Медвежья свадьба», 1926; «Ледяной дом», 1928; «Хромой барин», 1929), Ю.Я. Райзман («Каторга», 1928) и О.И. Преображенская («Каштанка», 1926; «Бабы рязанские», 1927; «Тихий Дон», 1931).

Одновременно с московскими студиями стала работать ленинградская студия «Севзапкино» (1922), где в первые годы советской власти творили многие режиссеры старшего поколения: А.П. Пантелеев («Чудотворец», 1922), А.В. Ивановский («Дворец и крепость», 1924; «Степан Халтурин», 1925; «Декабристы», 1926; «Сын рыбака»,

1929), В.Р. Гардин («Крест и маузер», 1925; «Поэт и царь», 1927), В.К. Висковский («Красные партизаны», 1924; «Девятое января», 1925), Ч.Г. Сабинский («Катерина Измайлова», 1926; «Пурга» 1927) и другие. Однако, как и в Москве, наряду с признанными мастерами раннего кинематографа, работали и молодые режиссеры-новаторы, которые стремились радикально обновить поэтику «немого» кино, постоянно занимаясь формальным экспериментаторством.

В 1922 г. появляется манифест **Фабрики эксцентрического актера (ФЭКС)** — театра-студии, организованной режиссерами Г.М. Козинцевым и Л.З. Траубергом, чья первая постановка «**Похождения Октябрины**» (1924), задуманная как эксцентрическая «агиткомедия-шарж», довольно ярко продемонстрировала весь набор новых кинематографических приемов. В том же году открылась актерская мастерская ФЭКС, воспитавшая целую плеяду выдающихся актеров «немого кино»: С.А. Герасимова, Е.А. Кузьмину, Я.Б. Жеймо, П.С. Соболевского, О.П. Жакова, С.З. Магарилл и других. Однако вскоре ранние эксцентрические увлечения Г.М. Козинцева и Л.З. Трауберга уступили место стилизаторству («**Шинель**» 1926) и историко-революционной теме («**Новый Вавилон**» 1929), в которых четко наметилось их стремление к большому реалистическому искусству.

В 1920-е гг. начинали свой творческий путь и многие другие режиссеры, в частности: С.И. Юткевич, поставивший первые экспериментальные фильмы «**Кружева**» (1928) и «**Черный парус**» (1929), Ф.М. Эрмлер, снявший кинокартины «**Катка-Бумажный ранет**» (1926), «**Парижский сапожник**» (1928) и «**Обломок империи**» (1929), А.М. Роом, создавший историко-революционные фильмы «**Предатель**» (1926), «**Бухта смерти**» (1926) и «**Третья Мещанская**» (1927), И.А. Пырьев, который снял две самых первых своих картины «**Посторонняя женщина**» (1929) и «**Государственный чиновник**» (1930), и молодые режиссеры А.Г. Зархи и И.Е. Хейфиц, поставившие первый свой фильм «**Ветер в лицо**» (1930).

В 1925 г. под председательством главы ОГПУ и председателя ВСНХ СССР, кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Ф.Э. Держинского стало функционировать **Общество друзей советского кино (ОДСК)**, а все киноработники объединились в **Ассоциацию революционной кинематографии (АРК)**, которая стала активно направлять творческий потенциал всех кинофабрик страны на пропаганду идей строительства социализма в СССР. Неслучайно, **Первое Всесоюзное партийное совещание по вопросам кино**, созванное Агитпропом ЦК ВКП(б) в марте 1928 г., прямо отметило, что «начав с картин на историко-революционные и историко-литературные темы, советская кинематография все решительнее переходит к современной советской тематике, к освещению и анализу актуальных вопросов советского быта и социалистического строительства». Этой же цели должны были служить не только сотни новых кинокартин, но и печатные издания АРК и Наркомпроса РСФСР — еженедельная газета «**Кино**» (1925–1941) и ежемесячные журналы «**Киножурнал АРК**» (1925–1927) и «**Кино и культура**» (1929–1931). Причем, что примечательно, усиления «плановых начал» и создания «боевого органа» по управлению советским киноискусством, призванного «проводить твердую идеологическую диктатуру на всех фронтах социалистического строительства», потребовали сами кинорежиссеры — Г.А. Александров, С.М. Эйзенштейн, В.Н. Пудовкин, Г.М. Козинцев, Л.З. Трауберг, А.М. Роом, С.И. Юткевич и А.Д. Попов, которые в марте 1928 г. направили в ЦК ВКП(б) и Наркомпрос РСФСР знаменитое «**Письмо восьми**».

В первое десятилетие советской власти аналогичное внимание со стороны партийно-государственных структур уделялось и всем крупнейшим театральным коллективам страны, особенно в **Москве** и **Ленинграде**, где наряду с легендарными театральными труппами **Малого театра**, **Александринки** и **МХАТа**, удостоенных в **1920 г.** звания «академических», возникли новые труппы **Большого драматического театра** в Ленинграде (**1919**), **Театра имени Е.Б. Вахтангова** (**1921**), **Театра Сатиры** (**1924**), **Передвижного театра драмы и комедии** (**1925**) и **Театра рабочей молодежи (ТРАМ)** (**1927**) в **Москве**.

Большим успехом у советских зрителей пользовались многие театральные постановки, в том числе «**Любовь Яровая**» **К.А. Тренева** и «**Дни Турбиных**» **М.А. Булгакова** в **Малом театре** (**1926**), «**Шторм**» **В.Н. Билль-Белоцерковского** в **Театре имени МГСПС** (**1926**), «**Разлом**» **Б.А. Лавренева** в **Театре имени Е.Б. Вахтангова** (**1927**), «**Броненосец 14–69**» **Вс.В. Иванова** во **МХАТе** (**1927**) и другие. Вместе с тем, прочное место в репертуаре многих театров занимала и традиционная русская классика, в частности пьесы **А.С. Грибоедова**, **Н.В. Гоголя**, **А.Н. Островского**, **А.М. Горького** и других выдающихся мастеров слова.

В эти годы наряду с признанными мастерами театра — **К.А. Станиславским** и **В.И. Немировичем-Данченко**, широкую известность приобрели и молодые режиссеры, в частности **Е.Б. Вахтангов**, **В.Э. Мейерхольд** и **А.Я. Таиров**. А на сценах двух ведущих столичных театров — **Малого** и **МХАТ** блистали такие крупные артисты, как **В.И. Качалов**, **И.М. Москвин**, **В.Н. Пашенная**, **Н.П. Хмелев**, **Б.В. Щукин**, **Н.П. Баталов**, **Е.Н. Гоголева**, **А.Н. Грибов**, **Б.Н. Ливанов**, **А.К. Тарасова**, **М.М. Яншин** и многие другие.

В **1920-х гг.** крупные симфонические произведения создали композиторы **Н.Я. Мясковский**, **С.С. Прокофьев**, **Ю.А. Шапорин**, **Д.Д. Шостакович** и другие. В различных музыкальных жанрах проявили себя **И.О. Дунаевский**, **Д.Б. Кабалевский**, **Д.Я. Покрас**, **В.Я. Шебалин** и другие молодые композиторы. Пианист **Л.Н. Оборин** занял первое место на **Международном конкурсе имени Ф. Шопена** (**1927**). Среди оперных вокалистов выделялись такие гении русской певческой школы, как **Д.М. Михайлов**, **С.Я. Лемешев**, **И.С. Козловский**, **А.В. Нежданова**, **М.П. Максакова**, **В.В. Барсова** и другие.

6. Культура русского зарубежья

Выдающийся вклад в отечественную культуру внесли и многие представители «русского зарубежья». Само это понятие возникло и оформилось в **начале 1920-х гг.**, когда Россию покинули около **2-х миллионов человек**, в основном представители русской родовой аристократии и столбового дворянства, имперской государственной и политической элиты, русского офицерства, национальной науки и культуры. Основными центрами «новой русской колонизации» стали **Берлин**, **Белград**, **София**, **Прага**, **Париж**, **Стамбул** и **Харбин**, где общины русских эмигрантов создали «Россию в миниатюре», сохранив лучшие черты русского быта, традиций и культуры. Здесь выходили русские газеты и журналы, были открыты собственные школы, пансионы и университеты, действовали приходы Русской Православной Церкви и т.д. Однако в целом положение русских эмигрантов на чужбине было по-настоящему трагическим, поскольку многие из них не только потеряли свою родину,

но и разлучились с семьями, утратили прежний социальный статус и надежду возвращения на родину. Боль нестерпимой ностальгии сопровождалась бытовой неустроенностью и тяжелым физическим трудом многих эмигрантов, которые пополнили ряды европейского пролетариата и обслуги.

Как известно, в период «окаянных дней» Россию покинули многие видные представители научной и творческой элиты страны, в частности писатели, поэты и публицисты **И.А. Бунин**, **А.И. Куприн**, **А.Н. Толстой**, **И.С. Шмелев**, **Д.С. Мережковский**, **С.М. Черный**, **З.Н. Гиппиус**, **М.И. Цветаева**, **В.Ф. Ходасевич**, **К.Д. Бальмонт**, **Г.В. Иванов** и **А.Т. Аверченко**; музыканты, композиторы и актеры — **С.В. Рахманинов**, **И.Ф. Стравинский**, **А.К. Глазунов**, **Ф.И. Шаляпин**, **Н.В. Плевицкая**, **А.П. Павлова**, **И.И. Мозжухин**, **М.П. Чехов**, **В.В. Нижинский**, **А.Т. Гречанинов** и **С.М. Лифарь**; живописцы **К.А. Коровин**, **В.В. Кандинский**, **Н.Н. Рерих**, **М.Ф. Ларионов**, **Ф.А. Малявин** и **З.Н. Серебрякова**; крупные философы **И.А. Ильин**, **Н.А. Бердяев**, **Л.П. Карсавин**, **С.Н. Булгаков**, **Н.П. Лосский**, **С.Л. Франк** и **Б.П. Вышеславцев**; юристы **Н.А. Алексеева**, **П.И. Новгородцева** и **П.П. Тройский**; богословы митрополит **Антоний (А.П. Храповицкий)** и **В.Н. Ильин**; известные историки **Н.П. Кондаков**, **Р.Ю. Виппер**, **Г.В. Вернадский**, **М.А. Ростовцев**, **П.М. Бицилли**, **П.Н. Милюков**, **С.П. Мельгунов** и **А.А. Лампе**; лингвисты **Н.С. Трубецкой** и **Р.О. Якобсон**; социолог **П.А. Сорокин**; геополитик **П.Н. Савицкий**; экономист **В.В. Леонтьев**; изобретатели **В.К. Зворыкин**, **И.И. Сикорский** и **С.П. Тимошенко** и многие другие.

Тем не менее, ряд крупных представителей русской эмиграции довольно быстро пережили тяжесть расставания с Отечеством и органично влились в общекультурный европейских процесс, не утратив духовной связи с родиной. Раньше всех к новым обстоятельствам приспособились русские писатели и, по оценкам многих мемуаристов и современных ученых (**Г. Струве**, **П. Ковалевский**, **В. Агеносов**, **Т. Скрябина**), примерно с 1927 г. начинается расцвет русской зарубежной литературы и на русском языке создаются новые великие книги.

В литературе «русского зарубежья» традиционно выделяют два поколения писателей и поэтов. К старшему поколению, по словам **Д.С. Мережковского** «пребывавшего не в изгнание, а в посланье», традиционно относят **И.А. Бунина**, **И.С. Шмелева**, **А.М. Ремизова**, **А.И. Куприна**, **З.Н. Гиппиус**, **Д.С. Мережковского**, **М.А. Осоргина** и ряд других, успевших войти в литературу и сделать себе имя еще в Императорской России. Литература «старших» была в основном представлена прозой, которая вошла в золотой фонд не только русской, но и мировой литературы: «**Митина любовь**» (1924), «**Солнечный удар**» (1925), «**Дело корнета Елагина**» (1925) и «**Жизнь Арсеньева**» (1927–1929) **И.А. Бунина**; «**Про одну старуху**» (1925), «**Солнце мертвых**» (1927), «**Солдаты**» (1930), «**Лето Господне**» (1931) и «**Богомолье**» (1933) **И.С. Шмелева**; «**Купол святого Исаакя Далматского**» (1928), «**Юнкера**» (1928–1932) и «**Колесо времени**» (1929) **А.И. Куприна**; «**Сивцев Вражек**» (1928) и «**Вещи человека**» (1929) **М.А. Осоргина**; «**Алексей Божий человек**» (1925), «**Преподобный Сергей Радонежский**» (1925), «**Странное путешествие**» (1927) и «**Анна**» (1929) **Б.К. Зайцева**; «**Рождение богов. Тутанкамон на Крите**» (1924), «**Мессия**» (1928) и «**Иисус Неизвестный**» (1932) **Д.С. Мережковского** и т.д. Значительным литературным событием «русского зарубежья» стал выход в свет книги воспоминаний **З.Н. Гиппиус** «**Живые лица**» (1925), в которой были собраны ее очерки о **А.А. Блоке**, **В.В. Вересаеве**, **В.В. Розанове**, **А.М. Горьком**, **А.А. Вырубовой** и других.

Иной позиции придерживалось младшее или «незамеченное поколение» писателей русской эмиграции, которое не испытывало ностальгии по безнадежно утраченному времени. К «незамеченному поколению» в основном принадлежали молодые писатели и поэты, не успевшие создать себе какую-либо репутацию в царской России: В.В. Набоков, Г.И. Газданов, М.А. Алданов, М.Л. Агеев, Б.Ю. Поплавский, Н.Н. Берберова, А.С. Штейгер, И.Н. Кнорринг, Л.Д. Червинская, В.А. Смоленский, И.В. Одоевцева, Н.А. Оцуп, И.Н. Голенищев-Кутузов, Ю.В. Мандельштам, Ю.К. Терапиано и другие. Их судьба сложилась очень различно, но лишь немногие из них, сориентированные на западную традицию, в частности В.В. Набоков («Машенька» (1926), «Защита Лужина», (1929), «Камера обскура» (1932)) и Г.И. Газданов («Гостиница грядущего» (1926), «Вечер у Клэр» (1929)), смогли завоевать европейскую и даже мировую славу. М.А. Алданов, начавший активно писать исторические романы — «Святая Елена, маленький остров» (1921), «Девятое термидора» (1923), «Чёртов мост» (1925) и «Заговор» (1927), вскоре примкнул к «старшим». Но практически никто из «младшего поколения» писателей и поэтов русского зарубежья не мог заработать на достойную жизнь своим литературным трудом. Характеризуя положения «незамеченного поколения», обитавшего в мелких дешевых кафешках парижского Монпарнаса, В.Ф. Ходасевич с горечью писал: «Отчаяние, владеющее душами Монпарнаса... питается и поддерживается оскорблениями и нищетой... За столиками Монпарнаса сидят люди, из которых многие днем не обедали, а вечером затрудняются спросить себе чашку кофе. На Монпарнасе порой сидят до утра потому, что ночевать негде. Нищета деформирует и само творчество».

Наиболее остро и драматично все бытовые тяготы жизни, выпавшие на долю «незамеченного поколения», отразились в бескрайней поэзии знаменитой «Парижской ноты» — поэтического направления, созданного Г.В. Адамовичем в конце 1920-х гг. Предельно исповедальная, метафизическая и безнадежная «парижская нота» звучит в стихотворных сборниках Н.А. Оцупа «В дыму» (1926), Н.Н. Туровой «Путь» (1928), А.С. Штейгера «Этот день» (1928) и «Эта жизнь» (1931), Б.Ю. Поплавского «Флаги» (1931), Г.В. Иванова «Розы» (1931), И.Н. Кнорринг «Стихи о себе» (1931), В.А. Смоленского «Закат» (1931), Д.М. Кнута «Парижские ночи» (1932), Л.Д. Червинской «Приближение» (1934), А.С. Присмановой «Тень и тело» (1936) и других. Причем, если старшее поколение русских литераторов вдохновлялось в основном ностальгическими мотивами и чувствами, то их младшие современники оставили очень яркие свидетельства «русской души в изгнании», изобразив всю неприглядную действительность русской эмиграции за рубежом. Жизнь «русского монпарно» была запечатлена во многих романах и повестях, в том числе Н.Н. Берберовой «Последние и первые. Роман из эмигрантской жизни» (1930), Б.Ю. Поплавского «Аполлон Безобразов» (1931–1932) и «Домой с небес» (1936–1938), М.Л. Агеева (Леви) «Роман с кокаином» (1934) и И.В. Одоевцевой «Ангел смерти» (1927), «Изоolda» (1929) и «Зеркало» (1939). Однако, как справедливо писал крупнейший исследователь литературы русского зарубежья, профессор Г.П. Струве: «Едва ли не самым ценным вкладом этих писателей в общую сокровищницу русской литературы должны будут признаны разные формы нехудожественной литературы — критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная проза».

Тема: СТРОИТЕЛЬСТВО ОСНОВ СОЦИАЛИЗМА В СССР. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ В КОНЦЕ 1920–1930-Х ГГ.

План:

1. Демонтаж НЭПа и начало политики «большого скачка».
2. Основные проблемы индустриального развития страны.
 - а) Начало нового противостояния в Политбюро (1928 г.).
 - б) Разработка плана Первой пятилетки, образование и разгром «бухаринской оппозиции» (1928–1929 гг.).
3. Первый пятилетний план (1928–1932 гг.).
4. Второй (1933–1937 гг.) и Третий (1938–1942 гг.) пятилетние планы.

1. Демонтаж НЭПа и начало политики «большого скачка»

Непосредственным поводом к демонтажу НЭПа и началу политики «большого скачка» стал очередной кризис заготовительной компании, возникший в **ноябре – декабре 1927 г.**, когда государство не смогло дополнительно получить в свое распоряжение около **130 млн пудов зерна**. Прежние заготовительные кризисы, которые возникали с регулярной частотой в весенне-осенний период, правительство разрешало сугубо экономическими рычагами, в частности существенным ростом закупочных цен на необходимую государству сельхозпродукцию.

Однако в **январе 1928 г.** из-за резкого обострения международной обстановки и возникновения реальной угрозы начала новой мировой войны **весь состав Политбюро ЦК** принял решение применить меры административного воздействия в отношении тех крестьянских хозяйств, владельцы которых не желали сдавать хлеб государству по установленным им закупочным ценам. Причем, мы хотим особо подчеркнуть, что переход к «чрезвычайным мерам», по справедливому мнению большинства историков (**Ю. Емельянов, Ю. Жуков, Г. Бордюгов, В. Козлов**), был одобрен всем составом Политбюро ЦК, в том числе **Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и М.П. Томским**, о чем сознательно умалчивают наши доморощенные «антисталинисты» (**В. Данилов, Р. Медведев, Д. Волкогонов**).

К этим мерам внеэкономического принуждения относились: **1)** насильственная конфискация всех излишков хлеба в государственный резервный фонд и частичная раздача хлеба беднейшим слоям деревни; и **2)** привлечение к уголовной ответственности по статьям за спекуляцию владельцев всех тех крестьянских хозяйств, которые отказывались добровольно продавать все излишки хлеба государству по установленным закупочным ценам.

Кроме того, для активизации заготовительной компании в **Западную Сибирь, Поволжье, Украину и Северный Кавказ** выехали несколько членов Политбюро, в том числе **И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.М. Каганович и А.А. Андреев**. В **середине февраля 1928 г.**, вернувшись из поездки по Западной Сибири, **И.В. Сталин** подписал директиву всем руководителям местных партийных комитетов, в которой потребовал в кратчайшие сроки ликвидировать кризис хлебозаготовок и активизировать работу по созданию крупных коллективных хозяйств в стране. Затем,

в начале марта 1928 г., на имя первых секретарей райкомов, обкомов, крайкомов и рескомов партии за подписью второго секретаря ЦК В.М. Молотова было направлено циркулярное письмо «О весенней посевной кампании», в котором ставилась конкретная задача ударными темпами добиться существенного расширения посевных площадей и приступить к организации новых совхозов и колхозов на всей территории страны.

По мнению ряда историков (Е. Амбарцумов, В. Данилов, В. Роговин, В. Бордюгов, В. Козлов), именно эти «чрезвычайные меры», предпринятые для преодоления заготовительного кризиса, и стали прологом **коренного поворота** в экономической политике руководства партии, которая впоследствии получила название **политики «большого скачка»**. Хотя, следует сказать, что целый ряд современных авторов (А. Ноув, М. Горинов, Ю. Жуков) полагают, что этот поворот начался значительно раньше и прямым доказательством такого поворота являлись следующие факты:

1) В апреле 1926 г. на Пленуме ЦК было принято решение о введении **сверхналога на нэпманов и кулаков**, который в июле 1926 г был закреплен особым декретом СТО и ВЦИК СССР.

2) В декабре 1926 г. была проведена очередная реорганизация **ВСНХ СССР**, в рамках которого были воссозданы прежние **отраслевые главки**, ликвидированные в 1923 г.

3) В июне 1927 г. СНК и ВЦИК СССР принимают новый декрет «О государственных промышленных трестах», в соответствии с которым все промышленные тресты, основанные на принципах хозрасчета, должны были теперь строго исполнять все плановые предписания **ВСНХ СССР**, что прямо противоречило самой идеологии хозрасчетных отношений.

4) В 1926–1927 гг. происходит постепенное, но планомерное вытеснение частных и концессионных предприятий из сферы промышленного производства и коммерческой торговли. В частности, именно в этот период коммерческо-посреднический оборот в оптовой торговле сократился с **6,1 млрд рублей** до **270 млн рублей**.

5) Наконец, в 1927 г. явочным порядком начинают вводиться элементы прямого продуктообмена между городом и деревней: теперь значительную часть промышленных товаров крестьянство стало получать от государства в обмен на сданную аграрную продукцию, а не путем традиционного рыночного обмена.

Одной из ключевых проблем современной историографии является проблема установления **главных причин отказа от политики НЭПа и перехода к политике «большого скачка»**.

1) Одни авторы (Н. Шмелев, В. Попов, В. Данилов) уверены в том, что этот переход был вызван чисто **субъективными причинами**, в частности доктринерским произволом и авантюризмом **И.В. Сталина** и его ближайшего окружения, поскольку **объективных причин для ломки НЭПа просто не существовало**. В рамках нэповской системы страна могла вполне успешно развиваться достаточно длительное время. А разные ссылки на резкое обострение международной обстановки и возникновение реальной угрозы начала новой мировой войны являются результатом мифотворчества сталинской группировки и современных апологетов сталинизма.

2) Другие авторы (Г. Бордюгов, В. Козлов, А. Ноув) полагают, что истоки социально-экономического кризиса **НЭПа лежали в ошибочных экономических решениях 1925–1927 гг.**, которые принимались **И.В. Сталиным, Н.И. Бухариным,**

А.И. Рыковым и другими членами Политбюро. В частности, именно **Н.И. Бухарин** в феврале 1927 г. на Пленуме ЦК полностью поддержал серьезные изменения финансово-кредитной политики, которые санкционировал его ближайший соратник, председатель СНК и СТО СССР **А.И. Рыков**, подписав в июле 1926 г. декрет о снижении закупочных цен на зерно и установлении сверхналога на нэпманов и кулаков. А ведь, именно эти рыночные меры и стали детонатором того заготовительного кризиса 1927–1928 гг., который и привел к «**чрезвычайным мерам**» и началу политики «**большого скачка**».

3) Третья группа ученых (**Э. Карр, М. Горинов, Н. Симонов, Ю. Голанд, Ю. Жуков**) объясняет отказ от политики НЭПа постоянным обострением его внутренних противоречий. После завершения периода восстановления народного хозяйства нэповская система в том виде, в каком она была заложена **В.И. Лениным**, работала со все большими сбоями, поскольку постоянно обострялись имманентно присущие ей антагонизмы. Более того, эффективность нэповской экономики и по фондоотдаче, и по рентабельности предприятий, и по другим важным показателям, была значительно ниже дореволюционной.

Кроме того, ряд современных авторов (**М. Горинов, В. Кабанов, Ю. Жуков, В. Катасонов**) обращают внимание на то, что:

1) При разработке экономической стратегии развития народного хозяйства страны все члены высшего советского руководства, в том числе **И.В. Сталин, В.М. Молотов** и **К.Е. Ворошилов** не могли не учитывать реальных военных угроз, периодически возникавших по всему периметру советских границ, начиная с 1927 г.

2) НЭП при его последовательном проведении требовал бесконечных и все возрастающих уступок, а затем и настоящих «жертв» капитализму, сводя на нет все завоевания большевиков в период **Октября и Гражданской войны**.

3) Существовала коренная разница между задачами «восстановительного» и «реконструктивного» периодов развития народного хозяйства. В условиях восстановления хозяйственного комплекса страны в 1921–1927 гг., нэповская квазирыночная экономика, полностью исчерпав последние резервы досоветских основных капиталов и фондов, уже не могла эффективно решать задачи принципиально иного масштаба — коренной технологической реконструкции всего промышленного производства страны, строительства крупных современных предприятий и создания новых промышленных отраслей, в том числе энергетики, машиностроения, нефтехимии с длительным сроком оборота основного капитала и т.д.

Именно поэтому целый ряд авторов либерального толка (**Л. Гордон, Э. Клопов, Р. Дэвис**), не страдающих патологической ненавистью к пресловутому сталинизму, по объективным обстоятельствам вынуждены были согласиться с известным сталинским постулатом о качественном, стадийном отставании промышленного производства Советского Союза от передовых европейских государств и США. Это стадийное отставание, особо заметное во второй половине 1920-х гг., необходимо было преодолеть в ближайшие десять лет: «**либо мы это сделаем, либо нас сомнут**», — так предельно жёстко и лаконично обозначил **И.В. Сталин** главнейшую задачу партии большевиков на ближайшую историческую перспективу.

Эту опасность прекрасно сознавали и другие члены высшего партийно-государственного руководства страны. В частности, нарком обороны **К.Е. Ворошилов**, выступая на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г., прямо заявил о тяжелейшем состо-

янии всей советской металлургической промышленности, которое реально угрожало самой обороноспособностью страны и ставило Советский Союз в прямую зависимость от европейских держав и США. В частности, в своем докладе глава военного ведомства страны откровенно говорил о том, что объемы производства чёрных и цветных металлов в стране составляют только 50–80% от довоенного уровня, а многие металлургические предприятия страны полностью зависят от импортных поставок сырья и готовой продукции, в том числе меди, олова, цинка и алюминия.

2. Основные проблемы индустриального развития страны

а) Начало нового противостояния в Политбюро (1928 г.)

Следует сказать, что в современной исторической науке «чрезвычайные меры», к которым прибегло высшее руководство страны, традиционно изучаются в отрыве от других важнейших событий того времени, в частности существенной корректировки планов развития крупного промышленного производства в стране. Хотя, еще целый ряд советских историков (**В. Лельчук**) совершенно справедливо писали о единстве сталинского подхода и к проблеме ускорения индустриального развития страны, и к проблеме проведения сплошной коллективизации, и к проблеме обострения классово-борьбы по мере продвижения к социализму.

В марте 1928 г. на заседании Политбюро ЦК при рассмотрении бюджета на текущий хозяйственный год председатель СНК СССР **А.И. Рыков** был неожиданно подвергнут резкой критике за недостаточный уровень внимания к проблемам развития машиностроения и черной металлургии. По итогам обсуждения данного вопроса была создана Комиссия в составе председателя ВСНХ СССР **В.В. Куйбышева**, председателя ЦКК и наркома РКИ **Г.К. Орджоникидзе** и председателя Госплана СССР **Г.М. Крижановского**, которой было поручено изыскать дополнительные средства для увеличения объемов капитального строительства и ввода в строй новых промышленных предприятий союзного значения.

Затем, в апреле 1928 г. на Пленуме ЦК в ходе обсуждения итогов работы этой Комиссии произошел новый раскол внутри Политбюро. Одна правящая группировка в составе **Н.И. Бухарина**, **А.И. Рыкова**, **М.П. Томского** и **Н.А. Угланова** в резкой форме выступила против другой правящей группировки — **И.В. Сталина**, **В.М. Молотова**, **К.Е. Ворошилова**, **В.В. Куйбышева** и **Л.М. Кагановича**, которая выступала за переход к ускоренным темпам индустриального развития страны. До конца в этом споре не определились только два члена Политбюро **М.И. Калинин** и **Я.Э. Рудзутак** и председатель ЦКК **Г.К. Орджоникидзе**. Как явствует из протоколов, в ходе состоявшейся дискуссии большинство членов ЦК поддержали позицию **Н.И. Бухарина** и его сторонников, однако новый заготовительный кризис, вспыхнувший в мае 1928 г. и введение карточной системы на хлеб, серьезно изменили соотношение сил в пользу генсека и его группировки внутри Политбюро.

В июле 1928 г. состоялся новый Илениум ЦК, на котором **И.В. Сталин** не только заявил о необходимости коренного пересмотра всей промышленной политики, но и прямо указал, что в условиях ограниченных финансовых ресурсов, именно деревня может и должна заплатить так называемую «дань» для ускоренных темпов индустриального развития страны за счет сознательного дисбаланса цен в пользу товаров промышленного производства. Позиция, занятая **И.В. Сталиным** была

поддержана и многими членами ЦК, в том числе председателем ВСНХ В.В. Куйбышевым, который прямо заявил, что в нынешних условиях «вопрос о темпах индустриального развития страны является важнейшим вопросом нашей партийной политики, по которому партия не должна делать ни малейших уступок».

Более того, именно на этом Пленуме ЦК И.В. Сталин впервые обосновал свой знаменитый тезис «об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму», который затем неоднократно будет повторен генсеком в его многочисленных выступлениях и статьях: «О правом уклоне в ВКП(б)», «Политическом отчете ЦК» на XVI съезде партии, «Об итогах первой пятилетки» и т.д.

Очевидный проигрыш в борьбе за сохранение нэповского экономического курса заставил Н.И. Бухарина пойти на абсолютно беспринципный шаг, который, в конечном счете, стоил ему политической карьеры: по информации чекистов в дни работы Пленума ЦК он тайно встретился с одним из лидеров разгромленной «объединенной оппозиции» Л.Б. Каменевым, с которым обсуждал идею создания антисталинского внутрипартийного блока.

Между тем, в сентябре 1928 г. в центральной партийной газете «Правда», редакцию которой более десятка лет возглавлял сам Н.И. Бухарин, была опубликована его статья «Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года», которая стала продолжением прежней дискуссии по проблемам темпов и источников социалистической индустриализации. Возвращаясь к основным положениям прошедшей внутрипартийной дискуссии и уже не отрицая необходимости более высоких темпов индустриального развития страны, он вновь заявил, что перекачка средств из крестьянских хозяйств не сможет обеспечить максимальных темпов роста промышленного производства в стране.

В связи с этим обстоятельством следует сказать, что в исторической науке уже достаточно давно обсуждается вопрос о существовании так называемой «бухаринской альтернативы».

1) Одни историки (С. Козн, Р. Такер, И. Горелов) абсолютно уверены, что такая реальная альтернатива была. По их твердому убеждению, Н.И. Бухарин, отказавшись от прежней доктрины большевизма, связывал дальнейшее строительство социализма в СССР с последовательным продолжением нэповского экономического курса, в котором идеи «постепенности» и «реформизма» органически бы сочетались с идеями гражданского мира в стране. При этом не трудно заметить, что созданная западными советологами и их советскими клеветниками, довольно умозрительная доктрина «бухаринской альтернативы» представляла собой некую гремячую смесь марксизма-ленинизма, социал-реформизма и народничества.

2) Другие историки (Г. Бордюгов, В. Козлов) уверены в том, принципиальная разница между сталинским экономическим курсом и «бухаринской альтернативой» состояла не в содержании самой экономической политики, а в методах проведения нового экономического курса. Если для И.В. Сталина и его окружения, существовавшая система «чрезвычайных мер» была самым удобным и проверенным способом решения всех экономических проблем в стране, то для Н.И. Бухарина и его группировки эта система была неприемлема по самой сути, поскольку в ней они видели чистой воды троцкизм.

3) Третья группа современных авторов (Ю. Емельянов, С. Кара-Мурза, Ю. Жуков) уверена в том, что никаких принципиальных различий между сталинским

и бухаринским курсами в реальности не существовало и представление о том, что Н.И. Бухарин был искренним сторонником долгосрочной нэповской политики основано на недоразумении. В частности, еще в 1927 г. в своем очередном теоретическом фолианте «Проблемы теории и практики социализма» он откровенно писал, что конечной целью НЭПа является его полное отрицание, то есть «преодоление рыночных отношений на почве самих рыночных отношений».

4) Наконец, четвертая группа авторов, состоящая, в основном, из правоверных неотроцкистов (В. Роговин), абсолютно убеждена в том, что реальной экономической и политической альтернативой преступному сталинско-бухаринскому курсу построения основ социализма в СССР была программа «объединенной оппозиции», озвученная ее лидерами Л.Д. Троцким и Г.Е. Зиновьевым в сентябре – декабре 1927 г., в период подготовки и проведения XV съезда ВКП(б).

б) Разработка плана Первой пятилетки, образование и разгром «бухаринской оппозиции» (1928–1929 гг.)

Еще в конце 1926 г. для составления первого в истории страны перспективного (пятилетнего) плана развития народного хозяйства решением Политбюро ЦК были созданы две рабочих группы, которые возглавили председатель Госплана СССР Г.М. Крижановский и новый председатель ВСНХ СССР В.В. Куйбышев. По мнению ряда авторов (В. Лельчук), такой дуализм в подходе к разработке первого пятилетнего плана был вызван тем обстоятельством, что многие члены высшего партийно-государственного руководства, в том числе сам И.В. Сталин, еще размышляли о том, какая именно идеология будет положена в основу долгосрочной программы индустриального развития страны. Однако многие российские ученые (Л. Рогачевская, В. Попов, В. Катасонов, М. Горинев, Д. Верхотуров) считают, что сталинская группировка вполне определилась по данному вопросу и этот «дуализм» носил мнимый характер.

Члены рабочей группы Г.М. Крижановского полагали, что процесс индустриального развития страны должен охватить все отрасли народного хозяйства страны и вобрать в себя четыре основных этапа:

1) Развитие отраслей добывающей промышленности и существенное расширение посевных площадей для производства технических культур, что позволит создать надежную сырьевую базу для развития всей остальной, в том числе и базовой, промышленности.

2) Коренная реконструкция существующей транспортной системы и всего подвижного состава, а так же строительство новых железных дорог, что позволит существенно снизить общие издержки производства и связать в единый народно-хозяйственный комплекс все регионы страны.

3) Рациональное размещение производительных сил и общий подъем товарности сельского хозяйства, что даст возможность значительно повысить жизненный уровень советского крестьянства, а значит существенно увеличить рынок сбыта промышленной продукции в стране.

4) Приоритетное развитие топливно-энергетического комплекса страны, что позволит провести коренную механизацию самых трудоемких процессов производства и значительно увеличить всю энерговооруженность промышленных предприятий страны.

Фактически в основу самой этой концепции индустриального развития страны был положен знаменитый план ГОЭЛРО, разработчиком которого как раз и был академик **Г.М. Крижановский**. По мнению одних историков (**В. Лельчук, А. Киселев, Э. Шагин, С. Кара-Мурза**), этот знаменитый план государственной электрификации, рассчитанный на ближайшие пятнадцать лет и одобренный еще **VIII Всероссийским съездом Советов в декабре 1920 г.**, был вполне выполнимой экономической задачей. Однако другие авторы (**А. Соколов, Н. Симонов**) говорят о том, что именно этот план ГОЭЛРО, ставший памятником большевистского прожектерства, заложил прочный фундамент политики «большого скачка», основанной на ускоренных темпах индустриализации и сплошной коллективизации сельского хозяйства страны.

В конце декабря 1927 г. во исполнение резолюции XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» при Госплане СССР была создана **Центральная комиссия перспективного планирования** во главе с **Г.М. Крижановским** и двумя его заместителями **С.Г. Струмилиным** и **Г.Ф. Гринько**, которая одновременно приступила к разработке двух вариантов пятилетнего плана: **отправного (минимального)** и **оптимального (максимального)**, основные показатели которого по большинству ведущих промышленных отраслей были выше примерно на **20%**.

Члены второй рабочей группы, которую возглавлял председатель **ВСНХ СССР В.В. Куйбышев**, были, напротив, убеждены в том, что главным направлением индустриального развития страны должно стать **приоритетное развитие именно базовых отраслей промышленного производства**, т.е. машиностроения, черной и цветной металлургии, угольной промышленности и т.д. Поэтому именно в этих отраслях необходимо сосредоточить основные материальные, финансовые и людские ресурсы. В частности, согласно проекту контрольных цифр, подготовленных ведущими специалистами **ВСНХ**, рост отраслей тяжелой промышленности за пятилетку должен был составить **220%**, легкой промышленности — **130%**, а сельского хозяйства — только **55%**.

Во второй половине 1928 г. именно этот подход был взят за основу при составлении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны, официальное выполнение которого началось с **октября 1928 г.** Хотя, по утверждению ряда советологов (**Р. Такер**), которое в годы «горбачевской перестройки» необычайно быстро подхватили все доморощенные антисталинисты (**В. Роговин, Д. Волкогонов, Р. Медведев**), главный разработчик этого плана, глава **ВСНХ СССР В.В. Куйбышев** в приватной беседе со своей последней супругой **О.А. Лежава** якобы сказал: «баланса я свести не могу и так как решительно не могу пойти на сокращение капитальных работ (сокращение темпа), придется брать на себя почти непосильную задачу в области снижения себестоимости».

В начале ноября 1928 г. состоялось заседание правительства, на котором по докладу **В.В. Куйбышева** были утверждены основные параметры плана первой пятилетки, который предусматривал увеличение объемов производства электроэнергии с **5 до 13 млрд кВт/ч**, чугуна — с **3,5 до 10 млн тонн**, стали — с **4,5 до 10 млн тонн**, нефти — с **11 до 21 млн тонн** и угля — с **35 до 75 млн тонн**. Причем, совершенно неожиданно основные параметры этого плана были поддержаны и главой правительства **А.И. Рыковым**, который ранее неоднократно противодействовал

любым попыткам разрушить существующий баланс хозяйственного комплекса страны, и носился с идеей составления планов краткосрочных «двухлеток». Узнав о компромиссной позиции, занятой его «мягкотелым» соратником по Политбюро, в Москву из отпуска срочно вернулся **Н.И. Бухарин**, который потребовал созыва **Пленума ЦК** для обсуждения всего комплекса вопросов, связанных с реализацией плана первой пятилетки.

В **ноябре 1928 г.** состоялся объединенный **Пленум ЦК и ЦКК**, на котором бухаринская группировка была подвергнута резкой и совершенно обоснованной критике со стороны большинства членов **ЦК**, в том числе самого **И.В. Сталина**, впервые заявившего о существовании «**правого уклона**» в руководстве **ВКП(б)**. На этом **Пленуме** генсек выступил с большим докладом, в котором четко обозначил **экономический курс «большого скачка»**, который объективно становился неизбежным:

1) Быстрые темпы индустриального развития страны диктуется **объективными факторами нашего внешнего и внутреннего состояния**, поскольку мы значительно отстали от передовых буржуазных держав в экономическом и техническом отношении.

2) Быстрый темп развития советской индустрии вообще, и **производства средств производства** в частности, «**представляют собой основное начало и ключ индустриализации всей страны**».

3) Реконструкция промышленного производства «означает **передвижку средств из области производства средств потребления в область производства средств производства**. Без этого не бывает и не может быть серьезной реконструкции промышленного производства, особенно в наших, советских условиях», тем более при полном отсутствии каких-либо иностранных инвестиций.

4) Необходимость ускоренных темпов индустриального развития страны продиктована отсталостью нашего аграрного хозяйства, которое «**можно поднять только при помощи технически передовых орудий и средств производства**».

После завершения работы **Пленума ЦК** сталинская группировка перешла в наступление на позиции «**правых уклонистов**». Первой жертвой этой атаки стал кандидат в члены **Политбюро ЦК Н.А. Угланов**, который был смещен с поста руководителя **Московской парторганизации** и заменен ближайшим соратником **И.В. Сталина**, вторым секретарем **ЦК ВКП(б) В.М. Молотовым**. Затем, в **декабре 1928 г.** новой жертвой внутривластной борьбы стал член **Политбюро ЦК**, председатель **ВЦСПС М.П. Томский**, который де-факто был смещен со своего поста главы советских профсоюзов и заменен **Н.М. Шверником**.

В **декабре 1928 г. – январе 1929 г.** состоялось несколько совместных заседаний рабочих групп **Госплана** и **ВСНХ СССР**, на которых ряд госплановских специалистов, в частности **И.А. Калинин**, **Р.Я. Гартман** и **В.А. Базаров**, выступили с резкой критикой проекта контрольных цифр, представленных **ВСНХ СССР**, заявив, что все эти расчеты экономически необоснованны и абсолютно несбалансированы по различным отраслям аграрного и промышленного производства. В данном случае речь шла о том, что на этих заседаниях рабочих групп вновь схватились представители двух научных школ, которые постоянно выясняли отношения, начиная с **середины 1920-х гг.**, когда **XIV съезд ВКП(б)** поставил на повестку дня важнейшую задачу «**превратить СССР из страны ввозящей машины и оборудование в страну, производящую их**».

Сторонники «тектологической школы» (В.А. Базаров, В.Г. Громан, Н.Д. Кондратьев, И.А. Кан), основанной на богдановской философии эмпириомонизма, а де-факто гремучей смеси идеализма и позитивизма, уверяли, что первый пятилетний план необходимо составлять только на основе изучения объективных законов развития экономики, выявленных в результате анализа уже существующих характеристик и тенденций их развития. А их оппоненты, приверженцы «телеологической школы» (С.Г. Струмилин, Г. Кржижановский, В.И. Межлаук), основанной на марксистской диалектической методологии, напротив, полагали, что нет абсолютно никакой необходимости скрупулезно высчитывать количественные характеристики естественных факторов развития и выявлять все признаки имеющихся тенденций в экономике и т.д. Необходимо просто реально определить, какие промышленные объекты нужно построить, наметить места их возведения, подсчитать расходы, составить общий план государственных капиталовложений и проработать конкретные планы освоения всех этих средств с учетом трудовых, сырьевых, материальных и прочих ресурсов и затрат. Иными словами, первый пятилетний план развития народного хозяйства должен был сам трансформировать всю экономику страны и исходить из будущих структурных изменений экономики, а не подстраиваться под уже существующие характеристики и тенденции ее развития. Среди партийных вождей и функционеров, первую группу ученых очень активно поддерживал сторонник «эволюционного пути» к социализму тов. Н.И. Бухарин, а вторую группировку знаток «марксистской диалектики» тов. И.В. Сталин и его соратники по Политбюро Г.К. Орджоникидзе и В.В. Куйбышев.

Тем временем, в начале 1929 г. в стране опять разразился заготовительный кризис, который сопровождался массовыми крестьянскими выступлениями, в том числе вооруженного характера. В этой крайне напряженной обстановке состоялось решающее столкновение между двумя группировками на совместном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК, которое продолжалось с 30 января по 9 февраля 1929 г.

В ходе состоявшейся дискуссии И.В. Сталин и его группировка обвинили «правых уклонистов» в пропаганде «оппортунистической, капитулянтской платформы», во фракционности и в желании «сколотить с троцкистами новый антипартийный блок». В противовес этому набору обвинений Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и М.П. Томский выступили с совместным «Заявлением», в котором обрушились на И.В. Сталина и его ближайших соратников — В.М. Молотова, В.В. Куйбышева и Л.М. Кагановича со своим набором тяжких политических обвинений, в частности: 1) в бюрократическом перерождении всего партийного и государственного аппарата, в отсутствии внутрипартийной демократии и установлении режима личной власти вождя; и 2) в переходе на троцкистские позиции в экономической политике, в губительном курсе на ускоренные темпы индустриализации за счет «военно-феодалной эксплуатации крестьянства».

В последнее время целый ряд авторов (Р. Дэвис, О. Лацис, В. Данилов, И. Ратьковский, М. Ходяков), подобно Н.И. Бухарину и Ко, по-прежнему обвиняют И.В. Сталина и его ближайших соратников в том, что они, начав политику «большого скачка», в абсолютной точности воплотили в жизнь ту модель экономического развития страны, с которой в 1923—1926 гг. выступали многие видные троцкисты, в том числе сам Л.Д. Троцкий, Е.А. Преображенский и Г.Я. Сокольников.

Формально такой переход сталинской группировки на позиции троцкизма был, конечно, налицо, но, по сути, это было абсолютно не так. Дело в том, что **сталинский новый курс** был предложен в тот переломный момент, когда практически полностью были решены основные задачи восстановления народного хозяйства страны. Троцкисты же предлагали «свернуть шею НЭПу» в тот самый ключевой момент, когда экономика страны только находилась в стадии восстановления. Именно этого небольшого, но принципиально важного «нюанса» так и не смогли понять наши доморощенные «антисталинисты», которые, вероятнее всего, как и их кумир **Н.И. Бухарин**, «не понимают вполне диалектики».

На состоявшемся в **апреле 1929 г.** объединенном Пленуме ЦК и ЦКК был нанесен новый ощутимый удар по «правым уклонистам», которых обвинили в несовместимости их взглядов с генеральным курсом партии. Более того, **И.В. Сталин** прямо заявил, что «правые уклонисты» создали «самую неприятную и самую мелочную фракцию», из всех имевшихся фракций внутри **ВКП(б)**. На сей раз жертвами внутрипартийных разборок стали идейный вдохновитель «правой оппозиции» **Н.И. Бухарин**, который был снят с постов главного редактора «Правды» и секретаря **Исполкома Коминтерна**, **Н.А. Угланов**, выведенный из **Политбюро ЦК** и лишившийся поста секретаря ЦК, и **М.П. Томский**, официально снятый с поста председателя **ВЦСПС**. И хотя **Н.И. Бухарин**, **М.П. Томский** и **А.И. Рыков** формально остались членами **Политбюро**, их реальных политических вес был де-факто сведен к нулю.

Надо сказать, что ряд современных авторов (**Г. Бордюгов**, **В. Козлов**) утверждают, что на этом Пленуме ЦК **Н.И. Бухарин** и его сторонники предложили некую альтернативную программу выхода из острейшей кризисной ситуации, возникшей в результате новой заготовительной кампании зимой 1929 г. Основные элементы этой, якобы «антикризисной», программы «правой оппозиции» состояли в следующем: 1) незамедлительно прибегнуть к экспорту зерна из-за границы, 2) срочно пересмотреть всю прежнюю политику цен и внести существенные изменения в старую систему налогообложения крестьянских хозяйств и 3) решительно отказаться от прежней политики «чрезвычайных мер», которая реально угрожала дальнейшему углублению внутривнутриполитического кризиса в стране. Однако при всем нашем уважении к этим авторам, мы не можем согласиться с тем, что этот набор традиционных и хорошо известных полумер, мог хоть в какой-то степени претендовать на некую «альтернативную программу правой оппозиции сталинскому курсу в экономическом развитии страны».

3. Первый пятилетний план (1928–1932 гг.)

В конце апреля 1929 г. Президиум Госплана СССР представил на рассмотрение правительства отправной и оптимальный варианты «Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1928–1932 гг.». Несмотря на серьезные возражения **А.И. Рыкова** и **Г.М. Крижановского**, большинство членов правительства поддержали оптимальный пятилетний план, который был официально утвержден в мае 1929 г. на XVI партийной конференции и V Всесоюзном съезде Советов.

В июле – августе 1929 г. ЦК ВКП(б) принял целый ряд постановлений об ускоренных темпах развития отраслей тяжелой индустрии, куда предполагалось направить почти 80% всех капиталовложений, предусмотренных планом первой

пятилетки для всего промышленного комплекса страны. Во исполнение данных постановлений **ВСНХ СССР** под руководством **В.В. Куйбышева** приступил к новому пересмотру плановых заданий пятилетки. В частности, по уточненному плану добыча сырой нефти должна была сразу увеличиться с **21 до 41 млн тонн**, каменного угля — с **75 до 120 млн тонн**, выплавка чугуна — с **10 до 16 млн тонн**, а производство стали — с **10 до 19 млн тонн**.

В июле 1930 г. прошел **XVI съезд ВКП(б)**, на котором политика «большого скачка» получила свое дальнейшее обоснование и развитие. В частности, **И.В. Сталин**, выступавший с «Отчетным докладом ЦК», прямо заявил о необходимости резко увеличить плановые показатели развития базовых отраслей промышленного производства еще на **32 %**, что диктовалось острейшей необходимостью в кратчайшие сроки создать прочный фундамент всей социалистической экономики страны. Укрепление позиций сталинской группировки в высшем партийном руководстве со всей очевидностью продемонстрировал и организационный **Пленум ЦК**, прошедший сразу после съезда, на котором новыми членами **Политбюро** были избраны секретарь **ЦК ВКП(б)** **Л.М. Каганович** и первый секретарь **Ленинградского горкома** и **обкома партии** **С.М. Киров**. Причем, позиции «правых уклонистов», напротив, безнадежно рухнули, поскольку членство в **Политбюро ЦК** лишь на время сохранил только глава правительства **А.И. Рыков**. Однако, уже в **декабре 1930 г.** он будет снят с поста председателя **СНК** и **СТО СССР** и выведен из состава **Политбюро ЦК**, а новым главой советского правительства будет назначен ближайший сталинский соратник **Вячеслав Михайлович Молотов**.

Тем временем переход к ускоренной индустриализации поставил на повестку дня вопрос о пересмотре всей старой системы управления народным хозяйством страны, а так же тех основных элементов рыночных отношений и механизмов, прежде всего, в финансово-банковской сфере, которые продолжали существовать. С этой целью в **1930—1931 гг.** была проведена реформа всей банковско-кредитной и фискальной (налоговой) системы, в результате которой:

1) Был полностью ликвидирован коммерческий кредит и осуществлен переход к жёсткой централизованной системе кредитования всех промышленных и коммерческих (торговых) предприятий страны только через **Государственный банк СССР**;

2) Были ликвидированы все существовавшие в годы **НЭПа** фискальные отчисления в бюджет и установлены два основных вида налоговых отчислений — налог на прибыль и налог с оборота;

3) Была создана принципиально новая система распределения средств производства и средств потребления через созданный в **ноябре 1930 г.** **Народный комиссариат снабжения СССР**, который возглавил кандидат в члены **Политбюро ЦК ВКП(б)** **А.И. Микоян**.

4) Была существенно пересмотрена существовавшая все годы **НЭПа** система источников накопления и доходной части бюджета, основными элементами которой стали: а) государственная монополия на производство и реализацию всей ликеро-водочной продукции; б) государственная монополия во внешней торговле и активный внешнеторговый баланс; в) экспорт сырьевых ресурсов и произведений живописного и ювелирного искусства за рубеж; г) рост прямых и косвенных налогов и создание системы принудительных внутренних займов с населения страны; д) укрепление системы неэквивалентного обмена между городом и де-

ревней, путем установления предельно низких закупочных цен на продукцию сельского хозяйства, которые отчасти не покрывали затрат на ее производство; и е) денежная эмиссия и скрытый рост цен на продукцию промышленного производства.

Затем, в **январе 1932 г.** по решению **Политбюро ЦК Высший Совет Народного Хозяйства СССР** был преобразован в три мощных отраслевых наркомата — **тяжелой, легкой и лесной промышленности СССР**, которые, соответственно, возглавили **Г.К. Орджоникидзе, И.Е. Любимов и С.С. Лобов**. По сути, именно эти три гигантские государственно-промышленные монополии сконцентрировали в своих руках оперативное управление всем народно-хозяйственным комплексом страны.

Между тем, по мнению ряда современных авторов, причем, главным образом либерального толка (**Р. Дэвис, Л. Рогачевская, О. Лацис, О. Хлевнюк, М. Горин**), к **началу 1932 г.** совершенно четко обозначились и самые острые проблемы развития хозяйственного комплекса страны, в частности: **а)** стремительный рост бюджетного дефицита, **б)** резкое падение темпов промышленного роста, **в)** жесточайший кризис в сельском хозяйстве и **г)** отрицательное сальдо внешнеторгового баланса страны. Кроме того, в этот же период из-за острой нехватки оборотных и бюджетных средств прекратилось полное ассигнование **615** объектов капитального строительства в базовых отраслях индустрии, что составляло более трети от общего числа всех возводимых крупных предприятий в угольной, нефтяной, химической, металлургической и других отраслях промышленного комплекса страны.

По их представлениям, именно эта кризисная ситуация привела к отрезвлению высшее руководство страны, которое в **конце июля 1932 г.** приступило к существенному пересмотру прежней экономической политики. В этот период на хозяйстве в **Москве** остались новый председатель Совнаркома СССР **В.М. Молотов** и второй секретарь ЦК ВКП(б) **Л.М. Каганович**, поскольку **И.В. Сталин** и **Г.К. Орджоникидзе**, находясь в рабочем отпуске, отдыхали в **Сочи**. Именно по их указанию **Политбюро ЦК ВКП(б)** создало новую «Комиссию» под председательством **В.В. Куйбышева**, которой и было поручено в кратчайшие сроки рассмотреть вопрос о снижении себестоимости капитального строительства в отраслях тяжелой индустрии, прежде всего, металлургических заводов и угольных шахт.

Заручившись согласием генсека, через неделю **В.В. Куйбышев** представил на рассмотрение членов **Комиссии** проект постановления о резком сокращении финансовых ассигнований в тяжелую промышленность и аграрный сектор страны, сумма которых составляла более **700 млн рублей**. И, несмотря на активное сопротивление руководителей ряда отраслевых наркоматов и ведомств, в **начале августа 1932 г.** вышли два постановления **Политбюро ЦК ВКП(б)** и **СНК СССР** о существенном сокращении инвестиционных вливаний в объекты капитального строительства и топливно-энергетического комплекса страны почти на **10 %**.

Тем не менее, уже в **январе 1933 г.**, выступая на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК, **И.В. Сталин** заявил о досрочном выполнении плана первой пятилетки за четыре года и три месяца, хотя, по мнению ряда ученых (**Р. Дэвис, О. Лацис, В. Данилов, В. Лельчук, Л. Рогачевская**), реальные данные официальной статистики, т.е. **ЦУНХУ Госплана СССР (Н.В. Осинский)**, которые долгие годы были засекречены, говорили якобы о другом:

1) По большинству отраслей тяжелой промышленности не были выполнены даже плановые показатели «отправного» пятилетнего плана. В частности, вместо запланированных 22 млрд кВт/ч электроэнергии произвели 13,5 млрд кВт/ч, вместо 10 млн тонн чугуна выплавляли 6,5 млн тонн, вместо 75 млн тонн угля добыли 65 млн тонн, вместо 10 млн тонн стали — выплавляли 6 млн тонн, и т.д.

2) Огромное увеличение капиталовложений в тяжелую промышленность в годы первой пятилетки полностью разрушило хрупкий баланс народного хозяйства и расстроило всю финансовую систему страны.

Конечно, это вопрос нуждается в дальнейшем изучении, но, тем не менее, как верно отметили многие историки и экономисты (В. Касьяненко, В. Кузьмин, М. Горинов, С. Кара-Мурза, В. Катасонов, Г. Ханин, Н. Колесов), именно в годы первой пятилетки был заложен прочный фундамент индустриальной мощи СССР и создана вторая, после Криворожско-Донбасской, Уральско-Сибирская угольно-металлургическая база страны, которая сыграла колоссальную роль в годы Великой Отечественной войны.

В 1928–1933 гг. на территории страны было построено более 1500 крупных промышленных предприятий, в том числе такие гиганты социалистической индустрии как Днепровская гидроэлектростанция, Туркестанско-Сибирская железная дорога, Кузнецкий и Карагандинский угольные бассейны, Магнитогорский, Липецкий, Новокузнецкий и Карагандинский металлургические комбинаты, Уральский и Краматорский заводы тяжелого машиностроения, Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные заводы, Запорожский завод сельскохозяйственного машиностроения, Московский и Горьковский автомобильные заводы, Ярославский шинный завод, Воронежский завод синтетического каучука, Березниковский и Соликамский химические комбинаты, Московский шарикоподшипниковый завод, Хибинский апатитовый комбинат, Туапсинский нефтеперерабатывающий завод и сотни других крупнейших промышленных предприятий и объектов.

4. Второй (1933–1937 гг.) и Третий (1938–1942 гг.) пятилетние планы

По мнению ряда современных историков, в основном либерального толка (Г. Бордюгов, В. Козлов, О. Хлевнюк, Д. Боффа, Н. Верт), в начале 1933 г. внутри Политбюро ЦК вновь разгорелась ожесточенная борьба между двумя группировками: радикальным «протроцкистским крылом» в лице И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, К.Е. Ворошилова и А.А. Андреева, и умеренным «пробухаринским крылом», которое было представлено С.М. Кировым, Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышевым и М.И. Калининным, опиравшихся на идеи «правых уклонистов».

По чисто умозрительному мнению данной группы ученых, представители «умеренных» пытались: 1) сохранить ленинские принципы коллективного руководства и положить конец непомерно возросшему культу личности И.В. Сталина; и 2) внести существенные коррективы в теорию и практику хозяйственного строительства, в частности прекратить государственный террор в отношении советского крестьянства и проявить разумный подход при составлении второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Иными словами, «умеренная группировка» в Политбюро предлагала покончить с политикой «чрезвычайных мер» и вернуться к нэповским методам руководства экономикой страны.

Однако их оппоненты (А. Улам, Ю. Емельянов, Ю. Жуков, С. Кара-Мурза, А. Кирилина) отрицают какую-либо борьбу влиятельных группировок в Политбюро ЦК ВКП(б) и утверждают, что главным объектом критики ряда членов партийного ареопага был вовсе не И.В. Сталин и его политический курс, а глава советского правительства В.М. Молотов, отставки которого добивались так называемые «бакинцы» — Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микоян и А.С. Енукидзе. Но эта фронда была вызвана не их разногласиями по коренным вопросам экономической политики, а исключительным неприятием личных качеств председателя СНК и его махровым бюрократизмом. Однако этот «антимолотовский заговор» был отвергнут большинством членов Политбюро, в том числе и С.М. Кировым, которого «бакинцы» активно вербовали в свои ряды.

Вообще следует сказать, что конкретный анализ разработки плана и реализации политики коллективизации и индустриализации в годы первых пятилеток позволил ряду современных авторов (О. Хлевнюк, Ю. Жуков, И. Павлова) сделать важный вывод о реальных механизмах принятия экономических решений в тот переломный период в истории нашей страны. Вопреки традиционной точке зрения советских и зарубежных историков «тоталитарной школы» (С. Коэн, Р. Пайпс, Р. Такер, М. Геллер, А. Некрич) о том, что единственным субъектом принятия всех важнейших решений были высшие партийные инстанции, реальная картина была намного сложнее. Безусловно, высшей инстанцией, определявшей основные принципы экономической политики, было Политбюро ЦК и лично И.В. Сталин. Но это лишь отчасти характеризует механизм принятия решений, поскольку и И.В. Сталин, и В.М. Молотов, и другие члены высшего партийного ареопага все чаще стали выступать в роли своеобразных «третьих судей» в ожесточенных спорах между Наркоматом финансов СССР, Госпланом СССР и важнейшими отраслевыми наркоматами.

Причем, в советской партийно-государственной системе весомость разного рода претензий на обладание особым статусом своего наркомата или ведомства зависели, как от степени приоритетности решения конкретных хозяйственных задач, так и от реального аппаратного веса, влияния и места руководителя наркомата или ведомства в партийно-государственной иерархии страны. Например, Г.К. Орджоникидзе, А.А. Андрееву или А.И. Микояну, которые возглавляли Наркоматы тяжелой промышленности, путей сообщения и снабжения СССР и одновременно являлись членами Политбюро ЦК ВКП(б), было значительно проще и быстрее решать проблемы своих ведомств, чем, например, руководителям Наркоматов легкой промышленности и внешней торговли СССР И.Е. Любимову и А.П. Розенгольцу, которые являлись всего лишь кандидатами в члены ЦК ВКП(б).

Впервые задания «Второго пятилетнего плана развития народного хозяйства страны на 1933—1937 гг.» были рассмотрены и утверждены на XVII партийной конференции, которая состоялась в январе — феврале 1932 г. Поскольку темпы промышленного роста в стране в 1930—1931 гг. все еще внушали серьезную уверенность и оптимизм в досрочном выполнении основных показателей плана первой пятилетки, высшее политическое руководство страны поставило амбициозную задачу догнать передовые капиталистические страны по важнейшим экономическим показателям. Поэтому первоначальные директивы второго пятилетнего плана предусматривали увеличение производства электроэнергии до 100 млрд кВт/ч., добычу каменного

угля — до 250 млн тонн, выплавку чугуна — до 22 млн тонн, добычу сырой нефти — до 100 млн тонн и производство зерна — до 130 млн тонн.

Однако затем, учитывая срыв плановых заданий первой пятилетки, на очередном Пленуме ЦК, прошедшем в январе 1933 г., И.В. Сталин вынужден был провозгласить отказ от политики «необоснованно ускоренных темпов» промышленного и аграрного развития страны, и дал указание Госплану СССР представить высшему руководству страны новые, более реальные плановые показатели развития народного хозяйства на вторую пятилетку.

К составлению «Второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1933—1937 гг.» Госплан СССР (В.В. Куйбышев) подошел более взвешенно и рационально. Однако сама методология разработки плановых заданий пятилетки осталась прежней. По утверждению ряда современных авторов (М. Горинов, В. Лельчук, О. Хлевнюк), практика разработки первых пятилетних планов развития народного хозяйства страны была основана на так называемом «программно-целевом» методе, который предусматривал жесткую систему его составления: 1) на первом этапе проектировался план развития ключевых отраслей промышленного производства, на котором базировался весь народнохозяйственный план, в частности металлургии, энергетики, машиностроения и других индустриальных отраслей; 2) на втором этапе следовали плановые разработки по развитию сельского хозяйства, транспорта и капитального строительства; 3) на третьем этапе приступали к составлению плановых показателей сферы обращения, потребления, услуг и финансов, то есть внутренней и внешней торговли, кредита, бюджета и т.д.; 4) наконец, на четвертом заключительном этапе планировались основные показатели воспроизводства рабочей силы, ее оптимального размещения по различным регионам и отраслям народного хозяйства страны.

Однако под влиянием экономического кризиса в стране произошли существенные перемены в самой методике разработки и составления второго пятилетнего плана развития народного хозяйства страны, в частности: 1) постоянный рост капиталовложений сменился более взвешенной политикой сокращения производственных планов капитального строительства в различных регионах страны; 2) Госплан СССР попытался сбалансировать высокие темпы экономического роста промышленного производства с реальными сырьевыми и материальными ресурсами, созданными за прошедший период; 3) была частично восстановлена традиционная роль Наркомата финансов СССР в составлении сбалансированного бюджета и стабилизации денежного обращения внутри страны.

В феврале 1934 г. делегаты XVII съезда ВКП(б) утвердили новые плановые показатели на вторую пятилетку, которые предусматривали рост производства электроэнергии до 38 млрд кВт/ч, увеличение выплавки чугуна и стали до 16—17 млн тонн, добычу нефти до 47 млн тонн, производство зерна до 105 млн тонн и т.д. Кроме того, второй пятилетний план развития народного хозяйства был впервые нацелен на опережающий рост производства отраслей группы «Б», выпускающих средств потребления, по отношению к отраслям группы «А», производящих средства производства. Все эти меры привели к тому, что уже в конце 1933 г. был стабилизирован курс рубля на внутреннем рынке страны, а в конце 1934 г. впервые за многие годы рост промышленного производства превзошел плановые показатели на целых 6%.

Эти успехи в экономическом развитии страны вновь породили у высшего политического руководства излишний оптимизм. Уже в июле 1935 г. на Пленуме ЦК И.В. Сталин вновь поддержал предложение руководителей ряда отраслевых наркоматов и ведомств об увеличении капиталовложений в тяжелую промышленность с 19 до 22 млрд рублей. Более того, в декабре 1935 г. Политбюро ЦК одобрило существенное повышение плановых заданий на 1936 г., которые были представлены новым руководителем Госплана СССР, заместителем председателя СНК СССР В.И. Межлауком. В частности, скорректированный план на новый хозяйственный год предусматривали рост промышленного производства на 23%, а увеличение объемов капиталовложений в тяжелую промышленность с 28 до 36 млрд рублей.

Плановый утопизм, столь характерный для 1930–1932 гг., породил традиционные проблемы и противоречия, а именно: рост незавершенных объектов в капитальном строительстве, падение качества выпускаемой продукции, диспропорцию между различными отраслями промышленного производства, дестабилизацию бюджета страны и т.д. Все эти обстоятельства заставили вновь пересмотреть народно-хозяйственный план на 1937 г., контрольные цифры которого в июле 1936 г. были полностью одобрены высшим политическим руководством страны. В частности, в скорректированном плане последнего года второй пятилетки объемы прироста промышленной продукции были сокращены до 20%, а объемы инвестиций в промышленное производство страны уменьшились с 34 до 28 млрд рублей.

В мае 1937 г. на очередном Пленуме ЦК И.В. Сталин вновь заявил о досрочном и успешном выполнении второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР за четыре года и три месяца. И хотя плановые показатели большинства отраслей народного хозяйства страны вновь не были достигнуты в полном объеме, в натуральном выражении производство электроэнергии выросло с 13,5 до 36 млрд кВт/ч, выплавка чугуна — с 6 до 14,5 млн тонн, производство стали — с 6 до 17,5 млн тонн, добыча угля — с 64,5 до 128 млн тонн, а производство сырой нефти — с 21,5 до 28,5 млн тонн.

По оценкам большинства историков (В. Лельчук, М. Горинов, А. Вдовин), в годы второй пятилетки в строй были введены 4500 крупнейших промышленных предприятий в различных регионах страны, в том числе такие гиганты советской индустрии, как Азовский и Запорожский сталелитейные заводы, Карсакпайский, Балхашский и Красноуральский медеплавильные заводы, Чимкентский свинцовый комбинат, Нижнетагильский и Новолипецкий металлургические комбинаты, Челябинский ферросплавный комбинат, Горловский азотно-туковый комбинат, Днепровский алюминиевый комбинат, Воркутинский и Печёрский угольные бассейны, Никопольский и Уральский трубопрокатные заводы, Уфалейский никелевый завод, Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения, Новомосковский химический комбинат, Минский тракторный завод, Куйбышевский авиационный завод, Камский целлюлозно-бумажный комбинат, Ташкентский хлопчатобумажный комбинат, Московский, Саратовский, Орский и Хабаровский нефтехимические заводы, Московский метрополитен и тысячи других промышленных предприятий и объектов.

Всего же за годы двух первых пятилеток (1928–1937) рост промышленного производства в стране увеличился в разы, о чем со всей очевидностью говорят такие впечатляющие цифры:

ВИД ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ	1928 г.	1937 г.
Производство электроэнергии	5 млрд кВт/ч	36 млрд кВт/ч
Выплавка чугуна	3,5 млн тонн	14,5 млн тонн
Выплавка стали	4,5 млн тонн	17,5 млн тонн
Добыча угля	35 млн тонн	128 млн тонн
Добыча нефти	11,5 млн тонн	28,5 млн тонн
Производство тракторов	2 тыс. единиц	66 тыс. единиц
Производство автомобилей	1 тыс. единиц	200 тыс. единиц

В столь значительных успехах, достигнутых в годы первых пятилеток, не последнюю роль сыграл массовый трудовой героизм советских людей, нашедший свое зримое воплощение в знаменитом «стахановском движении» (1935), в основе которого лежал пресловутый «рекордизм». По мнению ряда современных авторов (М. Горинев, В. Роговин, В. Катасонов), в основе этого «рекордизма», охватившего все отрасли народного хозяйства страны, лежали материальный, социальный и патриотический мотивы, которые позволили сталинскому руководству использовать это мощное рабочее движение в политических и технократических целях. С одной стороны, Всесоюзный съезд «стахановцев», прошедший в ноябре 1935 г., назвал многомиллионное «движение стахановцев» самой сокрушительной силой, способной уничтожить любую контрреволюцию в стране. С другой стороны, декабрьский Пленум ЦК, в работе которого приняли участие руководители всех промышленных наркоматов и ведомств страны, расценили «движение стахановцев» как новую форму организации труда, в основе которой лежала революция технологических процессов.

Вместе с тем, надо признать и тот печальный факт, что к концу второй пятилетки «движение стахановцев» уже превратилось в неуправляемый поток пролетарской энергии, нанеший серьезный удар по промышленному и аграрному производству страны, поскольку: 1) противостояние стахановцев и директорского корпуса привело к определенной дестабилизации управления значительной части крупных аграрных и промышленных предприятий страны; 2) непредсказуемость стахановских рекордов в условиях планово-распределительной экономической системы расстроило производственные связи многих промышленных предприятий в разных уголках страны; 3) вследствие постоянной штурмовщины и необоснованного рекордизма снизились эффективность и качество промышленного производства, и, напротив, резко увеличились производственный травматизм и эксплуатация рабочей силы.

В марте 1939 г. состоялся XVIII съезд ВКП(б), на котором был утвержден «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1938–1942 гг.». Приоритетным направлением этого пятилетнего плана опять стало развитие базовых отраслей промышленного производства, показатели роста которых напрямую влияли на рост обороноспособности СССР. Особенно большое значение в этом плане было уделено: а) созданию мощной топливно-энергетической базы на Урале, в Западной Сибири и Средней Азии; б) развитию нового крупного нефтедобывающего района в Башкирии и Татарстане; и в) опережающему росту предприятий черной и цветной металлургии на Урале и в Западной Сибири. Кроме того, именно на этом съезде

И.В. Сталин, позитивно оценив огромные достижения двух первых пятилеток, заявил об успешном построении основ социализма в СССР, т.е. ликвидации условий для возрождения капитализма внутри самой страны.

На организационном Пленуме ЦК, состоявшемся в последний день работы съезда, был избран новый состав Политбюро и Секретариата ЦК. Полноправными членами Политбюро ЦК стали **И.В. Сталин**, **В.М. Молотов**, **К.Е. Ворошилов**, **Л.М. Каганович**, **А.А. Жданов**, **А.И. Микоян**, **А.А. Андреев**, **М.И. Калинин** и **Н.С. Хрушев**, а кандидатами в члены **Л.П. Берия** и **Н.М. Шверник**. В состав нового Секретариата ЦК вошли **И.В. Сталин**, **Г.М. Маленков**, **А.А. Жданов** и **А.А. Андреев**.

Новые грандиозные задачи по развитию промышленного производства страны потребовали срочно перестроить и разукрупнить громоздкие главки и наркоматы, поэтому уже в **январе 1939 г.** число промышленных наркоматов было резко увеличено с **6 до 22 единиц**. В частности, Наркомат оборонной промышленности СССР был разделен на Наркомат авиационной промышленности (**М.М. Каганович**), Наркомат судостроительной промышленности (**И.Ф. Тевосян**), Наркомат вооружений (**Б.Л. Ванников**) и Наркомат боеприпасов (**И.П. Сергеев**); Наркомат машиностроения СССР был, соответственно, разделен на Наркомат тяжелого машиностроения (**В.А. Малышев**), Наркомат среднего машиностроения (**И.А. Лихачев**) и Наркомат общего машиностроения (**П.И. Паршин**), и т.д. Тогда же были созданы Наркомат автомобильного транспорта СССР (**В.И. Борейко**), Наркомат строительства СССР (**С.З. Гинзбург**) и другие центральные общесоюзные ведомства, имевшие прямое отношение к укреплению обороны страны. Была перестроена и вся работа Экономсовета при СНК СССР (**В.М. Молотов**), на базе которого были созданы различные хозяйственные советы по оборонной промышленности, металлургии, топливу, машиностроению и т.д.

Чуть позже, в **1940–1941 гг.**, был существенно расширен и состав заместителей председателя СНК СССР, которые одновременно стали руководителями отраслевых Советов по машиностроению (**В.А. Малышев**), по металлургии (**М.З. Сабуров**), по топливу и электрохозяйству (**М.Г. Первухин**), по ширпотребу (**А.Н. Косыгин**) и другие.

За три первых года третьей пятилетки (**1938–1940 гг.**) валовая продукция промышленности выросла в **1,5 раза**, а машиностроения — в **1,7 раза**, что было достигнуто за счет введения в строй **3000** новых крупных предприятий на всей территории страны, в частности **Кураховской ГРЭС**, **Угличской** и **Комсомольской ГЭС**, **Забайкальского** и **Новотагильского металлургических комбинатов**, **Московского завода малолитражных автомобилей**, **Енакиевского цементного завода**, **Уфимского нефтеперерабатывающего комбината**, **Среднеуральского медеплавильного завода**, **Сеgezского** и **Марийского целлюлозно-бумажных комбинатов** и т.д.

Более того, как установил профессор **Г.И. Ханин**, который в последнее время опубликовал ряд фундаментальных научных работ по истории советской экономики («**Экономика СССР в конце 1930-х — 1960 год**»), только по официальным, причем, явно заниженным данным, рост военного производства за три года **третьей пятилетки (1938–1940 гг.)** вырос в **2,4 раза**, а количество станков собственного производства увеличилось на **86 %**, что и обеспечило работу всей промышленности в первые месяцы войны.

Выполнение напряженных планов третьей пятилетки во многом было обеспечено не только предельно жесткими методами сталинского руководства, но и возвратом к прежней политике милитаризации труда, характерной для эпохи Гражданской войны. В связи с этим обстоятельством Президиум Верховного Совета СССР в июне 1940 г. принял Указы «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями».

В соответствии с этими правовыми актами под угрозой жесткого дисциплинарного, административного и даже уголовного наказания: 1) рабочим и служащим всех промышленных предприятий страны был категорически запрещен переход с одного предприятия на другое без разрешения дирекции; 2) на всех предприятиях страны были введены обязательные «**трудовые книжки**», которые хранились в отделе кадров по месту работы, где фиксировались все нарушения трудовой дисциплины и причины увольнения с предыдущего места работы; 3) рабочий режим всех промышленных предприятий был существенно ужесточен и за опоздание на работу и прогулы была предусмотрена жесткая дисциплинарная и даже уголовная ответственность; 4) с 7 до 8 часов была увеличена продолжительность рабочего дня, а вместо шестидневной рабочей недели была введена семидневная рабочая неделя и т.д.

Новый этап в развитии экономической политики был связан с **февралем 1941 г.**, когда на XVIII Всесоюзной партийной конференции, а затем на Пленуме ЦК высшее политическое руководство страны вынуждено было вновь прибегнуть к подзабытым элементам «**чрезвычайных мер**», которые были столь характерны для эпохи Гражданской войны и ликвидации НЭПа. В частности, по решению партийной конференции во всех горкомах и обкомах партии была введена отдельная должность секретаря по оборонным отраслям и транспорту. Причем, по мнению ряда современных историков (Ю. Емельянов, Ю. Жуков, С. Кара-Мурза), возврат к старым методам экономической политики был абсолютно оправдан и продиктован, прежде всего, **резким обострением международной обстановки и возросшей угрозой неизбежного вступления СССР во Вторую Мировую войну**, которая уже вовсю полыхала на трех континентах.

Кроме того, на этом Пленуме ЦК были проведены кадровые перестановки и в состав Политбюро ЦК вошли три новых кандидата в члены: секретари ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков и А.С. Щербаков и первый заместитель председателя СНК СССР, председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский. А всего спустя три месяца после этих назначений, которые красноречиво говорили об особом внимании высшего политического руководства к проблемам обороны страны, в мае 1941 г. председателем Совета Народных Комиссаров СССР был назначен И.В. Сталин. При этом многолетний глава советского правительства В.М. Молотов, занимавший эту должность с декабря 1930 г., сохранив за собой пост наркома иностранных дел СССР, был назначен одним из 15 заместителей председателя СНК СССР.

В заключении следует сказать, что, по мнению большинства историков (В. Лельчук, М. Горинов, А. Соколов, В. Попов), ускоренные темпы индустриального развития страны объективно обернулись рядом родовых пороков советской экономики, в частности: 1) серьезным дисбалансом всего промышленного производства, кото-

рые сопровождалось хроническим кризисом отраслей производства средства потребления; 2) тяжелым кризисом, а затем стагнацией всего сельскохозяйственного производства, которое на протяжении пяти десятилетий оставалось ахиллесовой пятой всей советской экономики; 3) созданием пресловутой командно-административной системы, которая составляла основу управления всем народнохозяйственным комплексом страны до конца 1980-х гг.

В исторической науке до сих пор существует проблема существования реальной альтернативы командно-административной системе, которую в период «горбачевской перестройки» постоянно называли «казарменным», «государственным», «ранним» и даже «феодальным» социализмом.

1) Одни авторы (И. Клямкин, М. Горинов, Г. Бордюгов, Козлов) убеждены, что такой альтернативы просто не существовало, поскольку сама эта система сформировалась и выросла из глубин нэповской экономики, которая во много продолжила славные традиции «военного коммунизма».

2) Другие ученые (Г. Гребенник) уверены в том, что административная система вырвалась вне рамок НЭПа и реальная альтернатива этой системе все-таки была. А становление и развитие командно-административной системы было связано исключительно с реализацией сталинской экономической стратегии, в основе которой лежали принципы «чрезвычайщины» и созданный на базе этих принципов мощнейший репрессивный аппарат.

Между тем, мы хотим особо подчеркнуть, что в свете последних научных изысканий ряда крупных историков и экономистов (С. Кара-Мурза, В. Катасонов, Ю. Жуков) подобные выводы и оценки «сталинского социализма» представляются очень скороспелыми и поверхностными, и поэтому эта переломная эпоха в истории СССР нуждается в дальнейшем серьезном исследовании.

Между тем, в одной из последних своих работ «Экономика Сталина» (2014) известный российский ученый, профессор В.Ю. Катасонов попытался вкратце дать системную характеристику сталинской модели социализма, которая позволила нашей стране в кратчайшие сроки решить проблему индустриализации, обеспечить очень высокие темпы экономического роста, вывести ее в разряд второй экономической супердержавы и одержать историческую победу в Великой Отечественной войне. Такими основными элементами сталинской модели социализма стали: 1) общенародная собственность на средства производства, 2) единый народно-хозяйственный комплекс страны, 3) централизованное управление, 4) директивное планирование, 5) мобилизационный характер экономики, 6) ее максимальная самодостаточность, 7) ориентация не на стоимостной, а натуральный показатель роста производства, 8) отказ от прибыли как главного стоимостного показателя и ориентация на постоянное снижение себестоимости готовой продукции, 9) ограниченный характер товарно-денежных отношений, 10) государственная монополия на банковскую деятельность и одноуровневая банковская система, 11) двухконтурная — наличная и безналичная — система внутреннего денежного обращения, 12) ускоренное развитие отраслей группы «А» по отношению к отраслям группы «Б», 13) государственная монополия внешней торговли, 14) государственная валютная монополия, 15) замена конкуренции социалистическим соревнованием, 16) сочетание моральных и материальных стимулов труда, 17) недопустимость нетрудовых доходов и т.д.

Тема: СТРОИТЕЛЬСТВО ОСНОВ СОЦИАЛИЗМА В СССР. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СТРАНЫ В КОНЦЕ 1920–1930 ГГ.

План:

1. Предварительные замечания.
2. Первый этап политики коллективизации советской деревни (1928–1930 гг.).
3. Второй этап политики коллективизации советской деревни (1930–1932 гг.).
4. Третий этап политики коллективизации в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.)

1. Предварительные замечания

Как известно, в начале сентября 1928 г. в газете «Правда» ее многолетний редактор **Н.И. Бухарин** опубликовал свою программную статью «Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года», которая стала продолжением прежней дискуссии по проблемам темпов и источников социалистической индустриализации.

Возвращаясь к главным положениям прошедшей внутрипартийной дискуссии по данному вопросу, но уже не отрицая необходимости более высоких темпов индустриального развития страны, «главный теоретик партии» вновь обратил внимание на целый ряд ключевых моментов, в частности на то, что: 1) перекачка средств из крестьянских хозяйств не сможет обеспечить максимальных темпов роста промышленного производства; 2) основным источником накопления должна стать новая финансово-кредитная политика, а не форсированный курс на создание крупных коллективных хозяйств и 3) процесс создание крупных коллективных хозяйств должен проходить на базе агротехнического прогресса, а не чисто административного принуждения и насилия.

Безусловно, новая статья **Н.И. Бухарина** стала серьезной заявкой на сохранение «бухаринской модификации» нэповского курса в экономике страны. Однако было бы не лишним напомнить о том, что:

1) Именно **Н.И. Бухарин** в феврале 1927 г. на Пленуме ЦК полностью поддержал серьезные изменения той самой финансово-кредитной политики, которую санкционировал его ближайший соратник, председатель СНК и СТО СССР **А.И. Рыков**, подписав в июле 1926 г. декрет о снижении закупочных цен на зерно и установлении «сверхналога» на нэпманов и кулаков. А ведь, именно эти «рыночные» меры, как верно отметил английский историк **А. Ноув**, и стали детонатором того заготовительного кризиса зимы 1927–1928 гг., который привел к «чрезвычайным мерам» и началу политики «большого скачка».

2) По справедливому мнению ряда современных авторов (**Г. Бордюгов, В. Козлов, Ю. Жуков, Ю. Емельянов**), к моменту возникновения «заготовительного кризиса» зимы 1927–1928 гг. никто из членов высшего партийного руководства не возражал против «перекачки» средств из аграрного производства в промышленный сектор экономики страны. Дискуссионным оставался вопрос о формах и пределах этой «перекачки», но не более того. Бухаринская группировка полагала, что более

существенные средства для индустриального развития страны дадут единоличные крестьянские хозяйства, которые необходимо всячески оберегать, поддерживать и поднимать. А сталинская группировка, уже взявшая курс на создание крупных коллективных хозяйств, была напротив убеждена, что только колхозы и совхозы смогут решить главную экономическую задачу страны — преодолеть стадийное отставание промышленного производства СССР от экономически передовых западных держав.

3) Более того, те же историки справедливо упрекают руководство страны и, прежде всего, самого **Н.И. Бухарина** в том, что именно оно упустило реальную возможность органически соединить задачи индустриального развития страны с развитием производственных форм кооперации. А ведь, именно **Н.И. Бухарин** еще в **апреле 1925 г.**, жёстко полемизируя с **Ю.З. Лариным**, выступавшим за развитие различных форм производственной кооперации, однозначно заявил, что колхозы не являются «столбовой дорогой к социализму».

В результате этой целенаправленной партийной политики произошло «осереднячивание» советской деревни, где вместо прежних **16 млн** крепких крестьянских хозяйств возникло **25–26 млн** единоличных середняцких хозяйств, которые теперь давали **85%** всех валовых сборов зерна, и только **20%** товарного зерна. А львиную долю товарного зерна — более **60%**, поступавшего на внешний и внутренний рынки, по-прежнему производили «кулацкие» хозяйства страны, численность которых не превышала **4%** от общего количества всех единоличных крестьянских хозяйств. Вот именно эти кулацкие хозяйства во многом и провоцировали все те заготовительные кризисы, которые стали и причиной, и одновременно поводом для перехода к «чрезвычайным мерам», которые похоронили **НЭП**.

2. Первый этап политики коллективизации советской деревни (1928–1930)

Вполне логическим и совершенно оправданным продолжением курса на индустриализацию базовых отраслей промышленного производства страны стал курс на «сплошную коллективизацию» единоличных крестьянских хозяйства, который был провозглашен в июле **1929 г.** Провозглашение нового курса в аграрной политике было связано с тем, что за истекшее десятилетие в стране было создано всего **57 тысяч** коллективных аграрных хозяйств, которые объединяли чуть более **3,5%** всех единоличных крестьянских хозяйств.

Надо сказать, что в либеральной публицистике (**Н. Шмелев, О. Лацис**) и в ряде исторических работ (**В. Данилов, Л. Файн**) существует не вполне оправданное представление о поступательном развитии мелкотоварного крестьянского хозяйства во второй половине **1920-х гг.** На самом деле, и этот факт совершенно бесспорно подтвержден в работах ряда советских и современных историков (**Н. Рогалина, М. Горинов, Ю. Жуков**), во второй половине **1920-х гг.** наблюдалась устойчивая стагнация сельскохозяйственного производства во всех регионах страны. Чтобы прекратить процесс дальнейшей деградации деревни и положить конец перманентным кризисам хлебозаготовок, **И.В. Сталин** и его ближайшее окружение считали необходимым в кратчайшие сроки обобществить все средства производства и поставить советскую единоличную деревню под жесткий административный контроль.

Так же несостоятельны утверждения данных авторов и о поступательном развитии различных форм кооперации в стране, которые ставили под сомнение необходимость проведения сплошной коллективизации в советской единоличной деревне в обозримой исторической перспективе. Однако в реальности дело обстояло куда более плачевно. Многие ученые (**В. Кабанов, Г. Бордюгов, В. Козлов**) справедливо пишут о том, что:

1) В Советской России и остальных союзных республиках практически вся крестьянская кооперация являла собой «неуклюжий механизм полугосударственного типа», который, отягощенный грузом собственных противоречий, «находился в состоянии полного разложения и упадка». По сути дела государство полностью определяло заготовительные и продажные цены кооперативных хозяйств на сырье и готовую продукцию, нормы их капиталовложений, накладных расходов и других важнейших элементов рыночных отношений, что полностью противоречило хозрасчетным основам самой кооперации. Такой полугосударственный гибрид уже ни на что не был способен, а новая реорганизация кооперации в тех исторических условиях была просто невозможна.

2) Если в царской России основным видом кооперативного движения была кредитная кооперация, то в условиях советской власти основной упор был сделан на развитие потребкооперации, которая представляла собой более низкую ступень кооперативного движения, не способную решать серьезных задач аграрного развития страны.

Теоретическим обоснованием нового партийного курса на ускоренные темпы коллективизации стала знаменитая сталинская статья «Год великого перелома», опубликованная в «Правде» 7 ноября 1929 г. В этой, отчетливо политико-пропагандистской статье, сознательно приукрашивая истинное положение вещей, **И.В. Сталин** заявил, что в колхозы пошел середняк, а значит, в социалистическом преобразовании деревни «одержана решающая победа». На самом деле, по подсчетам историков (**В. Данилов, Н. Ивницкий**), к моменту выхода в свет этой статьи во всех трех типах коллективных хозяйств — т.е. **ТОЗах, коммунах и артелях**, состояло не более 6–7% крестьянских, в основном, бедняцких безлошадных хозяйств.

Однако следует сказать, что, по мнению ряда современных авторов (**В. Кабанов**), первый значительный поворот высшего партийного руководства страны в сторону создания коллективных хозяйств произошел еще в 1925 г., когда правительство приняло ряд постановлений, в том числе «О совхозах» и «О мероприятиях по укреплению экономического положения советских хозяйств», в которых всем совхозам отводилась ведущая роль в реконструкции сельского хозяйства страны и перевода мелких крестьянских единоличных хозяйств на рельсы крупного промышленного земледелия.

Затем, в 1927–1928 гг. были приняты новые постановления ЦИК и СНК СССР «О коллективных хозяйствах», «О советских хозяйствах» и «Об общих началах землепользования и землеустройства», которые фактически означали подготовку к массовой коллективизации. Более того, решением Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 г. в советской деревне началось создание тысяч машинно-тракторных станций (МТС), которые должны были зримо показать все преимущества коллективного ведения хозяйства на селе. Таким образом, «великий перелом» 1929 г. возник, конечно, не на пустом месте, а стал логическим завершением всего предыдущего развития аграрного сектора страны.

В ноябре 1929 г. состоялся Пленум ЦК, на котором уже обсуждались конкретные сроки коллективизации крестьянских хозяйств в различных регионах страны. В дискуссии по данному вопросу приняли участие и лидеры «правого блока», которые, выступив с покаянным «Письмом», полностью раскаялись в своих прежних заблуждениях и признали правоту генеральной линии партии, направленную на строительство основ социализма в стране. Однако это запоздалое покаяние не спасло главного идеолога и вождя «правых уклонистов» товарища Н.И. Бухарина от краха «политической кары» и решением Пленума ЦК он был выведен из состава Политбюро.

Надо сказать, что в годы «горбачевской перестройки» и в постсоветский период подавляющее большинство историков различных политических убеждений и взглядов (Е. Горелов, Р. Медведев, Г. Бордюгов, В. Козлов, В. Данилов, Н. Верг) сокрушались по поводу незавидной политической судьбы «любимца всей партии» и ее «крупнейшего и ценнейшего теоретика». И лишь немногие ученые (С. Козн, Ю. Емельянов) обратили внимание на то принципиально важное обстоятельство, что именно Н.И. Бухарин и его ученики в 1925–1929 гг. обладали практически полной монополией на весь идеологический, агитационный и пропагандистский партийный аппарат всех уровней. Ни один член Политбюро ЦК не мог похвастаться ни своей собственной «научной школой», состоящей из выпускников Института Красной профессуры, ни тем, что он и все его «птенцы» — А.Н. Слепков, Д.П. Марецкий, А.И. Стецкий, А.Ю. Айхенвальд, Д.А. Розит, Е.И. Гольденберг, Е.В. Цейтлин и другие новоявленные теоретики большевизма возглавляли «Правду», «Большевик», «Комсомольскую правду», «Ленинградскую правду», Московскую промышленную академию, Академию коммунистического образования, Институт Красной профессуры, Коммунистическую академию им. Я.М. Свердлова и многие другие центральные органы печати и высшие учебные заведения страны.

Поэтому поражение Н.И. Бухарина в борьбе со И.В. Сталиным вряд ли можно трактовать как смерть невинного младенца от рук кровожадного злодея. Видимо, это поражение в схватке за власть было связано с куда более серьезными причинами объективного порядка, нежели это представляется нынешним панегиристам и апологетам Н.И. Бухарина. Ведь, ряд современных авторов (Ю. Емельянов) абсолютно правы, когда предположили, что в случае победы Н.И. Бухарина, культ его личности при существовании такого мощного пропагандистского потенциала, каким обладали его выдвиженцы и ученики, установился бы значительно быстрее и жестче, чем это случилось на практике со И.В. Сталиным.

Что касается личности самого Н.И. Бухарина, то, как верно заметили ряд современных авторов (А. Соколов, Н. Симонов), до сих пор остается загадкой его трансформация из главного идеолога «военного коммунизма» в главного сторонника нэповской модели развития, или так сказать библейское «обращение Савла в Павла». Возможно, это связано с его неустойчивой психикой и слишком импульсивным характером, которым были присущи постоянная склонность к различным крайностям, превращавшим его то в лидера «левых коммунистов», то в лидера «правых уклонистов», не выходящего, впрочем, за рамки ортодоксального марксизма.

После завершения работы Пленума ЦК была создана Комиссия Политбюро во главе с В.М. Молотовым, которой было поручено разработать в кратчайшие сроки поквартальный план проведения коллективизации во всех регионах стра-

ны. На основе выводов и предложений этой Комиссии уже 5 января 1930 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Однако в данном Постановлении и без того слишком сжатые сроки коллективизации (от 2-х до 4-х лет), предложенные Комиссией В.М. Молотова, по личному указанию И.В. Сталина были еще более ужесточены: зернопроизводящие регионы страны должны были закончить сплошную коллективизацию к осени 1930 г., а остальные регионы страны — к осени 1932 г.

30 января 1930 г. вышло новое Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», во исполнение которого во всех зернопроизводящих регионах страны — на Украине, в Среднем и Нижнем Поволжье, в Центрально-Черноземном районе и на Северном Кавказе, была отменена вся аренда земли, наложен запрет на применение наемного труда и дан старт политике тотальной конфискации средств и орудий производства всех кулацких хозяйств.

Затем, 6 февраля 1930 г., в центральной и местной партийной печати был опубликован «Примерный устав сельскохозяйственной артели», которая являлась на тот момент самой распространенной формой крестьянских коллективных хозяйств в стране. Однако из этого «Устава» были вполне сознательно исключены все положения о степени обобществления крестьянских хозяйств, о порядке создания всех неделимых фондов и т.д. После выхода в свет данных Постановлений ЦК началась настоящая вакханалия «социалистического переустройства села», которая сопровождалась массовым убоем скота и птицы, актами гражданского неповиновения и открытой вооруженной борьбой многомиллионного советского крестьянства против беспардонного произвола местных властей. Тем не менее, по данным историков (В. Данилов, Н. Тепцов, И. Зеленин, Н. Ивницкий), уже к концу февраля 1930 г. более 55% единоличных крестьянских хозяйств были объединены в колхозы.

Тогда же, в феврале 1930 г., повинившийся Н.И. Бухарин, в своей статье «Великая реконструкция», пытаясь подвести очередную теоретическую базу под политику «большого скачка», оценил происходивший в советской деревне крутой поворот как особую форму «внутриформационного скачка». В частности, в этой работе «любимец всей партии» и известный схоласт, полностью противореча своим же собственным установкам полуторалетней давности, неожиданно заявил, что перевод сельского хозяйства страны на социалистические рельсы не может пройти по классическим формулам разных «педантов»: «сначала техническая революция, а затем перестройка производственных отношений». По твердому убеждению Н.И. Бухарина, которое он всегда менял от случая к случаю, в Советском Союзе более уместен иной теоретический постулат: «сначала переделка старых производственных отношений, а затем техническая революция в сельском хозяйстве».

Эта работа «крупнейшего и ценнейшего теоретика партии», не понимавшего «вполне диалектики», лишний раз красноречиво доказывает то бесспорное обстоятельство, что никакой «бухаринской альтернативы» в природе не существовало, поскольку сам Н.И. Бухарин не только всей душой признал правильность такого коренного поворота в советской деревне, но и вновь смоделировал очередной «теоретический шедевр» под изобретенный им же «внутриформационный скачок».

Столь стремительные темпы коллективизации и вызванное этим обстоятельством резкое обострение политической ситуации в стране, заставили руководство

партии предпринять экстренные меры. Уже 2 марта 1930 г. в «Правде» была опубликована знаменитая сталинская статья «Головокружение от успехов», в которой генсек вполне обоснованно возложил всю ответственность за допущенные перегибы в колхозном строительстве на местных советских и партийных работников, справедливо обвинив их в «авантюризме», «разгильдяйстве» и «головотяпстве». Поэтому уже 14 марта 1930 г. по его инициативе вышло новое Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», в котором была подвергнута резкой критике практика создания «бумажных» колхозов и актов насилия против советского середняка. Те же оценки коллективизации, но в значительно более жесткой и конкретной форме, были изложены 2 апреля 1930 г. в закрытом письме ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии», которое было адресовано местным партийным комитетам областного и районного уровня. По мнению ряда историков (И. Зеленин, М. Горинов), авторы этого письма полностью признали, что в стране, по сути, началась новая крестьянская война против насильственной коллективизации, партии и советской власти. Только в январе — марте 1930 г. местные органы ОГПУ СССР (В.Р. Менжинский) зафиксировали более 2200 антиправительственных вооруженных мятежей, в которых приняло участие почти 800 тысяч крестьян.

Реакция правящей партийно-государственной верхушки на эти массовые выступления была стремительной и результативной: началось резкое снижение темпов коллективизации и массовый выход крестьян из ненавистных им колхозов. В частности, по оценкам современных историков (В. Данилов, И. Зеленин, Н. Ивницкий), к августу 1930 г. в колхозах осталось порядка 20–22 % всех крестьянских хозяйств. Тем не менее, именно в 1930 г. был собран небывалый за многие годы урожай зерновых — более 83,5 млн тонн, что позволило И.В. Сталину сделать поспешный вывод о том, что на базе колхозов и совхозов страна впервые успешно решила многолетнюю зерновую проблему.

В июле 1930 г. прошел XVI съезд ВКП(б) на котором политика «большого скачка» получила свое дальнейшее обоснование и развитие. В частности, сам И.В. Сталин, выступавший с «Отчетным докладом ЦК», прямо заявил о необходимости резко увеличить плановые показатели развития базовых отраслей промышленного производства страны еще на 32 %. Совершенно очевидно, что новое увеличение объемов промышленного производства, заставило генсека и его ближайшее окружение вновь обратить свои взоры на проблему темпов и масштабов коллективизации. Поэтому уже в сентябре 1930 г. ЦК ВКП(б) направил всем рескомам, крайкомам и обкомам партии директивное письмо «О коллективизации», в котором предложил местным партийным секретарям начать новый этап мощного подъема колхозного движения по всей стране.

3. Второй этап политики коллективизации советской деревни (1930–1932 гг.)

В декабре 1930 г. состоялся объединенный Пленум ЦК и ЦКК, на котором был дан старт новому этапу «сплошной коллективизации» в стране, основным содержанием которого стали дальнейшее обобществление единоличных крестьянских хозяйств и окончательная «ликвидация кулачества как класса». В частности, заключительная

резолюция **Пленума ЦК и ЦКК** установила жесткие контрольные цифры коллективизации крестьянских хозяйств для всех регионов страны на новый хозяйственный год: на **Украине, Северном Кавказе, Нижнем и Среднем Поволжье** степень обобществления всех крестьянских хозяйств должна была составить не менее **80%**, а в **Центральных областях России, на Урале, в Казахстане и в Сибири** — не менее **50%** всех крестьянских хозяйств должны были добровольно вступить в колхозы.

Кроме того, решением **Пленума ЦК** последний представитель «правых уклонистов», председатель **СНК и СТО СССР Алексей Иванович Рыков** был выведен из состава **Политбюро ЦК** и снят со всех своих постов. Этим же решением **Пленум ЦК** утвердил новым главой советского правительства и председателем **Совета обороны** ближайшего соратника **И.В. Сталина**, многолетнего секретаря **ЦК ВКП(б) Вячеслава Михайловича Молотова**.

Во исполнение решений партийного **Пленума, 23 декабря 1930 г. ВЦИК и СНК СССР** выпустили совместное «**Постановление**», в котором всем районным и поселковым Советам было предписано самим устанавливать признаки кулацких хозяйств применительно к местным условиям. Безусловно, что такая свобода действий на практике обернулась полным произволом местных властей и, прежде всего, в отношении середняцких хозяйств, многие из которых «по мановению волшебной палочки» превратились в хозяйства буржуазного (кулацкого) типа.

Политика ликвидации кулачества являлась важнейшим фактором осуществления политики сплошной коллективизации, при этом, по справедливому мнению многих историков (**Н. Иваницкий, И. Зеленин, В. Данилов**), проводилась она значительно жестче и быстрее, чем создание новых коллективных хозяйств, во многом стимулируя этот процесс и экономически, и психологически.

Практически весь **1931 г.** прошел под знаком политики «**ликвидации кулачества как класса**». Для руководства этим процессом была создана **Специальная комиссия** под руководством кандидата в члены **Политбюро**, заместителя председателя **СНК СССР А.А. Андреева**, которая только за этот год раскулачила и выслала на поселения в отдаленные регионы страны порядка **265 тысяч** крестьянских хозяйств. Всего же, по последним данным историков, в **1930—1931 гг.** было уничтожено около **390 тысяч** кулацких хозяйств, а общие итоги раскулачивания за весь период коллективизации, по разным оценкам, составили от **1,1 млн (В. Данилов, И. Зеленин, Н. Иваницкий)** до **5 млн (Н. Тепцов, В. Тихонов)** крестьянских хозяйств. При этом мы хотим особо подчеркнуть, что если подсчеты **В.П. Данилова, И.Е. Зеленина** и других авторитетных историков носят более-менее объективный характер, поскольку основаны на реальном анализе фактов и документальных источников, то «научная прислуга» российской «демократии» в лице **Н.В. Тепцова, В.А. Тихонова** и других «ученых мужей» черпает свои псевдонаучные открытия прямо «с потолка», преследуя сугубо политическую цель, в частности вылить как можно больше «помоев» на сталинский тоталитарный режим.

Новый подъем колхозного движения едва дотянул до **конца 1931 г.**, а уже в **январе 1932 г.** в своей записке «**О колхозном строительстве**» руководитель **Колхозцентра СССР Г.Н. Каминский** с тревогой информировал **ЦК ВКП(б)** «**о спаде коллективизации в большинстве районов страны, особенно в зерновых районах РСФСР**». В частности, по оценкам тех же историков, только в **первой половине 1932 г. в РСФСР** «**колхозный рай**» покинули почти полтора миллиона крестьянских хозяйств, а на-

чиная со второй половины 1932 г., явно обозначился новый подъем крестьянской «антиколхозной войны».

В этой критической ситуации высшее руководство страны вынуждено было прибегнуть к новому компромиссу с советским крестьянством, который прошел в два этапа:

1) В марте 1932 г. ЦК ВКП(б) принял Постановление «О принудительном обществлении скота», в котором резко осудил широко укоренившуюся практику принудительного и тотального отбора у колхозников всего крупного и мелкого рогатого скота и домашней птицы;

2) В мае 1932 г. вышли два совместных Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане хлебозаготовок и развертывании колхозной торговли хлебом» и «О плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозников и единоличных трудящихся крестьян», в соответствии с которыми: а) для всех коллективных хозяйств страны были существенно сокращены объемы государственных поставок по мясу (на 700 тысяч тонн) и зерну (на 1,6 млн тонн); б) после выполнения государственного плана заготовок по мясу и зерну всем колхозам была разрешена реализация излишков их продукции в свободной торговле по рыночным ценам; в) с торговых операций колхозников и единоличных крестьян были отменены все республиканские и местные налоги и сборы.

Однако этот компромисс не дал желаемых результатов и в условиях провального хода заготовительной кампании, летом 1932 г. сталинский режим прибег к традиционным способам убеждения.

1) 7 августа 1932 г. ЦИК СССР принимает печально знаменитый закон «Об охране социалистической собственности» (Закон «О трех колосках»), в соответствии с которым за хищение колхозного имущества устанавливались длительные сроки заключения вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела.

2) В октябре 1932 г. по решению Политбюро ЦК были созданы Чрезвычайные комиссии под руководством В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Ф.И. Голощекина и П.П. Постышева, которые предприняли целый комплекс репрессивных мер, как по отношению к колхозам, так в отношении крестьян-единоличников, которые были уличены в злом саботаже государственного плана хлебозаготовок.

Тогда же окончательно формируется и новая административно-командная система управления всем аграрно-промышленным комплексом страны: в июле — октябре 1932 г., наряду с давно существовавшим Наркоматом земледелия СССР, который возглавлял Я.А. Яковлев (Эпштейн), создаются две новых управленческих структуры общесоюзного масштаба — Наркомат заготовок СССР и Наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР, которые возглавили И.М. Клейнер и Т.А. Юркин.

Как считают ряд историков, главным образом либерального толка (В. Данилов, И. Зеленин, В. Кондрашин, Н. Ивницкий, Ш. Фицпатрик), создавшие целую теорию «искусственного голода», сознательно организованного И.В. Сталиным, второй этап сплошной коллективизации, массовое раскулачивание крестьянских хозяйств и политика чрезвычайных комиссий в зерновых районах страны имели катастрофические последствия для страны. Во второй половине 1932 — начале 1933 гг. различные регионы страны, в частности Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан и Украину, охватил жуткий голодомор, который, по разным оценкам (В. Данилов, Н. Ивницкий, Р. Дэвис, У. Андерсон), унес от 3 до 5 миллионов человеческих жизней. В то же время

вряд ли можно согласиться с совершенно бредовыми утверждением ряда западных советологов (**Р. Конквест**) о том, что жертвами этого страшного голодомора стали **14 млн советских крестьян**. При этом сторонники этой «антисталинской теории» всячески утверждают, что несомненным является тот факт, что «голодомор» на всей территории страны, а не только на **Украине, положил конец крестьянской войне, размах которой реально угрожал сталинскому режиму.**

Между тем, на территории современной Украины тема «голодомора» приобрела не просто крайне болезненный, но и откровенно русофобский характер. Большинство современных свидомых украинских политиков, историков и политологов националистического толка (**В. Ющенко, С. Кульчицкий, Г. Стадник, Г. Вятрович**) до сих пор пытаются всячески доказать, что голодомор 1932–1933 гг. был заранее спланированной акцией, организованной **И.В. Сталиным** и его ближайшим окружением с целью геноцида украинского народа. Однако эти лживые, сугубо политизированные мифы были полностью разоблачены в работах многих российских и малороссийских (новороссийских) ученых и публицистов, в том числе в статьях и книгах **В.В. Корнилова, А.Б. Мартиросяна, Г.С. Ткаченко Е.А. Прудниковой** и других.

В постсоветский период появилось немало научных работ (**С. Нефедов, Д. Пеннер**), авторы которых попытались по иному объяснить причина массового голода 1932–1933 гг. В частности, они считают, что в условиях так называемой «итальянской забастовки», когда новоиспеченные колхозники просто не желали убирать созревший урожай с «чужих» колхозных полей, произошло массовое осыпание перезревших хлебов, в результате чего около **20–25%** всего урожая осталось на полях и было уничтожено во время так называемой «мышьиной напасти», когда прожорливые грызуны уничтожили все зерно, оставшееся на полях вместе с соломой.

Вместе с тем, в последнее время появилась довольно оригинальная, но вполне аргументированная версия ряда видных публицистов (**А. Мухин, С. Кунгуров**), которые установили, что массовая гибель людей во время этого «голодомора», особенно на Украине, стала следствием элементарной необразованности и ментальности самих сельских жителей, особенно малороссийских хуторов и сел, которые стали массово травиться заражённым зерном. Дело в том, что по оценкам специалистов (**А. Сергеев**), урожай 1932 г. был в целом очень даже неплохим и составил почти **70 млн тонн**. Причем, если 1931 г. экспорт зерна за рубеж был порядка **5 млн тонн**, то в 1932 г. он составил чуть больше **1,7 млн тонн**, а в 1933 г. и того меньше — **1,5 млн тонн**. Однако значительная часть этого урожая, который уже собрали не одиночные хозяйства, а колхозы и совхозы, была просто разворована самими селянами-куркулями, которые опасаясь быть привлеченными за кражу зерна к уголовной ответственности, в том числе по **Закону «О трех колосках»**, стали массово закапывать его в самодельные «хлебные ямы». Именно в таких, скороспелых земляных, а не обожженных глиной, «зерновых хранилищах» оно быстро заразилось смертельно-токсичными микрогрибами, что и вызвало у потребителей этого зерна **алиментарно-токсическую алейкию**, которая тогда получила название «**септической ангины**». Когда эпидемия этого заболевания приняла катастрофический характер, тогда по указанию властей на борьбу с «хлебными ямами» и были брошены органы **НКВД**, которые безжалостно их жгли, чтобы остановить масштаб этой эпидемии и массовую гибель людей, особенно на Украине.

В советской исторической науке (В. Селунская, Н. Роголина) традиционно утверждалось, что в годы сплошной коллективизации был **полностью реализован «ленинский кооперативный план»**, который позволил в кратчайшие сроки провести социалистические преобразования в деревне и создать в Советском Союзе вполне жизнеспособный колхозно-совхозный строй, полностью доказавший свои экономические преимущества в годы **Великой Отечественной войны**. Однако в современной исторической науке существуют совершенно разные оценки итогов политики сплошной коллективизации страны.

1) По мнению многих крупных историков и экономистов (М. Горинов, В. Кабанов, С. Кара-Мурза, В. Катасонов, Ю. Емельянов, Ю. Жуков), коллективизация сельского хозяйства имела, как минимум, **четыре основных задачи**, которые были с успехом разрешены: **а)** осуществление коренных социалистических преобразований в деревне на базе максимального обобществления основных средств и орудий производства; **б)** кардинальное решение продовольственной и сырьевой проблем, что позволило в кратчайшие сроки создать жизнеспособную систему внутреннего потребления в стране и получить мощные экспортные ресурсы, столь необходимые для закупки дефицитного сырья и промышленного оборудования за рубежом; **в)** ликвидация затянувшейся до бесконечности проблемы землеустройства индивидуальных крестьянских хозяйств и решение проблем, связанных с аграрным перенаселением центральных районов страны; **г)** обеспечение строительства тысяч крупнейших промышленных предприятий и иных государственных объектов оборонного значения дешевой рабочей силой.

Таким образом, в результате проведения сплошной коллективизации была создана целостная система перекачки финансовых, материальных и трудовых ресурсов из аграрного в индустриальный сектор экономики страны. Но **главный результат** политики сплошной коллективизации состоял все же в другом:

а) Во-первых, **был осуществлен настоящий индустриальный прорыв**, в результате которого по абсолютным объемам промышленного производства **Советский Союз вышел на второе место в мире после США**;

б) Во-вторых, **было, наконец, преодолено качественное стадийное отставание советской индустрии от передовых стран Европы и Америки, и отныне Советский Союз стал одной из немногих стран мира, способных производить любой вид промышленной продукции**.

в) В-третьих, по мнению этих ученых, который мы в значительной степени разделяем, **беспощадный экзамен сталинской экономической модели и советской экономике устроила Великая Отечественная война, который она с честью выдержала**.

2) Другие историки и экономисты, в основном записные антисталинисты (В. Данилов, И. Зеленин, Н. Ивницкий, О. Хлевнюк), убеждены, что **политика сплошной коллективизации или «революция сверху» стала одной из самых трагических страниц российской истории, которая имела предельно пагубные последствия для всего российского крестьянства и сельского хозяйства страны. Разрушительные последствия этого социалистического, а вернее псевдосоциалистического, эксперимента являлись одной из наиболее преступных акций сталинской эпохи, поскольку:**

а) Есть все основания утверждать, что с завершением сплошной коллективизации в большинстве регионов страны отчетливо проявился кризис аграрного производства, для которого были характерны: разрушение основных производи-

тельных сил деревни, полная дезорганизация и упадок аграрного производства и массовая гибель крестьянства в годы второй Гражданской войны и массового голода в 1932–1933 гг.

б) Задания первой пятилетки по развитию сельского хозяйства ни по одному из показателей выполнены не были, а политика «большого скачка» оказала крайне негативное влияние на развитие всего аграрного сектора страны, особенно его животноводства, где ситуация сложилась просто катастрофической. По данным этих историков, по итогам первой пятилетки: 1) поголовье крупного рогатого скота сократилось с 60 до 33 млн голов, свиней — с 26 до 12 млн голов, овец — с 97 до 33 млн голов и лошадей — с 32 до 15 млн голов; 2) валовое производство зерна сократилось с 75–76 млн тонн до 70–73 млн тонн, в то время как государственные заготовки зерна, напротив, возросли с 10–11 млн тонн до 25–27 млн тонн.

в) В годы проведения сплошной коллективизации более чем в три раза был перевыполнен план обобществления индивидуальных крестьянских хозяйств, и к началу 1933 г. в колхозах и совхозах страны состояло более 63 % всех крестьянских хозяйств.

Между тем, многие их оппоненты (Ю. Жуков, Ю. Емельянов, С. Кара-Мурза) справедливо сомневаются в достоверности всех этих цифр, которые не подтверждаются ни статистическими данными, ни документальными источниками, и во многом взяты просто с «потолка» именно тогда, когда высшая политическая власть в лице А.Н. Яковлева и Ко, а затем в лице разного рода «грантоедских» зарубежных фондов, типа «Фонда Сороса», поставила главную политическую задачу — «мочить сталинизм».

4. Третий этап политики коллективизации в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.)

В январе — мае 1933 г. начался новый этап колхозного строительства, который, по мнению многих историков (В. Данилов, Д. Боффа, Н. Верт, М. Горинов), ознаменовался существенным смягчением политического курса и прекращением массовых репрессий против советского крестьянства. В частности, в мае 1933 г. за подписями И.В. Сталина и В.М. Молотова в районные и областные комитеты ВКП(б) была разослана секретная директива, в которой было заявлено о том, что «в новой благоприятной обстановке» возникла реальная возможность прекратить применение «острых форм репрессий» и «массовых выселений кулацких элементов» в отдаленные регионы страны. Хотя, следует сказать, что не все современные авторы (И. Зеленин) разделяют эту точку зрения и утверждают, что существование в 1933–1934 гг. политотделов при МТС, которые окончательно завершили чистку советской деревни от классово чуждых элементов, не дает основания говорить о каком-то особом периоде «колхозного нэонэпа».

В январе 1933 — январе 1934 гг. выходит целый ряд совместных постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в том числе «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами» и «О закупках хлеба потребительской кооперацией», в соответствии с которыми:

1) Были четко установлены сроки и объемы обязательных государственных поставок зерна и другой сельхозпродукции, которые не могли превышать одной трети

валового сбора всей аграрной продукции, произведенной в рамках одного единоличного хозяйства. При этом и крестьяне, и колхозники были обязаны строго выполнять все поставки государству, а местным органам партийной и советской власти в категорической форме было запрещено нарушать или повышать объемы данных поставок в государственный резервный фонд.

2) Закупочные цены на излишки зерна и другой сельхозпродукции, реализация которых могла осуществляться через органы потребкооперации, должны были превышать заготовительные цены на 20–25%, а все хозяйства, сдавшие свою сельхозпродукцию по твердым государственным расценкам, получали право на льготное кредитование и приобретение необходимой им промышленной продукции по существенно заниженным ценам.

Однако на практике эти «Постановления» партии и правительства подверглись серьезной деформации, а сами объемы валовых сборов зерна продолжали неуклонно снижаться. В этой ситуации, в августе 1934 г. И.В. Сталин и В.М. Молотов подписали новую директиву руководителям всех республик, краев и областей «Об изменении порядка проведения закупок аграрной продукции», согласно которой все колхозы, выполнившие планы обязательных поставок государству и натуроплаты МТС, обязаны были создать дополнительный фонд для выполнения плана закупок зерна и другой сельхозпродукции. Таким образом, закупки превратились в обязательные планы сдачи дополнительной сельхозпродукции в государственный закупочный фонд.

Все эти меры привели к тому, что уже 1934 г. впервые в истории советской деревни план хлебозаготовок был выполнен не только по стране, но и каждой республикой, краем и областью в рекордно короткие сроки — к началу декабря текущего года. При этом значительную роль в выполнении государственного плана заготовок сыграли и закупки зерна, удельный вес которых в общем объеме хлебозаготовок, составил около 15% и вырос всего за год с 400 тысяч тонн до 3,5 млн тонн. В результате уже в ноябре 1934 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение об отмене карточной системы в городах, а так же о созыве II Всесоюзного съезда колхозников для обсуждения и принятия нового колхозного устава.

В феврале 1935 г. состоялся II Всесоюзный съезд колхозников, который обсудил и принял «Примерный Устав сельскохозяйственной артели», разработанный рабочей комиссией во главе с заведующим Сельхозотделом ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлевым. Этот «Примерный Устав», утвержденный совместным Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР 17 февраля 1935 г.:

1) Четко определил размеры личного подсобного хозяйства всех колхозников, то есть перечень и назначение его построек, количество крупного и мелкого рогатого скота и домашней птицы;

2) Закрепил «остаточный принцип» распределения колхозной продукции по трудодням, которые являлись единственной формой оплаты труда колхозников за их непомерно тяжкий труд. Иными словами, колхозник мог рассчитывать на получение своей натуральной, а не денежной зарплаты только после выполнения его колхозом а) обязательных поставок государству; б) засыпки семенного, фуражного и страхового фондов и в) создания фонда государственных закупок зерна и другой сельхозпродукции.

Тем не менее, принятие «Примерного Устава сельскохозяйственной артели» сыграло положительную роль в поиске долгожданного компромисса между политиче-

ским руководством страны и многомиллионным советским крестьянством. По данным современных историков (Ю. Мошков, М. Горинев), уже в 1937 г. в общем объеме валовой продукции сельского хозяйства страны удельный вес приусадебных хозяйств советских колхозников составил по мясу и молоку — 71%, по плодощной продукции — 56%, а по картофелю и овощам — 52%.

По данным официальной статистики, к концу второй пятилетки в стране было создано почти **244 тысячи колхозов** — коллективных крестьянских хозяйств артельного типа, которые объединили более **93%** всех единоличных крестьянских хозяйств. В начале третьей пятилетки положение в аграрном секторе страны существенно стабилизировалось и само сельскохозяйственное производство приобрело устойчивую тенденцию к своему росту, хотя, конечно, оно существенно сдерживалось серьезным перераспределением основных государственных ресурсов на оборонные отрасли промышленного производства. Если в канун «революции сверху» в стране ежегодно производилось порядка **72–73 млн тонн** зерна, более **5 млн тонн** мяса и свыше **30 млн тонн** молока, то в **1938–1940 гг.** производство зерна выросло до **80 млн тонн**, мяса — до **6 млн тонн**, а молока — до **70 млн тонн**. Причем, если в конце **1920-х гг.** этот объем продукции производили **50–55 млн** единоличников, то в предвоенные годы тот же объем продукции давали **30–35 млн** колхозников и рабочих совхозов. Таким образом, повышение производительности труда в деревне обеспечило высвобождение для тяжелой индустрии и других отраслей народного хозяйства, а так же вооруженных сил страны более **20 млн человек**, и с этой точки зрения политика форсированной коллективизации, при всех ее жутких ошибках и перегибах, являлась вполне оправданной, поскольку во многом предопределила успех индустриального развития страны и нашу победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны.

Тема: ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ СССР В 1930-Х ГГ. ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

План:

1. Советский политический режим и его основные черты.
2. Проблема политических репрессии в годы сталинизма.
3. Политические процессы 1930-х гг.
4. Сталинская Конституция 1936 г. и ее основные черты.

1. Советский политический режим и его основные черты

Надо сказать, что современные российские ученые по-разному оценивают характер изменений, произошедший в политической системе советского государства в 1930-х гг. Однако подавляющее большинство ученых полагают, что именно в этот период произошло окончательное становление **командно-административной политической системы**, основанной на принципах **бонапартизма, цезаризма и тоталитаризма**.

Надо сказать, что сама **концепция тоталитаризма**, введенная в научный оборот еще в 1920-х итальянскими социалистами (**Д. Амедола**), после завершения **Второй Мировой войны** стала особенно детально изучаться в европейской и американской историографии, в частности в работах **Х. Аренда**, **К. Фридриха**, **З. Бжезинского** и других. Именно эти авторы сформулировали основные признаки тоталитаризма, которые имеют очень зыбкую теоретическую базу, но до сих пор активно используются современными российскими авторами либерального толка (**П. Волобуев**, **Н. Маслов**, **А. Мерцалов**, **Д. Волкогонов**, **О. Хлевнюк**, **И. Павлова**) при изучении истории советского государства эпохи «**сталинизма**» или «**сталинского тоталитаризма**». Сущность этого понятия они традиционно трактуют в двух основных контекстах:

1) Сталинизм — это система личного диктаторства и тирании, основанная на крайне жестких формах принуждения общества и личности для достижения утопических идеалов коммунизма и всемерного укрепления режима личной власти **И.В. Сталина**;

2) Сталинизм — это тоталитарная разновидность социализма и длительный период истории советского общества, в течение которого наиболее полно проявились основные черты сталинской модели общественного развития:

— **В сфере экономики** — это тотальное господство государственной собственности на все орудия и средства производства, государственное регулирование всех имущественных отношений, милитаризация народного хозяйства страны и т.д.

— **В политической сфере** — это установление тоталитарного однопартийного режима, сращивание партийного и государственного аппаратов власти в единый бюрократический организм, установление режима культа личности вождя, создание мощного репрессивного аппарата, опорой которого являются партия, армия и карательные органы (**ВЧК — ОГПУ — НКВД**).

— **В идеологической сфере** — это превращение партийной (коммунистической) доктрины в общегосударственную идеологию, установление полного государственного контроля над всеми средствами массовой информации, системой пропаганды, агитации и образования, и т.д.

— **В области национальных отношений** — это укрепление реального унитарного государства, которое выразилось в крайней степени централизации управления всеми регионами страны, включая все союзные республики.

Кроме того, по мнению ряда ученых (**Н. Маслов**, **И. Павлова**, **Н. Шабельникова**), наряду с классическими признаками тоталитарного общества, сталинизм имел и ряд существенных особенностей, в частности: **1)** он стремился выступать под вывеской марксизма, хотя по своей природе был совершенно чужд основным постулатам марксизма, который, будучи исторически ограниченным явлением, все же сыграл свою позитивную роль в развитии научной и политической мысли человечества; **2)** он предпринял довольно успешную попытку превратить так называемый марксизм-ленинизм из объекта критического осмысления исторического опыта и существующих реалий в **новую религиозную доктрину** со своими «**мессиями**», «**заветами**» и «**иконостасами**»; **3)** он постоянно проповедовал идею **о непрерывном обострении классовой борьбы** по мере продвижения к социализму, что послужило основой для формирования образа внутреннего и внешнего врага и проведения массовых политических репрессий в стране.

Надо сказать, что большинство современных авторов выделяют четыре основных этапа эволюции «**сталинского тоталитаризма**»: **1 этап (1923–1934)** — процесс

становления сталинизма и формирование его основных тенденций и характерных признаков; 2 этап (1935–1941) — окончательное оформление сталинской тоталитарной модели советского общества; 3 этап (1941–1945) — частичная деформация классического сталинизма, которая была связана с участием нашей страны во **Второй Мировой войне**; 4 этап (1946–1953) — пик в развитии сталинизма, который одновременно стал кризисом этой тоталитарной системы, положивший начало регрессивной эволюции сталинизма в советский авторитаризм.

Вместе с тем, мы хотим отметить тот принципиальный факт, что многие признаки «сталинского тоталитаризма», которые в настоящее время все так же активно и даже агрессивно проповедают записные антисталинисты всех званий и мастей, во многом носят чисто доктринерский, а зачастую просто откровенно политический характер и очень мало согласуются с конкретными историческими фактами и документами той эпохи, которые есть не только в богатых архивных фондах, но и в открытом доступе. В частности, любой объективный историк прекрасно осведомлен о том, что, как минимум, в довоенный период **И.В. Сталин** отнюдь не обладал тем исключительным всевластием, которое ему приписывали и приписывают все антисталинисты, и во многом был зависим от настроений большей части членов **ЦК**, где, как известно, было немало противников его политического курса, как явных, так и скрытых, и т.д.

Если говорить по существу, то в довоенном СССР реальная власть принадлежала не парламенту, в роли которого выступали **Всесоюзный Съезд Советов**, а затем **Верховный Совет СССР**, или утверждаемому им правительству — **Совнаркому СССР**, а высшим выборным партийным органам, в частности **Пленуму ЦК**, который представлял собой собрание всех членов и кандидатов в члены **ЦК**, выбранных на очередном партийном съезде. Именно **Пленум ЦК** формировал и определял персональный состав трех рабочих органов **ЦК**, в частности **Политбюро**, **Оргбюро** и **Секретариата ЦК**. И только затем эти органы формировали всю структуру и штатный состав аппарата **ЦК**, его отделов и комиссий. Поэтому говорить о тотальном всевластии **И.В. Сталина** в данной конфигурации власти просто несерьезно, поскольку он, как и все остальные члены **Политбюро**, всегда находился под «дамокловым мечом» членов **ЦК**, которые при определенных политических раскладах могли легко отправить их в отставку и лишить всех руководящих постов.

2. Проблема политических репрессии в годы сталинизма

По мнению многих современных историков (**Ю. Щетинов**, **М. Горинов**, **Д. Боффа**, **Р. Дэвис**), курс на ускоренные темпы индустриального развития страны, который сопровождался сплошной коллективизацией единоличных крестьянских хозяйств и полным отрицанием принципов внутривнутрипартийной демократии, а так же засилье в верхних эшелонах партийной номенклатуры многочисленных сталинских выдвиженцев, породил острое недовольство в определенных партийных кругах, которые группировались вокруг ряда высокопоставленных партийных, советских и хозяйственных работников. В частности, после разгрома «**бухаринской оппозиции**» открытое недовольство проводимым внутривнутриполитическим курсом стали выражать кандидат в члены **Политбюро ЦК ВКП(б)**, председатель **СНК РСФСР С.И. Сырцов**, первый секретарь **Закавказского крайкома ВКП(б) В.В. Ломинадзе**, секретарь

ЦК ВКП(б) и заместитель председателя **СНК РСФСР А.П. Смирнов**, нарком внутренних дел **РСФСР В.Н. Толмачев** и нарком снабжения **РСФСР Н.Б. Эйсмонт**, которые в 1930–1933 гг. были изгнаны из своих высоких кабинетов и исключены из партии.

Более того, бывший заведомом **МГК ВКП(б) М.Н. Рютин**, который в свое время очень активно поддержал «**зиновьевскую оппозицию**», а затем стал правоверным «**правым уклонистом**», в 1932 г. разродился двумя опусами — «**Сталин и кризис пролетарской диктатуры**» и **Манифестом «Ко всем членам ВКП(б)»**, в которых, возложив на **И.В. Сталина** всю ответственность за гибельный для страны политический курс, потребовал смещения вождя со всех его постов, немедленного исключения из партии и вынесения ему смертного приговора. Между тем, именно этот любимец горбачевско-яковлевских либералов эпохи позднего социализма, создавший пародийный «**Союз марксистов-ленинцев**», еще на **XII съезде РКП(б)** в апреле 1923 г. горячо убеждал своих однопартийцев, что большевики всегда подчиняли «**принципы демократизма революционной целесообразности**», поэтому партия, которая «**дискредитирует своих вождей, неизбежно становится слабой и беспомощной**».

Затушив последний открытый очаг антисталинской оппозиции в верхних эшелонах партии, сталинское политическое руководство приступило к подготовке нового партийного съезда, который должен был стать зримым доказательством грандиозных успехов, достигнутых советской страной за годы первой пятилетки. В январе — феврале 1934 г. в Москве прошел **XVII съезд ВКП(б)**, вошедший в историю страны и партии как «**съезд победителей**». По мнению ряда историков (**Н. Верт, М. Горинов**), с одной стороны, в работе и решениях этого партийного съезда отразилась общая атмосфера «**потепления**», которая выразилась в принятии реалистической экономической программы и отсутствия резких политических установок на обострение классовой борьбы. Но с другой стороны, в «**Отчетном докладе**» **И.В. Сталина** прозвучал целый ряд политических установок, которые потенциально содержали угрозу **нового ужесточения политического курса в стране**. В частности, именно на этом съезде было принято важнейшее решение, которое, по сути, превратило членов **ЦК** и высшее политическое руководство страны в неподконтрольную касту небожителей: **Центральная Контрольная Комиссия ВКП(б)** и **Наркомат РКИ** были преобразованы в **Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б)** и **Комиссию Советского контроля при СНК СССР**, то есть в псевдовластные органы, которые теперь не имели права реально контролировать деятельность **ЦК ВКП(б)** и **СНК СССР**, поскольку отныне стали их структурными подразделениями.

Надо сказать, что в современной исторической литературе (**А. Антонов-Овсеенко, Д. Волкогонов, Н. Михайлов, Р. Медведев, Б. Старков**) еще со времен «хрущевской оттепели» существует абсолютно ложное представление, что именно на этом съезде ряд видных партийных и государственных деятелей, в том числе нарком тяжелой промышленности **СССР Г.К. Орджоникидзе**, Первый секретарь **ЦК ВКП(б)У С.В. Косиор**, председатель **ВУЦИК Г.И. Петровский** и первые секретари **Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе**, **Азовско-Черноморского обкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев** и **Центрально-Черноземного обкома ВКП(б) И.М. Варейкис** живо обсуждали планы замены **И.В. Сталина** на посту **Генерального секретаря ЦК ВКП(б)** секретарем **Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) С.М. Кировым**.

Более того, все эти авторы, поднаторевшие на антисталинской тематике в годы «горбачевской перестройки» и «ельцинского лихолетья», опираясь на историче-

ские басни так называемых жертв «сталинских репрессий» (О.Г. Шатуновская, Л.Э. Разгон, В.М. Верховых), стали утверждать, что при выборах нового состава ЦК против И.В. Сталина голосовали более 300 делегатов партийного съезда, в то время как С.М. Киров почти единогласно был избран в состав нового ЦК. Узнав об этом происшествии, И.В. Сталин якобы поручил своему верному оруженосцу Л.М. Кагановичу, который возглавлял счетную комиссию съезда, срочно изъять и уничтожить все избирательные бюллетени, в которых фамилия вождя была вычеркнута.

Однако, как верно отметили ряд объективных историков (М. Горинев, А. Кирилина, Ю. Емельянов, Ю. Жуков), до сих пор не найдено никаких документальных доказательств, которые могли бы опровергнуть или, напротив, подтвердить эти домыслы доморощенных антисталинистов. Единственным достоверным фактом является то, что при повторном изучении съездовских документов было выявлено исчезновение 166 бюллетеней для голосования, однако и время, и природа их исчезновения до сих пор остаются неизвестными. А все разговоры о том, что делегаты партийного съезда всерьез обсуждали вопрос о замене И.В. Сталина С.М. Кировым являются чистой воды мистификацией, поскольку вождь ленинградских коммунистов в силу многих объективных обстоятельств, в том числе своего политического веса и влияния в Политбюро, просто не мог стать реальной альтернативой И.В. Сталину, верным сторонником которого был до конца своих дней.

Еще одним аргументом записных антисталинистов в пользу своей версии является их утверждение, что именно на XVII съезде ВКП(б) был ликвидирован пост Генерального (Первого) Секретаря ЦК ВКП(б), который был восстановлен в партии только после смерти И.В. Сталин в сентябре 1953 г. Однако, как установили современные историки (А. Кирилина, Ю. Жуков), все совместные постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР И.В. Сталин стал подписывать как «секретарь ЦК ВКП(б)» вскоре после окончания XVI съезда партии, то есть с осени 1930 г. Ни на одном заседании XVII съезда ВКП(б), ни на организационном Пленуме ЦК, который состоялся в день окончания работы съезда, проблема Генерального секретаря вообще не поднималась, поскольку эта должность, введенная в рабочем порядке в апреле 1922 г., так и не была зафиксирована в последней редакции партийного устава, который был утвержден еще на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г.

Не менее спекулятивной проблемой является вопрос об обстоятельствах злодейского убийства члена Политбюро и секретаря ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградского горкома и обкома партии Сергея Мироновича Кирова (1886–1934), которое произошло в Смольном 1 декабря 1934 г.

Надо сказать, что, начиная с хорошо известных работ Л.Д. Троцкого, опубликованных в его «Бюллетени оппозиции» (1935) и похабной книжонки беглого сотрудника НКВД А.М. Орлова (Л.Л. Фельдбина) «Тайна сталинских преступлений» (1953), в зарубежной исторической литературе утвердилось предельно ложная трактовка этого трагического происшествия, согласно которой организатором убийства С.М. Кирова был лично И.В. Сталин, который якобы увидел в нем потенциального соперника в борьбе за власть. С сожалением приходится констатировать, что этот псевдонаучный бред нашел свое продолжение и в печально знаменитом докладе «О культе личности И.В. Сталина и его последствиях», который прозвучал из уст Н.С. Хрущева в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС. Хотя, для установления всех

обстоятельств смерти **С.М. Кирова** решением **XX съезда** была создана комиссия под руководством члена Президиума ЦК КПСС **В.М. Молотова**, которая в начале **1957 г.** пришла к однозначному выводу, что **С.М. Киров** стал жертвой убийцы-одиночки **Л.В. Николаева**. Однако в **1960 г.**, на волне новой антисталинской компании и под сильным давлением самого **Н.С. Хрущева**, была создана новая комиссия под председательством другого члена Президиума ЦК КПСС **Н.М. Шверника**, которая в своем заключении уже однозначно заявила, что подлое убийство **С.М. Кирова** было осуществлено сотрудниками **НКВД** по личному указанию **И.В. Сталина**. К большому сожалению, именно эта версия гибели **С.М. Кирова** до сих пор кочует по страницам низкопробных книг наших записных и зарубежных антисталинистов (**Р. Конквест, А. Антонов-Овсенко, Д. Волкогонов**), которые совершенно не утруждают себя элементарным анализом хорошо известных фактов.

На наш взгляд, самая убедительная версия гибели **С.М. Кирова** представлена в работе известного петербургского историка **А.В. Кирилиной** «Неизвестный Киров: мифы и реальность» (2001), которая явилась итогом ее почти тридцатилетних поисков истины по данной крайне запутанной проблеме. Вывод этого авторитетного ученого предельно однозначен: **С.М. Киров** стал жертвой убийцы-одиночки **Л.В. Николаева**, который застрелил его по сугубо личным мотивам, в том числе из-за патологической ревности и своего непомерного честолюбия. Вместе с тем, не подлежит сомнению тот факт, что **И.В. Сталин** использовал гибель **С.М. Кирова** для расправы со всеми политическими оппонентами, которые, так и не сложив оружия, ждали удобного повода для расправы над ним и его ближайшим окружением и изменения политического курса в стране.

Хотя, ряд современных авторов (**Ю. Жуков**) полагают, что **И.В. Сталин** прибег к крайним репрессивным мерам не для расправы с элементами «рудиментарной оппозицией», а только для того, чтобы заставить членов ЦК и секретарей краевых и областных партийных комитетов поддержать его новый политический курс, в основе которого лежали идеи создания новой Конституции и новой избирательной системы, основанной на принципах общенародной демократии.

После получения известия о гибели **С.М. Кирова**, поздним вечером **1 декабря 1934 г.** за подписью двух высших руководителей ЦИК СССР **М.И. Калинина** и **А.С. Енукидзе** выходит Постановление Президиума ВЦИК СССР, в соответствии с которым всем правоохранительным структурам страны было предписано: 1) вести дела о подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком; 2) всем судебным органам не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания и не рассматривать ходатайства преступников данной категории о помиловании; 3) органам союзного и республиканских наркоматов внутренних дел приводить приговоры о высшей мере наказания немедленно по вынесению судебных приговоров.

3 декабря 1934 г. вышло новое постановление Президиума ВЦИК «О расследовании и рассмотрении дел о террористических актах против работников Советской власти и внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы», которое ужесточило требования к расследованию и рассмотрению судами этих преступлений. В частности, данное Постановление предписывало, что: 1) следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней; 2) уголовные дела по данным видам преступлений слушать в судах без участия сторон; 3) не принимать

ходатайств о помиловании и не допускать кассационного обжалования данных приговоров в вышестоящих судебных инстанциях; 4) приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно, сразу после вынесения судебных приговоров.

Убийство С.М. Кирова, стало прелюдией так называемой «Великой чистки» 1936–1938 гг., которая началась с очередной тотальной проверки всех партийных организаций, в результате которой органы НКВД уже в конце 1935 г. получили максимально полное досье на всех потенциально оппозиционных граждан, исключенных из партийных рядов.

Надо сказать, что в зарубежной и отечественной историографии существует целый ряд ключевых проблем, связанных с историей этого периода в истории нашей страны:

1) Причины возникновения массовых репрессий.

а) Одни историки, писатели и публицисты (Ф. Чуев, В. Карпов, С. Кара-Мурза) абсолютно уверены в том, что в годы так называемых массовых репрессий И.В. Сталин уничтожил «пятую колонну» в СССР, состоящую из бывших «троцкистов», «зиновьевцев» и «бухаринцев», которые, находясь на высоких партийных, советских и военных постах, продолжали истово верить в идеалы мировой пролетарской революции и считали сталинский курс построения социализма в СССР гибельным для мирового коммунистического движения.

б) Другие ученые и публицисты (С. Свяниевич, Г. Иванова) полагают, что в основе всех политических репрессий лежала экономическая подоплека, в частности острейшая необходимость постоянного обеспечения огромной и разветвленной системы Главного Управления Лагерьей (ГУЛАГ) НКВД СССР дешевой рабочей силой, поскольку именно эта система стала играть исключительно важную роль в индустриальном развитии страны.

в) Третья группа авторов (З. Бжезинский, С. Волин, Р. Шлуссер, Р. Конквест, Д. Волкогонов) полагает, что всплеск массовых политических репрессий стал логическим следствием возникшей со времен Гражданской войны тоталитарной политической системы большевизма, изначально основанной на жестком подавлении любых проявлений свободомыслия, оппозиционности, постоянного поиска вредителей, врагов народа и т.д.

г) Четвертая группа авторов (Ю. Щетинов, М. Горинев) полагает, что репрессивная политика сталинского руководства преследовала четыре главных цели: 1) очищение всех эшелонов партийного и государственного аппарата от бесконтрольной власти зарвавшейся номенклатуры; 2) подавление в зародыше ведомственных, местнических, сепаратистских, клановых, оппозиционных и иных тенденций и настроений, и сохранение безусловной власти центра над всей периферией; 3) снятие острой социальной напряженности в советском обществе путем выявления и сурового наказания всех врагов народа; 4) ликвидацию пятой колонны внутри страны, которая потенциально могла создать реальную угрозу существования власти сталинской группировки в условиях неумолимо надвигавшейся войны.

д) Наконец, пятая группа авторов (Ю. Жуков) утверждает, что И.В. Сталин прибег к крайним репрессивным мерам не для расправы с членами «рудиментарной оппозицией», а только для того, чтобы заставить членов ЦК и первых секретарей рескомов, крайкомов и обкомов партии поддержать его новый политический курс:

кардинально изменить Конституцию СССР и отказаться от старой избирательной системы, основанной на жестких классовых принципах пролетарской демократии.

2) Кто явился инициатором массовых политических репрессий:

а) Известная часть либеральных авторов (Р. Конквест, А. Солженицын, Д. Волкогонов, О. Хлевнюк) до сих пор утверждает, что невероятный размах политических репрессий стал результатом тщательно спланированных И.В. Сталиным и его ближайшим окружением репрессивных мер, направленных на тотальное уничтожение всей политической оппозиции внутри страны. По их мнению, «особые протоколы» заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), которое и санкционировало создание печально знаменитых «троек», а также многочисленные списки арестованных и расстрелянных жертв политических репрессий, на которых «красуются» автографы И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, К.Е. Ворошилова, А.И. Микояна, А.А. Жданова, Г.М. Маленкова и других кремлевский вождей, красноречиво говорят о том, что именно высшее политическое руководство страны стало главным инициатором массовых политических репрессий.

б) Ряд крупных современных историков (Ю. Жуков, Ю. Емельянов), опираясь на новейший архивный материал, однозначно утверждают, что главным инициатором массовых политических репрессий в стране выступила местная партийная элита республиканского и областного уровня, в частности Н.С. Хрущев, С.В. Косиор, Р.И. Эйхе, П.П. Постышев и И.М. Варейкис, которая с помощью жесткой репрессивной политики попыталась удержаться у власти и заблокировать процесс крупных политических реформ, начатый И.В. Сталиным, В.М. Молотовым, А.А. Ждановым и другими членами «узкого руководства» в середине 1930-х гг. А что касается так называемых «расстрельных списков», то здесь идет прямой сознательный подлог со стороны всех записных антисталинистов. Дело в том, что в центральном аппарате ЦК ВКП(б) существовала особая Судебная комиссия, которая обладала правом помилования уже осужденных бывших членов партии, и именно на списках таких лиц, которым было отказано в помиловании, и «красуются» автографы вождей партии и государства. То есть, никаких личных и конкретных указаний по расстрелу тех или иных лиц ни И.В. Сталин, ни его ближайшие соратники не делали, все эти лица уже были приговорены судами к высшей мере наказания за доказанные в ходе судебного следствия преступления.

3) Каковы были масштабы политических репрессий в стране.

а) В зарубежной и либеральной российской историографии (Р. Конквест, А. Солженицын, А. Антонов-Овсеенко, Д. Волкогонов, Р. Медведев, О. Хлевнюк) традиционно говорится о десятках миллионах жертв сталинского политического террора. Еще в разгар «горбачевской перестройки», в январе 1988 г., один из видных ее «прорабов», рекрутированный А.Н. Яковлевым в агитпроповскую стаю «цепных псов-антисталинистов», тов. Р.А. Медведев в «Московских новостях» разразился довольно гнусной статейкой, в которой заявил, что по его подсчетам, за период 1927–1953 гг. было репрессировано около 40 млн человек. Однако вскоре эти 40 млн «жертв» перестали удовлетворять растущим потребностям пламенных борцов с тоталитарным сталинским режимом и в ход пошли разного рода «изыскания» американских и европейских советологов (Р. Конквест, Р. Пайпс), согласно которым от террора и репрессий погибло не менее 50–60 млн человек. Конечно, в зарубежной советологии были и вполне приличные ученые, в частности Р. Дэвис

(Англия), Г. Риттершпорн (Франция) и С. Виткрофт (Австралия), которые быстро «вывели на чистую воду» всех своих проплаченных спецслужбами коллег и доказали, что в действительности число жертв политических репрессий, коллективизации и голода было на порядок меньше. Однако их научные труды в нашей стране сознательно замалчивались, и в массовое сознание активно внедрялось только то, что содержало абсолютно лживую статистику репрессий.

Более того, в июне 1991 г. «Комсомольская правда» публикует интервью г-на А.И. Солженицына, из которого изумленные читатели, узнали о том, что некий белоэмигрант, профессор статистики И.А. Курганов «косвенным путем подсчитал, что в 1917–1959 гг. только от внутренней войны советского режима против своего народа, то есть от уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян..., тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами... вместе с нашей гражданской войной, мы потеряли 66 миллионов человек... По его же подсчетам, мы потеряли во Второй Мировой войне от пренебрежительного, от неряшливого ее ведения 44 миллиона человек! Итак, всего мы потеряли от социалистического строя — 110 миллионов человек!».

Конечно, эти данные никак не подтверждаются архивным материалом и основаны исключительно на личных, зачастую необъективно-злых домыслах и предположениях, как указанных выше авторов, так и разного рода мемуаристов, ставших «жертвами» сталинских репрессий. Более того, как верно отметили многие их оппоненты (С. Кара-Мурза, Ю. Жуков), работы этих авторов имели сугубо идеологическую подоплеку и были маленькими эпизодами большой психологической войны против СССР, развязанной на Западе с целью дискредитация не только СССР, но и всего мирового рабочего и коммунистического движения.

б) В патриотической научной литературе и публицистике (В. Земсков, В. Чуев, С. Кара-Мурза, Ю. Емельянов, Ю. Жуков) приводятся реальные архивные данные о количестве советских граждан, подвергшихся уголовному преследованию по политическим мотивам в первые два десятилетия советской власти.

Еще в начале февраля 1954 г. в МВД СССР была составлена информационная справка на имя Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева о числе осужденных за контрреволюционные преступления, т.е. по 58-й статье Уголовного Кодекса РСФСР и по соответствующим статьям УК всех остальных союзных республик, за период 1921–1953 гг., которую подписали три человека — Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко, министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов и министр юстиции СССР К.П. Горшенин.

В этом строго секретном документе «для служебного пользования» говорилось, что, по имеющимся в МВД СССР данным, в 1921–1953 гг. за контрреволюционные преступления Коллегией ОГПУ, Особым совещанием НКВД-МГБ СССР, Военной Коллегией, судами, военными трибуналами и «тройками» было осуждено 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642 980, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от двадцати пяти лет и ниже — 2 369 220 человек и в ссылку и высылку — 765 180 человек. В этой же записке особо отмечалось, что созданным на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. Особым совещанием при НКВД СССР, которое просуществовало до сентября 1953 г., было осуждено 442 531 человек, в том числе приговорено к высшей мере наказания — 10 101 человек, к лишению свободы — 360 921 человек, к ссылке и высылке внутри

страны — 67 539 человек и к другим мерам наказания, в том числе высылке за границу и принудительному лечению — 3970 человек.

Еще раньше, в начале января 1954 г. министр внутренних дел генерал-полковник С.Н. Круглов направил на имя Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева секретное письмо № 26/К, в котором содержалась справка МВД СССР, составленная на основе статистической отчетности Первого спецотдела МВД СССР, в которой было названо точное число осужденных лиц за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления в период с 1 января 1921 г. по 1 июля 1953 г. — 4 060 306 человек. Указанная цифра была сложена из числа 3 777 380 осужденных за контрреволюционные преступления и 282 926 осужденных за другие особо тяжкие государственные преступления, в том числе по статьям 59 (особо опасный бандитизм) и 193 (военный шпионаж).

Вплоть до конца 1980-х гг. эта информация являлась строжайшей государственной тайной и впервые подлинная статистика осужденных за контрреволюционные преступления была опубликована только в сентябре 1989 г. в статье доктора исторических наук, генерал-майора В.Ф. Некрасова, опубликованной в «Комсомольской правде». Затем более подробно та же информация была изложена в статьях В.Н. Земскова, Д.Н. Нохотовича и А.Н. Дугина, а самую подробную статистику, с реальной динамикой осужденных по годам, в 1992 г. опубликовал доктор исторических наук В.П. Попов в журнале «Отечественные архивы».

Что касается более детальной «расшифровки» этих данных, то в одной из справок, подготовленной тем же Первым спецотделом МВД СССР в декабре 1953 г. имеется особая пометка о том, что: 1) В 1921—1938 гг. было осуждено 2 944 879 чел., из них около 34 % (1 000 062 чел.) — уголовников, а это означает, что в указанный период «политических» осужденных насчитывалось только 1 994 817 человек; 2) В 1944—1946 гг. по политическим мотивам было осуждено 321 651 человек, из которых 10 177 приговорены к высшей мере наказания — расстрелу.

3. Политические процессы 1930-х гг.

В феврале 1935 г. состоялся Пленум ЦК, который существенно укрепил позиции сталинской группировки во всех ключевых звеньях центрального партийного аппарата и системе карательных органов страны. В частности, после скорострительной смерти В.В. Куйбышева полноправным членом Политбюро ЦК стал Анастас Иванович Микоян, кандидатом в члены Политбюро и секретарем ЦК ВКП(б) был утвержден Андрей Александрович Жданов, который одновременно возглавил Ленинградскую партийную организацию, а секретарем ЦК ВКП(б) и председателем Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) был назначен Николай Иванович Ежов.

Кроме того, в это же время ключевые посты в системе высшей власти заняли Георгий Максимилианович Маленков, ставший заведующим Отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), Никита Сергеевич Хрушев, который был избран первым секретарем Московского горкома и обкома ВКП(б), и Андрей Януарьевич Вышинский, утвержденный в должности Генерального прокурора СССР. Проведя назревшие перестановки в верхних эшелонах власти, сталинская группировка приступила к решению ключевой политической задачи — нейтрализации всей реальной и потенциальной оппозиции.

Надо сказать, что еще в мае 1934 г. после смерти многолетнего председателя ОГПУ Вячеслава Рудольфовича Менжинского, эта ключевая должность в системе государства оставалась вакантной в течение двух месяцев. И только в июле 1934 г. по настойчивому требованию И.В. Сталина и его нового выдвиженца А.А. Жданова, на базе ОГПУ был создан общесоюзный НКВД СССР, который возглавил Генрих Григорьевич Ягода.

В состав Наркомата внутренних дел СССР вошли ОГПУ СССР, преобразованное в Главное управление государственной безопасности, Главное управление рабоче-крестьянской милиции, Главное управление пограничной службы и внутренней охраны, Главное управление пожарной охраны и другие управления и службы. Кроме того, вместо прежней Судебной коллегии ОГПУ было создано Особое совещание НКВД, под руководством которого начнется процесс создания так называемых «троек», в состав которых входили первые секретари местных партийных комитетов и руководство органов прокуратуры и внутренних дел. Именно эти внесудебные органы власти стали предпринимать все судебные приговоры, которые выносились по знаменитой 58 статье УК за антисоветскую деятельность и шпионаж.

После трагической гибели С.М. Кирова, именно органы НКВД стали играть важнейшую роль в проведении политических репрессий, которым в 1934–1935 гг. подверглись более 260 000 человек. Кроме того, именно в этот период в процессе обмена старых партийных билетов, который был начат в августе 1934 г., органы НКВД СССР собрали максимально полное досье на всех потенциальных противников режима, исключенных из партии в ходе новой партийной чистки. Теоретическим обоснованием политики «массовых» репрессий стали два выступления Николая Ежова «От фракционности к открытой контрреволюционности» и «О троцкистских и правых антисоветских организациях», произнесенные им на Пленумах ЦК в феврале и декабре 1935 г.

Первыми жертвами новой волны политических репрессий в стране стали члены так называемого «Троцкистско-зиновьевского террористического центра» — Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов, И.П. Бакаев, В.А. Тер-Ваганян, И.Н. Смирнов, Е.А. Дрейцер, И.И. Рейнгольд, С.В. Мрачковский, Э.С. Гольцман, Р.В. Пикель и другие, которые в ходе Первого Московского процесса, прошедшего в августе 1936 г., были признаны виновными в организации убийства С.М. Кирова и других смертных грехах, и приговорены к расстрелу. Невольной жертвой этого процесса стал и бывший член Политбюро ЦК ВКП(б) и председатель ВЦСПС Михаил Павлович Томский, который в день вынесения всем подсудимым смертного приговора покончил жизнь самоубийством.

Однако новый виток политических репрессий вызвал резкое недовольство И.В. Сталина и А.А. Жданова, которые, находясь на отдыхе в Сочи, в сентябре 1936 г. потребовали срочного снятия Г.Г. Ягоды с поста наркома внутренних дел и назначения на эту должность секретаря ЦК ВКП(б) Н.И. Ежова.

Назначение Н.И. Ежова на должность нового главы НКВД СССР сыграло решающую роль в дальнейшем развитии «массовых» репрессий и уже в январе 1937 г. состоялся Второй Московский процесс по делу «Антисоветского параллельного троцкистского центра», в ходе которого новая группировка видных «зиновьевцев» и «троцкистов», в частности Г.Л. Пятаков, Л.П. Серебряков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек, Н.И. Муралов, М.С. Богуславский, А.Я. Лившиц

и Я.Н. Дробнис была приговорена к расстрелу или длительным срокам заключения.

18 февраля 1937 г., накануне созыва очередного Пленума ЦК покончил жизнь самоубийством или даже был убит по личному указанию И.В. Сталина авторитетный член Политбюро ЦК ВКП(б), нарком тяжелой промышленности СССР Григорий (Серго) Константинович Орджоникидзе, который, по мнению ряда историков (Р. Медведев, О. Хлевнюк), в крайне резкой форме выступал против политики массовых репрессий, которую открыто поддерживали большинство членов Политбюро, в том числе И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, А.А. Андреев, А.А. Жданов и А.И. Микоян. Хотя, другие авторитетные историки (Ю. Жуков, Ю. Емельянов) справедливо полагают, что данные — традиционная и, особенно новая, трактовки смерти Г.К. Орджоникидзе совершенно не правы и нуждаются в дальнейшем тщательном изучении.

В конце февраля 1937 г. состоялся отложенный Пленум ЦК, который, по мнению большинства доморожденных либералов и советологов (А. Авторханов, Р. Конквест, Р. Медведев, В. Волкогонов, В. Роговин), санкционировал «большой террор», поскольку именно на нем И.В. Сталин выступил с разгромным докладом «О ликвидации троцкистов и иных двурушников». Однако, по данным ряда авторитетных российских историков (Ю. Жуков, Ю. Емельянов), главным содержанием этого партийного форума был отнюдь не этот сталинский доклад, а не что иное и куда более важное. Именно на этом Пленуме ЦК и ЦКК сталинская группировка, костяк которой составляли сам И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян и А.А. Жданов, поставила на повестку дня вопрос возрождении принципов внутрипартийной демократии. В частности, в докладе А.А. Жданова было предложено: 1) ликвидировать укоренившуюся практику кооптации членов ЦК, 2) перейти к тайному голосованию на Пленумах ЦК по всем ключевым вопросам, 3) предоставить право отвода кандидатур и запретить голосование списком и т.д. Однако большинство членов ЦК, прежде всего, очень влиятельная группировка первых секретарей республиканских, краевых и областных партийных комитетов, в частности С.В. Косиор, Н.С. Хрушев, Р.И. Эйхе, Е.Г. Евдокимов, П.П. Постышев, А.И. Угаров, Б.П. Шеболдаев, И.Д. Кабаков и Л.И. Мирзоян, отвергли эту сталинскую политическую реформу, опасаясь реальной потери своей практически бесконтрольной власти.

В июне 1937 г. на очередном Пленуме ЦК и ЦКК партийная номенклатура, интересы которой выражали заведующий административно-правовым отделом ЦК ВКП(б) И.А. Пятницкий (Таршис), второй секретарь ЦК КП(б)У М.М. Хатаевич, председатель СНК Украинской ССР П.П. Любченко, нарком здравоохранения СССР Г.Н. Каминский (Гофман) и первые секретари Саратовского обкома и Дальневосточного крайкома ВКП(б) А.И. Крицкий и И.М. Варейкис, вновь выступила против сталинской группировки и потребовала ограничить масштабы репрессий, проводившихся НКВД. Однако, как верно отметили многие историки (В. Кожинов, Ю. Жуков, Ю. Емельянов), именно эта когорта партийных и советских вождей была в первых рядах тех, кто всего несколько месяцев назад наиболее яростно призывали к «беспощадному разоблачению врагов народа» и их физическому уничтожению.

Кстати, относительно недавно два высокопоставленных сотрудника КГБ СССР генерал-майоры М.С. Докучаев и В.Н. Величко в своих воспоминаниях «История помнит» (1998) и «От Лубянки до Кремля» (2013) подтвердили хорошо известный

факт, что по прямому указанию **Н.С. Хрущева** вскоре после смерти **И.В. Сталина** проводилась тотальная зачистка всех архивов, в том числе в **ЦК** и **КГБ СССР**, от компромата на **Н.С. Хрущева** и его ближайших соратников, в частности тогдашнего главного чекиста страны генерала армии **И.А. Серова**. Однако даже после этой чистки остались документальные свидетельства его прямых преступлений в **1930-х гг.** В частности в «Особой папке Политбюро» сохранилась его «Записка», направленная им в **Москву** в **июне 1938 г.**, с такой характерной просьбой: «Дорогой **Иосиф Виссарионович!** Украина ежемесячно посылает **17–18 тысяч** репрессированных, а **Москва** утверждает не более **2–3 тысяч**. Прошу Вас принять срочные меры. Любящий Вас **Н. Хрущев**». Именно тогда этому неугомонному «борцу» с врагами народа **И.В. Сталин** и адресовал свой знаменитый пассаж — «уймись, дурак!»

Более того, в **декабре 1988 г.** на имя **М.С. Горбачева** за подписью его ближайших соратников и главных «прорабов перестройки» — господ **А.Н. Яковлева**, **В.А. Медведева**, **В.М. Чебрикова**, **А.И. Лукьянова**, **В.А. Крючкова** и **Б.К. Пуго** была послана «Записка Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период **1930–40-х — начала 1950-х годов**», где было прямо указано, что: **1) «Н.С. Хрущев, работая в 1936–1937 гг. Первым секретарем МК и МГК ВКП(б), «сам направлял документы с предложениями об арестах руководящих работников Моссовета, Московского горкома и обкома партии» и только за указанный период «органами НКВД Москвы и Московской области было репрессировано 55 тысяч 741 человек»; 2) с момента прихода Н.С. Хрущева на должность Первого секретаря ЦК КП(б)У, «только в одном 1938 г. здесь было арестовано 106 тысяч 119 человек», а всего «за 1938–1940 гг. на Украине было арестовано 167 тысяч 565 человек». Причем, «лично Н.С. Хрущевым были санкционированы репрессии в отношении нескольких сот человек, которые подозревались в организации против него террористического акта». Кроме того, «летом 1938 г. с санкции Н.С. Хрущева была арестована большая группа руководящих работников партийных, советских, хозяйственных органов и в их числе заместители председателя Совнаркома УССР, наркомы, заместители наркомов, секретари областных комитетов партии, которые были осуждены к высшей мере наказания и длительным срокам заключения. По спискам, направленным НКВД СССР в Политбюро только за 1938 г., было дано согласие на репрессии 2140 человек из числа республиканского партийного и советского актива»...**

Вскоре после завершения работы Пленума ЦК, новой жертвой политики «репрессий» стала большая группа высших военных чинов, которых обвинили в подготовке военного переворота и взяли под арест, за исключением начальника Главного Политуправления РККА армейского комиссара **1-го ранга Я.Б. Гамарника**, который буквально накануне застрелился. Следствие по делу арестованных военных продолжалось всего два месяца. А уже в **июле 1937 г.** в **Москве** состоялся открытый процесс над первым заместителем наркома обороны СССР маршалом **М.Н. Тухачевским**, командующим Среднеазиатским Военным округом командармом **1-го ранга И.И. Уборевичем**, командующим Киевским Военным округом командармом **2-го ранга И.Э. Якиром**, командующим Ленинградским Военным округом командармом **2-го ранга В.М. Примаковым**, начальником Военной Академии РККА командармом **2-го ранга А.И. Корком** и другими советскими военачальниками, которые были признаны виновными по всем предъявленным статьям и тут же расстреляны.

В марте 1938 г. состоялся Третий Московский процесс по делу «Правотроцкистского антисоветского блока», главными фигурантами которого стали видные «троцкисты» и «бухаринцы», в том числе **Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Г.Г. Ягода, Н.Н. Крестинский, Х.Г. Раковский** и **А.П. Розенгольц**, которые тоже были приговорены к расстрелу.

Надо сказать, что в исторической науке до сих пор довольно горячо обсуждается вопрос о реальности существования **антисталинского заговора в верхних эшелонах партии и государства**:

1) Традиционная точка зрения, которую всегда отстаивали и отстаивают буквально все записные антисталинисты (**А. Авторханов, Р. Медведев, Д. Волкогонов, В. Роговин, О. Хлевнюк**), заключается в том, что **никакого реального заговора не существовало**, что он был сфабрикован наркомом **Н.И. Ежовым** и его кровавой бандой по прямому указанию членов сталинской преступной группировки.

2) Другая точка зрения, которую активно разделяют целый ряд историков и публицистов (**П. Карелл, С. Минаков, А. Мартиросян, Ю. Жуков, Ю. Емельянов**), заключается в том, что в стране действительно существовал **реальный антисталинский заговор**, который возглавляли глава НКВД СССР **Г.Г. Ягода**, первый заместитель наркома обороны СССР маршал **М.Н. Тухачевский** и начальник ГлавПУРКА РККА командарм 1-го ранга **Я.Б. Гамарник**. Правда, одни авторы (**П. Карелл, А. Мартиросян**) считают, что главным объектом заговорщиков был **И.В. Сталин**, а другие (**С. Минаков, Б. Викторов**) полагают, что в роли такого объекта выступал маршал **К.Е. Ворошилов**.

По мнению выше указанных авторов, этот антисталинский заговор, который стал своеобразным откликом на троцкистский призыв совершить новую политическую революцию и срочно ликвидировать термидорианскую сталинскую бюрократию, возник на **рубеже 1933–1934 гг.** При этом, в орбиту этого преступного заговора были вовлечены не только высший командный состав наркоматов обороны и внутренних дел, но и все бывшие лидеры внутрипартийной оппозиции — **Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков** и **М.П. Томский**, а так же ряд бывших высших руководителей ЦИК СССР, в частности его многолетний секретарь **А.С. Енукидзе**.

В связи с процессом над несостоявшимся «наполеончиком» **М.Н. Тухачевским** и **Ко** возникает и другой, куда более важный, вопрос — об общих масштабах политических репрессий в РККА, вокруг которого в годы «горбачевской перестройки» и «ельцинского лихолетья» была сознательно нагромождена куча разных небылиц и просто откровенной лжи. Естественно все записные антисталинисты (**Д. Волкогонов, Р. Медведев, В. Коваль, Ю. Геллер, В. Мильбах, А. Печенкин**) подняли настоящую истерию о том, что накануне войны был «уничтожен цвет командного состава РККА и расстреляно десятки тысяч ее первоклассных командиров». Причем, если вначале разоблачений «преступного сталинского режима» эта публика разоблачителей обходилась лишь общими фразами о «**тотальном уничтожении высшего и старшего командного состава Красной Армии**» и запустила в ход давние байки генерал-лейтенанта **А.И. Тодорского**, опубликованные в начале 1960-х гг., то затем часть из них стала оперировать якобы документальными и достоверными цифрами. Например, **Д.А. Волкогонов** заявил о **40 тыс.** репрессированных командирах РККА, академик **А.М. Самсонов** — о **43 тыс.**, академик **Г.А. Кума-**

нев — о 50 тыс., а в работе профессора Ю.А. Геллера и В.Н. Рапопорта «Измена Родине» (1988) вообще говорилось о 100 тыс. офицерах РККА, уничтоженных в годы сталинских репрессий.

Между тем, вскоре стали появляться и гораздо более взвешенные цифры. Например, профессор В.Д. Данилов, ссылаясь на архивные источники, утверждал, что общая цифра репрессированных офицеров РККА составляла чуть более 24,5 человек, из которых в 1937–1939 гг. было арестовано около 9600 человек и порядка 15000 — уволено из армии по разным обстоятельствам, причем, затем, в 1939–1940 гг., в рядах РККА было восстановлено почти 11200 человек. В тоже время член Верховного Суда РФ генерал-лейтенант юстиции А.Т. Уколов, на основе данных судебных органов РККА, заявил, что в 1937–1939 гг. по политическим мотивам было осуждено чуть более 8600 офицеров и т.д.

Вообще следует сказать, что в современной исторической литературе по проблеме репрессий в РККА довольно четко выделяются две основные тенденции. Одну из них можно условно назвать «проармейской» (О. Сувениров, В. Мильбах, А. Печенкин), так как в ней довольно четко проводится мысль, что офицерский корпус РККА был элитой не только самой армии, но и всей страны в целом, поэтому все репрессии против армейских офицеров, проводившиеся НКВД СССР были преступны в отношении судеб всей страны и являются самым страшным преступлением карательных органов СССР. Другая явная тенденция (Д. Волкогонов, Ю. Кантор, Ю. Геллер, В. Рапопорт) имеет сугубо антисталинскую направленность, поскольку в ней прямо акцентируется внимание на первейшей роли И.В. Сталина в «организации «совершенно беспричинных и самоубийственных для страны репрессий офицерского корпуса РККА».

Между тем, из доступных источников, дающих представление о динамике формирования офицерского корпуса РККА, в научный оборот в настоящий момент введены только два достоверных архивных источника — докладные записки начальника Управления по начальствующему составу РККА НКО СССР армейского комиссара 2-го ранга Е.А. Щаденко о работе его Управления за 1937–1939 гг. с вполне конкретными цифровыми данными, характеризующими общий масштаб репрессий в РККА. Причем, наиболее полные сведения имеются только по сухопутным войскам, согласно которым в 1937–1939 гг. из рядов РККА было уволено 36 898 офицеров всех родов войск — пехоты, кавалерии, артиллерии и т.д. Однако из этого числа к репрессированным по политическим мотивам можно отнести лишь 28 685 человек. Причем, уже в 1938–1940 гг. из этого числа репрессированных офицеров 12 461 человек были восстановлены в рядах РККА и таким образом, к началу мая 1940 г. в разряде репрессированных оказалось только 16 224 человека, значительная часть которых не была расстреляна, а содержалась в лагерях ГУЛАГа.

Параллельно с уничтожением рудиментарной оппозиции и чисткой армейских рядов, в 1938–1939 гг. репрессиям подверглись и ряд бывших членов Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК, а так же ряд высших военных чинов, которые не только открыто выступили против сталинской политической реформы, но и были в первых рядах активных борцов с врагами народа, в частности Первый секретарь ЦК КП(б)У С.В. Косиор, заместитель председателя СНК СССР Я.Э. Рудзутак, председатель Госплана СССР В.И. Межлаук, нарком финансов СССР В.Я. Чубарь, нарком земледелия СССР Р.И. Эйхе, Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Ко-

сарев, начальник Генштаба РККА маршал А.И. Егоров, командующий Краснознаменной Дальневосточной армией маршал В.К. Блюхер и многие другие.

Однако, по мнению ряда историков (Ю. Жуков), этот страшный удар по высшей партократии и высшему генералитету так и не принес желаемых результатов, поскольку в самоубийственном противостоянии с узким партийным руководством они сумели сохранить в полной неприкосновенности старую политическую систему, прикрытую камуфляжной сеткой новой Конституции СССР.

В ноябре 1938 г. состоялся очередной Пленум ЦК, по итогам которого было принято два совместных Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об ограничении репрессий» и «Об арестах, прокурорском надзоре и ведения следствия», в соответствие с которыми были ликвидированы все внесудебные «тройки» и началась амнистия многих политзаключенных. Кроме того, решением Политбюро ЦК генеральный комиссар госбезопасности Н.И. Ежов, который полностью вышел из-под контроля ЦК и превратил карательные органы страны в настоящую кровавую мясорубку, был снят с поста главы НКВД СССР, который возглавил бывший Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Лаврентий Павлович Берия.

По мнению авторитетных авторов (В. Кожинов, Ю. Жуков, Ю. Емельянов), вопреки широко распространенному общественному мнению и лживым утверждениям записных либералов (Б. Соколов, О. Хлевнюк), именно под руководством Л.П. Берия начался широкий процесс реабилитации жертв незаконного произвола, который вполне законно получил название «бериевской оттепели».

4. Сталинская Конституция 1936 г. и ее основные черты

Надо сказать, что в исторической науке нет единства взглядов по вопросу о том, кто выступил инициатором разработки и принятия новой союзной Конституции. Одни историки (Г. Бордюгов, В. Козлов) полагают, что решение о подготовке новой Конституции было связано с усилением умеренной линии в высшем политическом руководстве страны, которую олицетворяли В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе и С.М. Киров. Однако их оппоненты (В. Кабанов, Ю. Жуков) уверены в том, что инициатива в этом вопросе принадлежала И.В. Сталину, В.М. Молотову и А.А. Жданову, а сама идея проведения конституционной реформы была впервые предложена И.В. Сталиным в его «Записке», направленной членам Политбюро ЦК в январе 1935 г.

В феврале 1935 г. были образованы Конституционная комиссия ЦИК СССР, председателем которой был назначен И.В. Сталин, и двенадцать подкомиссий, которые возглавили И.В. Сталин (общую и редакционную), В.М. Молотов (экономическую), К.Е. Ворошилов (оборонную), М.М. Литвинов (международную), Н.И. Бухарин (правовую), В.Я. Чубарь (финансовую), А.Я. Вышинский (судебную), Л.М. Каганович (по труду), А.А. Жданов (по образованию), К.Б. Радек (избирательную) и И.А. Акулов (по центральным и местным органам власти).

Причем, по мнению ряда историков (Ю. Жуков), выступая на первом заседании этой Комиссии, И.В. Сталин сразу предложил провести конституционную реформу значительно радикальнее, чем это предлагалось ранее. В частности, он предложил демонтировать существующую систему организации советской власти в центре и на местах, и закрепить в новой Конституции принцип разделения властей.

В марте — апреле 1936 г. был подготовлен «Черновой набросок проекта Конституции СССР», который был передан на рассмотрение редакционной подкомиссии. Первоначально члены этой подкомиссии попытались скорректировать представленный проект, но быстро оценив бесперспективность всей этой работы, они создали абсолютно новый проект Конституции СССР. И в июне 1936 г. этот «обновленный» проект был одобрен Пленумом ЦК, который принял решение вынести его на обсуждение Всесоюзного съезда Советов.

В конце ноября 1936 г. состоялся VIII Всесоюзный чрезвычайный съезд Советов СССР, специально созданный для обсуждения проекта новой Конституции. Вопреки традиционной точке зрения (Ю. Кукушкин, О. Чистяков) о единогласном одобрении проекта Конституции делегатами съезда, именно на нем руководящей «семерке» в составе И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, Г.К. Орджоникидзе, А.А. Андреева и А.А. Жданова, пришлось столкнуться с мощной оппозицией в лице самых влиятельных представителей государственно-партийной бюрократии страны, которая очень активно выступила против сталинской политической реформы. В частности, выступления Первого секретаря ЦК КП(б)У С.В. Косиора, председателя СНК УССР П.П. Любченко, председателя СНК БССР Н.М. Голюледа, председателя СНК АзССР У. Рахманова и наркома юстиции СССР Н.В. Крыленко были не столько посвящены обсуждению проекта самой новой Конституции и важнейшей политической реформе, сколько горячему желанию добить всех троцкистско-зиновьевских подонков, террористов, палачей и убийц.

5 декабря 1936 г. Всесоюзный съезд Советов утвердил новую Конституцию СССР. Формально группировка И.В. Сталина одержала убедительную победу, поскольку новый Основной Закон, который должен был стать правовой основой политических реформ в стране, был все же принят. Однако главная цель политической реформы, то есть смена старой партийно-государственной элиты на основе альтернативных, тайных выборов была отложена на неопределенный срок, поскольку в Постановление ЦИК СССР по данному вопросу прямо было сказано, что на базе новой Конституции необходимо разработать и утвердить новое положение о выборах и установить сроки их проведения в Верховный Совет СССР. Надо сказать, что, по мнению ряда российских историков (Ю. Жуков, Ю. Емельянов), вопрос о коренной реформе старой избирательной системы стал «камнем преткновения» между узкой сталинской группировкой и подавляющей частью партийно-советской бюрократии». И.В. Сталин и его соратники выступали за создание полноценной системы свободных, равных и альтернативных выборов, а представители партийной и советской номенклатуры всячески торпедировали проведение в жизнь этой важнейшей политической реформы. Результатом этой острейшей борьбы, которая обернулась кровавой мясорубкой для верхушки партийной бюрократии, стал определенный компромисс: сохранив все демократические выборные процедуры, сталинская группировка отказалась от проведения выборов на альтернативной основе. В июле 1937 г. ЦИК СССР утвердил Положение «О выборах в Верховный Совет СССР» и назначил дату этих выборов, которые прошли в декабре 1937 г. По итогам этих выборов был сформирован Верховный Совет СССР 1-го созыва, который проработал два установленных срока — в 1938—1946 гг., поскольку в годы Великой Отечественной войны выборы в него не проводились

Согласно новой Конституция СССР, состоявшей из 13 глав и 146 статей:

Политическую основу Союза ССР составляли Советы депутатов трудящихся, которым принадлежала вся государственная власть в стране, однако, в отличие от прежней Конституции, упразднились республиканские, краевые и областные съезды Советов, на месте которых возникли поселковые, районные, городские, областные (краевые) и республиканские Советы, венцом системы которых стал Верховный Совет СССР. Экономическую основу Союза ССР составляли социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на все орудия и средства производства, которая выступала с двух основных форм — общегосударственной и колхозно-кооперативной собственности.

Государственное устройство СССР представляло собой национальную федерацию, в состав которой входили одиннадцать союзных советских республик — Российская Федерация, Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркмения.

Высшим законодательным органом власти страны становился Верховный Совет СССР, который состоял из двух равноправных палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Обе палаты избирались по мажоритарной системе, при этом Совет Союза избирался по территориальным округам, а Совет Национальностей — по национальным округам, которые формировались на территориях всех союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов по определенной квоте. Обе палаты Верховного Совета СССР были равноправны, работали в сессионном порядке и формировали из состава депутатского корпуса различные комиссии и комитеты: по бюджету, обороне, международным делам, законодательству и т.д.

В перерывах между сессиями Верховного Совета СССР, которые проходила два раза в год, высшим органом государственной власти страны становился Президиум Верховного Совета СССР, который наделялся правом издания нормативных указов и постановлений, проведения референдумов и назначения новых выборов, и т.д. Председатель Президиума Верховного Совета СССР, который избирался всеми депутатами Верховного Совета, являлся официальным главой Советского государства.

В январе 1938 г., на сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва первым Председателем Президиума Верховного Совета СССР был избран бывший председатель ЦИК СССР, «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин, который занимал эту должность до марта 1946 г.

Тогда же на первой пленарной сессии Верховный Совет СССР сформировал высший орган исполнительно-распорядительный власти страны — Совет Народных Комиссаров СССР, который, утратив прежние права законотворчества, мог отныне издавать любые распоряжения и постановления по всем вопросам, находящимся в его компетенции. СНК СССР состоял из восьми союзных и девяти союзно-республиканских наркоматов. К союзным ведомствам относились Наркоматы обороны, иностранных дел, внешней торговли, путей сообщения, связи, водного транспорта, тяжелой и оборонной промышленности. К союзно-республиканским ведомствам относились Наркоматы внутренних дел, юстиции, финансов, внутренней торговли, легкой и лесной промышленности, земледелия, совхозов и здравоохранения.

На первой сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся в январе 1938 г., председателем СНК СССР был назначен Вячеслав Михайлович Молотов, который занимал эту должность с декабря 1930 г. по май 1941 г., до назначения на этот пост И.В. Сталина.

В новой союзной Конституции были закреплены новые принципы советской избирательной системы. Вместо прежних куриальных выборов, построенных по классовому принципу, было впервые введено всеобщее, прямое и равное избирательное право при тайном голосовании. Кроме того, в сталинской Конституции был значительно расширен перечень прав и свобод советских граждан, где закреплялись неприкосновенность личности, свобода слова, собраний, печати, шествий, митингов и демонстраций, свобода совести, ограниченное право личной собственности и т.д.

Тема: КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР В 1930-Х ГГ.

План:

1. Завершающий этап «культурной революции».
2. Развитие советской науки: достижения и противоречия.
3. Развитие советской художественной культуры.

1. Завершающий этап «культурной революции»

В годы первых пятилеток общее руководство всеми преобразованиями в области культуры реально осуществляло **Управление агитации и пропаганды (Агитпроп) ЦК ВКП(б)**, которое в **январе 1930 г.** было разделено на два самостоятельных отдела — **Отдел культуры и пропаганды** и **Отдел агитации и массовых изданий**. Первый отдел в составе трех секторов — научной работы и просвещения, пропаганды марксизма-ленинизма и периодической печати, возглавил известный «бухаринец» **А.И. Стецкий**, а второй отдел, состоящий из секторов общей агитации, массовых кампаний промышленного и сельскохозяйственного характера и массовой работы среди работниц и крестьянок, первоначально возглавил **Г.Н. Каминский**, а затем **К.И. Николаева**. На тех же началах был выстроен весь культурно-идеологический аппарат **ЦК Компартий** союзных республик, краевых, областных, городских и районных партийных комитетов.

В **январе 1932 г.** **Отдел культуры и пропаганды ЦК** был разукрупнен и число его структурных подразделений было резко увеличено до **12 секторов**. В частности, были созданы самостоятельные сектора партийных учебников и политграммоты, преподавания ленинизма в вузах и средней школе, массовой пропаганды ленинизма и политики партии, народного образования, научно-исследовательских учреждений, производственно-технической пропаганды, культурного обслуживания заводов и колхозов, газетный, журнальный и научной литературы и искусства. Однако дальнейшее развитие культурного строительства потребовало новой перестройки **Культпропа ЦК** и придания его аппарату функционально-отраслевого характера. В **мае 1935 г.** на его базе были созданы **5 укрупненных отделов**: **Отдел партийной пропаганды и агитации (А.И. Стецкий)**, **Отдел печати и издательств (Б.В. Таль)**, **От-**

дел школ (Б.М. Волин), Отдел культурно-просветительной работы (А.С. Щербаков) и Отдел науки, научно-технических изобретений и открытий (К.Я. Бауман).

Непосредственное руководство партийными органами всех отраслей культурной работы позволило обеспечить довольно эффективное решение многих вопросов культурного строительства в стране. Но в то же время такое всевластие партийных органов привело к серьезному ущемлению конституционных прав тех государственных органов, которые непосредственно осуществляли управление всеми сферами образования и культуры.

Практическую реализацию всех партийных установок в области культурного строительства осуществляли наркоматы просвещения всех союзных республик, в том числе Наркоматы просвещения РСФСР и УССР, которые в конце 1920-х гг. возглавили два влиятельных члена ЦК ВКП(б) А.С. Бубнов и Н.А. Скрыпник. Причем, последний был одним из главных идеологов насильственной «украинизации», которая проводилась по прямому указанию ЦК КП(б)У на всей территории Украинской ССР, особенно русского Донбасса.

В мае 1925 г. в Харькове состоялся Пленум ЦК КП(б)У, который принял беспрецедентное Постановление «Об украинизации», которое содержало целый набор требований, обязательных к исполнению всеми партийными, государственными и хозяйственными органами УССР: 1) принудительно внедрять украинский язык, особенно в среде партийного и советского аппарата; 2) подбирать и выдвигать партийные кадры из рабочих и трудового крестьянства украинской национальности; 3) перевести все партийное просвещение на украинский язык; 4) перевести на украинский язык преподавание во всех средних и части высших учебных заведений; 5) украинизацию партийного аппарата провести немедленно, а советского — не позднее января 1926 г.

Проводниками политики «украинизации» стали самые активные сторонники бывшего главы СНК УССР, известного троцкиста Х.Г. Раковского, который носился с этой идеей еще со времен Гражданской войны и образования самой УССР, а незадолго до своей отставки и отъезда в качестве советского постпреда в Лондон опубликовал известную брошюру «Основные задачи момента» (1923). Таковых упертых националистов было примерно 400 человек на всю многотысячную КП(б)У, но именно они — бывшие «боротьбисты» — сиречь малороссийские эсеры, очень вовремя вступившие в ВКП(б), и составили тогда ядро всего партийно-государственного аппарата УССР. Среди этих персон особым рвением отличались заведующий отделом печати ЦК КП(б)У А.А. Хвыля, заместитель председателя СНК и председатель Госплана УССР Г.Ф. Гринько, нарком юстиции и прокурор УССР, будущий нарком просвещения УССР Н.А. Скрыпник, нарком финансов УССР М.Н. Полоз, тогдашний нарком просвещения УССР А.Я. Шумский, председатель Киевского губисполкома П.П. Любченко и ряд других.

Когда вакханалия украинизации перешла все разумные пределы, особенно на Донбассе и в Кривом Роге, где в течение полугода более 60% промышленных рабочих и шахтеров под угрозой увольнения были махом записаны в «украинцы», И.В. Сталин направил письмо «Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У», где в частности писал: «Нельзя украинизировать сверху пролетариат. Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это противоречит принципу свободного

развития национальностей. Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнета... При слабости коренных коммунистических кадров на Украине, это движение, **возглавляемое сплошь и рядом не коммунистической интеллигенцией**, может принять местами характер борьбы за **отчужденность** украинской культуры и украинской общественности от культуры и общественности общесоветской, **характер борьбы против «Москвы» вообще, против русских вообще, против русской культуры»**. Однако полностью остановить процесс тотальной украинизации удалось только в **начале 1930-х гг.**, когда после разгрома всех оппозиционных группировок в **Москве и Ленинграде** очередь дошла до республиканских кадров и отставки самых одиозных русофобов, в том числе и **Н.А. Скрыпника**, который в знак протеста против «не заслуженных гонений» застрелился в **1933 г.**

В **начале 1930-х гг.** была в основном завершена унификация организационной структуры всех республиканских наркоматов просвещения, которая была обусловлена единством культурной политики и единой для всех советских республик системой народного образования. В **сентябре 1933 г.** в соответствии с **Постановлением ВЦИК и СНК СССР в Наркомате просвещения РСФСР** было создано пять управлений — начальной и средней школы, подготовки учителей, университетов и научно-исследовательских учреждений, библиотек и театрально-зрелищных предприятий. Кроме того, в структуре наркомата сохранялись **Главлит, Главрепертком и ОГИЗ.**

С началом первой пятилетки по указанию партийных органов было развернутое новое наступление на всех «фронтах социалистического строительства», в том числе на «фронте борьбы с неграмотностью», поскольку по итогам **Первой всесоюзной переписи**, проведенной в **1926 г.**, уровень неграмотности населения составлял еще достаточно высокий процент — в городах и поселках городского типа более **21%**, а в сельской местности — более **56%**. Поэтому уже в **1928 г.** по инициативе **ЦК ВЛКСМ** был объявлен **Всесоюзный культпоход по борьбе с неграмотностью**, который в кратчайшие сроки превратился в массовое общественное движение. Уже в **1930 г.** на борьбу с неграмотностью было мобилизовано более миллиона студентов, слушателей советских партийных школ, учителей и работников культурно-просветительской сферы, а число обучающихся на курсах ликбеза достигло **10 млн человек.**

Но, безусловно, основную роль в решение проблем образования в стране играла общегосударственная школа. К **концу 1920-х гг.** система школьного образования была представлена несколькими типами учебных заведений — **начальной школой, школой второй ступени, семилетней школой, девятилетней школой, школой фабрично-заводского ученичества и школой крестьянской молодежи.** Однако далеко не все дети и подростки учились даже в начальной школе. Поэтому одновременно с началом нового этапа по ликвидации безграмотности, в **мае 1929 г. V Съезд Советов СССР** принял принципиальное решение приступить к осуществлению всеобщего обязательного обучения детей до **15 лет**, получившего название «**всеобуч**». Во исполнение этого решения **СНК СССР** уже на новый финансовый год резко увеличило бюджетное ассигнование на школьное образование ровно **10 раз**, в том числе на строительство новых школьных зданий, бесплатное снабжение учащихся начальной школы школьными учебниками, письменными принадлежностями, обувью, одеждой и питанием. Боле того, в **июне 1930 г.** в резолюции **XVI съезда ВКП(б)** было прямо указано, что введение всеобщего начального и обязательного

обучения и ликвидация неграмотности должны стать «боевой задачей партии на ближайший исторический период».

Поэтому уже в июле 1930 г., во исполнение решений партийного съезда, ЦК ВКП(б) принял Постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», в соответствии с которым на всей территории страны было введено бесплатное всеобщее обязательное начальное образование на базе четырехлетней школы. Этим же постановлением во всех городах и поселках городского типа в рамках всесоюзного «всеобуча» было введено обязательное семилетнее образование. Причем, местным органам советской власти было предоставлено полное право вводить подобное образование и в сельской местности, в том числе за счет открытия дневных и вечерних школ для сельской молодежи.

Введение всеобщего образования в стране поставил на повестку дня и острейший вопрос быстрой подготовки учительских кадров, который первоначально был решен следующим образом: всем кто имел законченное семилетнее образование, было предоставлено право стать учителем в начальной школе после окончания краткосрочных «учительских курсов». Одновременно начались ускоренные выпуски из всех пединститутов и училищ, а прием в педагогические вузы и техникумы увеличился более чем в 2,5 раза. Затем, в 1930—1932 гг., ЦК ВЛКСМ под руководством нового Генерального секретаря ЦК А.В. Косарева провел среди грамотных комсомольцев три всесоюзные мобилизации на педагогическую работу, а в апреле 1930 г. специальным Постановлением СНК СССР на базе Второго МГУ был создан Московский государственный педагогический институт им. А.С. Бубнова, ставший главной кузницей педагогических кадров для всей страны.

Все это позволило уже к концу первой пятилетки охватить всеобщим обучением в начальной школе 98% всех детей и обучить элементарной грамоте почти 90% неграмотных и малограмотных людей из числа взрослого населения страны. В 1933 г. нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов официально заявил, что план обучения неграмотных и малограмотных людей в первой пятилетке был перевыполнен более чем в 2,5 раза и охватил 18,5 млн человек, а общие расходы на образование и просвещение выросли почти в 6 раз.

Естественно начавшаяся индустриализация страны потребовала резко ускорить подготовку квалифицированных кадров для промышленности. Обучение большинства таких рабочих осуществлялось в стационарных учебных заведениях, как с отрывом, так и без отрыва от производства. Массовую подготовку всех рабочих осуществляли школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), система которой состояла из: 1) школ с двухгодичным сроком обучения, которые выпускали рабочих массовых профессий 3—4-х разрядов; 2) школ с двух-трехлетним сроком обучения, где готовили рабочих-универсалов 5—6-х разрядов, и 3) школ с трех-четырёхлетним сроком обучением, где готовили наладчиков станков, контролеров ОТК и высококвалифицированных рабочих.

Осенью 1933 г. решением СНК СССР все школы ФЗУ были реорганизованы в профессиональные учебные заведения для подготовки квалифицированных рабочих массовых специальностей из школьников, окончивших семилетку. Причем, в условиях особой нужды в массовых рабочих кадрах сроки обучения в ряде ФЗУ были резко сокращены с двух лет до шести месяцев, а по самым сложным специальностям — до одного года.

С переходом к политике ускоренной индустриализации была перестроена и вся система среднего технического и высшего образования. С 1931 г. ускорение темпов создания новой технической интеллигенции из представителей рабочего класса и трудового крестьянства осуществлялось под известными лозунгами «**Пора большевикам самим стать специалистами**» и «**Техника в период реконструкции решает все**». Для реализации этих задач было предложено за два-три года увеличить число новых кадров технических специалистов в **4 раза**, в связи с чем срок обучения во всех технических вузах был сокращен с пяти до трех лет. Одновременно многие старшие классы общеобразовательных школ превращались в техникумы, ряд техникумов — в вузы, ряд политехнических институтов и многоотраслевых вузов были разукрупнены, а их факультеты и отделения стали самостоятельными высшими учебными заведениями. В результате принятых мер уже к концу первой пятилетки выпуск инженеров из технических вузов был увеличен почти в **4 раза**, а из техникумов — в **6,5 раз**. Всего же за годы двух первых пятилеток (1928–1937) было подготовлено около **2 млн специалистов**, которые сыграли решающую роль в индустриальном развитии страны.

В 1930 г. на базе знаменитого **Московского Высшего технического училища (МВТУ)**, основанного **Николаем I** в 1830 г., были созданы новые технические вузы, ставшие в дальнейшем крупнейшими учебными и научными центрами страны: **Московский авиационный институт (МАИ)**, **Московский энергетический институт (МЭИ)**, **Московский механико-машиностроительный институт (МММИ)**, **Московский инженерно-строительный институт (МИСИ)**, **Академия противохимической защиты (АПХЗ)** и другие. Затем, в 1932 г., после ликвидации **ВСНХ СССР** и создания отраслевых наркоматов была проведена реорганизация главной кузницы руководящих хозяйственных кадров — **Всесоюзной Промышленной академии**, которая вошла в состав **Наркомата тяжелой промышленности СССР**. Тогда же для повышения качества подготовки будущих инженеров, технологов и конструкторов и укрепления материально-технической базы высших учебных заведений и оснащения их лабораторий новейшими образцами технического оборудования, часть из них была передана в отраслевые промышленные наркоматы.

Чуть позже, в 1933 г., для общего руководства всеми вузами страны был создан **Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию при ЦИК СССР**, преобразованный в 1936 г. во **Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР**, который первоначально возглавлял **И.И. Межлаук (1936–1937)**, а затем **С.В. Кафтанов (1937–1946)**. Именно ему, после многих лет социал-дарвинистских экспериментов, которые крайне активно насаждались рьяными сторонниками педологии (**Л.С. Выготский**, **П.П. Блонский**, **А.Б. Залкинд**), удалось создать эффективную систему высшего образования и отменить многие нововведения, в том числе бригадный метод зачетов, которые резко снижал личную ответственность студентов за результаты своей учебы. А в июне 1936 г. было принято **Постановление СНК СССР «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой»**, которое узаконило традиционные формы обучений в виде лекций, семинаров и производственной практики.

К концу второй пятилетки была в основном создана и прочная материальная база для реализации программы сплошной грамотности, поскольку появилось более **20 тыс.** новых школ — ровно столько, сколько было создано в имперский период за **200 лет**. Кроме того, отныне все школьное образование приобрело гораздо большую

стройность, и в соответствии с **Постановлением СНК СССР «О структуре начальной и средней школы»**, принятом в мае 1934 г., по всей стране устанавливались три типа общеобразовательной школы — начальная (1–4-й классы), неполная средняя (1–7-й классы) и полная средняя (8–10-й классы) школа.

В результате уже к 1937 г. общая численность учащихся в начальной и средней школе возросла с 21 млн до 29,5 млн человек, а расходы государства на культурное строительство — школу, вузы, учительские кадры, науку, печать и т.д. — более чем в 5 раз превысили затраты первой пятилетки. С развитием всеобщего обучения менялось и само понятие ликбеза, поскольку элементарная азбучная грамотность уже перестала удовлетворять потребности социалистического строительства. Человек, не имевший знаний в объеме четырех классов, стал считаться просто малограмотным и поэтому в январе 1936 г. было принято совместное **Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О работе по обучению неграмотных и малограмотных»**, которым ставилась задача в течение двух ближайших лет добиться реальных успехов в полной ликвидации неграмотности и малограмотности трудящихся в возрасте до 50 лет. В соответствии с этим было расширено обучение старших поколений в общеобразовательных школах и определены два типа вечерних школ с трехлетним сроком обучения — неполная средняя школа для взрослых, на базе начальной школы, и полная средняя школа для взрослых, на базе семилетней школы.

Между тем, надо обратить особое внимание на тот, увы, подзабытый факт, что всю первую половину 1930-х гг. русофобская верхушка **Наркоматов просвещения** всех союзных республик продолжала очень активно насаждать во всех школах и даже вузах социал-дарвинистскую педологию. Более того, в марте 1931 г. **СНК РСФСР (Д.Е. Сулимов)** принял специальное **Постановление «Об организации педологической работы в республике»**, которое де-юре узаконило весь тот педологический шабаш, который творили в советской школе **Л.С. Выготский, А.Б. Залкинд, П.П. Блонский, С.С. Моложавый** и другие теоретики и практики этой расистской лженауки. А то, что собой представляла эта лженаука можно хорошо судить хотя бы по таким «шедеврам» **А.Б. Залкинда и П.П. Блонского**, как **«Половое воспитание юных пионеров» (1928)** и **«Очерки детской сексуальности» (1928)**.

К счастью, в июле 1936 г. **ЦК ВКП(б)**, наконец-то, принял историческое постановление **«О педологических извращениях в системе Наркомпросов»**, которое положило конец этой расистской буржуазной лженауке. В этом **Постановлении** прямо говорилось, что:

1) Создание в советской школе, наряду с педагогическим составом, организации педологов, раздробление учебной и воспитательной работы и фактический диктат педологов над педагогами нанесли колоссальный вред всей системе обучения и воспитания в советской школе.

2) Практика педологов свелась в основном к ложно-научным экспериментам и проведению среди школьников и их родителей бесчисленного количества обследований в виде бессмысленных и вредных анкет, тестов и т.д., с целью доказать якобы с «научной» точки зрения наследственную и социальную обусловленность неуспеваемости многих учеников, найти максимум отрицательных влияний и патологических извращений самого школьника, его семьи, родных, предков, общественной среды и тем самым найти повод для удаления школьников из нормального школьного коллектива.

3) В этих целях действовала обширная система обследований умственного развития и одаренности школьников, представлявшая собой форменное издевательство над учащимися, противоречащая здравому смыслу. Ребенку младшего школьного возраста задавались казуистические вопросы, «после чего определялся его так называемый «педологический» возраст и степень его умственной одаренности. Все это вело к тому, что все большее и большее количество детей зачислялось в категории умственно отсталых, дефективных и трудных. На основании подобных педологических «изучений» педологи определяли подлежащих удалению из нормальной школы детей в «специальные» школы и классы для «трудных», «умственно отсталых», психо-невротиков и т.д.»

4) В результате вредной деятельности педологов комплектование «специальных» школ производилось в широком и все увеличивающемся масштабе. Вопреки прямому указанию ЦК ВКП(б) и СНК СССР о создании двух-трех школ для трудных школьников, Наркомпрос РСФСР создал большое количество «специальных» школ различных наименований, где «громздное большинство учащихся представляет вполне нормальных, талантливых и одаренных детей, огульно отнесенные педологами на основании ложно-научных теорий к категории трудных».

5) Что касается постановки дела в этих «специальных» школах, то «ЦК ВКП(б) признает положение с учебной и воспитательной работой в них совершенно непереносимым, граничащим с преступной безответственностью. В результате большое количество ребят, которые в условиях нормальной школы легко поддаются исправлению и становятся активными, добросовестными и дисциплинированными школьниками, — в условиях «специальной» школы приобретают дурные навыки и наклонности и становятся все более трудно исправимыми».

6) ЦК ВКП(б) считает, что и теория и практика так называемой педологии базируется на лженаучных, антимарксистских положениях, к которым относится, прежде всего, главный «закон» современной педологии — «закон» фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды. ЦК ВКП(б) усматривает, что такая теория могла появиться лишь в результате привнесения «в советскую педагогику взглядов и принципов антинаучной буржуазной педологии, ставящей своей задачей в целях сохранения господства эксплуататорских классов доказать особую одаренность и особые права на существование эксплуататорских классов и «высших рас» и, с другой стороны, — физическую и духовную обреченность трудящихся классов и «низших рас». Такое перенесение в советскую науку антинаучных принципов буржуазной педологии тем более вредно, что оно прикрывается марксистской фразеологией».

2. Развитие советской науки: достижения и противоречия

Развитие советской науки в годы первых пятилеток во многом было направлено на всестороннюю помощь народно-хозяйственному комплексу страны, поэтому неслучайно уже в мае 1929 г. V Съезд Советов СССР предложил немедленно приступить к возможно полному развертыванию научно-исследовательских институтов в целях развития сельскохозяйственного опытного дела. С этой целью в июне 1929 г. постановлением ЦК ВКП(б) в системе Наркомата земледелия СССР (А.Я. Яковлев)

была создана **Всесоюзная сельскохозяйственная академия им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ)**, первым президентом которой был избран академик **Н.И. Вавилов**. В состав **ВАСХНИЛ** вошло **12** научно-исследовательских институтов — **Всесоюзный институт растениеводства (Н.И. Вавилов)**, **Центральный научно-исследовательский институт северного плодоводства (И.В. Мичурин)**, **Всесоюзный научно-исследовательский институт электрификации сельского хозяйства (М.Г. Евреинов)**, **Всесоюзный научно-исследовательский институт защиты растений (Н.В. Ковалев)** и другие, которые были включены в единую систему **НИИ**, охвативших все ведущие отрасли аграрного производства страны.

С реконструкцией народного хозяйства была также тесно связана и деятельность всех индустриальных научно-исследовательских институтов, количество которых за годы первой пятилетки увеличилось в **7 раз** — с **30** до **205 НИИ**. А уже к концу второй пятилетки в стране насчитывалось почти **1230 научных учреждений**, в том числе **7 академий** и ассоциаций, **870** научно-исследовательских институтов и **280** их филиалов, где работали почти **38 тыс.** научных сотрудников и лаборантов, половина из которых были выпускниками уже советских вузов. На протяжении всех **1930-х гг.** связи науки с практикой хозяйственного строительства укреплялись также путем развертывания сети заводских лабораторий и опытных станций, которые должны были поддерживать тесную связь с научно-исследовательскими институтами и осуществлять прямое научно-техническое обслуживание промышленного производства страны.

В **январе 1934 г.** **СНК СССР** принял **Постановление «Об ученых степенях и званиях»**, в соответствии с которым вместо существовавшего с **1918 г.** единого звания ученого специалиста устанавливались ученые степени кандидата и доктора наук, которые присуждались на основе защиты кандидатской и докторской диссертаций, и ученые звания ассистента, младшего научного сотрудника, доцента, профессора и действительного члена научного учреждения. Все научные звания теперь присваивались в зависимости от выполняемой педагогической и научно-исследовательской работы и уже к **январю 1936 г.** в СССР было более **2500** профессоров и свыше **3800** доцентов, и около **1800** докторов и **3000** кандидатов наук.

Академия наук СССР, которую в те годы возглавляли академики **А.П. Карпинский (1917–1936)** и **В.Л. Комаров (1936–1945)**, по прежнему являлась ведущим научным центром страны, в составе которой действовало два десятка крупнейших академических институтов. При этом **Академия Наук СССР**, которая формально все **1920-е гг.** числилась за **Наркомпросом РСФСР**, сохраняла относительную автономию от государственных структур. Но в **1929 г.** для «чистки» **Академии Наук** в Ленинград была послана правительственная комиссия во главе с членом Президиума **ВЦСПС Ю.П. Фигатнером**, которая учинила самый настоящий погром ее ведущих кадров. В **июне — декабре 1929 г.** по ее решению из **АН СССР** были уволены **128 штатных** и **520 сверхштатных** сотрудников, т.е. почти треть неблагонадежных ученых, в том числе ее неперемный секретарь, выдающийся востоковед академик **С.Ф. Ольденбург**, занимавший эту должность с **1904 г.**

Затем, в **декабре 1929 г.** органы **ОГПУ СССР** молниеносно создают **Особую комиссию** по выявлению заговора в **Академии Наук СССР** во главе с **Я.Х. Петерсом** и **Я.С. Аграновым**, которые в считанные дни сфабриковали печально знаменитое «**Академическое дело**». По данному делу были арестованы свыше **100** крупнейших ученых, главным образом, гуманитарии — историки, филологи и философы, ко-

торых обвинили в том, что они намеренно скрывают от советского правительства документы «большого политического значения», которые якобы могут сыграть важную роль «в борьбе с врагами Октябрьской революции», в том числе акты отречения от престола царя **Николая II** и великого князя **Михаила Александровича**, архив шефа **Отдельного Корпуса жандармов генерал-лейтенанта В.Ф. Джунковского**, материалы **Департамента полиции** и т.д.

В январе 1930 г. **Ленинградское Управление ОГПУ**, которое возглавил **Ф.Д. Медведь**, из части арестованных ученых быстро смастерило монархическую контрреволюционную организацию — «**Союз борьбы за возрождение свободной России**» во главе с крупнейшим русским историком академиком **С.Ф. Платоновым**, члены которой якобы были в одной связке с членами «**Промпартии**» (**Л.К. Рамзин, П.И. Пальчицкий, Н.Ф. Чарновский**) и «**Трудовой крестьянской партии**» (**Н.Д. Кондратьев, А.В. Чайанов, Л.Н. Литошенко**), процессы над которыми прошли в 1930–1932 гг.

Между тем, открытый процесс по «**Академическому делу**» так и не состоялся и судьбу арестованных ученых во внесудебном порядке решила **Коллегия ОГПУ**, которая своим постановлением в августе 1931 г. приговорила к различным срокам заключения и ссылки 29 человек, в том числе академиков и профессоров **С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, Ю.В. Готье, Н.П. Лихачева, М.К. Любавского, С.В. Бахрушина, Н.В. Измайлова, В.Г. Дружинина, С.В. Рождественского, Д.Н. Егорова** и других. После погрома **Академии Наук**, в 1930 г. она перешла в ведение **Ученого комитета ЦИК СССР**, а чуть позже, в декабре 1933 г., вышло специальное **Постановление ЦИК СССР**, в соответствии с которым **Академия Наук СССР** была передана в прямое подчинение **СНК СССР**, что окончательно поставило ее под полный контроль партийно-государственных структур.

Между тем, уже в январе 1934 г. под руководством **Г.С. Люшкова** органы **ОГПУ СССР** фабрикует новое «**Дело славистов**» или «**Дело Российской национальной партии**», по которому были арестованы и приговорены к различным срокам заключения более 30 выдающихся ученых, в том числе члены **АН СССР М.Н. Сперанский, Н.Н. Дурново, В.Н. Перетц, Г.А. Ильинский, А.М. Селищев, В.В. Виноградов, Н.П. Сычев, В.Н. Сидоров** и другие, которым инкриминировали стремление к «свержению советской власти и установлению в стране фашистской диктатуры».

Тем не менее, в годы первых пятилеток значительных успехов достигли крупные научные учреждения **Академии Наук СССР**, созданные после революции, в частности **Центральный аэрогидродинамический институт (С.А. Чаплыгин)**, **Государственный оптический институт (С.И. Вавилов)**, **Институт биологической физики (А.М. Кузин)**, **Институт физико-химического анализа (Н.С. Курнаков)**, **Физико-технический институт (А.Ф. Иоффе)**, **Институт физиологии (И.П. Павлов)**, **Почвенный институт им. В.В. Докучаева (Б.Б. Полынов)** и другие. Одновременно в начале 1930-х гг. были созданы и новые академические заведения, в частности **Геологический институт (В.А. Обручев)**, **Энергетический институт (И.И. Дудкин)** и **Институт химической физики (Н.Н. Семенов)**. В результате уже к концу первой пятилетки в составе **АН СССР** работали 28 академических институтов, а общая численность академических учреждений страны насчитывала 66 крупных научных центров.

В 1934 г. перевод **Академии Наук СССР** из **Ленинграда** в **Москву** вызвал перевод в столицу и многих академических научных учреждений, в частности **Президиума АН СССР**, физико-математических, химических, геологических и биологических

учреждений. Кроме того, тогда же был создан целый ряд новых академических научно-исследовательских институтов — Математический институт имени В.А. Стеклова (И.М. Виноградов), Физический институт имени П.Н. Лебедева (С.И. Вавилов), Институт органической химии (А.Е. Фаворский, Н.Д. Зелинский), Институт общей и неорганической химии (Н.С. Курнаков), Институт физических проблем (П.Л. Капица) и другие.

С середины 1930-х гг. стала активно развиваться целая сеть научно-исследовательских институтов в вузах, и только в системе университетов стали действовать 26 научно-исследовательских институтов, несколько десятков лабораторий, станций, обсерваторий и других научных учреждений. В частности, при Казанском университете был создан Химический научно-исследовательский институт им. А.М. Бутлерова, при Горьковском университете — Научно-исследовательский физико-технический институт, при Томском университете — Государственный научно-исследовательский институт математики и механики и т.д.

Большой вклад в развитие военно-технических знаний внесли новые специализированные военные академии, в частности Академия механизации и моторизации РККА (М.Я. Германович), Артиллерийская академия РККА (Д.Д. Тризна), Военно-инженерная академия РККА (Г.В. Зиновьев), Военно-химическая академия РККА (Я.Л. Авиновицкий), Военно-электротехническая академия РККА (К.Е. Полищук), Военно-транспортная академия РККА (С.А. Пугачев) и другие.

В 1930-х гг. во главе всех крупных Научных центров (НЦ) и НИИ АН СССР стояли крупные ученые, создатели выдающихся научных школ и новых исследовательских направлений: академики А.П. Карпинский, И.П. Павлов, А.Н. Бах, В.П. Волгин, И.М. Губкин, А.Ф. Иоффе, В.Л. Комаров, Г.М. Кржижановский, Н.С. Курнаков, Н.Я. Марр, А.Н. Туполев, Е.О. Патон, И.П. Бардин, Н.И. Вавилов, С.И. Вавилов, Н.П. Горбунов, П.Л. Капица, Н.Н. Семенов, А.А. Богомолец, Т.Н. Кара-Ниязов и другие.

Годы первых пятилеток были отмечены важными достижениями в разных областях научных знаний. Так, выдающиеся советские математики — академики И.М. Виноградов, С.Н. Бернштейн, А.Н. Колмогоров, Д.Ф. Егоров, Л.С. Понтрягин и Н.Н. Боголюбов внесли крупнейший вклад в развитие новейших разделов математики и ее приложений, в частности математического описания теории вероятностей («Аксиоматика А.Н. Колмогорова» 1933), аналитической теории чисел («Метод тригонометрических сумм И.М. Виноградова» 1934), топологии («Двойственность Л.С. Понтрягина» 1934–1936), приближенных методов математического анализа и дифференциальных уравнений («Теория нелинейных колебаний Н.М. Крылова-Н.Н. Боголюбова» 1937) и т.д.

Выдающиеся советские физики сделали целый ряд крупных открытий мирового уровня. В частности, академики Л.И. Мандельштам и Г.С. Ландсберг исследовали явления комбинационного рассеяния света на кристаллах (1928); академик И.Е. Тамм разработал квантовую теорию этого явления, названную «Состоянием Тамма» (1929); академик Д.В. Скобельцын открыл метод обнаружения (треков) космических лучей (1930); академики С.И. Вавилов и П.А. Черенков экспериментальным путем обнаружили особое свечение чистых жидкостей под действием гамма-лучей, которое получило название «Эффект Вавилова-Черенкова» (1934); академики И.Е. Тамм и И.М. Франк создали теоретическое обоснование этого

эффекта, названное «**Формулой Франка-Тамма**» (1937); академик **Н.Н. Семенов** стал родоначальником теории цепных реакции (1934) и т.д.

В начале 1930-х гг. в СССР получили дальнейшее развитие исследования по физике атомного ядра. Первые успехи в этой области были связаны с теоретическими работами, посвященными протонно-нейтронной модели ядра (**Д.Д. Иваненко**) и обменным силам в ядре (**И.Е. Тамм, Д.Д. Иваненко**). Затем, в 1932 г., после открытия нейтрона, выдающийся физик **Л.Д. Ландау** предсказал существование нейтронного состояния вещества, а в 1934 г. другой выдающийся физик **И.В. Курчатов** открыл явление разветвления ядерных реакций. Эти два крупнейших открытия физики атомного ядра позволили уже в 1937 г. в **Радиовом институте АН СССР** под руководством **И.В. Курчатова, Л.В. Мысовского** и **В.Н. Рукавишникова** создать первый в мире **циклотрон** — установку для расщепления атомного ядра.

В середине 1930-х гг. больших успехов достигли академики **А.Ф. Иоффе, И.Е. Тамм, И.К. Кикоин** и другие крупные ученые в области физики твердого тела, полупроводников и диэлектриков. Тогда же, в 1934 г. академик **П.Л. Капица** создал первый в мире гелиевый оживитель, и его последующие разработки в этой области стали большим вкладом в развитие советской и мировой техники оживления газов.

В первой половине 1930-х гг. под руководством профессора **П.К. Ошепкова** были созданы первые **радиолокаторы**, а профессор **А.Л. Чижевский** стал одним из пионеров электронной технологии, основанной на применении электронных и ионных пучков, электрических и электромагнитных полей. Кроме того, этот выдающийся ученый стал основоположником **гелиобиологии** — науки о взаимосвязи солнечных явлений с жизнью земных организмов, которая в те годы была несправедливо подвергнута критике.

Блестящая школа советских ученых-механиков под руководством академика **С.А. Чаплыгина** сложилась в знаменитом **Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ)**, созданном в 1918 г. профессором **Н.Е. Жуковским**. Именно благодаря **С.А. Чаплыгину**, который смог собрать и воспитать выдающуюся плеяду молодых ученых — **М.В. Келдыша, М.А. Лаврентьева, С.А. Христиановича, Н.Е. Кочина, Л.Н. Сретенского** и других, этот институт быстро превратился в уникальный научный центр теоретических и экспериментально-прикладных исследований в области гидроаэродинамики, гидромашиностроения, кораблестроения и других важнейших отраслей промышленного производства. Для развертывания научно-исследовательских работ в этих областях из **ЦАГИ** были выделены отдел авиационных материалов и винтомоторный отдел, на базе которых в 1930 г. были созданы **Всесоюзный институт авиационных материалов (И.И. Сидорин)** и **Центральный институт авиационного моторостроения (И.Э. Марьямов)**.

Кроме того, наряду с крупными конструкторскими бюро **А.Н. Туполева, С.В. Ильюшина** и **Н.Н. Поликарпова**, успешно работали и небольшие КБ под руководством **К.А. Калинина, Д.М. Григоровича, А.И. Путилова, А.С. Яковлева, В.Б. Лаврова, Г.М. Бериева** и других конструкторов, которые в кратчайшие сроки создали мощную научно-промышленную базу всего советского самолетостроения. Именно в эти годы советская авиация стала выходить в мировые лидеры по дальности, высоте полетов, грузоподъемности и другим важнейшим параметрам. Самолеты отечественной конструкции позволили осуществить героические перелеты, прославившие Советский Союз на весь мир. В частности, в 1937–1939 гг. выдающиеся

ся советские летчики **В.П. Чкалов**, **Г.Ф. Байдуков**, **А.В. Беляков**, **М.М. Громов**, **В.К. Коккинаки**, **М.В. Водопьянов**, **П.Д. Осипенко**, **М.М. Раскова**, **В.С. Гризодубова** и другие совершили беспосадочные перелеты из **Москвы** в отдаленные регионы мира, в том числе через Северный полюс в США.

В 1930-х гг. были опубликованы «классические» труды академика **Н.И. Вавилова** по проблемам генетики, в частности «**Линеевский вид как система**» (1931), «**Селекция как наука**» (1934), «**Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости**» (1935), и новаторские работы академика **Д.Т. Лысенко** по яровизации и теории «стадиального развития растений», в том числе «**Физиология растений на новом этапе**» (1932), «**Не извращать теорию яровизации**» (1934) и «**Стадийное развитие растений**» (1935). Кроме того, в те же годы сельскохозяйственная практика обогатилась крупными достижениями научных школ по травопольной системе земледелия академика **В.Р. Вильямса**, по вопросам питания растений и химизации сельского хозяйства академика **Д.Н. Прянишникова**, борьбе с засухой академика **Н.М. Тулайкова** и т.д.

Вместе с тем, в середине 1930-х гг. в биологической науке началась острейшая борьба между «**мичуринцами**» (**Д.Т. Лысенко**, **В.Н. Ремесло**, **Д.А. Долгушин**) и «**вейсманисты**» (**Н.И. Вавилов**, **Н.К. Кольцов**, **Г.Д. Мёллер**, **А.С. Серебровский**), в центре внимания которой оказались проблемы генетики и агробиологии. Надо сказать, что с середины 1950-х гг. в широкое общественное сознание была вполне сознательно вбита абсолютно ложная матрица, что, дескать, сам **Т.Д. Лысенко** и все советские «мичуринцы» были отпетыми ретроgrадами и палачами, погубившими цвет советской биологической науки, а академик **Н.И. Вавилов** и все его сторонники стали безвинными жертвами сталинской тоталитарной системы, уничтожившей всю советскую генетику. На самом деле все «мичуринцы» отнюдь не отрицали самих законов генетики, а лишь выступали против их абсолютизации и утверждали, что: 1) условия жизни растений и животных влияют на их наследственность, 2) определенные изменения условий жизни могут вызывать и определенные изменения самой наследственности, 3) путем сознательного изменения условий жизни, т.е. «воспитания» растений и животных, можно получать направленные изменения их наследуемых признаков, 4) ряд таких приобретенных признаков наследуются, а значит, возможна внехромосомная передача наследственных признаков и т.д. Все эти положения учения **Т.Д. Лысенко** были обоснованы, как конкретными экспериментальными данными собственной многолетней практики и работой других селекционеров, прежде всего **И.В. Мичурина**, так и теоретическими аргументами, взятыми из работ выдающихся русских ученых, в том числе **К.А. Тимирязева**.

В то же время среди тогдашних советских генетиков, совершенно далеких от практической селекционной работы, доминировали взгляды **А. Вейсмана** и **Т. Морган**, которые безапелляционно утверждали, что за генетическую наследственность отвечает только «зародышевая плазма», которая на протяжении всей жизни биологического тела не меняется и не зависит от изменений внешней среды и самого тела, и в неизменном виде передается из поколения в поколение. Более того, согласно хромосомной теории **Т. Морган** за наследственность отвечали только хромосомы, расположенные в ядре клетки.

Естественно, что основные положения «мичуринской биологии» находились в существенном противоречии с теориями **А. Вейсмана**, **Т. Морган** и их наслед-

ников. Причем, эти расхождения носили не просто научный, а методологический и мировоззренческий характер, поэтому совершенно неслучайно многие «вейсманисты» были сторонниками печально знаменитой «евгеники» — англосаксонской расовой теории **Ф. Гальтона** — кузена **Ч. Дарвина**, взятой затем на вооружение германскими нацистами. Более того, в 1920 г. академики **Н.К. Кольцов** и **А.С. Серебровский** и профессор-антрополог **В.В. Бунак** основали и возглавили «Русское евгеническое общество», которое было закрыто только в 1929 г.

Аналогичное противоборство шло и на других «фронтах научного строительства», в частности в языкознании, где с 1927 г. особую активность стал проявлять только что созданный **Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА)**, поставивший своей главной задачей коренную реформу русского языка. В ноябре 1929 г. по инициативе **Наркомпроса РСФСР** была создана специальная комиссия по проработке вопроса о латинизации русского алфавита, которую возглавил известный социолингвист, бывший глава **Московского лингвистического кружка**, профессор **Н.Ф. Яковлев**. Уже на первом заседании комиссии были полностью одобрены основные тезисы его «языковой реформы», в которых прямо говорилось, что «русский гражданский алфавит является алфавитом самодержавного гнета, миссионерской пропаганды и великорусского национал-шовинизма», что именно этот алфавит «продолжает оставаться алфавитом национал-буржуазной великорусской идеологии» и в настоящее время «служит главным препятствием делу латинизации всех языков народов СССР и мешает сделать решающий шаг на пути к созданию международного языка».

В середине января 1930 г. комиссия провела заключительное заседание и постановила: «признать, что переход в ближайшее время русских на единый интернациональный алфавит неизбежен», поскольку «русский гражданский алфавит является пережитком классово-графической культуры русских феодалов-помещиков и буржуазии и до сих пор связывает население с национально-буржуазными традициями русской дореволюционной культуры». Поэтому только реформа алфавита «окончательно освободит трудящиеся массы русского населения от всякого влияния буржуазно-национальной и религиозной по содержанию дореволюционной печатной продукции». В самом полном виде абсурдные «доводы» в пользу «языковой реформы» были представлены в работах и статьях самого **Н.Ф. Яковлева** («За латинизацию русского алфавита», 1930), **А.В. Луначарского** («Латинизация русской письменности», 1930), **И.А. Хансуварова** («Латинизация — орудие ленинской национальной политики», 1931) и ряда других откровенных русофобов, которые прямо заявляли, что «за введением метрической системы и григорианского календаря, неизбежно придет время для латинизации русского шрифта». Причем, что особо примечательно, большинство авторов всех этих работ, те же **Н.Ф. Яковлев** и **А.В. Луначарский**, были выходцами из дворянского сословия.

В июне 1931 г. в Москве состоялось **Всесоюзное совещание по реформе русской орфографии, пунктуации и транскрипции иностранных слов**, на котором был утвержден проект новой орфографии и пунктуации русского языка, в том числе упразднение букв «и», «й», «э» и «ъ». Понятно, что подобная реформа русской орфографии и пунктуации вкупе с ее латинизацией означали окончательную гибель русского языка. Поэтому это наступление на русский язык получило сильнейший отпор со стороны самих народных масс, которых активно поддержали **И.В. Ста-**

лин, В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов, прекрасно осознававшие, чем грозит эта «реформа» для единства всей страны и ее элементарной управляемости. Именно эти обстоятельства, вероятнее всего, и стали основной причиной специального решения Политбюро ЦК, принятого в июле 1931 г., запретившего всякую «реформу» и саму «дискуссию» о реформе русского алфавита. А в марте 1938 г. было издано совместное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», в котором прямо говорилось, что «русский язык уже стал международным языком социалистической культуры и общения».

Годы первых пятилеток были связаны и с целой чередой различных общественных кампаний по критике и переосмыслению прежних положений в марксистской философии, политэкономии и искоренению враждебных взглядов и теорий ряда крупных и влиятельных научных школ. Наиболее значимым оказалось переосмысление роли исторической науки и образования как наиболее действенных средств контроля над исторической памятью советского народа и формирования патриотических чувств. Исторический нигилизм и откровенная русофобия, насаждавшиеся в 1920-х гг. исторической школой «главного марксиста» академика М.Н. Покровского, были решительно осуждены, и в конце марта 1934 г. Политбюро ЦК «признало необходимым восстановить исторические факультеты в Московском, Ленинградском, Томском, Казанском, Ростовском и Саратовском университетах».

С открытием исторических факультетов в университетах началась целенаправленная кампания по пересмотру прежнего отношения к истории собственной страны и восстановлению единства тысячелетнего исторического пути «русской» цивилизации. Были реабилитированы и стали широко отмечаться многие события и связанные с ними имена выдающихся русских князей, царей, государственных деятелей и полководцев, представителей русской науки и культуры, которые ранее упоминались только в отрицательном ключе, как эксплуататоры и их приспешники. Теперь в контекст общей русской цивилизации и исторического прогресса гармонично вписывался и советский период, неразрывно связанный с торжеством марксизма-ленинизма, государственным патриотизмом и выдающейся ролью «вождя всех времен и народов» товарища И.В. Сталина.

Важнейшее значение в этом процессе имел коренной пересмотр прежних нигилистических взглядов на роль исторических дисциплин в школьном и вузовском образовании. Было признано необходимым использовать историю как мощное средство формирования всего общественного сознания советских граждан и воспитания патриотических чувств. Поэтому еще в августе 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», в котором обязал «резко улучшить преподавание истории» и поручил Наркомпросу РСФСР «возглавить всю работу по созданию стабильных исторических учебников».

Во исполнение этого решения в апреле 1933 г. под председательством наркома просвещения А.С. Бубнова состоялось заседание комиссии по школьным учебникам истории, на котором было принято решение: 1) ускорить переиздание «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского и 2) поручить рабочей группе в составе Н.Н. Ванага (руководитель) Б.Б. Граве, А.М. Панкратовой и В.Н. Бернадского написать учебник по истории России и СССР. Однако первые опытные образцы таких учебников оказались совершенно неприемлемы, поскольку все они

по-прежнему писались в духе самых худших нигилистических традиций школы академика **М.Н. Покровского**. Поэтому уже через год на **Всесоюзном совещании историков** было прямо заявлено о том, что необходим полный разрыв с «вульгарным социологическим подходом» и возвращением к преподаванию нормальной, «прагматической истории».

В **марте 1934 г.** вопрос об учебниках истории стал предметом специального обсуждения на расширенном заседании **Политбюро ЦК**, где все подготовленные варианты учебников для средней школы были забракованы. При этом **И.В. Сталин** прямо заявил, что «схема товарища **М.Н. Покровского** не марксистская и вся беда пошла от времен его непомерного влияния на историческую науку». По итогам обсуждения этого вопроса **Политбюро ЦК** сформировало и утвердило несколько авторских групп по написанию учебников, которые вскоре приступили к своей работе. Причем, принцип состязательности был сразу отброшен и утверждены единые авторские коллективы по написанию пяти школьных учебников: по древней истории (руководитель **С.И. Ковалев**), по средневековой истории (руководитель **Е.А. Косминский**), по новой истории (руководитель **Н.М. Лукин**), по новой истории зависимых и колониальных стран (руководитель **К.Б. Радек**) и по истории народов СССР (руководитель **Н.Н. Ваняг**).

Работа над учебниками продолжалась более трех лет, и в ходе этой работы четко проявилось столкновение между «нигилистами» и «патриотами». В частности, член конкурсной комиссии тов. **Н.И. Бухарин**, уже лишившийся всех своих высоких постов, всячески пытался доказать, что учебник по истории России должен содержать описание вековой отсталости русского народа, а самой России «как тюрьмы народов». А другой член конкурсной комиссии, небезызвестный партийный историк профессор **И.И. Минц**, предлагал поделить главные события всей многовековой русской истории на революционные и контрреволюционные, и в качестве примера объявить воссоединение Малороссии с Россией порабощением «украинского народа», а гетмана **Б.М. Хмельницкого** — отпетым реакционером и предателем.

Между тем, не дожидаясь подведения итогов конкурса, в **середине мая 1934 г.** **ЦК ВКП(б)** и **СНК СССР** приняли новое **Постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР»**. А в **августе 1934 г.** **И.В. Сталин**, **С.М. Киров** и **А.А. Жданов**, находясь на отдыхе в Сочи и получив от наркома просвещения **А.С. Бубнова** вариант первого учебника, подготовленного группой **Н.Н. Ваняга**, написали свои знаменитые «**Замечания по поводу концепта учебника по истории СССР**» и направили их в **Политбюро**. Естественно эти «**Замечания**», в которых было прямо указано, что «нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история великороссии не отрывалась от истории других народов СССР, и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории», были тут же одобрены всеми членами высшего партийного ареопага и доведены до сведения историков, принимавших участие в создании учебников.

В **начале марта 1936 г.** вышло очередное **Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР**, в котором был объявлен новый конкурс на составление лучшего учебника по истории СССР для начальной школы. А уже в **августе 1937 г.** правительственная комиссия подвела итоги конкурса и из **46** представленных рукописей школьного учебника объявила победителем авторский коллектив «**Краткого курса истории СССР**», в состав которого входили преподаватели кафедры истории СССР Мо-

сковского педагогического института им. В.И. Ленина профессора А.В. Шестаков, Н.Г. Тарасов, Н.Д. Кузнецов, А.С. Нифонтов и другие. Его доработку осуществляла специальная группа ученых под руководством А.А. Жданова, в которую были включены видные историки старой школы, в том числе Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, Н.М. Дружинин и В.И. Пичета. Затем, в 1938–1940 гг., были изданы учебники по истории СССР для средней и старшей школы, которые были созданы авторским коллективом ведущих научных сотрудников Института истории АН СССР, в состав которого входили А.М. Панкратова, С.В. Бахрушин, К.В. Базилевич и А.В. Фохт.

Новым знаком решительных перемен на историческом фронте стала ликвидация Коммунистической Академии при ЦИК СССР, которую с момента ее создания возглавлял академик М.Н. Покровский. В феврале 1936 г. вышло совместное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О ликвидации Коммунистической академии и передаче ее институтов и учреждений в Академию наук СССР», в результате чего в составе АН СССР были созданы отдельные Институт советского строительства и права, Институт мирового хозяйства и мировой политики, Институт философии, Институт истории и Институт литературы и искусства.

Тогда же к преодолению грубейших методологически ошибок «школы академика М.Н. Покровского» были привлечены бывшие «великорусские националисты», а в реальности крупные русские историки — С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, Б.Д. Греков, В.И. Пичета, А.И. Яковлев и ряд других. При этом видные представители «школы М.Н. Покровского», в частности Н.Н. Ванаг, А.Г. Пригожий, С.Г. Томсинский, Г.С. Фридлянд и другие, не сумевшие правильно сориентироваться в новых условиях идеологической борьбы, были репрессированы как активные участники «троцкистской оппозиции». Основание «национальной» школы советских историков теперь стали связывать с именем ученика великого русского историка В.О. Ключевского, профессора Б.Д. Грекова, который в 1937 г. возглавил головной Институт истории АН СССР и вскоре опубликовал свой знаменитый фундаментальный труд «Киевская Русь» (1939).

3. Развитие советской художественной культуры

По мнению ряда современных авторов либерального толка, изначально сильно зараженных бациллой махрового антисталинизма (Г. Марьямов, Л. Максименков, Г. Жирков), куда менее значимыми оказались достижения и результаты в гуманитарной и художественной сферах, поскольку и литература, и искусство, и кино переживали крайне болезненный процесс организационной и идейной унификации. Идеология социалистического натиска на всех фронтах вылилась, в конце концов, в полное уничтожение всего многообразия в духовной жизни страны и утверждение монополизма, вождизма и культового сознания.

Между тем, их многочисленные оппоненты, в том числе такие крупные историки и социологи, как Ю.А. Жуков, А.И. Вдовин, Ю.В. Емельянов и С.Г. Карамурза, совершенно справедливо говорят о том, что «подавление» многообразия во многом спровоцировали сами «инженеры человеческих душ», которые погрязли в бесконечных склоках, клановых разборках и неприкрытой русофобии, иногда выходявшей за рамки самого элементарного приличия. Поэтому в апреле 1932 г. ЦК ВКП(б) принял историческое Постановление «О перестройке литературно-

художественных организаций», которое было призвано преодолеть их клановую замкнутость и «отрыв от политических задач современности».

Те же либералы от истории (А. Казак, Г. Марьямов, Г. Жирков) традиционно утверждают, что именно с начала 1930-х гг. в литературе и искусстве стал насильственно насаждаться творческий метод «социалистического реализма», который требовал изображать действительность исключительно в «социалистической перспективе» и превращал всех представителей советской литературы и искусства в апологетов сталинизма и «казарменного социализма». Именно в силу этих обстоятельств почти все произведения, созданные по лекалам соцреализма, были проникнуты духом вульгарной политизации, классовой вражды и даже ненависти.

Между тем, конечно: 1) метод соцреализма стал «насаждаться» гораздо раньше, когда во власти была вся русофобская верхушка РКП(б)-ВКП(б) — Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев и Н.И. Бухарин, и 2) столь однозначно негативные оценки нового художественного метода, который практически ничем не отличался от традиций русского классического реализма прошлого столетия, конечно, грешат большим преувеличением. Разнообразие приемов художественного творчества в рамках единого метода соцреализма, творческий талант многих представителей советской культуры и искусства позволяли и в этих непростых условиях создавать масштабные художественные произведения, по праву вошедшие в золотой фонд отечественной и мировой литературы, живописи, музыки и кинематографии, которые оказали огромное воздействие на все советское общество и формирующие в нем новые идеалы, интересы, потребности, стандарты и стереотипы поведения.

Уже в июле 1932 г. на руинах многочисленных союзов архитекторов (МАО, ЛОА, ОСА, АСНОВА, ВОПРА, МОВАНО, АРУ) был создан единый Союз советских архитекторов (ССА), в состав правления которого вошли В.А. Веснин, К.С. Алабян, И.В. Жолтовский, М.А. Крюков и другие архитекторы. Затем, в сентябре 1934 г., на базе многочисленных писательских организаций, стоящих на разных идейных и эстетических платформах (РАПП, «Кузница», «Перевал»), а так же исполнявших функцию писательских профсоюзов (Всероссийский союз писателей, Всероскомдрам), был создан Союз Писателей СССР, на Первом Учредительном съезде которого было сформировано единое правление. Председателем правления был избран А.М. Горький, а Первым секретарем СП СССР, который реально руководил его работой, стал профессиональный партработник, заведующий Отделом культпросветработы ЦК ВКП(б) Александр Сергеевич Щербаков.

Несколько сложнее обстояло дело с объединением творческих союзов художников и композиторов. Что касается художников, то здесь процесс консолидации выглядел следующим образом. На первом этапе, в июне 1932 г. были созданы ряд региональных союзов в нескольких крупных городах, в том числе знаменитый МОССХ — Московский Областной союз советских художников, куда влились такие группировки и объединения, как Ассоциация художников революции (АХР), Российская ассоциация пролетарских художников (РАПХ), Союз советских художников (ССХ), Общество художников-станковистов (ОСТ), Общество московских художников (ОМХ), Общество художников книги (ОХК), Общество искусства социалистического строительства (ИССТР), Общество революционных работников плаката (ОРПП), Московская ассоциация художников-декораторов (МАХД), «Изобригада», «Октябрь», «Маковец» и «Четыре искусства». В первый состав правления МОССХ, ставшего

затем просто МССХ, вошли многие крупные художники, в том числе К.Ф. Юон, А.А. Дейнека, Г.Г. Рязжский, А.В. Лентулов, И.И. Машков и А.А. Вольтер. На втором этапе, в 1938 г. Постановлением СНК СССР был создан Оргкомитет Союза советских художников СССР, правление которого возглавил выдающийся советский художник и сталинский любимец А.М. Герасимов.

Аналогичным образом шел процесс консолидации и композиторских кадров всей страны. Первоначально, в 1932–1933 гг. возникли региональные союзы композиторов в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Тбилиси и других крупных городах страны. А затем, в 1939 г. Постановлением СНК СССР был создан Оргкомитет Союза советских композиторов СССР, председателем которого был избран известный советский композитор и дирижер, профессор Московской консерватории Р.М. Глиэр.

Утверждению основ новой советской идеологии и культуры служили не только созданные новые организации творческой интеллигенции, но и центральные цензурные органы — Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), во главе которого был поставлен известный партийный журналист Б.М. Волин, и Комитет по делам искусств (Главискусство), который возглавил старый большевик, дипломат и партийный литератор П.М. Керженцев.

Именно эти государственные органы и их структурные подразделения, в частности знаменитый Главрепетком, осуществляли непосредственный идеологический контроль за работой всех творческих союзов и организаций, цензурой и выпуском всей печатной продукции, в том числе книг и «толстых» литературных журналов, организацией художественных выставок, проведением конкурсов, выпуском кинофильмов, репертуаром театров и т.д. Этим же целям служили периодические «чистки» всех библиотек и передача в «спецхран» тех научных трудов, художественных и публицистических произведений, которые не вписывались в систему новых социалистических ценностей. Сознательное игнорирование этих установок, как и отклонение художников от партийной линии в искусстве, довольно часто вело к различным санкциям, в том числе исключению из рядов творческих союзов, запрета публикации их произведений и проведения художественных выставок, а иногда к прямым репрессиям.

Тем не менее, именно в 1930-х гг. советская литература обогатилась целым рядом выдающихся произведений, которые принадлежали перу А.М. Горького («Егор Булычев и другие», «Жизнь Клима Самгина»), М.А. Шолохова («Тихий Дон», «Поднятая целина»), А.Н. Толстого («Петр Первый», «Хмурое утро»), А.А. Фадеева («Последний из Удэге»), Ф.В. Гладкова («Энергия»), Ф.Б. Панферова («Бруски»), Л.М. Леонова («Соть», «Дорога на океан»), М.А. Булгакова («Мастер и Маргарита»), А.П. Платонова («Котлован», «Река Потудань»), А.П. Гайдара («Военная тайна», «Судьба барабанщика»), С.Я. Маршака («Мистер Твистер»), К.И. Чуковского («Айболит»), М.М. Зощенко («Голубая книга», «Черный принц»), К.П. Паустовского («Кара-Бугаз», «Созвездие гончих псов», «Северная повесть»), И. Ильфа и Е. Петрова («Золотой теленок», «Одноэтажная Америка»), В.П. Катаева («Время вперед», «Белеет парус одинокий», «Я сын трудового народа»), В.А. Каверина («Исполнение желаний», «Два капитана»), К.А. Федина («Похищение Европы», «Санаторий “Арктур”»), Е.И. Замятина («Бич Божий»), И.Э. Бабеля («Одесские рассказы»), Н.А. Клюева («Изба и поле»), О.Э. Мандельштама («На возврате дыхания») и других выдающихся советских писателей и поэтов.

В 1930-х гг. политическое руководство страны особо пристальное внимание всегда уделяло развитию советского киноискусства, поскольку прекрасно сознавали его огромные возможности влиять на умы и настроения советских людей и использовать его в качестве мощного воспитательного и идеологического оружия. Поэтому Всесоюзный Комитет по делам искусств при СНК СССР, который все предвоенные годы возглавляли П.М. Керженцев (1936–1938), А.И. Назаров (1938–1939) и М.Б. Храпченко (1939–1948), очень внимательно следил за идейным содержанием всех кинокартин и их художественным уровнем. В последнее предвоенное десятилетие ежегодно на экраны страны выпускалось всего несколько десятков картин, но даже среди столь небольшого количества произведений появлялись настоящие шедевры, которые вошли в золотой фонд отечественного и мирового киноискусства.

Среди самых популярных и разнообразных по своим жанрам кинокартин следует назвать работы режиссеров Н.В. Экка («Путевка в жизнь», 1931), Б.Н. Барнета («Окраина», 1933), «братьев» С.В. и Г.Н. Васильевых («Чапаев», 1934), Г.В. Александра («Веселые ребята», 1934; «Цирк», 1936; «Волга-Волга», 1938), Г.М. Козинцева и Л.В. Трауберга («Юность Максима», 1934; «Возвращение Максима», 1937; «Выборгская сторона» 1938), Ю.Я. Райзмана («Летчики», 1935; «Поднятая целина» 1939), А.П. Довженко («Аэроград», 1935; «Шорс» 1939), Е.Л. Дзигана («Мы из Кронштадта», 1936; «Если завтра война», 1938), Я.А. Протазанова («Бесприданница», 1936), С.А. Герасимова («Семеро смелых», 1936; «Комсомольск» 1938), М.П. Ромма («Тринадцать», 1936; «Ленин в Октябре» 1937), С.И. Юткевича («Шахтеры», 1937; «Человек с ружьем», 1938), И.А. Пырьева («Богатая невеста», 1937; «Трактористы», 1939; «Свинарка и пастух», 1941), И.А. Аненского («Медведь», 1938; «Человек в футляре», 1939), В.М. Петрова («Петр Первый», 1938), С.И. Эйзенштейна («Александр Невский», 1938), Л.В. Лукова («Большая жизнь», 1939), В.И. Пудовкина («Минин и Пожарский», 1939), Э.А. Пенцилина («Истребители», 1939), М.К. Калатозова («Валерий Чкалов» 1941) и других мастеров экрана.

В последнее предвоенное десятилетие неизменной популярностью и искренней любовью миллионов советских зрителей пользовались знаменитые советские актеры, многие из которых затем стали народными артистами СССР, в том числе М.И. Жаров, Н.А. Крючков, Б.П. Чирков, Э.П. Гарин, А.Н. Грибов, М.М. Яншин, Б.Н. Ливанов, И.В. Ильинский, В.В. Меркурьев, Н.К. Черкасов, Р.Я. Плятт, О.П. Жаков, Б.М. Тенин, С.Д. Столяров, Л.Н. Свердлин, Б.Ф. Андреев, П.М. Аленников, М.Н. Бернес, И.А. Любезнов, Е.В. Самойлов, В.М. Зельдин, Ф.Г. Раневская, Л.П. Орлова, В.В. Серова, В.П. Марецкая, М.И. Ладынина, Л.В. Целиковская, Л.Н. Смирнова и другие.

Годы первых пятилеток стали временем дальнейшего развития советской классической музыки, признанными мастерами которой были С.С. Прокофьев (балет «Ромео и Джульетта», 1938; кантата «Александр Невский» 1939), Д.Д. Шостакович (опера «Леди Макбет Мценского уезда», 1934; 4-я Симфония до минор, 1936), А.И. Хачатурян (балеты «Счастье», 1939; «Гаянэ» 1941; Концерт для фортепиано с оркестром, 1936), Т.Н. Хренников (Концерт для фортепиано с оркестром, 1933; Симфония № 1, 1935; опера «В бурю», 1939), Д.Б. Кабалевский (опера «Кола Брюньон», 1938; балет «Золотые колосья» 1940) и другие композиторы. Кроме того, 1930-е гг. стали временем расцвета советской песенной классики, выдающимися представи-

телями которой были такие крупнейшие мастера, как И.О. Дунаевский, А.А. Новиков, В.П. Соловьев-Седой, Н.В. Богословский, Д.Я. Покрасс и многие другие.

Советское живописное искусство было представлено в те годы творчеством многих выдающихся художников, в том числе М.В. Нестерова («Сергий и спящий монах» 1932, «Всадники» 1932, «Страстная Седмица» 1933, «Отцы-пустынники и жены непорочны» 1933), П.Д. Корина («Портрет А.М. Горького» 1932, «Русь уходящая» 1935), М.Б. Грекова («Тачанка» 1933, «На пути к Царицыну» 1934), Б.В. Иогансона («Допрос коммунистов» 1933, «На старом уральском заводе» 1937), И.Э. Грабаря («Последний снег» 1931, «Березовая аллея» 1940), А.А. Дейнеки («Купающиеся девушки» 1933, «Будущие летчики» 1937, «Знатные люди страны Советов» 1937), А.А. Пластова («Базар» 1935, «Купание коней» 1937), Ю.И. Пименова («Солдаты переходят на сторону революции» 1932, «Актриса» 1935, «Новая Москва» 1937), К.С. Петрова-Водкина («Портрет В.И. Ленина» 1934, «Дочь рыбака» 1936), П.П. Кончаловского («Петергоф» 1931, «Сирень» 1933, «Портрет В.Э. Мейерхольда» 1938), А.А. Рылова («Домик с красной крышей» 1933, «Зеленые кружева» 1935, «В.И. Ленин в Разливе» 1938), М.С. Сарьяна («Портрет архитектора А.О. Таманяна» 1933, «Портрет режиссера Р.Н. Симонова» 1936, «Автопортрет» 1938), П.Н. Филонова («Животные» 1930, «Ударники» 1935, «Лица» 1940) и других.

Эти же годы стали временем расцвета творчества многих выдающихся советских скульпторов, в частности В.И. Мухиной (памятник «Рабочий и колхозница» (1937), памятник А.М. Горькому в Горьком (1939)), Н.В. Томского (памятник С.М. Кирову в Ленинграде (1937)), М.Г. Манизера (памятники В.И. Чапаеву (1932) и В.В. Куйбышеву (1938) в Самаре, Т.Г. Шевченко в Харькове (1935) и Киеве (1938)), Н.А. Андреева (памятник А.Н. Островскому в Москве (1929) и «Ленин-вождь» 1932), И.Д. Шадра (надгробный бюст Н.С. Аллилуевой (1933), «Девушка с веслом» (1937), скульптурный портрет А.М. Горького (1939)) и других.

В 1930-х гг. в архитектурном зодчестве на смену модному конструктивизму постепенно начинает приходиться так называемый «сталинский ампи́р». При этом в творчестве многих советских архитекторов можно обнаружить элементы этих обоих архитектурных стилей. Наиболее значимый вклад в развитие советского зодчества того периода внесли такие архитекторы, как братья В.А., Л.А. и А.А. Веснины («Дворец культуры» Пролетарского района Москвы 1931–1937), К.С. Мельников («Клуб фабрики Буревестник» 1930, «Клуб фарфористов» 1930, ЦПКО им. М. Горького 1932), А.В. Шусев (Мавзолей В.И. Ленина 1930, Гостиница «Москва» 1936, Большой Москворецкий мост 1935–1937), И.В. Жолтовский (Жилой дом на Моховой 1931–1935), Б.М. Иофан («Дом на набережной» 1931, санаторий «Барвиха» 1935), А.Я. Лангман (здание Наркомата внутренних дел СССР 1933, здание СТО СССР 1935), Л.В. Руднев (здания Наркомата обороны СССР 1933, Театра Советской Армии 1934, Военной Академии РККА им. М.В. Фрунзе 1937) и другие.

Вместе с тем, в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. продолжилась варварская практика уничтожения ценнейших архитектурных и художественных памятников Древней Руси и Российской империи, активно проводившаяся русофобской верхушкой ВКП(б) еще в период Гражданской войны и НЭПа. Многовековые достижения русской монументальной скульптуры и архитектуры были объявлены «ненужным хламом», который следует заменить достижениями новой эпохи. Буквально все страницы центральных и местных газет захлестнул мутный

поток погромных призывов «**Пора убрать «исторический» мусор с улиц и площадей наших советских городов**». К числу этого «мусора» были отнесены и «ложноклассические» памятники Кузьме Минину и князю Дмитрию Пожарскому на Красной площади в Москве работы И.П. Мартоса (1818), князю Владимиру на Владимирской горке в Киеве работы П.К. Клодта (1853) и знаменитые памятники скульптора М.О. Микешина «Тысячелетие России» в Новгороде (1862) и Екатерине II в Ленинграде (1873), которые «давно просятся в утильсырьё». Более того, «любимец всей партии» Н.И. Бухарин предельно цинично подстрекал погромщиков, пафосно заявляя, что «мы взрываем на воздух эквивалент фараоновых пирамид, церковные груды камня, громады петербургско-московского византийства». И только чудом и упорством таких подвижников, как выдающийся русский архитектор-реставратор П.Д. Барановский, удалось сохранить эти выдающиеся творения русского монументального искусства.

Первым городом, принявшим на себя главный удар новых погромщиков, стала естественно Москва, а их «идейным» вдохновителем тогдашний Первый секретарь МГК ВКП(б) Л.М. Каганович, который в своей книге «**За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР**» (1931) писал: «когда ходишь по московским переулкам и закоулкам, то получается впечатление, что эти улочки прокладывал пьяный строитель». Иными словами, реализация «социалистической реконструкции столицы» в понимании ее главного партийного вождя заключалась в полном уничтожении исторического центра Москвы и сохранения единичных архитектурных памятников. В 1928–1933 гг. только в одном Кремле были снесены великие русские святыни — первый каменный храм церковь Спаса на Бору (1330), церковь Константина и Елены (1362), кафедральный Чудов мужской монастырь (1365), Вознесенский женский монастырь (1386), который на протяжении трех столетий был усыпальницей всех великих княгинь и цариц, и т.д. Тогда же по директивному письму члена ЦКК, главы «Союза воинствующих безбожников» Е.М. Ярославского (Губельмана) Исполком Моссовета принял решение о сносе Казанского собора на Красной площади (1636), построенного в честь освобождения Москвы от польских интервентов, и Иверской часовни (1669) с Воскресенскими воротами Китай-города и значительной частью Китайгородской стены (1535), которые мешали прохождению военной техники и праздничных колонн на первомайской демонстрации и ноябрьском параде. Кроме того, в этот же период были уничтожены самые древние культовые постройки Москвы, в том числе Гребневская церковь на Лубянке (1485), Церковь Космы и Дамиана в Нижних Садовниках (1625), церковь Троицы в Полях (1639), Храм Усекновения Главы Иоанна Предтечи на Малой Лубянке (1643), Церковь Николая Чудотворца в Столпах (1669), храм Николы Большой Крест на Ильинке (1680–1688), Владимирская церковь на Никольской (1691–1694), храм Успения на Покровке (1696–1699) и многие другие, всего более 360 храмов и церквей. Разрушению подверглись и многие гражданские постройки, в том числе знаменитая Сухарева башня (1695), возведенная по указанию Петра I архитектором М.И. Чоглоковым, дом князя И.И. Прозоровского на Большой Полянке (1773) архитектора В.И. Баженова и Малый Николаевский дворец в Кремле (1775) архитектора М.Ф. Казакова.

Но, безусловно, самым знаковым символом разрушения исторического облика столицы стал варварский взрыв Храма Христа Спасителя (1839–1883), созданного гением многих выдающихся русских архитекторов, скульпторов и художников —

К.А. Тона, А.И. Резанова, Ф.А. Бруни, Г.И. Семирадского, И.Н. Крамского, В.И. Сурикова, В.Е. Маковского, В.М. Васнецова, В.П. Верещагина и других. На этом месте руководство страны намеревалось воздвигнуть колоссальный 420-ти метровый Дворец Советов, увенчанный огромной статуей В.И. Ленина. Над проектом этого дворца работали многие советские архитекторы-монументалисты, в том числе «функциональные конструктивисты» М.Я. Гинзбург, А.В. Веснин, Н.А. Ладовский и К.С. Мельников, и известные «традиционные монументалисты» И.В. Жолтовский и А.В. Шусев. Но в конечном итоге победу одержал проект архитектора Б.М. Иофана, реализации которого велась в 1937–1941 гг., но была прервана из начавшейся войны и больше не возобновилась.

Не меньший урон исторической архитектуре был нанесен и в других древнерусских городах. Например, в Киеве были снесены кафедральный собор Архангела Михаила Михайловского Златоверхого монастыря (1108–1113) и Никольский военный собор (1690–1696), построенный архитектором О.Д. Старцевым, во Владимире уничтожен старейший Рождественский собор Рождественского монастыря (1192–1196), в Брянске взорван Успенский собор Свенского монастыря (1758), сооруженный по проекту Б.Б. Растрелли, и т.д. Тогда же в Торжке были уничтожены ценнейшие картины-иконы выдающихся русских художников В.Л. Боровиковского и О.А. Кипренского, а в 1934 г. распоряжением Наркомпроса РСФСР в Москве были закрыты Центральные государственные реставрационные мастерские, что привело к обветшанию и гибели многих произведений русского искусства.

Нельзя сказать, что массовая гибель памятников русской архитектуры и искусства происходила при молчаливом согласии людей и полном отсутствии протеста, однако таких смельчаков были единицы — П.Д. Барановский, Д.В. Айналов, Н.Е. Макаренко и ряд других, но именно их принципиальная позиция позволила спасти от сноса ряд шедевров древнерусского искусства, в частности знаменитый Собор Василия Блаженного на Красной площади в Москве.

Тема: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В 1930-Х ГГ.

План:

1. VIII Конгресс и новый курс Коминтерна в 1935–1939 гг.
2. Германский нацизм — детище мирового олигархического капитала.
3. Борьба СССР за создание системы коллективной безопасности в Европе.
4. Мюнхенский сговор и его последствия в 1938–1939 гг.
5. Советско-японские вооруженные конфликты на Дальнем Востоке и в Монголии в 1938–1939 гг.
6. Советско-германский договор 1939 г. и его оценка в историографии.
7. Германско-польская война и Освободительный поход РККА в сентябре 1939 г.
8. Советско-финская война (ноябрь 1939 г. – март 1940 г.).
9. СССР накануне войны (июнь 1940 г. – июнь 1941 г.)

1. VIII Конгресс и новый курс Коминтерна в 1935–1939 гг.

В конце октября 1929 г., с так называемого «Биржевого краха» в США, весь мировой капитализм вступил в очередной системный кризис — «Великую депрессию» 1929–1933 гг., который по своим негативным итогам и последствиям превзошел все предыдущие кризисы капитализма. По оценкам большинства специалистов (Н. Сивачев, Е. Язьков, П. Гринин, С. Мошенский, Г. Зинн, К. Ромер), «Великая депрессия» не только разорила и поставила на грань выживания десятки миллионов людей и отбросила уровень промышленного производства на десятилетия назад, но и способствовал резкой радикализации широких общественных масс и росту, как лево-радикальных (коммунистических), так и право-экстремистских (фашистских) настроений и партий. Безусловно, это кризис не мог не сказаться на политике Коминтерна, который продолжал рассматриваться всем советским политическим руководством как главный штаб подготовки мировой пролетарской революции.

Новый коренной поворот в политике Коминтерна, произошедший летом 1935 г., был напрямую связан с недавним приходом А. Гитлера к власти и резко возросшей угрозой начала новой мировой войны. Еще в июле 1934 г. лидер болгарских коммунистов и член Исполкома Коминтерна Георгий Димитров направил на имя И.В. Сталина письмо, в котором предложил ему подвергнуть коренному пересмотру прежний политический курс Коминтерна, направленный на раскол «единого фронта» всех левых партий и профсоюзов. В частности, в связи с неимоверно возросшей угрозой со стороны германского нацизма, пришедшего к власти в январе 1933 г., Г. Димитров предложил: 1) прекратить прежнюю политику дискредитации европейской социал-демократии, объявленной левым крылом европейского фашизма, и 2) приложить максимум усилий для возрождения тактики «единого фронта», который был способен стать надежной преградой на пути прихода к власти нацистов в других европейских странах.

Острая дискуссия по данному вопросу была завершена на VIII Конгрессе Коминтерна, который состоялся в Москве в июле — августе 1935 г. С основным докладом «Наступление фашизма и задачи Коминтерна в борьбе за единство рабочего класса против фашизма» выступил Георгий Димитров, который обратил особое внимание на целый ряд важных обстоятельств: 1) фашизм является открытой террористической диктатурой самых реакционных и шовинистических кругов финансово-промышленного капитала ведущих буржуазных мировых держав; 2) необходимо в срочном порядке возродить тактику «единого фронта» всех рабочих и коммунистических партий, основной задачей которых должна стать не организация революционного процесса в Европе, а создание единого фронта борьбы против европейского фашизма; 3) единство рабочего класса должно стать основой для создания максимально широкого антифашистского движения и образования на базе этого движения правительств «народного фронта» из представителей всех пролетарских и мелкобуржуазных партий.

По итогам своей работы делегаты VIII Конгресса избрали новый Исполком (ИККИ) и его Президиум, в состав которого от ВКП(б) вошли И.В. Сталин, Д.З. Мануильский и М.А. Москвин (Трилиссер), который, как бывший глава Иностранного отдела (внешняя разведка) и заместитель председателя ОГПУ СССР, стал куратором спецорганов ИККИ. Кроме того, было принято принципиальное решение о передаче руководства Коминтерном из ведения Президиума Секретариату ИККИ,

в состав которого вошли генеральный секретарь Г. Димитров, В. Пик, О. Куусинен, П. Тольятти, А. Марти, К. Готвальд и Д.З. Мануильский.

В отечественной историографии в эпоху «горбачевской перестройки» целый ряд авторов (Ф. Фирсов, И. Кривогуз), выполняя прямой социальный заказ тогдашних главных партийных идеологов А.Н. Яковлева и В.А. Медведева, пытались обвинить И.В. Сталина и его ближайших соратников по Политбюро в том, что именно они всячески противодействовали утверждению нового курса Коминтерна. Однако, как показали новейшие исследования ряда современных историков (Ю. Жуков, Ю. Емельянов), И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.А. Жданов и другие члены высшего политического руководства страны не только поддержали этот курс, но и были его инициаторами. Реальными противниками нового курса Коминтерна были совсем другие персонажи, в частности Б. Кун, В.Г. Кнорин и особенно И.А. Пятницкий (Таршис), который с 1921 г., будучи правой рукой Г.Е. Зиновьева, а затем и Н.И. Бухарина как бессменный секретарь ИККИ, по-прежнему был самым активным сторонником идей мировой пролетарской революции.

2. Германский нацизм — детище мирового олигархического капитала

На излете «горбачевской перестройки» была опубликована довольно слабая и лживая книжонка Ю.Л. Дьякова и Т.С. Бушуевой «Фашистский меч ковался в СССР» (1992), название которой говорило само за себя. Однако всем серьезным и проницательным ученым (С. Кара-Мурза, В. Катасонов, Ю. Жуков, Р. Эпперсон) давно и хорошо известно, что инициатива развязывания Второй Мировой войны принадлежала отнюдь не «бесноватому фюреру», который якобы по воле случая оказался во главе нацистской Германии. Эта война стала главным проектом мировой финансовой, прежде всего, англосаксонской олигархии, которая, опираясь на такие институты, как Федеральная резервная система США и Банк Англии, сразу после окончания Первой Мировой войны приступила к подготовке следующего вооруженного конфликта в мировом масштабе. Причем, план новой мировой войны своим острием был направлен именно против СССР. Важными вехами этой «операции» стали «План Дауэса» (1924) и «План Юнга» (1930), создание Банка международных расчетов (1930), а так же прекращение Германией выплат репараций по Парижскому мирному договору и молчаливое согласие бывших стран-участниц Антанты с данным решением, а так же мощные вливания иностранных инвестиций и кредитов в экономику Третьего Рейха и ее милитаризация. Ключевыми фигурами в закулисной операции англо-американских финансовых воротил являлись семейства Рокфеллеров и Морганов, а так же директор Банка Англии Монтегю Норман и директор Рейхсбанка и германский министр экономики Ялмар Шахт. Сам стратегический замысел Рокфеллеров и Морганов состоял в том, чтобы экономически подчинить себе весь Европейский континент, а с помощью накачанной иностранными кредитами и инвестициями Германии нанести сокрушительный удар по СССР, вернув его территорию в лоно мировой капиталистической системы в качестве колонии.

Во всем этом раскладе глава Банка Англии М. Норман играл важную роль посредника между американским финансовым капиталом и политическими и деловыми

кругами Германии, а глава Рейхсбанка Я. Шахт был поставлен на роль организатора военной экономики нацистской Германии. При этом функции прикрытия закулисной операции реальных хозяев денег выполняли видные политики типа Ф.Д. Рузвельта, Н. Чемберлена и У. Черчилля, а в самой Германии наряду с Я. Шахтом главным исполнителем этих грандиозных планов стал А. Гитлер. Причем, что примечательно, ряд историков оценивают роль Я. Шахта в управлении Германией в годы Второй Мировой войны даже выше, чем роль А. Гитлера.

«План Дауэса», принятый в 1924 г. по инициативе англо-американских банкиров в обход своих французских коллег, предусматривал существенное ослабление репарационного бремени Германии и предоставление ей финансовой помощи от США и Англии в виде долгосрочных кредитов для восстановления ее экономики и якобы последующего восстановления выплат репараций в полном объеме. Только по этому плану в 1924–1929 гг. Берлин получил от Вашингтона и Лондона порядка 4 млрд долларов, что по нынешнему курсу эквивалентно астрономической сумме в несколько сот миллиардов долларов. В результате уже к 1929 г. Веймарская Германия вышла на второе место в мире по объему промышленного производства, обойдя даже Великобританию.

В 1930-х гг. процесс накачки германской экономики англосаксонским капиталом продолжился в ускоренном темпе и в соответствие с новым «Планом Юнга», в 1930 г. в швейцарском Базеле был создан Банк международных расчетов (БМР), через который американские компании стали скупать германские активы. Так, германская нефтеперерабатывающая промышленность и производство синтетического бензина де-факто стали принадлежать американской корпорации «Standard Oil», владельцем которой был Дж. Рокфеллер. Ядром химической промышленности Веймарской Германии была компания «Interessen-Gemeinschaft Farbenindustrie», полностью перешедшая под контроль П.Д. Моргана. Треть всех акций знаменитой авиастроительной фирмы «Focke-Wulf» принадлежали американской компании «International Telephone & Telegraph», а ядром всей германской радио- и электротехнической промышленности были концерны «Siemens», «Osram», «Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft», перешедшие под контроль американской компании «General Electric», которые также входили в финансовую империю Морганов. Наконец, 100 % акций автомобильного концерна «Volkswagen» находились под контролем американской автомобильной корпорации «Ford».

Таким образом, к моменту прихода А. Гитлера к власти под полным контролем американского финансового капитала оказались все стратегически важные отрасли германской промышленности — нефтепереработка и производство горючих материалов, химическая, автомобильная и авиационная промышленность, электротехника и радиоприборостроение, значительная часть машиностроения и т.д., всего почти 280 фирм и концернов. Кроме того, под контроль американского капитала попали и ведущие германские банки — «Deutsche Bank», «Dresdner Bank», «Donat Bank» и ряд других.

Между тем, в октябре 1930 г. председатель Рейхсбанка Я. Шахт совершил путешествие через океан, где обсудил со своими американскими коллегами детали плана приведения А. Гитлера к власти. Среди его собеседников были министр финансов США Э. Меллон, Дж. Рокфеллер («National City Bank»), А. Дюпон («DuPont»), П. Буш («Brown Brothers Harriman»), У.Р. Херст («Hearst Corporation»), Д. Кеннеди

(«Merchandise Mart») и другие воротилы американского бизнеса. После того как его кандидатура и сам план его политической «раскрутки» были окончательно утверждены на секретном совещании банкиров, **Я. Шахт** вернулся в Германию и на протяжении **1931–1932 гг.** усиленно обрабатывал германских банкиров и промышленников, добиваясь от них полной поддержки «бесноватого фюрера». И такая поддержка вскоре была получена: в **ноябре 1932 г.** семнадцать крупнейших немецких олигархов во главе **К. Шрёдером**, который был главой отраслевого профсоюза владельцев частных банков («*Fachgruppe Privatbankiers*»), направили президенту **П. Гинденбургу** письмо с требованием назначить **А. Гитлера** новым германским рейхсканцлером.

После прихода нацистов к власти финансово-кредитные и торгово-экономические отношения Германии с англо-саксонским миром выходят на качественно новый уровень. Уже в **мае 1933 г.** **Я. Шахт** совершает очередной визит в США, где встречается с новым президентом **Ф.Д. Рузвельтом** и крупнейшими банкирами и подписывает соглашение о получении американских кредитов на общую сумму в **1 млрд долларов**. А в **июне** он совершает аналогичную поездку в Лондон, где проводит переговоры с **М. Норманом** и получает заем в **2 млрд долларов** и согласие на приостановку платежей по обслуживанию и погашению ранее полученных Берлином английских займов. Ряд современных историков и экономистов (**Ю. Жуков, Ю. Емельянов, В. Катасонов**) резонно полагают, что немаловажной причиной такой сговорчивости американских и английских банкиров стало то, что СССР в **1932 г.** успешно завершил первую пятилетку, которая неожиданно для Запада привела к резкому укреплению его экономических позиций и перспективы экономического удушения СССР практически сошли на нет, поэтому ими была сделана ставка на «большую войну» и началась безудержная милитаризация Германии.

Тем временем «новый экономический курс» **Ф.Д. Рузвельта** довольно скоро стал давать сбой и в **1937 г.** США вновь оказались в пучине экономической депрессии, а уже в **1939 г.** загрузка всех промышленных мощностей американских корпораций составляла всего **33%**. Оценивая обстановку в тот период, один из ближайших советников Рузвельта **П. Тагуэлл** цинично писал, что «в **1939 г.** правительство не могло добиться никаких успехов... Туман мог развеять только могучий ветер войны, любые другие меры, которые были во власти Рузвельта, не принесли бы никаких результатов».

Особую роль в подготовке новой мировой войны сыграл **Банк международных расчетов (БМР)**, главными инициаторами создания которого выступили **Д.П. Морган, М. Норман, Я. Шахт, В. Функ, Э. Пуль** и другие американские и европейские банкиры. Учредителями БМР, подписавшими его устав, стали центральные банки Англии, Франции, Италии, Германии, Бельгии, а также ряд частных банков. Однако **Федеральный резервный банк Нью-Йорка**, который активно участвовал в создании БМР, по политическим соображениям в состав его учредителей вошел. От США устав БМР подписали три частных банка империи **Морганов** — «*First National City Bank of New York*», «*J.P. Morgan & Co*» и «*First National City Bank of Chicago*». Первым президентом БМР стал ставленник **Рокфеллеров Г. Макгарра (1930–1933)**, а затем его сменил ставленник **Морганов Л. Фрезер (1934–1940)**.

О том, как БМР работал в интересах Третьего рейха, написано достаточно много, в том числе в известной работе американского журналиста **Ч. Хайэма** «*Торговля с врагом*» (**1985**). Причем, что примечательно, уже в годы войны, когда БМР

находился под полным контролем нацистов, его президентом был американский банкир **Т.Х. Маккитрик** и в швейцарском «банковском оффшоре» царил полное взаимопонимание, и шла напряженная совместная работа представителей воюющих сторон. Более того, во время войны именно **БМР** стал тем местом, куда стекалось все награбленное золото, в том числе в нацистских концлагерях, на астрономическую сумму в **380 млн долларов**.

Напоследок два слова о **Я. Шахте**, который был ключевой фигурой в управлении германской экономикой и полпредом англо-американского капитала в нацистской Германии. В **1945 г.** он был привлечен к суду **Нюрнбергского военного трибунала**, но был оправдан и вышел сухим из воды. Более того, как ни в чем не бывало вскоре он вернулся в банковскую сферу и основал в **Дюссельдорфе** банкирский дом «**Schacht GmbH**», что лишний раз помогает понять, кто реально готовил **Вторую Мировую войну**, а сейчас старается переписать ее историю и переиграть ее результаты.

3. Борьба СССР за создание системы коллективной безопасности в Европе

В **1931 г.** советский дипломатический корпус начал серию сложнейших международных переговоров с рядом пограничных государств, которые завершились подписанием пактов «О ненападении» с **Финляндией (январь 1932 г.)**, **Латвией (февраль 1932 г.)**, **Эстонией (май 1932 г.)** и **Польшей (июль 1932 г.)**.

Между тем весь мир стал медленно, но уверенно вползать в новую мировую войну:

1) В сентябре 1931 г. милитаристская **Япония**, где реальная власть находилась в руках военной верхушки во главе с начальником **Генерального штаба** принцем **Котохито**, начала агрессию против суверенного Китая и вскоре, оккупировав **Маньчжурию**, создала на ее территории марионеточное государство **Маньчжоу-го** во главе с верховным правителем, а позднее императором **Пу И (1932–1945)**, которое затем стало прекрасным военным плацдармом для развязывания полномасштабной **китайско-японской войны (1937–1945)**.

2) В ноябре 1932 г. на волне острейшего социально-экономического кризиса по итогам свободных парламентских выборов к власти в **Веймарской Германии** приходит **Национал-социалистическая рабочая партия (НСДАП)** во главе с **Адольфом Гитлером**, который в **январе 1933 г.** стал новым канцлером Германии. Не прошло и полгода после прихода нацистов к власти, как уже **15 июля 1933 г.** в **Риме** главы правительств **Великобритании (Р. Макдональд)**, **Франции (Э. Даладье)**, **Италии (Б. Муссолини)** и **Германия (А. Гитлер)** подписали так называемый «**Пакт согласия и сотрудничества**», что де-факто означало коренной пересмотр самих основ **Версальской системы международных отношений**, поскольку если руководителей **Веймарской республики Лондон и Париж** всегда держали на «коротком поводке», то при **А. Гитлере** нацистская Германия вновь вошла в узкий круг великих держав, с которой стали разговаривать как с равной.

Приход **А. Гитлера** к власти стал поворотным пунктом всей мировой истории, поскольку он: **а)** зримо показал крах всей **Версальско-Вашингтонской системы международных отношений**, созданной правительствами **Англии, Франции и США** в угоду собственным корыстным интересам; **б)** стал настоящим приговором прин-

ципам европейской либеральной демократии и всему капитализму, в идейных клас- довых которого вырела идеология германского нацизма и европейского фашизма; в) радикальным образом изменил ситуацию на международной арене, поскольку одну из крупнейших мировых держав возглавила политическая партия новейшего типа, на знаменах которой были начертаны лозунги реваншизма, нацизма и рас- изма; г) означал полный крах прежней, «троцкистско-зиновьевской» политики Коминтерна, направленный на разгром «единого фронта» всех левых политических партий и профсоюзов, поскольку, в случае создания «единого блока» коммунистов и социал-демократов, партия А. Гитлера никогда бы не смогла получить мандат на формирование правительства.

Уже в октябре 1933 г. нацистское политическое руководство отчетливо опреде- лило свой внешнеполитический курс, поскольку оно: а) отказалось от ратификации «Римского пакта», б) уклонилось от участия в работе международной конференции по разоружению и в) заявило о выходе Германии из Лиги Наций. Тем не менее, правительства ведущих западных держав, прежде всего, Англии, Франции и США, продолжили традиционный курс «умиротворения» Германии, который, в конечном итоге, привел к новой мировой войне.

Совершенно иную позицию в этом архиважном вопросе заняло советское политическое руководство. В условиях стремительного нарастания фашистской угрозы СССР выступил с идеей создания системы коллективной безопасности в Ев- ропе и активно поддержал предложение французского министра иностранных дел Луи Барту о создании «Восточного Локарно», который должен был дополнить систему «Рейнского гарантийного пакта» (1925). Однако, из-за шкурной позиции, занятой руководством Англии (Р. Макдональд) и особенно Польши (Ю. Пилсуд- ский), подписание нового пакта было сорвано, что, безусловно, отвечало интересам нацистской Германии.

Тем не менее, в ноябре 1933 г. после прихода к власти новой Администрации США, которую возглавил президент-демократ Франклин Делано Рузвельт, были установлены дипломатические отношения между СССР и США. А в сентябре 1934 г., благодаря активной поддержке французского правительства, Советский Союз был принят в Лигу Наций. Однако после убийства в Марселе министра ино- странных дел Л. Барту, ставшего жертвой германских спецслужб, которые, по ин- формации историков (В. Волков, И. Мусский), провели спецоперацию «Тевтонский меч», ситуация в Париже отчасти изменилась и новое французское руководство «левых демократов» во главе с премьером П. Фланденом и министром иностран- ных дел П. Лавалем отказалось от прежней идеи заключения общеевропейского «Восточноевропейского регионального пакта» и взяло курс на создание франко-англо- итальянского антигерманского союза и заключения отдельного договора с СССР.

В марте 1935 г. нацистское руководство в нарушение статей Версальского мир- ного договора восстановило всеобщую воинскую повинность и ввело свои войска в демилитаризованную Саарскую область. Французское правительство социалиста Пьера Фландена забило «вселенскую» тревогу и в апреле 1935 г. в итальянском городе Стрезе прошла Конференция по «германскому вопросу», участники кото- рой резко осудили нарушение Германией статей Версальского договора. Как ни странно, но особо жесткую позицию по данному вопросу занял глава итальян- ского правительства Бенито Муссолини, который поддержал французского коллегу.

Однако совершенно неожиданно для них, непосвященных в закулисную историю происхождения германского нацизма, на стороне фашистской Германии выступило английское правительство **С. Болдуина**, которое в **июне 1935 г.** подписало с **А. Гитлером** сенсационный **англо-германский договор о морских вооружениях**, который де-факто разрушал **Версальский мирный договор**, поскольку дал возможность германскому правительству приступить к реализации масштабной программы строительства подводных лодок и надводных военных кораблей. Таким образом, единый антигерманский фронт был окончательно разрушен, а нацистское руководство, наконец-то, обрело долгожданную свободу рук.

В этой ситуации советский дипломатический корпус, руководствуясь здравым смыслом и четкими установками **Политбюро ЦК**, продолжал настойчиво проводить политику по созданию системы коллективной безопасности в Европе. В **мае 1935 г.** нарком иностранных дел СССР **М.М. Литвинов** подписал **советско-французский договор** о взаимопомощи двух стран. А в **июле 1935 г.** в **Праге** был подписан аналогичный **советско-чехословацкий договор**. Однако очередное советское предложение о создании всеобщей системы коллективной безопасности в Европе так и не нашло поддержки в правительствах других европейских держав.

Тем временем ситуация на мировой арене стала резко обостряться. Зримым доказательством этого факта стал целый ряд важнейших мировых событий, которые стали прямым прологом новой мировой войны:

1) В **марте 1935 г.**, грубо нарушив одну из главных статей **Версальского договора**, **А. Гитлер** провел через **Рейхстаг** «**Закон о строительстве вермахта**», в соответствии с которым в Германии была восстановлена всеобщая воинская повинность и на смену **100 тысячному «наемному» рейхсверу** пришел полноценный **500 тысячный вермахт** со своим отдельным **Верховным командованием (ОКХ)** и возрожденным **Генеральным штабом**, который возглавили генерал-полковник **В. Фрич** и генерал артиллерии **Л. Бек**.

2) В **октябре 1935 г.** итальянская армия под общим командованием начальника **Генерального штаба** маршала **П. Бадольо** начала полномасштабное вторжение на территорию **Абиссинии (Эфиопии)**, которое завершилось взятием **Аддис-Абебы** и укреплением позиций фашистской Италии в этом стратегически важном регионе;

3) В **марте 1936 г.**, опять же в нарушение **Версальского договора** и **Локарнских соглашений (1925)**, **А. Гитлер** санкционировал вступление германских войск на территорию демилитаризированной **Рейнской области**, где располагался знаменитый **Рурский район** — промышленное сердце всей тогдашней Германии.

4) В **июле 1936 г.** после прихода к власти в Испании республиканского правительства народного фронта во главе **Х. Хиралем Перейра**, высший генералитет испанской армии во главе с генералами **Х. Санхурхо** и **Ф. Франко** подняли мятеж против законного правительства в **Мадриде** и, получив солидную поддержку от **А. Гитлера** и **Б. Муссолини**, развязали в стране полномасштабную **Гражданскую войну (1936–1939)**, которая закончилась поражением республиканцев и установлением профашистской диктатуры каудильо **Ф. Франко**.

5) В **ноябре 1936 г.** был подписан **германо-японский союзный договор**, положивший начало знаменитому «**Антикоминтерновскому пакту**», который стал не только прямым вызовом СССР, но и всей **Версальско-Вашингтонской системе междуна-**

родных отношений, поскольку де-факто означал создание военного союза между нацистской Германией и милитаристской Японией.

6) В июле 1937 г. после прихода к власти профашистского правительства **Фуими-маро Коноэ** милитаристская Япония, заручившись поддержкой нацистской Германии, развязала полномасштабные боевые действия на территории Китая, положив начало **японо-китайской войне (1937–1945)**, ставшей спусковым крючком **Второй Мировой войны**.

7) В ноябре 1937 г. полноправным членом «**Антикоминтерновского пакта**» стала фашистская Италия, которая сразу заявила о своем выходе из **Лиги Наций** и продолжила создание полноценного военного союза с Германией, логическим завершением которого стал так называемый «**Стальной пакт**», подписанный **А. Гитлером** и **Б. Муссолини** в мае 1939 г.

8) В марте 1938 г. при активной поддержке **Б. Муссолини** и молчаливом согласии западных держав произошел **аншлюс Австрии**, территория которой была полностью включена в состав **Третьего Рейха**. Надо сказать, что эта наглая аннексия суверенного **Австрийского государства**, полностью нарушавшая **Сен-Жерменский договор (1919)** и **Женевские конвенции (1922)**, стала прямым следствием «политики умиротворения агрессора», которую активно проводил британский кабинет. Еще в **ноябре 1937 г.** один из лидеров консервативной партии лорд **Э. Галифакс** во время личной аудиенции с **А. Гитлером** от имени британского правительства дал добро на «приобретение» австрийских земель. А уже в **феврале 1938 г.** британский премьер-министр **Н. Чемберлен**, вступая в английском парламенте, прямо заявил, что «мы не должны обманывать, а тем более не должны обнадёживать малые слабые государства, обещая им защиту со стороны **Лиги Наций**». В результате в **начале марта 1938 г.**, после «ультиматума» **А. Гитлера** австрийскому премьеру **К. Шушнигу** он подал в отставку и лидер австрийских нацистов **А. Зейсс-Инкварт** сформировал новый кабинет, в состав которого вошли два видных члена **НСДАП** — министр безопасности **Э. Кальтенбруннер** и министр юстиции **Г. Гюбер**, бывший зятем самого президента нацистского **Рейхстага**, **рейхсмаршала Г. Геринга**. А уже **13 марта 1938 г.** — в день торжественного прибытия в **Вену** самого **А. Гитлера** и **Верховного главнокомандующего ОКВ фельдмаршала В. Кейтеля**, был обнародован закон «**О воссоединении Австрии с Германской империей**», согласно которому Австрия объявлялась «одной из земель Германской империи» и отныне стала называться «**Остмарк**».

4. Мюнхенский сговор и его последствия в 1938–1939 гг.

В этой взрывоопасной ситуации правительство Советского Союза неоднократно выступало с призывами к правительствам ведущих мировых держав оказать достойный отпор агрессору, и **прекратить порочную политику «умиротворения агрессора»**, которую проводили **Лондон** и **Париж**. Однако все его призывы остались «гласом вопиющего в пустыне», что еще больше разогрело аппетиты в **Берлине**, **Риме** и **Токио**.

В мае 1938 г. **А. Гитлер** утвердил план военной операции против Чехословакии под кодовым названием «**Грюн**», а на территории **Судетской области**, население которой состояло в основном из этнических немцев, начались массовые акции гражданского неповиновения, которые возглавили местные фашисты во главе

с **А. Генлейном**. В этой ситуации президент Чехословакии **Эдуард Бенеш** объявил в стране частичную мобилизацию и обратился к французскому правительству с просьбой исполнить свой союзнический долг. Однако правительство **Э. Даладье**, полностью находясь в фарватере британской политики «умиротворения агрессора», уклонилось от исполнения своих обязательств по **Парижскому договору 1935 г.** Более того, в **начале сентября 1938 г.** президент **Тайного совета** лорд **У. Ренсимен**, который в качестве посредника участвовал в «разрешении» **Первого Судетского кризиса**, фактически заставил президента **Э. Бенеша** пойти на уступки судетским сепаратистам, чем де-факто подписал смертный приговор Чехословакии.

Не успел лондонский «миротворец» вернуться восояси, как на территории **Судетской области** вспыхнул вооруженный мятеж местных нацистов, который был открыто поддержан **Берлином**, прямо заявившем о том, что «ради защиты своих единокровных братьев» он не остановится ни перед чем, даже перед войной. **14 сентября 1938 г.** премьер-министр **Н. Чемберлен** уведомил **А. Гитлера** о своей готовности «ради спасения мира» посетить его в любое время, а уже на следующий день в **Баварских Альпах** он дал согласие на передачу **Судетской области** Третьему Рейху. **18 сентября** в Лондоне прошли межправительственные консультации **Н. Чемберлена** и **Э. Даладье**, на основании которых английский и французский посланники в **Праге** добились от **Кабинета Милана Годжи** фактической капитуляции.

21–22 сентября в Чехословакии состоялась всеобщая забастовка, которая привела к падению правительства **М. Годжи** и созданию нового кабинета во главе с генералом **Я. Сыровым**. В этот же день советский постпред в Лиге Наций заявил о необходимости срочных мер в поддержку Чехословакии и осуждении германской агрессии против суверенного государства. А первый заместитель наркома иностранных дел СССР **В.П. Потемкин** в беседе с чехословацким послом **З. Фирлингером** дал положительный ответ на его прямой вопрос о том, «могло бы правительство СССР, в случае нападения Германии на Чехословакию, оказать ей помощь, не дожидаясь решения **Совета Лиги Наций**».

23 сентября президент **Э. Бенеш** объявил в стране всеобщую мобилизацию и в ответ на этот акт германские и польские войска были проведены в повышенную боевую готовность и выдвинуты к чехословацкой границе. **27 сентября** на аудиенции с британским и французским послами **А. Гитлер** в последний раз предупредил «гарантов» **Версальской системы**, что германская «акция» против Чехословакии начнется в ближайшее время, поэтому предложил им, не теряя времени, провести новые переговоры для уточнения «деталей соглашения» по судетскому вопросу. **29–30 сентября 1938 г.** в Мюнхене состоялась встреча глав правительств Великобритании, Франции, Италии и Германии, в ходе которой **Невилл Чемберлен**, **Эдуард Даладье**, **Бенито Муссолини** и **Адольф Гитлер** подписали преступное **Мюнхенское соглашение** о расчленении Чехословакии, ставшее кульминационной точкой английской «политики умиротворения агрессора».

Только после подписания **Мюнхенского договора** с его текстом были ознакомлены представители Чехословакии **В. Мастны** и **Х. Масарик**, которые под давлением **Н. Чемберлена** и **Э. Даладье** завизировали это соглашение, а президент **Э. Бенеш** без согласия **Национального собрания** принял его к исполнению. **30 сентября 1938 г.** на территорию **Судетской области** были введены войска вермахта, а на территорию **Тешенской области** вошли польские войска. Все эти события вызвали внутренний

кризис в самой Чехословакии: **5 октября** в отставку подал президент **Э. Бенеш**, а через два дня под давлением **Берлина** новое правительство **Р. Берана** приняло решение о предоставлении автономии Словакии и Подкарпатской Руси, куда **ноябре 1938 г.** были введены венгерские войска.

В январе 1939 г. в газете «Правде» была опубликована статья первого заместителя наркома иностранных дел СССР **В.П. Потемкина** «**Международная обстановка второй империалистической войны**», в которой содержались новые аспекты советской внешнеполитической доктрины. Эти новые аспекты опирались на констатацию того факта, что **Вторая Мировая война уже стала реальностью**, поскольку во **второй половине 1930-х гг.** со стороны ряда мировых держав был предпринят целый ряд военных акций, коренным образом изменивших обстановку в мире. Именно эти события разделили все ведущие буржуазные державы на агрессоров — Германию, Италию и Японию и тех, кто попустительствует ей — Англию, Францию и США. И хотя де-факто это попустительство наносит прямой ущерб интересам самих западных держав, оно является «**вполне сознательной политикой, направленной на столкновение агрессоров и СССР, который является оплотом социального прогресса в современном мире**».

В подтверждение этих слов, уже **в начале марта 1939 г.** в нарушение всех своих международных обязательств, в том числе по **Мюнхенскому договору**, **Берлин** спровоцировал распад Чехословакии на Чехию, Словакию и Подкарпатскую Русь, а уже **15 марта** с согласия нового президента **Э. Гаха** германские войска полностью оккупировали всю территорию Чехии, которая в качестве **Богемского и Моравского протекторатов** вошла в состав **Третьего Рейха**. Тогда же, в **марте 1939 г.** Литва уступила германскому ультиматуму и отдала **Берлину Клайпеду (Мемель)**, который до **Первой Мировой войны** принадлежал Германии, но по **Версальскому договору** был передан Литве.

В тот же день правительство СССР обратилось к руководству Англии, Франции, Румынии и Польши с предложением созвать международную конференцию для разрешения возникшего кризиса в Европе. Однако из-за позиции, занятой британским правительством, созвать такую конференцию вновь не удалось.

После этих событий, высшее политическое руководство нацистской Германии приступило к непосредственной подготовке войны против панской Польши и уже в **марте 1939 г.** министр иностранных дел Германии **И. Риббентроп** открыто предъявил территориальные претензии к польскому руководству, а германский **Генеральный штаб** во главе с генерал-полковником **В. Гальдером** в спешном порядке стал дорабатывать план военной операции против Польши, получивший кодовое название «**Вайс**».

В апреле 1939 г. **А. Гитлер** утвердил окончательный вариант плана «**Вайс**», который предусматривал молниеносное нанесение удара по противнику с трех главных стратегических направлений. Одновременно германское руководство известило польского министра иностранных дел **Ю. Бека**, который де-факто был главой правительства **Ф. Славой-Складковского**, о расторжении польско-германской декларации «**О ненападении**», подписанной в **1934 г.**

В мае 1939 г. первый заместитель наркома иностранных дел СССР **В.П. Потемкин**, прибывший с официальным визитом в **Варшаву**, в очередной раз предложил польскому руководству незамедлительно заключить советско-польский пакт о вза-

имопомощи в борьбе против агрессора и заявил о готовности СССР выступить гарантом неприкосновенности польских границ. Однако оба этих предложения советской стороны были отклонены польским правительством. Кстати, именно эти факты красноречиво говорят о том, что нападение Германии на Польшу произошло бы вне зависимости от того, был бы подписан советско-германский пакт «О ненападении» или нет. Поэтому все попытки наших доморожденных антисталинистов (Г. Розанов, М. Семиряга, С. Мироненко) возложить на Советский Союз равную с Германией ответственность за развязывание Второй Мировой войны, являются просто кощунственными.

Тем временем политическое руководство СССР продолжало настойчиво бороться за создание системы коллективной безопасности в Европе. В частности, в марте и апреле 1939 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов трижды предлагал руководству Англии, Франции, Румынии, Турции и Польши немедленно начать переговоры о создании единого антифашистского блока. В частности, он предлагал правительствам Англии и Франции подписать пакет трехсторонних соглашений, который предусматривал заключение союза о взаимопомощи и специальной военной конвенции, конкретизирующей размеры и характер этой помощи. Однако этот призыв советского правительства вновь остался без ответа.

5. Советско-японские вооруженные конфликты на Дальнем Востоке и в Монголии в 1938–1939 гг.

По свидетельству советских и российских историков (Д. Бакаев, В. Ежаков, А. Кошкин), план ведения войны против СССР стал разрабатываться японским Министерством армии во главе с маршалом С. Араки еще в октябре 1931 г., когда правительством Японии были утверждены «Основные положения оперативного плана войны против России». Затем в недрах японского военного ведомства были рождены еще ряд аналогичных планов, пока в апреле 1938 г. очередной такой план под названием «Политика обороны государства» не был утвержден новым военным министром Х. Сугиямой. Причем, с момента оккупации Маньчжурии японская военщина, активно подстрекаемая и снабжаемая стратегическим сырьем державами западной «демократии», в том числе Великобританией и США, постоянно устраивала провокации на советско-корейской границе, и только за первую половину 1938 г. было зафиксировано более 120 случаев нарушения советской границы и 40 случаев вторжения японской авиации в воздушное пространство СССР.

В связи с активизацией японских провокаций и реальной угрозой возникновения полномасштабного военного конфликта, решением Политбюро ЦК в начале июля 1938 г. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия была преобразована в Дальневосточный фронт, который возглавил маршал В.К. Блюхер. Одновременно с этим на двух господствующих высотах в районе озера Хасан — пограничных сопках Заозерная и Безымянная были организованы пограничные заставы, которые сразу зафиксировали факт скопления японских войск на советской границе.

29 июля 1938 г. на смену приграничным провокациям пришло полномасштабное вторжение войск 19-й пехотной дивизии Квантунской армии генерала К. Уэда, которые силами двух стрелковых полков атаковали передовые рубежи советских пограничных застав и заняли сопки Заозерная и Безымянная. Ситуация сложи-

лась настолько критическая, что через два дня нарком обороны СССР маршал **К.Е. Ворошилов** отдал приказ о приведении в полную боевую готовность войск **1-й Краснознаменной Дальневосточной (Приморской) армии** (комдив **К.П. Подлас**) и **Тихоокеанского флота** (флагман 2-го ранга **Н.Г. Кузнецов**), а **И.В. Сталин** в личном разговоре с **В.К. Блюхером** по **ВЧ** резко раскритиковал главкома за проявленное благодушие. Уже на следующий день по донесению заместителя наркома обороны СССР армейского комиссара **Л.З. Мехлиса** маршал **В.К. Блюхер** был отстранен от командования фронтом и вскоре арестован, а новым главкомом назначен комкор **Г.М. Штерн**. **6 августа** по его приказу части и соединения **32-й и 40-й стрелковых дивизий** при активной поддержке фронтовой авиации под командованием комбрига **П.В. Рычагова** нанесли японским захватчикам сокрушительное поражение и выбили их с **Заозерной и Безымянной сопок**. А уже **10 августа 1938 г.** японский посол **М. Сигэмицу** предложил начать мирные переговоры, по итогам которых граница между СССР и японскими владениями в **Кореи и Маньчжурии** была установлена на основании старого российско-китайского **Пограничного соглашения 1886 г.**

Надо сказать, что вопреки устоявшемуся мнению, **события у озера Хасан не были простым пограничным конфликтом**. Напротив, по свидетельству ряда современных российских историков (**А. Кошкин**), это были довольно крупные боевые действия, где впервые за все время советско-японских пограничных инцидентов **были задействованы войска стратегического назначения**.

Еще более масштабный военный конфликт между СССР и Японией произошел на территории Монголии в районе пограничной реки **Халхин-Гол**. Предыстория этого конфликта была такова: **летом 1935 г.** после ряда вооруженных столкновений на монголо-маньчжурской границе начались переговоры между представителями Монголии и Маньчжоу-го о демаркации границы, но к **осени** они зашли в тупик. Тогда в **марте 1936 г.** между СССР и МНР был подписан **«Протокол о взаимопомощи»**, в соответствии с которым на территории Монголии были развернуты части и соединения **57-го Особого корпуса РККА**, который вначале возглавил комдив **И.С. Конев**, а затем комдив **Н.В. Фекленко**.

До начала **1939 г.** ситуация на монголо-маньчжурской границе оставалась относительно спокойной, но после прихода к власти нового японского правительства генерала **К. Хиранума** обстановка резко обострилась и в **мае 1939 г.** в районе реки **Халхин-Гол** на территории **Монгольской Народной республики** начались активные боевые действия, в том числе с применением боевой авиации и тяжелой артиллерии. В этой ситуации **Генштаб РККА** развернул на базе **57-го Отдельного корпуса 1-ю Армейскую группу**, которую возглавил комкор **Г.К. Жуков**. Одновременно в район вооруженного конфликта срочно прибыл и командующий **1-й Отдельной Краснознаменной армией** командарм 2-го ранга **Г.М. Штерн**, который взял на себя общую координацию действий войск **РККА** и **Монгольской народно-революционной армии** во главе с маршалом **Х. Чойбалсаном**.

Весь **июнь** в районе противостояния шли активные воздушные бои, в результате которых советской авиации во главе с комкором **В.Я. Смушкевичем** все же удалось одержать вверх и завоевать господство в воздухе. А уже в **июле 1939 г.** основные бои развернулись в районе горы **Баян-Цаган**, где японская группировка генерал-майора **И. Кобаяси** была полностью разбита в ходе **«Баян-Цаганское побоища»**. Одновременно советско-монгольским войскам удалось отбить все попытки другой

японской группировки генерал-лейтенанта **М. Ясуоки** форсировать **Халхин-Гол**. С **середины июля** по всей линии противостояния установилось относительное затишье, шли лишь позиционные бои, велась усиленная концентрация войск и разработка новых планов военной операции. В результате к **середине августа** соотношение сил оказалось следующим: в составе **1-й Армейской группы РККА (Г.К. Жуков)** насчитывалось **57 тыс.** штыков и сабель, почти **850 танков** и бронемашин и **580 самолетов**, а в составе **6-й японской армии (Р. Огису)** — **75 тыс.** штыков и сабель, **180 танков** и бронемашин и **700 самолетов**.

Японские штабисты, наивно убежденные в оперативном превосходстве своих войск, на **24 августа** запланировали новое наступление против правого фланга советско-монгольской группировки. Однако уже **20 августа** после мощной артподготовки советские танковые и механизированные части при активной поддержке фронтовой авиации совершенно неожиданно перешли в наступление и уже к исходу **26 августа** окружили и уничтожили **28-й, 64-й и 72-й пехотные полки 7-й и 23-й пехотных дивизий** противника. Неоднократные попытки японского командования провести контратаки и деблокировать группировку своих войск в районе **Халхин-Гола** закончились полной неудачей и к исходу **31 августа** территория **Монгольской Народной Республики** была полностью очищена от японских войск. Однако японский генералитет все еще надеялся на реванш и в **первой половине сентября** в небе Монголии развернулось настоящее воздушное сражение, в котором советские асы одержали вверх.

Военное поражение японской армии на реке **Халхин-Гол** и одновременное подписание советско-германского **Пакта «О ненападении»** привело к правительственному кризису и отставке кабинета генерала **Х. Киитиро**. Новое японское правительство генерала **Н. Абэ**, который был категорическим противником военного союза с **А. Гитлером** и **Б. Муссолини**, уже **4 сентября 1939 г.** заявило, что ни в какой форме не намерено вмешиваться в военный конфликт в Европе. А **15 сентября 1939 г.** в **Москве** состоялось подписание трехстороннего **советско-монголо-японского соглашения** о ликвидации конфликта, которое в конечном итоге привело к заключению советско-японского **«Пакта о нейтралитете»**, подписанного министром иностранных дел **И. Мацуока** во время его визита в **Москву 13 апреля 1941 г.** Таким образом, в традиционном противостоянии японских генералов и адмиралов победила «морская партия», которая всегда выступала за осторожную экспансии в **Юго-Восточную Азию** и на острова **Тихого океана**, а Советский Союз снял угрозу возможной войны на два фронта.

Между тем, что особо примечательно, когда начались активные боевые действия на реке **Халхин-Гол**, а между **Москвой, Лондоном и Парижем** уже третий месяц шли абсолютно бесплодные консультации по вопросу об англо-франко-советских переговорах, в **июле 1939 г.** японский министр иностранных дел **Х. Арита** и английский посол **Р. Крейг** подписали соглашение, по которому Великобритания признала все японские завоевания в Китае, оказав, таким образом, прямую дипломатическую поддержку японской агрессии против Монголии и ее союзника СССР. Тогда же **Администрация президента Ф.Д. Рузвельта** продлила торговый договор с Японией, в рамках которого токийское правительство закупило в США грузовики для **Квантунской армии**, станки для авиазаводов и стратегические материалы, в том числе стальной прокат, бензин и другие нефтепродукты.

6. Советско-германский договор 1939 г. и его оценка в историографии

В начале апреля 1939 г. германский Генеральный штаб под руководством генерал-полковника В. Гальдера завершил разработку плана ведения войны против Польши под кодовым названием «Вайс». По мнению ряда историков (В. Сиполс, В. Фалин), первоначально нацистская Германия не была заинтересована в превращении этого конфликта в общеевропейскую, а тем более новую мировую войну. Поэтому германский дипломатический корпус, новым главой которого вместо барона К. Нейрата был назначен И. Риббентроп, стал проявлять особую активность, как в отношении Англии, так и в отношении СССР, стремясь сохранить их нейтралитет в случае начала войны с Польшей.

Поскольку А. Гитлер пока не принял окончательного решения начать войну против Советского Союза, он прямо указал И. Риббентропу на необходимость инсценировать в германо-советских отношениях «Эпоху нового Рапалло» и проводить в отношении Москвы политику равновесия и экономического сотрудничества. В апреле – июне 1939 г. германское правительство в лице К. Шнурре, Б. Штумма, Ф. Шуленбурга и других видных министров и дипломатов неоднократно пыталось склонить советское политическое руководство к более тесному торгово-экономическому сотрудничеству двух стран. Однако И.В. Сталин, В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов, не реагируя на эти предложения германской стороны, все еще надеялись договориться с Англией и Францией о заключении союзного договора.

В частности, 17 апреля 1939 г. советское правительство вновь предложило Лондону и Парижу заключить трехсторонний договор и военную конвенцию о взаимной помощи, в случае если одна из сторон подвергнется агрессии других государств. Более того, по данным ряда историков (В. Сиполс), глава советского правительства В.М. Молотов, занявший в мае 1939 г. одновременно и пост наркома иностранных дел СССР, несмотря на всю свою исключительную занятость, провел около двадцати рабочих встреч с английским и французским послами на предмет подписания трехстороннего союзного договора. Однако все попытки достичь какого-либо компромисса не увенчались успехом.

В связи с эти мы хотим особо обратить внимание на ряд принципиально важных обстоятельств:

1) Все попытки ряда зарубежных и российских авторов (Р. Эдмондс, Д. Волкогонов, Р. Медведев) связать отставку М.М. Литвинова и назначение В.М. Молотова на пост наркома иностранных дел СССР, произошедшие в начале мая 1939 г., с резким изменением внешнеполитического курса СССР в сторону Германии не имеют под собой ни малейших оснований. Более того, как верно отметили многие историки (В. Сиполс, Ю. Жуков), назначение главы советского правительства В.М. Молотова на пост главы внешнеполитического ведомства должно было повысить уровень ожидаемых англо-франко-советских переговоров и значительно ускорить подписание того договора, который мог реально предотвратить угрозу начала новой мировой войны.

2) Утверждение ряда доморощенных антисталинистов (М. Семиряга, В. Дашичев, М. Кулиш, Л. Безыменский) об одинаковой исторической ответственности СССР и нацистской Германии за развязывание Второй Мировой войны не только не имеют никаких документальных оснований, но просто кощунственны и аморальны по своей сути.

В начале августа 1939 г. в связи с завершающим этапом подготовки к польской военной кампании германские дипломаты резко активизировали работу по установлению более тесных контактов с руководством СССР. Однако советская сторона всячески уклонялась от германских предложений, продолжая поиск путей заключения военного союза с Англией и Францией. 12 августа 1939 г. в Москве, наконец-то, начались долгожданные переговоры между представителями трех военных ведомств, в которых приняли участие нарком обороны СССР маршал К.Е. Ворошилов, начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга Б.М. Шапошников, первый заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин, представитель британского оборонного ведомства адмирал Р. Дракс и член высшего военного совета Франции генерал Ж. Думенк. Однако ни один раунд трехсторонних переговоров, проходивших в течение десяти дней, не принес желаемого результата, поскольку полномочные, но абсолютно бесправные представители двух великих держав не обладали правом подписания каких-либо конкретных военных соглашений.

Естественно нашим антисталинистам необходимо было как-то оправдать западных партнеров и известный либеральный журналист Л.А. Безыменский в своей последней книге «Гитлер и Сталин перед схваткой» (2000) привел личную инструкцию И.В. Сталина наркому обороны К.Е. Ворошилову, которая якобы зримо говорит о том, что советский вождь с самого начала был твердо настроен на срыв московских переговоров. Однако хорошо известно, что 17 и 20 августа 1939 г. глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк в своих секретных шифровках из Москвы в Париж прямо писал: «не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения. Но провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позицию».

21 августа 1939 г. состоялось последнее заседание советских, английских и французских представителей, которое опять закончилось безрезультатно. В этой критической ситуации советскому политическому руководству пришлось выбирать иную альтернативу: пойти на подписание тех важнейших соглашений с Германией, которые были озвучены ее послом графом Ф. Шуленбургом еще 15 августа 1939 г.

В тот же день Ф. Шуленбург передал советскому руководству телеграмму А. Гитлера на имя И.В. Сталина, в которой тот согласился принять советский проект Пакта «О ненападении» и просил срочно, до 23 августа, принять в Москве имперского министра иностранных дел И. Риббентропа для подписания всех необходимых документов.

Вечером 21 августа 1939 г. Берлин получил согласие советской стороны на приезд И. Риббентропа в Москву, и вечером 23 августа 1939 г. состоялись переговоры между И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и И. Риббентропом, в ходе которых был подписан знаменитый «Пакт о ненападении», который вошел в историю мировой дипломатии как «Пакт Молотова-Риббентропа». Кроме того, еще со времен «горбачевской перестройки» в широкое общественное мнение стало усиленно вдалбливаться постулат, что в качестве приложений к этому пакту был подписан некий «Секретный протокол», который разграничивал сферы влияния двух стран в Прибалтике, Финляндии и Польше. И хотя, начиная с тех же с «приснопамятных времен», хорошо известная публика либерального толка — А.Н. Яковлев, Ю.С. Пивоваров, С.В. Мироненко, Н.К. Сванидзе и Ко пытаются все время посыпать свою

голову пеплом и доказывать всю аморальность и преступность этих протоколов, ряд тогдашних советских историков (**В. Сиполс, О. Ржешевский**) заявили о том, что **Пакт «О ненападении»** без возможных секретных протоколов к нему был простой бумажкой, подписание которого теряло всякий смысл. Кроме того, не следует забывать, что, законно претендуя на восточные районы Польши и Прибалтику, Советский Союз просто восстанавливал историческую справедливость и возвращал себе те исконно русские земли, которые были отторгнуты от России в годину тяжкого лихолетья.

Вместе с тем, в настоящее время целый ряд крупных и авторитетных историков (**Ю. Жуков, Ю. Емельянов, Ю. Рубцов**) совершенно справедливо говорят о том, что:

1) Важно понимать то, что в **августе 1939 г.** речь шла не о разделе Польши, Европы или мира между СССР и Германией, а о том, куда после неминуемого краха Польши **А. Гитлер** двинет свои полчища, — на Восток или на Запад. Можно как угодно относиться к **И.В. Сталину** и его внутренней политике, но нельзя не признать, что, будучи загнанным в угол, он сделал единственно правильный выбор. Более того, он переиграл наглых и самоуверенных англичан — многократных победителей различных дипломатических баталий и, заключив этот договор, предоставил **Лондону** и **Парижу** в полной мере вкусить горькие плоды их политики «умиротворения агрессора».

2) Впервые попытка обвинить СССР в развязывании **Второй Мировой войны** была предпринята еще в самом начале «холодной войны», когда в **1946 г.** в провинциальной американской газете «**St. Louis Post-Dispatch**» были опубликованы копии «**Секретных протоколов**» о разделе сфер влияния между СССР и Третьим Рейхом, которые якобы представляли собой приложение к советско-германскому «**Пакту о ненападении**» **23 августа 1939 г.** Сами эти «протоколы» тоже якобы были сняты на микрофильмы сотрудником канцелярии имперского министерства иностранных дел **К. Лешем** и переданы им английскому подполковнику **Р. Томсону** где-то на территории **Тюрингии**. Более того, в ходе **Нюрнбергского процесса** адвокат **И. Риббентропа А. Зайдль** попытался внести в число доказательств текст этих самых «протоколов», однако **Международный трибунал** поставил под сомнение их достоверность и доказательную силу. Впоследствии в своих мемуарах сам **А. Зайдль** признавал, что «я до сих пор не знаю, кто передал мне эти листы, но многое говорит за то, что мне подыграли с американской стороны, а именно со стороны обвинения США или американской секретной службы».

Однако тогда Советский Союз лихо отбил первую атаку всех заокеанских ястребов и либералов, опубликовав в **1948 г.** небольшую, но очень обстоятельную брошюру «**Фальсификаторы истории**». Тем не менее, на Западе упорно продолжали утверждать, что эти протоколы подлинны, и всех тамошних «экспертов» совсем не смущал то поразительный факт, что официальный межгосударственный договор между СССР и Третьим Рейхом тогдашний глава советского правительства и правоверный большевик **В.М. Молотов** почему-то подписал латинским шрифтом.

Вторая, и на сей раз удачная, попытка обвинить СССР в развязывании **Второй Мировой войны** была предпринята уже в **декабре 1989 г.** в предельно лживом докладе «**О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года**», с которым на **II Съезде народных депутатов СССР** выступил тогдашний член **Политбюро** и секретарь **ЦК КПСС**, хорошо известный идеолог

«горбачевской перестройки» и агент влияния А.Н. Яковлев. Ссылаясь на мифический «Протокол передачи документов в архив МИД СССР», подписанный двумя сотрудниками МИД СССР Н.И. Смирновым и Б.Ф. Подчеробом, якобы нечаянно обнаруженный в миловском архиве тогдашним заместителем министра иностранных дел СССР А.Г. Ковалевым, он де-факто признал существование секретных протоколов о разделе сфер влияния между СССР и Третьим Рейхом, ставших составной частью «Пакта Риббентропа-Молотова».

Между тем, всякий историк должен виртуозно владеть методом хронологического анализа, и если именно с этих позиций подойти к оценке «источников» по «Секретным протоколам», то мы столкнемся с тем поразительным фактом, что время происхождения многих событий установить просто невозможно. Например, а) так и не прояснен вопрос, когда западные союзники успели захватить микрофильмы А. Леша из канцелярии имперского Министерства иностранных дел, поскольку в мае 1945 г. в Берлине были только советские войска, а вся история их таинственной передачи английскому подполковнику Р. Томсону на территории Тюрингии известна лишь из уст личного друга помощника генсека тов. А.С. Черняева, известного «перестроечного» журналиста Л.А. Безыменского; б) когда и в связи с чем высокопоставленные сотрудники центрального аппарата МИД СССР Б.Ф. Подчероб и Н.И. Смирнов составили акт приема-передачи пакета документов, включавших эти самые «Секретные протоколы»; в) когда были проведены два заседания депутатской Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года, которую возглавлял г-н А.Н. Яковлев, и когда членами этой комиссии был утвержден проект Постановления Съезда народных депутатов по данному вопросу; г) когда г-н А.Н. Яковлев получил от своего поделщика, г-на А.Г. Ковалева «Служебную записку» Н.И. Смирнова и Б.Ф. Подчероба, и когда проводились экспертизы этих документов, на которые ссылался А.Н. Яковлев в своем докладе II Съезду народных депутатов СССР; д) наконец, кто дал прямое указание на публикацию текстов этих протоколов в академических журналах «Вопросы истории» и «Новая и новейшая история» и т.д. Таким образом, многие события, связанные с «Пактом Риббентропа-Молотова», в принципе не могут быть датированы, а потому их нельзя считать достоверными или даже вероятными.

30 августа 1939 г. В.М. Молотов, выступая в Верховном Совете СССР с докладом о ратификации пакта «О ненападении», прямо заявил, что этот договор между СССР и Германией стал результатом того тупика, в котором оказались англо-франко-советские переговоры, безрезультатно шедшие на протяжении нескольких последних месяцев.

Надо сказать, что в современной исторической науке существуют диаметрально противоположные оценки советско-германского пакта, которые во многом продиктованы политическими воззрениями большинства авторов, особенно либерального толка.

1) Большинство непредвзятых ученых (А. Тейлор, А. Якушевский, О. Ржешевский, В. Сиполс, Ю. Емельянов) справедливо полагают, что этот пакт имел исключительно важное значение, поскольку позволил Советскому Союзу: а) почти на два года оттянуть свое вступление в войну с Германией и значительно лучше подготовиться к ней; б) снять угрозу возникновения единого антисоветского фронта империалистических держав, контуры которого явно обозначились еще при подписании Мюнхенского договора; в) существенно отодвинуть свою границу на западных

рубежах, что позволило советскому руководству за время тяжелых приграничных боев выстроить новую систему управления страной в условиях начавшейся полномасштабной войны с нацистской Германией; г) стабилизировать обстановку на дальневосточных рубежах, где японские агрессоры прекратили боевые действия на советской и монгольской границах; д) предотвратить угрозу одновременной войны на двух фронтах, поскольку Германия, нарушив ключевые статьи «Антикоминтерновского пакта», серьезно испортила свои отношения с Японией и т.д.

2) Их оппоненты из либерального лагеря, активно вскормленные в годы «горбачевской перестройки» яковлевским аппаратом в ЦК КПСС (М. Семиряга, В. Дашичев, М. Кулиш), особо не утруждая себя ни анализом фактов, ни какими-либо аргументами, априори крайне негативно оценивают этот пакт, который, по их мнению: а) стал главной причиной возникновения **Второй Мировой войны**; б) зримо показал тождество двух самых кровавых режимов в истории человечества — гитлеризма и сталинизма; в) безбожно порушил «девственную» государственность миролюбивой Польши и демократических Прибалтийских государств и т.д.

Между тем, эта когорта оплаченных «специалистов» так и не может ответить даже на такой простой вопрос, какую долю вины в развязывании **Второй Мировой войны** в таком случае несут правительства Эстонии и Латвии, чьи министры иностранных дел **К. Сельтер** и **В. Мунтрес** еще **7 июня 1939 г.**, находясь в Берлине, подписали с **И. Риббентропом** аналогичные пакты «О ненападении».

7. Германско-польская война и Освободительный поход РККА в сентябре 1939 г.

По общепринятой в англосаксонской, европейской и советской историографии **1 сентября 1939 г.** нападением германских вооруженных сил на Польшу началась **Вторая Мировая война**. В течение первой недели боев войска вермахта под общим руководством генерал-полковника **В. Браухича** взломали слабую оборону польской армии и уже к исходу **6 сентября** подошли к окраинам **Варшавы**. В тот же день польское правительство во главе с премьер-министром **Ф. Славой-Скловским** позорно бежало из столицы государства в **Люблин**, а ставка главнокомандующего польскими войсками маршала **Т. Рыдз-Смиглы** была перенесена в **Брест**.

После начала войны советское правительство, в отличие от правительств Великобритании (**Н. Чемберлен**) и Франции (**Э. Даладьё**), объявивших войну нацистской Германии, заявило о своем нейтралитете. При этом доподлинно известно, что германское руководство **3–12 сентября 1939 г.** направило в адрес **Москвы** четыре дипломатических ноты, в которых настаивало на вступлении СССР в войну против Польши. Но вплоть до **15 сентября** советское политическое руководство уклонялось от принятия столь серьезного решения.

Только **16 сентября 1939 г.**, когда танковая армия **Г. Гудериана** окружила под **Люблином** основные силы польских войск, высшее политическое руководство СССР отдало приказ о приведении войск западных военных округов в полную боевую готовность. Утром **17 сентября** войска **Белорусского** (командарм 2-го ранга **М.П. Ковалев**) и **Киевского** (командарм 1-го ранга **С.К. Тимошенко**) **Особых Военных округов**, преобразованных, соответственно, в **Белорусский** и **Украинский фронты**, перешли государственную границу Польши и стали стремительно продвигаться в направле-

ние Львова, Бреста и Белостока, не встречая практически никакого сопротивления со стороны польских войск, которые получили от маршала Т. Рыдз-Смиглы предельно четкую директиву «с Советами не воевать». Незначительное организованное сопротивление частям РККА в районе Тарнополя оказали лишь части польского корпуса охраны, польской жандармерии и отряды польских ополченцев, но местное русское, украинское, белорусское и еврейское население, вкусив все прелести польского господства, довольно лояльно отнеслись к советским войскам, а в ряде мест, создав вооруженные отряды, само воевало против польских воинских частей.

Вместе с тем, в составе германского вермахта действовало вспомогательное (диверсионное) подразделение — «Войсковой Отдел националистов» или «Украинский легион», сформированный из галицийских украинцев во главе с полковником Р.К. Сушко. Однако отряды ОУН, конечно, не смогли оказать какого-либо влияния на ход польской кампании вермахта, поскольку, как писал участник тех событий К. Панкивский, «быстрое продвижение немцев и еще больше выступление Советов не дали времени развернуться планам повстанцев, так что только в некоторых местах на Днестре и в Галиции дошло до выступлений».

23 сентября 1939 г. советские войска силами 3-й (комкор В.И. Кузнецов), 11-й (комдив Н.В. Медведев) и 4-й (комдив В.И. Чуйков) общевойсковых армий Белорусского фронта и 5-й (комдив И.Г. Советников), 6-й (комкор Ф.И. Голиков) и 12-й (командарм 2-го ранга И.В. Тюленев) общевойсковых армий Украинского фронта, потеряв убитыми и ранеными около 2600 человек, вышли на «линию Керзона» и взяли под контроль всю территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, которые вскоре вошли в состав СССР. Таким образом, территория нашей страны увеличилась более чем на 200 тысяч километров, а ее население возросло на 13 млн человек.

Еще до завершения Польской кампании, 20–21 сентября 1939 г., во Львове состоялись советско-германские переговоры, на которых была установлена демаркационная линия между германскими и советскими войсками, которая после ратификации советско-германского договора «О дружбе и границе», стала государственной границей Третьего Рейха и СССР. Причем, глава советского правительства В.М. Молотов, при ратификации этого договора на сессии Верховного Совета СССР 30 сентября 1939 г. совершенно верно заявил: «Правящие круги Польши немало кичились «прочностью» своего государства и «мошью» своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей».

В октябре 1939 г. на территории Западной Украины и Западной Белоруссии состоялись выборы полномочных представителей в Народные Собрания Западной Украины и Западной Белоруссии, которые 27–29 октября 1939 г. на своих пленарных заседаниях, состоявшихся в Львове и Белостоке, единогласно приняли Декларации «О вхождении Западной Украины в состав Украинской Советской Социалистической Республики» и «О вхождении Западной Белоруссии в состав Белорусской Советской Социалистической Республики». А уже 1 ноября 1939 г. Внеочередная V сессия Верховного Совета СССР приняла Законы СССР «О включении Западной Украины в состав Союза ССР с воссоединением ее с Украинской ССР» и «О включении Западной Белоруссии в состав Союза ССР с воссоединением ее с Белорусской ССР». После вхождения этих территорий в состав СССР на территории УССР были образовано шесть новых

областей: Львовская (**Львов**), Дрогобычская (**Дрогобыч**), Станиславская (**Станислав**), Тернопольская (**Тернополь**), Ровенская (**Ровно**) и Волынская (**Луцк**), а не территории БССР — две новых области — Белостокская (**Белосток**) и Брестская (**Брест**).

Историки и политики неоднозначно оценивают акт присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. Но, например, **У. Черчилль**, занимавший в тот период пост **Первого Лорда Адмиралтейства**, в своем выступлении по радио **1 октября 1939 г.** заявил: «**то, что русские армии должны были встать на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против нацистской угрозы.** Как бы то ни было, эта линия существует, и создан **Восточный фронт, который нацистская Германия не осмелится атаковать**». Аналогичного мнения придерживаются и многие современные авторы, полагая, что присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР явилось результатом сложившейся на тот момент военно-политической обстановки, заложником которой оказались все тогдашнее политическое руководство СССР. В тех условиях отказаться от присоединения этих территорий, в том числе **Галиции**, было просто невозможно.

Однако, как показал исторический опыт, присоединение этого центра украинского национализма оказалось роковым для СССР, после развала которого именно западно-украинский национализм в его самых отвратительных формах, словно ржавчина, насквозь «изъест» значительную часть самостийной Украины. А ведь, еще накануне **Первой Мировой войны**, в **феврале 1914 г.**, один из самых пронизательных русских государственных деятелей, бывший министр внутренних дел Российской империи **П.Н. Дурново** в своей знаменитой записке на имя **Николая II** прямо писал: «**Нам явно невыгодно, во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему Отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь. Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан, сколько мы получим поляков и украинизированных униатов. Так называемое украинское или мазепинское движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспокойных украинских элементов, так как в этом движении несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров**».

Вопрос об окончательном закреплении этих земель за СССР был впервые поднят на **Тегеранской конференции** в **ноябрь — декабре 1943 г.**, когда при обсуждении польского вопроса было принято предложение британского премьер-министра **У. Черчилля** о том, что претензии Польши на украинские и белорусские земли будут удовлетворены за счет этнических польских земель — **Силезии** и **Померании**, а также части **Восточной Пруссии**, входивших в состав Третьего Рейха. Причем, в качестве новой советско-польской границы должна была стать пресловутая «**Линия Керзона**» либо в «**Варианте А**» (с советским **Львовом**), либо в «**Варианте Б**» (с польским **Львовом**), которая была предложена в качестве таковой еще на **Версальском мирном конгрессе** в **июне 1919 г.** В **январе 1944 г.** советское правительство заявило о своей готовности положить в основу послевоенной советско-польской границы «**Вариант А**», который был окончательно одобрен в **феврале 1945 г.** на **Крымской (Ялтинской) конференции** глав трех союзных держав. А де-юре этот вопрос будет урегулирован **16 августа 1945 г.** при подписании советско-польского пограничного договора.

Кстати, уже после окончания Великой Отечественной войны в состав УССР вошла и так называемая **Закарпатская Русь**, которая в **июне 1919 г.** по **Сен-Жермен-**

скому договору вошла в состав Чехословакии. Однако после ее оккупации германскими войсками, в марте 1939 г. на территорию Закарпатья были введены союзные Германии венгерские войска, которые установили здесь кровавый оккупационный режим, безжалостно преследуя всех этнических русинов. Лишь в октябре 1944 г. эти земли были освобождены советскими войсками, и здесь было провозглашено создание суверенного государственного образования — Закарпатской Украины, во главе которой встало правительство Народной Рады во главе с И.И. Туряницей. Однако это государственное образование просуществовало только до июня 1945 г., когда Первый Съезд народных комитетов Закарпатской Украины принял Постановление «О воссоединении с Советской Украиной». Тогда же в Москве было подписано советско-чехословацкое соглашение о вхождении Закарпатской Украины в состав УССР. В январе 1946 г. Указом Президиума Верховного совета СССР здесь была образована Закарпатская область УССР, административным центром которой стал город Ужгород. Таким образом, именно в рамках Украинской ССР стараниями советского политического руководства и, прежде всего, лично И.В. Сталина, были объединены все исконные «украинские» земли исторической Руси.

Надо сказать, что в отечественной историографии существуют совершенно разные оценки участия СССР в войне против панской Польши:

1) Одни авторы (Ю. Жуков, Ю. Емельянов, В. Фалин, Н. Нарочницкая) убеждены не только в правомерности Освободительного (Польского) похода РККА, но и справедливо полагают, что в тогдашних исторических и внешнеполитических условиях Советский Союз был обязан действовать подобным образом. Кроме того, признавая сам факт вступления СССР во Вторую Мировую войну, они утверждают, что он вступил в эту войну в качестве третьей силы, действующей в собственных национальных и геополитических интересах.

2) Другие историки (М. Мельтюхов, В. Парсаданова, С. Мироненко) уверены в том, что сталинское руководство допустило серьезное нарушение международно-правовых норм, поэтому договор «О дружбе и границе» между СССР и Германией нельзя оправдать ни с политической, ни с идеологической, ни с нравственной точек зрения.

Сразу после ратификации советско-германского договора, СССР заключил договоры о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой, согласно которым эти государства предоставили СССР свою территорию для размещения советских военных баз.

В заключении мы хотели обратить внимание на два принципиальных момента:

1) Существующая версия начала Второй Мировой войны 1 сентября 1939 г., версия рожденная исключительно на Западе, была слишком легко и непродуманно воспринята послевоенной советской, а затем и современной российской историографией, хотя еще в «Кратком курсе истории ВКП(б)», изданном в 1938 г., прямо говорилось о том, что Вторая Мировая война стала уже реальностью. Между тем в азиатской историографии начало Второй Мировой войны традиционно датируют 15 июля 1937 г., то есть началом широкомасштабной агрессии Японии против суверенного Китая. Кстати, в этом есть своя неумолимая логика, поскольку во всем мире день окончания Второй Мировой войны связывают не с капитуляцией Германии 8–9 мая 1945 г., а именно с капитуляцией Японии 2 сентября 1945 г.

2) Почему именно в годы «горбачевской перестройки» вторая попытка обвинить СССР в равной ответственности за развязывание Второй Мировой войны

увенчалась успехом. Секретный ларчик здесь открывается невероятно просто: за всей этой грязной антисоветской, а затем антироссийской возней, стоял хорошо известный «архитектор» горбачевской перестройки и старый «агент влияния» г-н **А.Н. Яковлев**, который еще в бытность стажером **Колумбийского университета**, в **1958 г.** вместе со своим дружкой, будущим генералом **КГБ О.Д. Калугиным** был завербован американской разведкой.

8. Советско-финская война (ноябрь 1939 г. – март 1940 г.)

Взяв курс на создание системы коллективной безопасности в Европе, в **январе 1932 г.** Советский Союз заключил с Финляндией пакт «**О ненападении**», который в **1934 г.** был пролонгирован еще на десять лет. В **1935 г.** политическое руководство Финляндии, президентом которой был правый консерватор **Э. Свинхувуд**, заявило о своем нейтралитете, но, как верно отметили многие историки (**М. Мельтюхов**, **В. Сиполс**, **А. Донгаров**), у этого нейтралитета практически сразу обнаружился сильный прогерманский привкус.

Начиная с **апреля 1938 г.** советская сторона неоднократно предлагала финскому политическому руководству рассмотреть вопрос о взаимном обмене территориями в Карелии. В частности, речь шла о том, что финская сторона передаст СССР так называемый **Карельский перешеек** и **Выборгский район** Финляндии площадью **2760 кв. км.**, которые были жизненно необходимы СССР для обеспечения безопасности **Ленинграда**, а советская сторона компенсирует эту потерю значительной большей территорией площадью **5530 кв. км.** в северной части советской Карелии. Однако практически все высшее руководство Финляндии, в том числе новый президент **К. Кюёсти** и премьер-министр **А. Кааяндер**, за исключением председателя **Комитета обороны** маршала **К.Г. Маннергейма**, категорически отвергали любые предложения советской стороны на этот счет.

Летом **1939 г.** на заседании **Главного Военного Совета РККА** был рассмотрен подготовленный **Генеральным штабом** (командарм 1-го ранга **Б.М. Шапошников**) план военных действий против Финляндии, в ходе обсуждения которого **И.В. Сталин** в резкой форме раскритиковал его и дал поручение разработать новый план ведения войны против Финляндии командованию **Ленинградского Военного округа**, который в **январе 1939 г.** возглавил командарм 2-го ранга **К.А. Мерецков**.

Однако при этом все высшее политическое руководство страны по-прежнему не теряло надежды на мирное разрешение пограничной проблемы между двумя странами. В частности, **12 октября 1939 г.** участие в переговорах с финской делегацией, которую возглавлял **Ю. Паасикиви**, приняли личное участие **И.В. Сталин** и **В.М. Молотов**. В ходе состоявшихся переговоров советская сторона в очередной раз предложила финской делегации обмен территориями в районе **Ленинграда** и на севере советской Карелии. Однако высшее политическое руководство Финляндии, особенно министр иностранных дел **Х. Эркко**, рассчитывая на поддержку **Лондона**, **Берлина** и **Парижа**, вновь отвергло это предложение и отозвало свою делегацию на переговорах с СССР. Тогда же по указанию финского правительства военное ведомство Финляндии, которое возглавлял генерал **Г. Ньюткенен**, ускоренными темпами продолжило строительство знаменитой «**линии Маннергейма**» от **Финского залива** до **Ладожского озера**, сооружение которой было начато еще в **1927 г.**

И одновременно **14 октября 1939 г.** военное руководство Финляндии приступило к проведению крупнейших за всю историю страны военных маневров, в которых приняла участия вся регулярная армия и резервисты, а из приграничных районов страны было срочно выведено все местное население.

Аналогичные меры по другую сторону границы стало осуществлять и советское военное руководство. В частности, в **конце октября 1939 г.** командующий Ленинградским Военным округом командарм 2-го ранга **К.А. Мерецков** представил наркому обороны маршалу **К.Е. Ворошилову** «План операции против Финляндии», согласно которому войска округа при взаимодействии с **Краснознаменным Балтийским флотом** (флагман 2-го ранга **В.Ф. Трибуц**) должны были одновременно ударить по войскам противника с **карельского, видлицкого, мурманского, кандалакшского, кемьского и ребольского направлений**. Группировка советских войск, которую предполагалось задействовать в предстоящей войне с Финляндией, состояла из **7-й, 8-й, 9-й и 14-й общевойсковых армий**.

В **начале ноября** по инициативе советской стороны возобновились ее переговоры с финской делегацией, которую возглавил министр финансов **В. Таннер**. Однако они сразу зашли в тупик, поскольку финский парламент — **Эдусканта** и правительство Финляндии отказались рассматривать и утверждать любые соглашения с Советским Союзом по территориальному вопросу.

26 ноября 1939 г. советское правительство в официальной ноте заявило о том, что финская военщина подвергла артобстрелу советскую пограничную территорию у деревни **Майнила** и потребовала от **Хельсинки** отвести свои воинские части из приграничной территории на всем **Карельском перешейке**. Однако в ответной ноте финская сторона, заявив о своей не причастности к данному обстрелу, предложила советской стороне на основании конвенции «**О пограничных комиссарах**», подписанной еще в **1928 г.**, создать совместную комиссию по расследованию данного инцидента.

Надо сказать, что в советской исторической науке в период «горбачевской перестройки» ряд тогдашних историков (**М. Семиряга, Г. Куманев, А. Донгаров, Б. Соколов**), ссылаясь на хрущевские мемуары, однозначно заявляли, что данный пограничный инцидент стал результатом «**гноусной провокации**», устроенной по личному указанию **И.В. Сталина**. Однако, как верно отметил целый ряд их оппонентов (**В. Сиполс, А. Носков, В. Барышников**), пока не найдено каких-либо серьезных документальных доказательств, которые бы подтвердили или опровергли эту точку зрения. Более того, мнению ряда историков (**С. Волков**), развитие событий в **конце ноября 1939 г.** ставит под сомнение тот факт, что именно советская сторона была инициатором этой провокации.

29 ноября 1939 г. советское правительство заявило о разрыве дипломатических отношений с Финляндией, а **30 ноября** началась советско-финская война, которая получила в исторической литературе и другие звучные названия, в том числе «**зимняя война**» и «**незнаменитая война**».

В исторической науке существует две точки зрения относительно тех целей, которые ставило перед собой советское политическое руководство, начиная войну с Финляндией:

1) Одна группа историков (**М. Семиряга, Б. Соколов**) утверждает, что речь шла о **завоевании и советизации Финляндии и включения всей ее территории в состав**

СССР. Главным аргументом сторонников этой версии является тот факт, что сразу же после начала войны, **1 декабря 1939 г.** в финском местечке **Терийока** было создано просоветское финское правительство, которое возглавил член **Исполкома Коминтерна Отто Вильгельмович Куусинен**, которое сразу подписало с советским правительством договор об оказании военной помощи в борьбе с финской фашистской военщиной и буржуазией.

2) Другая группа историков (**А. Носков, В. Барышников, А. Шубин**) утверждает, что основная задача этой войны состояла в том, чтобы принудить Хельсинки к конструктивному компромиссу и возобновить переговоры, которые были жизненно важны для Москвы. То есть, выражаясь знаменитыми словами **А. Клаузевица**, эта война стала продолжением политики, но иными, не дипломатическими средствами. Кроме того, не следует забывать, что для участия в этой войне были привлечены относительно локальные средства: войска **Краснознаменного Балтийского флота** и **Ленинградского Военного округа**.

По данным российских военных историков, оперативное развертывание советских войск и военной техники на **Карельском перешейке**, который стал главным театром военных действий двух противоборствующих армий, проходило в крайней спешке и под сильным впечатлением от **Освободительного похода РККА в Польшу**, в котором советская армия понесла очень небольшие потери. Группировка советских войск, предназначенная для ведения войны с Финляндией, состояла из четырех общевойсковых армий. **7-я армия** (командарм **В.Ф. Яковлев**) располагалась на **Карельском перешейке**, **8-я армия** (комдив **И.Н. Хабаров**) — на северном побережье **Ладожского озера**, **9-я армия** (комкор **В.П. Духанов**) — в районе **Кандалакши** и **14-я армия** (комдив **В.А. Фролов**) — в **Петсамо**.

Финское командование сконцентрировало на советско-финской границе три группировки войск — на «**линии Маннергейма**» **Армию Перешейка** под командованием генерала **Х. Эстермана**, севернее **Ладожского озера** — **IV Армейский корпус** генерала **Ю. Хейсканена** и в районе **Петсамо-Кухмо** оперативную группу «**Северная Финляндия**» генерала **В. Туомпо**.

В начале декабря 1939 г. продвижение войск **7-й армии** командарма 2-го ранга **В.Ф. Яковлева**, которой предстояло сыграть главную роль в военном конфликте с Финляндией, развивалось довольно успешно. Однако вскоре противная сторона, усилив свою группировку войск на **Карельском перешейке**, перешла к активным диверсионно-партизанским методам борьбы в тылу советских войск, а на флангах создала довольно мощные узлы сопротивления. В труднейших наступательных боях, продолжавшихся до конца декабря 1939 г., в условиях мощной обороны противника и крайне сложных климатических условиях, советские войска, неся огромные потери в живой силе и технике, так и не смогли прорвать хорошо укрепленную «**линию Маннергейма**».

Тем временем политическое руководство Финляндии, получив отказ советской стороны на свое предложение о возобновлении переговоров, обратилось за помощью в **Лигу Наций**. **12 декабря 1939 г.** **Специальный комитет Лиги Наций** так же обратился к обеим конфликтующим сторонам прекратить боевые действия и сесть за стол переговоров. Однако советская сторона отказалась выполнить это пожелание, заявив, что Советский Союз не воюет с Финляндией, а лишь оказывает демократическому правительству **О.В. Куусинена** посильную помощь в борьбе

с прежним антинародным режимом. Негативно оценив подобную реакцию СССР на свое предложение о перемирии, **14 декабря 1939 г.** руководство Лиги Наций приняло решение об его исключении из состава данной международной организации.

В начале января 1940 г. советские войска получили приказ перейти к стратегической обороне. Одновременно Ленинградский Военный округ был преобразован в Северо-Западный фронт, который возглавил командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко. Кроме того, вместо проводившейся армейской операции было спланировано проведение фронтовой наступательной операции, главную роль в которой должны были сыграть войска 7-й и 13-й общевойсковых армий, которые возглавили командармы К.А. Мерецков и В.Д. Грендель.

11 февраля 1940 г. войска Северо-Западного фронта перешли в новое наступление, в результате которого ценой огромных потерь удалось занять первый оборонительный рубеж «линии Маннергейма» и вынудить финские войска отойти на новые рубежи своей обороны. В конце февраля 1940 г. советские войска взяли второй оборонительный рубеж «Линии Маннергейма» и устремились к Выборгу. 4 марта 1940 г. части и соединения 7-й общевойсковой армии овладели Выборгским укрепрайоном и, перерезав шоссе Хельсинки-Выбор, окружили большую группировку финских войск.

В создавшейся ситуации, которая приобрела угрожающий для финской стороны характер, новое политическое руководство Финляндии, в частности премьер-министр М. Рюти и министр иностранных дел Ю. Паасикиви, вынуждены были отдать приказ о прекращении сопротивления и сесть за стол переговоров, которые завершились 12 марта 1940 г. подписанием Московского мирного договора. По условиям этого договора:

1) К СССР отходил весь Карельский перешеек и Выборгский район Финляндии; 2) СССР получал в долгосрочную аренду военно-морские базы на полуострове Ханко, которые имели стратегически важное значение в восточной части Балтийского моря; 3) К Финляндии отходили ряд районов в северной части Карелии (Куолаярви), которые стали территориальной компенсацией за потерю Выборга и Карельского перешейка.

По официальным данным, советская сторона потеряла в этой войне 48 475 погибшими и 158 865 ранеными и обмороженными, а потери финской стороны составили около 26 000 убитыми и около 40 000 ранеными. Хотя, вопрос о потерях обеих сторон до сих пор является предметом острой научной дискуссии и детально разбирается в работах ряда современных авторов (М. Семеряга, А. Носков, П. Аптекарь).

По мнению большинства историков, весь ход советско-финской войны оказал серьезное влияние на развитие военно-политических событий на всем европейском континенте, поскольку реально показал огромный дисбаланс военной мощи в пользу нацистской Германии. Более того, после блистательного «блицкрига» во Франции, А. Гитлер предложил военному руководству вермахта осенью 1940 г. начать войну против СССР. Однако фельдмаршал В. Кейтель и генерал-полковник А. Йодель смогли убедить фюрера отказаться от столь поспешного шага.

Итоги войны с Финляндией существенно повлияли и на советское политическое руководство, которое вынуждено было предпринять важные кадровые перемены в руководстве Наркомата обороны СССР. В мае 1940 г. решением Верховного Совета СССР новым наркомом обороны СССР был назначен маршал С.К. Тимошенко, а новым начальником Генерального штаба РККА стал генерал армии К.А. Мерецков.

9. СССР накануне войны (июнь 1940 г. – июнь 1941 г.)

В конце июня 1940 г. по взаимной договоренности между советским и румынским правительствами в состав СССР отошли территория **Бессарабии (Кишинев)** и **Северной Буковины (Черновцы)**, которые вошли в состав **Молдавской и Украинской Советских Социалистических Республик**.

В июле 1940 г. после оккупации войсками вермахта всей территории Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Франции, возникла реальная угроза распространения германского влияния на территорию Прибалтики. В этих взрывоопасных условиях советское политическое руководство предприняло целую серию решительных шагов, в результате которых в конце июля 1940 г. на территории **Литвы, Латвии и Эстонии** была провозглашена советская власть. А уже в начале августа 1940 г. **Верховный Совет СССР** принял решение о вхождении в состав СССР **Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик**.

Тем временем, в сентябре 1940 г. Германия, Италия и Япония подписали так называемый **«Берлинский пакт»** о разграничении сфер влияния в Европе и Азии. Одновременно с этим Берлин решил прозондировать почву относительно дальнейших планов советского политического руководства. С этой целью, в октябре 1940 г. германский министр иностранных дел **И. Риббентроп** передал **И.В. Сталину** послание, в котором предложил направить с официальным визитом в Берлин главу советского правительства и наркома иностранных дел СССР **В.М. Молотова** для **«согласования долгосрочных политических целей и разграничения сферы интересов в мировом масштабе»**. 22 октября Берлин получил из Москвы положительный ответ на свое предложение и 10 ноября 1940 г. советская делегация во главе с **В.М. Молотовым** прибыла в столицу нацистской Германии.

Вечером того же дня состоялась встреча **В.М. Молотова с А. Гитлером**, в ходе которой германский канцлер предложил Советскому Союзу наряду с Германией, Италией и Японией принять участие в разделе сфер влияния в мире. В частности, было заявлено, что сферой жизненных интересов Германии остается практически вся территория Западной и Центральной Европы, Италия должна сосредоточить свои усилия на Средиземноморском регионе, Япония — на Дальнем Востоке и островах Океании, а Советский Союз мог бы обратить свои взоры на южном направлении, ориентируясь на Иран, Индию, Персидский залив и другие стратегические районы этого обширного региона. Проинформировав **И.В. Сталина** о состоявшейся беседе с **А. Гитлером**, **В.М. Молотов** получил из Москвы указание не форсировать развитие событий, а более подробно прояснить вопросы, связанные с развитием обстановки на европейском континенте.

13 ноября 1940 г. в ходе новых встреч, состоявшихся с **А. Гитлером** и **И. Риббентропом**, германская сторона вновь подняла вопрос о разграничении сфер влияния в мире, однако, **В.М. Молотов** и на сей раз уклонился от прямого ответа и перевел разговор на проблемы европейской безопасности и торгово-экономических отношений между СССР и Германией. Получив заверения в «искренней дружбе и партнерстве», советская делегация покинула Берлин, так и не решив ни одного ключевого вопроса двусторонних отношений. Однако сам характер состоявшихся переговоров не оставил никаких сомнений в том, что вопрос о начале неизбежной войны между СССР и Германией является лишь вопросом времени.

Тем временем, стремясь обезопасить свои огромные дальневосточные рубежи, советское политическое руководство **весной 1941 г.** добилось подписания крайне важного договора о нейтралитете с милитаристской Японией. Оккупировав к тому времени весь Северный Индокитай, токийское правительство **Ф. Коноэ** расширило свою экспансию в южном направлении, и в силу этого обстоятельства не желало быть раньше времени втянутым в новую войну с СССР по союзническим обязательствам с Германией и Италией. Кроме того, японская военщина была крайне возмущена тем, что **Берлин в августе 1939 г.**, не согласовав свои возможные шаги в отношении СССР, нарушив «**Антикоминтерновский пакт**», пошел на заключение «**Пакта Молотова-Риббентропа**».

Именно по этим обстоятельствам **Токио** с большой охотой пошло на предложение советской стороны о подписании советско-японского пакта о нейтралитете, который был заключен **13 апреля 1941 г.** после непростых переговоров главы советского правительства и наркома иностранных дел **В.М. Молотова** с министром иностранных дел Японии **Е. Мацуокой**. Срок действия этого пакта устанавливался на пять лет со дня его ратификации с возможностью продления на такой же период, при отсутствии заявления одной из сторон о денонсации пакта за год до истечения срока его действия.

Спустя три недели после этих событий, **6 мая 1941 г.** произошло существенное укрепление позиций **И.В. Сталина** в высших эшелонах власти, поскольку на сессии **Верховного Совета СССР** он был назначен председателем **Совета Народных Комиссаров СССР**, а прежний глава советского правительства, нарком иностранных дел **В.М. Молотов** был перемещен на должность одного из его **15** заместителей.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989
Азовцев Н.Н. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1987
Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. М., 1998
Бакаев Д.А. В огне Хасана и Халхин-Гола. С., 1984
Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне. СПб., 1997
Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1986
Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. М., 1988
Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992
Боффа Д. История Советского Союза. М., 1994
Брачев В.С. Масоны и власть в России. М., 2003
Булдаков В.П. История образования СССР и критика ее фальсификаторов. М., 1982
Булдаков В.П. Военный коммунизм: идеология и общественное развитие. // ВИ., № 3 1990
Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010
Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967

- Бутаков А.Я.* Белое движение на юге России: концепция и практика государственного строительства. М., 2000
- Валентинов Н.Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991
- Васецкий Н.А.* Л. Троцкий: опыт политической биографии. М., 1992
- Ватлин А.Ю.* Коминтерн: первые десять лет. М., 1993
- Ватлин А.Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009
- Верхотуров Д.Н.* Экономическая революция Сталина. М., 2006
- Верт Н.* История Советского государства. М., 1995
- Виноградов С.В.* НЭП: опыт создания многоукладной экономики. М., 1996
- Волков С.В.* Гриф секретности снят. М., 1993
- Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: политический портрет Сталина. М., 1990
- Волкогонов Д.А.* Троцкий: политический портрет. М., 1992
- Волкогонов Д.А.* Ленин: политический портрет. М., 1994
- Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1958
- Волобуев П.В.* Выбор путей общественного развития. М., 1987
- Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. (1914 – весна 1917 г.) М., 2003
- Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993
- Галин В.В.* Интервенция и гражданская война. М., 2004
- Гимпельсон Е.* Организация советской государственной власти. Л., 1962
- Гимпельсон Е.Г.* Военный коммунизм: политика, практика, идеология. Л., 1973
- Гимпельсон Е.Г.* НЭП и советская политическая система. М., 2000.
- Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы в 1917–1920 гг. СПб., 2002
- Гимпельсон Е.Г.* Государственный аппарат России в годы революции и Гражданской войны. М., 2005
- Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. СПб., 2005
- Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие НЭП. М., 1998.
- Голанд Ю.М.* Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924 гг. М., 2006
- Горинов М.М.* НЭП: поиски путей развития. М., 1990.
- Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства: 1917–1918 гг. Л., 1987
- Громов Е.В.* Сталин: власть и искусство. М., 1998.
- Гросул В.Я.* Образование СССР (1917–1924). М., 2007
- Гусев К.В.* Крах партии левых эсеров. М., 1963
- Гусев К.В.* Октябрь и борьба за мир. М., 1968
- Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня. М., 1977
- Данилов В.П.* Кооперация двадцатых годов: опыт становления. М., 1988
- Данилов В.П.* Трагедия крестьянства: коллективизация и раскулачивание. М., 1999
- Дмитренко В.П.* Новая экономическая политика: разработка и осуществление. М., 1982
- Дмитренко В.П.* Переход к новой экономической политике. М., 1986
- Дмитренко В.П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986
- Дойчер И.* Троцкий: безоружный пророк, 1921–1929. М., 2006

- Дробижев В.З.* Социалистическое обобществление промышленности в СССР. М., 1964
- Дробижев В.З.* Главный штаб социалистической промышленности. М., 1966
- Емельянов Ю.В.* Заметки о Бухарине. М., 1989
- Емельянов Ю.В.* Сталин: путь к власти. М., 2007
- Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001
- Жуков Ю.Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003
- Жуков Ю.Н.* Сталин: тайны власти. М., 2005
- Жуков Ю.Н.* Первое поражение Сталина. 1917–1922 гг. От Российской Империи к СССР. М., 2011
- Жуков Ю.Н.* Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 гг. М., 2014
- Зеленин И.Е.* Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928–1941. М., 1998
- Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003
- Земсков В.Н.* Сталин и народ. Почему не было восстания. М., 2014
- Земсков В.Н.* Народ и война: страницы истории советского народа накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 2014
- Знаменский О.Н.* Июльский кризис 1917 г. Л., 1964
- Знаменский О.Н.* Учредительное Собрание: история созыва и политического крушения. Л., 1976
- Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997
- Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972
- Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание в начале 1930-х гг. М., 1994
- Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933). М., 2000
- Ивницкий Н.А.* Голод 1932–1933 гг. в СССР. М., 2008
- Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977
- Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983
- Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989
- Иоффе Г.З.* Февральская революция. Крушение царизма. М., 1990
- Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995
- Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата. Л., 1967
- Ирошников М.П.* Рожденное Октябрем. М., 1987
- Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М., 1989
- Кабанов В.В.* Кооперация, революция, социализм. М., 1996
- Кавтарадзе В.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. М., 1988
- Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. М., 1996
- Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т.1–2. М., 1990.
- Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. М., 2002
- Кара-Мурза С.Г.* Гражданская война 1918–1921: урок для истории XXI века. М., 2003
- Кара-Мурза С.Г.* СССР — цивилизация будущего. Инновации Сталина. М., 2011
- Кара-Мурза С.Г.* Народное хозяйство СССР. М., 2012
- Карель П.* Гитлер идет на Восток. М., 2003
- Karr Э.* История Советской России. М., 1990

- Катасонов В.Ю.* Экономика Сталина. М., 2014
- Катасонов В.Ю.* Экономическая война против России и сталинская индустриализация. М., 2014
- Катасонов В.Ю.* Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М., 2015
- Кирилина А.А.* Неизвестный Киров: мифы и реальность. М., 2002
- Кожин В.В.* Россия: век XX. М., 1999
- Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008
- Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне. М., 2009
- Конквест Р.* Сталин и убийство Кирова. Н., 1980
- Конквест Р.* Жатва скорби. М., 1988
- Конквест Р.* Большой террор. М., 1993
- Коннор Т.Э.* Григорий Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930 гг. М., 1991
- Кораблев Ю.И.* Гражданская война 1918–1920 гг.: новые подходы. М., 1989
- Корнилов В.А.* Донецко-Криворожская республика: расстрелянная мечта. Д., 2011
- Кошкин А.А.* Военные действия на реке Халхин-Гол. М., 1991
- Кошкин А.А.* Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М., 2010
- Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011
- Козн С.* Бухарин: политическая биография. М., 1988
- Кривошеенкова Е.Ф.* Гражданская война и военная интервенция М., 1989
- Кузьмин В.И.* Экономическая политика Советского государства в 1926–1937 гг. М., 1976
- Кульчицкий С.В.* Русская революция 1917 года: новый взгляд. К. 2008
- Куманев Г.А.* Проблемы военной истории Отечества (1938–1945 гг.). М., 2007
- Лельчук В.С.* Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984.
- Леонов С.А.* Советская государственность: замыслы и действительность. М., 1990
- Ли Л.* Хлеб и власть в России в 1914–1921 гг. М., 1990
- Люттов Л.Н.* Частная промышленность в годы НЭПа: 1921–1929 гг. С., 1994
- Люттов Л.Н.* Государственная промышленность в годы НЭПа: 1921–1929 гг. С., 1996
- Ляхова Р.М.* Лига Наций. 1919–1934. М., 1982
- Маккензи К.* Коминтерн и мировая революция. 1919–1943. М., 2008
- Максименков Л.В.* Сумбур вместо музыки: Сталинская культурная революция. М., 1997
- Марьямов Г.* Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992
- Мартиросян А.Б.* Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. М., 2003
- Мартиросян А.Б.* Правда о голодоморе. М., 2011
- Мартиросян А.Б.* Трагедия 22 июня: ошибка или предательство: историческое расследование. М., 2014
- Мау В.А.* Реформы и догмы: 1914–1929. М., 1993
- Медведев А.В.* Народничество и большевизм в годы Гражданской войны. НН., 1993
- Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М., 1990
- Медведев Р.А.* Они окружали Сталина. М., 1992

- Мельтюхов М.И.* Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается. М., 1995
- Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. М., 2000
- Мельтюхов М.И.* Освободительный поход Сталина. М., 2006
- Миц И.И.* История Великого Октября. М., 1967—1973
- Миц И.И.* История Великого Октября: триумфальное шествие Советской власти. М., 1969
- Миц И.И.* Год 1918-й. М., 1982
- Михутина И.В.* Польско-советская война 1919—1920 гг. М., 1994
- Морозов А.И.* Конец утопии: Из истории искусства в СССР 1930-х годов. М., 1995
- Нарочницкая Н.* Россия и русские в мировой истории 2003
- Наумов В.П.* Летопись героической борьбы. М., 1972
- Нежинский Л.Н.* Советская внешняя политика 1917—1945 гг. М., 1992
- Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им: советская международная политика в 1917—1933 гг. М., 2004
- Нежинский Л.Н.* Пути и перепутья советской международной политики в 1934—1941 гг. Тула, 2008
- Никонов В.А.* Молотов: молодость. М., 2005
- Никонов В.А.* Крушение России. 1917. М., 2011
- Орлов И.Б.* Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М., 1999
- Павлов Н.В.* Внешняя политика третьего рейха (1933—1945). М., 2012
- Павлова И.В.* Механизм сталинской власти: становление и функционирование. М., 2002
- Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997
- Павлюченков С.А.* Орден мучеников: партия и власть после революции. М., 2006
- Пайпс Р.* Агония старого режима. М., 2005
- Пайпс Р.* Большевики в борьбе за власть 1917—1918. М., 2005
- Печенкин А.А.* Военная элита СССР в 1935—1939 гг.: репрессии и обновление. М., 2003
- Печенкин А.А.* Гибель военной элиты 1937—1938 гг. М., 2011
- Платонов О.А.* Терновый венец России. М., 1996
- Плимак Е.Г.* Политическое завещание Ленина: история, сущность, выполнение. М., 1988.
- Плимак Е.Г.* Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. М., 2004
- Поликарпов В.Д.* Начальный этап гражданской войны. М., 1980
- Полторац С.Н.* Победоносное поражение. СПб., 1994
- Поляков Ю.А.* Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967
- Поляков Ю.А.* Новая экономическая политика: разработка и осуществление. М., 1982
- Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1985
- Поляков Ю.А.* Гражданская война: взгляд сквозь годы. М., 1994

- Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997
- Прудникова Е.А.* Хрущев. Творцы террора. М., 2007
- Прудникова Е.А.* Сталин. Битва за хлеб. М., 2010
- Прудникова Е.А.* Мифология голодомора. М., 2013
- Пушкарева И.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция в России. М., 1982
- Рабинович А.Е.* Большевики приходят к власти. М., 1989
- Рабинович А.Е.* Кровавые дни: июльское восстание 1917 г. в Петрограде. М., 1992
- Роголина Н.Л.* Коллективизация: уроки исторического опыта. М., 1989
- Роговин В.* А была ли альтернатива. М., 1992
- Роговин В.З.* «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992
- Роговин В.З.* Сталинский нэонэп. М., 1995
- Роговин В.З.* Партия расстрелянных. М., 1997
- Розанов Г.Л.* Германия под властью фашизма (1933–1939). М., 1964
- Розанов Г.Л.* Сталин-Гитлер в 1939–1941 гг. М., 1991
- Сафронов В.П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане, 1931–1945 гг. М., 2001
- Сахаров В.Н.* Политическое завещание В.И. Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003
- Семанов С.Н.* Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года. М., 1973
- Семиряга М.И.* Советско-финляндская война. М., 1990
- Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии. М., 1992
- Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989
- Сиполс В.Я.* О тайнах кануна Второй Мировой войны. М., 1991
- Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. М., 1997
- Сироткин В.Г.* Почему Троцкий проиграл Сталину. М., 2003
- Сироткин В.Г.* Почему «слиняла» Россия. М., 2004
- Сироткин В.Г.* Сталин. Как заставить людей работать. М., 2004
- Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985
- Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». СПб., 2002
- Соболев Г.Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009
- Старцев В.И.* Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 г. М., 1978
- Старцев В.И.* 27 февраля 1917 года. М., 1984
- Старцев В.И.* Л.Д. Троцкий: страницы политической биографии. Л., 1989
- Старцев В.И.* Февральская буржуазная революция. СПб., 1992
- Струве Г.Б.* Русская литература в изгнании. М., 1996
- Такер Р.* Сталин: путь к власти. М., 1991
- Тейлор А.П.* На пороге Второй Мировой войны. Л., 1973
- Тепцов Н.В.* Аграрная политика: на крутых поворотах 20–30-х гг. М., 1990
- Турьинская Х.М.* Музейное дело в России в 1907–1936 годы, М., 2001
- Файн Л.Е.* Становление ленинской концепции кооперации и современность. И., 1991

- Федюк В.Д.* Деникинская диктатура и ее крах. Я., 1990
- Фельштинский Ю.Г.* Большевики и эсеры. На пути к однопартийной диктатуре. П., 1985
- Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции: Брестский мир. Л., 1992
- Ферр Г.* Антисталинская подлость. М., 2007
- Фигес О.* Крестьянская Россия в Гражданской войне. М., 1989
- Фирсов Ф.И.* Ленин, Коминтерн и становление коммунистических партий. М., 1985
- Черменский Е.Д.* IV Государственная Дума и свержение царизма. М., 1976
- Чубарьян А.О.* Брестский мир 1918 г. М., 1963
- Чубарьян А.О.* Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972
- Чубарьян А.О.* Ленинские принципы советской внешней политики: история и современность. М., 1973
- Чубарьян А.О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 г. М., 2008
- Ханин Г.Н.* Динамика экономического развития СССР. Н., 1991
- Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время: Экономика СССР в конце 30-х – 1960 год. Н., 2003
- Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992
- Хлевнюк О.В.* Политбюро ЦК ВКП(б): механизмы политической власти в СССР в 30-е гг. М., 1996
- Хлевнюк О.В.* Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015
- Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России. СПб., 2002.
- Шубин А.В.* Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 1920–1930-х гг. 2004
- Шубин А.В.* Мир на краю бездны: от глобального кризиса к мировой войне. М., 2004
- Шувалов А.А.* Командный состав Красной Армии и Белого движения в годы Гражданской войны. Б., 2007
- Шагин Э.М.* Крестьянство России в период трех революций. М., 1987
- Шагин Э.М.* Очерки по истории России, ее историографии и источниковедения. М., 2013
- Щетинов Ю.А.* Сорванный заговор. М., 1978
- Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины. М., 1995
- Цветков В.Ж.* Белое движение в России: его программа и вожди. 1917–1922 гг. М., 2003
- Эврич П.* Восстание в Кронштадте. 1921. М., 2007

СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Тема: НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

План:

1. Предварительные замечания.
2. Военные планы сторон накануне войны.
 - а) План Генерального штаба РККА.
 - б) План «Барбаросса».
3. Начало Великой Отечественной войны.
4. Высшие органы власти и управления в годы войны.
 - а) Ставка Верховного Главнокомандования (Ставка ВГК).
 - б) Государственный Комитет Обороны (ГКО).
5. Приграничные сражения (22 июня – 10 июля 1941 г.).
6. Перестройка страны на военный лад.

1. Предварительные замечания

1) Любому здравому человеку известно, что **Вторая Мировая война** и **Великая Отечественная война** это суть разные вещи. Первая носила более глобальный характер, проходила на территории трех континентов и четырех океанов и в ее орбиту были втянуты 62 из 73 государств тогдашнего мира. Вторая война была составной частью **Второй Мировой войны**, как и другие, но менее масштабные войны, например, **китайско-японская война (1937–1945)** и т.д. Причем, **Великая Отечественная война** была войной между Советским Союзом и нацистской Германией и ее военными сателлитами, в частности Италией, Венгрией, Румынией, Словакией и Финляндией.

2) Относительно датировки **Великой Отечественной войны** никаких вопросов никогда ни у кого не возникало, поскольку во всей мировой историографии ее начало датируют **22 июня 1941 г.**, то есть с момента нападения нацистской Германии на Советский Союз, а ее завершение — **8–9 мая 1945 г.**, то есть датой подписания капитуляции Вооруженных Сил нацистской Германии, которую от имени Советского Союза в берлинском пригороде **Карлхорсте** принял заместитель Верховного Главнокомандующего маршал **Г.К. Жуков**.

3) Что касается хронологических рамок **Второй Мировой войны**, то тут не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что существующая версия начала **Второй Мировой войны** — **1 сентября 1939 г.**, рожденная исключительно на Западе, была слишком легко и непродуманно воспринята послевоенной советской, а затем и в современной российской историографией, хотя еще в «**Кратком курсе**

истории ВКП(б)», изданном в 1938 г., прямо говорилось о том, что **Вторая Мировая война** уже стала реальностью. Между тем в азиатской историографии начало **Второй Мировой войны** традиционно датируют **15 июля 1937 г.**, то есть началом широкомащштабной военной агрессии Японии против суверенного Китая и началом **китайско-японской войны (1937–1945)**. Кстати, в этом есть своя неумолимая логика, поскольку во всем мире день окончания **Второй Мировой войны** связывают не с капитуляцией Германии **8–9 мая 1945 г.**, а именно с капитуляцией Японии **2 сентября 1945 г.**

4) Англосаксонская версия начала **Второй Мировой войны** с самого начала носила сугубо политический характер, ибо в противном случае ведущим странам западной «демократии», которые сразу после начала «холодной войны» стали обвинять СССР в равновеликой, наряду с гитлеровской Германией, ответственности за развязывание **Второй Мировой войны**, пришлось ответить на целый ряд крайне неудобных вопросов. Например, почему Англия, Франция, Италия и Польша столь легко дали проглотить **А. Гитлеру** маленькую Австрию, проведя ее военный аншлюс в **марте 1938 г.**, что шло в прямое противоречие со всеми нормами тогдашнего международного права и всей системой **Версальских соглашений**? Почему при прямом подстрекательстве западных «демократий» и при непосредственном участии английского и французского премьер-министров **Н. Чемберлена** и **Э. Даладь** в **сентябре 1938 г.** был подписан преступный **Мюнхенский сговор** о расчленении Чехословакии, в котором приняла участие и соседняя Польша? Почему в **марте 1939 г.** при прямом попустительстве **Лондона** и **Парижа** произошел полный военный аншлюс остатков Чешской республики, которая была включена в состав Третьего рейха, а Литва передала **Берлину Мемельскую область (Клайпеда)**? И таких «почему» еще «целый вагон и маленькая тележка»...

5) Советский Союз уже устали обвинять в подписании «преступного» **Пакта «Риббентропа-Молотова»**, но при этом, почему-то забывают три совершенно очевидных вещи: **а)** так называемые **«Секретные протоколы»** к этому пакту никто никогда так и не предъявил и все ссылаются на мифические микрофильмы, снятые сотрудником канцелярии германского МИДа **К. Лешем**; **б)** почему, говоря о советско-германском **Пакте «О ненападении»**, заключенном **23 августа 1939 г.**, все как-то забывают заявить о том, что аналогичный пакты **«О ненападении»** с нацистской Германией тогда же, в **июне 1939 г.**, с тем же **И. Риббентропом** подписали министры иностранных дел Эстонии и Латвии **К. Сельтер** и **В. Мунтерс**. А если это так, а против фактов не поспоришь, то почему же никто до сих пор не обвинил эти Прибалтийские республики в равновеликой ответственности за развязывание **Второй Мировой войны**?

6) Наконец, всем хорошо известно, что **И.В. Сталин** пошел на подписание **Пакта «Риббентропа-Молотова»** только после того, как полным крахом закончились советско-англо-французские (московские) переговоры о создании системы коллективной безопасности в Европе и заключении «большого» военного договора, которые были сорваны именно по вине представителей лондонского и парижского военных ведомств — адмирала **Р. Дракса** и генерала **Ж. Думенка**. Тогда как план начала войны против Польши, — план **«Вайс»**, **А. Гитлер** подписал уже в **апреле 1939 г.** и начал бы эту войну вне зависимости от того, был бы им подписан августовский пакт с **Москвой** или нет...

В отечественной исторической науке в рамках **Великой Отечественной войны** традиционно выделяют **три основных этапа**:

- а) 22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г. — оборонительный этап войны;
- б) 19 ноября 1942 г. — 31 декабря 1943 г. — коренной перелом в войне;
- в) 1 января 1944 г. — 9 мая 1945 г. — завершающий этап войны;

Однако при этом целый ряд авторов (**О. Ржешевский**) полагают, что война СССР с милитаристской Японией так же являлась составной частью **Великой Отечественной войны**, поэтому ее завершение следует датировать не 9 мая, а 2 сентября 1945 г., как и завершение всей **Второй Мировой войны**.

2. Военные планы сторон накануне войны

а) План Генерального штаба РККА

С середины 1930-х гг. в Генеральном штабе РККА уже сложилась практика составления двух планов на случай возникновения большой европейской или мировой войны: 1) **Мобилизационного плана**, который предусматривал проведения всех необходимых мероприятий, связанных с мобилизацией, снабжением и транспортировкой войск, переводом промышленных предприятий на военные рельсы и т.д., и 2) **Плана стратегического развертывания войск**, в котором подробно излагались все вопросы, связанные с формированием армейских группировок, фронтов, взаимодействием различных родов войск и т.д.

В октябре 1939 г., после установления новых западных границ СССР, по указанию **И.В. Сталина** руководство Генерального штаба РККА приступило к составлению нового стратегического плана развертывания войск. В июле 1940 г. рабочая группа под руководством начальника Генерального штаба маршала **Б.М. Шапошникова** и его первого заместителя, начальника Главного Оперативного управления Генштаба генерал-лейтенанта **Н.Ф. Ватутина** представила на утверждение Политбюро ЦК новый стратегический план. Однако в ходе его обсуждения **И.В. Сталин**, не согласившись с тем, что главным театром военных действий в предстоящей войне станет западное стратегическое направление, потребовал от руководства Генштаба срочно переработать стратегический план, с учетом того обстоятельства, что главным театром предстоящей советско-германской войны станет юго-западное стратегическое направление.

Весной 1941 г. Генеральный штаб РККА, который к тому времени уже возглавил генерал армии **Г.К. Жуков**, разработал новый «**План обороны государственной границы**», который 15 мая 1941 г. был утвержден **И. Сталиным**. Этот план предусматривал, что в случае германской агрессии войска пяти приграничных военных округов не только стремительно отобьют мощный натиск врага, но, перейдя в решительное наступление, войдут на территорию Германии и Румынии и займут те рубежи, которые были определены Генштабом.

Надо сказать, что существование этого плана, разработка и наличие которого являлся традиционной практикой для всех Генеральных штабов, подвигла беглого предателя **В.Б. Резуна (Суворова)** к созданию ряда гнусных псевдоисторических подделок типа «**Ледокол**» и «**День М**», в которых он всячески пытался доказать, что:

1) На 6 июля 1941 г. коварный палач и убийца **И.В. Сталин** планировал нанести мощный удар по миролюбивой Германии, военный разгром которой должен был послужить началом мировой пролетарской революции;

2) **Нападение нацистской Германии на СССР было вынужденным актом, своеобразным превентивным ударом, который сорвал этот гнусный и коварный замысел сталинской преступной группировки.**

К большому сожалению, вирус подобного рода псевдоисторических подделок оказался столь востребованным, что в последнее время появились работы целой своры авторов, в частности господ **Г.Х. Попова («Три войны Сталина» 2008)** и **М.С. Солонина («22 июня, или когда началась Великая Отечественная война?» 2007 и «Новая хронология катастрофы» 2011)**, которые в своих опусах пытаются превзойти даже это лжеца и доказать, что **И.В. Сталин** планировал нанести удар по фашистской Германии **23 июня 1941 г.**, но прозорливый **Адольф Гитлер** опередил его на целые сутки и нанес превентивный удар первым. Увы, не избежали аналогичного соблазна попиариться на этой теме и ряд вполне приличных авторов, в частности профессор **М.И. Мельтюков**, который в одной из ранних своих работ **«Упущенный шанс Сталина» (2000)**, внешне полемизируя с **В.Б. Резуном**, выдвинул, по сути, аналогичную версию, согласно которой в **1941 г.** и Германия, и Советский Союз, не зная о планах друг друга, готовили нападение на противную сторону: «первоначально вермахт готовил вторжение на **16 мая**, а Красная Армия — на **12 июня 1941 г.** Однако затем Берлин отложил нападение, перенес его на **22 июня**, месяц спустя то же сделала и Москва, определив новый ориентировочный срок — **15 июля 1941 г.** Как ныне известно, обе стороны в своих расчетах исходили из того, что война начнется по их собственной инициативе».

Мы не стали бы уделять этому откровенному бреду и толики нашего внимания, если бы воззрения этих господ остались только в их больном воображении. Однако следует признать, что масштабы этой эпидемии приобрели столь чудовишные размеры, что, увы, стали достоянием широкого общественного мнения. Чтобы более не утруждать ни вас, ни себя опровержением абсолютно лживых и надуманных «аргументов» и «фактов», скажем только о том, что в современной российской историографии появилась целая серия добротных исторических работ (**Г. Городецкий, М. Гареев, Ю. Горьков, А. Исаев**), которые убедительно опровергают все басни и домыслы этих авторов.

По уточненным данным советских и российских историков (**В. Анфилов, Ю. Горьков, А. Исаев**), накануне войны на западной границе СССР находилось **88 стрелковых, 36 танковых, 18 моторизованных и 7 кавалерийских дивизий**, которые располагались следующим образом:

Прибалтийский Военный округ (командующий генерал-полковник **Ф.И. Кузнецов**) насчитывал **19 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованных дивизий**;

Западный Особый Военный округ (командующий генерал армии **Д.Г. Павлов**) насчитывал **24 стрелковых, 12 танковых, 6 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий**;

Киевский Особый Военный округ (командующий генерал-полковник **М.П. Кирпонос**) насчитывал **32 стрелковых, 16 танковых, 8 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий**;

Одесский Военный округ (командующий генерал-полковник **Я.Т. Черевиченко**) насчитывал **13 стрелковых, 4 танковых, 2 моторизованных и 3 кавалерийских дивизий**.

Общая численность советских войск, расположенных на западной границе СССР составляла около **3 млн солдат и офицеров, 38 тысяч орудий и минометов, 10 тысяч танков и 7,5 тысяч самолетов**. Хотя ряд современных авторов, в частно-

сти тот же **М.И. Мельтюхов**, усиленно стараясь доказать огромное превосходство советских вооруженных сил над вермахтом именно на западной границе СССР, дает явно завышенные цифры, которые не признаются большинством его коллег как достоверные — почти **3,3 млн** солдат и офицеров, более **59,7 тысяч** орудий и минометов, почти **15,7 тысяч** танков и более **10,7 тысяч** самолетов.

Как бы то ни было, но столь внушительные силы, стянутые к западной границе СССР, не смогли решить главной стратегической задачи: остановить противника в приграничных боях. Причин столь плачевного развития ситуации на фронте в первые месяцы войны было огромное множество, в том числе и предательство со стороны части советского генералитета, но обращает на себя внимание и тот факт, что само руководство **Наркомата обороны СССР**, в том числе маршал **С.К. Тимошенко** и генерал армии **Г.К. Жуков**, так и не решили нескольких ключевых задач, о чем позднее сами писали в своих мемуарах. В частности, речь идет о том, что: **1)** стратегическое развертывание войск накануне войны проводилось в неоправданной спешке и без приведения войск прикрытия в надлежащую боевую готовность; **2)** согласно «**Плану обороны государственной границы**» для войск второго и третьего оперативных эшелонов не предусматривалось оборудование оборонительных рубежей.

б) План «Барбаросса»

В июле 1940 г. начальник Генерального штаба сухопутных сил вермахта (ОКХ) генерал-полковник **Ф. Гальдер** по указанию главкома сухопутных сил фельдмаршала **В. Браухича** приступил к разработке плана военного вторжения в СССР, который получил кодовое название **план «Барбаросса»**. Для реализации поставленной задачи по поручению **Ф. Гальдера** в **Оперативном Управлении Генштаба** были созданы две рабочих группы под руководством генерал-лейтенанта **А. Йоделя** и генерал-майора **Э. Маркса**, которые должны были представить свои предложения по данному вопросу в течение ближайшего месяца.

Члены рабочей группы генерала **А. Йоделя** в своем варианте **плана «Барбаросса»** предложили сосредоточить основные силы вермахта на западном стратегическом направлении и нанести главный удар по линии **Брест — Смоленск — Москва**. Члены рабочей группы генерала **Э. Маркса**, напротив, предложили сосредоточить основные силы вермахта на юго-западном стратегическом направлении и именно здесь, на линии **Львов — Житомир — Киев**, нанести главный удар по противнику. После изучения представленных вариантов, **А. Гитлер**, **В. Браухич** и **Ф. Гальдер** остановили свой выбор на варианте рабочей группы **А. Йоделя** и поручили окончательную доработку этого плана заместителю начальника Генерального штаба генерал-полковнику **Ф. Паулюсу**. **18 декабря 1940 г.**, после изучения представленных документов, **А. Гитлер** подписал окончательный вариант **плана «Барбаросса»** (**Директива Верховного главнокомандующего вермахта (ОКВ) № 21**), в соответствии с которым:

1) Группа армий «Север» в составе **9-й, 16-й и 18-й полевых армий** (**29 пехотных дивизий**), **3-й и 4-й танковых групп** (**800 танков** и самоходных орудий) и **1-го воздушного флота** (**1070 самолетов**) под общим командованием фельдмаршала **В. Лееба** наносила главный удар в направлении **Даугавпилс — Псков — Ленинград**.

2) Группа армий «Центр» в составе **4-й, 6-й и 17-й полевых армий** (**50 пехотных дивизий**), **1-й и 2-й танковых групп** (**950 танков** и самоходных орудий) и **2-го воз-**

душного флота (1670 самолетов) под общим командованием фельдмаршала **Ф. Бока** наносила главный удар в направлении **Брест — Смоленск — Москва**.

3) **Группа армий «Юг»** в составе **3-й, 5-й и 11-й полевых армий (57 пехотных дивизий)** и **4-го воздушного флота (1300 самолетов)** под общим командованием фельдмаршала **Г. Рундштедта** наносила главный удар в направлении **Львов — Житомир — Киев**.

При этом надо отметить, что разработчики плана «**Барбаросса**», руководствуясь доктриной «**блицкрига**» или «**молниеносной войны**», отводили на его реализацию три, максимум четыре месяца, то есть до **конца осени**, что было четко отражено в новой **Директиве ОКВ № 32**, подписанной **А. Гитлером 11 июня 1941 г.**, ибо в противном случае рушилась вся конструкция завоевания мирового господства **Третьим Рейхом**. Первоначально начало реализации плана «**Барбаросса**» планировалась на **май 1941 г.**, однако затем она была перенесена на **июнь 1941 г.**

Советские разведорганы по разным каналам, в том числе по линии **НКВД СССР (В.Г. Деканозов)**, **НКГБ СССР (В.Н. Меркулов)** и **ГРУ Генштаба РККА (Ф.И. Голиков)**, постоянно докладывали **И.В. Сталину** довольно большую, но крайне противоречивую информацию о возможной дате нападения Германии на СССР, где фигурировало и **22 июня 1941 г.** На основании этого факта, целый ряд записных антисталинистов (**А. Некрич, М. Семиряга, В. Розанов, С. Мироненко**) стали активно разыгрывать карту личной ответственности преступника **И.В. Сталина** за непринятие должных мер по обороне страны. Однако совершенно очевидно, что: **1) 22 июня** было лишь одной из многочисленных дат возможного начала войны, о которых постоянно информировали **И.В. Сталина** разные разведорганы; **2) причины катастрофы 1941 г.** носили куда более глубокий характер, нежели неспособность **И.В. Сталина** сыграть в «**дурацкую угадку**».

3. Начало Великой Отечественной войны

Поздним вечером **21 июня 1941 г.** нарком обороны СССР маршал **С.К. Тимошенко** и начальник Генерального штаба РККА генерал армии **Г.К. Жуков**, получив достоверные сведения о том, что в ночь на **22 июня 1941 г.** германские войска перейдут государственную границу СССР, прибыли для встречи со **И.В. Сталиным** в Кремль. После долгих уговоров им удалось убедить **И.В. Сталина** отправить в приграничные военные округа **Директиву № 1** о приведении всех частей в повышенную боевую готовность. Однако эта мера явно запоздала, поскольку уже через два часа германская авиация нанесла первые бомбовые удары по многим советским городам и военным объектам, а полевые части вермахта перешли государственную границу СССР по всему фронту.

Около **6 часов утра 22 июня 1941 г.** во время аудиенции с наркомом иностранных дел СССР **В.М. Молотовым** германский посол граф **Ф. Шуленбург** официально известил советское руководство о разрыве дипотношений и начале войны между Советским Союзом и Германией. Сразу после получения этого известия от прибывшего в Кремль наркома **В.М. Молотова**, на заседании Политбюро ЦК председатель Президиума Верховного Совета СССР **М.И. Калинин** подписал Указы Президиума Верховного Совета СССР «**О проведении мобилизации**» и «**Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения**», в соответствии с которым:

1) В 14 военных округах — Ленинградском, Прибалтийском, Западном, Киевском, Одесском, Харьковском, Орловском, Московском, Архангельском, Приволжском, Северо-Кавказском, Закавказском, Уральском и Сибирском объявлялась всеобщая мобилизация военнообязанных граждан 1905—1918 годов рождения;

2) На европейской части страны — в Украинской, Белорусской, Молдавской, Карело-Финской, Литовской, Латвийской и Эстонской союзных республиках, в 17-ти областях РСФСР, а также в Москве и Ленинграде вводилось военное положение.

Тогда же решением СНК СССР приграничные военные округа были преобразованы во фронты: Ленинградский Военный округ — в Северный фронт (генерал-лейтенант М.М. Попов); Прибалтийский Особый Военный округ — в Северо-Западный фронт (генерал-полковник Ф.И. Кузнецов); Западный Особый Военный округ — в Западный фронт (генерал армии Д.Г. Павлов); Киевский Особый Военный округ — в Юго-Западный фронт (генерал-полковник М.П. Кирпонос); Одесский Военный округ — в Южный фронт (генерал армии И.В. Тюленев). Кроме того, в полную боевую готовность были приведены все части и соединения Северного (контр-адмирал А.Г. Головкин), Балтийского (вице-адмирал В.Ф. Трибуц) и Черноморского (вице-адмирал Ф.С. Октябрьский) флотов.

В полдень 22 июня 1941 г. по поручению Политбюро ЦК по всесоюзному радио выступил заместитель председателя СНК СССР и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, который, объявив советскому народу о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз и начале Великой Отечественной войны, закончил свое выступление знаменитыми словами, ставшими девизом всей войны — «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

4. Высшие органы власти и управления в годы войны

а) Ставка Верховного Главнокомандования (Ставка ВГК)

23 июня 1941 г. по решению Политбюро ЦК для руководства и координации боевых действий на фронтах войны была создана Ставка Главного командования, в состав которой вошли председатель Ставки — нарком обороны СССР маршал С.К. Тимошенко и члены Ставки — председатель СНК СССР и секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин, заместитель председателя СНК СССР и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, нарком военно-морского флота СССР адмирал Н.Г. Кузнецов, начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков, заместитель председателя СНК СССР маршал К.Е. Ворошилов и первый заместитель наркома обороны СССР маршал С.М. Буденный.

Тем же решением при Ставке был создан институт постоянных советников в составе заместителей наркома обороны СССР маршала Б.М. Шапошникова, маршала Г.И. Кулика и генерала армии К.А. Мерецкова, первого заместителя начальника Генштаба РККА генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина, начальника Главного Управления ВВС генерал-полковника авиации П.Ф. Жигарева, начальника Главного управления ПВО генерал-полковника артиллерии Н.Н. Воронова, начальника Главного Политического Управления РККА генерал-полковника Л.З. Мехлиса, а также членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Л.П. Берия, Н.А. Вознесенского, А.А. Жданова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова и А.И. Микояна.

В результате принятых решений Ставка превратилась в громоздкий орган, в составе которого почти половина его членов были сугубо штатскими людьми — **И.В. Сталин**, **В.М. Молотов**, **Л.П. Берия**, **Н.А. Вознесенский**, **А.А. Жданов**, **Л.М. Каганович**, **Г.М. Маленков** и **А.И. Микоян**, не обладавших первоначально элементарными познаниями ни в военной стратегии, ни в оперативном искусстве. Кроме того, при сложившейся тогда системе высшей власти, нарком обороны СССР **С.К. Тимошенко** не имел права принимать окончательных решений, и вынужден был постоянно согласовывать любые вопросы со **И.В. Сталиным**. Именно в виду этого обстоятельства возникла острейшая необходимость реорганизации высшего военного органа страны.

10 июля 1941 г. решением СНК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) была образована Ставка Верховного Главнокомандования, председателем которой был назначен **И.В. Сталин**, адмирал **Н.Г. Кузнецов** был выведен из состава Ставки и ее новым членом стал маршал **Б.М. Шапошников**. Кроме того, этим же решением был упразднен институт постоянных советников, который в первые дни войны показал свою полную бесполезность.

19 июля 1941 г. **И.В. Сталин** был утвержден народным комиссаром обороны СССР, а **8 августа** стал Верховным Главнокомандующим Вооруженными силами СССР, сконцентрировав, таким образом, в своих руках всю высшую военную и государственную власть в стране. В августе 1942 г. личным решением **И.В. Сталина** была учреждена должность единственного заместителя Верховного Главнокомандующего, которую до конца войны занимал **Г.К. Жуков**. Тем же решением **И.В. Сталина** его первыми заместителями по Наркомату обороны СССР были назначены генералы армии **Г.К. Жуков** и **А.М. Василевский**.

В разные периоды войны персональный состав Ставки ВГК постоянно видоизменялся. В частности, членами Ставки ВГК были все начальники Генштаба, занимавшие поочередно эту должность в годы войны — маршал **Б.М. Шапошников (1941–1942)**, маршал **А.В. Василевский (1942–1945)** и генерал армии **А.И. Антонов (1945)**, заместитель наркома обороны по общим вопросам генерал армии **Н.А. Булганин (1944–1945)** и нарком военно-морского флота СССР адмирал флота **Н.Г. Кузнецов (1945)** и т.д.

Кроме того, в феврале 1942 г. был создан институт представителей Ставки ВГК, которые постоянно выезжали на фронты для координации их действий в период проведения крупных наступательных операций. В разный период обязанности представителей Ставки ВГК на многих фронтах выполняли маршалы **Г.К. Жуков**, **А.М. Василевский**, **К.Е. Ворошилов**, **С.К. Тимошенко**, главный маршал артиллерии **Н.Н. Воронов**, генерал армии **А.И. Антонов**, генерал-полковник **С.М. Штеменко** и другие полководцы. Надо также подчеркнуть, что собственный оперативно-технический аппарат у Ставки отсутствовал и его функции выполнял многоопытный аппарат Генерального штаба РККА.

б) Государственный Комитет Обороны (ГКО)

Надо сказать, что в настоящее время существует две версии предьстории возникновения Государственного Комитета Обороны. По одной версии (**Д. Волкогонов**, **А. Авторханов**, **А. Улам**, **Р. Такер**, **Д. Люис**, **Ф. Вайтхед**), основанной исключительно на лживых мемуарах двух сталинских соратников — **Н.С. Хрущева** и **А.И. Микояна**, предавших умершего вождя, на следующий день после начала войны **И.В. Сталин**

впал в глубокую депрессию и даже панику, и в течение **целой недели**, затворившись на своей «**Ближней даче**» в **Кунцево**, не выезжал на работу в **Кремль** и не принимал никого из членов высшего партийного, государственного и военного руководства страны. По другой, гораздо более правдоподобной версии (**А. Печенкин, Ю. Горьков, Ю. Жуков, Р. Медведев**), основанной на документах, в том числе «**Журнале посещений кабинета И.В. Сталина в Кремле**», вождь впал в кратковременную «депрессию» только **29 июня 1941 г.** после посещения им **Наркомата обороны СССР** и **Генштаба РККА**, в ходе которого у него возник острый конфликт с высшим военным руководством страны — **Г.К. Жуковым** и **С.К. Тимошенко** из-за потери **Минска**. В этой ситуации утром **30 июня 1941 г.** на совещании в **Кремле** **В.М. Молотов, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов** и **Г.М. Маленков**, обсудив сложившееся положение на фронте и в тылу, пришли к выводу о необходимости срочного создания чрезвычайного органа управления с неограниченными полномочиями под руководством **И.В. Сталина**. И уже вечером **30 июня 1941 г.**, после встречи **И.В. Сталина** с членами «узкого руководства» — **В.М. Молотовым, Л.П. Берия** и **Г.М. Маленковым**, он вышел из «депрессии» и дал согласие на создание нового (внеконституционного) органа власти — **Государственного Комитета Обороны (ГКО)**. В постановлении о создании ГКО, автором которого был **Г.М. Маленков**, прямо говорилось, что именно этот государственный орган берет в свои руки всю полноту государственной власти в стране и «**все партийные, советские, хозяйственные и военные органы обязаны беспрекословно выполнять любые решения и распоряжения ГКО**».

Надо подчеркнуть, что работа ГКО не была регламентирована какими-либо документами, более того, не существовало даже положений о структуре ГКО и порядке его работы. Комитет собирался крайне нерегулярно и практически всегда не в полном составе, а целый ряд принципиальных вопросов решался либо путем опросов его членов, либо лично **И.В. Сталиным**. Заседаний ГКО в привычном формате, т.е. с конкретной повесткой дня, секретарями и протоколами, никогда не проходило, а процедура принятия любых решений и согласований спорных вопросов была предельно упрощена. Не обладая собственным техническим аппаратом, ГКО руководил страной через аппараты **ЦК ВКП(б)** и **СНК СССР**, а также местные партийные и советские органы. Рабочими органами и исполнителями решений ГКО были **Наркоматы Обороны, Военно-Морского флота, Внутренних дел СССР** и их главные управления, а так же **Генштаб РККА**. За годы войны ГКО принял около **10 тысяч** постановлений, руководил деятельностью всех государственных ведомств и учреждений, от которых зависели весь ход и сам исход войны. Поэтому именно под руководством ГКО **Ставка ВГК** спланировала более **50** стратегических и **250** фронтовых операций.

Первоначально в состав ГКО вошли всего пять членов высшего руководства страны: председатель **СНК СССР** и секретарь **ЦК ВКП(б)** **И.В. Сталин** (председатель ГКО), заместитель председателя **СНК СССР** и нарком иностранных дел **В.М. Молотов** (заместитель председателя ГКО), заместитель председателя **СНК СССР** маршал **К.Е. Ворошилов**, нарком внутренних дел СССР генеральный комиссар госбезопасности **Л.П. Берия** и секретарь **ЦК ВКП(б)** **Г.М. Маленков**. В начале июля 1941 г. был создан институт уполномоченных ГКО, в состав которого вошли **А.А. Андреев, Н.А. Вознесенский, Л.М. Каганович, Л.З. Мехлис, А.И. Микоян, А.Н. Косыгин, А.В. Хрулев, А.С. Щербаков** и другие представители высшего государственного и военного руководства страны.

Затем, в **феврале 1942 г.**, в состав ГКО вошли три заместителя председателя СНК СССР — **Н.А. Вознесенский**, **Л.М. Каганович** и **А.И. Микоян**, а в **ноябре 1944 г.**, вместо маршала **К.Е. Ворошилова**, членом ГКО стал заместитель наркома обороны по общим вопросам генерал армии **Н.А. Булганин**.

Тогда же, в **феврале 1942 г.** для каждого члена ГКО был определен конкретный участок работы. В частности, **В.М. Молотов** стал курировать наркомат танковой промышленности (нарком **В.А. Малышев**), **Г.М. Маленков** — наркомат авиационной промышленности (нарком **А.И. Шахурин**), **Л.П. Берия** — наркоматы боеприпасов (нарком **Б.Л. Ванников**) и вооружений (нарком **Д.Ф. Устинов**), **Н.А. Вознесенский** — наркоматы угольной (нарком **В.В. Вахрушев**), нефтяной (нарком **И.К. Седин**) и металлургической (нарком **И.Ф. Тевосян**) промышленности и т.д.

В **декабре 1942 г.** было создано **Оперативное бюро ГКО** в составе **В.М. Молотова**, **Л.П. Берия**, **Г.М. Маленкова** и **А.И. Микояна**, в компетенцию которого входило руководство и контроль за работой всех наркоматов оборонной и тяжелой промышленности, а также подготовка проектов решений по данным вопросам. В **мае 1944 г.** вторым заместителем **И.В. Сталина** по ГКО был назначен нарком внутренних дел СССР **Л.П. Берия**, позиции которого заметно укрепились в связи с тем, что именно он стал курировать так называемый «**атомный проект**». Кроме того, в **мае 1944 г.** **Л.П. Берия** был утвержден председателем **Оперативного бюро ГКО**, в состав которого вместо **В.М. Молотова** были введены два заместителя председателя СНК СССР — председатель Госплана СССР **Н.А. Вознесенский** и маршал **К.Е. Ворошилов**.

Поскольку одни и те же лица являлись одновременно и членами **Политбюро ЦК**, и членами **ГКО**, **СНК** и **Ставки**, трудно было провести грань между этими властными структурами. В зависимости от характера обсуждаемых вопросов **И.В. Сталин** давал указание оформить решения по тем или иным вопросам либо как директиву **Ставки ВГК**, либо как постановления **ЦК ВКП(б)**, **СНК СССР** или **ГКО**. Надо сказать, что ряд современных историков (**Ю. Жуков**) расценивают создание ГКО как своеобразный «**государственный переворот**», в ходе которого от реальных рычагов власти был отстранен прежний правящий «**триумvirат**» в составе **И.В. Сталина**, **А.А. Жданова** и **Н.А. Вознесенского** и вся полнота власти в начале войны перешла к новому «**триумvirату**» в составе **В.М. Молотова**, **Л.П. Берия** и **Г.М. Маленкова**. И хотя эта версия вызывает сомнения у многих современных историков, следует признать, что она имеет право на существование, поскольку основана на детальном анализе большого количества засекреченных ранее архивных документов.

5. Приграничные сражения (22 июня – 10 июля 1941 г.)

Надо сказать, что в сталинской историографии (**П. Жилин**) катастрофическое отступление Красной армии летом 1941 г. пытались оправдать реализацией особого стратегического плана обороны, главной целью которого был измотать противника в пограничных боях, заманить его вглубь советской территории, а затем, собравшись с силами, нанести ему сокрушительный победный удар. Безусловно, такая историческая аналогия с **Отечественной войной 1812 г.** являлась беспардонным вымыслом, поскольку никакого плана стратегической обороны войск попросту не существовало, а советская военная доктрина, принятая в 1935 г., целиком базировалась на известном принципе: «**Красная армия будет бить врага малой кровью на его территории**».

Реальная обстановка на фронтах в первые дни войны оказалась катастрофической. Самая опасная ситуация сложилась на западном стратегическом направлении, где высшее военное руководство **Западным фронтом** (командующий генерал армии **Д.Г. Павлов**, начальник штаба генерал-майор **В.Е. Климовских**), полностью утратило контроль за вверенными им войсками и совершенно не владело объективной информацией о положении дел на их участке фронта. Столь плачевную ситуацию не смогло изменить и прибытие на фронт в качестве представителей **Ставки ВГК** маршалов **Б.М. Шапошников** и **Г.И. Кулика**.

Тем временем противник силами **4-й** полевой армии фельдмаршала **Г. Клюге** и **9-й** полевой армии генерал-полковника **А. Штрауса** окружил западнее **Минска** войска **3-й** и **10-й** армий генералов **В.И. Кузнецова** и **К.Д. Голубева**, а **4-ю** армию генерала **А.А. Коробкова** вынудил спешно отойти из района **Бреста** в район **Припяти**. Таким образом, на центральном участке **Западного фронта** образовалась огромная брешь, в которую устремились танковые части вермахта. Уже вечером **28 июня**, не встречая серьезного сопротивления со стороны советских войск, противник занял столицу Советской Белоруссии город **Минск**.

В создавшейся обстановке **Ставка** приказала срочно отвести все боеспособные части к **Западной Двине** и создать на линии **Даугавпилс — Полоцк — Витебск — Орша—Могилев** новую линию обороны. Однако эта директива **Ставки** так же оказалась невыполнима, поскольку уже **29 июня** передовые части **3-й** танковой группы генерал-полковника **Г. Гота** форсировали **Западную Двину** и, прорвав оборону **22-й** армии генерал-лейтенанта **Ф.А. Ершакова**, захватили **Даугавпилс**.

30 июня 1941 г. генерал армии **Д.Г. Павлов** был отстранен от командования **Западным фронтом** и вызван в **Москву**, где **16 июля 1941 г.** по приговору военного трибунала вместе с семью другими подчиненными ему генералами (**В.Е. Климовских**, **А.А. Коробков**, **А.Т. Григорьев**), обвиненными в сознательном развале фронта, был расстрелян. Новым командующим **Западным фронтом** был назначен маршал **С.К. Тимошенко**, которому **И.В. Сталин** приказал в кратчайшие сроки создать новую линию обороны на самом опасном смоленском направлении.

Более благоприятная ситуация в первые дни войны сложилась на **Юго-Западном фронте** (командующий генерал-полковник **М.П. Кирпонос**, начальник штаба генерал-лейтенант **М.А. Пуркаев**), куда в качестве представителя **Ставки** прибыл начальник **Генерального штаба** генерал армии **Г.К. Жуков**. Под его непосредственным руководством штабными работниками фронта (полковник **И.Х. Баграмян**) был разработан план контрудара по войскам **6-й** полевой армии фельдмаршала **В. Рейхенау** и **1-й** танковой группе генерал-полковника **Э. Клейста**, которые, прорвав **Рава-Русскую** и **Перемышльскую** линии обороны, вышли на оперативный простор и устремились в направлении **Ровно — Житомир — Киев**.

26 июня в районе **Дубно — Луцк — Владимир-Волынский** части четырех мехкорпусов **5-й** и **6-й** общевойсковых армий генералов **М.И. Потапова** и **И.Н. Музыченко**, нанесли ряд мощных фланговых ударов по передовым частям противника, в результате которых фельдмаршал **Г. Рундшгедт** не только ввел в бой новые резервы, но и вынужден был остановить дальнейшее продвижение к **Киеву**. Тем не менее, **30 июня** по приказу **Ставки** войска **Юго-Западного фронта** начали планомерный отход на вторую линию укрепрайонов, расположенных на старой государственной границе СССР. А **10 июля 1941 г.** для координации действия фронтов **ГКО** принял

решение об организации **Главных командований войск Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений**, главкомы которых стали маршалы **К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко и С.М. Буденный**. Между тем, ситуация на фронте продолжала стремительно ухудшаться. Советские войска несли колоссальные потери в живой силе и технике. Только за первые две недели боев в плену у противника оказалось свыше одного миллиона советских солдат и офицеров.

Надо сказать, что в зарубежной и российской историографии до сих пор не прекращается спор о том, что же стало причиной столь катастрофического развития событий на фронте в первые дни и недели войны. Объяснений этому феномену было достаточно много, в том числе совершенно фантастические построения **А.М. Мартirosяна** о тотальном засилье в руководстве **Наркомата обороны СССР** откровенных предателей, среди которых были даже маршал **С.К. Тимошенко** и генерал армии **Г.К. Жуков**, но все они, на наш взгляд, не вполне отвечают на поставленный вопрос. Хотя, сам маршал **Г.К. Жуков** в своих знаменитых мемуарах **«Воспоминания и размышления» (1969)** откровенно писал, что «трактовка внезапности как трактуют ее сейчас, и как ее трактовал **И.В. Сталин**, не совсем объективна, поскольку «внезапный переход границы сам по себе еще ничего не решал. Главная опасность внезапности состояла в том, что на решающих направлениях противник имел шести-восми кратное превосходство сил и средств. Внезапным оказался масштаб сосредоточения войск противника и сила их ударов. Это и есть главное, что предопределило наши потери первого периода войны».

6. Перестройка страны на военный лад

30 июня 1941 г. ГКО и СНК СССР утвердил общий мобилизационный народно-хозяйственный план, который предусматривал перестройку экономики страны на военный лад в кратчайшие сроки, а уже в **августе 1941 г.** был принят первый военно-хозяйственный план на последний квартал **1941 г.** и на весь **1942 г.** в восточных районах СССР, в частности в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири, Казахстане и Средней Азии.

Основная программа действий по превращению страны в единый военный лагерь была сформулирована в **«Директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков»**, которая была принята **29 июня 1941 г.** В ней осуждались сохранявшиеся с довоенных времен «благодушно-мирные настроения», непонимание смысла угрозы и всей опасности наступления германских войск. Разъяснялось, что целью нападения фашистской Германии на Советский Союз является не только уничтожение советского общественного строя, но и тотальное ограбление страны, захват ее огромных продовольственных и сырьевых ресурсов, восстановление власти помещиков и капиталистов, что, наконец, в этой войне «решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение». Родина оказалась в величайшей опасности, и «мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад».

Как установили современные историки (**А. Исаев, Г. Куманев**), из чернового варианта этой **Директивы** был вычеркнут призыв к мобилизации всех сил для «организации победы» над врагом. Основной упор в этой **Директиве** был сделан на оборонительных

задачах, необходимости «отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу». **Директива** призывала «организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным отрядам». Отдельный пункт этой **Директивы** требовал «немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица».

При вынужденном отходе регулярных частей **РККА Директива** призывала оставлять на пути захватчиков лишь выжженную землю: «все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться». В занятых врагом районах требовалось «создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Именно эта **Директива** была положена в основу знаменитого выступления **И.В. Сталина** по **Всесоюзному радио 3 июля 1941 г.**, которое было начато абсолютно необычным для лидера партии большевиков обращением: «**Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!**», что явно говорило о том, что **И.В. Сталин**, вероятнее всего, уже ознакомился с «**Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви**» местоблюстителя патриаршего престола митрополита **Сергия (И.Н. Страгородского)**. В своем послании высший иерарх Русской Православной Церкви писал: «В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва ли не весь мир, не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими чувствами чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. **Повторяются времена Батая, Немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона.** Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием, принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз, он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства. Вспомним святых вождей русского народа **Александра Невского** и **Дмитрия Донского**, полагавших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это

делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях **Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче**. Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг». А в конце «**Послания**», обращаясь к служителям культа, митрополит **Сергий** призвал всех священнослужителей не оставаться молчаливыми свидетелями хода **Отечественной войны**, а «ободрить малодушных, утешить огорченных и напоминать о долге колеблющимся».

С началом войны **И.В. Сталин** сразу прекратил всякие попытки актуализировать популярную ранее идею о превращении этой войны в мировую пролетарскую революцию. Уже утром **22 июня 1941 г.** руководитель «штаба этой революции», глава **ИККИ Г. Димитров** получил прямое указание вождя, что «**Коминтерн** не должен теперь ставить вопрос о социалистической революции, поскольку советский народ ведет **Отечественную войну** против фашистской Германии, и вопрос сейчас идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов Европы и стремящегося поработить и все остальные народы мира».

Эти же мысли прозвучали и в июльской речи **И.В. Сталина**, в которой особый упор был сделан на то, что война с фашистской Германией не должна рассматриваться как обычное противостояние двух армий, это «война всего советского народа, всенародная **Отечественная война**, война за свободу нашего Отечества, которая сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость и демократические свободы». Не забыл **И.В. Сталин** и национальные аспекты начавшейся войны, заявив, что она несет с собой опасность «разрушения национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов и других народов Советского Союза, угрозу их онемечивания и превращения в рабов немецких князей и баронов».

Выступление, начинавшееся со слов о вероломстве врага и громадных потерях, о зловещей угрозе, нависшей над нашей страной, по ходу самой речи давало четкую психологическую установку на активное сопротивление германскому нашествию, на беспощадное уничтожение врага, ставило вполне конкретные задачи, уверенно призывало к решительным действиям и немедленной перестройке всей работы и жизни страны, и каждого советского человека на новый военный лад.

Тема: ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (22 ИЮНЯ 1941 Г. – 18 НОЯБРЯ 1942 Г.)

План:

1. Первые оборонительные сражения (июль–сентябрь 1941 г.).
 - а) Смоленское сражение (10 июля – 10 сентября 1941 г.).
 - б) Оборона Киева (10 июля – 19 сентября 1941 г.).
 - в) Оборона Ленинграда (30 августа – 20 сентября 1941 г.).

2. Московская битва (30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.).
 - а) Оборона Москвы (30 сентября – 5–6 декабря 1941 г.).
 - б) Контрнаступление под Москвой (5–6 декабря 1941 г. – 20 апреля 1942 г.).
3. Развитие ситуации на советско-германском фронте зимой – летом 1942 г.
 - а) Сталинский план военной кампании на 1942 г.
 - б) Военные операции на фронте зимой – летом 1942 г.
4. Первый этап Сталинградской битвы: оборона Сталинграда (17 июля – 18 ноября 1942 г.).
5. Создание антигитлеровской коалиции (июль 1941 – июль 1942 г.).
6. Идеология германского нацизма и нацистский оккупационный режим на территории СССР.
7. Партизанское движение на оккупированной территории.

1. Первые оборонительные сражения (июль – сентябрь 1941 г.)

а) Смоленское сражение (10 июля – 10 сентября 1941 г.)

После взятия **Минска** противник устремился к **Днепру**, где предполагал мощными танковыми клиньями рассечь **Западный фронт**, окружить основную группировку советских войск в районе **Смоленска** и открыть путь на **Москву**. В начале июля 1941 г. 2-я танковая группа **Г. Гудериана** форсировала **Днепр** и, прорвав оборону 13-й армии генерала **Ф.Н. Ремезова**, устремились к **Смоленску**. Тем временем 3-я танковая группа **Г. Гота** овладела **Витебском** и окружила войска 16-й (**М. Лукин**), 19-й (**И. Конев**) и 20-й (**П. Курочкин**) общевойсковых армий. А 16 июля противник вошел в **Смоленск**. Падение этого старинного русского города, который традиционно считался ключом **Москвы**, было очень тяжело воспринято **И.В. Сталиным**, который потребовал снять **С.К. Тимошенко** с должности командующего фронтом и отдать его под суд военного трибунала. Однако под влиянием веских аргументов **Г.К. Жукова** сменил гнев на милость и оставил **С.К. Тимошенко** на этом посту.

20 июля 1941 г. по личному указанию **И.В. Сталина** из резерва Ставки на **Западный фронт** были переданы 20 стрелковых дивизий, которые вошли в состав пяти армейских групп под командованием генералов **К.К. Рокоссовского**, **В.А. Хоменко**, **С.А. Калинина**, **В.Я. Качалова** и **И.И. Масленникова**. По замыслу Ставки именно эти армейские группы должны были серией мощных контрударов из района **Ярцево-Рославль** разгромить передовые части вермахта и освободить **Смоленск**. Однако решить поставленную задачу не удалось, поскольку уже через несколько дней противник окружил армейскую группу генерал-лейтенанта **В.Я. Качалова** и захватил **Рославль** и **Ельню**. Но дальнейшее продвижение противника к **Дорогобужу** было остановлено войсками 24-й армии генерал-майора **К.И. Ракутина**, который создал надежную линию обороны на своем участке фронта.

Тем временем в результате ожесточенных боев из окружения смогли вырваться части 16-й и 20-й армий, которые южнее **Ярцево** вышли на правый берег **Днепра** и, соединившись с основными силами **Западного фронта**, перешли к обороне по рубежу **Великие Луки — Ярцево — Кричев — Жлобин**. Таким образом, был закончен первый этап смоленского сражения, в ходе которого противник не достиг поставленных целей и вынужден был перейти к стратегической обороне.

Стойкое сопротивление частей РККА на смоленско-московском направлении и обсуждение плана дальнейших действий на **Восточном фронте**, стало причиной жестких разногласий в высшем военном руководстве вермахта. Сам **А. Гитлер**, занимавший пост **Верховного Главнокомандующего вооруженными силами вермахта**, начальник штаба **Верховного командования вермахта (ОКВ)** фельдмаршал **В. Кейтель** и начальник **Оперативного Управления ОКВ** генерал-полковник **А. Йодель** считали, что в создавшейся обстановке необходимо временно приостановить наступление группы армий «**Центр**» и сосредоточить главные усилия на разгроме войск **Юго-Западного фронта**, оборонявших **Киев**. Главком сухопутных сил вермахта фельдмаршал **В. Браухич** и начальник **Генерального штаба сухопутных сил (ОКХ)** генерал-полковник **Ф. Гальдер**, напротив, полагали, что следует продолжить наступление на центральном участке фронта, а не расплющить ударные силы вермахта для решения менее важных, локальных задач. Эта «дискуссия» закончилась победой **А. Гитлера**, который своими **Директивами № 33 и № 34** приостановил наступление группы армий «**Центр**» и поставил задачу в кратчайшие сроки разгромить советские войска на южном стратегическом направлении и овладеть **Киевом**.

б) Оборона Киева (10 июля – 19 сентября 1941 г.)

В конце июля 1941 г. резко осложнилась ситуация на южном участке фронта. В ходе ожесточенных боев противник существенно потеснил войска **5-й (М. Потапов)**, **6-й (И. Музыченко)**, **9-й (Я. Черевиченко)**, **12-й (П. Понеделин)** и **26-й (Ф. Костенко)** армий **Южного и Юго-Западного фронтов** и вышел к **Одессе, Запорожью, Днепропетровску и Кременчугу**. Особенно опасная ситуация сложилась в нижнем течении **Днепра**, где противник создал крупные плацдармы и начал концентрацию своих войск для дальнейшего удара по **Киеву**.

В этой опасной обстановке, которая грозила обернуться катастрофой для советских войск, генерал армии **Г.К. Жуков** предложил **И.В. Сталину**: **1)** немедленно оставить **Киев**, отвести войска **Юго-Западного фронта** на левый берег **Днепра** и создать на **реке Псел** новую линию обороны; **2)** провести крупную наступательную операцию в районе **Ельни** для ликвидации образовавшегося выступа, который создавал реальную угрозу удара по столице с юго-западного направления. Однако предложение о сдаче **Киева** вызвало резко негативную реакцию **Верховного**, который прекрасно понимал, что падение столицы советской Украины будет иметь огромный политический резонанс во всем мире. В результате между **Г.К. Жуковым** и **И.В. Сталиным** произошла грубая перепалка, которая закончилась снятием **Г.К. Жукова** с поста начальника **Генерального штаба** и назначением на этот пост маршала **Б.М. Шапошникова**. Однако вечером **29 июля И.В. Сталин** сменил гнев на милость и предложил **Г.К. Жукову** возглавить войска нового **Резервного фронта**, которому предстояло подготовить и провести наступательную операцию под **Ельней**.

Тем временем противник, продолжая свое наступление на южном направлении, захватил **Кривой Рог, Кировоград, Николаев**, полностью блокировал **Одессу**, окружил войска **6-й общевойсковой армии** и пленил ее командарма генерала **И.Н. Музыченко**. Это обстоятельство заставило **Ставку ВГК 16 августа 1941 г.** принять знаменитый **Приказ № 270**, в соответствии с которым все бойцы и командиры, попавшие или сдавшиеся в плен к противнику, объявлялись врагами народа, а члены их семей подлежали высылке и лишению всех социальных выплат и пособий

(аттестатов) на весь период войны. Этот же приказ обязал расстреливать на месте всех дезертиров и трусов, невзирая на их прежние заслуги, должности и звания. Надо сказать, что в период «горбачевской перестройки» вина за принятие этого приказа целиком возлагалась на **И.В. Сталина**, поскольку, по мнению ряда авторов (**А. Мерцалов, М. Семиряга**), такая патологическая жестокость была имманентно присуща сталинизму. Однако если взглянуть на подлинник этого приказа, то можно без особого труда рассмотреть на нем подписи всех тогдашних членов Ставки ВГК — **И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного, Б.М. Шапошникова, С.К. Тимошенко и Г.К. Жукова**.

19 августа по решению Ставки был образован **Брянский фронт** во главе с генерал-полковником **А.И. Еременко**, главными задачами которого должны были стать: **1) прикрытия правого фланга войск Юго-Западного фронта от возможного флангового удара противника из района Прилуки — Конотоп; 2) разгром 2-й танковой группы Г. Гудериана; 3) создание надежного прикрытия на дальних подступах к Москве с орловско-тульского направления.**

30 августа войска **24-й (К. Ракутин) и 43-й (Д. Селезнев) армий Резервного фронта** приступили к реализации **Ельнинской наступательной операции**, которая закончилась **8 сентября** полным разгромом пяти дивизий **4-й армии** фельдмаршала **Г. Клюге** и ликвидацией крайне опасного для **Москвы** ельнинского плацдарма. Надо сказать, что в отечественной исторической науке операция под **Ельней** всегда оценивалась как первая крупная наступательная операция первого периода войны, которая имела не только большое военно-тактическое, но и огромное морально-психологическое значение. Однако в западной историографии (**Д. Боффа, Н. Верт**) до сих пор господствует мнение, что бои под **Ельней** имели небольшой тактический успех, который был сознательно разрекламирован советской пропагандой.

В начале **сентября 1941 г.** резко обострилась ситуация и на южном участке фронта, где военно-политическое руководство **Юго-Западным направлением** — маршал **С.М. Буденный** и **Н.С. Хрушев** практически полностью потеряло контроль за оперативной обстановкой:

а) войска Брянского фронта (А.И. Еременко) так и не смогли выполнить поставленную задачу и части **2-й танковой группы (Г. Гудериан)** и **2-й полевой армии (Г. Шоберт)** вермахта, совершив обходный маневр, глубоко вклинились в расположение **Юго-Западного фронта** в районе **Чернигов — Конотоп**.

б) войска Южного фронта (И.В. Тюленев) под давлением превосходящих сил **17-й полевой армии (Р. Руофф)** и **1-й танковой группы (Э. Клейста)** вынуждены были оставить **Запорожье, Днепропетровск и Кременчуг** и отойти на левый берег **Днепра**.

в) войска Юго-Западного фронта (М.П. Кирпонос), неся огромные потери, продолжали с огромным трудом сдерживать натиск **6-й полевой армии (В. Рейхенау)**, наступавшей на киевском направлении.

В создавшейся обстановке Ставка назначила новым командующим **Юго-Западным направлением** маршала **С.К. Тимошенко** и приказала начать отвод войск **Юго-Западного фронта** на новую линию обороны к реке **Псел**. Однако **12 сентября** противник силами **1-й танковой группы Э. Клейста**, перейдя в наступление с **кременчугского плацдарма**, прорвал оборону **38-й армии** генерал-майора **Н.В. Фекленко** и начал стремительно продвигаться к **Киеву**. В том же направлении с **конотопского**

плацдарма устремились передовые части 2-й танковой группы Г. Гудериана, которые **15 сентября** в районе села Лохвица замкнули кольцо окружения советских войск. В результате этих трагических событий в окружение попали части и соединения **5-й (М. Потапов), 21-й (В. Кузнецов), 26-й (Ф. Костенко), 37-й (А. Власов) и 38-й (Н. Фекленко) армий**, общей численностью **450 тысяч** солдат и офицеров.

Прорваться из огненного мешка удалось очень немногим: более **100 тысяч** солдат и офицеров, в том числе командующий фронтом генерал-полковник **М.П. Кирпос** и начальник штаба фронта генерал-майор **В.И. Тупиков**, приняли героическую смерть, а более **300 тысяч** солдат и офицеров были взяты в плен. **19 сентября 1941 г.** передовые части **6-й полевой армии** фельдмаршала **В. Рейхенау** заняли **Киев**, падение которого стало тяжелым ударом для всей страны.

в) Оборона Ленинграда (30 августа – 20 сентября 1941 г.).

В июле — первой половине августа 1941 г. в ходе ожесточенных боев противник, оккупировав территорию Латвии, Литвы и значительной части Эстонии, перенес боевые действия на территорию Ленинградской области РСФСР. В столь критической ситуации в Ленинград срочно была послана комиссия ГКО и ЦК ВКП(б) в составе **В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, А.Н. Косыгина и Н.Г. Кузнецова**, которой было предписано срочно принять все необходимые меры для обороны города.

Однако положение на фронте продолжало стремительно ухудшаться: ни авторитетная комиссия, ни руководство Ленинградским фронтом (**М.М. Попов**) не смогли организовать достойный отпор врагу, и уже **30 августа** войска противника вышли к **Неве**. В начале сентября 1941 г. по приказу Ставки войска Ленинградского фронта возглавил маршал **К.Е. Ворошилов**, однако и данное решение не смогло повлиять на изменение ситуации к лучшему. Более того, **8 сентября** противник, прорвавшись к **Ладожскому озеру**, захватил **Шлиссельбург** и замкнул кольцо сухопутной блокады вокруг города. В этой ситуации **10 сентября** по личному указанию **И.В. Сталина** в Ленинград вылетел новый командующий Ленинградским фронтом генерал армии **Г.К. Жуков**, которому **Верховный** дал предельно жесткое указание город врагу не сдавать.

В середине сентября передовые части **18-й полевой армии** фельдмаршала **Э. Манштейна** перешли в наступление на **Пулковских высотах** и вышли в район **Урицка**. В создавшейся ситуации **Г.К. Жуков** срочно перебросил в расположение **42-й армии** генерал-майора **И.И. Федюнинского** необходимые резервы и отдал приказ командующему **54-й армии** маршалу **Г.И. Кулику** немедленно начать наступление на **Мгу**. Однако в ходе **Синявинской наступательной операции** советские войска не смогли выполнить поставленную задачу и деблокировать город с юго-восточного направления.

Тем временем противник силами шести пехотных и танковых дивизий попытался прорвать оборону наших войск на стыке **42-й и 55-й армий**. В столь критической ситуации **Г.К. Жуков** отдал приказ командарму **8-й армии** генералу **В.И. Щербакову** нанести мощный фланговый удар по колпинской группировке противника, что заставило немцев срочно перебросить часть сил и средств на петергофское направление. В течение целой недели противник пытался сломить сопротивление советских войск под **Пулково, Колпино и Петергофом**, но все его попытки оказались тщетны, и **26 сентября** он перешел к обороне на всех участках **Ленинградского фронта**.

Сам Ленинград и его ближайшие пригороды попали в жесточайшую сухопутную блокаду (867 суток), которая стала не только самой трагической, но и самой героической страницей в истории всей Великой Отечественной войны. Провал операции по захвату Ленинграда был крайне тяжело воспринят А. Гитлером, который вскоре сместил фельдмаршала В. Лееба со своего поста и в январе 1942 г. назначил новым командующим группы армий «Север» фельдмаршала Г. Кюхлера.

2. Московская битва (30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.)

а) Оборона Москвы (30 сентября – 5–6 декабря 1941 г.)

6 сентября 1941 г. А. Гитлер подписал Директиву № 35 о переходе группы армий «Центр» в генеральное наступление на Москву. В соответствии с планом операции «Тайфун», основные элементы которой были разработаны еще весной 1941 г., ударная группировка вермахта, которой предстояло взять советскую столицу, состояла из 2-й (М. Вейхс), 4-й (Г. Клюге) и 9-й (А. Штраус) полевых армий, 2-й (Г. Гудериан), 3-й (Г. Гот) и 4-й (Э. Гёпнер) танковых групп и 2-го воздушного флота фельдмаршала А. Кессельринга. Общая численность германских войск, нацеленных на Москву, составляла 76 пехотных, моторизованных и танковых дивизий, более 1200 танков и 1100 самолетов. Такая мощная группировка противника была создана совершенно сознательно, поскольку со взятием Москвы А. Гитлер и его генералы связывали окончание всей Восточной кампании. 24 сентября в Смоленске в штабе группы армий «Центр» состоялось заключительное совещание, на котором были полностью согласованы окончательный план и сроки проведения операции.

Войскам группы армий «Центр» на дальних подступах к столице противостояли войска трех советских фронтов:

1) Западный фронт (генерал-полковник И.С. Конев) в составе 16-й (К. Рокоссовский), 19-й (М. Лукин), 20-й (Ф. Ершаков), 21-й (В. Кузнецов), 22-й (В. Юшкевич) и 30-й (В. Хоменко) общевойсковых армий обороняли 350-ти километровый рубеж Осташково — Ельня.

2) Резервный фронт (маршал С.М. Буденный) в составе 24-й (К. Ракутин), 29-й (И. Масленников), 31-й (В. Долматов), 32-й (С. Вишневский), 43-й (П. Советников) и 49-й (И. Захаркин) общевойсковых армий частично располагался в тылу Западного фронта, а частично держал 120-ти километровую оборону в первом эшелоне Ельня — Фроловка.

3) Брянский фронт (генерал-полковник А.И. Еременко) в составе 3-й (Я. Крейзер), 13-й (А. Городнянский) и 50-й (М. Петров) общевойсковых армий и оперативной группы генерала А.Н. Ермакова держал оборону на левом берегу Десны в районе Фроловка — Путивль.

Общая численность трех советских фронтов, оборонявших Москву, составляла 83 стрелковых и 9 кавалерийских дивизий, 10 танковых бригад, около 1000 танков и 670 самолетов.

30 сентября 1941 г. противник силами 2-й танковой группы (Г. Гудериан) и 2-й полевой армии (М. Вейхс) перешел в наступление против войск Брянского фронта и, прорвав оборону 13-й и 50-й армий, занял Орел, Брянск, Кромы и, перерезав главные коммуникации фронта, поставил его войска в условия оперативного окру-

жения. Началась **Орловско-Брянская оборонительная операция** советских войск, которая продолжалась до **конца октября 1941 г.**

2 октября в наступление перешли **4-я танковая группа** генерала **Э. Гёпнера** и **4-я полевая армия** фельдмаршала **Г. Клюге**, которые, прорвав оборону войск **19-й, 24-й, 32-й и 43-й армий Западного и Резервного фронтов**, захватили **Холм-Жирковский, Спас-Деменск и Юхнов**. В результате этого прорыва под угрозой окружения оказались войска пяти советских армий. В этой ситуации **Ставка ВГК** приказала срочно отвести войска этих армий на **ржевско-вяземский оборонительный рубеж**. Однако **6 октября** противник западнее **Вязьмы** окружил части и соединения **16-й, 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий** общей численность **660 тысяч солдат и офицеров**.

По мнению ряда историков (**А. Исаев, Л. Лопуховский**), причинами столь плачевного развития событий были не только значительное превосходство противника в живой силе и военной технике, но и крупные просчеты в руководстве советскими войсками со стороны фронтового, армейского и дивизионного командного звена.

В эти тревожные дни, по утверждению ряда историков (**Н. Павленко, А. Самсонов**), **И.В. Сталин** дал указание наркому внутренних дел СССР **Л.П. Берии** «прозондировать по своим каналам возможность заключения с немцами нового **Брестского мира**». Посредником в этих переговорах выступил болгарский посол **П. Стаменов**, но его миссия не увенчалась успехом, поскольку высшее имперское руководство отказалось от ведения любых переговоров, полагая, что Советский Союз уже проиграл войну. Однако думается, что эта версия, рожденная в годы «горбачевской перестройки» на волне крайне агрессивной антисталинской пропаганды, основана на не очень достоверных источниках, в частности мемуарах бывшего начальника **4-го Управления МГБ СССР генерал-лейтенанта П.А. Судоплатова**.

Тем временем противник продолжил реализацию плана «**Тайфун**»: **2-я танковая группа** вермахта перешла в наступление на **тульском направлении**, **2-я полевая армия** приступила к разгрому советских войск в **вяземском котле**, **4-я танковая группа** и **4-я полевая армия** вермахта стали стремительно продвигаться на **можайском и волоколамском направлениях**, а **3-я танковая группа** и **9-я полевая армия** перешли в наступление на **калининском направлении**.

9 октября по указанию **И.В. Сталина** в штаб **Западного фронта** прибыла комиссия **Ставки** и **ГКО** в составе **В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова** и **А.М. Василевского**, которой было поручено разобраться в причинах столь плачевного развития ситуации на фронте и принять срочные и жесткие меры для ее исправления. По итогам своей работы комиссия предложила: **1) объединить войска Западного и Резервного фронтов** в единый **Западный фронт** и назначить командующим новым фронтом генерала армии **Г.К. Жукова**; **2) бывшего командующего Западным фронтом генерал-полковника И.С. Конева** придать суду военного трибунала. Однако по личной просьбе **Г.К. Жукова** последнее решение комиссии было отменено **И.В. Сталиным**.

10 октября Верховный главнокомандующий подписал приказ **Ставки** о назначении **Г.К. Жукова** командующим объединенным **Западным фронтом**. Его первым заместителем, по его рекомендации, был назначен генерал-полковник **И.С. Конев**, начальником штаба остался генерал-лейтенант **В.Д. Соколовский**, а членом **Военного Совета** фронта был утвержден **Н.А. Булганин**.

Тем временем ситуация на фронте развивалась следующим образом: **а) войска 3-й, 13-й и 50-й армий Брянского фронта**, после тяжелых и кровопролитных боев

только в конце октября смогли вырваться из окружения и организованно отойти к тульской линии обороны; б) войска 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий Западного фронта, сковав на себе значительные силы противника, отчаянно пытались прорваться из окружения. Однако, понеся огромные потери, вырваться из **вяземского котла** удалось очень немногим частям и соединениям. Основная часть войск либо погибла в неравных боях с противником, либо, как командующий окруженной группировки генерал-лейтенант **М.Ф. Лукин**, попала в плен.

Между тем, по признанию самих военных (**Г.К. Жуков**, **Б.М. Шапошников**, **А.М. Василевский**) и свидетельству историков (**А.М. Самсонов**, **В. Анфилов**), кровопролитное сражение под Вязьмой стало исключительно важным фактором победоносного завершения всей Московской битвы. Именно в этот, самый трагический период битвы под Москвой (6–15 октября 1941 г.), окруженные войска четырех советских армий, сковав на себя двадцать восемь дивизий противника, дали возможность создать новую линию обороны вокруг столицы.

12 октября Военный совет Западного фронта, сознавая, что не сможет создать сплошную линию обороны вокруг Москвы, принял решение закрыть пять основных направлений на столицу. На Можайском направлении была сосредоточена 5-я армия генерал-майора **Д.Д. Лелюшенко**, на Волоколамском — 16-я армия генерал-лейтенанта **К.К. Рокоссовского**, на Наро-Фоминском — 33-я армия генерал-лейтенанта **М.Г. Ефремова**, на Малоярославском — 43-я армия генерал-лейтенанта **С.Д. Акимова** и на Калужском — 49-я армия генерал-лейтенанта **И.Г. Захаркина**.

Тем временем противник, невзирая на огромные потери, продолжал упорно продвигаться вперед: 12 октября передовые части вермахта захватил Калугу и Ржев, а 14 октября противник овладел Калининским. В этой ситуации Ставка приняла решение создать на северо-западных подступах к столице новый Калининский фронт в составе 22-й (**В. Востроухов**), 29-й (**И. Масленников**), 30-й (**В. Хоменко**) и 31-й (**В. Юшкевич**) общевойсковых армий. Командующим фронтом был назначен генерал-полковник **И.С. Конев**, а начальником штаба фронта стал генерал-майор **И.И. Иванов**.

15–16 октября противник силами 3-й танковой группы генерал-полковника **Г. Гота** и 9-й полевой армии генерал-полковника **А. Штрауса** начал наступление на Торжок, однако был остановлен на подступах к городу и вынужден был перейти к обороне на этом участке фронта. Более тяжелая ситуация сложилась на юго-западном и западном направлениях, где 16–20 октября противник, прорвав оборону наших войск, захватил Боровск, Малоярославец, Можайск, Волоколамск и Наро-Фоминск.

Именно в эти тревожные дни, 15 октября 1941 г. ГКО принимает решение об эвакуации из столицы практически всех государственных учреждений, в том числе большинства наркоматов, аппаратов Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б), Ставки ВГК и Генерального штаба РККА, а также ряда членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК — **В.М. Молотова**, **К.Е. Ворошилова**, **Л.М. Кагановича**, **М.И. Калинина**, **А.А. Андреева** и **Н.А. Вознесенского**, которым поручалось создать в Арзамасе и Куйбышеве параллельные органы партийно-государственной власти и управления страной на случай падения Москвы. 19 октября 1941 г. решением ГКО в столице было введено осадное положение и установлен комендантский час.

В последнее время в исторической литературе активно обсуждается вопрос, собирался ли **И.В. Сталин** сдавать Москву. Большинство историков (**А. Самсонов**) полагают, что такие планы допускались, но вряд ли серьезно обсуждались высшим

руководством страны. Однако их оппоненты (**А. Мерцалов, М. Семеряга**) уверены в том, что **И.В. Сталин** не только допускал сдачу **Москвы**, но и принял конкретное решение об этом. Однако при этом никаких конкретных фактов и веских доказательств своего «научного открытия» наши доморожденные антисталинисты так и не предъявили. Эти же историки уверены и в том, что острейшая ситуация на фронте в **октябре 1941 г.** создала благоприятные условия и делала необходимым смещение **И.В. Сталина** со всех его постов, что, несомненно, благотворно повлияло бы на дальнейший ход и исход всей войны, однако ни в окружении вождя, ни в **ЦК ВКП(б)** не нашлось принципиальных и компетентных людей. Оставим без комментариев этот очередной пассаж продажных партийных историков и зададимся всего одним риторическим вопросом: если в окружении **И.В. Сталина** и в **ЦК ВКП(б)** не нашлось принципиальных и компетентных людей, то кто же тогда мог реально возглавить страну в годы военного лихолетья...

В конце октября 1941 г. противник, достигнув небольших тактических успехов на **тульском, волоколамском и наро-фоминском направлениях**, неожиданно прекратил наступательные операции и перешел к стратегической обороне по всей линии фронта, которая стабилизировалась по рубежу **Осташков — Калинин — Дмитров — Наро-Фоминск — Мценск — Алексин**.

Неожиданная остановка германского наступления позволила провести в **Москве** торжества, посвященные годовщине **Великого Октября**, которые имели исключительно важное морально-психологическое значение. **6 ноября** на станции метро **Маяковская** прошло торжественное заседание, посвященное этой дате, а **7 ноября** на **Красной площади** состоялся парад войск московского гарнизона и действующей армии, который принимал маршал **С.М. Буденный**. На этом параде с программной речью выступил **И.В. Сталин**, который впервые, презрев классовые и идейные предрассудки, обратился к образу «наших великих предков», защитников Отечества, которые должны были вдохновить воинов Красной армии на разгром врага — **Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова**.

Тем временем в группе армий «**Центр**» завершилась разработка нового плана наступления на **Москву**, получившего кодовое название «**Московские Канны**». Согласно новому плану, разработанному штабом ОКВ (**В. Кейтель**), войска вермахта должны были создать вокруг советской столицы двойное кольцо окружения:

1) Внутреннее кольцо, границы которого вплотную подходили к границам города, предполагалось замкнуть силами **4-й танковой группы генерал-полковника Э. Гёпнера** и **4-й полевой армии фельдмаршала Г. Клюге**.

2) Внешнее кольцо, границы которого проходили по линии **Клин — Ногинск — Коломна**, должны были замкнуть войска **2-й и 3-й танковых групп генерал-полковника Г. Гудериана** и генерала танковых войск **Г. Рейнгардта**.

13 ноября 1941 г. в **Орше** состоялось совещание высшего командного состава сухопутных сил вермахта, в котором приняли участие главнокомандующий сухопутных сил фельдмаршал **В. Браухич**, начальник Генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник **Ф. Гальдер**, командующий группой армий «**Центр**» фельдмаршал **Ф. Бок** и начальники штабов групп армий «**Центр**», «**Север**» и «**Юг**» генерал-полковники **А. Грейфенберг, Г. Бреннеке** и **Э. Зоденштерн**. Большинство участников данного совещания высказались против плана всеобщего наступления, предложенного

штабом ОКВ. Но при этом практически все генералы согласились с тем, что до наступления зимы необходимо любой ценой овладеть советской столицей.

15–16 ноября 1941 г. противник начал операцию «Московские Канны»:

— на северных подступах к столице, где оборону держали войска **16-й (К. Рокоссовский)** и **30-й (Д. Лелюшенко)** армий в наступление перешли **9-я** полевая армия генерала **А. Штрауса** и **3-я** и **4-я** танковые группы генералов **Г. Рейнгардта** и **Э. Гёпнера**;

— с юго-западного (тульского) направления, которое обороняли войска **49-й (И. Захаркин)** и **50-й (И. Болдин)** армий, наступление начали войска **2-й** танковой группы генерал-полковника **Г. Гудериана** и **2-й** полевой армии генерал-полковника **М. Вейкса**.

— на центральном участке фронта, где оборонялись войска **5-й (Л. Говоров)**, **33-й (М. Ефремов)** и **43-й (К. Голубев)** армий, основной удар на столицу наносила **4-я** полевая армия фельдмаршала **Г. Клюге**.

В течение двух недель, противник, неся огромные потери в живой силе и технике, сумел захватить **Клин**, **Солнечногорск**, **Яхрому**, **Красную Поляну**, **Крюково** и ряд других населенных пунктов на северо-западных подступах к **Москве**, где достиг наибольших успехов. Однако на других участках фронта его достижения оказались значительно скромнее: противнику не удалось захватить **Звенигород**, **Тулу**, **Каширу**, **Серпухов**, **Наро-Фоминск**, **Елец** и другие населенные пункты на западном и юго-западном направлениях от **Москвы**. В этой ситуации **3 декабря 1941 г.** фельдмаршал **Ф. Бок** вынужден был отдать приказ о переходе своих войск к обороне по всей линии фронта, которая стабилизировалась на рубеже **Калинин — Дмитров — Яхрома — Крюково — Звенигород — Наро-Фоминск — Тула — Епифань — Елец**.

б) Контрнаступление под Москвой (5–6 декабря 1941 г. – 20 апреля 1942 г.)

5–6 декабря 1941 г. по приказу Ставки ВГК войска **Калининского (И.С. Конев)**, **Западного (Г.К. Жуков)** и **Юго-Западного (С.К. Тимошенко)** фронтов перешли в контрнаступление по всей линии фронта от **Калинина** до **Ельца**. В этой первой, самой крупной наступательной операции начального периода **Великой Отечественной войны** приняли участие войска **13-ти** общевойсковых армий, которые успешно провели **шесть** локальных наступательных операций, победоносно завершившихся полным разгромом передовых частей и соединений группы армий «**Центр**» под **Москвой**:

— на **Калининском** фронте войска **22-й, 29-й** и **31-й** армий провели **Калининскую** наступательную операцию (**декабрь 1941 г. — январь 1942 г.**);

— на **Западном** фронте войска **1-й** ударной, **5-й, 16-й** и **20-й** армий провели **Клинско-Солнечногорскую** наступательную операцию (**декабрь 1941 г.**); войска **33-й** и **43-й** армий — **Наро-Фоминскую** наступательную операцию (**декабрь 1941 г.**), а войска **10-й, 49-й** и **50-й** армий — **Тульскую** (**декабрь 1941 г.**) и **Калужскую** (**декабрь 1941 г. — январь 1942 г.**) наступательные операции;

— на **Юго-Западном** фронте войска **3-й** и **13-й** армий провели **Елецкую** наступательную операцию.

Первые десять дней непрерывных контрударов **Красной** армии были настолько неожиданными для противника, что он был вынужден постоянно отходить на новые оборонительные рубежи, оставляя один населенный пункт за другим. **А. Гитлер**, пришедший в ярость от плачевного развития событий под **Москвой**, уже в **середине**

декабря 1941 г. отправил в отставку несколько десятков фельдмаршалов и генералов вермахта, в том числе **В. Браухича, Ф. Бока** и **Г. Гудериана**.

К началу января 1942 г. советские войска, разгромив ударные соединения группы армий «Центр», отбросили противника на **100–250 километров** от столицы и освободили сотни населенных пунктов в **Московской, Калининской, Тульской и Калужской областях**, в том числе **Калинин, Клин, Солнечногорск, Волоколамск, Калугу, Тарусу, Малоярославец, Белев, Мосальск, Сухиничи** и другие города. К 7 января 1942 г., к окончанию первого этапа наступательной операции под Москвой, линия фронта стабилизировалась на рубеже **Ржев — Волоколамск — Руза — Мосальск — Белев — Мценск — Новосиль**.

Надо сказать, что в советской историографии (**А. Самсонов, В. Анфимов**) завершение Московской битвы традиционно относили к **20 апреля 1942 г.**, когда были прекращены активные наступательные действия советских войск против группы армий «Центр» по всей линии фронта от **Демянска до Людиново**. Затем, в годы перестройки и в постсоветский период, целый ряд авторов (**В. Карпов**) поставили под сомнение правомерность этой даты, заявив, что окончание Московской битвы следует датировать началом января 1942 г., поскольку дальнейшие наступательные операции на центральном участке фронта развивались в русле знаменитого сталинского плана о всеобщем наступлении по всему советско-германскому фронту. На наш взгляд, в не зависимости от развития ситуации на других фронтах Великой Отечественной войны, следует все же признать, что второй этап наступательной операции под Москвой, начавшийся **8–10 января** действительно завершился **20 апреля 1942 г.**

В зарубежной и отечественной историографии (**А. Хилльгрубер, А. Самсонов, В. Анфимов**) Московской битве традиционно придают особое значение, поскольку: **1) победа под Москвой окончательно похоронила стратегию «блицкрига», на которую так рассчитывал А. Гитлер и его генералы в своих глобальных планах завоевания мирового господства; 2) в полях под Москвой был полностью развенчан миф о непобедимости германской армии, которая потерпела первое крупное поражение за все время ведения войны с сентября 1939 г.; 3) Московская битва положила начало коренному перелому в ходе Второй Мировой войны и создала благоприятные условия для начала коренного перелома в Великой Отечественной войне.**

Кроме того, не следует сбрасывать со счетов и огромные потери группы армий «Центр» в людских ресурсах, боевой технике и вооружениях. В различных источниках, исторических исследованиях и публицистических статьях приводятся довольно противоречивые сведения на сей счет, в том числе совершенно фантастические цифры (**Д. Волкогонов, Б. Соколов, Л. Лопуховский, Ю. Кавалерчик**), которые не имеют ничего общего с реальным положением вещей. В настоящий момент наиболее правдоподобной представляются сведения тех авторов (**А. Самсонов, Г. Кривошеев**), которые оценивают общие потери вермахта в **450–460 тыс. человек, 2340 танков и 1390 самолетов.**

3. Развитие ситуации на советско-германском фронте зимой – летом 1942 г.

а) Сталинский план военной кампании на 1942 г.

5 января 1942 г. состоялось совместное заседание Ставки ВГК и ГКО, на котором обсуждался план дальнейших действий на советско-германском фронте зимой-весной 1942 г. **И.В. Сталин**, высоко оценивший успешный ход наступательной опе-

рации под **Москвой**, заявил, что главной целью новой военной кампании должно стать **всеобщее наступление советских войск по всей линии фронта от Баренцева до Черного морей.**

— Войскам **Ленинградского (М.С. Хозин)** и **Волховского (К.А. Мерецков)** фронтов во взаимодействии с **Балтийским флотом (В.Ф. Трибуц)** была поставлена задача разгромить основные силы группы армий «Север» и полностью деблокировать **Ленинград:**

— Войска **Северо-Западного фронта (П.А. Курочкин)** должны были нанести из района **Осташков** — **Демянск** мощный удар по частям и соединениям противника на стыке групп армий «Центр» и «Север»;

— Войскам **Калининского (И.С. Конев)** и **Западного (Г.К. Жуков)** фронтов была поставлена задача продолжить наступательную операцию на центральном участке фронта и разгромить основные силы группы армий «Центр» в районе **Ржева** — **Вязьмы** — **Смоленска.**

— Войска **Юго-Западного (Ф.Я. Костенко)** и **Южного (Р.Я. Малиновский)** фронтов должны были разгромить основные силы группы армий «Юг», освободить левобережную **Украину** и закрепиться на правом берегу **Днепра.**

— Войска **Кавказского фронта (Д.Т. Козлов)** во взаимодействии с частями и соединениями **Черноморского флота (Ф.С. Октябрьский)** должны были полностью освободить **Крымский полуостров** и снять осаду **Севастополя.**

Предложение **И.В. Сталина** о всеобщем наступлении на фронте было полностью поддержано маршалами **К.Е. Ворошиловым** и **С.К. Тимошенко.** Однако в той или иной степени против сталинского плана выступили заместитель председателя **СНК СССР Н.А. Вознесенский,** начальник **Генерального штаба РККА** маршал **Б.М. Шапошников** и командующий **Западным фронтом** генерал армии **Г.К. Жуков.** Их аргументы состояли в следующем:

1) Наступление можно продолжить только на центральном участке советско-германского фронта, где в результате успешных контрударов под **Москвой** противник полностью деморализован и не в состоянии в ближайшее время оказать достойного сопротивления советским войскам.

2) На остальных участках советско-германского фронта следует перейти к стратегической обороне, поскольку: а) отсутствуют объективные оперативно-тактические предпосылки для успешного хода наступательных операций; б) военно-промышленный комплекс страны еще не в состоянии произвести необходимого количества вооружений и боеприпасов для одновременного проведения нескольких крупных наступательных операций на всем советско-германском фронте.

Однако эти доводы не были приняты во внимание большинством членов **ГКО** и **Ставки,** и **И.В. Сталин** в категорической форме настоял на утверждении предложенного им плана военной кампании на **1942 г.,** который в итоге **практически провалился** и закончился крупным поражением советских войск, особенно на юго-западном стратегическом направлении. Другой серьезный просчет вождя состоял в том, что он, полностью доверившись руководству военной разведки, возглавляемой в тот период генерал-майором **А.П. Панфиловым,** отдал приказ о переброске на **Западный фронт** значительных воинских резервов и боевой техники с других стратегических направлений и фронтов. В данном случае роковую роль сыграло то обстоятельство, что советские разведчики попались «на удочку» германской военной разведки — «**Абвера**», возглавляемого адмиралом **Ф. Канарисом,** агенты

которой смогли убедить их, что **весной 1942 г.** начнется новое генеральное наступление на **Москву** под кодовым названием «**Кремль**».

б) Военные операции на фронте зимой – летом 1942 г.

В конце декабря 1941 г. во исполнение приказа Ставки ВГК началась реализация целого ряда локальных наступательных операций, которые на первом этапе имели тактический успех.

— В ходе Керченско-Феодосийской десантной операции (декабрь 1941 г. – январь 1942 г.) войска Закавказского фронта (Д.Т. Козлов), освободив восточную часть Керченского полуострова, не только предотвратили реальную угрозу вторжения германских войск на Северный Кавказ, но и создали удобный плацдарм для полного освобождения Крымского полуострова от противника;

— В ходе Торопецко-Холмской (январь – февраль 1942 г.) и Демянской (январь – май 1942 г.) наступательных операций войска Калининского (И.С. Конев) и Северо-Западного (П.А. Курочкин) фронтов, разгромив передовые части 9-й (В. Модель) и 16-й (Э. Буш) полевых армий вермахта, продвинулись вперед на 200–300 километров и вышли на рубеж Старая Русса – Холм – Великие Луки.

В ходе этих операций были в максимальной степени реализованы замыслы Ставки ВГК, однако остальные наступательные операции либо полностью провалились, либо имели незначительный тактический успех.

— В ходе Любаньской наступательной операции (январь – апрель 1942 г.) войска Волховского (К.А. Мерецков) и Ленинградского (М.С. Хозин) фронтов так и не смогли реализовать поставленных задач, и 2-я ударная (А. Власов) и 59-я (И. Галанин) общевойсковые армии Волховского фронта перешли к вынужденной обороне.

— В ходе Ржевско-Вяземской и Сычѳвско-Вяземской наступательных операций, которые проводились в январе – апреле 1942 г. силами тринадцати общевойсковых армий Главного командования войск Западного направления (Г.К. Жуков), основные оперативные-тактические цели, в частности освобождение Ржева и Вязьмы, так и не были достигнуты. Вместе с тем, в ходе тяжелых кровопролитных боев советским войскам удалось существенно продвинуться вперед на 100–200 километров и, успешно завершив Московскую наступательную операцию, закрепиться на рубеже Велиж – Демидово – Белый – Сычевка – Нелидово – Гжатск – Юхнов – Людиново. Однако следует отметить и тот факт, что в ходе проведения этих операций в окружение под Ржевом и Вязьмой попали войска 29-й (В. Швецов) армии Калининского фронта и 33-й (М. Ефремов) армии Западного фронта.

Надо сказать, что в последнее время в рамках ширококомасштабной информационной войны против нашей страны целый ряд ангажированных авторов (В. Мельников, В. Сафир, Ф. Свердлов, С. Михеенков) стали очень активно муссировать вопрос о так называемой «Вяземской катастрофе» апреля 1942 г., в которой трагически погиб командарм 33-й армии генерал-лейтенант М.Г. Ефремов, который, будучи раненым при попытке выхода из окружения, застрелился из-за угрозы быть взятым в плен. Естественно наши «патриоты» возложили всю вину за окружение советских войск под Вязьмой и гибель командарма 33-й на командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова, который якобы всегда недолюбливал строптивного командарма и сознательно обрек на гибель его армию. Однако анализ реальных документов говорит о том, что вина за «Вяземскую катастрофу»

в равной степени лежит на всех, в том числе на Ставке ВГК, которая собственно и санкционировала саму Ржевско-Вяземскую операцию.

— В ходе Барвенковско-Лозовской наступательной операции, которая проводилась в январе 1942 г. войска Южного (Р.Я. Малиновский) и Юго-Западного (Ф.Я. Костенко) фронтов, продвинувшись вперед на 90–100 километров, так и не смогли выполнить поставленных задач по освобождению Днепропетровска, Харькова и Полтавы.

В мае – июне 1942 г. на различных участках советско-германского фронта противник сумел достичь значительных оперативных-тактических успехов, которые существенно осложнили положение советских войск, особенно на юго-западном стратегическом направлении.

В первой половине мая 1942 г. войска 11-й полевой армии фельдмаршала Э. Манштейна, прорвав оборону 44-й (С. Черняк), 47-й (К. Колганов) и 51-й (В. Львов) армий Крымского фронта, захватили Керчь и вынудили остатки советских войск поспешно отступить на Таманский полуостров. Результаты этой военной катастрофы, вина за которую целиком и полностью лежит на представителе Ставки ВГК генерал-полковнике Л.З. Мехлисе и командующем Крымским фронтом генерал-лейтенанте Д.В. Козлове, оказались огромны: а) германские войска на плечах отступающих советских частей ворвались на Кавказ; б) советские войска вынуждены были оставить символ русской воинской славы — Севастополь, героическая оборона которого продолжалась почти целый год.

12 мая 1942 г. по инициативе Главного командования войск Юго-Западного направления (С.К. Тимошенко, Н.С. Хрущев, И.Х. Баграмян) началась Харьковская наступательная операция. И хотя руководство Генерального штаба РККА, в частности маршал Б.М. Шапошников и генерал-полковник А.М. Василевский, в довольно осторожной форме высказалось против проведения крупномасштабной наступательной операции на этом стратегическом направлении, И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов и другие члены ГКО и Ставки первоначально поддержали эту откровенную авантюру, авторами которой были С.К. Тимошенко и Н.С. Хрущев.

В соответствии с планом операции в наступление на Харьков с Барвенковского выступа и из района Волчанска перешли войска 6-й (А. Городнянский), 21-й (В. Гордов), 28-й (Д. Рябышев) и 38-й (К. Москаленко) армий Юго-Западного фронта. Первоначально их наступление развивалось относительно успешно и к исходу пятых суток боев, прорвав оборону 6-й полевой армии генерал-полковника Ф. Паулюса, они продвинулись вперед на 25–50 километров. Но уже 17 мая совершенно неожиданно из района Краматорска и Славянска по войскам 9-й (П. Козлов) и 57-й (К. Подлас) армий Южного фронта генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского был нанесен мощный танковый удар со стороны группы армий «Клейст».

В создавшейся ситуации новый начальник Генерального штаба РККА генерал-полковник А.М. Василевский предложил И.В. Сталину немедленно прекратить наступление войск Юго-Западного фронта и повернуть войска 6-й армии генерал-лейтенанта А.М. Городнянского и фронтовой оперативной группы генерал-лейтенанта Л.В. Бобкина для ликвидации крайне опасного прорыва противника в полосе Южного фронта. Однако Верховный Главнокомандующий только 19 мая дал разрешение на переход к обороне по всей линии фронта, но было уже слишком поздно. 23 мая передовые части 6-й полевой армии и группы армий «Клейст» соединились южнее

Балаклеи и окружили войска **6-й и 57-й армий**. В ходе ожесточенных боев, продолжавшихся **24–29 мая 1942 г.**, большая часть советских войск так и не смогла вырваться из окружения и многие бойцы и командиры пали смертью храбрых на поле боя, в том числе заместитель командующего **Юго-Западным фронтом** генерал-лейтенант **Ф.Я. Костенко** и командармы **Л.В. Бобкин, А.М. Городнянский и К.П. Подлас**.

Во второй половине июня 1942 г. войска **59-й (И. Коровников) и 2-й ударной (А. Власов) армий Волховского фронта (К.А. Мерещков)**, героически сражаясь с противником в районе **Любани**, были окружены и практически полностью разгромлены превосходящими силами **18-й полевой армией генерал-полковника Г. Линдемана**. При этом командарм **2-й ударной армии генерал-лейтенант А.А. Власов** добровольно сдался в плен и, перейдя на службу к врагу, возглавил так называемую **Русскую Освободительную армию (РОА)**, навечно запятнавшую себя несмываемым позором перед памятью живых и павших героев **Великой Отечественной войны**.

В конце июня – начале июля 1942 г. в ходе **Воронежско-Донбасской оборонительной операции** войска **Брянского (Ф.И. Голиков), Юго-Западного (С.К. Тимошенко) и Южного (Р.Я. Малиновский) фронтов**, неся огромные потери, отошли на **150–400 километров** вглубь страны и оставили противнику всю территорию **Донбасса и Ростовской области РСФСР**.

4. Первый этап Сталинградской битвы: оборона Сталинграда (17 июля – 18 ноября 1942 г.)

Еще в **апреле 1942 г. А. Гитлер** подписал **Директиву № 41**, в которой была определена главная стратегическая задача германских вооруженных сил на **летнюю кампанию 1942 г.** — уничтожение советских войск на южном стратегическом направлении и овладение **Кавказом**, который являлся важнейшим нефтяным регионом мира.

С этой целью в **начале июля 1942 г.** группа армий «Юг» была разделена на две части. **Группа армий «А»** в составе **11-й и 17-й полевых армий вермахта, 8-й итальянской армии и 1-й танковой армии** под общим командованием фельдмаршала **В. Листа** должна была нанести **главный удар на кавказском стратегическом направлении**. **Группа армий «Б»** в составе **2-й и 4-й полевых армий вермахта, 2-й венгерской армии и 4-й танковой армии** под общим командованием фельдмаршала **Ф. Бока** наносила **вспомогательный удар на сталинградском направлении**. Всего же на южном участке советско-германского фронта противник сосредоточил огромные силы и средства: более **900 тысяч** солдат и офицеров, **1200 танков, 1650 самолетов** и более **17000 орудий**.

На южном стратегическом направлении оборону держали войска двух советских фронтов:

Кавказское направление обороняли войска **Северо-Кавказского фронта** под командованием маршала **С.М. Буденного**. В составе этого фронта находились части и соединения пяти общевойсковых армий: **12-я (А. Гречко) и 37-я (П. Козлов)** армии обороняли ставропольское направление, а **18-я (Ф. Камков), 47-я (Г. Котов) и 56-я (А. Ряжов)** армии — **краснодарское направление**. **Сталинградское направление** обороняли войска **Сталинградского фронта** под командованием генерал-лейтенанта **В.Н. Гордова**, в состав которого входили **21-я (А. Данилов), 62-я (В. Колпакчи), 63-я (В. Кузнецов) и 64-я (В. Чуйков)** общевойсковые армии.

17 июля 1942 г. противник перешел в наступление по всей линии фронта и уже 26 июля, прорвав оборону 62-й армии, вышел к излучине Дона и создал реальную угрозу окружения войск Сталинградского фронта. В этой критической ситуации 28 июля 1942 г. за подписью И.В. Сталина вышел знаменитый Приказ № 227 «Ни шагу назад!», в соответствии с которым: 1) за проявленную трусость, дезертирство и самовольное оставление боевых позиций на фронте вводилась смертная казнь; 2) в частях и соединениях фронтового подчинения создавались штрафные роты и штрафные батальоны для рядового и офицерского состава РККА, которые постоянно находились на самых опасных участках передовой; 3) в тылах всех неустойчивых частей и соединений действующей армии создавались специальные заградительные отряды, которые, в случае панического бегства с передовых позиций, имели законное право открывать огонь на поражение по отступающим бойцам и командирам Красной Армии. Причем, необходимо подчеркнуть тот факт, что, как установили все серьезные военные историки (Ю. Рубцов), данные заградотряды состояли из бойцов тех же воинских частей и соединений, а не из войск НКВД, о чем особо любят посудачить наши записные либералы и антисталинисты (А. Мерцалов, М. Солонин, Г. Попов).

Надо сказать, что в современной либеральной публицистике и литературе издание этого приказа преподносится как самое веское доказательство преступности сталинского режима в годы войны. Однако если исторически оценивать данный приказ, то следует признать, что он сыграл исключительно важную роль в дальнейшем развитии событий на фронте и положил конец паническому бегству ряда наших воинских частей с передовых позиций.

К началу августа 1942 г. на южном участке советско-германского фронта наступило временное затишье, что позволило Ставке ВГК провести необходимые организационные мероприятия. В частности, 5 августа на базе Сталинградского фронта были созданы две новых группировки войск: Сталинградский фронт в составе 21-й (А. Данилов), 62-й (В. Колпакчи) и 63-й (В. Кузнецов) общевойсковых, 4-й танковой (В. Крюченкин) и 1-й воздушной (С. Худяков) армий, и Юго-Восточный фронт в составе 51-й (Т. Коломиец), 57-й (Ф. Толбухин) и 64-й (М. Шумилов) общевойсковых и 8-й воздушной (Т. Хрюкин) армий. Командующим Сталинградским фронтом был назначен генерал-лейтенант В.Н. Гордов, а Юго-Восточный фронт возглавил генерал-полковник А.И. Еременко. Однако уже 9 августа Ставка ВГК переподчинила Сталинградский фронт генерал-полковнику А.И. Еременко и направила в район боевых действий члена ГКО, секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова.

Тем временем, несмотря на героическое сопротивление войск Северо-Кавказского фронта (С.М. Буденный), противник захватил Майкоп, Краснодар, Армавир, Ставрополь и стал стремительно продвигаться к предгорьям Большого Кавказского хребта.

19 августа войска 6-й полевой армии Ф. Паулюса и 4-й танковой армии Г. Гота начали новое наступление на сталинградском направлении и к исходу 23 августа, смяв оборону 62-й армии, вышли севернее Сталинграда к Волге, образовав оперативный коридор между войсками двух советских фронтов. В создавшейся ситуации Ставка ВГК приказала ликвидировать этот коридор, однако неоднократные усилия войск 1-й гвардейской (К. Москаленко), 24-й (Д. Козлов) и 66-й (Р. Малиновский) армий не увенчались успехом. А уже 12 сентября 1942 г. противник вошел в Сталинград, где начались ожесточенные уличные бои.

Тем временем на кавказском театре боевых действий благодаря героической стойкости войск **Закавказского фронта (Я.Т. Черевиченко)** противник так и не смог овладеть **Большим Кавказским хребтом**. Разгневанный этим обстоятельством, **А. Гитлер**, который прекрасно понимал значение грозненской и бакинской нефти для дальнейшего хода всей войны, отправил в отставку фельдмаршала **В. Листа** и возложил на себя командование **группой армий «А»**. Тогда же в отставку был отправлен и начальник **Генерального штаба** сухопутных войск вермахта генерал-полковник **Ф. Гальдер** и на его место назначен генерал-полковник **К. Цейцлер**.

С **середины сентября до середины ноября 1942 г.** войска **62-й и 64-й армий Сталинградского фронта** под командованием генерал-лейтенанта **В.И. Чуйкова** и генерал-майора **М.С. Шумилова** героически обороняли каждую пядь волжской земли. Уличные бои в **Сталинграде** носили предельно жестокий и кровопролитный характер, особенно на стратегически важной высоте — **Мамаевом кургане**, который неоднократно переходил из рук в руки. Именно героическая оборона волжской твердыни, сковавшая на себя основные силы противника, позволила **Ставке ВГК** разработать и провести **Сталинградскую наступательную операцию**, которая положила начало коренному перелому в ходе всей **Великой Отечественной войны**.

5. Создание антигитлеровской коалиции (июль 1941 – июль 1942 г.)

Надо сказать, что в западной (**Г. Барнес, Ч. Тэнсилл, Р. Паркинсон**) и российской либеральной историографии (**М. Семиряга**) существует ложное представление о том, что процесс создания антигитлеровской коалиции союзных держав был начат в **сентябре 1939 г.**, то есть с момента начала **Второй Мировой войны**. При этом Советский Союз, который в **августе 1939 г.** был вынужден подписать «**Пакт о ненападении**» с Германией, по мнению этих авторов, изначально был не противником **Германии**, а ее военным союзником и только в **июне 1941 г.**, после начала **Великой Отечественной войны**, он вынужден был перейти в лагерь цивилизованных наций, в одиночку борющихся с коричневой чумой нацизма.

Подобного рода утверждения, особенно характерные для современных либералов, которые всегда обслуживали политические интересы доморощенных западников и русофобов, совершенно не согласуются с реальными историческими фактами.

1) Во-первых, ни о какой серьезной антигитлеровской коалиции до начала вступления Советского Союза во Вторую Мировую войну речи не шло, да и не могло идти. Этой коалиции просто-напросто не существовало, поскольку:

а) Бывшие мюнхенские умиротворители не только вели очень странную войну с германским агрессором, но и по свидетельству авторитетных авторов (В. Фалин), даже не разрабатывали в первые полгода войны серьезных военных операций против нацистской Германии.

б) Практически все потенциальные члены антифашистского блока — Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, Австрия, Польша, Чехословакия, Дания и Норвегия, за исключением Греции, Югославии и Великобритании, к июлю 1940 г. были оккупированы германскими вооруженными силами. При этом многие британские политики имели довольно тесные рабочие контакты со многими влиятельными нацистами, в частности главой «**Абвера**» **В. Канарисом** и министром промышленности и торговли **Я. Шахтом**.

в) Соединенные Штаты Америки и вовсе не вполне сознавали масштабы гитлеровской агрессии в Европе, и до поры до времени, не придавая им серьезного значения, объявили о своем «нейтралитете». Более того, как установил профессор **В.М. Фалин**, в мае 1940 г. президент США **Ф. Рузвельт** вел тайные переговоры с премьер-министром Канады **М. Кингом** на предмет спешного перебазирования британского флота в государства **Британского Содружества**, пока Англия не капитулировала перед **Третьим Рейхом**.

г) Более красноречивым фактом отсутствия реальной антигитлеровской коалиции является миссия личного представителя президента США **С. Уэллеса** в **Лондон, Париж, Рим и Берлин**, которая состоялась в **феврале — марте 1940 г.** В ходе своей миссии президентский посланник всерьез обсуждал с **Н. Чемберленом, П. Рейно, Б. Муссолини** и с нацистскими главарями — **А. Гитлером, Р. Гессом, Г. Герингом, И. Риббентропом** и **А. Вайцзеккером** вопрос о заключении мирного договора и признания большинства территориальных приобретений Германии за последние два года. Только после провала «миссии **С. Уэллеса**» президент США **Ф.Д. Рузвельт** отказался от политики умиротворения Германии и провозгласил новый курс во внешней политике своей страны. Однако даже после объявления этого курса, только спустя год, в **марте 1941 г., Конгресс США**, сломив мощное сопротивление «изоляционистов», негласными лидерами которых были госсекретарь **К. Хэлл**, глава ЦРУ **Дж. Далесс** и экс-президент **Г. Гувер**, принял знаменитый закон о «ленд-лизе».

д) Остальные державы европейского континента либо объявили о своем нейтралитете — **Швейцария и Швеция**, либо стали военными сателлитами Германии — **Италия, Испания, Португалия, Венгрия, Румыния, Болгария и Финляндия**.

2) Во-вторых, только после начала **Великой Отечественной войны**, когда жертвой фашистской агрессии стал Советский Союз, возникли реальные условия и предпосылки для создания настоящей антигитлеровской коалиции объединенных наций Америки, Австралии, Азии и Европы.

В отечественной историографии процесс создания антигитлеровской коалиции традиционно делят на два основных этапа: **1) Зарождение коалиции (июль 1941 г. — июль 1942 г.)** и **2) Союзные Конференции великих держав (ноябрь 1943 г. — август 1945 г.)**.

22–24 июня 1941 г., т.е. фактически сразу после нападения фашистской Германии на Советский Союз премьер-министр Великобритании **Уинстон Черчилль** и президент США **Франклин Делано Рузвельт** выступили с официальными заявлениями о поддержке Советского Союза в его борьбе против фашистской Германии и ее военных союзников. Однако юридическое оформление антигитлеровской коалиции началось только **12 июля 1941 г.**, когда по итогам состоявшихся переговоров между наркомом иностранных дел СССР **В.М. Молотовым** и послом Великобритании в СССР **С. Криппсом** было подписано первое англо-советское соглашение «**О совместных действиях правительств СССР и Великобритании в войне против Германии**», где речь шла об оказании взаимной помощи в борьбе против агрессора и об отказе заключения каких-либо сепаратных договоров с ним. Чуть позже аналогичные соглашения были подписаны послом СССР в Великобритании **И.М. Майским** с руководителями эмигрантских правительств Польши и Чехословакии в Лондоне **В. Сикорским** и **Э. Бенешем**.

Во второй половине июля 1941 г. **И.В. Сталин** обратился с личным посланием к главе британского правительства **У. Черчиллю** с предложением о создании **Второго**

фронта в Европе на севере Франции или в Норвегии, однако оно было сразу отклонено. Затем в **Москве** прошли важные переговоры **И.В. Сталина** и **В.М. Молотова** с личным представителем президента США **Г. Гопкинсом**, на которых были оговорены принципы взаимодействия двух стран и принято решение о созыве совещания для изучения стратегических интересов трех мировых держав в условиях войны.

В **августе 1941 г.** руководители Великобритании и США на борту английского линкора «**Принц Уэльский**» близ **Ньюфаундленда** подписали знаменитую «**Атлантическую хартию**», в которой были провозглашены основные принципы ведения войны против агрессора и послевоенного устройства мира, к которой в **сентябре 1941 г.** присоединился Советский Союз.

В **начале сентября 1941 г.** **И.В. Сталин** вторично обратился к **У. Черчиллю** с просьбой об открытии **Второго фронта** в Европе на севере Франции или на Балканах, что могло бы оттянуть с **Восточного фронта** несколько десятков дивизий противника. Однако и на сей раз в **Москве** был получен невразумительный отказ.

29 сентября – 1 октября 1941 г. состоялась **Московская конференция** представителей СССР (**В.М. Молотов**), США (**А. Гарриман**) и Великобритании (**У. Бивербрук**), в работе которой принял участие и глава советского правительства **И.В. Сталин**. На этой конференции, убедившись в том, что Советский Союз в состоянии оказывать реальное противодействие военной машине Германии, было положительно решены все вопросы о взаимных поставках и использовании материальных ресурсов трех стран в войне против Германии. В частности, Великобритания и США взяли на себя обязательства ежемесячно поставлять в Советский Союз **500 танков, 400 самолетов** и другую военную технику и вооружения, а СССР выразил готовность предоставить союзникам по коалиции необходимые им сырьевые ресурсы и материалы.

В **конце октября 1941 г.** **Ф.Д. Рузвельт** сообщил **И.В. Сталину** о решении американского правительства предоставить СССР беспроцентный заем в размере одного миллиарда долларов, а уже в **начале ноября** своим указом он распространил действие закона о «ленд-лизе» на Советский Союз. А в **начале декабря 1941 г.** после официального вступления США во **Вторую Мировую войну**, правительство **Ф.Д. Рузвельта** перешло к более решительным и активным действиям. **1 января 1942 г.** на международной конференции в **Вашингтоне** двадцать шесть государств мира, в том числе СССР, США, Великобритания, Канада, Индия, Китай, Чехословакия, Польша и Югославия, подписали «**Декларацию Объединенных наций**», в которой были закреплены важнейшие обязательства стран-участниц антигитлеровской коалиции между собой: **1)** употребить все свои ресурсы до полного разгрома членов «**Тройственного пакта**» — Германии, Италии, Японии и их военных союзников — Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии; **2)** активно сотрудничать по всем вопросам и не заключать сепаратных соглашений или мирных договоров с указанными странами.

В **апреле 1942 г.** **И.В. Сталин** и **Ф.Д. Рузвельт** обменялись посланиями, в которых речь шла о необходимости созыва новой конференции трех великих держав по вопросам открытия **Второго фронта** в Европе. Затем, **26 мая 1942 г.** руководители внешнеполитических ведомств СССР и Великобритании **В.М. Молотов** и **А. Иден** подписали в **Лондоне** договор о союзе в войне против фашистской Германии и ее военных союзников, а также о сотрудничестве и взаимодействии двух стран после окончания войны. А **11 июня 1942 г.** в **Вашингтоне** посол СССР **М.М. Литвинов** и государственный секретарь США **К. Хэлл** подписали соглашение между двумя

странами, в котором были закреплены основные принципы взаимопомощи в борьбе против агрессора и оформлены обязательства США по военным поставкам в СССР, осуществляемых по программе «ленд-лиза». Подписание этих соглашений имело огромное значение для дальнейшего хода всей войны, поскольку они **юридически оформили военно-политический союз трех великих держав в борьбе против нацизма и милитаризма.**

Вместе с тем, руководители Великобритании и США продолжали вести двойную игру. Так, в **конце июля 1942 г.**, на лондонских переговорах они подписали соглашение, которое полностью противоречило интересам большинства стран антигитлеровской коалиции: **создание Второго фронта в Европе вновь было отложено на неопределенный срок**, зато было принято решение о начале активных боевых действий англо-американских войск в Северной Африке. Хотя, еще в **мае 1942 г.** во время визита **В.М. Молотова** в США президент **Ф.Д. Рузвельт**, руководитель **Объединенного Комитета начальников штабов** генерал **Дж. Маршалл** и главнокомандующий **Военно-Морских сил** адмирал **Э. Кинг** уверяли советского наркома, что они **«очень желают открыть Второй фронт в Европе в 1942 г.»**.

Между тем, **12–15 августа 1942 г.** состоялось **Московское совещание** глав правительств СССР (**И.В. Сталин**), Великобритании (**У. Черчилль**) и представителя президента США (**А. Гарриман**), на котором британский премьер вновь заявил, что союзники не смогут по объективным причинам открыть **Второй фронт** в Европе в **1942 г.**

6. Идеология германского нацизма и нацистский оккупационный режим на территории СССР

Политику нацистских лидеров в отношении СССР определяло их изуверское стремление сначала ликвидировать Советский Союз как первое социалистическое государство, затем расчленить его, а потом заняться физическим уничтожением миллионов русских, малороссов, белорусов и других народов нашей страны. Очищенные таким способом вплоть до **Урала** земли планировалось сразу заселить немецкими колонистами. Хотя, вначале главной целью нацистов была отнюдь не реализация бредовой идеи о расовой «чистке» человечества, разработанной идеологами **европейского расизма и евгеники Ф. Гальтоном, Ж. Гобино и Х.С. Чемберленом**, а захват любой ценой, с применением самых бесчеловечных методов, «жизненного пространства для арийской расы» на востоке и завоевание мирового господства. Поэтому эта война первоначально преподносилась как «борьба за жизненное пространство для немецкой нации» и обосновывалась лживым тезисом о том, что немцы оказались единственным народом на Земле, лишенным необходимого ему жизненного пространства.

Эта политика вполне отвечала интересам всех германских элит, которые давно вынашивали в отношении Европы агрессивные имперские планы, предусматривавшие, в том числе, завоевание и колонизацию всей **Восточной Европы** вплоть до **Урала** и **Кавказа**. Существенное влияние на цели германской агрессии и оккупации оказывал и **нацистский вариант расовой теории (А. Розенберг, К. Мейер-Хетлинг)**, который на практике обернулся массовыми убийствами и истреблением целых народов. Расистская оценка «ленинско-сталинского коммунизма» и советского государства как «всемирного еврейского большевизма», а также соединение антисемитизма

с антикоммунизмом являлись не только инструментом нацистской пропаганды, но и составной частью программы германского национал-социализма. Совокупность этих компонентов и определила характер войны гитлеровской Германии против СССР как войны на уничтожение, обусловила геноцид в отношении европейских евреев и уничтожение миллионов славян, прежде всего, русского народа.

Германский генерал **Г. Томас**, бывший начальник **Управления военного хозяйства и вооружений Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ)**, сообщил на допросе в **Нюрнберге**, что один из главарей германского рейха, рейхсмаршал **Г. Геринг** в **ноябре 1940 г.** назвал ему следующие причины, побудившие **А. Гитлера** напасть на Советский Союз: **1)** большевики на нас рано или поздно все равно нападут, поэтому их промышленность должна быть разрушена, прежде чем они будут готовы к войне; **2)** война против Англии будет длиться дольше, чем мы ожидали, поэтому в целях обеспечения продовольствием населения Срединной Европы нам нужны богатые украинские урожаи; **3)** нам необходимо прорваться к Кавказу, чтобы овладеть кавказскими нефтяными районами, поскольку без них невозможно ведение широкомасштабной воздушной войны против Англии и Америки. Поэтому в **начале июня 1941 г.** на заседании хозяйственного штаба «**Ольденбург**» генерал **Г. Томас**, обосновывая свое главное задание обеспечить «скорейшее использование экономического потенциала России, в частности в секторе продовольствия и горючего», опирался на аргументы, названные ему **Г. Герингом**.

Однако германский поход против СССР с самого начала в корне отличался от той войны, которую немцы вели против других стран Европы, как по своим целям, так и по методам ведения боевых действий и оккупационной политики. Эти методы и цели были бесчеловечными и противоречили всем нормам международного права и правилам ведения войны. Многие архивные документы свидетельствуют, что уже на подготовительном этапе к войне против СССР, гитлеровская Германия наряду с намерениями завоевать на Востоке Европы «жизненное пространство», то есть приобрести источники промышленного и сельскохозяйственного сырья, области сбыта товаров и огромные пространства для расселения немцев, преследовала и другие далеко идущие цели. За тридцать лет, то есть в течение жизни одного поколения, планировалось уничтожить всех евреев, коммунистов и интеллигенцию, а численность местного, в основном, славянского, населения значительно сократить посредством сознательно организованного голода, массовых депортаций, принудительных работ и т.д. Оставшимся в живых предстояло стать илотами, то есть рабами германских колонизаторов. **План «Барбаросса»** предполагал до **зимы 1941 г.** произвести военную оккупацию советской территории по **линии Архангельск — Астрахань**, потом на время провести отвлекающую политику «замирения» этого гигантского пространства, и лишь затем начать его методичную колонизацию и уничтожение большинства местного населения.

Со времени проведения **Нюрнбергского процесса** над главными германскими военными преступниками в историографии не утихают споры о том, кто несет персональную ответственность за постановку преступных политических целей в войне против СССР, за массовые преступления, совершенные вермахтом в ходе военных действий, и за преступления германских оккупационных властей. Главным, если не единственным виновником этих преступлений пытаются представить германское политическое руководство, т.е. **А. Гитлера, Г. Гимmlера, Й. Геббельса, Г. Геринга,**

Р. Гейдриха и других. При этом ответственность всех командных и штабных инстанций вермахта — от **Верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ)**, **Верховного главнокомандования сухопутных сил (ОКХ)** и командования группами армий до командования отдельными армиями и дивизиями до районных, городских и сельских комендантов — зачастую либо отвергается, либо сознательно преуменьшается. При этом ссылаются на подчиненное положение военных и на ограниченность их компетенций. Раздаются также заявления о том, что действия вермахта были продиктованы «военной необходимостью», поскольку они определялись, с одной стороны, директивами, ответственность за издание которых лежит исключительно на **А. Гитлере**, а с другой, — являлись лишь ответной реакцией на действия Красной Армии и советских партизан. Оправдать бесчисленные преступления в отношении военнопленных, гражданского населения и лиц, занимавших высокие посты в советском партийно-государственной и военном руководстве, которые были совершены вермахтом на захваченной территории СССР, пытаются ссылками на то, что «военному утилитаризму» якобы не было никакой альтернативы.

Более того, в современной историографии все чаще проводится мысль, что германские военные не рассматривали эту войну на уничтожение в качестве средства достижения мирового господства Германии, и что их взглядам и действиям не был присущ расизм. Но после 1945 г. было опубликовано огромное число архивных документов, касающихся как подготовки, так и ведения Германией войны против СССР, которые убедительно доказывают несостоятельность попыток снять с вермахта вину за совершенные им преступления. Все эти документы красноречиво свидетельствуют, что именно военные инстанции сформулировали основные цели блокады **Ленинграда** и определяли характер германской оккупационной политики в **Ленинградской области**. Поэтому огромные жертвы среди гражданского населения на оккупированных территориях, среди военнослужащих **РККА**, попавших в германский плен, и советских партизан являлись прямым следствием сознательного отказа вермахта от соблюдения установленных правил ведения войны и норм международного права.

Основополагающие документы, характеризующие цели Германии в войне против СССР и использовавшиеся ею методы достижения этих целей, опубликованы в многочисленных документальных изданиях и в серьезных научных трудах. Из них следует, что уже при подготовке первых оперативных разработок **плана «Барбаросса»**, в частности проектов генералов **Г. Грейфенберга**, **Э. Маркса**, **Б. Лоссберга** и **Ф. Паулюса**, созданных в **июле — ноябре 1940 г.**, германские генштабисты руководствовались тем, что главной целью войны против СССР является установление «немецкого жизненного пространства». Более того, начальник штаба оперативного руководства **ОКХ** генерал-полковник **А. Йодль** прямо писал, что после ликвидации еврейско-большевистского режима надо решительно воспрепятствовать тому, чтобы на месте большевистской России возникла Россия национальная. Отметим, что все эти идеи были сформулированы генералитетом вермахта задолго до того, как в **марте 1941 г.** **А. Гитлер** пригласил в **Имперскую канцелярию** весь высший генералитет и прямо заявил ему, что «войну против Советской России следует вести на полное уничтожение».

подавляющее большинство высших чинов вермахта без возражений приняло это указание фюрера и с началом боевых действий последовательно руководствовались им. В рамках этого указания **А. Гитлера** уже в **апреле — мае 1941 г.** в **Генштабе**

ОКХ под руководством генерал-полковника В. Гальдера были разработаны приказы «Об установлении военного оккупационного режима», «О деятельности особых зондеркоманд и специальных групп полиции безопасности и СД», «О военной подсудности» и другие. Кстати, именно последний приказ позволил производить массовые расстрелы мирных граждан на территории СССР и освободил представителей вермахта от любой ответственности за их преступления, совершаемые против мирного местного населения на оккупированной территории. В рамках этого указания высшими командными инстанциями вермахта в июне 1941 г. был издан и пресловутый «Приказ о комиссарах», согласно которому всех политических комиссаров и политработников РККА следовало «принципиально уничтожать на месте с помощью оружия». Параллельно с приказами о ведении войны на уничтожение, изданными военными инстанциями накануне нападения на СССР, различными гражданские и полувоенные ведомства и учреждения, находившиеся в подчинении Г. Гимmlера и Г. Геринга, разработали директивные документы об экономической эксплуатации и тотального разграбления всей территории СССР. Кроме того, ближайшие и последующие цели оккупационной политики германских властей на территории СССР были сформулированы в ряде основополагающих документов нацистских главарей, например, в печально знаменитых «Зеленой папке» и Генеральном плане «Ост», где содержались основные цели германского нацизма: колонизация территорий Восточной Европы, истребление, онемечивание и превращение народов восточно-европейских стран в рабов Третьего Рейха. Хорошо известный изуверский «План Ост» разрабатывался, в основном, Главным управлением имперской безопасности (РСХА) под личным руководством его «вождей» Р. Гейдриха (1939–1942), а затем Г. Гимmlера (1942–1945) и был утвержден А. Гитлером в конце мая 1940 г. Полный текст этого плана так и не найден, но связанные с ним документы позволяют восстановить его основные положения. В частности, именно он предусматривал физическое уничтожение 30 млн и выселение с мест традиционного проживания свыше 50 млн русских, белорусов, украинцев, поляков, чехов и других славянских народов в Западную Сибирь, на Северный Кавказ, в Южную Америку и даже Африку. Освободившиеся территории намечалось заселить 10 млн этнических немцев, а оставшееся население насильно онемечить и превратить в рабов. При этом предполагалось создать особо охраняемые военные поселения для коренного населения, насильно ограничить рождаемость «недочеловеков», заменить национальный язык немецким языком и ликвидировать всю систему среднего и высшего образования на национальном языке.

На большей части территорий, подвергшихся оккупации, захватчики ввели для всех советских граждан в возрасте от 18 до 45 лет (для евреев — от 18 до 60 лет) жесткую трудовую повинность, за отказ и уклонение от которой, невыполнение любых приказов гражданских и военных властей, малейшее неповиновение им, сопротивление грабежу и насилию, помощь партизанам, членство в коммунистической партии и комсомоле, принадлежность к еврейской национальности и просто без причины следовали массовые расстрелы, казни через повешение, избиения и пытки со смертельным исходом, заключение в концлагеря и т.д.

Репрессиям со стороны фашистских захватчиков подверглись в первую очередь славяне, евреи и цыгане, а также все остальные «неполноценные народы». Так, в Белоруссии был уничтожен каждый четвертый житель, а на Украине погиб

каждый шестой. На оккупированных территориях создавались лагеря смерти по типу печально знаменитого концлагеря «Куртенгоф» (Саласпилс), где, по общим подсчетам, погибло около 5 млн советских граждан. Всего же на оккупированной территории было преднамеренно истреблено не менее 7,5 млн мирных советских граждан. Огромный урон людских ресурсов произошел и в результате насильственного угона самой трудоспособной части населения оккупированных территорий на принудительные работы в Германию и другие европейские страны, включенные в состав Третьего Рейха. Из общего числа советских граждан, насильственно вывезенных на работы в Германию, — почти 5,3 млн человек, после окончания войны было репатриировано на родину около 2,6 млн человек, не возвратились на родину и стали эмигрантами — чуть более 450 тыс. человек, а остальные 2 млн 170 тыс. человек либо погибли, либо умерли в плену.

Опасаясь, что три славянских советских республики будут постоянным источником угрозы для самой Германии, гитлеровское руководство считало крайне опасным предоставить этим территориям какую-либо форму национальной государственности. Планировалось, что ближайшие к Третьему Рейху территории будут включены в его состав, в частности Западная Белоруссия станет составной частью Восточной Пруссии, а Западная Украина войдет в состав особого Польско-го генерал-губернаторства, а в остальных районах Европейской части СССР будут созданы особые Рейхскомиссариаты.

Уже в конце июля 1941 г. по указанию фюрера был создан Рейхскомиссариат «Остланд», в состав которого вошли Эстония, Латвия, Литва, Северная Белоруссия и часть Ленинградской и Псковской областей РСФСР. Главой этого Рейхскомиссариата был назначен гауляйтер Г. Лозе, резиденцией которого стала Рига. Затем, в начале сентября 1941 г. новым распоряжением германского фюрера был создан Рейхскомиссариат «Украина», в состав которого были включены Волынь, Галиция, Подолия, Полесье и Крым. Главой этого Рейхскомиссариата был назначен гауляйтер Э. Кох, резиденцией которого стал Ровно. По мере продвижения вперед предполагалось также создать Рейхскомиссариаты «Кавказ» и «Московия», но, как известно, эти сумасбродные планы гитлеровских захватчиков потерпели полный крах.

Все Рейхскомиссариаты делились на генеральные комиссариаты, которые, в свою очередь, делились на областные комиссариаты. Область состояла из нескольких округов, возглавляемых обер-бургомистрами, а округа — из районов во главе с управой. В каждый район входило семь-восемь волостей, которыми руководили волостные старшины — бургомистры, а во всех селах и деревнях немецкими властями назначались старосты из числа местных жителей. Контроль за работой гражданских властей на территории всех Рейхскомиссариатов возлагалась на Министерство по делам оккупированных восточных областей, которым руководил один из главных идеологов германского нацизма А. Розенберг.

На тех оккупированных территориях, которые входили в состав тыловых районов армейских группировок вермахта, вся власть сосредоточивалась в руках военного командования. Во главе военной администрации стоял генерал-квартирмейстер Главного командования сухопутных войск (ОКВ) генерал артиллерии Э. Вагнер, которому напрямую подчинялись командующие тыловыми районами групп армий. В тыловых районах армий административная власть находилась в руках комендантов тыловых районов, а руководителями первичных органов военной оккупационной

администрации являлись полевые коменданты и начальники гарнизонов. Порядок в тыловых районах войск и охрана объектов обеспечивались специальными **охранными дивизиями**, а также **полицией** и различными специальными формированиями. На оккупированной территории действовали также подразделения **Гестапо**, **Орпо**, **СД**, **СС** и других спецслужб германского рейха, в частности оперативные группы и полицейские формирования, **части ваффен-СС** и **айнзащиты** (боевые эскадроны смерти), которые были призваны следить за местным населением, бороться с сопротивлением оккупационным властям и проводить показательные карательные акции. Кроме того, в ряде районов оккупационные власти создавали профашистские боевые формирования, союзы и организации из советских военнопленных и местных жителей. Они, конечно, не оказали серьезного влияния на обстановку на фронте, но явились значительной силой в руках вермахта и оккупационных властей в борьбе с активными участниками антифашистского сопротивления.

Одной из главных задач оккупационной администрации был персональный учет всего населения в целях борьбы с диверсантами, партизанами и организации рабочей силы. Все перемещения из городов и населенных пунктов разрешалось только по специальным пропускам, выдаваемых в местных комендатурах, причем, лишь в дневное время. Одновременно вводилась обязательная регистрация местных жителей, которым на определенный срок выдавались удостоверения личности, где, помимо фотографии и сведений о месте и дате рождения, указывались внешние данные его владельца: рост, цвет волос и глаз, особые приметы и т.д.

Кроме того, для устрашения всего населения оккупированных территорий широко применялись массовые казни и уничтожение жителей целых деревень и сел. Символами зверств немецких оккупантов стали белорусская деревня **Хатынь**, где в **марте 1943 г.** немецкие и украинские (бандеровские) каратели из **201-го шуцманштаф батальона**, сформированного на базе батальонов «**Нахтигаль**» (**Р. Шухевич**) и «**Роланд**» (**Е. Побигущий**), заживо сожгли всех ее жителей, в том числе грудных и малолетних детей, а также киевский **Бабий Яр**, в котором было расстреляно свыше **100 тыс. человек**. Миллионы мирных граждан вешали, расстреливали, заживо закапывали в землю, бросали в стволы шахт, замуровывали в штрехах, душили автомобильными газами, держали в концлагерях и резервациях. Многие люди лишались жизни за простое укрывание и лечение красноармейцев, чтение и распространение советских листовок, сообщений советского радио или просто по подозрению в нелояльности к оккупационным властям. Естественно все эти зверства нацистов вскоре вызвали мощный народный протест, зримо проявившейся в мощном партизанском движении на всей оккупированной территории, особенно в Белоруссии и на Украине.

7. Партизанское движение на оккупированной территории

Выдающуюся роль в период **Великой Отечественной войны** сыграло партизанское движение, которое охватило значительную часть оккупированной территории страны, прежде всего, **Белоруссию**, **Украину**, **Брянскую**, **Смоленскую**, **Псковскую**, **Ленинградскую** и другие области **РСФСР**. Основные задачи партизанского движения впервые были изложены в совместной **Директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей»** и в **Постановлении ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск»**, которые были при-

няты вскоре после начала войны — **29 июня** и **18 июля 1941 г.** В этих директивных документах были сразу сформулированы основные задачи советских и партийных органов в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях: «в занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и так далее. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия. Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах». Кроме того, важнейшие направления борьбы в тылу врага, в том числе тотальное уничтожение железнодорожных составов и путей, были сформулированы в **Приказе наркома обороны СССР И.В. Сталина «О задачах партизанского движения»**, который был подписан им в **5 сентября 1942 г.**

На начальном этапе войны особую роль в становлении и развертывании партизанского движения в тылу врага сыграло **4-е Управление НКВД СССР**, которое возглавил молодой, но очень опытный чекист-диверсант генерал-лейтенант **П.А. Судоплатов**. В состав этого **Управления** входила **Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР** полковника **М.Ф. Орлова**, из состава которой формировались небольшие мобильные разведывательно-диверсионные отряды, забрасываемые в тыл врага, которые затем, как правило, превращались в крупные партизанские отряды, бригады и соединения. Первоначально на вооружении у партизан было, в основном, легкое огнестрельное оружие — автоматы, ручные пулеметы, винтовки и карабины, однако затем многие отряды и соединения обзавелись минометами и станковыми пулеметами, а ряд из них — даже полевой артиллерией. Все лица, вступавшие в партизанские формирования, принимали особую партизанскую присягу, а в самих отрядах устанавливалась строгая воинская дисциплина, нарушение которой каралось по законам военного времени

В мае 1942 г. под эгидой **Ставки ВГК** был создан **Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД)**, который возглавил **Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии** генерал-лейтенант **П.К. Пономаренко**. В структуре **ЦШПД** были два отдела. **Разведотдел ЦШПД** отвечал за работу по установлению новых войсковых соединений противника, прибывающих на фронт, перегруппировок войск, состояния и работы коммуникаций противника, контроля за его мероприятиями по подготовке защитных и оборонительных рубежей, дислокации и перебазированию аэродромов и складов боеприпасов, численностью и боеспособностью полевых и охранных частей, а также политико-экономическим положением на оккупированной территории СССР. **Оперативный отдел ЦШПД** руководил боевой деятельностью партизанских соединений, как через соответствующие штабы партизанского движения, так и напрямую. Кроме того **Оперативный отдел** занимался созданием рейдовых партизанских соединений и отрядов, засылкой организаторских и диверсионных групп и переформированием партизанских соединений, определял им новые районы деятельности и ставил им боевые задачи, а также занимался контролем выполнения приказов начальника **ЦШПД**.

В оперативном отношении ЦШПД подчинялись все республиканские и областные штабы партизанского движения, которые возглавлялись секретарями или членами ЦК Компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов партии. В частности, Украинский штаб партизанского движения возглавил кадровый чекист, зам. главы НКВД УССР генерал-майор Т.А. Строкач, Белорусский штаб партизанского движения — секретарь ЦК Компартии Белоруссии генерал-майор П.З. Калинин, а Литовский штаб партизанского движения — первый секретарь ЦК Компартии Литвы А.Ю. Снечкус. Естественно создание штабов партизанского движения, а так же надежных каналов связи партизанских отрядов и соединений с «Большой землей» придали партизанскому движению гораздо более организованный характер, что позволило в больших масштабах согласовывать действий партизан с частями регулярной Красной Армии.

В сентябре 1942 г. была учреждена должность Главнокомандующего партизанским движением, на которую был назначен член Политбюро ЦК маршал К.Е. Ворошилов, и Центральный штаб партизанского движения был переподчинен ему. В ноябре 1942 г. новоиспеченный партизанский главком внес в Ставку ВГК и ГКО предложение о создании в тылу германских войск регулярной партизанской армии. Однако после изучения данного вопроса его предложение было отвергнуто, а в мае 1943 г. пост Главкома партизанским движением был упразднен. Отныне Центральный штаб партизанского движения, состав которого входили генерал-лейтенант П.К. Пономаренко, нарком НКВД УССР генерал-майор В.Т. Сергиенко и начальник Управления радиоразведки ГРУ НО СССР генерал-майор Т.Ф. Корнеев, был вновь напрямую подчинен Ставке ВГК и лично И.В. Сталину.

Первоначально, в 1941–1942 гг., основной тактической единицей советских партизан являлся партизанский отряд, ставший в годы войны одной из основных организационных структур и самой распространенной боевой единицей всех партизанских формирований. По своему предназначению все партизанские отряды делились на обыкновенные (унитарные), специальные (разведывательно-диверсионные), кавалерийские, артиллерийские, маршевые, штабные, резервные и местной самообороны. Как правило, эти отряды имели по 35–90 человек личного состава и делились на две-три боевые группы. Первые партизанские отряды носили название по месту дислокации (Путивльский, Шепетовский, Пинский) или по фамилии и кличке командира (отряд «Батьки Миная», отряд «Батьки Панаса»), а чуть позже им стали давать имена советских вождей, известных советских полководцев и легендарных героев Революции и Гражданской войны, например, Партизанский отряд им. С.М. Кирова, Отдельный партизанский отряд им. Н.А. Щорса, 3-й Партизанский отряд им. Г.К. Жукова, 2-й Партизанский отряд им. В.П. Чкалова и т.д. Самыми крупными и результативными партизанскими отрядами, уничтожившими десятки тысяч немецких оккупантов, тысячи единиц боевой техники и сотни тонн боеприпасов, продовольствия и фуража, были партизанские отряды и диверсионно-разведывательные группы «Победители» (Д.Н. Медведев), «За Родину» (И.М. Бовкун), «Патриот» (А.С. Азончик), «Соколы» (К.П. Орловский), «Охотники» (Н.А. Прокопюк), «Вторые» (Н.В. Зебницкий), «Боевой» (В.Л. Неклюдов), «Местные» (С.А. Ваупшасов), «Помощь» (Б.Л. Галушкин) и другие, командиры которых были удостоены звания Героя Советского Союза.

Затем многие отряды стали объединяться в партизанские бригады и соединения численностью от нескольких сот до нескольких тысяч бойцов. Партизанская бригада

стала основной организационной формой партизанских формирований примерно с **осени 1942 г.** и обычно состояла из **4–8 отрядов (батальонов)** в зависимости от их численности. Многие из них включали в свой состав кавалерийские подразделения, артиллерийские, минометные и пулеметные взводы, роты и батареи (дивизионы). Численность партизанских бригад постоянно колебалась от нескольких сотен до нескольких тысяч бойцов. Управление бригады обычно состояло из командира, комиссара, начальника штаба, заместителей командира по разведке, диверсиям, помощника командира по обеспечению, начальника медицинской службы и заместителя комиссара по комсомолу. В большинстве бригад были штабные роты или взводы связи, охраны, радиостанция, подпольная типография, у многих — свои госпитали, мастерские по ремонту оружия и имущества, взводы боеобеспечения, посадочные площадки для самолетов и т.д. В числе самых результативных бригад, командиры которых стали Героями Советского Союза, были **Чашникская партизанская бригада (Ф.Ф. Дубровский), Минская партизанская бригада «Дяди Коли» (П.Г. Лопатин), 3-я Латвийская партизанская бригада (О.П. Ошкали), 123-я Партизанская бригада (Ф.И. Павловский), Партизанская бригада «Народные мстители» (Г.Ф. Покровский), Партизанская бригада «Неуловимые» (М.С. Прудников), Партизанская бригада «Железняк» (И.Ф. Железняк), Партизанская бригада им. Д.Е. Кравцова (М.И. Дука)** и многие другие.

В тот же период возникло и несколько знаменитых **Партизанских соединений** — подобие целых партизанских армий, построенных по принципу крупных воинских соединений оперативно-тактического звена, которые возглавлялись такими легендарными командирами, удостоенных генеральских званий, как дважды Герои Советского Союза **С.А. Ковпак (Сумское партизанское соединение) и А.Ф. Федоров (Черниговско-Волынское партизанское соединение),** Герои Советского Союза **А.Н. Сабуров (Житомирское партизанское соединение), Д.В. Емлютин (Брянское партизанское соединение), П.П. Вершигора (Первая Украинская партизанская дивизия), М.И. Наумов (Объединенное кавалерийское соединение), В.З. Корж (Пинское партизанское соединение), Р.Н. Мачульский (Минское партизанское соединение), И.П. Кожар (Гомельское партизанское соединение)** и другие.

Кроме того, десятки тысяч советских патриотов вели борьбу против оккупантов в составе многочисленных подпольных комитетов и групп, работой которых руководили рескомы, обкомы, горкомы и райкомы партии. Многие из руководителей этих подпольных комитетов пали смертью храбрых и были удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе первый секретарь Харьковского подпольного обкома КП(б)У **И.И. Бакулин,** секретари Житомирского подпольного обкома КП(б)У **А.Д. Бородий, И.Ф. Бугайченко и Г.И. Шелушков,** секретарь Днепропетровского подпольного обкома КП(б)У **Н.И. Сташков,** секретарь Минского подпольного горкома КП(б)У **И.П. Казинец,** руководитель Винницкой городской подпольной парторганизации **И.В. Бевз,** секретарь Киевского подпольного райкома КП(б)У **А.С. Пироговский,** секретарь Вильнюсского подпольного горкома КП(б)Л **Ю.Т. Витас,** секретарь Нежинского подпольного комитета ВЛКСМ **Я.П. Батюк,** секретарь Рижского подпольного комитета ВЛКСМ **И.Я. Судмалис,** члены штаба легендарной Краснодонской подпольной организации «Молодая гвардия» **О.В. Кошевой, С.Г. Тюленин, И.А. Земнухов, У.М. Громова и Л.Г. Шевцова** и многие другие.

Главными элементами партизанской борьбы с фашистскими оккупантами стали: 1) диверсионная деятельность и разрушение инфраструктуры противника (рель-

совая война, уничтожение линий связи, отравление и уничтожение водопроводов и т.д.); 2) уничтожение складов боеприпасов, снаряжения, горючего и продовольствия, нападение на штабы и другие войсковые учреждения в тылу противника и уничтожение материальной части на аэродромах противника; 3) разведывательно-агентурная работа в тылу немецких воинских частей, полиции и гражданской администрации **Рейхскомиссариатов**; 4) уничтожение живой силы врага и физическая ликвидация предателей (коллорабационистов) и руководителей оккупационных органов власти; 5) восстановление и сохранение институтов советской власти, партийная агитация и пропаганда на оккупированной территории страны; 6) точное осведомление регулярных воинских частей **РККА** и советского командования о расположении, численности и передвижениях войск противника и т.д.

Пик партизанского движения пришелся на период коренного перелома в ходе войны, а с **июня 1943 г.** действия многих партизанских отрядов, бригад и соединений приобрели организованный характер и стали частью крупнейших общевойсковых операций, например, легендарные операции «**Рельсовая война**» (август – сентябрь 1943 г.) и «**Концерт**» (сентябрь – октябрь 1943 г.) на территории Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской, Белгородской, Харьковской, Сумской, Черниговской, Гомельской, Витебской и других областей, непосредственной организацией и проведением которых руководил «дедушка советского спецназа» полковник **И.Г. Старинов**.

К началу 1944 г. на оккупированной территории действовало около **1100 партизанских отрядов, бригад и соединений** общей численностью свыше **180 тыс. человек**, которые за годы войны уничтожили более **600 000 солдат и офицеров** вермахта, **4000 танков**, более **1000 самолетов** и пустили под откос более **20 000 эшелонов** с живой силой и техникой врага. Причем, советским диверсантам и подпольщикам удалось ликвидировать и многих вождей Третьего Рейха. В частности, легендарный разведчик-диверсант **Н.И. Кузнецов** лично уничтожил высших чиновников **Рейхскомиссариата «Украина»** генерала **Г. Геля** и оберфюрера **А. Функа**, вице-губернатора Галиции доктора **О. Бауера** и командира **740-го соединения «восточных батальонов»** генерал-майора **М. Ильгена**, а отважные белорусские партизанки-разведчицы **М.Б. Осипова**, **Е.Г. Мазаник** и **Н.В. Троян** ликвидировали генерал-комиссара Белоруссии **В. Кубе**.

Тема: ВТОРОЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (19 НОЯБРЯ 1942 Г. – 31 ДЕКАБРЯ 1943 Г.)

План:

1. Второй этап Сталинградской битвы: контрнаступление под Сталинградом (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.).
2. Военные операции на советско-германском фронте зимой 1942 г. – весной 1943 г.
 - а) Вторая Ржевско-Сычёвская операция (операция «Марс») (ноябрь – декабрь 1942 г.).
 - б) Прорыв блокады Ленинграда (январь 1943 г.).
 - в) Военные операции на южном стратегическом направлении.

3. Курская битва (5 июля – 23 августа 1943 г.).
 4. Военные операции на советско-германском фронте осенью – зимой 1943 г.
 - а) Военные операции на южном стратегическом направлении.
 - б) Военные операции на западном стратегическом направлении.
 5. Мобилизация народного хозяйства страны.
 6. Союзнический ленд-лиз и его роль в победе над Германией.
 7. Тегеранская конференция (28 ноября – 1 декабря 1943 г.).
-

1. Второй этап Сталинградской битвы: контрнаступление под Сталинградом (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.)

Еще в середине сентября 1942 г., когда передовые части вермахта ворвались в Сталинград, в Ставке ВГК состоялось совещание с участием **И.В. Сталина**, **Г.К. Жукова** и **А.М. Василевского**, на котором было принято решение приступить к разработке плана наступательной операции на сталинградском направлении. При этом **И.В. Сталин** ввел режим строжайшей секретности на весь период его подготовки и о полном замысле всей операции знали только три человека: сам **Верховный**, его заместитель и новый начальник **Генерального штаба**.

К концу сентября 1942 г. работа над планом операции, получившей кодовое название «**Уран**», была успешно завершена. Выполнение плана наступления советских войск под Сталинградом было возложено на части и соединения трех новых фронтов: **Юго-Западного** (командующий генерал-лейтенант **Н.Ф. Ватутин**, начальник штаба генерал-майор **Г.Д. Стельмах**), **Донского** (командующий генерал-лейтенант **К.К. Рокоссовский**, начальник штаба генерал-майор **М.С. Малинин**) и **Сталинградского** (командующий генерал-полковник **А.И. Еременко**, начальник штаба генерал-майор **Г.Ф. Захаров**). Координация действий всех фронтов возлагалась на трех представителей Ставки ВГК — генерала армии **Г.К. Жукова**, генерал-полковника **А.М. Василевского** и генерал-полковника артиллерии **Н.Н. Воронова**.

19 ноября 1942 г., после проведения мощной артиллерийской подготовки, с двух плацдармов, расположенных в районе **Клетской** и **Серафимовича**, в наступление перешли части и соединения **21-й (И. Чистяков)** и **65-й (П. Батов)** общевойсковых и **5-й танковой (П. Романенко)** армий **Юго-Западного** и **Донского фронтов**. С выходом советских войск на оперативный простор была полностью разгромлена **3-я румынская армия**, которая обороняла правый фланг германских войск севернее Сталинграда. 20 ноября с южного плацдарма в районе **Сарпинских озер** в наступление перешли войска **51-й (Н. Труфанов)**, **57-й (Ф. Толбухин)** и **64-й (М. Шумилов)** армий **Сталинградского фронта**.

23 ноября 1942 г. войска трех советских фронтов соединились у города **Калачна-Дону** и замкнули внутреннее кольцо окружения сталинградской группировки противника. Однако, из-за недостатка сил и средств, внешнее кольцо окружения, которое было предусмотрено первоначальным планом действий, создать не удалось. В связи с этим обстоятельством стало очевидным, что противник любой ценой попытается прорвать оборону наших войск на внутреннем кольце и деблокировать окруженную группировку **6-й полевой армией генерала Ф. Паулюса** под Сталинградом. Поэтому в Ставке ВГК было принято решение немедленно приступить к ликвидации окруженной группировки вермахта.

24 ноября 1942 г. советские войска приступили к операции по уничтожению сталинградской группировки противника, однако, ожидаемых результатов достичь не удалось, поскольку была допущена серьезная ошибка в определении численности окруженных войск. Изначально предполагалось, что в сталинградский котел попало около 90 тысяч солдат и офицеров вермахта, однако в реальности окруженная группировка противника оказалась на порядок больше — почти 330 тысяч человек. Кроме того, генерал-полковник Ф. Паулюс создал довольно прочную оборонительную линию на западном и юго-западном участках фронта, которая оказалась не по зубам советским войскам.

Тем временем по приказу А. Гитлера для деблокирования окруженной группировки в Сталинграде была создана новая группа армий «Дон», которую возглавил фельдмаршал Э. Манштейн. В рамках этой группы были созданы две ударных группировки фронтового подчинения: сводная оперативная группа генерал-лейтенанта К. Холлидта и сводная армейская группа генерал-полковника Г. Гота, костяк которой составили части 4-й танковой армии вермахта. Первоначально противник предполагал нанести удар по советским войскам с двух плацдармов южнее Сталинграда: в районе Котельниковской и Тормосина, однако, затем реализация этого плана была изменена.

В конце ноября 1942 г. по указанию Ставки ВГК началась разработка нового плана операции по уничтожению окруженной группировки противника под Сталинградом. В ходе обсуждения основных положений этого плана было высказано два предложения относительно характера дальнейших действий на южном стратегическом направлении:

1) Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А.И. Еременко предложил приостановить операцию по ликвидации окруженной группировки противника и, усилив внешнее кольцо блокады, начать стремительное наступление советских армий на Ростов, с тем, чтобы отрезать пути отхода немецкой группировки с Северного Кавказа.

2) Начальник Генерального штаба РККА генерал-полковник А.М. Василевский категорически отверг предложенный план действий, который больше походил на авантюру, и дал указание в кратчайшие сроки разработать план операции по разгрому немецкой группировки в Сталинграде.

В начале декабря в Оперативном управлении Генштаба, которое возглавил генерал-лейтенант А.И. Антонов, был подготовлен план новой операции под кодовым названием «Кольцо», согласно которому 18 декабря 1942 г. войска Донского и Сталинградского фронтов должны были приступить к разгрому окруженной группировки немцев под Сталинградом. Однако противник неожиданно внес существенные коррективы в реализацию этого плана.

12 декабря армейская группа «Гот» из района Котельниковский перешла в наступление против войск 51-й армии генерала Н.И. Труфанова и устремилась к Сталинграду. В течение целой недели у хутора Верхне-Кумский шли ожесточенные бои, в ходе которых противник сумел прорвать оборону наших войск и выйти в район реки Мышкова. В результате произошедших событий возникла реальная угроза прорыва внешнего кольца окружения и деблокирования группировки Ф. Паулюса в Сталинграде. В этой критической ситуации представитель Ставки ВГК генерал-полковник А.М. Василевский отдал приказ немедленно передислоцировать на

рубежи реки **Мышкова** войска **2-й гвардейской (Р. Малиновский)** и **5-й ударной (В. Романовский)** армий, которые изначально предназначались для ликвидации сталинградской группировки противника.

Кроме того, по приказу Ставки для ликвидации угрозы прорыва к Сталинграду с **тормосинского плацдарма** в наступление против группы армий «Дон» перешли войска **1-й (В. Кузнецов)** и **3-й (Д. Лелюшенко)** гвардейских армий **Юго-Западного фронта**, которые в ходе **Среднедонской наступательной операции** сковали противника на исходных рубежах и не позволили ему прорвать внешнее кольцо окружения в районе **Сталинграда**.

В течение **19–24 декабря 1942 г.** в ходе тяжелейших боев в районе реки **Мышкова** войска трех советских армий — **51-й, 2-й гвардейской и 5-й ударной** смогли остановить танковые части **группы армий «Дон»** и разгромить ее ударные группировки, которые так и не смогли прорваться к **Сталинграду** и выполнить поставленных задач.

8 января 1943 г. советское командование во избежание напрасного кровопролития предъявило командованию окруженных вражеских войск ультиматум с предложением прекратить бессмысленное сопротивление и капитулировать. Однако этот ультиматум был отвергнут, и **10 января** войска **Донского и Сталинградского фронтов** приступили к выполнению плана операции «Кольцо» по разгрому окруженной группировки немцев в районе **Сталинграда**. На первом этапе операции (**10–25 января 1943 г.**) войска **21-й (И. Чистяков), 57-й (Ф. Толбухин), 64-й (М. Шумилов) и 65-й (П. Батов)** армий двух фронтов, сломав оборону противника на южной и западной окраинах **Сталинграда**, заняли все аэродромы и максимально сузили площадь окруженной группировки немцев до **100 кв. километров**.

26 января началась реализация второго этапа операции, в ходе которого войска **21-й, 62-й и 65-й** армий сначала расчленили вражескую группировку на две части, а затем полностью разгромили ее. **31 января** прекратила сопротивление южная группа войск **6-й** полевой армии во главе с самим новоиспеченным фельдмаршалом **Ф. Паулюсом**, а **2 февраля** капитулировала северная группировка противника во главе с генерал-полковником **А. Шмидтом**.

В ходе **Сталинградского сражения** общие потери вермахта составили около **1,5 миллионов** солдат и офицеров, **3500 танков** и более **3000 самолетов**. Более **90 000** солдат и офицеров вермахта, в том числе **24 генерала**, были взяты в плен. Катастрофа вермахта под **Сталинградом** была настолько очевидной, что заставила нацистское руководство объявить в стране трехдневный траур.

В отечественной исторической науке с победой советских войск под **Сталинградом** традиционно связывают начало коренного перелома в ходе **Великой Отечественной войны**. И хотя в настоящее время целый ряд авторов (**А. Мерцалов, Б. Соколов**) ставят под сомнение данный тезис, мы все же согласимся с тем, что именно победа в **Сталинградской битве** ознаменовала собой начало перехода стратегической инициативы в руки советского военного командования.

Разгром немецко-фашистских войск под **Сталинградом** был по достоинству оценен высшим руководством страны: многие генералы, в том числе **Г.К. Жуков, А.М. Василевский, Н.Н. Воронов, К.К. Рокоссовский, Н.Ф. Ватутин, А.И. Еременко, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин, В.И. Чуйков, М.С. Шумилов, П.И. Батов, К.С. Москаленко, И.М. Чистяков и Н.И. Труфанов**, принимавшие активное участие в этой операции, были награждены полководческими орденами «**Суворова**» и «**Ку-**

тузова» высших степеней, а **И.В. Сталин**, **Г.К. Жуков** и **А.М. Василевский** были удостоены высшего воинского звания — маршал Советского Союза.

2. Военные операции на советско-германском фронте зимой 1942 г. – весной 1943 г.

а) Вторая Ржевско-Сычëвская операция (операция «Марс») (ноябрь – декабрь 1942 г.)

По строго засекреченному плану **Ставки ВГК**, полный замысел которого не был даже известен единственному заместителю **Верховного генерала армии Г.К. Жукову**, для успешной реализации контрнаступления советских войск под **Сталинградом** на западном участке советско-германского фронта была проведена отвлекающая операция «Марс», на которую в постсоветский период только ленивый не вылил ушаты грязи.

Между тем, как установили серьезные военные историки (**М. Гареев**, **А. Исаев**, **В. Золотарев**), сам замысел этой операции возник еще в конце сентября 1942 г. как продолжение **Первой Ржевско-Сычëвской операции (30 июля – 30 сентября 1942 г.)** и состоял в том, чтобы: а) разгромить 9-ю полевую армию генерал-полковника **В. Моделя**, составлявшую костяк группы армий «Центр» в районе **Ржев-Сычëвка-Оленино-Белый**, и б) отвлечь значительные силы немцев от **Сталинграда**, где в тот же период планировалось приступить к реализации операции «Уран» по окружению 6-й полевой армии генерал-полковника **Ф. Паулюса**, поскольку в случае падения **Сталинграда** по договоренности с **Берлином** в войну бы сразу вступили Япония и Турция, что резко осложнило бы военно-стратегическое положение СССР. Причем, по информации генерал-лейтенанта **П.А. Судоплатова**, занимавшего в тот период должность заместителя начальника **Первого управления НКВД СССР**, вторая задача носила приоритетный характер, поэтому информация об операции «Марс» была частично раскрыта руководству вермахта в рамках стратегической радиоигры «Монастырь». Хотя, по плану **Генштаба РККА**, продолжением операции «Марс» должна была стать наступательная операция «Юпитер», в ходе которой планировался разгром центральной части группы армий «Центр» в районе **Вязьмы**. Однако эта операция не была проведена, поскольку операция «Марс» окончилась неудачей.

К реализации **Второй Ржевско-Сычëвской наступательной операции**, общее руководство которой было возложено на заместителя **Верховного главнокомандующего генерала армии Г.К. Жукова**, были привлечены войска **Калининского (генерал-полковник М.А. Пуркаев)** и **Западного (генерал-полковник И.С. Конев)** фронтов, в частности **20-я, 22-я, 29-я, 30-я, 31-я 39-я и 41-я** общевойсковые армии. В районе предполагаемого наступления семи советских армий располагались почти все войска группы армий «Центр» фельдмаршала **Г. Клюге** и небольшая часть войск группы армий «Север» фельдмаршала **Г. Кюхлера**. Причем, основную роль в предстоящей операции должны были сыграть именно войска 9-й полевой армии вермахта, которую возглавлял один их лучших и одновременно безжалостных германских полководцев, «гений обороны», генерал-полковник **В. Модель**.

Реализация операции «Марс» началась **25 ноября 1942 г.** сразу по трем оперативным направлениям: войска **20-й (Н. Кирюхин)** и **31-й (В. Поленов)** армий **Западного фронта** атаковали восточный фас **Ржевского выступа** южнее **Зубцова** в полосе

обороны 39-го танкового корпуса генерала Г. Арнима. 22-я (В. Юшкевич) и 41-я (Г. Тарасов) армии Калининского фронта нанесли встречный удар с западного фаса Ржевского выступа, где в районе города Белый оборону держал 41-й танковый корпус генерала Й. Гарпе. А 39-я армия Калининского фронта (А. Зыгин), наносившая вспомогательный удар, наступала в полосе 23-го армейского корпуса генерала пехоты К. Гильперта. В ходе ожесточенных боев, продолжавшихся до 5–6 декабря 1942 г., германским войскам удалось остановить наступление 20-й, 22-й и 39-й армий и взять в кольцо часть войск 41-й армии в районе города Белый. Но, тем не менее, по указанию Ставки генерал армии Г.К. Жуков приказал продолжить операцию и 11 декабря 1942 г. началось новое наступление войск 20-й (М. Хозин), 22-й (М. Селезнев), 30-й (В. Колпакчи) и 39-й (А. Зыгин) армий, которое, однако, не увенчалось успехом, что вынудило Г.К. Жукова 20 декабря отдать приказ об его окончании.

Вместе с тем, как полагают ряд авторитетных военных историков (М. Гареев, В. Золотарев, А. Исаев), поскольку операции «Марс» и «Уран» проводились в рамках единого стратегического замысла и основной стратегической задачей операции «Марс» было отвлечение сил и средств противника для успешного контрнаступления под Сталинградом, то «нет никаких веских оснований для того, чтобы считать эту операцию провалом или крупнейшим поражением маршала Жукова», как об этом пишут Д. Глэнци («Крупнейшее поражение Жукова: катастрофа Красной Армии в операции Марс 1942 г.» 2005), Ф.Д. Свердлов («Ошибки Г.К. Жукова — год 1942» 2002) и другие явно ангажированные авторы. Более того, как стало известно, руководство советской внешней разведки (генерал-майор П.М. Фитин) сознательно «слило» немцам информацию о подготовке наступления под Ржевом в рамках упомянутой радиоигры «Монастырь» и, не подозревавший об этой радиоигре генерал армии Г.К. Жуков, заплатил «дорогую цену» за свое незнание. В своих знаменитых мемуарах «Воспоминания и размышления» (1969) он признал, что исход этой операции был неудачным, но он так никогда и не узнал, что немцы были предупреждены о нашем наступлении на ржевском направлении, поэтому бросили туда такое огромное количество войск.

Кроме того, следует иметь в виду, что ряд авторитетных авторов (А. Исаев) утверждают, что помимо огромного влияния на победоносный исход Сталинградской битвы операция «Марс» повлияла и на ход всей военной кампании 1943 г., поскольку уже в марте 1943 г. под ударами советских войск, проводивших Ржевско-Вяземскую наступательную операцию, генерал-полковник В. Модель в ходе операции «Буйвол» вынужденно вывел свою армию с Ржевского выступа на вновь образовавшийся Орловский выступ, южная сторона которого одновременно стала северным фасом знаменитой Курской дуги. По немецким планам летней кампании 1943 г. именно его полевая армия должна была наступать на Курск. Однако ее потери, понесенные в ходе операции «Марс», восполнены так и не были, что и стало одной из главных причин переноса на два месяца первоначальной даты начала знаменитой операции «Цитадель», а затем и поражения немцев на Курской дуге летом 1943 г.

б) Прорыв блокады Ленинграда (январь 1943 г.)

В начале декабря 1942 г. командование Ленинградским (генерал-полковник Л.А. Говоров) и Волховским (генерал армии К.А. Мерецков) фронтов получили указание разработать план операции по снятию блокады Ленинграда, получившего кодовое

название «Искра». После утверждения этого плана представителем Ставки ВГК маршалом **К.Е. Ворошиловым**, которому была поручена общая координация фронтов в предстоящей операции, части и соединения **67-й (М. Духанов)** и **2-й ударной (В. Романовский)** армий вышли на исходные позиции на южном берегу Ладожского озера.

12–18 января 1943 г. в ходе проведения операции «Искра» советские войска, прорвав встречными ударами мощную оборону **18-й** полевой армии генерал-полковника **Г. Линдемана**, разгромили **шлиссельбургско-синявинскую группировку** противника и, освободив южное побережье Ладоги, прорвали кольцо блокады вокруг Ленинграда и создали небольшой сухопутный коридор в районе **Шлиссельбурга**. Однако развить этот успех не удалось, поскольку противник сумел быстро подтянуть необходимые резервы и отбить все попытки советских войск расширить этот коридор в районе **Синявино** и **Московской Дубровки**.

Чуть позднее, в **феврале – марте 1943 г.** войскам **Северо-Западного** (маршал **С.К. Тимошенко**), **Калининского** (генерал-полковник **М.А. Пуркаев**) и **Западного** (генерал-полковник **В.Д. Соколовский**) фронтов удалось завершить **Великолукскую, Демянскую и Ржевско-Вяземскую наступательные операции**. В ходе проведения этих операций были ликвидированы опасные плацдармы противника на северо-западных и западных подступах к столице, а так же освобождены многие древнерусские города, в том числе **Великие Луки, Демянск, Ржев, Вязьма, Дорогобуж и Гжатск**.

в) Военные операции на южном стратегическом направлении (январь – март 1943 г.)

В **январе – феврале 1943 г.** войска **Закавказского фронта** (генерал армии **И.В. Тюленев**) провели успешную **Северо-Кавказскую наступательную операцию**, в ходе которой были разбиты основные силы группы армий «А» фельдмаршала **В. Листа** и освобождены **Нальчик, Моздок, Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск, Минеральные Воды, Ставрополь, Армавир** и другие города. Однако попытка **Черноморской группы** генерал-полковника **И.И. Масленникова** освободить **Краснодар** и черноморское побережье в районе **Новороссийска — Ахтарска** не увенчалась успехом.

В **феврале – марте 1943 г.** в ходе **Краснодарской наступательной операции** войска **Черноморской группы** и **Закавказского фронта**, нанеся крупное поражение **17-й** полевой армии генерал-полковника **Р. Руоффа**, освободили **Краснодар** и часть черноморского побережья в районе **Ахтарска — Темрюка**. Но выбить противника с **Таманского полуострова** и из района **Анапа — Новороссийск** опять не удалось, и кровопролитные бои на этом участке фронта продолжались до **осени 1943 г.**

В **январе – феврале 1943 г.** войска **Южного фронта** (генерал-полковник **А.И. Еременко**) успешно провели **Ростовскую наступательную операцию**, в ходе которой нанесли крупное поражение передовым частям группы армий «Дон» фельдмаршала **Э. Манштейна** и практически полностью освободили **Ростовскую область РСФСР**. Однако полностью блокировать кавказскую группировку противника и отрезать возможные пути отхода немцев с **Кавказа** тоже не удалось.

В **январе 1943 г.** войска **Юго-Западного** (генерал-полковник **Н.Ф. Ватутин**) и **Воронежского** (генерал-полковник **Ф.И. Голиков**) фронтов провели **Острогожско-Россошанскую наступательную операцию**, в ходе которой мощными ударами расчленили группировку противника на две части, а затем, уничтожив **3-ю** итальянскую армию генерала **А. Пико**, освободили **Валуйки, Россошь и Острогожск**.

В январе – феврале 1943 г. войска Брянского (генерал-лейтенант М.А. Рейтер) и Воронежского (генерал-полковник Ф.И. Голиков) фронтов провели Воронежско-Касторненская наступательную операцию, в результате которой, окружив и разгромив передовые части 2-й полевой армии генерал-полковника М. Вейхса, освободили Воронеж, Ливны и Новый Оскол.

В январе – феврале 1943 г. войска Юго-Западного фронта (Н.Ф. Ватутин) в ходе Ворошиловоградской наступательной операции, прорвав оборону германских войск на Миусс-фронте, освободили Лисичанск, Лозовую, Ворошиловград, Краснодар, Павлоград, Краматорск, Славянск и другие города Донбасса. Однако полностью разгромить 1-ю танковую армию генерал-полковника Э. Клейста войскам фронта тоже не удалось.

В первой половине февраля 1943 г. войска Брянского и Воронежского фронтов провели Харьковскую наступательную операцию, в ходе которой, довольно быстро смяв слабую оборону противника, освободили Белгород, Харьков, Курск, Орел, Обоянь и другие города. Однако затем на южном участке советско-германского фронта случилась полоса тяжелых неудач, поскольку после крайне ожесточенных и кровопролитных боев наступательный потенциал советских войск был практически полностью исчерпан.

19 февраля 1943 г. воссозданная группа армий «Юг» под командованием фельдмаршала Э. Манштейна, получив крупные резервы, нанесла мощный удар по войскам 6-й армии Юго-Западного фронта, передовые позиции которой располагались на подступах к Запорожью и Днепропетровску, и к концу февраля отбросила их на Северский Донец. Отход 6-й армии генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова на новый рубеж обороны, оголил левый фланг Воронежского фронта, чем не преминул воспользоваться противник. 4 марта оперативная группа генерал-полковника Г. Кемпфа и 4-я танковая армия генерал-полковника Г. Гота перешли в наступление против войск Воронежского фронта и, сломав оборону 64-й и 69-й армий генералов М.С. Шумилова и М.И. Казакова, захватили Харьков и Белгород.

В этой сложной оперативной обстановке на фронт срочно прибыл маршал Г.К. Жуков, который быстро провел перегруппировку войск и создал из частей 21-й (И. Чистяков) и 1-й танковой (М. Катукон) армий надежную линию обороны севернее Белгорода.

В конце марта 1943 г. после ожесточенных зимних сражений на советско-германском фронте наступило относительное затишье. Именно в эти дни по решению Ставки ВГК в действующей армии были произведены новые назначения на высшие командные посты: генерал-полковник Ф.И. Голиков был отозван в распоряжение Наркомата обороны, где возглавил Главное управление кадров, генерал армии Н.Ф. Ватутин был назначен командующим Воронежским фронтом, генерал-полковник Р.Я. Малиновский возглавил войска Юго-Западного фронта, а генерал-лейтенант Ф.И. Толбухин стал командующим Южным фронтом.

3. Курская битва (5 июля – 23 августа 1943 г.)

В начале апреля 1943 г. общее внимание и германского, и советского Верховного командования было сосредоточено на так называемом Курском выступе, который возник в ходе мартовских боев на юго-западном стратегическом направлении.

15 апреля 1943 г. А. Гитлер подписал разработанный штабом **Верховного командования вермахта (ОКВ)** план операции на **Курском выступе**, получившим кодовое название «**Цитадель**». В соответствии с этим планом в районе **Курской дуги** создавались две крупных фронтовых группировки войск: на **харьковско-белгородском направлении** — группа армий «Юг» под командованием фельдмаршала Э. Манштейна и на **орловском направлении** — группа армий «Центр» под командованием фельдмаршала Г. Клюге. Общая численность германских войск, сосредоточенных на этом участке фронта, составляла **900 тысяч** солдат и офицеров, **2700 танков**, **2000 самолетов** и более **16 000 артиллерийских орудий**. При этом почти половина всей военной техники, поступившей на фронт, была новейших образцов, в частности тяжелые танки «Тигр» и «Пантера», самоходная артиллерийская установка «Фердинанд», истребитель «Фокке-Вульф — 190» и штурмовик «Хенкель — 129».

Столь крупное сосредоточение войск противника в районе **Курской дуги** не осталось незамеченным советским Верховным командованием. Еще в начале **апреля 1943 г.** заместитель **Верховного Главнокомандующего** маршал Г.К. Жуков и начальник **Генерального штаба** маршал А.М. Василевский направили **И.В. Сталину** докладную записку, в которой изложили свое мнение о возможном развитии событий на фронте **летом 1943 г.** В своем донесении они обращали особое внимание на то, что, вероятнее всего, именно в районе **Курской дуги**, на участке **Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов**, противник попытается встречными ударами с **орловского и белгородского направлений** разгромить наши войска, а затем начать новое генеральное наступление на **Москву**. В связи с этим обстоятельством маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский предлагали отменить намеченные **Ставкой ВГК** наступательные операции этих фронтов, и **перейти к преднамеренной стратегической обороне** по всей линии фронта. Однако **И.В. Сталин** не придавал должного значения этой информации и дал указание продолжить разработку планов всеобщего наступления войск **Южного и Юго-Западного фронтов** в районе **Донбасса**, и **Западного фронта** в районе **Смоленска**.

12 апреля 1943 г. в **Ставке ВГК** состоялось совещание, в котором приняли участие **И.В. Сталин, Г.К. Жуков, А.М. Василевский** и **А.И. Антонов**. **И.В. Сталин**, ссылаясь на мнение ряда командующих фронтами, в частности генерала армии **Н.Ф. Ватутина**, попытался отстоять свою точку зрения, поскольку опасался, что советские войска не выдержат длительной стратегической обороны против столь мощной группировки войск противника и отойдут с передовых позиций. Однако маршалам **Г.К. Жукову** и **А.М. Василевскому** удалось убедить Верховного, что за два тяжелейших года войны советскими войсками накоплен богатейший опыт в проведении различного рода оборонительных операций на многих фронтах, и в данном случае переход к преднамеренной стратегической обороне позволит им не только измотать передовые части противника в оборонительных боях, но и получить существенные преимущества при переходе к всеобщему наступлению.

Согласно плану стратегической обороны, к **июню 1943 г.** в районе **Курского выступа** были сосредоточены войска трех советских фронтов, которым предстояло сыграть главную роль в грандиозном **Курском сражении**:

— **Центральный фронт** (командующий генерал армии **К.К. Рокоссовский**, начальник штаба генерал-лейтенант **М.С. Калинин**), в состав которого входили войска **13-й (Н. Пухов), 48-й (П. Романенко), 60-й (И. Черняховский), 65-й (П. Батов)**

и 70-й (И. Галанин) общевойсковых, 2-й танковой (А. Родин) и 16-й воздушной (С. Руденко) армий, держал оборону на орловском стратегическом направлении. На этом, северном фланге, Курской дуги ему противостояли войска 9-й полевой армии генерал-полковника В. Моделя, четыре дивизии 2-й полевой армии генерал-полковника М. Вейхса и 2-я танковая армия генерал-полковника Р. Шмидта, которые входили в группу армий «Центр» фельдмаршала Г. Клюге.

— Воронежский фронт (командующий генерал армии Н.Ф. Ватутин, начальник штаба генерал-лейтенант С.П. Иванов), в состав которого входили 6-я (И. Чистяков) и 7-я (М. Шумилов) гвардейские, 38-я (Н. Чибисов), 40-я (К. Москаленко) и 69-я (В. Крюченкин) общевойсковые, 1-я танковая (М. Катуков) и 2-я воздушная (С. Красовский) армии, оборонял белгородское стратегическое направление. Здесь, на южном фланге Курского выступа, советским войскам противостояли 4-я танковая армия генерал-полковника Г. Гота, оперативная группа генерал-полковника Г. Кемпфа и пять дивизий 2-й полевой армии генерал-полковника М. Вейхса, входившие в состав группы армий «Юг» фельдмаршала Э. Манштейна.

Общая численность двух советских фронтов составляла 1 млн 350 тысяч солдат и офицеров, 3500 танков и самоходно-артиллерийских установок, 2200 самолетов и более 19 000 орудий и минометов.

В тылу войск Центрального и Воронежского фронтов был расположен стратегический резерв Ставки ВГК — Степной Военный округ (командующий генерал-полковник И.С. Конев, начальник штаба генерал-лейтенант М.В. Захаров), который в начале июля 1943 г. был преобразован в Степной фронт. В состав этого округа входили войска 4-й (Г. Кулик) и 5-й (А. Жадов) гвардейских, 27-й (С. Трофименко), 47-й (А. Рыжов) и 53-й (И. Манагаров) общевойсковых, 5-й гвардейской танковой (П. Ротмистров) и 5-й воздушной (С. Горюнов) армий. Общая численность войск этого округа составляла более 570 тысяч солдат и офицеров, 1500 танков и самоходно-артиллерийских установок и почти 7500 орудий и минометов.

Одновременно с планом стратегической обороны Генеральный штаб РККА разработал план двух крупных наступательных операций, получивших кодовое название «Кутузов» и «Румянцев», реализация которых должна была начаться сразу после окончания стратегической оборонительной операции на Курской дуге.

В конце июня 1943 г. на Курский выступ в качестве представителей Ставки ВГК прибыли маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский, которым было поручено осуществлять общую координацию действий всех фронтов и в оборонительной, и в наступательных операциях. Тогда же по каналам войсковой, оперативной и агентурной разведок была получена достоверная информация о том, что в период 3–6 июля 1943 г. немецкие войска перейдут в генеральное наступление на Курской дуге. Затем удалось получить информацию о точной дате и времени германского наступления, которое было запланировано на раннее утро 5 июля 1943 г.

Маршал Г.К. Жуков, находившийся на командном пункте Центрального фронта, предложил военному совету фронта — генералам К.К. Рокоссовскому, К.Ф. Телегину и М.С. Малинину, перед наступлением провести по передовым частям вермахта, расположенным на орловском стратегическом направлении, мощную артиллерийскую контрподготовку, которая могла бы существенно снизить наступательный потенциал противника. Это предложение, шедшее в разрез со всеми канонами военного оперативного искусства, было утверждено, и за полчаса до начала немецкого

наступления по позициям противника был нанесен мощный удар из нескольких тысяч минометов и артиллерийских орудий. В результате этого удара передовые части вермахта, расположенные в первом эшелоне, понесли серьезные потери и значительно позже намеченного срока перешли в наступление против войск **Центрального фронта**. Хотя, по признанию самого **Г.К. Жукова**, руководство фронта ожидало значительно большего успеха от этой артиллерийской контрподготовки.

Основной удар противника пришелся на войска **13-й, 48-й и 70-й армий** генералов **Н.П. Пухова, П.Л. Романенко и И.В. Галанина**, которые держали оборону по линии **Малоархангельск — Ольховатка — Гнилец**. В результате двухдневных ожесточенных боев противник, понеся значительные потери в живой силе и технике, продвинулся на этом направлении всего на **5–10 километров** и был остановлен севернее **Ольховатки**.

7 июля, проведя перегруппировку своих сил, командующий **9-й** полевой армией генерал-полковник **В. Модель** перенес главный удар в направлении **Поньрей** и ввел в сражение почти всю свою ударную группировку — семь пехотных и пять танковых дивизий. Однако достичь осязаемого успеха противник так и не смог, продвинувшись за пять дней кровопролитных боев всего на **12 километров**.

12 июля командование группы армий «**Центр**» намеревалось начать новое наступление на **Поньри**, однако, мощные удары войск **Западного** (генерал-полковник **В.Д. Соколовский**) и **Брянского** (генерал-полковник **М.М. Попов**) фронтов, сорвали эти планы фельдмаршала **Г. Клюге**, который отдал приказ о переходе своих войск к вынужденной обороне.

На **Воронежском фронте**, против которого была сосредоточена более мощная группировка противника, активные боевые действия также начались **5 июля 1943 г.** Основной удар силами восьми танковых, одной моторизованной и пяти пехотных дивизий противник нанес в направлении **Обоянь — Корочь**, где оборону держали войска **6-й и 7-й гвардейских армий** генералов **И.М. Чистякова и М.С. Шумилова**.

Двухдневные бои на обояньском рубеже не принесли войскам вермахта осязаемых успехов и они были остановлены на второй линии обороны, куда вовремя подошла **1-я танковая армия** генерал-полковника **М.Е. Катукова**. Однако на корочанском направлении противник сумел захватить небольшой плацдарм на левом берегу **Северского Донца**, что заставило **Ставку ВГК** срочно перебросить со **Степного** на **Воронежский фронт** **5-ю гвардейскую танковую армию** генерал-лейтенанта **П.А. Ротмистрова** и **5-ю гвардейскую общевойсковую армию** генерал-лейтенанта **А.С. Жадова**.

9 июля крупная группировка противника, костяк которой составила **4-я танковая армия** генерал-полковника **Г. Гота**, начала новое наступление во втором эшелоне советских войск. В связи с этим обстоятельством **Ставка ВГК** приказала командующему **Степным фронтом** генерал-полковнику **И.С. Коневу** срочно выдвинуть на **курско-белгородское направление** **4-ю гвардейскую, 27-ю и 53-ю общевойсковые армии** генералов **Г.И. Кулика, С.Г. Трофименко и И.М. Манагарова**.

Тем временем противник перешел в очередное наступление на **прохоровском направлении**, куда стянул лучшие механизированные части и соединения вермахта, в том числе танковые дивизии «**Рейх**», «**Мертвая голова**» и «**Адольф Гитлер**». В ходе упорных и кровопролитных боев, передовые части вермахта, прорвав оборону **69-й армии** генерал-лейтенанта **В.Д. Крюченкина**, вышли в район **Прохоровки**.

Именно здесь на Прохоровском поле 12–16 июля 1943 г. состоялось грандиозное танковое сражение, в котором с обеих сторон приняли участие более 1200 танков и самоходно-артиллерийских орудий. В ходе пятидневных тяжелейших и кровопролитных боев танковые корпуса и дивизии 5-й гвардейской общевойсковой и 5-й гвардейской танковой армий генералов А.С. Жадова и П.А. Ротмистрова, разгромив превосходящие силы противника, уничтожили и подбили более 400 немецких танков и самоходных орудий. При этом значительную роль в разгроме отборных танковых частей вермахта сыграла штурмовая авиация 2-й и 17-й воздушных армий генералов С.А. Красовского и В.А. Судеца. Вечером 16 июля противник окончательно прекратил атаки на передовые позиции советских войск и начал отвод своих войсковых группировок за Белгород.

Тем временем, 12–15 июля 1943 г., по приказу Ставки ВГК войска Центрального (К.К. Рокоссовский), Брянского (М.М. Попов) и Западного (В.Д. Соколовский) фронтов начали операцию «Кутузов» по разгрому орловской группировки противника. Надо сказать, что до начала этой наступательной операции маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский предложили Верховному провести операцию по окружению 9-й полевой армии генерал-полковника В. Моделя в районе Орла, однако, И.В. Сталин отверг этот замысел военных, заявив, что в настоящий момент главной задачей наших войск является не окружение армий противника, а скорейшее изгнание германских оккупантов с территории нашей страны.

Операция «Кутузов», в которой приняли участие войска 11-й гвардейской (И. Баграмян) и 4-й танковой (В. Богданов) армий Западного фронта, 3-й (А. Горбатов), 61-й (П. Белов) и 63-й (В. Колпакчи) общевойсковых армий Брянского фронта и 13-й (Н. Пухов), 48-й (П. Романенко), 65-й (П. Батов), 70-й (И. Галанин) общевойсковых и 2-й танковой (А. Родин) армий Центрального фронта, завершилась 18 августа 1943 г. крупным разгромом войск вермахта на орловском плацдарме и его полной ликвидацией.

3 августа 1943 г. по приказу Ставки ВГК войска Воронежского (Н.Ф. Ватугин), Степного (И.С. Конев) и Юго-Западного (Р.Я. Малиновский) фронтов в соответствии с планом операции «Румянцев» перешли в наступление против харьковско-белгородской группировки противника. В реализации этой наступательной операции были задействованы войска 5-й (А. Жадов), 6-й (И. Чистяков) и 7-й (М. Шумилов) гвардейских, 1-й (М. Катуков) и 5-й (П. Ротмистров) танковых армий Воронежского фронта, 27-й (С. Трофименко), 40-й (К. Москаленко), 47-й (П. Козлов), 53-й (И. Манагаров) и 69-й (В. Крюченкин) армий Степного фронта и 57-й (Н. Гаген) армии Юго-Западного фронта. В ходе тяжелых боев советские войска, сокрушив мощную оборону противника и разгромив его основные ударные группировки, 23 августа 1943 г. освободили город Харьков и победоносно завершили великое сражение на Курской дуге.

В зарубежной и отечественной историографии (Д. Гланц, Н. Корниш, В. Дементьев, В. Замулин) окончание Курского сражения традиционно связывают с завершением коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, когда стратегическая инициатива на фронте полностью и окончательно перешла в руки советского военного командования. Отныне Ставка ВГК, Генеральный штаб и руководство фронтовых группировок полностью определяли и общую стратегию ведения войны, и весь характер боевых операций на советско-германском фронте, и их масштаб, и их оперативную направленность.

4. Военные операции на советско-германском фронте осенью – зимой 1943 г.

а) Военные операции на южном стратегическом направлении

В начале сентября 1943 г. в Ставке «Вервольф» под Винницей состоялось совещание А. Гитлера с высшим командным составом вермахта, по итогам которого было принято решение создать на правом берегу Днепра мощную оборонительную линию, — так называемый «Восточный вал», который должен был стать непреодолимой преградой для стремительно наступавших советских войск.

Реализация этой задачи на южном и юго-западном стратегических направлениях была возложена на группы армий «Юг» и «А», которыми командовали лучшие представители германского генералитета — фельдмаршал Э. Манштейн и генерал-полковник Э. Клейст. В состав этих групп, державших оборону от Харькова до Таганрога, входили войска 6-й и 8-й полевых армий генералов Г. Холлидта и О. Вёлера и 1-й и 4-й танковых армий генералов Э. Макензена и Г. Гота.

Однако все планы германских военных стратегов рухнули под стремительным напором наших войск, которые в середине августа — начале ноября 1943 г. провели несколько крупных наступательных операций, имевших решающее значение для всего дальнейшего хода войны:

В августе — сентябре 1943 г. войска Юго-Западного (Р.Я. Малиновский) и Южного (Ф.И. Толбухин) фронтов успешно провели Донбасскую наступательную операцию, в ходе которой были освобождены Таганрог, Мариуполь, Сталино (Донецк), Павлоград, Горловка, Барвенково, Краматорск, Славянск и другие города Донбасса.

Тогда же войска Воронежского (Н.Ф. Ватутин), Степного (И.С. Конев) и Юго-Западного (Р.Я. Малиновский) фронтов провели Днепропетровскую и Полтавско-Кременчугскую наступательные операции, в результате которых были освобождены центральные районы Левобережной Украины и заняты важные плацдармы на правом берегу Днепра в районе Ржищева, Букрина, Дарницы, Днепропетровска и Черкасс.

В сентябре — октябре 1943 г. войска 9-й (А. Крутиков), 18-й (К. Леселидзе) и 56-й (А. Гречко) общевойсковых армий Северо-Кавказского фронта под командованием генерал-полковника И.Е. Петрова во взаимодействии с частями Черноморского флота (вице-адмирал Л.А. Владимирский) и Азовской военной флотилии (контр-адмирал С.Г. Горшков) провели Новороссийско-Таманскую наступательную операцию, в ходе которой был полностью освобожден Таманский полуостров и созданы благоприятные условия для проведения Керченской десантной операции (октябрь — декабрь 1943 г.), положившей начало освобождению Крыма.

В сентябре — ноябре 1943 г. войска Южного фронта (Ф.И. Толбухин) провели успешную Мелитопольскую наступательную операцию, в ходе которой вышли к реке Молочная и освободили южные районы Донбасса, в том числе город Мелитополь.

В первой половине октября 1943 г. в ходе ряда локальных операций по форсированию Днепра советские войска в полосе действий Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов захватили несколько стратегических плацдармов в районе Лютетежа, Киева, Переяславля, Кременчуга и Запорожья.

20 октября 1943 г. приказом Ставки ВГК Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный фронты, которыми руководили генералы армии Николай Федорович Ватутин, Иван Степанович Конев, Родион Яковлевич Малиновский и Федор Иванович

Толбухин, были, соответственно, преобразованы в 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Украинские фронты.

24 октября 1943 г. войска 1-го Украинского фронта начали подготовку к проведению Киевской наступательной операции, успешному завершению которой Ставка ВГК и лично И.В. Сталин придавали огромное военно-политическое значение. Первоначально предполагалось, что основной удар на Киев будет нанесен с **букринского (южного) плацдарма**, где располагались войска 27-й и 40-й общевойсковых армий генералов С.Г. Трофименко и Ф.Ф. Жмаченко. Однако затем, когда противник стянул на это направление крупные резервы, было принято решение, что главный удар на столицу Советской Украины будет нанесен с **лютежского (северного) плацдарма**, где находились войска 38-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армий генералов К.С. Москаленко и П.С. Рыбалко.

3–13 ноября 1943 г. в ходе проведения Киевской наступательной операции войска 1-го Украинского фронта, разгромив передовые части 8-й полевой армии генерал-полковника О. Вёлера и 4-й танковой армии генерал-полковника Г. Гота, освободили Киев, Житомир, Фастов, Белую Церковь, Бердичев и другие города Правобережной Украины. Однако дальнейшее продвижение советских войск было остановлено мощными контрударами противника из района Житомира, Фастова и Брусилова. В ходе Киевской оборонительной операции (ноябрь — декабрь 1943 г.), войска 8-й полевой и 4-й танковой армий вермахта неоднократно пытались вернуть утраченные позиции и отбросить советские войска на левый берег Днепра. Однако все их усилия оказались тщетны, поскольку благодаря стойкости и героизму советских воинов и полководческому дарованию генерала армии Н.Ф. Ватутина, прорвать оборону 13-й, 27-й, 38-й, 40-й и 60-й общевойсковых и 3-й танковой армий им так и не удалось.

В ноябре — декабре 1943 г. войска всех четырех Украинских фронтов, слолив ожесточенное сопротивление противника в среднем и нижнем течение Днепра, освободили Черкассы, Днепропетровск, Днепродзержинск, Запорожье и другие украинские города и начали боевые действия на Правобережной Украине. Однако на кировоградском и криворожском оперативных направлениях противник сумел создать довольно мощный оборонительный рубеж и провести серию удачных контрударов, которые заставили советские войска перейти к вынужденной обороне. К концу 1943 г. линия фронта на южном и юго-западном стратегических направлениях стабилизировалась на рубеже Коростень — Фастов — Белая Церковь — Канев — Запорожье — Каховка — Херсон.

б) Военные операции на западном стратегическом направлении

Во второй половине 1943 г. по решению Ставки ВГК на западном стратегическом направлении против группы армий «Центр», которой продолжал командовать генерал-фельдмаршал Г. Клюге, были проведены несколько крупных наступательных операций, имевших исключительно важное значение для дальнейшего хода войны на центральном участке советско-германского фронта.

В августе — октябре 1943 г. была проведена Смоленская наступательная операция, получившая кодовое название «Суворов». Для ее проведения были привлечены огромные силы: десять общевойсковых армий, шесть танковых и стрелковых корпусов и две воздушные армии Западного и Калининского фронтов, которыми

командовали генералы армии В.Д. Соколовский и А.И. Еременко. В ходе этой операции войска 10-й гвардейской (К. Трубников), 5-й (В. Поленов), 10-й (В. Попов), 31-й (В. Глуздовский), 33-й (В. Гордов), 49-й (И. Гришин) и 68-й (Е. Журавлев) общевойсковых армий Западного фронта и войска 4-й ударной (В. Швецов), 39-й (Н. Берзарин) и 43-й (К. Голубев) общевойсковых армий Калининского фронта, продвинувшись вперед на 200–250 км., разгромили двадцать дивизий противника и освободили Смоленск, Дорогобуж, Рославль, Ярцево, Ельню, Спас-Деменск, Невельск и многие другие города Калининской и Смоленской областей РСФСР. Тогда же войска 13-й (Н. Пухов), 48-й (П. Романенко), 60-й (И. Черняховский), 61-й (П. Белов), 65-й (П. Батов) и 70-й (И. Галанин) общевойсковых, 2-й танковой (С. Богданов) и 16-й воздушной (С. Руденко) армий Центрального фронта провели Чернигово-Припятскую наступательную операцию, в ходе которой были освобождены Севск, Рыльск, Сумы, Нежин, Новгород-Северский, Конотоп и Чернигов.

В сентябре – октябре 1943 г. была проведена Брянская наступательная операция, в которой приняли участие войска 11-й гвардейской (И. Баграмян), 3-й (А. Горбатов), 11-й (И. Федюнинский), 50-й (И. Болдин) и 63-й (В. Колпакчи) общевойсковых и 15-й воздушной (Н. Науменко) армий Брянского фронта. В ходе этой операции советские войска освободили Брянск, Бежец, Трубчевск и вышли к границам Советской Белоруссии.

В октябре 1943 г. по решению Ставки ВГК Калининский, Брянский и Центральный фронты, которыми командовали генералы армии Андрей Иванович Еременко, Маркиан Михайлович Попов и Константин Константинович Рокоссовский, были, соответственно, преобразованы в 1-й и 2-й Прибалтийские и Белорусский фронты.

Во второй половине октября – конце декабря 1943 г. на центральном участке советско-германского фронта в ходе проведения ряда локальных наступательных операций советские войска, освободив ряд восточных районов Гомельской и Витебской областей, вышли на рубеж Невель – Великие Луки – Витебск – Мозырь – Жлобин – Рогачёв.

Таким образом, несмотря на ряд неудач на разных участках советско-германского фронта, именно этот период войны стал эрой коренного перелома, который полностью закрепил за советским военно-политическим руководством определение всей дальнейшей стратегии ведения войны.

5. Мобилизация народного хозяйства страны

Начавшаяся с первых часов войны перестройка жизни огромной страны на военный лад стала приобретать заметную организованность уже с конца июня 1941 г., когда по образному выражению тогдашнего наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова «государственная машина, направленная по рельсам невероятности нападения А. Гитлера на Советский Союз, после начала войны вынуждена была сначала остановиться, пережить период растерянности и потом повернуть на 180 градусов».

Как известно, уже 30 июня 1941 г. совместным решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО), в состав которого первоначально вошли только пять членов высшего партийно-государственного руководства страны: И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков и Л.П. Берия. За-

тем, в **феврале 1942 г.**, в его состав были введены **А.И. Микоян, Н.А. Вознесенский** и **Л.М. Каганович**, а в **ноябре 1944 г.** новым членом ГКО вместо **К.Е. Ворошилова** стал генерал армии **Н.А. Булганин**. Первоначально заместителем **И.В. Сталина** по ГКО стал **В.М. Молотов**, который де-факто был вторым человеком в партии и государстве. Однако, с созданием в **декабре 1942 г. Оперативного бюро ГКО** и утверждением **Л.П. Берия** его руководителем и еще одним заместителем председателя ГКО, **В.М. Молотов** стал постепенно утрачивать свое прежнее положение и на вторые роли после **И.В. Сталина** стал выходить новый всесильный тандем **Л.П. Берия — Г.М. Маленков**.

Все постановления ГКО имели силу законов военного времени, а все партийные, государственные, военные, хозяйственные и профсоюзные органы были обязаны беспрекословно выполнять его решения и распоряжения. В своей деятельности ГКО опирался на аппараты **ЦК ВКП(б)** и **СНК СССР** и своих уполномоченных на местах, в роли которых выступали первые секретари рескомов, крайкомов, обкомов и горкомов партии. Рабочими органами ГКО были наркоматы обороны, военноморского флота, внутренних дел и их главные управления. Кроме того, во всех городах, находящихся в непосредственной близости к фронту, создавались городские **Комитеты обороны**, в состав которых входили первый секретарь горкома и полномочные представители командующих фронтами и местных органов **НКВД**. Такие местные ГКО действовали в более чем **60 прифронтовых городах** и наделялись правом объявлять город на осадном положении, производить мобилизацию и эвакуацию населения, создавать части народного ополчения и истребительные батальоны, давать прямые указания всем предприятиям по выпуску вооружения и боеприпасов, организовывать строительство оборонительных рубежей и т.д.

Тогда же, **30 июня 1941 г.** **СНК СССР** утвердил общий **мобилизационный народно-хозяйственный план**, предусматривающий перестройку экономики страны на военный лад в кратчайшие сроки. А уже в **августе 1941 г.** был принят военно-хозяйственный план на последний квартал **1941 г.** и на весь **1942 г.** в восточных районах СССР, в частности в **Поволжье, на Урале, в Сибири, Казахстане и Средней Азии**. Основная программа действий по превращению страны в единый военный лагерь была сформулирована в «**Директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков**», которая была принята еще **29 июня 1941 г.** В ней осуждались сохранявшиеся с довоенных времен «**благодушно-мирные настроения**», непонимание смысла угрозы и всей опасности наступления германских войск. Разъяснялось, что целью нападения фашистской Германии на Советский Союз является не только уничтожение советского общественного строя, но и **тотальное ограбление страны, захват ее огромных продовольственных и сырьевых ресурсов, восстановление власти помещиков и капиталистов**, что, наконец, в этой войне «**решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение**». Родина оказалась в величайшей опасности, и «**мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад**».

Эта «**Директива**» и конкретные шаги по ее реализации со стороны высшего руководства страны сыграли решающую роль в мобилизации всего партийного и государственного аппарата и всех советских людей в перестройке «**всей работы на военный лад**», поскольку уже к **осени 1941 г.** противник захватил самые высо-

коразвитые и густонаселенные районы страны — Украину, Белоруссию, Молдавию, Прибалтику и 13 областей европейской части РСФСР, где к началу войны проживали почти 85 млн человек. Здесь же находился основной промышленный потенциал страны, где до войны добывалось 71 % железной руды и производилось 71 % чугуна, 58 % стали, 57 % проката черных металлов и т.д.

Осуществляя перестройку на военный лад, Совет Народных Комиссаров СССР уже в начале июля 1941 г. принял Постановление, которое значительно расширило права наркомов в условиях военного времени. Затем, в сентябре — ноябре 1941 г., Президиум Верховного Совета СССР создал два новых наркомата — танковой промышленности (В.А. Малышев) и минометного вооружения (П.И. Паршин), а Президиум СНК СССР провел коренную перестройку структуры наркоматов боеприпасов (П.Н. Горемыкин), вооружений (Д.Ф. Устинов) и авиационной промышленности (А.И. Шахурин). В основу перестройки деятельности всей партии и всех органов государственной власти и управления был положен принцип максимальной централизации руководства. За годы войны ни съездов ВКП(б), ни Пленумов ЦК, за исключением сентябрьского 1941 г. и январского 1944 г. Пленумов ЦК, не проводилось, Оргбюро ЦК не собиралось ни разу, а все решения от имени Секретариата ЦК принимались путем устного опроса его членов. Политбюро ЦК осуществляло свои функции постольку, поскольку практически все его члены входили в состав ГКО. На военный лад была перестроена и сама ВКП(б): свыше 500 партийных секретарей, начиная с ЦК Компартий союзных республик до горкомов партии, были мобилизованы и назначены членами Военных Советов фронтов, армий, корпусов и дивизий. Кроме того, 270 ответственных сотрудников ЦК ВКП(б) были направлены на работу в ряды РККА и ВМФ в качестве армейских, корпусных, дивизионных, полковых и батальонных комиссаров. Одновременно был расширен институт парт-оргов ЦК, которые стали непосредственно работать на 1170 крупнейших предприятиях оборонного комплекса страны, а в ноябре 1941 г. были созданы политотделы во всех МТС и совхозах, которые просуществовали вплоть до мая 1943 г.

Летом 1941 г. началась эвакуация промышленных предприятий в восточные районы страны. Первоначально для руководства этой работы 24 июня был создан Совет по делам эвакуации при СНК СССР, который возглавил член Политбюро ЦК, нарком путей сообщений СССР Л.М. Каганович. Однако уже 3 июля председателем Совета, который был переподчинен ГКО, был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК, глава ВЦСПС Н.М. Шверник, а его заместителями стали А.Н. Косыгин и М.Г. Первухин, занимавшие посты заместителей председателя СНК СССР. Затем, в октябре 1941 г., решением ГКО был образован Комитет по эвакуации продовольственных запасов, промышленных товаров и предприятий промышленности, который возглавил член Политбюро ЦК А.И. Микоян. А уже в декабре 1941 г. оба этих органа были слиты в Управление по делам эвакуации при СНК СССР:

По уточненным данным историков (Г. Куманев), к началу 1942 г. в восточные районы страны были эвакуированы и сразу введены в строй почти 2600 крупных промышленных предприятий, из которых 1360 заводов были сугубо оборонного профиля. Хотя, следует признать, что данный вопрос в историографии требует дополнительных исследований. Одновременно с эвакуацией промышленного оборудования на восток страны были вывезены более 10 млн человек — инженерно-технических специалистов и кадровых рабочих, которые смогли в кратчайшие сроки

начать выпуск боеприпасов, вооружений и военной техники на востоке страны. Одновременно в конце декабря 1941 г. Постановлением СНК СССР на положение мобилизованных переводились все рабочие и служащие предприятий и учреждений военно-промышленного комплекса страны, которым запрещалось увольнение по собственному желанию, а самовольный уход с предприятий карался как дезертирство. Затем, в феврале 1942 г., был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве», на основании которого на постоянные и сезонные работы для нужд фронта было мобилизовано почти 2,2 млн человек.

В результате предпринятых мер уже к середине 1942 г. была полностью завершена перестройка всего тыла на военный лад, что и стало главным фактором коренного перелома в войне. Уже к концу 1942 г. общий объем валовой продукции промышленного производства превзошел предвоенный показатель, а через полгода выпуск военной продукции вырос еще на 20%. В августе 1943 г., в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от оккупации», к военному производству стали активно подключаться отвоеванные территории и уже к концу 1943 г. было построено 3500 новых и восстановлено 7500 старых крупных промышленных предприятий, а общий валовой объем промышленной продукции превысил довоенный уровень более чем в три раза, в результате чего Советский Союз достиг полного количественного превосходства в военной технике, боеприпасах и вооружении над нацистской Германией и ее военными сателлитами.

Более того, по мнению большинства военных экспертов, решающую роль в победе над врагом сыграли и высокие тактико-технические данные многих образцов советской боевой техники и вооружений, в частности истребителей А.С. Яковлева (Як-3) и С.А. Лавочкина (Ла-5), штурмовиков С.В. Ильюшина (Ил-2), бомбардировщиков А.Н. Туполева (ТБ-3, Ту-2), Н.Н. Поликарпова (По-2) и В.М. Петлякова (Пе-2), средних и тяжелых танков М.И. Кошкина, А.А. Морозова и Ж.Я. Котина (КВ-85, Т-34, ИС-2), артиллерийских орудий В.Г. Грабина (76-мм дивизионная пушка), Ф.Ф. Петрова (152-мм гаубица), И.И. Иванова (280-мм мортира), Б.И. Шавырина (82-мм батальонный и 120-мм полковой минометы) и Ю.А. Победоносцева и Г. Элангемака (реактивный миномет БМ-13 «Катюша»), противотанковых ружей В.А. Дегтярева и С.Г. Смирнова (ПТРД-41) и т.д.

Немаловажную роль сыграло и то, что советской военной промышленности удалось в кратчайшие сроки решить и острую нехватку стрелкового оружия; уже в 1942 г. оружейные заводы Тулы, Куйбышева и Ижевска отправили на фронт более 4 млн винтовок Ф.В. Токарева и С.Г. Симонова и спешно освоили производство безотказных автоматов ППШ-41 Г.С. Шпагина и ППС-42 А.С. Судаева. Всего же за годы войны советская промышленность выпустила более 1,5 млн станковых и ручных пулеметов, более 12,3 млн винтовок и карабинов и более 6,2 млн автоматов.

В годы войны в Горьком, Свердловске, Челябинске и Нижнем Тагиле были созданы крупнейшие в мире танкограды, где на базе Уралмаша, Красного Сормово и эвакуированных Кировского, Харьковского и Сталинградского тракторных заводов стали серийно выпускаться лучшие в мире танки КВ-2 и Т-34 и самоходные артиллерийские установки СУ-100 и ИСУ-152, бронекорпуса которых с августа 1942 г. стали делать методом автоматической электросварки, разработанной ака-

демиком **Е.О. Патон**ом. Уже в **1942 г.** на советских оборонных предприятиях было изготовлено **27 тыс.** танков и самоходок, в **1943 г.** — **27,5 тыс.** танков и самоходок, а в **1944–1945 гг.** с поточных конвейеров всех советских танкодромов вышло более **48 тыс.** танков и самоходок. Таким образом, в **1942–1945 гг.** советские танкограды поставили на фронт более **102,5 тыс.** танков и самоходок.

Аналогичный поточно-конвейерный метод сборки самолетов в начале **1943 г.** был введен и на всех крупнейших авиазаводах **Москвы, Саратова, Куйбышева, Свердловска, Иркутска и Баку**, где в **1942–1945 гг.** было построено более **105 тыс.** боевых самолетов. В тот же период на оборонных заводах **Москвы, Коломны, Горького, Перми** и других городов было произведено почти **167 тыс.** артиллерийский орудий, более **10 тыс.** установок реактивной артиллерии и почти **349 тыс.** минометов. Именно эта первоклассная военная техника и вооружения, помноженные на талант многих советских полководцев и беспримерный героизм советских солдат и офицеров, сокрушила «тысячелетний рейх» и его грозную военную машину, подмявшую под себя всю хваленую, «цивилизованную» Европу.

Ведущими отраслями военной экономики страны в годы войны умело и самоотверженно руководили многие выдающиеся и талантливые организаторы советского производства, в том числе начальник **Главного управления тыла РККА** и нарком путей сообщения генерал армии **А.В. Хрулев**, нарком танковой промышленности генерал-полковник **В.А. Малышев**, нарком вооружений генерал-полковник **Д.Ф. Устинов**, нарком боеприпасов генерал-полковник **Б.Л. Ванников**, нарком минометного вооружения генерал-полковник **П.И. Паршин**, нарком авиационной промышленности генерал-полковник **А.И. Шахурин**, нарком связи маршал войск связи **И.Т. Пересыпкин**, нарком черной металлургии **И.Ф. Тевосян**, нарком нефтяной промышленности **Н.К. Байбаков** и другие наркомы, которых сам **И.В. Сталин** любовно называл «генералами и маршалами от нефти, металлургии и транспорта, машиностроения и сельского хозяйства». При этом надо учесть, что генеральное сражения на трудовом фронте было выиграно при резком сокращении общей численности рабочих, служащих и крестьян, среди которых более **60 %** составляли героические советские женщины и подростки.

6. Союзнический ленд-лиз и его роль в победе над Германией

В последние годы очень активно стал создаваться миф об особой роли знаменитого «**союзного ленд-лиза**» в общей победе над нацистской Германией, без которого якобы Советский Союз не смог бы одержать великую победу в **Великой Отечественной войне**. Чтобы разобраться в этом вопросе достаточно взглянуть на ряд хорошо известных фактов, что позволит сразу опровергнуть это лживое утверждение, столь распространенное на Западе и в умах наших доморощенных либералов и записных борцов со сталинским тоталитарным режимом.

Знаменитый «**Закон о ленд-лизе**» или «**Закон по обеспечению защиты Соединенных Штатов**», который был принят **Конгрессом США** еще **11 марта 1941 г.**, давал президенту США «право передавать займы или в аренду другим государствам различные товары и материалы, необходимые для ведения военных действий», если эти действия, по определению президента, являлись **жизненно важными для обороны США**. Под «различными товарами и материалами» понимались оружие,

военная техника, боеприпасы, стратегическое сырье, амуниция, продовольствие, товары гражданского назначения для армии и тыла, а также любая информация, имеющая важное военное значение. Сама схема ленд-лиза предусматривала выполнение страной-получателем ряда условий: **1)** уничтоженные, утраченные или потерянные во время боевых действий материалы не подлежали оплате, а уцелевшее и пригодное для гражданских целей имущество следовало оплатить полностью или частично в порядке погашения долгосрочного кредита, выданного самими США; **2)** сохранившиеся военные материалы могли оставаться у страны-получателя до тех пор, пока США не затребуют их назад; **3)** в свою очередь, арендатор обязывался помогать Соединенным Штатам всеми имевшимися у него ресурсами и информацией.

Между прочим, закон о ленд-лизе обязывал страны, претендовавшие на американскую помощь, представлять США исчерпывающий финансовый отчет. Нестановительно министр финансов США **Г. Моргентау** во время слушаний в сенатском комитете назвал это положение уникальным во всей мировой практике, заявив, что: «впервые в истории одно государство, одно правительство предоставляет другому данные о своем финансовом положении».

С помощью ленд-лиза администрация президента **Ф.Д. Рузвельта** собиралась решить ряд неотложных задач внутри — и — внешнеполитического свойства. Во-первых, такая схема позволяла создать новые рабочие места в самих США, которые не только не вышли из «**Великой депрессии**» **1929–1933 гг.**, но и столкнулись с новым кризисом в **1937–1939 гг.** Во-вторых, ленд-лиз позволял американскому правительству оказывать определенное влияние на страну-получателя ленд-лизовой помощи. И, наконец, в-третьих, посылая своим союзникам только оружие, материалы и сырье, президент **Ф.Д. Рузвельт** выполнял свое предвыборное обещание: «наши парни никогда не будут участвовать в чужих войнах».

Вопреки распространенному заблуждению, система ленд-лиза создавалась отнюдь не под СССР. Первыми военную помощь на основе особых арендных отношений (аналога оперативного лизинга) в **конце мая 1940 г.** запросили англичане, поскольку фактический разгром Франции оставил Великобританию без военных союзников на европейском континенте. Сами англичане предложили три схемы расчетов: безвозмездный дар, оплата наличными и лизинг. Однако премьер **У. Черчилль** был реалистом и прекрасно понимал, что ни первое, ни второе предложения энтузиазма у американцев не вызовут, поскольку воюющая Англия была фактически на грани банкротства. Поэтому президент **Ф.Д. Рузвельт** быстро принял третий вариант, и в **конце лета 1940 г.** сделка состоялась. Затем в недрах американского **Министерства финансов** родилась идея распространить опыт одной частной сделки на всю сферу всех межгосударственных отношений США. Подключив к разработке законопроекта о ленд-лизе **Военное и Военно-морское министерства, Администрация Президента США 10 января 1941 г.** внесла его на рассмотрение обеих палат **Конгресса**, который и был утвержден им **11 марта 1941 г.** Первоначальный срок поставок по ленд-лизу был установлен до **30 июня 1943 г.** с дальнейшей ежегодной пролонгацией по мере его необходимости, а первым администратором этого проекта президент **Ф.Д. Рузвельт** назначил бывшего министра торговли, своего помощника **Г. Гопкинса**.

Между тем, в **сентябре 1941 г. Конгресс США** после долгих дебатов со своими «изоляционистами», негласными лидерами которых были госсекретарь **К. Хэлл**, глава ЦРУ **Дж. Далесс** и экс-президент **Г. Гувер**, одобрил так называемую «Про-

грамму победы», суть которой, по словам самих американских историков (Р. Лейтон, Р. Коакли), «заключалась в том, что вкладом Америки в войну будет оружие, а не армии». Сразу после подписания этой программы президентом Ф.Д. Рузвельтом его советник и спецпредставитель А. Гарриман вылетел в Лондон, а оттуда — в Москву, где 1 октября 1941 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, британский министр запасов и снабжения лорд У.Э. Бивербрук и президентский спецпредставитель А. Гарриман подписали **Первый (Московский) протокол**, который положил начало распространению программы ленд-лиза на Советский Союз. Затем, 11 июня 1942 г., в Вашингтоне было подписано «Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», которое окончательно отрегулировало все принципиальные вопросы военно-технического и экономического сотрудничества двух главных участников антигитлеровской коалиции. В целом, в соответствии с подписанными протоколами, все ленд-лизские поставки в СССР традиционно делят на несколько этапов:

Предленд-лиз — с 22 июня 1941 по 30 сентября 1941 года (до подписания протокола)

Первый протокол — с 1 октября 1941 по 30 июня 1942 года (подписан 1 октября 1941 г.)

Второй протокол — с 1 июля 1942 по 30 июня 1943 года (подписан 6 октября 1942 г.)

Третий протокол — с 1 июля 1943 по 30 июня 1944 года (подписан 19 октября 1943 г.)

Четвертый протокол — с 1 июля 1944 по 20 сентября 1945 года (подписан 17 апреля 1944 г.).

2 сентября 1945 г. с подписанием акта о капитуляции милитаристской Японии Вторая Мировая война была завершена, а уже 20 сентября 1945 г. все поставки по ленд-лизу в СССР были прекращены. Правительство США никогда не публиковало подробных отчетов того, что и сколько было отправлено по программе ленд-лиза в СССР. Но по уточненным данным советских историков (Л.В. Поздеева), которые были извлечены ими из закрытых американских архивных источников, поставки по ленд-лизу в СССР осуществлялись по четырем маршрутам: Дальний Восток — 8 244 000 тонн (47,1%), Советский Север — 4 645 000 тонн (26,6%), Персидский залив — 4 160 000 тонн (23,8%) и Советская Арктика — 452 000 тонн (2,5%).

В свое время британский премьер-министр У. Черчилль назвал ленд-лиз «самым бескорыстным актом в истории всех стран». Однако по признанию самих американцев, ленд-лиз приносил немалые доходы и выгоды самим США. В частности, бывший министр торговли США Дж. Джонс прямо говорил, что «поставками из СССР мы не только возвращали свои деньги, но и извлекали прибыль, что было далеко не частным случаем в торговых отношениях, регулируемых нашими государственными органами», а его соотечественник, американский историк Дж. Херринг столь же откровенно писал, что «ленд-лиз не был самым бескорыстным актом в истории человечества... Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь». И это было действительно так, поскольку ленд-лиз оказался неиссякаемым источником обогащения многих американских корпораций. Ведь, единственной страной антигитлеровской коалиции, получившей весомый экономический выигрыш от войны, были именно США. Недаром в самих Соединенных Штатах Вторую Мировую войну довольно часто называют «хорошей войной», что зримо видно из названия работы известного американского историка С. Теркли «The Good War: An Oral History of World War II» (1984), в которой он с предельным цинизмом отмечал: «Почти весь мир во время

этой войны испытал страшные потрясения, ужасы и был почти уничтожен. Мы же вышли из войны, имея в наличии невероятную технику, орудия труда, рабочую силу и деньги. Для большинства американцев война оказалась забавой... Я не говорю о тех несчастных, которые потеряли своих сыновей и дочерей. Однако для всех остальных это было **чертовски хорошее время**».

Для выполнения поставок по ленд-лизу администрация президента **Ф.Д. Рузвельта** стала широко использовать так называемые контракты с фиксированной рентабельностью (**«cost-plus contracts»**), когда частные подрядчики могли сами устанавливать определенный уровень доходов по отношению к издержкам. В случаях, когда требовались значительные объемы специализированной техники, то в роли арендодателя выступало само правительство США, покупавшее все необходимое оборудование для последующей передачи их в лизинг. Конечно, можно извести не одну тонну бумаги, чтобы объяснить непосвященной публике грандиозное значение ленд-лиза в победе над коварным врагом, но совершенно очевидно, что никаким словоизвержением невозможно изменить реальные цифры, которые говорят сами за себя. Например, в предвоенный период и в годы войны на всех предприятиях СССР было произведено более **29,1 млн** единиц стрелкового оружия всех типов, в то время как с американских, британских и канадских заводов на вооружение в РККА поступило всего лишь около **152 тыс.** единиц стрелкового оружия, то есть всего **0,5 %**. Аналогичная картина наблюдалась и по всем типам артиллерийских систем — **526,2 тыс.** советских орудий и минометов против **13 тыс.** заграничных, что составляло менее **2,5 %** от их общего числа. По другим видам вооружений картина была несколько иная, но тоже не столь оптимистическая для союзников: по танкам и самоходным орудиям соотношение довоенных и военных отечественных и «союзнических» машин составляло, соответственно, **132,8 тыс.** и **11,9 тыс. (8,96 %)**, а по боевым самолетам — **140,5 тыс.** и **18,3 тыс. (13 %)**.

Вопрос о финансовых объемах всей программы ленд-лиза до сих пор остается предметом старой научной дискуссии и околонаучных спекуляций, но по оценкам большинства современных историков, общие поставки по ленд-лизу составили **50 млрд долларов**. Из этой суммы Британская империя получила более **31,5 млрд**, СССР — **11,3 млрд**, Франция — **3,2 млрд**, Китай — **1,6 млрд** и даже страны Латинской Америки, чьи боевые подвиги на полях **Второй Мировой войны** без микроскопа вряд ли можно рассмотреть, урвали свои **420 млн долларов**.

Но, может быть, при общей незначительности общего объема заокеанской помощи она сыграла решающую роль именно в **1941 г.**, когда враг стоял у ворот **Москвы** и **Ленинграда**, и когда до победного марша германского вермахта по **Красной площади** оставалось всего несколько десятков километров. Однако реальная статистика поставок вооружений именно за этот год говорит совершенно о другом. В **1941 г.** Красная Армия получила от собственной промышленности **1,76 млн** винтовок, автоматов и пулеметов, **53,7 тыс.** орудий и минометов, **5,4 тыс.** танков и **8,2 тыс.** боевых самолетов. В то время как союзники по антигитлеровской коалиции поставили всего **82** артиллерийских орудия (**0,15 %**), **648** танков (**12,14 %**) и **915** самолетов (**10,26 %**).

Если перевести все эти поставки в денежный эквивалент, то по данным профессора **М.И. Фролова** («Тщетные потуги: против принижения роли СССР в разгроме фашистской Германии» 1986), который уже многие годы успешно полемизирует с немецкими историками (**В. Швабедиссен, К. Уэбе**), «до конца **1941 года** — в са-

мый тяжелый для Советского государства период — в СССР по ленд-лизу из США были направлены материалы на сумму **545 тыс. долларов** при общей стоимости американских поставок странам антигитлеровской коалиции **741 млн долларов**». К концу же **1942 г.** согласованные программы поставок в СССР были выполнены американцами и англичанами только на **55 %**. В **1941–1942 годах** в СССР поступило всего **7 %** отправленных за годы войны из США грузов. Основное количество вооружения и других материалов было получено Советским Союзом в **1944–1945 годах**, после коренного перелома в ходе войны».

Теперь посмотрим, что же представляли собой боевые машины союзных стран, которые первоначально шли по программе ленд-лиза. Так, например, из **711 истребителей**, прибывших из Англии в СССР до конца **1941 г.**, львиную долю составляли безнадежно устаревшие машины типа «Киттихок», «Томагавк» и «Харрикейн», которые существенно уступая немецкому «Мессершмитту» и советскому «Яку» по скорости и маневренности и не имели даже пушечного вооружения. Что касается новейших истребителей «Аэрокобра», то в **1941 г.** их было поставлено всего **11 штук**. Аналогичная картина наблюдалась и с хваленными английскими бронемашинами — легким танком «Валентайн», который советские танкисты окрестили «Валентина», и средним танком «Матильда», которую те же танкисты обозвали еще хлестче — «Прощай, Родина», поскольку их тонкая броня, пожароопасные карбюраторные двигатели и допотопная трансмиссия делали эти танки легкой добычей немецких артиллеристов и гранатометчиков. Причем, если британские джентльмены все же блюли некие приличия и, периодически посылая товар по принципу «на тебе, Боже, что нам не гоже», хотя бы доставляли его в оговоренном количестве, то американцы просто в наглую срывали все поставки: обещали прислать в **1941 г.** **600 танков** и **750 самолетов**, а реально послали **182 танков** и **204 самолета**. Причем, их хваленый средний танк М-3 («Ли») получил у советских танкистов горестно-ироническое прозвище «братская могила на шестерых».

Та же история повторилась и в **1942 г.**: если советская промышленность выпустила в этот год более **5,9 млн** единиц стрелкового оружия, **287 тыс.** орудий и минометов, **24,5 тыс.** танков и самоходных орудий и **21,7 тыс.** самолетов, то по ленд-лизу за **январь — октябрь 1942 г.** было поставлено всего **61 тыс.** единиц стрелкового оружия, **532 орудий** и минометов, **2703 танков** и самоходок и **1695 самолетов**. Причем, с **ноября 1942 г.**, то есть в самый разгар битвы за Кавказ и Сталинград и проведения операции «Марс», поставки вооружений практически полностью прекратились. По информации историков (М. Супрун), эти перебои начались уже **летом 1942 г.**, когда немецкая авиация и подлодки разгромили печально знаменитый **Караван PQ-17**, брошенный на произвол судьбы по приказу британского **Адмиралтейства** своими же конвойными судами. Результат оказался катастрофическим: до советских портов дошло всего **11 из 35 судов**, что и было использовано в качестве предлога для приостановки отправки следующего конвоя, который отплыл от британских берегов только в **сентябре 1942 г.** Причем, новый **Караван PQ-18** потерял по дороге **10 транспортов** из **37**, и очередной конвой был отправлен только в **середине декабря 1942 г.** Таким образом, когда на **Волге** шла решающая битва всей **Второй Мировой войны**, в **Мурманск** и **Архангельск** пришло поодиночке менее **40 судов** с ленд-лизивскими грузами. В связи с этим обстоятельством у многих возникло законное подозрение, что в **Лондоне** и **Вашингтоне** все это время просто выжидали, в чью пользу завершится сражение под **Сталинградом**.

Вместе с тем, вопрос о «ленд-лиззовских» цифрах до сих пор остается открытым. Например, согласно материалам **Приемной комиссии Главного бюро инженерного корпуса РККА** в годы войны англичане поставили нам **1084 танка «Матильда-2»** (164 потеряно при транспортировке), **3782 танка «Валентайн»** (420 потеряно при транспортировке) и **344 танка «Черчилль»** (191 потерян при транспортировке), а американцы, соответственно, — **1776 танков «Стюарт»** (104 потеряно при транспортировке), **1386 танков «Ли»** (410 потеряно при транспортировке) и **4063 танка «Шерман»** (400 потеряно при транспортировке). Таким образом, англичане отправили нам **5210 танков**, но реально мы получили только **4435 штук**, а американцы отправили **6625 танков**, но до пункта назначения дошло всего **5711 танков**. Хотя, согласно данным **21-го отчета Конгрессу США**, по операциям ленд-лиза в СССР было поставлено **7056 танков**. И такая путаница в цифрах наблюдается по всем позициям...

Но самым интересным является то, что наши либеральные историки и публицисты либо хорошо знают, но тщательно скрывают, либо просто пропускают мимо ушей, либо с торжественным видом выкладывают в качестве решающего козыря — поставки, не относящиеся к основным видам вооружений. И тут, казалось бы, крыть нечем, поскольку цифры получаются и впрямь солидные. В частности, именно по ленд-лизу мы получили **2586 тыс. тонн авиационного бензина**, что составляло **37 %** от произведенного в СССР в годы войны, и почти **410 тыс. автомобилей**, то есть **45 %** всего автотранспорта РККА. Немалую роль сыграли и поставки продовольствия, хотя за первый год войны они были крайне незначительны, а всего США поставили примерно **15 % мясных консервов** и прочих «деликатесов». А ведь, были еще станки, рельсы, паровозы, вагоны, радиолокаторы и другое полезное имущество, без которых много не навоюешь. Безусловно, ознакомившись с этим внушительным списком ленд-лиззовских поставок, можно искренне восхититься американскими партнерами по антигитлеровской коалиции, если не знать один нюансик: одновременно вполне сравнимую по объемам помощь американские промышленные корпорации оказывали и нацистской Германии.

Например, крупнейшая нефтяная корпорация «**Standard Oil**», принадлежавшая **Дж. Рокфеллеру**, только по линии немецкого концерна «**I.G. Farbenindustrie**» продала **Берлину** бензина и смазочных материалов на **20 млн долларов**. А венесуэльский филиал этой же компании ежемесячно отправлял в Германию **13 тыс. тонн сырой нефти**, которую мощная химическая промышленность Третьего Рейха тут же перерабатывала в первоклассный бензин. Причем, драгоценным топливом дело не ограничилось и немцам из-за океана сплошным потоком шел вольфрам, синтетический каучук и куча разных комплектующих для их автомобильной промышленности, которыми германского фюрера снабжал его старинный друг **Г. Форд**. В частности, хорошо известно, что на снабжение германского вермахта шло **30 %** всех автопокрышек, изготовленных на его заводах. А что касается общего объема фордовско-рокфеллеровских поставок нацистской Германии, то полных сведений на сей счет нет до сих пор, поскольку это есть строжайшая коммерческая тайна, но даже то малое, что стало достоянием общественности и историков, позволяет легко понять, что торговля с **Берлином** в годы войны шла ничуть не меньше, чем с «союзными» **Лондоном** и **Москвой**.

Чуть выше мы писали о том, что существует и еще одна ходячая версия, что со стороны США ленд-лиззовская помощь носила, чуть ли, не благотворительный

характер. Однако при ближайшем рассмотрении и эта версия не выдерживает никакой критики. Прежде всего, потому, что уже в ходе войны в рамках так называемого «обратного ленд-лиза» Вашингтон получил необходимого сырья общей стоимостью почти в 20% от переданных материалов и вооружений. В частности, из СССР были отправлены 32 тыс. тонн марганцевой и 320 тыс. тонн хромовой руды, значение которых в военной промышленности было крайне велико. Достаточно сказать, что когда в результате Никопольско-Криворожской наступательной операции войск 3-го и 4-го Украинских фронтов в феврале 1944 г. германская промышленность лишились никопольского марганца, то 150-мм лобовая броня немецких «королевских тигров» «Tiger II» держала удар советских артиллерийских снарядов гораздо хуже, чем аналогичный 100-мм броневой лист, который стоял на обычных «Tiger I». Кроме того, за союзные поставки СССР расплачивался золотом и только на одном британском крейсере «Эдинбург», который был потоплен немецкими подлодками в мае 1942 г., находилось 5,5 тонн драгоценного металла.

После окончания войны значительную часть оружия и боевой техники, как и полагалось по договору ленд-лиза, Советский Союз вернул обратно, получив взамен счет на круглую сумму в 2,6 млрд долларов. На фоне списания ленд-лизовских долгов иным державам — тем же Франции и Англии, это выглядело откровенным грабежом, поэтому И.В. Сталин потребовал пересчитать «союзнический» долг и в 1948 г. его сумма была сокращена ровно наполовину, до 1,3 млрд долларов. Однако и впоследствии американцы были вынуждены признать, что вновь откровенно приврали в своих расчетах и окончательная сумма, признанная СССР и США, составила 800 млн долларов, из которых порядка 80 млн было выплачено в 1950-х гг.

Затем, по Вашингтонскому соглашению, подписанному в 1972 г., общая сумма задолженности по ленд-лизу была определена в 722 млн долларов, из которых 48 млн были выплачены США при Л.И. Брежнев в 1973 г. тремя равными платежами. Но затем, в связи с вводом американской стороной дискриминационных мер в торговле с СССР, в частности пресловутой «Поправкой Джексона-Вэника», все выплаты были прекращены. И лишь в июне 1990 г. в ходе новых переговоров президентов Дж. Буша-старшего и М.С. Горбачева стороны вернулись к обсуждению ленд-лизовского долга, в ходе которых были установлены новый срок окончательного погашения задолженности и окончательная сумма советского долга в 674 млн долларов. После распада СССР его технические долги были разделены на долги правительствам (Парижский клуб) и долги частным банкам (Лондонский клуб). Долг за ленд-лиз был долговым обязательством перед правительством США, то есть частью долга Парижскому клубу, который Россия полностью погасила в августе 2006 г. Поэтому все нынешние причитания наших либералов по поводу американской благотворительности выглядят довольно омерзительно, особенно на фоне вполне трезвых оценок самих американцев, например, того же президента Ф.Д. Рузвельта, прямо заявившего, что «помощь русским — это удачно потраченные деньги».

Первую официальную оценку роли ленд-лиза в общей победе над нацизмом, которая затем в разной интерпретации тиражировалась во всех энциклопедиях, научных работах и учебной литературе, дал член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский, который в своей книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (1948) прямо писал: «если сравнить размеры поставок союзниками промышленных товаров с размерами производства промышленной

продукции на социалистических предприятиях СССР, то окажется, что удельный вес этих поставок по отношению к отечественному производству в период военной экономики составит всего лишь около 4%. И хотя, на протяжении всех этих лет западные советологи, да и наши доморожденные антисталинисты (Б. Соколов, Г. Попов), всячески пытались возвеличить роль ленд-лизских поставок в годы Второй Мировой войны, сами американские ученые, военные и чиновники (Р. Голдсмит, Дж. Херринг, Р. Джоунс) вынужденно признают, что вся союзная помощь СССР с учетом всех «невоенных» поставок, в том числе знаменитой американской тушенки «Второй фронт», составила порядка 10–11%. Более того, известный американский историк и публицист Р. Шервуд в своей знаменитой книге «Рузвельт и Гопкинс: глазами очевидца» (1958), написанной в разгар «холодной войны», прямо цитировал Гарри Гопкинса, который сказал, что «американцы никогда не считали, что помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Победа была достигнута героизмом и кровью русской армии».

7. Тегеранская конференция (28 ноября – 1 декабря 1943 г.)

28 ноября – 1 декабря 1943 г. в столице Ирана Тегеране состоялась первая очная встреча всех лидеров «Большой тройки» — Иосифа Виссарионовича Сталина, Франклина Делано Рузвельта и Уинстона Черчилля. Кроме того, в этой первой союзнической конференции трех великих держав принимали участие:

— от Союза Советских Социалистических Республик нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия и заместитель председателя СНК СССР К.Е. Ворошилов;

— от Соединенных Штатов Америки посол США в СССР А. Гарриман, руководитель Объединенного Комитета начальников штабов генерал Дж. Маршалл и главком Военно-Морских сил адмирал Э. Кинг;

— от Великобритании министр иностранных дел А. Идеен и начальник Имперского Генерального штаба генерал А. Брук.

В центре внимания участников Тегеранской конференции были следующие вопросы:

1) **Открытие Второго фронта в Европе.** После долгих препирательств и споров, прежде всего, со стороны британской делегации, руководитель которой особо настаивал на итальянско-балканском варианте открытия Второго фронта, было принято решение о том, что Второй фронт в Европе будет открыт на Севере Франции (в Нормандии) в мае 1944 г.

2) **Участие Советского Союза в войне против Японии.** Была достигнута принципиальная договоренность, что Советский Союз через два-три месяца после завершения войны в Европе начнет боевые действия в Маньчжурии против Квантунской армии.

3) **Послевоенное устройство Европы.** В рамках этой проблемы обсуждались два основных вопроса:

а) **Будущее территориальное устройство Германии.** Ф. Рузвельт и У. Черчилль, выступавшие за расчленение Германии, предложили разные варианты решения этой проблемы, от создания пяти независимых германских государств — Пруссии, Саксонии, Ганновера, Гессена-Дармштадта-Касселя и Баварии-Бадена-Вюртемберга до включения ряда ее территорий — Бадена и Баварии, наряду с Австрией и Венгрией, в состав Дунайской Федерации. Однако И.В. Сталин в категорической форме выступил

против планов расчленения Германии, и данный вопрос был передан на рассмотрение в **Европейскую консультативную комиссию**, которая была создана в **августе 1942 г.** на **Московской конференции министров иностранных дел** трех великих держав.

б) Воссоздание Польского государства и его новых государственных границ. По данному вопросу было принято принципиальное решение, предложенное **У. Черчиллем**, о воссоздании Польского государства, границы которого должны будут пройти по так называемой «**линии Керзона**» на востоке, и по рубежу **Одера** и **Западной Нейсе** на западе. Таким образом, лидеры союзных держав согласились на отторжение в пользу Польши части **Восточной Померании** и **Верхней Силезии**, но при этом согласились с вхождением в состав СССР западных областей **Украины** и **Белоруссии**, которые вошли в его состав в **сентябре 1939 г.** Причем, в качестве новой советско-польской границы должна была выступить пресловутая «**Линия Керзона**» либо в «**Варианте А**» (с советским **Львовом**), либо в «**Варианте Б**» (с польским **Львовом**), которая была предложена в качестве таковой еще на **Версальском мирном конгрессе** в **июне 1919 г.** Позднее, в **январе 1944 г.** советское правительство заявило о готовности положить в основу послевоенной советско-польской границы «**Вариант А**», который был окончательно одобрен в **феврале 1945 г.** на **Крымской (Ялтинской) конференции** глав трех союзных держав.

После завершения встречи «**Большой тройки**», **3–7 декабря 1943 г.** состоялась работа **второй Каирской конференции**, на которой **Ф.Д. Рузвельт** и **У. Черчилль**, обсудив детали плана «**Оверлорд**», приняли решение о назначении генерала армии **Д. Эйзенхауэра** главнокомандующим экспедиционными силами союзников в Европе.

Тема: ТРЕТИЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ЯНВАРЬ 1944 – 2 СЕНТЯБРЯ 1945 ГГ.)

План:

1. Боевые действия на советско-германском фронте (январь – май 1944 г.).
 - а) Боевые действия на северо-западном стратегическом направлении.
 - б) Боевые действия на западном стратегическом направлении.
 - в) Боевые действия на юго-западном стратегическом направлении.
2. Операция «Багратион» (23 июня – 29 августа 1944 г.).
3. Боевые на советско-германском фронте (июнь – декабрь 1944 г.).
 - а) Боевые действия на северо-западном стратегическом направлении.
 - б) Боевые действия на юго-западном стратегическом направлении.
4. Боевые действия на советско-германском фронте (январь – май 1945 г.).
5. Крымская (Ялтинская) конференция (4–11 февраля 1945 г.).
6. Берлинская и Пражская наступательные операции (апрель – май 1945 г.).
7. Подписание Акта о капитуляции Германии (8 мая 1945 г.).
8. Берлинская (Потсдамская) конференция (17 июля – 2 августа 1945 г.).
9. Война с милитаристской Японией (9 августа – 2 сентября 1945 г.).
10. Итоги и цена войны.

1. Боевые действия на советско-германском фронте (январь – май 1944 г.)

а) Боевые действия на северо-западном стратегическом направлении

К началу января 1944 г. на северо-западном стратегическом направлении были сосредоточены силы трех советских фронтов: — Ленинградский фронт (командующий генерал армии Л.А. Говоров, начальник штаба генерал-лейтенант Д.Н. Гусев) в составе 2-й ударной (И. Федонинский), 23-й (А. Черепанов), 42-й (И. Масленников), 67-й (В. Свиридов) общевойсковых и 13-й воздушной (С. Рыбальченко) армий держал оборону на Карельском перешейке по линии Топпары — Сестрорецк и южнее Ленинграда по рубежу Ораниенбаум — Урицк — Гонтовая Липка. — Волховский фронт (командующий генерал армии К.А. Мерещков, начальник штаба генерал-лейтенант Ф.П. Озеров) в составе 8-й (Ф. Стариков), 54-й (С. Рогинский) и 59-й (И. Коровников) общевойсковых и 14-й воздушной (И. Журавлев) армий держал оборону от Гонтовой Липки до озера Ильмень. — 2-й Прибалтийский фронт (командующий генерал армии М.М. Попов, начальник штаба генерал-лейтенант Л.М. Сандалов) в составе 1-й (Г. Коротков) и 3-й (Н. Чибисов) ударных, 6-й (И. Чистяков) и 10-й (М. Казаков) гвардейских, 22-й общевойсковой (В. Юшкевич) и 15-й воздушной (Н. Науменко) армий держал оборону по линии озеро Ильмень — Невель.

В соответствии с планом проведения военной кампании на первую половину 1944 г. войска этих трех фронтов провели несколько крупных наступательных операций против группы армий «Север», которую вместо фельдмаршала Г. Кюхлера возглавил генерал-полковник В. Модель.

В январе — марте 1944 г. войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов приняли активное участие в Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции, в рамках которой были проведены несколько локальных фронтовых наступательных операций, в том числе Красносельско-Ропшинская, Петергофско-Стрельненская, Любанская и Новгородско-Лужская, в ходе которых советские войска полностью сняли блокаду Ленинграда (27 января 1944 г.) и освободили многие древнерусские города, в том числе Новгород, Старую Руссу, Лугу и Гдов. Однако генерал В. Модель сумел превратить беспорядочное отступление вверенных ему войск в планомерный отход с занимаемых позиций и к началу марта окончательно остановить советское наступление под Нарвой и Псковом, сорвав планы советского командования по глубокому прорыву в Прибалтику. А. Гитлер высоко оценил этот успех В. Моделя и присвоил ему звание фельдмаршала, однако тут же назначил его командующим группы армий «Юг», которая в начале апреля 1944 г. была переименована в группу армий «Северная Украина».

К началу марта 1944 г. войска трех фронтов закрепились по рубежу Нарва — Чудское озеро — Псков — Остров — Новоржев — Идрица и начали подготовку к боям за псковско-островский укрепрайон, где были сосредоточены основные силы группы армий «Север», которую теперь возглавил генерал-полковник Г. Линдеман.

15 марта 1944 г. в связи с решением Волховским фронтом всех оперативно-стратегических задач приказом Ставки ВГК он был упразднен, и его части и соединения переданы в оперативное управление Ленинградскому и 2-му Прибалтийскому фронтам. А бывший командующий этим фронтом генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерещков был назначен командующим Карельским фронтом.

б) Боевые действия на западном стратегическом направлении

К началу 1944 г. на западном стратегическом направлении были сосредоточены ударные группировки трех советских фронтов, которым предстояло сыграть решающую роль на центральном участке советско-германского фронта, где находилась мощная группа армий «Центр», возглавляемая фельдмаршалом Э. Бушем. В состав этой группы по-прежнему входили 2-я, 4-я, 9-я полевые и 3-я танковая армии, которыми командовали генералы В. Вайс, Г. Хейнрици, Й. Харпе и Г. Рейнгардт.

В состав 1-го Прибалтийского фронта (командующий генерал армии И.Х. Баграмян, начальник штаба генерал-лейтенант В.В. Курасов) входили 4-я ударная, 11-я гвардейская, 39-я и 43-я общевойсковые и 3-я воздушная армии, которыми командовали генералы К.Н. Галицкий, П.Ф. Малышев, Н.Э. Берзарин, К.Д. Голубев и Н.Ф. Папивин.

В составе Западного фронта (командующий генерал армии В.Д. Соколовский, начальник штаба генерал-лейтенант А.П. Покровский) находились войска 5-й, 10-й, 31-й, 33-й и 49-й общевойсковых и 1-й воздушной армий, которые возглавляли генералы Н.И. Крылов, В.С. Попов, В.А. Глуздовский, В.Н. Гордов, И.Т. Гришин и М.М. Громов.

В состав Белорусского фронта (командующий генерал армии К.К. Рокоссовский, начальник штаба генерал-полковник М.С. Калинин) входили войска 3-й, 48-й, 50-й, 61-й, 63-й и 65-й общевойсковых и 16-й воздушной армий, которыми командовали генералы А.В. Горбатов, П.Л. Романенко, И.В. Болдин, П.А. Белов, В.Я. Колпакчи, П.И. Батов и С.И. Руденко.

Главные события на центральном участке советско-германского фронта зимой – весной 1944 г. развернулись на витебском, оршанском и бобруйском направлениях.

Зимой 1944 г. войска 1-го Прибалтийского и Западного фронтов в ходе Витебской (январь – февраль 1944 г.) и Оршанской (февраль – март 1944 г.) наступательных операций так и не смогли решить поставленных задач и по приказу Ставки ВГК в начале апреля 1944 г. перешли к обороне по всей линии фронта. Причем, ответственным за провал этих операций был назначен генерал армии В.Д. Соколовский, который был смещен со своей должности и назначен с понижением начальником штаба 1-го Украинского фронта.

Значительно более успешно развивалась ситуация на бобруйском направлении, где войска Белорусского фронта в ходе Мозырьской (январь 1944 г.), Рогачёво-Жлобинской (февраль 1944 г.) и Полесской (март – апрель 1944 г.) наступательных операций нанесли значительный урон войскам 2-й и 9-й полевых армий противника и освободили юго-восточные районы Белоруссии и Полесья.

В середине февраля 1944 г. Белорусский фронт был переименован в 1-й Белорусский фронт, а в конце апреля на базе Западного фронта Ставка создала 2-й и 3-й Белорусские фронты, которые возглавили генерал-полковник Иван Ефимович Петров и генерал-полковник Иван Данилович Черняховский.

в) Боевые действия на юго-западном стратегическом направлении

В конце 1943 г., после детального обсуждения планов предстоящей зимне-весенней кампании на 1944 г., руководством Ставки и Генерального штаба было принято решение провести на Правобережной Украине и в Крыму сразу несколько, связанных единым стратегическим планом, наступательных операций. Реализация этого плана была возложена на войска 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов,

которые, соответственно, возглавляли генералы армии **Н.Ф. Ватутин, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский и Ф.И. Толбухин.**

Советским войскам на южном и юго-западном стратегических направлениях по-прежнему противостояли две группы армий — «Юг» и «А», которыми продолжали командовать фельдмаршалы **Э. Манштейн и Э. Клейст.** В состав этих фронтовых группировок входили **6-я (Г. Холлидт), 8-я (О. Вёлер) и 17-я (Э. Енеке) полевые и 1-я (Э. Макензен) и 4-я (Э. Раус) танковые армии,** общая численность которых превышала **100 пехотных, моторизованных и танковых дивизий.**

Операция по освобождению Правобережной Украины, которую в советской исторической науке традиционно называли «десятью сталинскими ударами», началась в самом конце 1943 г. наступлением войск **1-го Украинского фронта.**

В декабре 1943 г. — январе 1944 г. войска **1-го Украинского фронта** провели **Житомирско-Бердичевскую наступательную операцию,** в которой особо отличились части и соединения **1-й гвардейской, 18-й, 38-й и 60-й общевойсковых и 1-й танковой армий генералов А.А. Гречко, К.Н. Леселидзе, К.С. Москаленко, И.Д. Черняховского и М.Е. Катукова.**

В январе 1944 г. войска **2-го Украинского фронта** провели **Кировоградскую наступательную операцию,** в которой приняли участие части и соединения **4-й, 5-й и 7-й гвардейских и 52-й и 53-й общевойсковых армий генералов И.В. Галанина, А.С. Жадова, М.С. Шумилова, К.А. Коротева и Г.Ф. Тарасова.**

После завершения этих операций западнее Днепра в районе **Корсунь-Шевченковский** в окружение попали более двадцати дивизий **8-й полевой и 1-й танковой армий вермахта.** В связи с этим обстоятельством **Ставка ВГК** приказала временно прекратить дальнейшее продвижение войск и уничтожить окруженную группировку противника в этом районе.

В январе — феврале 1944 г. войска **1-го и 2-го Украинского фронтов** провели **Корсунь-Шевченковскую наступательную операцию,** в ходе которой особо отличились войска **27-й, 40-й и 53-й общевойсковых и 5-й и 6-й гвардейских танковых армий генералов С.Г. Трофименко, Ф.Ф. Жмаченко, И.В. Галанина, П.А. Ротмистрова и А.Г. Кравченко.** Причем, в ходе этой операции, которая проводилась в тяжелейших метеоусловиях, в окружение («**Малый Сталинград**») попали два армейских корпуса во главе с генералом артиллерии **В. Штеммерманом.** Фельдмаршал **Э. Манштейн** предпринял две попытки деблокировать свои окруженные части, но они закончились безрезультатно: большая часть противника была взята в плен, а около **20 тыс.** солдат и офицеров вермахта, в том числе сам генерал **В. Штеммерман,** погибли при попытке прорыва внешнего кольца окружения.

Одновременно войска **1-го Украинского фронта** силами **1-й гвардейской и 60-й общевойсковой армий генералов А.А. Гречко и И.Д. Черняховского** провели **Ровенско-Луцкую наступательную операцию.** А войска **3-го и 4-го Украинского фронтов** в ходе **Никопольско-Криворожской наступательной операции** разгромили передовые части **6-й полевой армии вермахта** и вышли на левый берег реки **Ингулец.** В этих боях особо отличились части и соединения **3-й и 8-й гвардейских, 5-й ударной и 46-й общевойсковой армий,** которыми командовали генералы **Д.Д. Лелюшенко, В.И. Чуйков, В.Д. Цветаев и В.В. Глаголев.**

29 февраля 1944 г. в районе города **Ровно** в перестрелке с бандеровцами получил смертельное ранение командующий **1-м Украинским фронтом** генерал армии

Н.Ф. Ватутин, который через полтора месяца скончался от заражения крови на киевской квартире секретаря ЦК КПУ(б) **Н.С. Хрущева**. В этой ситуации по указанию Ставки ВГК командование фронтом принял на себя заместитель Верховного Главнокомандующего маршал **Г.К. Жуков**.

В марте — апреле 1944 г. войска 1-го и 2-го Украинских фронтов провели **Прокурово-Черновицкую наступательную операцию**, в ходе которой освободили **Винницкую, Черновицкую и Тернопольскую** области Украинской ССР и вышли на государственную границу с Румынией. В этих тяжелых наступательных боях особое мужество и героизм проявили бойцы и командиры **38-й, 40-й, 60-й** общевойсковых и **1-й и 4-й** танковых армий, которыми руководили генералы **К.С. Москаленко, Ф.Ф. Жмаченко, И.Д. Черняховский, М.Е. Катуков** и **Д.Д. Лелюшенко**.

В марте — апреле 1944 г. войска 2-го Украинского фронта силами шести общевойсковых и двух танковых армий провели **Уманско-Батошанскую наступательную операцию**, в результате которой освободили многие города Украины, Молдавии и вступили на территорию Румынии. В ходе этой операции, завершившейся полным разгромом **8-й** полевой армии вермахта, вновь отличились войска **4-й, 5-й и 7-й** гвардейских и **6-й** танковой армий, которыми командовали генералы **И.В. Галанин, А.С. Жадов, М.С. Шумилов** и **А.Г. Кравченко**.

В марте 1944 г. войска 3-го Украинского фронта в ходе **Березниговато-Снигирёвской наступательной операции** окружили крупную группировку немцев в районе **Снигирёвки**, а затем, освободив **Херсон**, вышли на **Южный Буг**. После небольшой передышки, в апреле 1944 г. войска 3-го Украинского фронта провели **Одесскую наступательную операцию**, в ходе которой части и соединения **8-й** гвардейской, **37-й, 46-й и 57-й** общевойсковых армий генералов **В.И. Чуйкова, М.Н. Шарохина, В.В. Глаголева** и **Н.А. Гагена** освободили **Николаев, Очаков, Одессу, Тирасполь, Дубоссары, Бендеры** и вышли на левый берег **Днестра**.

Успехи советских войск на правобережной Украине были столь впечатляющими, что **31 марта 1944 г. А. Гитлер** сместил фельдмаршалов **Э. Манштейна** и **Э. Клейста** со своих постов и назначил новых командующих группами армий «Юг» и «А» — фельдмаршала **В. Моделя** и генерал-полковника **Ф. Шёрнера**.

В апреле — мае 1944 г. силами **2-й гвардейской (Г. Захаров)** и **51-й общевойсковой (Я. Крейзер)** армий **4-го Украинского фронта** при взаимодействии с войсками **Отдельной Приморской армии** генерала армии **А.И. Еременко** и частями **Черноморского флота** адмирала **Ф.С. Октябрьского** была успешно проведена **Крымская наступательная операция**, завершившаяся полным разгромом вражеских войск и освобождением **Севастополя**.

Таким образом, в ходе «десяти сталинских ударов», к лету 1944 г. советские войска, разгромив крупные силы противника, практически полностью освободили территорию Советской Украины, за исключением двух самых западных областей, и перенесли активные боевые действия на территорию сопредельных государств. В связи с этим важным обстоятельством в начале мая 1944 г. по решению Политбюро в аппарате ЦК ВКП(б) было проведено расширенное заседание, на котором помимо членов и кандидатов в члены этого высшего партийного ареопага — **И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, А.А. Жданова, Г.М. Маленкова, А.И. Микояна, Н.С. Хрущева** и **А.С. Щербакова**, присутствовали члены **Военных советов** всех фронтов, в частности генералы **Н.А. Булганин, А.С. Желтов, К.В. Крайнюков,**

Л.З. Мехлис, И.З. Сусайков, К.Ф. Телегин, Т.Ф. Штыков и другие. Основное место в работе совещания заняли вопросы, посвященные проблемам насилия и мародерства, которые неизбежно могли возникнуть при выполнении советскими войнами высокой миссии освободителей Европы от фашистского ига. Поэтому всем членам **Военных советов** фронтов были даны четкие установки о том, что они должны жёстко пресекать подобные инциденты и усилить воспитательную работу в войсках.

16 мая 1944 г. в связи с победоносным завершением **Крымской операции** и упразднением **4-го Украинского фронта**, **Ставка ВГК** провела новые назначения в высшем руководстве фронтовыми группировками: маршал **И.С. Конев** был назначен командующим **1-м Украинским фронтом**, генерал армии **Р.Я. Малиновский** возглавил **2-й Украинский фронт**, а генерал армии **Ф.И. Толбухин** стал командующим **3-м Украинским фронтом**.

2. Операция «Багратион» (23 июня – 29 августа 1944 г.)

Успешное завершение стратегической наступательной операции на Правобережной Украине дало возможность приступить к осуществлению стратегической наступательной операции по освобождению Советской Белоруссии, план которой был разработан **Генеральным штабом** еще в **апреле 1944 г.**

22 мая 1944 г. на совещании в **Ставке ВГК И.В. Сталин** утвердил план операции по освобождению Белоруссии, получивший кодовое название «**Багратион**». Для проведения этой операции привлекались силы четырех советских фронтов: **1-го Прибалтийского** (генерал армии **И.Х. Баграмян**), **1-го Белорусского** (генерал армии **К.К. Рокоссовский**), **2-го Белорусского** (генерал-полковник **Ф.Г. Захаров**) и **3-го Белорусского** (генерал-полковник **И.Д. Черняховский**) фронтов. Общее оперативное руководство этими фронтами возлагалось на представителей **Ставки ВГК** маршалов **Г.К. Жукова** и **А.М. Василевского**.

Согласно плану операции войска **1-го Прибалтийского** и **3-го Белорусского фронтов** должны были разгромить **витебско-оршанскую группировку** противника, войска **2-го Белорусского фронта** наносили главный удар против **могилевской группировки** немцев, а войскам **1-го Белорусского фронта** предстояло разгромить **бобруйскую группировку** противника.

На этом участке фронта советским войскам по-прежнему противостояла группа армий «**Центр**», в состав которой входили части и соединения **2-й, 4-й и 9-й** полевых и **3-й** танковой армий вермахта, которыми командовали генералы **В. Вайс**, **К. Типпельсрих**, **Н. Форман** и **Г. Рейнгардт**. Общее руководство группы армий «**Центр**» было возложено на фельдмаршала **Э. Буша**.

Операция «**Багратион**» была проведена в два этапа. На первом этапе операции (**23 июня – 4 июля 1944 г.**) советские войска с блеском выполнили все поставленные **Ставкой ВГК** оперативные задачи:

Войска **1-го Прибалтийского** и **3-го Белорусского фронтов** силами **6-й (И. Чистяков)** и **11-й (К. Галицкий)** гвардейских, **5-й (Н. Крылов)**, **31-й (В. Глаголев)**, **39-й (И. Людников)** и **43-й (А. Белобородов)** общевойсковых и **1-й (М. Громов)** и **3-й (Н. Папивин)** воздушных армий провели **Витебско-Оршанскую наступательную операцию**, в ходе которой, разгромив **3-ю танковую армию** вермахта, вышли на рубеж **Полоцк — Лепель — Березина**.

Войска 2-го Белорусского фронта силами 33-й (В. Крюченкин), 49-й (И. Гришин) и 50-й (Ф. Озеров) общевойсковых и 4-й воздушной (К. Вершинин) армий успешно провели Могилевскую наступательную операцию, в ходе которой, окружив войска 4-й полевой армии вермахта, освободили Могилев и форсировали Днепр.

Войска 1-го Белорусского фронта силами 3-й (А. Горбатов), 28-й (А. Лучинский), 48-й (П. Романенко) и 65-й (П. Батов) общевойсковых и 16-й воздушной (С. Руденко) армий провели Бобруйскую наступательную операцию, в ходе которой, разгромив 9-ю полевую армию вермахта, освободили Бобруйск и продвинулись вперед на 100 км.

Продвижение советских войск в Белоруссии было настолько стремительным, что уже 28 июня 1944 г. А. Гитлер сместил фельдмаршала Э. Буша со своего поста и назначил новым командующим группы армий «Центр» фельдмаршала В. Моделя. Однако это не изменило общей ситуации на фронте, поскольку именно тогда войска 1-го Прибалтийского фронта успешно провели Полоцкую наступательную операцию, в результате которой овладели полоцким оборонительным узлом противника и вступили на территорию Литвы. А войска 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов силами шестнадцати общевойсковых, двух танковых и четырех воздушных армий, семи танковых и кавалерийских корпусов, провели Минскую наступательную операцию (29 июня — 4 июля 1944), которая завершилась окружением минской группировки противника и освобождением столицы Советской Белоруссии.

На втором этапе операции «Багратион» (4 июля — 29 августа 1944 г.) советские войска провели еще несколько блестящих наступательных операций, которые закончились полным разгромом врага, его изгнанием с территории многострадальной Белоруссии и переносом боевых действий на территорию Советской Прибалтики и Польши. Именно тогда:

Войска 33-й (С. Морозов), 49-й (И. Гришин) и 50-й (И. Болдин) общевойсковых армий 2-го и 3-го Белорусских фронтов полностью уничтожили окруженную группировку противника восточнее Минска.

Войска 3-го Белорусского фронта провели Вильнюсскую наступательную операцию, в ходе которой, разгромив части и соединения 4-й полевой армии вермахта, освободили Вильнюс и сходу форсировали Неман. В этих боях особо отличились войска 5-й, 33-й и 39-й общевойсковых и 5-й гвардейской танковой армий, которыми командовали генералы Н.И. Крылов, С.И. Морозов, И.И. Людников и П.А. Ротмистров.

Войска 2-го Белорусского фронта силами 3-й, 49-й и 50-й общевойсковых армий генералов А.В. Горбатова, И.Т. Гришина и И.В. Болдина провели Белостокскую наступательную операцию, в результате которой освободили Гродно и Белосток и вышли в восточные районы Польши и на границу с Восточной Пруссией.

Войска 1-го Прибалтийского фронта нанесли крупное поражение противнику в ходе Шауляйской наступательной операции, основную роль в которой сыграли войска 2-й и 6-й гвардейских и 43-й и 51-й общевойсковых армий генералов П.Г. Чанчибадзе, И.М. Чистякова, А.П. Белобородова и Я.Г. Крейзера. В ходе этой операции войска фронта, освободив города Паневежис и Шауляй, вышли к Рижскому заливу и отрезали группу армий «Север» генерал-полковника Ф. Шёрнера от Восточной Пруссии.

Войска 2-го Прибалтийского фронта силами 3-й и 4-й ударных, 10-й гвардейской и 22-й общевойсковой армий генералов В.А. Юшкевича, П.Ф. Малышева, М.И. Казакова и Г.П. Короткова успешно провели Режицко-Двинскую наступа-

тельную операцию, в ходе которой были освобождены южные районы Псковской области (Опочка, Себеж) и Литвы (Даугавпилс).

Войска 1-го Белорусского фронта провели Люблин-Брестская наступательную операцию, в которой приняли участие части и соединения 8-й гвардейской, 28-й, 47-й, 48-й, 65-й и 69-й общевойсковых и 2-й танковой армий генералов В.И. Чуйкова, А.А. Лучинского, Н.И. Гусева, П.Л. Романенко, П.И. Батова, В.Я. Колпакчи и А.И. Радзиевского. В ходе этой операции советские войска освободили южные районы Белоруссии (Пинск и Брест) и восточные районы Польши (Люблин, Демблин и Седлец), а так же захватили на правом берегу Вислы несколько важных плацдармов в районе Мангушева и Пулавы, где начались тяжелые позиционные бои, продолжавшиеся до конца 1944 г.

Надо сказать, что стремительное продвижение войск 1-го Белорусского фронта к Варшаве серьезно встревожило польское эмигрантское правительство в Лондоне, которое опасалось потерять всякое влияние на развитие ситуации в стране. Именно поэтому так называемая Армия Краёва генерала Т. Бур-Коморовского, которая подчинялась лондонскому эмигрантскому правительству С. Миколайчика, 1 августа 1944 г. подняла в Варшаве совершенно неподготовленное ни в политическом, ни в военно-техническом отношении антифашистское восстание, которое гитлеровцы утопили в крови, уничтожив более 200 тысяч поляков.

В июле – августе 1944 г. войска 3-го Белорусского фронта силами 5-й, 31-й, 33-й, 39-й общевойсковых и 11-й гвардейской армий генералов Н.И. Крылова, В.В. Глаголева, С.И. Морозова, И.И. Людникова и К.Н. Галицкого провели Каунасскую наступательную операцию, в ходе которой освободили Каунас и вышли к северным границам Восточной Пруссии.

Победоносное завершение операции «Багратион» сыграло исключительно важную роль в дальнейшем развитии событий на всем советско-германском фронте, предопределив полное поражение нацистской Германии в Великой Отечественной войне.

3. Боевые операции на советско-германском фронте (июнь – декабрь 1944 г.)

а) Боевые операции на северо-западном стратегическом направлении

Во второй половине 1944 г. на северо-западном стратегическом направлении советские войска провели несколько крупных наступательных операций, которые окончились полным разгромом финских и германских войск и освобождением Карелии, Эстонии и Литвы.

В июне – августе 1944 г. войска Ленинградского (маршал Л.А. Говоров) и Карельского (генерал армии К.А. Мерецков) фронтов, при активной поддержке частей и соединений Краснознаменного Балтийского флота (адмирал В.Ф. Трибуц) провели Выборгско-Петрозаводскую стратегическую операцию, в рамках которой были реализованы Выборгская (июнь 1944 г.) и Свирско-Петрозаводская (июнь – август 1944 г.) наступательные операции. В ходе проведения этих операций войска 7-й, 21-й, 23-й и 32-й общевойсковых армий генералов А.Н. Крутикова, Д.Н. Гусева, В.И. Шевцова и Ф.Д. Гореленко прорвали «линию Маннергейма», форсировали реку Свирь и, разгромив девять финских дивизий, освободили Выборг, Олонек, Петрозаводск и вышли к государственной границе Финляндии.

Успех советских войск в Карелии спровоцировал в Финляндии острый политический кризис, в результате которого в отставку было отправлено правительство **Р. Рюти**. **25 августа 1944 г.** новое финское руководство в лице президента **К. Маннергейма** и главы правительства **А. Хакцеля** предложило советскому правительству заключить перемирие и начать мирные переговоры. **4 сентября 1944 г.** Финляндия разорвала союзнические отношения с нацистской Германией, **15 сентября** объявила ей войну, а уже **20 ноября** новое правительство Финляндии во главе с премьер-министром **Ю. Паасикиви** заключило с Советским Союзом мирный договор.

В июле 1944 г. войска 3-го Прибалтийского фронта под командованием генерала армии **И.И. Масленникова** провели **Псковско-Островскую наступательную операцию**, в ходе которой, сломив хорошо укрепленную оборону противника, освободили города **Псков** и **Остров** и вступили на территорию Латвии. В проведении этой операции особую роль сыграли войска 1-й ударной, 42-й, 54-й и 67-й общевойсковых армий, которыми командовали генералы **Н.Д. Захватаев**, **В.П. Свиридов**, **С.В. Рогинский** и **В.З. Романовский**. Тогда же войска 2-й ударной (**И. Федюнинский**) и 8-й общевойсковой (**Ф. Стариков**) армий Ленинградского фронта провели **Нарвскую наступательную операцию** и перенесли боевые действия на территорию Эстонии.

В августе – сентябре 1944 г. войска 1-й ударной, 54-й и 67-й общевойсковых армий 3-го Прибалтийского фронта провели **Тартускую наступательную операцию**, которая сыграла решающую роль в освобождении большей части территории Латвии и Эстонии от немецко-фашистских оккупантов.

В сентябре – ноябре 1944 г. объединенными силами Ленинградского, 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов была проведена **Прибалтийская наступательная операция**, в которой приняли участие войска пятнадцати общевойсковых, одной танковой и четырех воздушных армий. В рамках этой стратегической операции были проведены **Рижская** (сентябрь – октябрь 1944 г.), **Таллиннская** (сентябрь 1944 г.), **Моозундская** (сентябрь – ноябрь 1944 г.) и **Мемельская** (октябрь 1944 г.) наступательные операции, в результате которых была практически полностью освобождена территория Советской Прибалтики, за исключением территории Курляндии и Мемеля (**Клайпеды**), где окопались две крупных группировки противника, в том числе группа армий «Север» во главе с генерал-полковником **Ф. Шёрнером**.

В период проведения **Прибалтийской стратегической операции**, особенно при освобождении **Таллина** и **Риги**, особо отличились части и соединения 1-й ударной, 8-й, 22-й, 42-й, 54-й, 61-й и 67-й общевойсковых армий, которыми командовали генералы **Н.Д. Захватаев**, **Ф.Н. Стариков**, **Г.П. Коротков**, **В.П. Свиридов**, **С.В. Рогинский**, **П.А. Белов** и **В.З. Романовский**.

В октябре 1944 г. войска 14-й общевойсковой армии **Карельского фронта**, которой командовал генерал-лейтенант **В.В. Щербаков**, во взаимодействии с частями **Северного флота** адмирала **А.Г. Головки**, провели **Петсамо-Киркенесскую наступательную операцию**, в ходе которой освободили всю территорию Карело-Финской ССР и вышли на государственную границу с Норвегией.

б) Боевые действия на юго-западном стратегическом направлении

Летом 1944 г. под руководством маршала **Г.К. Жукова** на юго-западном стратегическом направлении были проведены несколько крупных стратегических операций, которые имели очень важное военно-политическое значение для дальнейшего хода всей войны.

В июль — август 1944 г. войска 1-го Украинского фронта под командованием маршала **И.С. Конева** провели **Львовско-Сандомирскую наступательную операцию** против группы армий «Северная Украина», которую возглавил генерал-полковник **Й. Харпе**. Эта операция советских войск была проведена в два этапа. На первом этапе (июль 1944 г.) войска 1-й, 3-й и 5-й гвардейских, 13-й, 18-й, 38-й и 60-й общевойсковых, 1-й, 3-й и 4-й гвардейских танковых армий, которыми командовали генералы **А.А. Гречко**, **В.Н. Гордов**, **А.С. Жадов**, **Н.П. Пухов**, **Е.П. Журавлев**, **К.С. Москаленко**, **П.А. Курочкин**, **М.Е. Катуков**, **П.С. Рыбалко** и **Д.Д. Лелюшенко**, разгромив двадцать дивизии противника и освободив **Львов**, **Станислав**, **Перемышль** и **Галич**, рассекли группировку противника на две части. Одна группировка, костяк которой составляла 4-я танковая армия генерал-полковника **В. Неринга**, начала отход за **Вислу**, а другая группировка, в состав которой входили 1-я танковая армия генерала **Э. Рауса** и 1-я венгерская армия генерала **Б. Миклоша**, начала отход к **Восточным Карпатам**.

В этой ситуации Ставкой ВГК было принято решение воссоздать на базе 1-й гвардейской, 18-й общевойсковой и 8-й воздушной армий генералов **А.А. Гречко**, **Е.П. Журавлева** и **В.Н. Жданова** 4-й Украинский фронт, который возглавил генерал-полковник **И.Е. Петров**.

В начале августа 1944 г. войска генералов **В.Н. Гордова**, **И.В. Галанина**, **Н.П. Пухова** **М.Е. Катукова** и **П.С. Рыбалко** форсировали **Вислу** и начали тяжелые бои на сандомирском плацдарме, где им противостояли войска 17-й полевой армии генерал-полковника **Ф. Шульца** и 4-й танковой армии генерал-полковника **В. Неринга**. В ходе тяжелейших боев советские войска овладели городом **Сандомир** и к концу августа 1944 г. вышли на линию **Санок — Кросно — Дембица — Стопница — Шидлув — Опатув**. Тогда же войска 4-го Украинского фронта освободили **Дрогобыч** и вышли к границам Чехословакии.

В конце августа 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов под командованием генералов армии **Р.Я. Малиновского** и **Ф.И. Толбухина** во взаимодействии с частями и соединениями Черноморского флота (адмирал **Ф.С. Октябрьский**) и Дунайской военной флотилией (контр-адмирал **С.Г. Горшков**) провели крупнейшую **Яссо-Кишневскую стратегическую наступательную операцию** против группы армий «Южная Украина», которой командовал генерал-полковник **Г. Фриснер**. Активное участие в этой операции приняли войска 4-й и 7-й гвардейских, 5-й ударной, 27-й, 37-й, 40-й, 46-й, 52-й, 53-й и 57-й общевойсковых и 6-й танковой армий, которыми командовали генералы **И.В. Галанин**, **М.С. Шумилов**, **Н.Э. Берзарин**, **С.Г. Трофименко**, **М.Н. Шарохин**, **Ф.Ф. Жмаченко**, **И.Т. Шлемин**, **К.А. Коротеев**, **И.М. Манагаров**, **Н.А. Гаген** и **А.Г. Кравченко**. В ходе этой операции были полностью разгромлены двадцать семь дивизий противника, входивших в состав армейских групп генерал-полковника **О. Вёлера** и генерала **И. Дмитреску**, и освобождены **Измаил**, **Кишинев** и **Яссы**.

Одновременно в самой Румынии в результате государственного переворота, в котором принял участие молодой король **Михай I**, от власти было отстранено профашистское правительство генерала **И. Антонеску** и новое румынское руководство, разорвав союзнические отношения с Германией, объявило ей войну.

В конце августа — начале сентября 1944 г. советские армии освободили крупнейшие румынские города — **Бухарест**, **Констанцу** и **Плоешти** и вышли на границу с Венгрией, Болгарией и Югославией. После этих побед, войска 27-й, 40-й и 53-й

общевоисковых армий генералов С.Г. Трофименко, Ф.Ф. Жмаченко и И.М. Манагарова совместно с частями 1-й и 4-й румынских армий генералов Н. Мачича и Г. Аврамеску добились остатков группы армий «Южная Украина» и в конце октября полностью завершили освобождение Румынии.

В сентябре 1944 г. войска 3-го Украинского фронта перешли румыно-болгарскую границу и практически без боя овладели Варной, Бургасом, Русуком и другими городами в северной части Болгарии. На следующий день, 9 сентября 1944 г. в Софии началось вооруженное восстание против профашистского режима царя Симеона II, в результате которого к власти пришло коалиционное правительство «Отечественного фронта» во главе К. Георгиевым и Г. Димитровым. 15 сентября 1944 г. по согласованию с новым просоветским правительством, сразу объявившего о вступлении Болгарии в войну против Германии, войска 57-й армии генерала Н. Гагена беспрепятственно вошли в Софию. А уже через день по приказу маршала Ф.И. Толбухина все войска 3-го Украинского фронта форсированным маршем двинулись к границам Югославии.

В сентябре – октябре 1944 г. войска 1-го и 4-го Украинских фронтов успешно провели Восточно-Карпатскую наступательную операцию, составными частями которой стали: — Карпатско-Ужгородская наступательная операция войск 4-го Украинского фронта, в которой приняли участие 1-я гвардейская, 18-я общевоисковая и 8-я воздушная армии генералов А.А. Гречко, Е.П. Журавлева и В.Н. Жданова. — Карпатско-Дуклинская наступательная операция войск 1-го Украинского фронта, в которой приняли участие 38-я общевоисковая и 2-я воздушная армии генералов К.С. Москаленко и С.А. Красовского, а также 1-й чехословацкий армейский корпус, которым командовал генерал Л. Свобода.

В ходе проведения этих операции советские войска сломали оборону противника на Дуклинском перевале и начали боевые действия на территории Чехии, Словакии и Закарпатской Украины, где освободили несколько крупных городов, в том числе Мукачево, Ужгород, Чоп, Рахов и Требишов.

В сентябре – октябре 1944 г. войска 3-го Украинского фронта во взаимодействии с частями Народно-освободительной армии Югославии маршала И.Б. Тито успешно провели Белградскую наступательную операцию против войск группы армий «Ф», которой командовал фельдмаршал М. Вейхс. В ходе этой операции советские и югославские войска освободили города Ниш, Пожаревац, Кралево и, полностью разгромив окруженную армейскую группировку «Сербия», 20 октября победоносно вошли в столицу Югославии город Белград. После завершения этой операции советские войска форсировали Саву и, освободив Самбор, Нови-Сад и Суботицу, вышли на границы Венгрии.

В октябре 1944 г. войска 2-го Украинского фронта провели Дебреценскую наступательную операцию, в которой приняли участие войска 7-й гвардейской, 27-й, 40-й, 46-й и 53-й общевоисковых, 6-й гвардейской танковой и 5-й воздушной армий, которыми командовали генералы М.С. Шумилов, С.Г. Трофименко, Ф.Ф. Жмаченко, И.Т. Шлемин, И.М. Манагаров, А.Г. Кравченко и С.К. Горюнов. Практически сразу после вступления советских войск на территорию Венгрии глава правительства адмирал М. Хорти изъявил желание подписать соглашение о перемирии и прекратить боевые действия по всей линии фронта. Однако при прямом участии германских войск в Будапеште произошел государственный переворот, в результате которо-

го к власти пришло профашистское правительство **Ф. Салаши**, отдавшее приказ о продолжении активного сопротивления советским войскам.

В ходе **Дебреценской наступательной операции** советские и румынские войска освободили ряд городов в восточной Венгрии, в том числе **Клуж, Сегед, Дебрецен, Чонград** и другие. Однако основная часть советских войск, за исключением **46-й** армии генерал-лейтенанта **И.Т. Шлемина**, так и не смогла форсировать **Тису**, где противник создал довольно сильную оборону.

В **ноябре – декабре 1944 г.** после успешного форсирования **Тисы** и **Дуная**, войска **2-го и 3-го Украинских фронтов** в ходе ряда локальных наступательных операций освободили всю территорию восточной Венгрии и к **концу декабря** вышли в район **Будапешта** и озера **Балатон**. **26 декабря 1944 г.** советские войска, соединившись в районе **Эстергома**, завершили окружение будапештской группировки противника, а **27 декабря** решением **Ставки ВГК** для разгрома германских войск в районе венгерской столицы была создана **Будапештская группа войск**, которую возглавил генерал-полковник **И.М. Манагаров**.

4. Боевые действия на советско-германском фронте (январь – май 1945 г.)

К началу января 1945 г. на советско-германском фронте были сосредоточены колоссальные силы девяти советских фронтов, в состав которых входили сорок шесть общевойсковых, шесть танковых и девять воздушных армий, а так же девять танковых, семь механизированных и пять кавалерийских корпусов:

3-й Украинский фронт (командующий маршал **Ф.И. Толбухин**, начальник штаба генерал-лейтенант **С.П. Иванов**) вел боевые действия в южных районах Венгрии, у озера **Балатон** и в районе **Будапешта**. В состав этого фронта входили части и соединения **4-й** гвардейской, **46-й** и **57-й** общевойсковых, **17-й** воздушной и **1-й** болгарской армий, которыми командовали генералы **Г.Ф. Захаров, А.В. Петрушевский, М.Н. Шарохин, В.А. Сулец** и **В. Стойчев**.

2-й Украинский фронт (командующий маршал **Р.Я. Малиновский**, начальник штаба генерал-полковник **М.В. Захаров**) продолжал вести активные боевые действия на северо-западе Венгрии и на территории Словакии. В состав этого фронта входили **7-я** гвардейская, **27-я, 40-я** и **53-я** общевойсковые, **6-я** гвардейская танковая, **5-я** воздушная, **1-я** и **4-я** румынские армии, которые возглавляли генералы **М.С. Шумилов, С.Г. Трофименко, Ф.Ф. Жмаченко, И.М. Манагаров, А.Г. Кравченко, С.К. Горюнов, В. Атанасиу** и **И. Дэскэлеску**.

4-й Украинский фронт (командующий генерал армии **И.Е. Петров**, начальник штаба генерал-лейтенант **Ф.К. Корженевич**) вел активные боевые действия на востоке Словакии и в юго-восточных районах Польши. В состав этого фронта входили войска **1-й** гвардейской, **18-й** и **38-й** общевойсковых и **8-й** воздушной армий, которыми командовали генералы **А.А. Гречко, А.И. Гастилович, К.С. Москаленко** и **В.Н. Жданов**.

1-й Украинский фронт (командующий маршал **И.С. Конев**, начальник штаба генерал армии **В.Д. Соколовский**) продолжал вести тяжелые бои в южных и юго-восточных районах Польши. В составе этого фронта находились войска **3-й** и **5-й** гвардейских, **6-й, 13-й, 21-й, 52-й, 59-й** и **60-й** общевойсковых, **3-й** и **4-й** гвардейских танковых и **2-й** воздушной армий, которые возглавляли генералы **В.Н. Гордов,**

А.С. Жадов, В.А. Глуздовский, Н.П. Пухов, Д.Н. Гусев, К.А. Коротеев, И.Т. Коровников, П.А. Курочкин, П.С. Рыбалко, Д.Д. Лелюшенко и С.А. Красовский.

1-й Белорусский фронт (командующий маршал **Г.К. Жуков**, начальник штаба генерал-полковник **М.С. Калинин**) проводил активные боевые операции в восточных воеводствах Польши и в районе **Варшавы**. В состав этого фронта входили **3-я** и **5-я** ударные, **8-я** гвардейская, **33-я**, **47-я**, **61-я** и **69-я** общевойсковые, **1-я** и **2-я** гвардейские танковые и **16-я** воздушная армии и **1-я** армия **Войска Польского**, которыми командовали генералы **В.И. Чуйков, Н.П. Симоняк, Н.Э. Берзарин, В.Д. Цветаев, Ф.И. Перхорович, П.А. Белов, В.Я. Колпакчи, М.Е. Катуков, С.И. Богданов, С.И. Руденко и С.Г. Поплавский.**

2-й Белорусский фронт (командующий маршал **К.К. Рокоссовский**, начальник штаба генерал-лейтенант **А.Н. Боголюбов**) продолжал вести боевые действия в северной Польше. В состав этого фронта входили войска **2-й** ударной, **3-й**, **48-й**, **49-й**, **50-й**, **65-й** и **70-й** общевойсковых, **5-й** гвардейской танковой и **4-й** воздушной армий, во главе которых стояли генералы **И.И. Федюнинский, А.В. Горбатов, Н.И. Гусев, И.Т. Гришин, И.В. Болдин, П.И. Батов, В.С. Попов, В.Т. Вольский и К.А. Вершинин.**

3-й Белорусский фронт (командующий генерал армии **И.Д. Черняховский**, начальник штаба генерал-полковник **А.П. Покровский**) вел тяжелые бои на границах Восточной Пруссии. В составе этого фронта находились войска **2-й** и **11-й** гвардейских, **5-й**, **28-й**, **31-й** и **39-й** общевойсковых и **1-й** воздушной армий, которыми командовали генералы **П.Г. Чанчибадзе, К.Н. Галицкий, Н.И. Крылов, А.А. Лучинский, П.Г. Шафранов, И.И. Людников и Т.Т. Хрюкин.**

1-й Прибалтийский фронт (командующий генерал армии **И.Х. Баграмян**, начальник штаба генерал-полковник **В.В. Курасов**) продолжал проводить операцию по ликвидации мемельской группировки противника на территории Литвы. В состав этого фронта входили части и соединения **4-й** ударной, **6-й** гвардейской, **43-й** и **51-й** общевойсковых и **3-й** воздушной армий, которые возглавляли генералы **П.Ф. Малышев, И.М. Чистяков, А.П. Белобородов, Я.Г. Крейзер и Н.Ф. Папивин.**

2-й Прибалтийский фронт (командующий генерал армии **А.И. Еременко**, начальник штаба генерал-полковник **Л.М. Сандалов**) продолжал вести тяжелые бои против курляндской группировки немцев, которая оборонялась в северных районах Латвии. В состав этого фронта входили **1-я** ударная, **10-я** гвардейская, **22-я** и **42-я** общевойсковые и **15-я** воздушная армии, которыми командовали генералы **В.Н. Разуваев, М.И. Казаков, Г.П. Коротков, В.П. Свиридов и Н.Ф. Науменко.**

На заключительном этапе войны войска девяти советских фронтов провели несколько крупнейших стратегических наступательных операций, которые внесли самую весомую лепту в разгром фашистской Германии и победоносное завершение Великой Отечественной войны.

В декабре 1944 г. – феврале 1945 г. войска **2-го** и **3-го** Украинских фронтов провели **Будапештскую наступательную операцию**, в ходе которой, разгромив ударные части группы армий «Юг» генерал-полковника **О. Вёлера**, освободили столицу Венгрии и перешли в наступление на венском стратегическом направлении.

В январе – феврале 1945 г. войска **1-го** Украинского и **1-го** Белорусского фронтов провели **Висло-Одерская стратегическую наступательную операцию** против группы армий «А» генерал-полковника **Й. Харпе**, в состав которой входили **9-я** и **17-я** по-

левые, 1-я и 4-я танковые армии генералов С. Лютвица, Ф. Шульца, Г. Хейнрици и Ф. Грезера. В рамках этой операции были проведены Сандомирско-Силезская, Нижнесилезская и Варшавско-Познанская наступательные операции, в ходе которых советские армии: 1) освободили территорию Южной Польши (Краков, Катовице, Сосновец, Ченстохов) и Верхней Силезии (Оппельн, Глейвиц, Бейтен) и захватили стратегически важные плацдармы на Одере в районе Бреслау (Вроцлава); 2) форсировали Одер, освободили территорию Нижней Силезии (Нейштадт, Лигниц, Бунцлау, Грюнберг, Баутцен) и вышли на рубеж реки Нейсе и 3) освободили западные и центральные районы Польши (Варшава, Лодзь, Калиш, Познань), прорвали мощный Мезерицкий укрепленный район и вступили на территорию восточной части Германии, где захватили стратегически важные плацдармы на Одере в районе Франкфурта и Кюстрина.

Еще до окончания Висло-Одерской наступательной операции, пытаясь изменить отчаянное положение на фронте, в конце января 1945 г. А. Гитлер сформировал из разгромленных частей группы армий «А» новую группу армий «Центр» и назначил ее командующим генерал-полковника Ф. Шёрнера, а во главе 9-й полевой армии, оборонявшей познаньско-кюстринское направление, поставил генерала Т. Буссе.

В начале февраля 1945 г. по приказу маршала Г.К. Жукова дальнейшее продвижение войск 1-го Белорусского фронта было неожиданно остановлено. Причины столь неординарного решения состояли в следующем: 1) части тылового обеспечения фронта и соединения дальней авиации серьезно отстали от стремительно продвигавшихся войск первого эшелона наступления; 2) серьезную проблему для наступавших войск 1-го Белорусского фронта представляла восточно-померанская группировка немцев, реально угрожавшая его правофланговым частям и соединениям, которые оказались совершенно незащищенными от возможного удара противника с северного направления. Именно поэтому войскам 1-го и 2-го Белорусских фронтов в феврале – апреле 1945 г. пришлось проводить операцию по ликвидации этой группировки противника.

В январе – феврале 1945 г. была проведена Западно-Карпатская наступательная операция, в которой приняли участие войска 2-го и 4-го Украинских фронтов. В период проведения этой операции, разгромив армейскую группу генерала Г. Хейнрици, советские армии освободили большую часть Словакии, вышли в верховья Вислы, освободили южные районы Польши и создали благоприятные условия для проведения Моравско-Оставской (март – май 1945 г.) и Братиславской-Брновской (март – апрель 1945 г.) наступательных операций, в ходе которых была освобождена практически вся территория Чехословакии.

В январе – апреле 1945 г. войска 2-го и 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийско-го фронтов провели Восточно-Прусскую стратегическую операцию против группы армий «Центр», которой командовал генерал-полковник Г. Рейнгардт. На первом этапе этой операции (январь 1945 г.) войска 2-го Белорусского фронта, наступавшие на южном направлении, форсировали Нарев и, прорвав оборону 2-й полевой армии вермахта, вступили на территорию Восточной Пруссии, где, сокрушив Алленштейнский укрепрайон, заняли Танненбург, Нейденбург, Вилленбург, Иоханнисбург, Алленштейн, Мюльхаузен, Мариенбург и отрезали восточно-прусскую группировку немцев от померанской, костяк которой находился в районе Данцига и Гдыни.

Одновременно левофланговая группировка **2-го Белорусского фронта**, стремительно продвигаясь по территории Северной Польши, прорвала оборону противника в **Торунском укрепленном районе** и, освободив **Торунь, Бродницу и Быдгощ**, вышла в низовья **Вислы**.

Войска **3-го Белорусского фронта**, наступавшие на западном и северо-западном направлениях, в районе **Мазурских озер**, разгромили войска **4-й полевой армии** генерала **Ф. Госбаха**, сокрушили **Летценский укрепленный район** и захватили **Хейльсберг, Тройбург, Инстербург, Летцен, Гумбиннен и Алленбург**. Одновременно **43-я армия 1-го Прибалтийского фронта**, наступавшая на северо-западном направлении, заняла **Тильзит** и вступила на территорию **Земландского полуострова**.

В конце января 1945 г. по решению нового начальника **Генерального штаба сухопутных сил вермахта** генерала **Г. Гудериана** группа армий «Север», продолжавшая бои на балтийском побережье Латвии, была преобразована в группу армий «Курляндия» во главе с генерал-полковником **О. Госбахом**, группа армий «Центр», которая вела бои на территории Восточной Пруссии, была преобразована в группу армий «Север» и ее командующим был назначен генерал-полковник **Л. Рендулич**, а на территории Восточной Померании была создана группа армий «Висла», которую возглавил сам рейхсфюрер **Г. Гиммлер**.

Аналогичные организационные мероприятия были проведены и **Ставкой ВГК**. В феврале 1945 г. войска **2-го Прибалтийского фронта**, которые продолжали вести тяжелые кровопролитные бои против курляндской группировки противника, возглавил маршал **Л.А. Говоров**. Для ликвидации оперативной группы «Земланд», оборонявшейся севернее **Кёнигсберга**, на базе упраздненного **1-го Прибалтийского фронта** была создана **Земландская оперативная группа войск (11-я гвардейская, 39-я и 43-я общевойсковые армии)** в составе **3-го Белорусского фронта**, которую возглавил генерал армии **И.Х. Баграмян**.

10 февраля 1945 г. войска **3-го Белорусского фронта** начали новое наступление в **Восточной Пруссии**, но **18 февраля** они понесли тяжелую утрату: на поле боя был смертельно ранен их командующий генерал армии **Иван Данилович Черняховский**. В тот же день решением **Ставки ВГК** войска **3-го Белорусского фронта** возглавил маршал **А.М. Василевский**, а новым начальником **Генерального штаба РККА** был назначен его первый заместитель генерал армии **А.И. Антонов**.

В ходе второго этапа **Восточно-Прусской операции (10 февраля – 29 марта 1945 г.)**, которую войска **3-го Белорусского фронта** проводили на трех основных направлениях — **земландском, кёнигсбергском и хельсбергском**, были уничтожены практически все укрепрайоны на подступах к **Кёнигсбергу** и разгромлены основные силы **4-й полевой и 3-й танковой армий** вермахта, которыми командовали генералы **Ф. Мюллер** и **Э. Раус**.

На третьем этапе **Восточно-Прусской операции (6–25 апреля 1945 г.)** войска **3-го Белорусского фронта** штурмом взяли **Кёнигсберг**, а затем, разгромив **Земландскую группировку противника** и захватив **Пиллау**, полностью заняли всю территорию **Восточной Пруссии**.

В феврале — апреле 1945 г. войска **2-го Белорусского** при взаимодействии с войсками **1-го Белорусского фронта** провели **Восточно-Померанскую наступательную операцию**, во время которой советские войска, разгромив основные силы группы армий «Висла», освободили всю территорию Северной Польши (**Гданьск, Гдыня**)

и Восточной Померании (Альтдамм, Кольберг, Кёзлин, Руммельсбург) и вышли к низовьям Одера, захватив в районе Штеттина несколько важных плацдармов.

В марте 1945 г. войска 3-го Украинского фронта провели Балатонскую оборонительную операцию, в ходе которой ударные части группы армий «Юг» генерал-полковника О. Вёлера и 6-й танковой армии СС генерала Й. Дитриха так и не смогли прорвать оборону наших войск и вынуждены были перейти к обороне от Эстергома до Дуная.

В марте — апреле 1945 г. части и соединения 2-го и 3-го Украинских фронтов провели Венскую наступательную операцию, в ходе которой были освобождены западная часть Венгрии и восточные районы Австрии, в том числе ее столица Вена.

В марте — мае 1945 г. войска 2-го Прибалтийского (Ленинградского) фронта под командованием маршала Л.А. Говорова провели успешную операцию по окончательной ликвидации Курляндской группировки противника на севере Латвии.

5. Крымская (Ялтинская) конференция (4–11 февраля 1945 г.)

4–11 февраля 1945 г. в разгар успешного наступления советских войск по всей линии фронта в Крыму под Ялтой в знаменитом Ливадийском дворце состоялась работа новой конференции глав трех союзных держав. Участие в работе этой конференции приняли: — от Союза Советских Социалистически Республик председатель Совета Народных Комиссаров СССР маршал И.В. Сталин, народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов, народный комиссар военно-морского флота СССР адмирал флота Н.Г. Кузнецов, первый заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А.И. Антонов, послы СССР в Великобритании и США Ф.Т. Гусев и А.А. Громыко. — от Великобритании премьер-министр У. Черчилль, министр иностранных дел А. Иден и начальник Имперского Генерального штаба генерал А. Брук. — от Соединенных Штатов Америки президент Ф.Д. Рузвельт, государственный секретарь Э. Стеттиниус и глава Объединенного Комитета начальников штабов генерал Дж.Маршалл.

В центре внимания участников конференции были следующие вопросы:

1) По германскому вопросу были приняты проекты решений «О зонах оккупации Германии и об управлении Большим Берлином» и «О контрольном механизме в Германии», в которых подробно было оговорено, что: а) территория Германии остается единой, но после ее капитуляции она будет расчленена на три зоны оккупации советских, английских и американских войск; б) общая сумма германских репараций союзникам составит 20 млрд долларов, половина которых пойдет в пользу СССР, а сам процесс возмещения ущерба будет происходить в виде натуральных поставок в трех основных формах — изъятия существующих современных промышленных и технологических мощностей, ежегодных товарных поставок и использования немецкой рабочей силы.

2) По японскому вопросу были согласованы следующие решения: а) Советский Союз вступит в войну против милитаристской Японии через два-три месяца после завершения военных действий в Европе; б) Советскому Союзу будут возвращены все его исконные территории, отошедшие к Японии по Портсмутскому мирному договору 1905 г., то есть южная часть Сахалина и все острова Курильской гряды.

3) По польскому вопросу были приняты решения о пересмотре довоенных границ нового Польского государства в «Варианте А» (с советским Львовом), но поль-

ским Поморьем, Силезией и частью Восточной Пруссии, а так же о формировании нового коалиционного правительства из представителей Лондонского эмигрантского правительства Т. Арцишевского и Временного правительства национального единства во главе с Э. Осубка-Моравским.

4) По югославской проблеме лидеры «Большой тройки» выступили с предложением рекомендовать маршалу И.Б. Тито и премьеру И. Шубашичу образовать на паритетных началах Временное объединенное правительство Югославии.

5) По проблемам международного сотрудничества была принята «Декларация об освобожденной Европе» и окончательно согласован вопрос о созыве 25 апреля 1945 г. в американском городе Сан-Франциско Учредительной конференции Организации Объединенных наций (ООН).

Через два месяца после завершения работы Крымской конференции, 17 апреля 1945 г., скорпостижно скончался президент США Франклин Делано Рузвельт и в соответствии с Конституцией страны новым главой государства стал вице-президент Гарри Трумэн, что практически сразу крайне негативно отразилось и на общем развитии всей системы международного сотрудничества, и на развитие советско-американских отношений.

6. Берлинская и Пражская наступательные операции (апрель – май 1945 г.)

16 апреля – 2 мая 1945 г. была проведена Берлинская стратегическая наступательной операция, положившая конец полному разгрому фашистской Германии и завершению важнейшего этапа Второй Мировой войны.

В проведении этой одной из крупнейших операций Великой Отечественной войны приняли участие части и соединения 2-й, 3-й и 5-й ударных, 3-й, 5-й и 8-й гвардейских, 3-й, 13-й, 19-й, 28-й, 33-й, 47-й, 49-й, 52-й, 61-й, 65-й, 69-й и 70-й общевойсковых, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й гвардейских танковых, 2-й, 4-й, 16-й и 18-й воздушных армий 1-го Украинского, 1-го Белорусского и 2-го Белорусского фронтов, которыми командовали генералы И.И. Федюнинский, В.И. Кузнецов, Н.Э. Берзарин, В.Н. Гордов, А.С. Жадов, В.И. Чуйков, А.В. Горбатов, Н.П. Пухов, В.З. Романовский, А.А. Лучинский, В.Д. Цветаев, Ф.И. Перхорович, И.Т. Гришин, К.А. Коротеев, П.А. Белов, П.И. Батов, В.Я. Колпакчи, В.С. Попов, М.Е. Катуков, С.И. Богданов, П.С. Рыбалко, Д.Д. Лелюшенко, С.А. Красовский, К.А. Вершинин, С.И. Руденко и А.Е. Голованов. Общая численность советских войск, которым предстояло брать столицу фашистской Германии, составляла более 2 млн солдат и офицеров, 6300 танков и 7500 самолетов.

Общее руководство советскими войсками в ходе Берлинской наступательной операции осуществляли заместитель Верховного Главнокомандующего, командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Г.К. Жуков, командующий войсками 1-го Украинского фронта маршал И.С. Конев и командующий войсками 2-го Белорусского фронта маршал К.К. Рокоссовский.

Для обороны германской столицы на дальних подступах к Берлину были стянуты силы двух фронтовых группировок — группы армий «Центр», которой командовал фельдмаршал Ф. Шёрнер, и группы армий «Висла», которую возглавил генерал-полковник Г. Хейнрици. В состав этих фронтовых соединений входили войска

9-й и 17-й полевых и 3-й и 4-й танковых армий, которыми командовали генералы **Т. Буссе**, **В. Хассе**, **Х. Мантейфель** и **Ф. Грейзер**. Общая численность германских войск, оборонявших имперскую столицу, составляла более **1 млн** солдат и офицеров, **1500** танков и около **3300** самолетов. Основу германской обороны на берлинском направлении составляли **одеро-нейсинский оборонительный рубеж**, имевший трехуровневую линию обороны, и **столичный оборонительный район**.

Берлинская наступательная операция была проведена в три этапа:

На первом этапе операции (**16–18 апреля**) войска **1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов**, прорвав мощнейшую оборону противника на **Зееловских высотах**, **нейсенском и одерском оборонительных рубежах**, создали благоприятные условия для полного окружения столицы фашистской Германии.

На втором этапе операции (**19–25 апреля**) советские войска, захватив **Эльшталль**, **Рорбек**, **Мюльрозе**, **Кетцин**, **Пейтс** и другие города **Большого Берлина**, полностью завершили окружение берлинской группировки противника и вошли в два берлинских района — **Трептов** и **Бриц**. А **25 апреля 1945 г.** на **Эльбе**, в районе города **Торгау**, произошла историческая встреча союзников по антигитлеровской коалиции: бойцов **5-й гвардейской армии** генерал-полковника **Н.Э. Берзарина** и **1-й американской армии** генерала **К. Ходжеса**.

На третьем этапе операции (**26 апреля – 2 мая**) советские войска приступили к рассечению и уничтожению окруженной группировки противника. Через три дня боев передовые части советских армий заняли **Потсдам**, **Фриденау**, **Груневальд**, **Рублен**, **Шпандау** и другие районы **Берлина**, расчленили вражескую группировку на три части и отбили все попытки немецких генералов **Т. Буссе**, **В. Венка** и **Р. Штейнера** деблокировать город с северного, западного и южного направлений.

30 апреля 1945 г. в бункере **Имперской Канцелярии** покончил жизнь самоубийством рейхсканцлер нацистской Германии **Адольф Гитлер**, который перед смертью передал бразды правления новому правительству Германии во главе с гросс-адмиралом **Карлом Дёницем**, **Йозефом Геббельсом** и **Мартиним Борманом**.

1 мая 1945 г. начальник **Генерального штаба сухопутных сил вермахта** генерал-полковник **В. Кребс** на встрече с командующим **8-й гвардейской армии** генерал-полковником **В.И. Чуйковым** предложил от имени нового правительства Германии объявить о временном прекращении огня и начать мирные переговоры между полномочными представителями СССР и Германией. Однако по указанию **Ставки ВГК** эти предложения германской стороны были отвергнуты, и новому нацистскому руководству был передан ультиматум о немедленной и безоговорочной капитуляции. После отклонения этого ультиматума советские войска приступили к окончательной ликвидации окруженных частей вермахта и фольксштурма. В тот же день войска **3-й ударной армии** генерал-полковника **В.И. Кузнецова** начали знаменитый штурм **Рейхстага**, а уже **2 мая 1945 г.** практически весь берлинский гарнизон во главе с генералом **Г. Вейдлингом** сложил оружие и полностью капитулировал.

В ходе **Берлинской наступательной операции** советские войска разгромили **70** пехотных, **12** танковых и **11** моторизованных дивизий противника и взяли в плен около **480 тысяч** немецких солдат и офицеров.

Завершение боев в **Берлине** совпало по времени с окончательным разгромом противника в **Западной Померании** и **Мекленбурге**, где войска правого крыла **2-го**

Белорусского фронта полностью разгромили группу армий «Висла» во главе с генерал-полковником **К. Штудентом** и вышли на рубеж Эльбы и Эльде.

6–11 мая 1945 г. войска **1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов** провели **Пражскую стратегическую наступательную операцию**, в которой приняли участие части и соединения **1-й, 3-й, 5-й и 7-й гвардейских, 6-й, 13-й, 18-й, 21-й, 28-й, 31-й, 38-й, 40-й, 46-й, 52-й, 53-й, 59-й и 60-й** общевойсковых, **3-й, 4-й и 6-й гвардейских танковых армий**, которыми командовали прославленные генералы **А.А. Гречко, В.Н. Гордов, А.С. Жадов, М.С. Шумилов, В.А. Глуздовский, Н.П. Пухов, А.И. Гастилович, Д.Н. Гусев, А.А. Лучинский, П.Ф. Шафранов, К.С. Москаленко, Ф.Ф. Жмаченко, А.В. Петрушевский, К.А. Коротеев, И.М. Манагаров, И.Т. Коровников, П.А. Курочкин, П.С. Рыбалко, Д.Д. Лелюшенко и А.Г. Кравченко**.

В западной историографии (**К. Типпельскирх, Б. Лиддел Гарт**) довольно часто говорят о чисто символическом характере **Пражской наступательной операции**. Однако советские и российские историки (**А. Самсонов, О. Ржешевский, Г. Куманев**) совершенно правы в том, что советским войскам предстояла ожесточенная борьба с крупной группировкой противника, руководство которой делало ставку на новое правительство **гросс-адмирала К. Дёница**. В период проведения этой операции советские войска полностью разгромили группы армий «Австрия» и «Центр», которыми командовали генерал-полковник **Л. Рендулич** и фельдмаршал **Ф. Шёрнер**, пленили **860 тысяч** немецких солдат и офицеров и освободили **Дрезден, Бреслау, Оломоуц, Прагу** и другие германские и чешские города.

7. Подписание акта о капитуляции Германии

В конце апреля 1945 г. начался стихийный процесс подписания различных актов о капитуляции германских вооруженных сил, находящихся на территории Голландии, Дании, Северной Италии и Западной Германии: **29 апреля** акт о капитуляции подписал командующий группы армий «Ц» генерал-полковник **Г. Фитингоф-Шель**, **4 мая** — главнокомандующий германскими военно-морскими силами адмирал **Г. Фридебург**, а **5 мая** — командующий группы армий «Г» генерал-полковник **Ф. Шульц** и т.д.

7 мая 1945 г. после переговоров полномочных представителей германского правительства адмирала **Г. Фридебурга** и генерал-полковника **А. Йодля** с командующем **Союзным экспедиционным корпусом** генералом армии **Д. Эйзенхауэром** и начальником штаба корпуса генералом **У.Б. Смитом** в **Реймсе** был подписан **предварительный протокол** о полной и безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Причем, с советской стороны этот акт завизировал военный атташе в **Париже** генерал-лейтенант **И.А. Суслопаров**, хотя он и не обладал правом подписания подобных документов. Поэтому узнав о произошедшем событии, **И.В. Сталин** потребовал провести новую процедуру подписания акта о капитуляции с участием полномочного представителя советского верховного командования.

8 мая 1945 г. в берлинском пригороде **Карлхорст** была проведена повторная процедура подписания **Акта о капитуляции германских вооруженных сил**. В этой процедуре приняли участие: от правительства Союза Советских Социалистических Республик — заместитель **Верховного Главнокомандующего** маршал **Г.К. Жуков**, от

правительства Великобритании — заместитель командующего **Экспедиционными силами союзников** главный маршал авиации **А. Теддер**, от правительства США — командующий стратегическими воздушными силами генерал **К. Спаатс**, от правительства Франции — главнокомандующий вооруженными силами республики генерал **Ж. Делаттор Де Тассиньи** и от правительства Германии — начальник штаба **Верховного Главнокомандования** вермахта фельдмаршал **В. Кейтель**, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал флота **Г. Фридебург** и командующий авиацией вермахта генерал-полковник **Г. Штумпф**.

После проведения необходимых формальностей представители всех пяти государств приступили к процедуре подписания **Акта** о полной и безоговорочной капитуляции всех германских вооруженных сил, которая завершилась в **22 часа 43 минуты** по средневропейскому времени. Причем, что примечательно, со стороны союзников по антигитлеровской коалиции этот **Акт капитуляции** был подписан только маршалом Советского Союза **Г.К. Жуковым** и главным маршалом авиации **А. Теддером**, а генералы **К. Спаатс** и **Ж. Делаттор Де Тассиньи** выступили в качестве свидетелей.

9 мая 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР этот день был объявлен праздником всенародного торжества — **Днем Победы**, а **25 мая** в **Кремле** был устроен прием по случаю **Дня Победы**, на котором **Верховный Главнокомандующий** маршал **И.В. Сталин** произнес свой знаменитый тост за **русский народ**: «Я, как представитель нашего Советского правительства, хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа. Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл и терпение. У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в **1941–42 гг.**, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города **Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики**, покидала, потому что не было другого выхода. Какой-нибудь другой народ мог сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа!»

24 июня 1945 г. на **Красной площади** в **Москве** состоялся знаменитый **Парад Победы**, в котором приняли участие сводные полки всех десяти советских фронтов существовавших на момент окончания войны. Командовал парадом маршал **К.К. Рокоссовский**, принимал его маршал **Г.К. Жуков**, который после объезда войск, выступил с трибуны **Мавзолея В.И. Ленина** и поздравил весь советский народ с великой победой, одержанной над страшным и сильным врагом. А настоящей

кульминацией **Парада Победы** стал проход шеренги советских воинов с **200-ми** штандартами поверженных германских дивизий, которые были брошены к подножью **Мавзолея В.И. Ленина**.

8. Потсдамская конференция союзников (17 июля – 2 августа 1945 г.)

17 июля – 2 августа 1945 г. во дворце **Цициленхоф** была проведена **Берлинская (Потсдамская) конференция** руководителей СССР, США и Великобритании. Участие в работе этой конференции приняли: — от Союза Советских Социалистических республик председатель Совета Народных Комиссаров СССР генералиссимус **И.В. Сталин**, народный комиссар иностранных дел СССР **В.М. Молотов**, заместитель наркома иностранных дел СССР **А.Я. Вышинский**, начальник **Генерального штаба РККА** генерал армии **А.И. Антонов** и послы СССР в Великобритании и США **Ф.Т. Гусев** и **А.А. Громыко**. — от Великобритании премьер-министр **У. Черчилль** и министр иностранных дел **А. Иден**, а затем, после проведения парламентских выборов, с **28 июля 1945 г.** британскую делегацию на конференции представляли новый глава правительства **К. Эттли** и новый министр иностранных дел **Э. Бевин**. — от Соединенных Штатов Америки новый президент **Г. Трумэн** и государственный секретарь **Дж. Бирнс**.

Основными вопросами, которые были в центре обсуждения, являлись:

1) Германский вопрос. По данной проблеме были: **а)** окончательно согласованы четыре зоны оккупации Германии, которые переходили под общее управление **Контрольного совета** союзных держав во главе с маршалом **Г.К. Жуковым**, фельдмаршалом **Б. Монтгомери**, генералом армии **Д. Эйзенхауэром** и генералом **Ж. Делаттром Де Тассиньи**; **б)** приняты решения о роспуске всех сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил Германии, **СС, СА, СД, Гестапо, Генерального штаба и НСДАП**; **в)** решен вопрос о репарациях, которые должны были стать одновременно и средством экономического разоружения Германии, и средством частичного возмещения ущерба, причиненного союзным державам в годы войны. Хотя, следует признать, что по данной проблеме у СССР и его союзников возникли серьезные разногласия, как в отношении общей суммы ущерба, так и в отношении порядка и сроков погашения Германией этого ущерба; **г)** окончательно решен вопрос о передаче **Кёнигсберга** и других территорий Восточной Пруссии СССР; **д)** принято решение о придании суду **Международного трибунала** главных военных преступников, виновных в развязывании **Второй Мировой войны**.

2) Польский вопрос: **а)** после довольно продолжительной и острой дискуссии было принято решение распустить прежнее эмигрантское правительство Польши во главе с **Т. Арцишевским** и признать **Временное правительство национального единства**, которое возглавил **Э. Осубка-Моравский**; **б)** был окончательно согласован вопрос по польско-германской границе, которая должна была проходить по **Одеру** и **Западной Нейсе**, и передаче Польше части **Восточной Пруссии, Гданьского коридора, части Восточной Померании и Верхней Силезии**.

3) По вопросам международного сотрудничества были: **а)** согласована точная дата вступления СССР в войну с милитаристской Японией; **б)** принято решение об учреждении **Совета Министров иностранных дел (СМИД)** пяти великих держав: СССР, США, Великобритании, Франции и Китая, и возложении на него в каче-

стве первоочередной задачи подготовку мирных договоров с бывшими военными сателлитами Германии Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией.

Однако, несмотря на успешное решение принципиальных спорных проблем послевоенного устройства Европы и международного сотрудничества трех великих держав, именно на этой конференции четко обозначились первые признаки надвигающейся «холодной войны», и одним из таких явных признаков стала информация президента США Г. Трумэна о создании в его стране смертоносного ядерного оружия — атомной бомбы, с которой тот поспешил приватно поделиться с генералиссимусом И.В. Сталиным. А сразу после окончания работы Конференции с целью демонстрации собственной мощи американцы провели две варварских атомных бомбардировки двух японских городов Хиросимы и Нагасаки, которые состоялись 6 и 9 августа 1945 г.

9. Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.)

Весной 1945 г. в соответствии с обязательствами, взятыми на себя на Тегеранской и Ялтинской конференциях, Советский Союз приступил к подготовке войны с Японией. 5 апреля 1945 г. народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов сделал японскому послу Н. Сато официальное заявление о денонсации советско-японского пакта «О нейтралитете», заключенного 7 апреля 1941 г. А 30 июля 1945 г. Ставка ВГК приняла решение о создании Главного командования советских войск на Дальнем Востоке во главе с командующий маршалом Советского Союза А.М. Василевским и начальником штаба генерал-полковником С.П. Ивановым.

5 августа решением Ставки ВГК были образованы три группировки войск, которым предстояло принять самое активное участие в войне с милитаристской Японией:

— **Забайкальский фронт** (командующий маршал Р.Я. Малиновский, начальник штаба генерал армии М.В. Захаров) в составе 17-й, 36-й, 39-й и 53-й общевойсковых, 6-й гвардейской танковой армий и Отдельной конно-механизированной группы, которыми командовали генералы А.И. Данилов, А.А. Лучинский, И.И. Людников, И.М. Мангаров, А.Г. Кравченко и И.А. Плиев.

— **1-й Дальневосточный фронт** (командующий маршал К.А. Мерецков, начальник штаба генерал-лейтенант А.Н. Крутиков) в составе 1-й Краснознаменной, 5-й, 25-й и 35-й общевойсковых и 9-й воздушной армий, которые возглавляли генералы А.П. Белобородов, Н.И. Крылов, И.М. Чистяков, Н.Д. Захватаев и И.М. Соколов.

— **2-й Дальневосточный фронт** (командующий генерал армии М.А. Пуркаев, начальник штаба генерал-лейтенант Ф.И. Шевченко) в составе 2-й Краснознаменной, 15-й и 16-й общевойсковых и 10-й воздушной армий, которыми руководили генералы М.Ф. Терёхин, С.К. Мамонов, Л.Г. Черемисов и П.Ф. Жигарев.

В ночь с 8 на 9 августа 1945 г. советские войска перешли государственную границу СССР с Китаем и Монгольской Народной Республики и приступили к реализации Маньчжурской стратегической наступательной операции против войск Квантунской армии, которую возглавляли ее главнокомандующий генерал О. Ямада и начальник штаба генерал Х. Хата. Для реализации поставленных целей и задач советское командование на Дальнем Востоке спланировало и провело четыре крупных операции:

— **Хингано-Мукденскую наступательную операцию**, которую проводили войска Забайкальского фронта против войск 3-го фронта Квантунской армии под командованием генерала Д. Усироку;

— **Харбино-Гиринскую наступательную операцию**, которую при взаимодействии с частями и соединениями **Тихоокеанского флота** (вице-адмирал **И.С. Юмашев**) проводили войска **1-го Дальневосточного фронта** против войск **1-го фронта Квантунской армии**, которым командовал генерал **С. Кито**;

— **Сунгарийскую наступательную операцию**, которую при взаимодействии с **Амурской военной флотилией** (контр-адмирал **Н.В. Антонов**) проводили войска **2-го Дальневосточного фронта** против войск **4-й отдельной армии** генерала **У. Микио**;

— **Южно-Сахалинскую наступательную операцию**, которую совместно провели войска **16-й общевойсковой армии** и **Северной Тихоокеанской военной флотилии** (контр-адмирал **И.И. Байков**) против **5-го фронта Квантунской армии** под командованием генерала **К. Хигути**.

В течение первой недели советские войска, прорвав шестнадцать укрепленных районов противника, вышли на оперативный простор и начали активные боевые действия на всей территории **Маньчжурии** и **Южного Сахалина**. **17 августа 1945 г.** главнокомандующий **Квантунской армией** генерал **Я. Омада** обратился к маршалу **А.М. Василевскому** с предложением начать переговоры о прекращении огня и сообщил ему, что он уже отдал приказ своим войскам немедленно прекратить всякое сопротивление и полностью сдать оружие на милость победителя.

Однако реальная обстановка на фронте была совершенно иной: войска противника продолжали оказывать упорное сопротивление на многих участках **Маньчжурского фронта**, что заставило советское Верховное командование предъявить японской стороне ультиматум о полной и безоговорочной капитуляции. **18 августа 1945 г.** началась массовая сдача японских самураев в плен, хотя в отдельных укрепленных районах противник продолжал отчаянно сопротивляться, и только к **26 августа** полностью сложил оружие. Тогда же **18 августа 1945 г.** началась **Курильская десантная операция**, которая успешно завершилась **1 сентября 1945 г.**

2 сентября 1945 г. победоносно завершилась и **Маньчжурская стратегическая наступательная операция**, в ходе которой советские войска, полностью разгромив **Квантунскую армию** противника, пленили более **600 тысяч** самураев, в том числе **150 генералов**, и освободили всю территорию **Маньчжурии (Харбин)**, **Ляодунского полуострова (Порт-Артур)** и **Северной Кореи (Пхеньян)**.

Тогда же **2 сентября 1945 г.** в **Токийском заливе** на борту американского линкора «**Миссури**» состоялось подписание **Акта о полной капитуляции японских вооруженных сил**, ознаменовавшее собой полное окончание **Второй Мировой войны**. В подписании этого **Акта** приняли участие представители Австралии, Великобритании, Канады, Китая, Нидерландов, Новой Зеландии, СССР, США и Франции. От имени всех союзных наций подписи под этим документом поставили **Верховный Командующий союзными войсками в АТР** генерал армии **Д. Макартур**, полномочный представитель СССР генерал-лейтенант **К.Н. Деревянко** и представители японской стороны — министр иностранных дел Японии **М. Сигэмицу** и генерал **Й. Умэдзу**.

4 сентября 1945 г. в связи с окончанием **Второй Мировой войны** Указом Президиума Верховного Совета СССР были упразднены чрезвычайные органы государственной власти и управления, созданные в период войны, — **Государственный Комитет Оборона СССР** и **Ставка Верховного Главнокомандования Вооруженными Силами СССР**.

10. Итоги и цена победы в Великой Отечественной войне

Вопрос о цене победы, которую пришлось заплатить советскому народу в годы **Великой Отечественной войны**, в последнее время превратился в проблему различных цифровых манипуляций и политических спекуляций. Руку к этому постыдному делу приложили и известные писатели (**А. Солженицын, В. Астафьев**), и всякого рода проходимцы от науки (**В. Суворов, М. Слонин, Б. Соколов**), которые совершенно голословно утверждают, что мы победили не за счет советского полководческого искусства, героизма советских людей в тылу и на фронте, гигантских успехов советской военной промышленности, а за счет «пушечного мяса», завалив противника трупами советских людей.

Реальная картина этого вопроса была такова. В **феврале 1946 г.** тогдашний председатель Госплана СССР **Н.А. Вознесенский** проинформировал **И.В. Сталина**, что безвозвратные потери Советского Союза в войне составили порядка **15 млн. человек**. Однако **И.В. Сталин** посчитал, что эта цифра является слишком завышенной, и произвольно сократил ее ровно в два раза. Именно это цифра в **7 млн человек** впервые прозвучала из его уст **весной 1946 г.**, когда в своем интервью западным корреспондентам он комментировал «фултонскую речь» **У. Черчилля**.

Затем, в **1960 г.** в частном письме на имя шведского премьер-министра **Т. Эрландера** тогдашний советский премьер **Н.С. Хрущев** озвучил новую цифру безвозвратных потерь в войне, заявив, что Советский Союз потерял около **20 млн человек**. С того времени именно эта цифра в течение долгого времени стала фигурировать в качестве официальных данных общих безвозвратных потерь советского народа в годы войны.

В годы «горбачевской перестройки», на волне новой истерии по поводу «сталинского культа личности» вновь вернулись к этому вопросу, и в **марте 1990 г.** «Военно-исторический журнал» опубликовал результаты многолетней работы комиссии **Министерства обороны СССР**, где было заявлено, что война унесла примерно **27 млн** жизней советских людей. Причем, эту цифру не просто стали констатировать, а с особым злорадством смаковать, доказывая, что кровавый сталинский режим и здесь показал всю свою бесчеловечную сущность, угробив такое огромное количество людей.

В настоящее время в самом полном виде новейшие данные о потерях, которые были установлены **Управлением демографической статистики Госкомстата РФ**, представлены в книге «**Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование**» (2001). По этим данным, в период с **июня 1941 г. по декабрь 1945 г.** население страны сократилось на **26,6 млн человек**, т.е. **13,5 %** от довоенной численности населения СССР, которая будет восстановлена только в **1955 г.**

Общие потери **Вооруженных сил СССР** за годы **Второй Мировой войны** составили **11,4 млн человек**. Из них **5,2 млн человек** погибли в боях и умерли от ран на этапах санитарной эвакуации, **1,1 млн** умерли от ран в полевых госпиталях, **0,6 млн** составили различные не боевые потери и **5 млн человек** пропали без вести и попали в фашистские концлагеря. С учетом вернувшихся из плена после войны — **1,8 млн человек** и **1 млн человек** из числа учтенных ранее как пропавших без вести, но выживших и вторично призванных в армию, реальные безвозвратные потери **Вооруженных сил СССР** составили **менее 8,7 млн человек** списочного состава.

Остальные жертвы войны пришлось на миллионы мирных граждан, которые погибли от боевого воздействия противника в прифронтовых районах, в блокадных и осажденных городах и т.д. В частности, только в одном **Ленинграде** в период

блокады погибло порядка **1 млн** мирных граждан; **7,4 млн** советских людей были преднамеренно истреблены гитлеровцами на оккупированной территории; **2,2 млн** советских граждан погибли в трудовых лагерях на территории самой Германии; **4,1 млн** человек стали жертвами повышенной смертности от жестоких условий оккупационного режима, в том числе **1,3 млн** детей родившихся в годы войны.

Развязанная гитлеровцами **Вторая мировая война** обернулась трагедией для самой Германии и ее союзников. Только на советско-германском фронте безвозвратные потери германских вооруженных сил составили почти **7,2 млн** человек, а вместе с их военными союзниками — итальянцами, венграми, румынами и финнами — около **8,65 млн** человек. Таким образом, общее соотношение между советскими и немецкими **боевыми безвозвратными потерями** составляет **1,3:1**, а не разы и не десятки раз, как это пытаются представить всякие аморальные извращенцы типа афериста **Б.В. Соколова**.

Что касается материального ущерба, понесенного в годы войны, то по самым общим оценкам он был равен потере почти **30 %** национального богатства страны. В частности, в западных районах страны враг полностью или частично разрушил **1710 городов**, более **73 000** деревень, более **100 000** колхозов и совхозов, **65 000** промышленных предприятий, около **6 млн** зданий, лишил крова **25 млн** советских людей.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфилов В.А.* Начало Великой Отечественной войны. М., 1962
Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. М., 1989
Анфилов В.А. Грозное лето 41-го года. М., 1995
Анфилов В.А. Загадка 1941 года. О войне под разными ракурсами. М., 2005
Бережков В.М. Тегеран 1943. М., 1988
Бухнер А. 1944. Крах на Восточном фронте. М., 2006
Бухнер А. 10 Сталинских ударов глазами немцев. М., 2009
Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны. М., 1995
Гареев М.А. Сражения на военно-историческом фронте. М., 2008
Гланц Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М., 2007
Гончаров В.А. Битва за Днепр. 1943 г. М., 2006
Горьков Ю.А. Ставка. Кремль. Генштаб. Т., 1995
Городецкий Г. Миф «Ледокола»: накануне войны. М., 1995
Давыдков В.И. Анализ Курской битвы (историко-документальная эпопея). К., 2005
Дементьев В. Курская битва. М., 1983
Жилин П.А. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М., 1966
Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005
Замулин В.Н. Курский излом. Решающая битва Отечественной войны. М., 2007
Исаев А.И. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М., 2004

- Исаев А.В.* Котлы 41-го: История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005
- Исаев А.В.* Берлин 45-го. Сражение в логове зверя. М., 2007
- Исаев А.В.* Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008
- Исаев А.В.* 1943-й... От трагедии Харькова до Курского прорыва. М., 2008
- Исаев А.В.* Триумф в наступлении и обороне: от Висло-Одерской до Балатона. М., 2008
- Исаев А.В.* Мифы и правда о маршале Жукове. М., 2010
- Исаев А.В.* Освобождение 1943. От Курска и Орла война нас довела. М., 2013
- Корниш Н.* Курская битва: Величайшее в истории танковое сражение: июль 1943. М., 2013
- Куманев Г.А.* Проблемы военной истории Отечества (1938–1945 гг.). М., 2007
- Лопуховский Л.Н.* 1941. Вяземская катастрофа. М., 2008
- Марамзин В.* Военное искусство в битве под Москвой. М., 1974
- Мартиросян А.Б.* «Трагедия 22 июня: блицкриг или измена? Правда Сталина». М., 2012
- Мерцалов А.Н.* Сталинизм и война. М., 1998
- Муриев Д.* Провал операции «Тайфун». М., 1972
- Нарочницкая Н.А.* Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну. М., 2009
- Павленко Н.Г.* Была война. Размышления военного историка. М., 1994
- Ржешевский О.А.* Вторая Мировая война: мифы и реальность. М., 1984
- Ржешевский О.А.* История второго фронта: война и дипломатия. М., 1988
- Самсонов А.М.* Поражение вермахта под Москвой. М., 1981
- Самсонов А.М.* Вторая мировая война. М., 1985
- Самсонов А.М.* Сталинградская битва. М., 1989
- Самсонов А.М.* Москва, 1941 год. М., 1991
- Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1999
- Фалин В.М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000
- Фалин В.М.* Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну. М., 2009
- Фролов М.И.* Тщетные потуги: против принижения роли СССР в разгроме фашистской Германии. Л., 1986
- Фролов М.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в немецкой историографии. СПб., 2008
- Шапошников Б.М.* Битва за Москву. Решающее сражение Великой Отечественной войны. М., 2011
- Шишов А.В.* Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2001